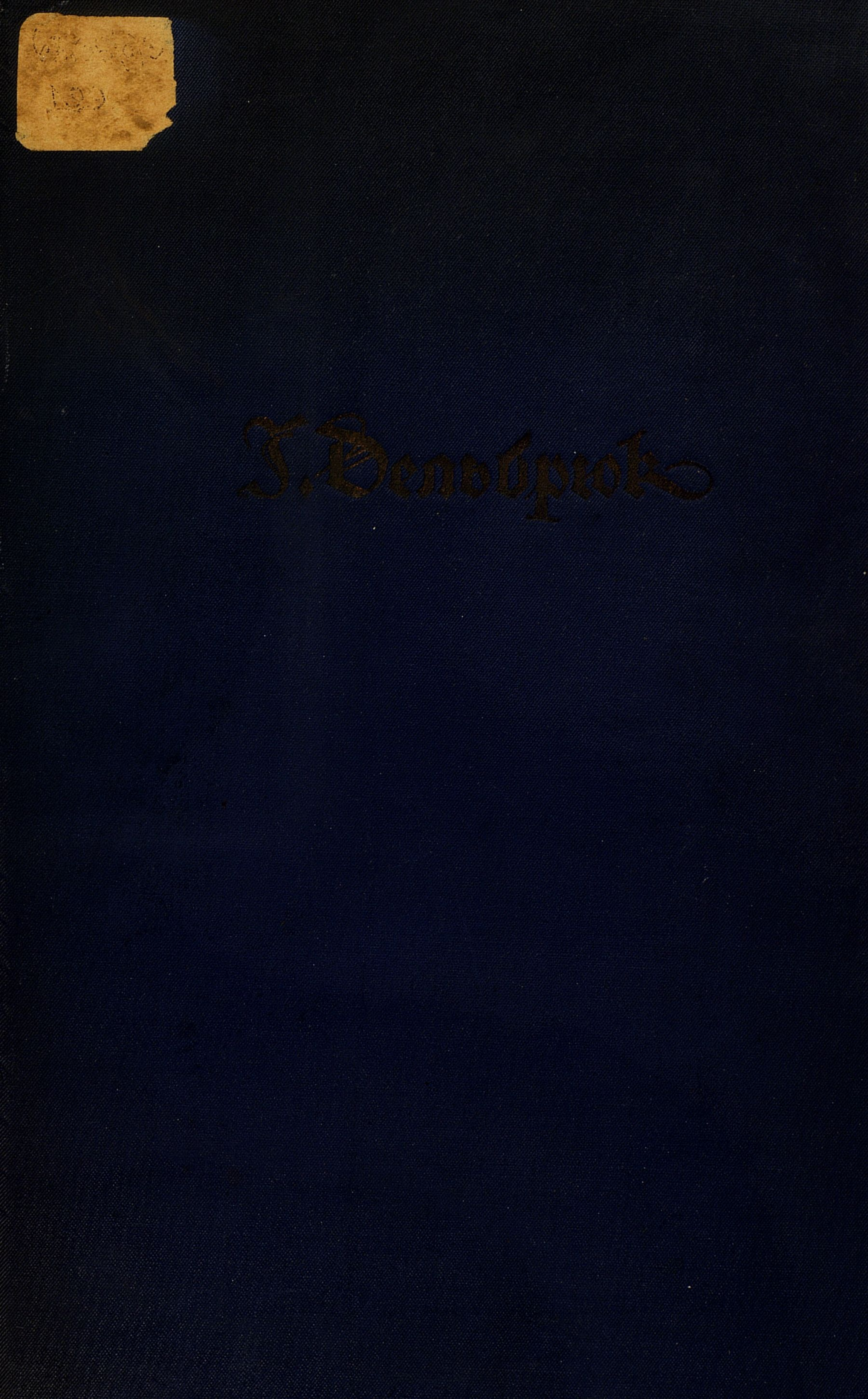

Г. Дельбрюк

ВОЕНИЗДАТ

Hans Delbrück

Geschichte der Kriegskunst

IM RAHMEN DER POLITISCHEN GESCHICHTE

ZWEITER TEIL

DIE GERMANEN

DRITTE, NEU DURCHGEARBEITETE UND VERVOLLSTÄNDIGTE AUFLAGE

VERLAG VON GEORG STILKE
BERLIN 1921

Ганс Дельбрюк

История военного искусства

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ВТОРОЙ
ГЕРМАНЦЫ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО И ПРИМЕЧАНИЯ ПРОФ. В. АВДИЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1937

Ганс Дельбрюк

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ВТОРОЙ

ГЕРМАНЦЫ

Перевод с немецкого и примечания
проф. В. И. Авдиева

Придерживаясь метода, принятого в I томе для исследования вопросов военного искусства народов античного типа, Г. Дельбрюк во II томе своего труда дает развернутый анализ тех же вопросов в отношении германцев, базируясь при этом на борьбе последних с римлянами и освещая попутно условия, при которых происходил закат военного могущества Римской империи и образование германо-романских государств.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В предисловии к 3-му изданию настоящего труда проф. Г. Дельбрюк следующим образом рекомендует его читателю: «Но мне лично кажется, что наиболее важным является II том. Именно он глубже и сильнее всего взрывает установленные всемирно-исторические концепции, разрушая легендарные представления о гибели античного мира и переселении народов».

В действительности и в малой мере автору не удалось обосновать этот смелый тезис.

Принципиальная историческая позиция автора достаточно известна. От Дельбрюка, продолжателя традиции «немецкой исторической

Под предисловием к русскому изданию II тома труда Ганса Дельбрюка „История военного искусства в рамках политической истории. Германцы", на стр. 13-й, по техническому недосмотру, выпала фамилия автора предисловия Л. Л. РАКОВА.

Издательство

военного искусства», подтверждаются постоянной апологией императорской власти на страницах II тома и, разумеется, широко развернуты в работах по военной истории нового времени.

Широкий хронологический охват сочинения приводит автора к необходимости хотя бы кратко касаться самых разнообразных вопросов истории римского общества: и экономических, и политических, и, как выражается Дельбрюк, «духовно-нравственных». Наконец, исключительный, так сказать, «профессионально-военный» реализм,

Ганс Дельбрюк

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ВТОРОЙ

ГЕРМАНЦЫ

Перевод с немецкого и примечания
проф. В. И. Авдиева

Придерживаясь метода, принятого в I томе для исследования вопросов военного искусства народов античного типа, Г. Дельбрюк во II томе своего труда дает развернутый анализ тех же вопросов в отношении германцев, базируясь при этом на борьбе последних с римлянами и освещая попутно условия, при которых происходил закат военного могущества Римской империи и образование германо-романских государств.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В предисловии к 3-му изданию настоящего труда проф. Г. Дельбрюк следующим образом рекомендует его читателю: «Но мне лично кажется, что наиболее важным является II том. Именно он глубже и сильнее всего взрывает установленные всемирно-исторические концепции, разрушая легендарные представления о гибели античного мира и переселении народов».

В действительности и в малой мере автору не удалось обосновать этот смелый тезис.

Принципиальная историческая позиция автора достаточно известна. От Дельбрюка, продолжателя традиции «немецкой исторической школы», нечего ждать выявления закономерной зависимости форм войны и способов ее ведения от уровня развития производительных сил и характера данного общества.

Как известно, в своей практической работе историк, изучающий сколько-нибудь широкую тему, не сможет изолировать факты от своего мировоззрения. Вместе с тем, самая практика исторического исследования неизбежно подведет историка к попыткам установить причинную связь между изучаемым фактом и рядом явлений в сфере общественной жизни или в области экономики, — явлений, которые в свою очередь представляют собою факты исторического процесса. Это противоречие между теоретической установкой и результатом практической работы мы часто встречаем у буржуазных ученых. Но в особенно яркой форме эта коллизия выступает в труде Дельбрюка.

Дельбрюк — человек политически активный. Его монархические убеждения декларируются в авторском предисловии к I тому «Истории военного искусства», подтверждаются постоянной апологией императорской власти на страницах II тома и, разумеется, широко развернуты в работах по военной истории нового времени.

Широкий хронологический охват сочинения приводит автора к необходимости хотя бы кратко касаться самых разнообразных вопросов истории римского общества: и экономических, и политических, и, как выражается Дельбрюк, «духовно-нравственных». Наконец, исключительный, так сказать, «профессионально-военный» реализм,

сочетающийся с блестящим владением первоисточниками и склонностью к историческим ассоциациям, постоянно заставляет автора обращаться к темам, далеко выходящим за рамки специально военных интересов. Это ясно и самому Дельбрюку, — иначе его труд не мог бы, как полагает автор, «взрывать установленные всемирно-исторические концепции».

Таким образом, книга Дельбрюка характеризуется прежде всего глубокой внутренней непоследовательностью: с одной стороны, стремлением изолировать историю военного искусства от фактов и факторов политической истории, а с другой — отступлением от этого принципа — попытками связать и объяснить факты военной истории привлечением данных социально-экономической жизни.

Пока Дельбрюк занят разбором чисто военной стороны дела, — скажем, разбором той или иной операции, — он с большим искусством анализирует источники и воссоздает обстановку. Укажем хотя бы на разбор сражения при Адрианополе 378 года.

Традиционные представления о грандиозной численности варварских войск (сотни тысяч) ставятся под законное сомнение анализом Дельбрюка. В самом деле, в новейшей историографии мы встречаем убеждение (на основе свидетельства Евкапия) в том, что численность готского войска равнялась 200 000 чел., из чего, в свою очередь, следует вывод об общей численности готов, принятых на римскую службу, в 1 000 000 чел. (см., например, Ф. И. Успенский, «История Византийской империи», т. I, стр. 154). Дельбрюк же полагает, что число вооруженных готов равнялось, самое большее, 15 000, исходя из следующих соображений. Император Валент получил сведения о наступлении 10 000-ной армии противника; по мнению Дельбрюка, это сообщение и послужило причиной, побудившей императора дать бой, не дожидаясь соединения с армией императора Грациена: превосходство в силах, казалось, предрешало исход боя в пользу римлян. Правда, источник (Аммиан) добавляет, что эта цифра (10 000) оказалась ошибочной. На этом основании «современные историки», — говорит Дельбрюк, — «решили, что эти 10 000 воинов были не в чем иным, как какой-либо головной частью авангарда, каким-либо его передовым отрядом. Но этого совершенно нет у Аммиана, и такого рода соображение совершенно исключается всем ходом событий» (стр. 230). Ошибка римских патрулей, оговоренная Аммианом, по мнению Дельбрюка, «должна была быть ограничена какими-то определенными пределами. Это войско, на которое напал Валент, полагая, что перед ним находится 10 000 чел., не могло на самом деле насчитывать 100 000 или даже 200 000 человек. Таким образом, ясно, что Валент шел на сражение, уверенный в том, что противник... насчитывает приблизительно 10 000 чел. На самом деле он был сильнее, уверяет нас Аммиан, но это «сильнее» ни в каком случае не могло обозначать тройного или хотя бы даже двойного перевеса

сил, так как даже 20 000 человек вместо 10 000 уже являются такой разницей, которую должны были бы заметить римские военачальники во время наступления римского войска» (там же).

Установив, что число готов в сражении при Адрианополе не превышало 12 000, — в крайнем случае 15 000 чел., — Дельбрюк подкрепляет свои соображения, кроме того, следующим доводом: согласно данным Аммиана, римляне при своем наступлении заметили неприятельское круглое укрепление, сделанное из телег... Не устанавливая каких-либо точных границ, все же можно сказать, что такое укрепление, сделанное из телег, может всегда заключать внутри себя лишь очень небольшое войско. Потребовалось бы много дней для того, чтобы составить в один круг десятки тысяч телег, да к тому же это было бы вообще невозможным делом вследствие неровностей почвы. Свои выводы о численности готского войска Дельбрюк подтверждает компетентным разбором условий местности, числом и характером дорог, анализом походного порядка готов в связи с дислокацией римских войск. Эти соображения, наконец, Дельбрюк заканчивает сопоставлением с данными наступления на Адрианополь Дибича в кампании 1829 г.

В настоящем томе наибольший интерес представляют главы, посвященные войнам римлян с германцами в I веке нашей эры. Автором проделана большая работа по изучению маршрута походов, по исследованию этнического состава германцев и по выяснению противоречивых указаний источников. Дельбрюк использует почти все виды источников, — как литературную историческую традицию, так и данные эпиграфики и археологические материалы.

Описывая борьбу римлян с германцами, Дельбрюк пытался сохранить видимость «исторической объективности», отдавая известную дань восхищения римской армии. Однако, прежде всего он руководствуется стремлением показать превосходство германцев и теряет всякое чувство меры, когда превозносит «доблести» германского оружия. Здесь в подчеркнутой форме выступает шовинистический национализм Дельбрюка. Помимо преклонения перед храбростью германцев, Дельбрюк с удовольствием останавливается на всякой возможности отметить «врожденное» стратегическое дарование германской знати. «И если даже мы не можем извлечь тактических выводов из описания этого сражения», — пишет Дельбрюк, — «если военно-политическая связь событий остается для нас неясной, то все же это сражение представляет для нас большой интерес с точки зрения военной истории, так как оно прежде всего снова показывает нам в германском князе природного стратега» (стр. 229—30).

Дельбрюк прекрасно сознает свои преимущества специалиста по военному делу среди историков древности. Он ядовито отмечает недоразумение с наивным в вопросах военной истории ученым лингвистом,

предложившим новое толкование текста (фронтика): цифры, относящиеся к длине дороги, уменьшить и отнести к ширине. В результате такого эксцентричного предположения ширина римской военной дороги, проложенной к тому же в условиях боевой обстановки, приближается к измерениям современной автострады.

Но когда речь заходит о вопросах, имеющих не только узко-военное значение, Дельбрюк сам оказывается в положении, аналогичном только что разоблаченному им самим.

Обратимся к одному из основных разделов книги, к главе X — «Упадок и разложение римского военного искусства». Внимание читателя привлекает здесь прежде всего тот парадоксальный тезис, что до конца правления династии Северов—235 г. — Римская империя не переживала упадка.

«Следует только резко подчеркнуть, что здесь ни в коем случае мы не имеем дела с прогрессирующим процессом загнивания... И в хозяйственном отношении Римская империя до этого времени, конечно, еще не клонилась к упадку, как об этом часто до сих пор еще пишут и говорят» (стр. 175 и 176).

Дальше следует идиллическая картина «римского мира», упроченного, в частности, тем, что «вместо бессемейных орд рабов на землю все больше и больше садились семьи, которые взращивали детей и тем увеличивали численность населения» (стр. 176).

Таким образом, кризис III века есть совершенно внезапное явление, отнюдь не подготовленное предыдущим процессом. Та относительная стабилизация римской государственности, выражением которой являлся принципат I—II веков, представляется автору «Истории военного искусства» абсолютным процветанием. Великое восстание рабов II—I веков, до н. э. широкий размах крестьянского движения, союзническая война, борьба аристократии и демократии в Риме, борьба императоров с сенатской оппозицией — весь этот комплекс общественных противоречий, который историография определяла термином «эпохи гражданских войн» и который мы называем первым этапом революции рабов, вообще выпадает из работы Дельбрюка. Абстрагируясь от конкретной гражданской истории древности, от истории классовой борьбы, Дельбрюк, естественно, не может и не хочет видеть шаткости того базиса, на котором держалась Римская империя, — системы рабства, давно вступившей в критическую стадию.

Но катастрофа III века, тем не менее, очевидна и для Дельбрюка. Посмотрим, как же он пытается ее объяснить.

Экономика, по его мнению, находится в цветущем состоянии:

«В то время как раньше более или менее крупное значение имели лишь приморские города, теперь выросло много городов, лежавших на реках внутри страны. Поколение за поколением люди строились на сети дорог, которая становилась все гуще и гуще. Громадный адми-

нистративный аппарат, объединявший все государство, функционировал в строгом порядке... Если мы зададим вопрос о духовно-нравственном состоянии римского населения, то, конечно, нельзя будет даже и говорить о каком-либо вырождении... Даже сама гражданская война не обнаруживает в людях ничего старчески дряхлого... Таким образом, во всех этих явлениях мы не должны искать причин падения империи. Цветущая и прогрессивно развивавшаяся хозяйственная жизнь не могла вдруг и на длительное время резко изменить свой облик, дав внезапно совершенно противоположную картину, да и сам характер римского народа не мог сам по себе настолько измениться, чтобы государство распалось. Здесь скорее происходит крупное политическое изменение, которое находит свое яркое выражение в самом мощном орудии политики—в армии» (стр. 176—177).

Следующий абзац открывает основную, по мнению автора, причину кризиса. Это, оказывается, противоречие между наследственным принципом монархической власти и притязаниями и правами полководцев.

«И это внутреннее противоречие никогда не было преодолено и не могло быть преодолено».

Пока удавалось армии и сенату договориться друг с другом и благодаря этому установить твердую власть — все шло хорошо.

«Когда же этого, наконец, не удалось больше сделать, то тем самым наступил кризис, который и привел к окончательному крушению. Основным моментом здесь является перемена, произошедшая в армии» (стр. 177).

То обстоятельство, что Рим не смог полностью романизировать провинции, привело к развитию национальной обособленности армии, составлявшейся к этому времени из населения провинций. И так как вскрытое выше противоречие императорской власти теперь выявило себя, «наступило такое время, когда толчок следовал за толчком. Солдаты потеряли чувство того, что они зависят от императора, а императоры стали зависеть от солдат... Непрерывная смена провозглашений и убийств императоров, постоянная гражданская война и переход от одного правителя к другому разрушили тот цемент, который скреплял до этого времени твердое здание римской армии — дисциплину, которая составляла боевую ценность легионов... Но гражданская война, в связи с внезапно развившимся естественным процессом, влекла за собой и хозяйственную катастрофу, которая вовлекла в свой водоворот римское военное дело и в конце концов поглотила его».

Такова картина кризиса в изображении Дельбрюка. Это исключительно яркий пример того, что основоположники марксизма называли «идеологическим мышлением». Исторический процесс приобретает, так сказать, «обратный ход»; в основу процесса кладется производный фактор, а основной фактор понимается как производный, следствие

понимается как причина, а причина становится следствием — естественный результат идеалистического метода исследования.

В самом деле, в основе общего кризиса римского общества лежит, как оказывается, характер государственной власти, и все дело в том, что «римская императорская власть не была похожа на современные династии»,—положение, особенно комично звучащее в наши дни!..

Итак, отсутствие наследственного принципа определило разрушение дисциплины в армии (без частой смены императоров армия не разложилась бы), разрушение дисциплины вызвало гражданскую войну, а гражданская война привела к экономической катастрофе.

Но какого же рода была эта катастрофа? Тут мы встречаемся с открытием, неожиданным даже для коллег Дельбрюка по работе в области древней истории: оказывается, хозяйственная катастрофа была обусловлена истощением рудников, что повлекло за собой нехватку благородных металлов (стр. 179). Это—и только это—обстоятельство привело Рим к экономическому краху. Таким образом, даже обращаясь к сфере экономики, Дельбрюк и здесь кладет в основу процесса не первичный фактор—производство, а вторичный—денежное обращение. Он даже вступает в острую полемику с Вебером, Зееком и Домашевским, концепции которых никак не удовлетворяют нашего автора. В этой полемической части он снова настойчиво проводит свою схему:

«И эта неуверенность в своем правовом положении являлась органической ошибкой в природе власти императора, которая сделала невозможным преодоление возникших хозяйственных трудностей (валютный кризис), а также и политических (появление сепаратизма), разложила дисциплину в легионах, вызвала необходимость приема на военную службу варваров и тем самым привела, наконец, империю к гибели».

Последнее звено схемы Дельбрюка раскрывается таким образом: натурализация хозяйства повлекла за собой образование милиционных крестьянских пограничных поселений. При этих условиях, наиболее сильными в тактическом отношении и наиболее мобильными частями армии оказались варварские наемные части.

«Войско римского государства становится германским. Римские легионы в конце концов не были побеждены и преодолены варварами, но были заменены сыновьями Севера».

Вот та система, которая, по мнению автора, «взрывает установленные концепции».

Мы отмечали только что последовательно «обратный» ход рассуждений Дельбрюка: от политической надстройки, кажущейся ему причиной и основой процесса, к экономическому базису. Но дело не только в этой главной ошибке. Схема Дельбрюка не выдерживает критики и в каждом отдельном звене. Почему «неуверенность императо-

ров в своем правовом положении» выявилась только в III веке? Почему эта «органическая ошибка» не решила дела раньше (или позже)? Какие основания дают смелость Дельбрюку утверждать, что государственный аппарат «функционировал в строгом порядке»? Это аппарат, чиновники которого, по выражению римских граждан, «наподобие хищных зверей, не жуют, но глотают свою жертву; они не только грабят, как разбойники, одно имущество, но раздирают жертву и, так сказать, напояются ее кровью» (Сальвиан). Это аппарат, работу которого Энгельс охарактеризовал словами: «Чем больше разлагалась империя, тем выше становились налоги, тем бесстыднее грабили и выжимали чиновники» («Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Компенсировало ли относительное развитие ряда областей (Галлия, Африка, Британия) в течение II века упадок центральных, ведущих районов? Плиний думал иначе, когда пришел к своей знаменитой формуле: «Латифундии погубили Италию, а также и провинции». Истощение рудников — никак не доказанное предположение. Дельбрюк сам указывает, что мавры эксплоатировали испанские рудники, сомневаясь при этом, идет ли речь о старых или открытых вновь на той же территории.

«Духовно-нравственное состояние» римского общества достаточно характеризуется стоицизмом, распространением мистических учений и т. п.

«Проявления сепаратизма» наблюдаются на всем протяжении римской истории, начиная от эпохи великих завоеваний.

Вся схема Дельбрюка представляет собой голую абстракцию, «профессорскую химеру», ничего общего с реальной римской историей не имеющую. Для Дельбрюка совершенно скрыты основные факторы развития римского общества. Он не понимает (или не хочет понимать), что основу римского хозяйства составляло рабство в его классической форме. Он не понимает (или не хочет понимать), что развитие элементов товарности, достигшее столь высокой степени в эпоху расцвета, было подорвано уничтожением крестьянства, превращенного ростом рабства в люмпенскую массу городов. Он не понимает (и здесь уж, конечно, не хочет понимать), что эксплоатация колонов отнюдь не способствовала увеличению численности населения, что колонат являлся выражением кризиса, попыткой рабовладельца сохранить свое господство и привычные масштабы потребления в новой обстановке, в условиях кризиса, в условиях сокращения рынка. Дельбрюк, конечно, знает, какими красками рисовал Плиний положение своих колонов («истощивших силы», «разоренных»), за 100 лет до наступления кризиса по хронологии и об учреждении (еще императором Нервой, в последние годы I века) алиментарных фондов (субсидий беднякам для воспитания детей), свидетельствующих о катастрофическом положении крестьян-

ства и об убыли населения. Он знает и о массовом бегстве крестьян к границам, к варварам, как знает и о восстаниях «багаубов» (галльских колонов) в эпоху кризиса. И именно это внедрение методов вне-экономического принуждения по отношению к лично-свободному до сих пор населению — закрепощение колонов, наследственное прикрепление к мастерским городских рабочих и ремесленников — вызвало новый подъем революционного движения. На этот раз восстания рабов, колонов и городской массы сливаются в едином потоке. III век начинает второй этап революции рабов, и в течение двух столетий восстания идут беспрерывной волной, захлестывая все провинции. Карательные экспедиции едва успевают подавить восстание, как оно снова всплывает с новой силой. Багаубы были разгромлены Максимилианом в конце 80-х годов III века, но термин «багаубство», как и поджоги поместий, мы встречаем до тех пор, пока революционное движение в соединении с варварским завоеванием не уничтожило рабовладельческого общества и государства.

Аналогичные события разворачиваются в Африке и на Балканском полуострове.

Конечно, не от кастового ученого германского университета ждать правильного освещения исторического процесса. Но консервативная тенденциозность изложения и абстрактность метода Дельбрюка выделяются даже среди буржуазных историков.

Это особенно ярко сказывается на изложении событий конца Римской империи. Уже по содержанию I тома читатель мог убедиться, что Дельбрюк дает, в сущности, только историю отдельных сражений. II том — еще показательнее. Дельбрюк абсолютно сбрасывает со счетов основной фактор исторического процесса и, в то же время, основной стратегический фактор войн римлян с германцами — революционное движение. Успех германцев (конечно, дело не в исходе отдельного сражения) был обусловлен не только качеством и составом римской армии, комплектовавшейся из варваров же (впрочем, честно служивших императорскому правительству), и, разумеется, не «врожденными стратегическими талантами» германских вождей (ведь этими талантами в равной мере обладали и состоявшие на римской службе полководцы (варваров), а в огромной степени тем, что население империи считало германцев за своих освободителей. Правда, Дельбрюк мимоходом указывает, что к готам, например, присоединились беглые рабы, — в частности фракийские горнорабочие. Но значения этому обстоятельству он не придает. Между тем, источник (Аммиан Марцеллин) дает замечательный материал к вопросу о стратегии этих войн: «Готы расселились по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сами сдавшиеся римляне, их земляки или пленники указывали на богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Со дня на день присоединялось к ним множество земляков из

тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или же за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники» (XXXI, 6. 5—6).

Ту же картину мы видим и на западе: римский плебей испытывает, как рассказывает Сальвиан, единственное желание — уйти от римских законов.

С этим единым фронтом рабов, колонов и варваров римское рабовладельческое общество и государство справиться не могли. Исход борьбы был предрешен.

«Революция рабов, — говорит т. Сталин, — ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся» («Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 527. Партиздат, 1934 г.).

Установленные буржуазной наукой всемирно-исторические концепции действительно взорваны. Они взорваны учением основоположников и классиков марксизма, учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Большой материал, собранный Дельбрюком, и данный им разбор исторических фактов заслуживают внимания изучающих историю военного искусства. Однако, при всей эрудиции автора и искусстве его аналитических приемов книга Дельбрюка консервативна даже для современной ему буржуазной исторической науки, ибо принадлежат перу реакционного писателя и историка.

ГЕРМАНЦЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Это третье издание отличается от второго издания, появившегося в 1909 г., лишь рядом небольших добавлений и исправлений, как, например, в отделе об организации военного дела у вестготов. Моя концепция в общем осталась прежней, и хотя отдельные ее пункты подверглись критике, я все же не нашел достаточных оснований для того, чтобы их видоизменить; напротив, я смог их усилить новыми аргументами. В частности, я здесь имею в виду мое понимание сущности и значения германского клинообразного боевого порядка и мое указание на то, что крепость Ализо находилась на той возвышенности, где ныне стоит собор в Падерборне.

Между тем появился в свет IV и последний том этого моего труда (1920) [1], изложение которого доходит до Наполеона и Клаузевица. И так как один австрийский критик в связи с этим указал на то, что двумя важнейшими фундаментальными положениями этого труда являются сокращение высоких цифр численного состава армий и вскрытие различия между стратегией сокрушения и стратегией измора, то можно было бы, исходя из этого, притти к тому выводу, что наиболее важными являются I и IV томы. Но мне лично кажется, что наиболее важным является II том. Именно он глубже и сильнее всего взрывает установленные всемирноисторические концепции, разрушая легендарные представления о гибели античного мира и переселении народов. В то же время в нем имеется и положительное построение, в частности — обоснование того тезиса, что союз между Константином и христианской церковью повлек за собой изменение военной организации, а кроме того, — установление сущности ленной системы и рыцарства. В основе этого лежит та полярная противоположность между отдельным бойцом и тактической единицей, которая имеет столь большое значение в военном деле. Разработка этого вопроса является основной частью III тома.

Ганс Дельбрюк.

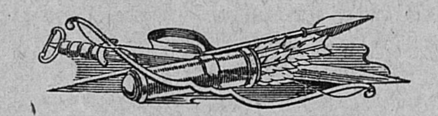
Грюневальд, 29 июля 1921 г.

[1] Позднее появились еще V, VI и VII томы, но они были обработаны не самим Г. Дельбрюком, а по его поручению Э. Даниельсом, что и отмечено в предисловии последнего к V тому. — *Ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРЬБА РИМЛЯН С ГЕРМАНЦАМИ

Глава I

Древнейший общественный строй германцев

ЧТОБЫ понять организацию военного дела германцев, необходимо сперва изучить социально-политические условия жизни этого народа.

Германцы, подобно галлам, не знали политического единства. Они распадались на племена, из которых каждое занимало в среднем область с площадью, равной приблизительно 100 кв. милям [1]. Пограничные части области не были населены из опасения неприятельского нашествия. Поэтому можно было даже из самых отдаленных поселков достигнуть расположенного в центре области места народного собрания в течение однодневного перехода.

Так как очень большая часть страны была покрыта лесами и болотами и поэтому жители ее лишь в очень незначительной степени занимались земледелием, питаясь, главным образом, молоком, сыром и мясом, то средняя плотность населения не могла превышать 250 человек на 1 кв. милю. Таким образом, племя насчитывало приблизительнс 25 000 человек, причем более значительные племена могли достигать 35 000 или даже 40 000 человек. Это дает 6 000—10 000 мужчин, т. е. столько, сколько в самом крайнем случае, учитывая 1 000—2 000 отсутствующих, может охватить человеческий голос и сколько может образовать целостное и способное обсуждать вопросы народное собрание. Это всеобщее народное собрание обладало высшей суверенной (верховной государственной) властью.

---

[1] Немецкая (географическая) миля равна 7 420 *м*. — Ред.

Племена распадались на роды, или сотни. Эти объединения называются родами, так как они были образованы не произвольно, а объединяли людей по естественному признаку кровной связи и единства происхождения. Городов, в которые могла бы отливать часть прироста населения, образовывая там новые связи, еще не было. Каждый оставался в том союзе, внутри которого он родился. Роды назывались также сотнями, ибо в каждом из них насчитывалось около 100 семей или воинов [1]. Впрочем эта цифра на практике часто бывала больше, так как германцы употребляли слово «сто, сотня» в смысле вообще большого округленного числа. Цифровое, количественное наименование сохранялось наряду с патриархальным, так как фактическое родство между членами рода было очень далеким. Роды не могли возникнуть в результате того, что первоначально жившие по соседству семьи в течение столетий образовали крупные роды. Скорее следует считать, что слишком разросшиеся роды должны были разделиться на несколько частей для того, чтобы прокормиться на том месте, где они жили. Таким образом, определенный размер, определенная величина, определенное количество, равное приблизительно 100, являлись образующим элементом объединения наряду с происхождением. И то и другое давало свое название этому союзу. Род и сотня тождественны.

Род (или сотня), в состав которого входили, как мы можем предположить, от 400 до 1 000, а иногда, может быть, и до 2 000 человек, владел округом с площадью, равной одной или нескольким кв. милям, и населял деревню. Германцы строили свои хижины не стена к стене, не фасадом к фасаду, а так, как они это находили удобным, в зависимости от места расположения леса или ручья. Но в то же время это не были и отдельные хутора, подобно тем, которые теперь преобладают во многих частях Вестфалии. Это были скорее общие поселки с отдельно стоящими и широко разбросанными постройками. Земледелие, которым, главным образом, занимались женщины и те из мужчин, которые не годились для охоты и для войны, имело очень незначительное распространение. Чтобы иметь возможность обрабатывать нетронутую и плодородную почву, германцы часто переносили свои поселки с одного места на другое внутри своего округа. Даже в более поздние времена германское право относило дом не к недвижимости, а к движимому имуществу. Хотя, как мы это уже видели выше, на 250 человек населения приходилась в среднем 1 кв. миля площади, а на одну деревню с населением в 750 человек [2] приблизительно 3 кв. мили, тем не менее не было никакой возможности использовать очень много пахотной земли иначе, как посредством этих переносов. Германцы не были уже кочевниками, но все же они были очень слабо связаны с землей и с почвой.

---

[1] Согласно Цезарю (VI, 21), германцы не вступали в брак ранее 20 лет. Но они не могли обзаводиться семьями и значительно позднее этого возраста, так как в таком случае невозможно было бы полностью соблюдать существовавший у них строгий обычай целомудрия. В общине, состоявшей из 100 семей, из ста мужчин, стоявших во главе семей, выпадали, таким образом, в качестве воинов старики, инвалиды, больные и те, которые случайно не могли выступить в поход. Но это количество приблизительно уравновешивалось совсем молодыми людьми в возрасте от 14 до 20 лет, которые вступали в ряды воинов.

[2] Предположение, что германская деревня насчитывала приблизительно 750 душ населения, было недавно поразительным образом подтверждено результатами археологического исследования. Кикебуш в своей диссертации «Влияние

Члены рода, являвшиеся в то же время соседями по деревне, образовывали во время войны одну общую группу, одну орду. Поэтому еще теперь на севере называют военный корпус «thorp», а в Швейцарии говорят «деревня» — вместо «отряд», «dorfen» — вместо «созывать собрание», да и теперешнее немецкое слово «войско», «отряд» (Trupре) происходит от этого же самого корня. Перенесенное франками к романским народам, а от них вернувшееся в Германию, оно до сих пор хранит воспоминание об общественном строе наших предков, уходящем в такие древние времена, о которых не свидетельствует ни один письменный источник. Орда, которая шла вместе на войну и которая вместе селилась, была одной и той же ордой. Поэтому из одного и того же слова образовались названия поселения, деревни и солдат, войсковой части [1].

Таким образом, древнегерманская община является: деревней — по типу поселения, округом — по месту расселения, сотней — по своим размерам и родом — по своим внутренним связям. Земля и недра не составляют частной собственности, а принадлежат совокупности этой строго замкнутой общины. Согласно более позднему выражению, она образует областное товарищество (Markgenossenschaft).

Римляне не имели в своем языке соответствующих слов, которые могли бы целиком выразить все эти понятия, поэтому они были принуждены прибегать к описательным оборотам. Латинское слово «род» (gens), которое ближе всего подошло бы для этой цели, уже превратилось в почти лишенную всякого содержания форму и потому не могло вызвать в римлянах никакого представления. Поэтому германские роды Цезарь называет «роды и родственные союзы людей, совместно обрабатывающих землю», для того чтобы выразить мысль, что в этих поселениях имеется налицо подлинная кровная связь. Тацит говорит, что «семьи и близкие родственники» стояли в поле всегда рядом и что «совокупности» (universi) совместно владели пахотной землей. Равным образом и Павел Диакон еще ясно чувствовал, что это явление германской жизни не может быть точно передано никаким латинским словом. Поэтому он сохранил германское слово «fara» (род, того же корня, что латинский глагол «pario», «peperi» — рождаю) в своей книге, написанной по-латински, причем он прибавил к нему три латинских перевода: «роды», «линии родства», «фамилии» (generationes, lineas, prosapias)[2]. Также трудно было перевести и германское слово «деревня». Римская деревня была маленькой и замкнутой, построенной наподобие города. Поэтому, для того чтобы дать представление о более разбросанных и более обширных германских поселениях, занимающих большую территорию, Тацит называл их «деревни и сельские округа».

римской культуры на германскую в свете изучения курганных погребений Нижнего Рейна» (Alb. Kiekebusch, «Der Einfluss der römischen Kultur auf die germanische im Spiegel der Hügelgräber des Niederrheins», Berlin 1908) полагает численность населения деревни Дарцау по крайней мере в 800 человек, исходя из размеров погребального поля, на котором местные жители хоронили свои погребальные урны. Однако, против этого возражал Кауфман (Kaufmann, «Zeitschrift für deutsche Philologie», 1908, S. 456).

[1] Ср. Braune, «Zeitschrift für romanische Philologie», XXII, S. 212.

[2] «Он не согласится (принять власть), если ему не позволят выбрать себе фары лангобардов, т. е. роды или линии родства. И это было сделано; король согласился и разрешил, чтобы он получил важнейшие роды лангобардов и чтобы они при нем находились». Павел Диакон, II, 9.

Во главе каждой общины стоял избираемый чиновник, который носил название «альдерман» (старейшина), или «хунно», подобно тому как община называлась либо «родом», либо «сотней». Ульфила называет евангельского сотника (центуриона) «хундафат». У англо-саксов мы встречаем аналогичный термин «эльдермен», а в Норвегии — «Herredsönige», «Hersen». В Германии слово «хунно» сохранялось в течение всех Средних веков в названиях «хунне», «хун», «хундт», обозначающих сельского старосту. Это слово существует еще и поныне в Семиградье в своей современной форме «хон».

Альдерманы, или хунни, являются начальниками и руководителями общин во время мира и предводителями мужчин во время войны. Но они живут с народом и в народе. В социальном отношении они такие же свободные члены общины, как и все другие. Их авторитет не настолько высок, чтобы сохранить мир при крупных распрях или тяжелых преступлениях. Их положение не настолько высоко, а их кругозор не настолько широк, чтобы руководить политикой. В каждом племени были один или несколько благородных родов, стоявших высоко над свободными членами общины, которые, возвышаясь над массой населения, образовывали особое сословие и вели свое происхождение от богов. Из их среды общее народное собрание выбирало нескольких «князей», «первейших», «principes», которые должны были ездить по округам («по деревням и селам»), чтобы творить суд, вести переговоры с иноземными государствами, совместно обсуждать общественные дела, привлекая к этому обсуждению также и хунни, для того чтобы затем вносить свои предложения на народных собраниях. Во время войны один из этих князей в качестве герцога облекался верховным командованием.

В княжеских родах, — благодаря их участию в военной добыче, дани, подаркам, военнопленным, которые им отбывали барщину, и выгодным бракам с богатыми семьями, — сосредоточились крупные, с точки зрения германцев, богатства [1]. Эти богатства дали возможность князьям окружить себя свитой, состоящей из свободных людей, храбрейших воинов, которые поклялись в верности своему господину на жизнь и на смерть и которые жили вместе с ним в качестве его сотрапезников, обеспечивая ему «во время мира пышность, а во время войны защиту». И там, где выступал князь, там его свита усиливала авторитетность и значение его слов.

Конечно, не было такого закона, который категорически и положительно требовал бы, чтобы в князья выбирался лишь отпрыск одного из благородных семейств. Но фактически эти семьи настолько отдалились от массы населения, что не так-то легко было человеку из

---

[1] Утверждение Цезаря (b. Gall., VI, 22), что у германцев самый могущественный человек имеет имущества не более всякого другого, не следует понимать в буквальном смысле. Эти слова являются лишь риторическим преувеличением того впечатления, которое должен был произвести на римского слушателя рассказ об аграрном коммунизме. Князья, которые держали при себе дружину, кормили ее и снабжали дорогостоящим оружием, должны были владеть крупным имуществом. Поэтому такие люди, как Ариовист или Арминий и его брат Флавий, которые выступали в Риме в качестве знатных людей, должны были, конечно, обладать некоторым богатством. Но в глазах знатных римлян они все же были не чем иным, как простыми рядовыми германцами; к тому же аграрный коммунизм давал германцам такую сильную хозяйственную опору, что Цезарь свободно смог вставить в свое описание эту риторическую фразу, которая не дает нам никаких оснований для того, чтобы истолковать ее в буквальном и прямом смысле и сделать из нее какие-либо дальнейшие выводы.

народа перешагнуть эту черту и вступить в круг благородных семейств. И с какой стати община выбрала бы в князья человека из толпы, который ничем не возвышался бы над всяким другим? Все же нередко случалось, что те хунни, в семьях которых в течение нескольких поколений эта должность сохранялась и которые благодаря этому достигли особого почета, а также и благосостояния, вступали в круг князей. Именно так шел процесс образования княжеских семейств. И то естественное преимущество, которое имели при выборах чиновников сыновья отличившихся отцов, постепенно создало привычку выбирать на место умершего — при условии соответствующей квалификации — его сына. А преимущества, связанные с положением, настолько возвышали такую семью над общим уровнем массы, что остальным становилось все труднее и труднее с нею конкурировать. Если мы теперь в общественной жизни ощущаем более слабое действие этого социально-психологического процесса, то это объясняется тем, что другие силы оказывают значительное противодействие такому естественному образованию сословий. Но нет никакого сомнения в том, что в древней Германии из первоначально выбираемого чиновничества постепенно образовалось наследственное сословие. В покоренной Британии из древних князей появились короли, а из эльдерменов—эрли (графы). Но в ту эпоху, о которой мы сейчас говорим, этот процесс еще не закончился. Хотя княжеское сословие уже отделилось от массы населения, образовав класс, хунни все еще принадлежат к массе населения и вообще на континенте не обособились еще в качестве отдельного сословия.

Собрание германских князей и хунни называлось римлянами сенатом германских племен. Сыновья самых благородных семей облекались уже в ранней молодости княжеским достоинством и привлекались к совещаниям сената. В остальных случаях свита была школой для тех из юношей, которые пытались вырваться из круга свободных членов общины, стремясь к более высокому положению.

Правление князей переходит в королевскую власть, когда имеется налицо лишь один князь или когда один из них отстраняет или покоряет других. Основа и сущность государственного строя от этого еще не изменяются, так как высшей и решающей инстанцией все еще, как прежде, остается общее собрание воинов. Княжеская и королевская власть еще принципиально так мало друг от друга отличаются, что римляне иногда применяют титул короля даже там, где имеются налицо даже не один, а два князя [1]. И королевская власть, так же как и княжеская, не передается по одному лишь наследству от одного ее носителя к другому, но народ облекает этим достоинством имеющего наибольшие на это права посредством выборов или называя его имя криками (par acclamation, durch Zuruf). Физически или умственно неспособный для этого дела наследник мог быть и был бы при этом обойденным. Но хотя, таким образом, королевская и княжеская власть прежде всего отличались друг от друга лишь в количественном отношении, все же, конечно, имело громадное значение то обстоятельство, находилось ли начальство и руководство в руках одного или нескольких. И в этом, несомненно, скрывалось очень большое различие. При наличии королевской власти была совершенно устранена возможность противоречия, возможность предлагать народному со-

[1] Тацит, «Анналы», 13, 54.

бранию различные планы и делать различные предложения. Суверенная власть народного собрания все больше и больше превращается в одни лишь восклицания. Но это одобрение восклицанием остается необходимым и для короля. Германец сохранил и при короле гордость и дух независимости свободного человека. «Они были королями, — говорит Тацит (13, 54), — насколько вообще германцы позволяли собою править».

Связь между округом-общиной и государством была довольно свободной. Могло случиться, что округ, меняя место своего поселения и перемещаясь все дальше и дальше, мог постепенно отделиться от того государства, к которому он ранее принадлежал. Посещение общих народных собраний становилось все более и более затруднительным и редким. Интересы уже изменились. Округ находился лишь в своего рода союзных отношениях с государством и образовал со временем, когда род количественно возрастал, свое особое государство. Прежняя семья хунно превращалась в княжескую семью. Или же случалось так, что при распределении между различными князьями судебных округов князья организовывали свои округа в качестве отдельных единиц, которые они крепко держали в своих руках, постепенно образуя королевство, и затем отделялись от государства. На это нет прямых указаний в источниках, но это отражается в неопределенности сохранившейся терминологии. Херуски и хатты, которые являются племенами в смысле государства (civitates), владеют настолько широкими территориями, что мы скорее должны видеть в них союз государств. Относительно многих племенных названий можно сомневаться, не являются ли они простыми названиями округов. И опять слово «округ» (pagus) может применяться часто не к сотне, но к княжескому округу, который охватывал несколько сотен. Наиболее крепкие внутренние связи находим мы в сотне, в роде, который вел внутри себя полукоммунистический образ жизни и который не так легко распадался под влиянием внутренних или внешних причин.

Моя концепция социально-политического строя германцев, которая существенно отличается от господствующих взглядов, мною впервые изложена и подробно обоснована в 81-м томе «Прусского ежегодника» (3-й вып., 1895 г.). Я приведу здесь еще раз наиболее существенные моменты моей аргументации.

Решающим пунктом является тождество между родом и сотней.

То, что сотня является округом, по моему мнению, уже достаточно хорошо доказано Вайцем. Новейшие исследователи — Зибель, Зикель, Эрхардт, Бруннер, Шредер — приняли вместо этого за округ область, в состав которой входило не менее 2 000 воинов. Однако, такое положение нельзя доказать. Слово «округ» (pagus), о котором прежде всего здесь идет речь, является в римском смысле вообще территориальным округом, подразделением какой-либо страны или местности неопределенных размеров. Цезарь делит гельвециев на четыре «округа». Ясно, что эти округа не только не могли быть сотнями, но даже должны были быть значительно больше тысячи. Поэтому мы должны признать число гельвециев настолько возросшим, что они уже не могли управляться одним общим народным собранием и распались на четыре обособленные единицы, которые объединялись вместе посредством союзных установлений. Так как эти четыре единицы во внешних сношениях всегда выступали в качестве единого целого, то римлянин и назвал государства гельвециев простыми округами. Для разрешения нашего вопроса эти виды округов совершенно исключаются, так же как и «округа» Средних веков, которые приблизительно соответствовали древним племенам.

Максимальной величиной, которую можно принять для древнегерманских округов, является тысяча. О ней можно было говорить до тех пор, пока не было точных представлений о численности и плотности населения германского племени. Если же правильно то, что при тех культурных и экономических условиях, в которых находилась древняя Германия, на одной кв. миле не могло жить, в среднем, больше, чем приблизительно 250 человек, то тем самым отпадает и тысяча. Конечно, мы можем себе представить, что племя, имевшее трех или четырех князей, определяло каждому из них в качестве судебного округ, насчитывавший приблизительно 1 200—2 000 воинов, причем вполне возможно, что даже такой округ порой назывался «pagus» [1]. Но если мы уясним себе существо сотни и характер ее поселения, то уже не сможем сомневаться в том, что римляне, когда они говорили о германских округах, преимущественно имели в виду сотни. И так как саксы даже в позднее Средневековье употребляли для этой же цели слово «го», то мы с полным правом можем применить это же слово в техническом его смысле для обозначения сотен уже в глубокой древности, не отрицая в то же время возможности того, что германцы могли его употреблять в таком же общем смысле, в каком мы теперь употребляем слово «округ».

Мы подходим, таким образом, к сотне. Новейшая гипотеза Бруннера, к которой присоединился и Рихард Шредер, гласит, что сотня являлась персональным союзом, войсковой частью, находившейся под начальством вождя, которая хотя и не всегда точно соответствовала цифре 100, потому что роды должны были всегда, сохраняя свое единство, находиться вместе, однако же время от времени из военных соображений подвергалась регулированию своего численного состава.

Эта гипотеза вызывает против себя следующие возражения. Твердо установлено, что германцы шли на войну, сгруппированные по родам. Но нет никаких оснований предполагать, что эти роды были искусственно сформированы в сотни. Город-государство, подобно Риму, должен был искусственно разделить своих воинов на центурии (сотни) ради поддержания порядка, так как уже не существовало подходящих естественных союзов. Роды же ни при каких обстоятельствах не могли быть столь малочисленны. И если бы роды все же были слишком малы, то деревни во всяком случае дали бы германцам прекрасное основание для подразделения их войска; поэтому совершенно непонятно, почему в течение долгого времени и повсеместно среди всех германцев на протяжении многих столетий должен был укрепляться и окончательно утвердиться искусственный способ персонального деления на сотни.

И это тем более невероятно, что, как мы уже видели, предводителем такого отряда являлся хунно, бывший чиновником, который всегда выступал в этой роли и который, очевидно, был искони существовавшим и собственно предназначенным для этой цели предводителем этой маленькой части. Как могло бы это быть, если бы он стоял во главе менявшегося обычно персонального объединения, если бы сотня не была как раз чрезвычайно прочным и длительным союзом и если бы в этом союзе собственно корпоративная жизнь не пульсировала в нем самом, а пульсировала бы лишь в его подразделениях, в родах?

Наконец—самое решающее соображение: невозможно себе представить, что несколько родов образовывали вместе одну сотню, так как род был для этого слишком велик. Дион Кассий (кн. 71, гл. II) сообщает нам, что германцы заключили мир с Марком Аврелием частично в качестве родов, а частью в качестве племен.

---

[1] В этом отношении Рахфаль прав, говоря («Jahrbuch für National-Ökonomie», Bd. 74, S. 170, Anm.), что я, высказываясь в пользу сотенного округа, все же снова ввожу окольным путем в историю германского права тысячный округ. Ничто не мешает нам принять, что римляне употребляли слово «pagus» (округ) не всегда совершенно точно в одном и том же техническом смысле,—совершенно так же, как это делаем мы по отношению к слову «округ» (Bezirk).

Эти роды никак не могли быть маленькими корпорациями, состоявшими из 10—20 семей. Об этом же самом говорит цитированный нами выше рассказ, приведенный Павлом Диаконом (II, 9). Но если мы будем принуждены представить себе, что роды являлись союзами, состоявшими из 100, а часто и из нескольких сотен воинов, то отсюда само собой будет проистекать, что опять-таки и сотня не могла быть подразделением рода, а что род и сотня были тождественны. Именно этим и только этим объясняется постоянное и длительно существовавшее положение хунно у всех германских народов в качестве начальника рода, или альдермана.

К тому же самому выводу мы приходим, исходя из хозяйственных отношений. Твердо установлено, что именно роды совместно владели землями и раздавали пахотные участки отдельным лицам, причем отсюда не проистекала частная собственность. Помимо приведенных выше свидетельств Диона Кассия и Павла Диакона, совершенно ясно, что в одной деревне не могло жить одновременно несколько родов, ибо это привело бы к установлению не только излишней, но и совершенно невыносимой посредствующей инстанции между отдельной семьей и деревней. Даже еще в более поздние времена [1] деревни в источниках называются «родословиями»; «триба» в древнем верхненемецком переводится через «хунни», а «принадлежащие к одной трибе члены трибы» — словом «хунилунга» [2], что означает «родственники», «члены рода», «родичи». У англо-саксов слово «мегд» (род) имеет значение территории, провинции, родины. Таким образом, род и деревня были тождественны, причем не исключается возможность того, что подчас многие из них состояли из довольно далеко отстоящих друг от друга поселений. Но и это на практике случалось редко, так как в интересах взаимной помощи поселки не должны были быть слишком маленькими, причем политически во всяком случае существовал лишь один союз, а именно тот, который смотрел на себя как на господина всей земельной территории и который ее распределял между отдельными лицами.

Этот союз или эта деревня должны были иметь для своего хозяйственного управления начальника, который был значительной и авторитетной личностью, так как общинная пашня, луга, лес, выгон и охрана стад, посев и жатва, пожарная опасность и взаимная помощь, будучи объектами его деятельности, непрерывно требовали ее проявления. Не только ничем и нигде не доказано, что существовал чиновник, подчиненный хунно, но и без того совершенно ясно, что начальник деревни, которая одновременно являлась и родом, был слишком значительной личностью, чтобы иметь близко над собой власть хунно, который к тому же не так уже высоко стоял на социальной лестнице. Старейшина рода и начальник деревни неизбежно вытеснили бы должность хунно. Оба стояли бы слишком близко друг к другу, чтобы терпеть один другого близ себя. К тому же совершенно ясно, что хунно был бы слабейшим. Таким образом, это деление является невозможным. Военачальник, иногда имевший под своим начальством несколько деревень или родов, мог существовать, но власть хунно, которая в качестве общегерманского установления утвердила себя на протяжении многих столетий и которая постоянно снова появлялась, была далеко не временным явлением и должна была стоять в тесной зависимости от очень прочной корпорации. Поэтому хунно ни в коем случае не мог стоять наряду с начальником деревни или старейшиной рода, имевшим в своих руках хозяйственное руководство союзом, а как раз им-то и являлся. Тождество должностных лиц указывает на тождество корпораций: род совпадает с деревней, а деревня с сотней.

---

[1] Еще при Людвиге Немецком. См. Рюбель, «Франки и их поселения», стр. 228 (Rübel, «Die Franken und ihre Ansiedelungen»).

[2] См. Müllenhoff, «Germania», S. 202.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Теперь уже всеми признано, что указания римлян относительно численности населения Германии, которые еще совсем недавно доверчиво повторялись, не имеют никакой цены. Насколько трудно определять количество населения, совершенно освободившись от какого-либо тенденциозного преувеличения, ясно показывают нам описания тех стран, которые только теперь вступили в круг зрения культурного мира.

В области Урунди Стэнли определил плотность населения в 75 человек на 1 км², позднее Бауманн определил ее лишь в 7 человек. Реклю считал возможным принять для Уганды плотность населения в 5 000 человек на 1 кв. милю (что гораздо больше, чем во Франции), Ратцель снизил эти 5 000 до 670, а Яннаш однажды сказал, что ему, несмотря на все его старания, никак не удалось установить более или менее надежную цифру количества населения какой-либо африканской области. И если Фиркандт, несмотря на это, исчисляет плотность населения различных областей восточной части Центральной Африки от 0,85 до 6,5 человека на 1 км², а в среднем для области с площадью в 5 010 000 км² устанавливает плотность населения 4,74 человека на 1 км² (приблизительно 250 на 1 кв. милю), то ему удается сделать это лишь при помощи многочисленных взаимно контролирующих данных и действительно надежных подсчетов [1]. Каким же образом можем мы, хотя бы с некоторой степенью точности, вычислить количество населения древней Германии, если у нас нет ни одной действительно надежной цифры, на которую мы могли бы с уверенностью положиться?

И все же это возможно, так как теперь мы можем пользоваться такими масштабами, о которых несколько десятков лет тому назад мы не имели даже приблизительного представления. Я имею в виду способ определения плотности населения, исходя из продовольственной продукции в различных странах при различных культурных условиях. Этот способ дает,—правда, не всегда, но все же во многих случаях,—очень твердые опорные точки. Он дает нам возможность утверждать, что в древней Германии было очень редкое население, так как германцы в те времена еще не имели городов, мало занимались земледелием, питались, главным образом, молоком, сыром и мясом, продуктами охоты и рыболовства и жили в стране, которая в своей большей части была покрыта лесами и болотами.

Арндт некогда определил плотность населения древней Германии в 800—1 000 жителей на 1 км², исходя, однако, из того, что рассказы римлян о незначительном земледелии германцев были неправильны. Теперь же все ученые признали, что описания германского земледелия у Цезаря и Тацита правильны. Поэтому мы должны отдать долг справедливости прекрасной наблюдательности знаменитого писателя древности, отвергая, однако, его вывод о значительной плотности населения и о наличии больших народных масс, о которых так любят рассказывать римляне. Основываясь на сравнении с вычислениями Белоха относительно Галлии, я определил в уже цитированной мною статье в «Прусском ежегоднике» плотность населения в 4—5 человек на 1 км² (250 на 1 кв. милю). Принцип определения с того времени несколько изменился, так как я теперь потерял веру в те указания Цезаря относительно гельвециев, из которых исходил Белох. Однако, само определение плотности населения следует сохранить неизмененным.

Сравнительные цифры, из которых следует исходить для того, чтобы прежде всего установить приблизительную опорную точку, теперь уже прекрасно сопоставлены у Шмоллера в его «Основах всеобщего учения о народном хозяйстве» (Политическая экономия, т. I, стр. 158 и след.). Шмоллер устанавливает здесь для Германии к началу нашей эры 5—6 человек на 1 км²; в другом месте (стр. 169)

---

[1] Все это по Vierkandt, «Die Volksdichte im westlichen Zentral-Afrika».

он пишет, что мое определение в 25 000 человек на племя (4—5 на 1 км²) кажется ему скорее преувеличенным, нежели преуменьшенным. Однако, это не является коренным противоречием, так как здесь может итти речь лишь о весьма приблизительных определениях. Жило ли 4 или 6 человек на 1 км², общее число германцев, живших в древности между Рейном и Эльбой, не могло превысить приблизительно одного миллиона. Эту цифру мы можем определить точнее, принимая во внимание площадь расселения и организацию отдельных племен.

Мы достаточно хорошо знаем географию древней Германии для того, чтобы довольно точно установить, что на пространстве между Рейном, Северным морем, Эльбой и линией, проведенной от Майна у Ханау до впадения Зааля в Эльбу, жили приблизительно 23 племени, а именно: два племени фризов, канинефаты, батавы, хамавы, амсивары, ангривары, тубанты, два племени хавков, усипеты, тенхтеры, два племени бруктеров, марсы, хасуарии, дульгибины, лангобарды, херуски, хатты, хаттуарии, иннерионы, интверги, калуконы [1]. Вся эта область занимает около 2 300 км², так что в среднем на каждое племя приходилось приблизительно около 100 км². Верховная власть у каждого из этих племен принадлежала общему народному собранию или собранию воинов. Так было и в Афинах, и в Риме, однако, промышленное население этих культурных государств лишь в очень незначительной своей части посещало народные собрания. Что же касается германцев, то мы действительно можем признать, что очень часто почти все воины бывали на собрании. Именно поэтому государства были сравнительно небольшими, так как при более чем однодневном расстоянии самых дальних деревень от центрального пункта подлинные всеобщие собрания стали бы уже невозможными. Этому требованию соответствует площадь, равная приблизительно 100 кв. милям. Равным образом вести более или менее в порядке собрание можно лишь при максимальном количестве в 6 000—8 000 человек. Если эта цифра была максимальной, то средней цифрой была цифра немного более 5 000, что дает 25 000 человек на племя, или 250 на 1 кв. милю (4—5 на 1 км²). Следует отметить, что это является прежде всего максимальной цифрой, верхней границей. Но сильно понижать эту цифру нельзя из других соображений—из соображений военного характера. Военная деятельность древних германцев против мировой римской державы и ее испытанных в боях легионов была настолько значительной, что она заставляет предполагать определенное количество населения. А цифра в 5 000 воинов на каждое племя кажется по сравнению с этой деятельностью настолько незначительной, что, пожалуй, никто не будет склонен эту цифру еще уменьшить.

Таким образом,—несмотря на полное отсутствие положительных сведений, которые мы могли бы использовать,—мы все же находимся в состоянии с достаточной уверенностью установить положительные цифры. Условия настолько просты, а хозяйственные, военные, географические и политические факторы настолько тесно между собой переплетены, что мы теперь, пользуясь твердо установленными методами научного исследования, можем восполнить пробелы в дошедших до нас

---

[1] См. подробности по этому вопросу, а также о фозах, сугамбрах, дандутах, тексуандриях, марсаках и стуриях в «Preuss. Jahrb.», Bd. 81, S. 478, а также у Much, «Deutsche Stammsitze». Против этого перечня можно было бы возразить, что хотя эти названия и засвидетельствованы в источниках и в общем могут быть довольно точно размещены в территориальном отношении, все же некоторые из этих названий могли обозначать не отдельные племена, а простые округа или роды. Конечно, часто и легко могло случаться, что отдельные роды, сильно разросшись, отделялись от своего прежнего племени и образовывали свое собственное новое племя. Но если признать на этом основании некоторые названия недостоверными и, вычеркнув их из этого списка, принять поэтому среднюю величину области расселения одного племени в 120 км², то это еще не изменит нашего вывода,—в особенности потому, что можно таким же образом произвести и противоположный расчет, приняв некоторые из перечисленных племен за союзные государства.

сведениях и лучше определить численность германцев, чем римляне, которые их имели перед своими глазами и ежедневно с ними общались.

Зеринг указывает, что в сельских округах к востоку от Эльбы плотность населения доходила до 4 человек на 1 км².

КНЯЗЬЯ И ХУННИ

То, что германские должностные лица распадались на две различные группы, вытекает как из природы вещей, политической организации и расчленения племени, так и непосредственно из прямых указаний источников.

Цезарь (B. G. IV, 13) рассказывает, что к нему пришли «князья и старейшие» усипетов и тенхтеров. Говоря об убиях (VI, 11), он упоминает не только об их князьях, но и об их сенате и рассказывает о том, что сенат нервиев, которые хотя и не были германцами, однако, по своему общественному и государственному строю были к ним очень близки, состоял из 600 членов. Хотя мы здесь и имеем несколько преувеличенную цифру, все же ясно, что римляне могли применить название «сенат» лишь к довольно большому совещательному собранию. Это не могло быть собранием одних лишь князей, это было более широким собранием. Следовательно, у германцев был помимо князей еще другой вид органов общественной власти.

Говоря о землепользовании германцев, Цезарь не только упоминает (VI, 22) о князьях, но указывает также на то, что «должностные лица и князья» распределяли пашни. Прибавку «должностные лица» нельзя считать простым плеоназмом: такому пониманию противоречил бы сжатый стиль Цезаря. Было бы очень странно, если бы Цезарь ради одного лишь многословия прибавлял дополнительные слова именно к совсем простому по своему смыслу понятию «князья».

Эти две категории должностных лиц выступают у Тацита не так ясно, как у Цезаря. Как раз в отношении понятия «сотни» Тацит допустил роковую ошибку, которая доставила ученым впоследствии много хлопот. Но и из Тацита мы все же можем извлечь с уверенностью тот же факт. Если бы у германцев была лишь о д н а категория должностных лиц, то эта категория должна была бы во всяком случае быть весьма многочисленной. Но мы постоянно читаем о том, что в каждом племени отдельные семьи настолько возвышались над массой населения, что другие не могли с ними сравниться, и что эти отдельные семьи определенно называются «королевским родом» (Тацит, «Анналы», II, 16; «История», 4, 13). Современные ученые единогласно установили, что у древних германцев не было мелкого дворянства. Дворянство (nobilitas), о котором постоянно идет речь, было княжеским дворянством. Эти семьи возводили свой род к богам [1], а «царей из дворянства брали» («Германия», гл. 7). Херуски выпрашивают себе у императора Клавдия племянника Арминия как единственного члена царского рода, оставшегося в живых («Анналы», II, 16). В северных государствах не было никакого другого дворянства, помимо царских родов.

Такая резкая диференциация между дворянскими родами и народом была бы невозможной, если бы на каждую сотню приходился дворянский род. Для объяснения этого факта, однако, недостаточно признать, что среди этих многочисленных семей вождей некоторые достигли особого почета. Если бы все дело сводилось лишь к такому различию в ранге, то на место вымерших семей, несомненно, выдвинулись бы другие семьи. И тогда название «королевский род» присваивалось бы не только немногим родам, а, наоборот, число их было бы уже не столь малым. Конечно, различие не было абсолютным, и здесь не было непроходимой пропасти. Старая хунно-семья могла порой проникнуть в среду князей. Но все же это различие было не только ранговое, но и чисто специфическое: княжеские семьи образовывали дворянство, в котором значение должности сильно отступало на

[1] Müllenhoff, «Die Germania», S. 183.

задний план, а хунни принадлежали к свободным членам общины, причем их звание в значительной степени зависело от должности, которая все же могла приобретать в некоторой степени наследственный характер. Итак, то, что Тацит рассказывает о германских княжеских семьях, указывает, что их число было весьма ограничено, а ограниченность этого числа в свою очередь указывает на то, что ниже князей находился еще разряд низших должностных лиц.

И с военной точки зрения было необходимо, чтобы крупная воинская часть распадалась на более мелкие подразделения, с числом людей не свыше 200—300 человек, которые должны были находиться под начальством особых командиров. Германский контингент, состоявший из 5 000 воинов, должен был иметь по крайней мере 20, а, может быть, даже и 50 низших командиров. Совершенно невозможно, чтобы число князей (principes) было столь велико.

К тому же заключению приводит изучение хозяйственной жизни. В каждой деревне обязательно должен был быть свой собственный староста. Это вызывалось потребностями аграрного коммунизма и теми многообразными мероприятиями, которые были необходимы для выгона и охраны стад. Общественная жизнь деревни каждое мгновение требовала наличия распорядителя и не могла ждать прибытия и приказов князя, жившего на расстоянии нескольких миль. Хотя мы должны признать, что деревни были довольно обширными, все же деревенские старосты были очень незначительными должностными лицами. Семьи, происхождение которых считалось королевским, должны были обладать более значительным авторитетом, причем число этих семей было гораздо меньше. Таким образом, князья и деревенские старосты являются существенно различными должностными лицами.

СМЕНА ПОСЕЛЕНИЙ И ПАШЕН

Цезарь указывает на то, что германцы ежегодно меняли как пашни, так и места поселений. Однако, этот факт, переданный в такой общей форме, я считаю спорным, так как ежегодная смена места поселения не находит себе никаких оснований. Если даже можно было легко переносить избу с домашним скарбом, с припасами и скотом, все же восстановление всего хозяйства на новом месте было связано с определенными трудностями. А особенно трудно было выкапывать погреба при помощи тех немногих и несовершенных лопат, которыми могли располагать в те времена германцы. Поэтому я не сомневаюсь в том, что «ежегодная» смена мест поселений, о которой рассказывали Цезарю галлы и германцы, является либо сильным преувеличением, либо недоразумением.

Что касается Тацита, то он нигде прямо не говорит о перемене мест поселения, а лишь указывает («Германия», 26) на смену пашен. Это различие пытались объяснять более высокой степенью хозяйственного развития. Но я с этим в корне не согласен. Правда, весьма возможным и вероятным является то, что уже во времена Тацита и даже Цезаря германцы жили прочно и оседло во многих деревнях, а именно там, где имелись плодородные и сплошные земельные угодья. В таких местах достаточно было каждый год менять пахотные земли и земли, лежащие под паром, расположенные вокруг деревни. Но жители тех деревень, которые находились в областях, покрытых по большей части лесами и болотами, где почва была менее плодородной, уже этим не могли довольствоваться. Они были принуждены полностью и подряд использовать все отдельные пригодные для обработки поля, все соответствующие части обширной территории, а потому должны были для этой цели время от времени менять место поселения. Как уже правильно заметил Тудихум (Thudichum), слова Тацита абсолютно не исключают факта подобных перемен мест поселения, и если они на это прямо и не указывают, то все же я почти убежден в том, что именно об этом думал Тацит в данном случае. Его слова гласят: «Целые деревни занимают попеременно такое количество полей, которое соответствовало бы числу работников, а затем эти поля распределяются

между жителями в зависимости от их общественного положения и достатка. Обширные размеры полей облегчают раздел. Пашни ежегодно меняются, причем остается излишек полей». Особенный интерес в этих словах представляет указание на двойную смену. Сперва говорится о том, что поля (agri) занимаются или захватываются попеременно, а потом, что пашни (arvi) ежегодно меняются. Если бы речь шла лишь о том, что деревня (или деревенская община. — Перев.) попеременно определяла под пашню более или менее значительную часть территории и что внутри этой пахотной земли опять ежегодно менялись пашня и пар, то это описание было бы слишком подробным и не соответствовало бы обычной сжатости стиля Тацита. Данный факт был бы, так сказать› слишком скуден для столь большого количества слов. Совсем иначе обстояло бы дело в том случае, если бы римский писатель вложил в эти слова одновременно и мысль о том, что община, которая попеременно занимала целые территории и вслед за тем делила эти земли между своими членами, вместе с переменой полей меняла и места поселений. Тацит нам об этом прямо и точно не говорит. Но как раз это обстоятельство легко объясняется чрезвычайной сжатостью его стиля, причем, конечно, ни в коем случае нельзя считать, что это явление наблюдалось во всех деревнях. Жители деревень, обладавших небольшими, но плодородными землями, не нуждались в переменах мест своих поселений.

Поэтому я не сомневаюсь в том, что Тацит («Германия», 26), делая некоторое различие между тем, что «деревни занимают поля», и тем, что «пашни ежегодно меняются», вовсе не имеет в виду изобразить новую ступень в развитии германской хозяйственной жизни, а скорее делает молчаливую поправку к описанию Цезаря. Если мы примем во внимание, что германская деревня с населением в 750 человек обладала территориальным округом, равным 3 кв. милям, то это указание Тацита получает для нас тотчас же совершенно ясный смысл. При существовавшем тогда первобытном способе обработки земли было совершенно необходимо ежегодно обрабатывать плугом (или мотыгой) новую пашню. А если исчерпывался запас пахотных земель в окрестностях деревни, то было проще перенести всю деревню в другую часть округа, чем обрабатывать и охранять поля, лежащие вдали от старой деревни. После ряда лет, а, может быть, и после многочисленных кочевок, жители снова возвращались на свое старое место и снова имели возможность пользоваться своими прежними погребами.

ВЕЛИЧИНА ДЕРЕВЕНЬ

Существенным пунктом моей концепции является признание, что германские деревни обладали довольно значительными размерами. На первый взгляд легко себе представить, что сотня (округ) состояла из ряда совсем маленьких деревень, и это является до настоящего времени даже общепризнанным положением. Однако, источники и факты дают возможность легко опровергнуть это представление.

1. Григорий Турский, согласно Сульпицию Александру, рассказывает в 9-й главе II книги о том, что римское войско в 388 г., во время своего похода в страну франков, обнаружило у них «огромные селения» (ingentes vicos).

2. Тождество деревни и рода не подлежит никакому сомнению, причем положительным образом доказано, что роды были довольно крупными (см. выше, стр. 25).

3. В соответствии с этим Кикебуш (см. выше, стр. 21), пользуясь данными доистории, установил количество населения германского поселения в первые два века н. э. по крайней мере в 800 человек. Дарцауское кладбище, содержавшее около 4 000 погребальных урн, существовало в течение 200 лет. Это дает в среднем приблизительно 20 смертных случаев в год и указывает на количество населения по меньшей мере в 800 человек.

4. Рассказы о смене пашен и мест поселений, дошедшие до нас, может быть, с некоторыми преувеличениями, все же содержат в себе зерно истины. Эта смена

всей пахотной земли и даже перемена мест поселения приобретают смысл лишь в больших деревнях, обладавших большим территориальным округом. Маленькие деревни с небольшими земельными угодьями имеют возможность менять лишь пашню на пар. Большие деревни не имеют для этой цели в своих окрестностях достаточного количества пахотной земли и потому принуждены искать землю в отдаленных частях своего округа, а это в свою очередь влечет за собой перенос всей деревни в другие места. Хеттнер в «Европейской России» («Geogr. Zeitschr.», Bd. 10, H. 11, S. 671) пишет, что в русских степях деревни обладают очень большим количеством полей и что потому жители их во время полевых работ покидают деревню и живут среди полей в наскоро построенных избах.

5. Каждая деревня должна была обязательно иметь старосту. Общее владение пахотной землей, общие выгон и охрана стад, частая угроза неприятельских нашествий и опасность со стороны диких зверей — все это непременно требовало наличия носителя местной власти. Нельзя ждать прибытия вождя из другого места, когда требуется немедленно организовать защиту от стаи волков или охоту на волков, когда бывает нужно отразить неприятельское нападение и укрыть от врага семьи и скот или же оградить плотиной разлившуюся речку, или потушить пожар, разобрать споры и мелкие тяжбы, объявить о начале пахоты и жатвы, что при общинном землевладении происходило одновременно. Если все это происходит так, как следует, и если, следовательно, деревня имела своего старосту, то этот староста,—так как деревня была в то же время и родом,—являлся родовладыкой, старейшиной рода. А этот в свою очередь, как мы уже видели выше, совпадал с хунно. Следовательно, деревня являлась сотней, т. е. насчитывала 100 или больше воинов, а потому была не такой уже маленькой.

6. Деревни меньшего размера обладали тем преимуществом, что в них легче было добыть пропитание. Однако, большие деревни, хотя и вызывали необходимость более частой перемены места поселения, были все же наиболее удобны для германцев при тех постоянных опасностях, среди которых они жили. Они давали возможность противопоставить угрозе со стороны диких зверей или еще более диких людей сильный отряд воинов, всегда готовых встретить опасность лицом к лицу. Если мы у других варварских народов, — например, позднее у славян, — находим небольшие деревни, то это обстоятельство не может ослабить значения приведенных нами выше свидетельств и аргументов. Славяне не принадлежат к германцам, и некоторые аналогии еще не указывают на полное тождество остальных условий; к тому же свидетельства, касающиеся славян, относятся к настолько более позднему времени, что могут обрисовывать уже иную стадию развития. Впрочем и германская большая деревня позднее, — в связи с ростом населения и большей интенсивностью обработки почвы, когда германцы уже перестали менять места своих поселений, — распалась на группы маленьких деревень.

ТУНГИН

Мое представление о сущности должности хунно подтверждается данными, относящимися к франкской эпохе. Мы должны будем вернуться к этому вопросу позднее, когда коснемся распада древнегерманского общественного строя после переселения народов. Однако, я хочу уже сейчас сделать несколько специальных замечаний по вопросу о должности хунно в более позднее время, так как установление непрерывной связи явится существенным подкреплением нашей точки зрения, в то время как все еще необъясненное разногласие в характеристике и различии франкских должностей неминуемо окажет неблагоприятное обратное влияние на достоверность нашей реконструкции условий древнейшего времени.

Если мое представление о должности хунно правильно, то из него само собой вытекает, что часто упоминаемый в варварских правдах «сотник» (centenarius), как указывает само это название, есть не кто иной, как хунно, и что в том случае,

когда применяется формула «тунгин или сотник (tunginus aut centenarius)», оба названия обозначают одно и то же лицо, так что одно название лишь разъясняет другое. Граф являлся королевским должностным лицом, сотник же, или тунгин, являлся народным должностным лицом. Он не пользовался преимуществом тройной денежной виры, он не назначался и не отстранялся графом. Лишь в эпоху Каролингов он превратился в низшего графского чиновника. Граф обладает основными функциями древнего князя (princeps). Разница лишь в том, что он выполнял эти функции, не исходя из правовых представлений древнего времени, но в качестве чиновника, действовавшего во имя и по поручению недавно появившегося великого короля. Этот великий король впитал в себя древний принципат. Он один лишь остался из среды прежних князей (principes). Постепенно все большее и большее количество племен подчинилось его власти. И эти племена управлялись им посредством назначенных им графов. Но хунни, эти древние старейшины общин, сохранялись и существовали в течение многих поколений, так же повинуясь графам, как до того они повиновались князьям, являясь народными должностными лицами. В романских областях, где не существовало замкнутых германских племенных общин, сотник (centenarius) с самого начала, под именем «наместника», «викария» (vicarius), являлся должностным лицом, подчиненным графу, т. е. тем, чем сотник на германской почве стал лишь позднее.

Бруннер и Рихард Шредер считают, что существовал такой переходный период, когда граф был исключительно управленческим должностным лицом, а высшие судебные функции выполнялись тунгином, который стоял выше хунно. Таким образом, тунгин в эту эпоху по своим судебным обязанностям выполнял должность древнего князя (princeps), который, будучи избираем народом, управлял более крупным округом. Лишь позднее должность графа впитала в себя эту функцию тунгина.

Бруннер пытается доказать эту точку зрения некоторыми местами из Салического закона. Амира высказался против («Gött. Gel. Anz.» 1896, S. 200), а Рихард Шредер присоединился к Бруннеру («Hist. Zeitschr.», Bd. 78, S. 196—198).

Я не имею возможности вникнуть в исследование собственно историко-правовых вопросов, но все же мне кажется ясным, что положения, выдвинутые Амира, не поколеблены соображениями Шредера. Сам Шредер не идет дальше предположения вероятности того, «что поставленное наряду с королевским судом общенародное законное судебное собрание тунгина не совпадало с тем общенародным судебным собранием, которое должен был созывать тунгин или сотник». Таким образом, подлинного доказательства, опровергающего положение Амира, здесь не приведено.

Остается еще аргумент Бруннера, что если бы тунгин не являлся судьей в более крупном округе, то, кроме короля, существовали бы лишь сотенные судьи. Но этот аргумент исчезнет, если мы внимательнее отнесемся к хронологии.

Шредер сам пишет («Hist. Zeitschr.», Bd. 78, S. 200), что «первый салический капитулярий, который с большой долей вероятности приписывается еще Хлодвигу, знает в качестве обычного судьи округа уже не тунгина, а графа». Так как Хлодвиг первый сам организовал великую королевскую власть, которая уже больше не давала возможности королю лично выполнять функции странствующего судьи, то нет никаких оснований предполагать, что до этого времени между королем (как наследником власти древних князей) и хунно должен был стоять еще один судья. Нам даже кажется совершенно невозможным, чтобы именно в эту эпоху подымающаяся королевская власть требовала от народа или лишь ему позволяла выбирать себе высшее должностное лицо, которое неминуемо должно было бы стать естественным и необходимым соперником графа, назначенного королем на графство. Ведь известно, каким образом преследовал и устранял со своего пути Хлодвиг соперников своей власти. Мне кажется совершенно ясным, что графы превратились

в обычных судей округов как раз в тот момент, когда Хлодвиг организовал собственно франкскую великую королевскую власть, которая делала невозможным выполнение королем функций высшего странствующего судьи. Но если отпадает потребность, равно как и необходимость существования высшего судьи округа, избираемого населением, то тунгин Салического закона должен был быть не кем иным, как сотником, т. е. древним хунно. Поэтому ошибка этих двух ученых заключается в том, что они недостаточно высоко оценивали положение этого должностного лица в древнейшие времена и что, сосредоточив все свое внимание на тысячном округе, они недооценили значение и сущность сотни (сотенного округа — Ред.).

Насколько мне известно, еще не дано исчерпывающего этимологического объяснения слова «тунгин». Ср. недавнюю работу ван-Хельтена (van Helten, «Beiträge zur Gesch. der deutsch. Sprache und Liter.», herausg. von Sievers, Bd. 15, S. 456, § 145). Ван-Хельтен дает для этого слова, наряду со значением «превосходный», «почтенный», также и значение «заведующий», «управляющий» (rector), но выдвигает против этого последнего значения существенные возражения, вытекающие из существующих историко-правовых представлений. Если же изложенная мною точка зрения правильна, то эти возражения отпадают сами собой.

НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 1906 г. вышло второе издание «Истории немецкого права» («Deutsche Rechtsgeschichte», Bd. I) Бруннера. Различия между его и моим пониманием общественного строя древних германцев затронуты им в этой книге лишь применительно к некоторым второстепенным пунктам, так что вся резкость этих различий в этой книге не выявлена.

Так как эти различия имеют основное значение для понимания всей европейской истории в различных отношениях, то я должен здесь коснуться наиболее существенных пунктов.

Бруннер делит германское племя на тысячные округа (стр. 158); округа состоят из ряда деревень; наряду с этим существует чисто личный союз сотен, предназначенный для военных и судебных целей (стр. 159); наконец, группы из нескольких семей образуют очень важный союз родичей или рода, который по мужской линии восходит к одному общему родоначальнику (стр. 111). Во главе округов стоят князья, правители округов, а во главе сотен — начальники, которые, может быть, уже в древности носили название хунни (стр. 163). О деревенских старостах, которые также должны были существовать, так как деревни являлись аграрными хозяйственными единицами, здесь ничего не сказано. Так же мало сказано и о старейшинах рода, хотя и их нельзя было пропустить, так как на них, при еще большом значении рода, возлагались многочисленные обязанности. Впрочем сам Бруннер принужден о них упомянуть (стр. 119, заключение первого абзаца).

Этому сложному сооружению, отдельные части которого несколько раз перекрещиваются как в территориальном, так и в персональном отношении, я противопоставляю простое разделение на округа-сотни; каждый такой округ обладает большим поселением; жители его возводят свой род к одному родоначальнику и поэтому называются родом. Начальником этого рода, который в то же время может быть деревней, округом или сотней, является хунно или альтерман (эльдермен).

Доказательством моей точки зрения я считаю то, что, без всякого сомнения, сперва деревня и род были тождественны. Сам Бруннер твердо устанавливает (стр. 90, 117), что существовало такое время, когда род был владельцем пахотной земли, но что в то же время и деревня владела пахотной землей. Кто же был в таком случае владельцем? Род или деревня? Свидетельства источников как в первом, так и во втором случае дают одинаково ясные и многочисленные утвердительные ответы. Бруннер не делает никакой попытки разрешить это противоречие. Но

нет никакой другой возможности объяснить это противоречие, как предположить тождество рода и деревни.

Теперь ясно доказано, что деревни были очень большими (см. выше); это явствует также и из того, что обычай перенесения деревни в другое место имеет смысл лишь при наличии больших деревень, о чем, впрочем, нами уже сказано выше. Этот обычай теряет свой смысл при маленьких деревнях с небольшими землями.

Если же деревня очень велика, то она насчитывает по меньшей мере 100 семей и, следовательно, должна быть тождественна с сотней. Таким образом, отпадает необходимость предположить существование искусственно построенного личного союза, не совпадающего с поселением.

Теперь встает вопрос, могла ли над этими сотнями существовать охватывающая их организация тысячных округов. Она могла существовать в отдельных случаях,— именно тогда, когда князья, противостоявшие в своей совокупности всему народу, таким образом делили между собой управление, в особенности же суд, что каждый из князей получал группу сотен, причем подобная группа таким образом превращалась в некоторую определенную единицу. Однако, это не является, как признает и Бруннер, собственным и первоначальным делением племени; притом даже само название «тысяча» едва ли употреблялось в древности.

Разбирая вопрос об отношении сотни и рода к военному устройству, Бруннер запутывается в том же самом противоречии, в котором он запутался при разборе вопроса, кто является владельцем земли—деревня или сотня. Сотня, по его мнению, являлась личным союзом, группой из 100 (или 120) воинов, находившихся под начальством начальника сотни (стр. 162). Но в другом месте (стр. 118) рядом весьма ценных цитат доказывается военное значение рода, причем отсюда делается тот вывод «что были такие времена и такие условия, когда роды, составляя часть войска, совместно дрались, находясь под общим командованием». Это не будет противоречием сказанному выше и даже будет с ним хорошо согласоваться, если предположить, что роды были подразделениями сотни. Но Бруннер это совсем не так воспринимает. Он пишет лишь (стр. 118), «что при группировке войска принимались во внимание родовые объединения» или (стр. 163) «что сотни не точно отсчитывались, так как нельзя было разделять родовые объединения». Автор принужден был здесь прибегнуть к неопределенным выражениям, так как если бы он высказал то положение, что роды были подразделениями сотни, то это придало бы совсем другое, чем он предполагал, содержание изображенной им картине сотни. Здесь уже не могла бы итти речь о «точном отсчитывании». Либо нужно совсем исключить числовое значение из понятия «сотни», либо следует сделать тот вывод, что сотни всегда образовывались из таких родов, которые насчитывали приблизительно 100 воинов. И здесь видна невозможность, впрочем показанная и нами выше, предположить, что роды составляли часть сотни.

В защиту своей теории Бруннер пишет (стр. 195): «Кто для того, чтобы спасти сотенный округ, объявляет его тождественным с римским pagus (округ), тот принужден признать недостоверными указания Цезаря на большие размеры германских округов (pagi), признать недоразумениями свидетельства Тацита о сотне и отказаться учесть те выводы, которые вытекают из факта кельтского округа (pagus)».

На это я могу лишь ответить; почему же нет? Для того чтобы спасти те 2000 воинов, которые, по Цезарю, мог выставить каждый округ свевов, Бруннер должен был бы сперва опровергнуть мою теорию плотности населения древних германцев. Но он даже не сделал ни одной попытки для того, чтобы ее опровергнуть. Всем хорошо известно, что здесь у Цезаря имеется преувеличение, и к тому же еще не самое грубое. Цезарь преувеличивает здесь, может быть, в 10 раз; а как часто в его труде были доказаны преувеличения даже в 100 раз!

Далее, тот факт, что свидетельства Тацита о сотнях основываются на недоразумениях, доказан таким крупным авторитетом, как Вайц, и принят столь многими исследователями, что он не может уже больше считаться лишь априорно абсурдным.

Наконец, аналогия с кельтским округом (pagus) ничего не доказывает, так как римляне пользовались своим термином «pagus» в таком же широком и растяжимом смысле, как и мы нашим «округ».

Возражая против моего отождествления сотни, округа, рода и деревни, Бруннер указывает (стр. 160, примечание) на то, что «в таком случае все эти названия и понятия, за исключением одного, были бы излишни, их наличие уже само по себе указывает на некоторую диференциацию». Но этого вывода я не могу принять. Ведь если о ком-нибудь было один раз сказано, что у него есть сын, в другой раз — что у него есть парень, в третий раз—что у него есть мальчик, а в четвертый раз—что у него есть мальчишка, то разве это указывает, что данный человек имеет четырех сыновей?

Основная ошибка Бруннера заключается в том, что он пытается восстанавливать формы государственного, общественного и хозяйственного строя, совершенно не учитывая количественных соотношений. Ведь если только уяснить себе, сколько максимально людей, сколько мужчин и сколько кв. миль падает на одно германское племя, то этим самым тотчас же разрешается спор между наличием тысячного или сотенного округа.

Следующая ошибка Бруннера заключается в том, что он не делает различия между родом той эпохи, когда он еще представлял собой некоторую хозяйственную единицу (общинное землевладение), и родом, уже превратившимся в одно лишь правовое установление. Этот последний мог отграничиваться от случая к случаю в зависимости от степени родства, так что исчезала граница между отцом и сыном. Если следовало уплатить или получить штраф, то для того чтобы установить, кто в нем должен участвовать, а кто нет, высчитывали степень родства. Но такое текучее отграничение невозможно при существовании рода, имеющего общинное земельное владение. Если мы, например, скажем, что род доходит лишь до седьмого поколения, что же будет в том случае, если члены рода будут между собой состоять в родстве лишь в восьмом поколении? Будут ли дети какого-нибудь определенного поколения еще принадлежать к роду? Будут ли они иметь право, когда подрастут и захотят основать свое хозяйство, на часть общинной земли? Нужно только поставить эти вопросы, чтобы тотчас же на них ответить в том смысле, что род, владеющий общинной землей, никогда не может быть ограничен каким-либо определенным числом поколений.

Род, владеющий общинной землей, может быть ограничен лишь таким образом, что семьи, сыновья и отцы остаются в нем вместе. Поэтому род, который высчитывается лишь до шестого или седьмого колена, уже есть не что иное, как тот древнейший род, который существовал во времена Цезаря и Тацита. Бруннер не заметил того, что между этими двумя видами рода находится целая эпоха развития, и не учел того обстоятельства, что при определении понятия рода следует различать отдельные этапы его развития.

При изучении этого развития следует иметь в виду, что граница древнейшего рода не была генеалогической границей, но что она определялась фактом действительного совместного жительства; другими словами, род древнейшего времени был деревней.

Рахфаль (Schmoller's «Jahrbuch für Gesetzgebung», Bd. 31, S. 1739) разобрал теорию Бруннера и на стр. 1751, исходя из тех же оснований, что и я, защитил теорию существования сотенного округа.

Те аргументы, которые привел Краммер в защиту «тысячи» (Krammer, «Neues Archiv der älteren Gesch.-Kunde», Bd. 32, S. 538, 1907), не имеют никакой действительной доказательной силы.

Рихард Шредер в пятом издании своего «Учебника истории немецкого права» (R. Schroeder, «Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte», 1907) признает существование тройного подразделения: тысяча, сотня, род-деревня. Хотя он и отождествляет род с деревней, однако, по его мнению, сотня является с точки зрения публичного права низшим видом общины. В качестве таковой она не могла образовывать округа, но являлась чисто персональным союзом, во главе которого стоял хунно. Этот союз образовывал отдельную воинскую часть, имея в то же время свой собственный суд, который находился в твердо установленном месте. Лишь позднее эти персональные сотни превращаются в местные округа. Каждую тысячу возглавляет князь.

Эта концепция ближе к моей, чем это может показаться на первый взгляд, так как: а) род отождествляется с деревней; б) проводится различие между двумя категориями должностных лиц: хунни и князьями (principes) [1]; в) признается, что князь стоял над группой сотен, на что я, впрочем, не смотрю как на принципиальное и существенное явление; эту группу сотен я не называю тысячей, однако, признаю, что она на практике часто совпадала с тысячей (ср. стр. 25). Для того чтобы притти от шредеровской концепции к моей, следует только себе представить, что деревни состояли не из 10—30 дворов, а из 100—200. Тогда непонятный и неясный «персональный союз» сотни станет совершенно излишним. Деревня есть сотня. Это есть естественное первоначальное поселение. От тысячи остается лишь соответствующий должностям отдельных князей округ, меняющийся в зависимости от обстоятельств.

Зигфрид Ритшль (Siegfr. Rietschl, «Savigny-Zeitschr.», 27, 234 und 28, 342) еще раз исследовал вопрос о сотне и тысяче, основываясь на широком использовании источников, и равным образом пришел к тому выводу, что тысяча не есть древнегерманское установление, а что необходимо признать древнейшим общегерманским установлением сотню. Также и англо-саксонскую сотню (hundred) относит он ко времени переселения.

Неясной остается у Ритшля сущность рода, хотя он имеет перед другими исследователями то преимущество, что подошел вплотную к постановке этого вопроса. Он признал, что при обычном понимании рода, как некоторой суммы потомков одного общего родоначальника, нельзя установить какого-либо общего состава рода и что род будет большим или меньшим союзом в зависимости от того родоначальника, который взят в качестве исходной точки (стр. 423, 430). Эта возможность совершенно различным образом ограничить род служит ему вспомогательным средством для того, чтобы вдвинуть роды в строго количественную схему регулярной сотни, состоящей из 100 земельных участков. Но при этом он не принял во внимание того, что этим он упраздняет значение рода как правового института. Союз, который в одном случае охватывает братьев, в другом — двоюродных братьев, в третьем—троюродных братьев, далее родственников в четвертой, пятой и шестой степенях, ни в коем случае не может признаваться одним и тем же союзом в каждом из этих случаев.

Если мы вслед за Ритшлем будем ограничивать поселение определенным числом, то мы тем самым исключим из него всякое понятие рода. Тогда останется лишь то, что при распределении земель агнатические родственники [2] должны были бы оста-

[1] Шредер весьма справедливо указывает, что факт повсеместного и одинакового появления хунно в более позднее время у различнейших племен заставляет делать обратный вывод о его существовании в германскую эпоху. Поэтому я не понимаю, почему Бруннер (стр. 75) в своей цитате вслед за словом «хунно» ставит вопросительный знак. Это для меня тем более непонятно, что я пишу вслед за тем «или иной предводитель».

[2] Агнатами у древних римлян назывались лица, находившиеся под общей властью домовладыки, включая усыновленных, в отличие от когнатов — кровных родственников. В германском праве агнаты— родственники по мужской линии. (См. справочный алфавитный указатель в конце книги). — Ред.

вляться вместе - практика, в которой уже не может больше быть никакого правового содержания. С точки зрения рода правовое содержание заключается лишь в таком поселении (сотне), которое в своей совокупности может рассматриваться в качестве рода. Так, без всякого сомнения, и было на самом деле.

Одновременно с Ритшлем выступил, основываясь на источниках, в защиту сотни Клавдий фон-Шверин в своей работе «Древнегерманская сотня» (Claudius Freih. v. Schwerin, «Die altgermanische Hundertschaft. Untersuchungen. Herausgegeben von Giercke. 90 Heft, 1907). Шверин придает особенное значение тому, что сотня не имеет ничего общего с числом 100, но обозначает вообще лишь множество. Его этимологическое обоснование, как на то указывает Ритшль (стр. 420), ошибочно, но на самом деле он мог бы оказаться правым,—впрочем лишь в том случае, если бы он не оставлял совершенно неопределенной величину группы, так что она с равным успехом могла бы равняться и 20 и 10 000. Мы же со своей стороны можем и должны указать, что на самом деле эти группы могут быть прекрасно связаны с числом 100, если мы примем, что они состояли из 100 семей или из 100 воинов, что и в том и в другом случае, как мы это уже показали выше, дает приблизительно один и тот же результат.

Ошибка исследования Шверина (не считая того, что и у него также недостает ясного представления о роде) заключается в том, что он не уяснил себе количественных соотношений. Он отклоняет мою попытку установить соответствующие цифры для германского племени и для сотни, не подвергая ее даже какой-либо проверке. Я же, наоборот, осмеливаюсь утверждать, что самым твердым и самым надежным способом определения численности населения древней Германии является способ использования всех тех камней, из которых построено здание древнегерманского государственного и общественного строя. Каждое отдельное свидетельство, взятое либо из одного лишь античного писателя, либо из одного раннего средневекового сборника законов, будет недостоверным или же может быть различно истолковано. Один вместе с Цезарем верит в то, что округ у свевов насчитывал 2 000 воинов, другой же это отрицает; один считает свидетельство Тацита о сотнях за недоразумение, другой же с этим не согласен и так далее. Но совершенно бесспорно то, что область между Рейном и Эльбой охватывает пространство в 2 300 км², что здесь жило около 20 племен и что плотность населения здесь была очень незначительной.

Если бы Шверин уяснил себе все эти факты со всеми вытекающими из них последствиями, то он ни в коем случае не мог бы отождествить хунно или альтермана с князем (princeps) (стр. 109), тем более что он, так же как и я, пришел к тому заключению (стр. 128), что хунно, франкский сотник (centenarius) и тунгин тождественны.

Шверин резко возражает против того, чтобы сотню называли округом; это, по его мнению, может только запутать (стр. 109, прим. 4). Но так как он сам доказывает, что саксонское го является сотней и в то же время округом (pagus), ибо мы только этим словом можем перевести латинское слово «pagus», то после этого уже невозможно возражать против применения слова «округ» по отношению к сотне. Правда, вполне справедливо, что в более позднее время слово «округ» обозначает такую же большую область, как и древнее «государство» (civitas), и что применение того же самого слова для обозначения столь различных величин может внести путаницу и действительно вносит таковую. Но то же самое применимо и к слову «pagus» (округ, см. выше стр. 24), и мы должны примириться с тем, что в источниках не сохранилось более точного различия в терминологии. Тацит даже однажды («Анналы», IV, 45) употребляет слово «pagus» в таком смысле, что его по контексту можно перевести лишь словом «деревня» (ср. Gerber, «Lexicon Taciteum», S. 1049).

Первым исследователем, принявшим в основе установленные мною цифры населения древней Германии, был Людвиг Шмидт в своей «Истории немецких племен

до конца переселения народов», вышедшей в серии «Источники и исследования по древней истории и географии», издававшейся В. Зиглином (Ludwig Schmidt, «Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Herausgegeben von W. Sieglin). Ср. с этим также и рецензию на «Историю военного искусства» («Historische Vierteljahrsschrift», 1904, S. 66). Впрочем Шмидт возражает против моего отождествления рода с сотней и признает тысячу исконным германским установлением. Мне кажется совершенно ясным, что в данном случае он непоследователен. Если правильно то, что германское племя насчитывало в среднем не более 5 000—6 000 воинов, а меньшие и самые маленькие племена лишь 3 000 и даже того менее, то тем самым является несомненным, что племя делилось не на отряды в 1 000 человек, которые сами по себе были бы слишком неповоротливыми и слишком близко подходили бы по своей численности к общей совокупности воинов в племени. К тому же главный аргумент в пользу существования тысячи, — а именно — указание Цезаря на то, что у свевов было 100 округов по 2 000 воинов в каждом, — следует считать уже отпавшим.

Шмидт признает также и то положение, что деревня и род тождественны, однако стоит за небольшие размеры родов (деревень), состоявших из 10—20 семей. Он совершенно не касается вопроса о том, какой смысл могло иметь перенесение местоположения деревни при небольших размерах деревень и поэтому небольших размерах находящихся при них земель, которые он устанавливает. С другой же стороны, он пытается истолковать в свою пользу положительные указания источников на то, что германские деревни достигали довольно значительных размеров, но эта его попытка оказывается совершенно неудачной. Он полагает («Hist. Vierteljahrsschrift», S. 68), что при разбросанности построек германские деревни со своими 10—20 избами могли показаться римлянам «необычайно обширными», а те роды (γένη) германцев, которые, по Диону Кассию, заключили мир с Марком Аврелием, были чем-то иным, чем то, что обычно называется родом. Эти были слишком малы для того, чтобы с ними одними можно было заключить мир. Следовательно, мы должны представить себе здесь самостоятельные ответвления больших племенных групп или благородные роды, окруженные многочисленной свитой и челядью. Как велика могла бы быть свита такого благородного рода? Конечно, не больше нескольких сотен воинов в максимальном случае. Это и будет приблизительно той цифрой, которая, по моему мнению, может характеризовать германский род. Следовательно, факт небольших размеров деревни даже в изложении самого Шмидта не дает никаких оснований для того, чтобы возражать против буквального истолкования этого места, а так как во всех источниках нигде и ничего не говорится о маленьких деревнях или маленьких родах, то было бы совершенно неправильным и произвольным отвергнуть столь положительное указание Диона, к тому же подкрепленное Сульпицием Александром[1].

Я заканчиваю эти полемические анализы тем, что к ним еще добавляю (забегая несколько вперед в содержание следующей главы и указывая на значение этой главы), почему я придаю такое значение установлению, — вернее сказать, отстаиванию, — правильного исторического построения общественного и государственного строя в настоящем труде, посвященном истории военного искусства. Дело в том,

---

[1] Для меня осталось непонятным, каким образом Шмидт выводит из Acta S. Sabae, что деревни у готов являлись частями округа, ему подчиненными. В этом рассказе («Acta Sanctorum. Aprilis» II p. 89; греческий текст помещен в приложении к тому же тому, стр. 2) не сказано, как это утверждает Шмидт (Schmidt, «Geschichte der deutschen Stämme», S. 93), что «родичи» (Sippengenossen) пытались защитить Сабу, но лишь что «некоторые» из язычников пытались это сделать. Из этого указания нельзя сделать никакого вывода об отношении рода к деревне или деревни к округу.

что, по моему мнению, без такого изложения государственно-правовых основ военные достижения германцев останутся просто-напросто непонятными. Дикая храбрость отдельных воинов не сможет нам объяснить этих успехов, тем более что мы уже твердо установили, что их число было весьма незначительно. Поэтому внутри массы германцев должно было необходимым образом существовать очень удобное и твердо функционирующее деление на воинские части, дающее возможность осуществлять командование. Для этой цели совершенно не годятся текучие «персональные союзы», так как в них совершенно отсутствует дисциплинарная спайка. Из отдельных песчинок нельзя скатать шара. Тождество же деревни и рода, рода и сотни во главе с ее альтерманом (хунно) дает ей естественную связь и прочность, что делает ее способной отвечать самым высоким требованиям. К этим положениям следует прибавить также и то, что содержится в 5-й главе 2-й части «Народные войска во время своих переселений» и в особенности «Сотня во время переселения народов».

Глава II

Военное искусство древних германцев

Военные успехи зависят, как мы в этом уже смогли убедиться в I томе настоящего труда, не от одной, а от двух совершенно различных причин. Первая причина, которая раньше всего бросается в глаза, заключается в храбрости и физической пригодности отдельного воина. Другая причина заключается в прочности внутренней спайки между отдельными воинами в тактической единице. Как ни различны по своей природе обе эти силы — пригодность каждого отдельного бойца и внутренняя спайка между ними в воинской части, — все же нельзя вторую силу целиком отделить от первой. Как бы хорошо ни была обучена и тесно сплочена воинская часть, но если она будет состоять из одних лишь трусов, то она окажется ни на что не способной. Но если воинская масса обладает хотя бы умеренной дозой мужества и если к этому присоединяется второй элемент — корпоративность, то это создает такую воинскую силу, перед которой принуждены отступить все проявления личной храбрости. О фалангу греческих граждан разбилась рыцарская храбрость персов, причем дальнейшее развитие этой тактической части — фаланги, давшее новые, более утонченные формы, вплоть до тактики боевых линий и когорт, является существенным содержанием истории античного военного искусства. Римляне всегда побеждали не потому, что они были храбрее своих противников, но потому, что благодаря своей дисциплине они обладали более крепкими тактическими частями. Это говорит о том, как важно, но в то же время и как трудно было образовать из первоначальной неповоротливой фаланги множество маленьких оперативно подвижных тактических частей.

Нам нужно только вспомнить об этой цепи развития, чтобы после того, как мы изучили государственный и общественный строй древних германцев, одним взглядом сразу увидеть, какая громадная воинственная сила таилась в этом народе. Каждый отдельный германец

в своей грубой, варварской, близкой к природе жизни, в постоянной борьбе с дикими зверями и с соседними племенами воспитывал в себе наивысшую личную храбрость. А тесная спайка, существовавшая внутри каждого отряда, который включал соседей и род, хозяйственную общину и воинское товарищество и находился под начальством предводителя, авторитет которого во всей будничной повседневности распространялся на всю жизнь человека как во время мира, так и во время войны,— эта тесная спайка германской сотни, находившейся под начальством своего хунно, обладала такой прочностью, которую не могла превзойти даже самая строгая дисциплина римского легиона. Психологические элементы, составлявшие германскую сотню и римскую центурию, абсолютно различны, но результат их действия совершенно одинаков. Германцы не упражнялись в военном деле, а хунно едва ли обладал определенной — во всяком случае едва ли значительной — дисциплинарной властью; даже самое понятие собственно воинского повиновения было чуждо германцам. Но еще не расколотое единство всей той жизни, в которой пребывала сотня и которое приводило к тому, что в исторических рассказах сотня называлась также общиной, деревней, товариществом и родом,— это естественное единство было сильнее, чем то искусственное единство, которого культурные народы принуждены достигать посредством дисциплины. Римские центурии превосходили германские сотни по внешней сомкнутости своего выступления, подступа к неприятелю и атаки, по своему равнению и движению строго в затылок, но внутренняя спайка, взаимная уверенность друг в друге, которая образует нравственную силу, была у германцев настолько сильна, что даже при внешнем беспорядке, при полной дезорганизованности и даже временном отступлении она оставалась непоколебленной. Каждый призыв хунно — слово «приказ» мы даже оставляем совершенно в стороне — выполнялся, так как каждый знал, что этот призыв будет каждым выполнен. Паника является слабой стороной, присущей каждой недисциплинированной воинской части. Но даже во время отступления слово предводителя не только останавливало германские сотни, но и побуждало их к новому наступлению [1].

Поэтому мы не напрасно установили в предыдущей главе сперва тождество между хунно и альтерманом, а затем тождество между округом, родом, сотней и деревней. Здесь идет дело не о спорном вопросе формального государственно-правового значения, но о раскрытии крупного и существенного элемента в мировой истории. Здесь следует обратить внимание на то, что хунно являлся неизбираемым от случая к случаю предводителем менявшегося и случайно составленного отряда, но прирожденным вождем природного единства. Он носил такое же название и выполнял во время войны такие же функции, как и римский центурион, но отличался от него так, как природа отличается от искусства.

Хунно, который командовал бы не в качестве родового старейшины, имел бы во время войны так же мало значения, как и центурион при отсутствии дисциплины. Но так как он является родовым старейшиной, то и достигает без помощи воинской присяги, строгой дисциплины и военных законов такой же спайки и такого же подчинения,

[1] Тацит, «Германия», 6.

как и его римский тезка, применявший для этой цели строжайшую дисциплину.

Когда римляне порой говорят[1] о беспорядке у германцев, или когда Германик, для того чтобы усилить мужество у легионеров, рассказывает им про германцев, что они, «не стыдясь позора и ничуть не беспокоясь, уходят от вождя», то это с римской точки зрения вполне справедливо. Но если посмотреть с другой стороны, то это как раз и будет доказательством того, насколько прочной была внутренняя спайка среди германцев, ибо даже, несмотря на весьма незначительный внешний порядок, временное отступление и отсутствие настоящего командования, они все же не разбегались и даже не ослабляли энергии своего боевого натиска.

Тактическая форма строя, в котором сражалась германская пехота, получила у древних писателей название «cuneus», которое новейшими писателями переводится словом «клин» (клинообразный боевой порядок). Однако, это слово может так же ввести в заблуждение, как и наше выражение «колонна», которым, пожалуй, технически всего правильнее можно было бы перевести вышеприведенный латинский термин. Если мы будем термины «линия» и «колонна» противопоставлять друг другу, то под словом «линия» мы будем подразумевать такое построение, которое больше простирается в ширину, нежели в глубину, а под словом «колонна»—такое построение, которое более тянется в глубину, чем в ширину. Но если эти термины на самом деле постепенно переходят друг в друга, то их употребление в языке далеко отходит от вышеуказанного противопоставления. Такой боевой строй, который насчитывает 12—40 человек по фронту и 6 человек в глубину, мы уже называем «ротной колонной». Равным образом римляне иногда называли клином такие боевые построения, которые мы должны были бы обозначить как «фаланга» или «линия». Так, например, Ливий называет пунический центр в сражении при Каннах «очень тонким клином», хотя здесь, без сомнения, мы имеем дело не только с линейным построением, но даже, по собственному выражению Ливия, с довольно плоским построением. Слово «cuneus» часто обозначает просто-напросто слово «отряд»[2].

Хотя из одного слова «cuneus» (клин) еще ничего нельзя извлечь, однако, нет никакого сомнения в том, что наряду с общим значением оно имело также и специфически техническое значение, в котором оно иногда и употреблялось.

О техническом значении этого термина нас, кажется, довольно точно информируют некоторые писатели эпохи переселения народов. Вегеций (III, 19) определяет клин (cuneus) как «множество пехотинцев, которые подвигаются вперед сомкнутыми рядами — впереди более узкими, а сзади более широкими — и прорывают ряды противников». Аммиан пишет (17, 13), что римляне, т. е. варваризованные римские военные отряды, напали, «выражаясь грубо, по-солдатски, строем, похожим по своей внешней форме на голову кабана», т. е. «строем, который кончался узким рядом». А Агаций сообщает, что клин, ἔμβολον, франков в сражении против Нарсеса имел форму

---

[1] Тацит, «Анналы», 2, 45. Маврикий, G. A., 167. Агаций, B. A., p. 81, цит. у Müllenhoff, S. 180 und 181.

[2] Müllenhoff, «Germania», S. 179.

треугольника. Следовательно, клин представляли себе таким образом: впереди стоял один воин, а именно самый лучший; во втором ряду стояло трое, в третьем — пятеро и т. д. Но если вдуматься в это построение, то оно окажется невозможным. Ведь как бы сильно и хорошо ни был вооружен воин, стоящий во главе клина, в то время как он будет поражать своего противника, стоящего в неприятельском ряду, левый или правый сосед этого противника улучит минуту, когда он сможет напасть на него сбоку. Для того чтобы защитить переднего воина от этого двойного флангового нападения, существует только одно средство: двум крайним воинам второго ряда необходимо быстро прыгнуть вперед. Но окружение продолжается и по отношению к ним. Три воина, образующие теперь вершину клина, подвергаются нападению со стороны пяти противников. И опять крайние воины третьего ряда должны выпрыгнуть вперед. Одним словом, клин, вместо того чтобы ворваться внутрь неприятельского фронта, сплющивается в тот момент, когда он с ним соприкасается, и в кратчайшее время поворачивается в обратную сторону. Все крайние воины, которые вследствие клинообразной формы строя искусственно удерживались позади, устремляются теперь вперед; таким образом, широкая часть треугольника перемещается вперед, а узкая — назад, причем люди, стоявшие на флангах и бывшие раньше впереди, теперь оказываются позади. Следовательно, клинообразная форма не только не достигнет своей цели, но в то время, когда крайние воины задних рядов устремятся вперед, эта форма строя, очевидно, приведет к тому, что вершина клина, зажатая в тиски, понесет самые тяжелые потери. Поэтому нельзя себе представить более бессмысленной формы тактического построения. Ведь как бы тесно ни держались люди друг к другу, отряд всегда останется суммой отдельных людей, которые всегда будут устремляться вперед и никогда не смогут, подобно заостренному куску железа, сконцентрировать все боковое давление на одном острие или на лезвии.

Правильное описание клина сохранилось в античной литературе в двух местах: у Тацита и в конце эпохи переселения народов в «Стратегиконе» императора Маврикия, если он только является автором этого труда (приблизительно 579 г.). «Белокурые народы»—франки, лангобарды и подобные им,— читаем мы в «Стратегиконе», — нападают отрядами, которые столь же широки, как и глубоки [1], а Тацит говорит «о клиньях» (cuneis) батавов следующее: «повсюду тесно сомкнутые, а спереди, сзади и с боков хорошо прикрытые». «Тесно сомкнутым» отрядом, который со всех сторон — не только спереди и сзади, но и с флангов — одинаково силен, является каррэ, следовательно, при 400 человек такое построение, когда 20 стоят в ширину и 20 в глубину, а при 10 000—100 в ширину и 100 в глубину. Такой

[1] Это место гласит: «Во время сражения они строят свое войско таким образом, что боевая линия фронта равняется глубине построения, которое как в коннице, так и в пехоте они делают сильным и мощным, так что лишь это удерживает людей от проявления трусости» (изд. Шеффера, стр. 269). Мюлленгоф («Germania», S. 179) объясняет эти слова как раз наоборот, видя в них описание фалангового строя. В 1-м издании своего труда и еще в III томе (стр. 286) я следовал за ним, однако, теперь мне кажется, что я нашел более правильное объяснение. Ср. место из «Тактики» Льва, т. III, стр. 305. В эпоху Льва (каков бы он ни был) германского четырехугольного отряда уже не существовало (ср. т. III, стр. 207). Это описание заимствовано у Маврикия.

отряд образует не квадрат, а прямоугольник, фронтом которого является его узкая сторона, так как во время перехода дистанция между шеренгами приблизительно вдвое больше дистанций между рядами. Если же теперь перед строем такой глубокой колонны выступит вождь или князь, окруженный своей свитой, находящейся позади него или рядом с ним, то может показаться, что такая колонна увенчана вершиной. Эта вершина является командующей, руководящей частью. Пользуясь современными условиями, мы можем сравнить такое построение с атакой кавалерийской бригады. Впереди находится командир бригады, позади него — три человека: его адъютант и два трубача, затем — два полковых командира со своими адъютантами и трубачами, далее — восемь эскадронных командиров со своими трубачами, затем 32 взводных командира и, наконец, вся масса всадников. Такое построение можно изобразить в виде треугольника, однако, оно применяется лишь во время церемониального марша. Ведь это построение требует не постепенного внедрения в неприятельский строй, а того, чтобы во время войны, несмотря на то, что командиры находятся впереди строя, вся масса, вобрав в себя командиров, одновременно устремилась бы на неприятельский строй. Такова же была, следует думать, и вершина или острие древнегерманской «кабаньей головы». Когда князь или северный богатырь становился со своей свитой во главе каррэ, состоявшего из свободных членов общины, то он, бурно устремляясь вперед, увлекал своим натиском вслед за собой всю остальную массу войска. Атака должна была происходить одновременно. Голова колонны вовсе не имела своей задачей пробить вражеский фронт, но во время атаки вся масса войска вслед за своим герцогом должна была нанести удар, подобный удару тараном. Даже при отсутствии головы колонны глубокая колонна могла по своей форме приближаться к форме треугольника. Если такой клин, — скажем, шириной в 40 человек, т. е. насчитывавший 1 600 человек,— сталкивался с более широким неприятельским строем, то в этом случае наибольшей опасности подвергались оба фланговых первой шеренги, так как в момент столкновения им приходилось сражаться не с одним лишь противником, стоявшим прямо против них, но и с его соседом, который угрожал им со стороны. Потому могло свободно случиться, что крылья продвигались вперед с некоторой осторожностью, вследствие чего середина несколько выдавалась вперед. Напротив, внешние части задних рядов в своем натиске легко растекались. Поэтому и без того казавшийся узким фронт колонны должен был на самом деле казаться заостренным, однако, это не было его преимуществом. Это было скорее его деформацией, нежели правильной формой. Чем равномернее наступал весь отряд на противника и теснил его вперед, тем было лучше. Чем храбрее были фланговые, тем меньше следовало подозревать их в том, что они нарочно отставали. Чем ровнее держали ряды задние шеренги, тем острее был удар и сильнее натиск. А предводители должны были принимать все меры к тому, чтобы отряд, подходя к противнику, по возможности точно держал равнение как по фронту, так и в глубину. С началом наступления на противника германская колонна начинала петь «баррит» («крик слона») — свою боевую песню. При этом воины держали щит перед ртом для того, чтобы звук, отражаясь от щита, этим усиливался. «Она начинается глухим грохотом, — рассказывает нам римлянин, — и усиливается по мере того, как разгорается бой, достигая силы грохота при-

боя морских волн, ударяющихся о скалы»[1]. Подобно тому как применение тех флейт, звуком которых спартанцы сопровождали движение своей фаланги, послужило нам указанием упорядоченного и равномерного движения (том I, стр. 56), так и «баррит» указывает нам на тот же самый факт применительно к клину древних германцев.

Если германский клин производил атаку на такой же неприятельский клин и если оба клина выдерживали обоюдный натиск, то с двух сторон надвигались друг на друга задние ряды, пытаясь окружить противника. Если клин производил атаку на фалангу, то он ее либо прорывал, — причем в таком случае противник отступал не только в месте прорыва, но, что весьма вероятно, и по всему фронту, — либо же фаланга выдерживала натиск, и тогда войска, составлявшие клин, продолжали бой, причем им не оставалось ничего другого, как возможно скорее выдвинуть вперед свои задние ряды и, раздавшись в ширину, перестроиться в фалангу.

Римский центурион стоял и передвигался в строю фаланги, занимая место правофлангового своей роты. Лишь здесь мог он выполнить все свои функции: сохранение интервалов, командование, метание залпом дротиков и вслед за тем короткую атаку. Германский хунно шел во главе своего клина; когда же несколько родов образовывали большой клин, то они стояли рядом, причем каждый род состоял (по фронту) из двух или трех рядов; перед каждым родом стоял хунно, а перед всем клином князь, окруженный своей свитой. Здесь никогда не командовали метания дротиков залпом; здесь не надо было соблюдать равномерное, установленное правилами расстояние, и атака здесь начиналась штурмовым бегом на значительно большем расстоянии. Предводитель не должен был здесь равняться по соседним отрядам и держать определенное направление. Он устремлялся вперед по тому пути или по тому направлению, которые ему казались наиболее благоприятными, а его отряд следовал за ним.

Глубокая колонна — каррэ — является первоначальной формой тактического построения древних германцев, подобно тому как фаланга — линия — является такой же первоначальной формой у греков и римлян. Обе формы, повторяю, не являются обязательно противоположными друг другу. Каррэ не должно непременно иметь столько же шеренг, сколько оно имеет рядов. Оно будет отвечать своему назначению и в том случае, если будет иметь вдвое больше рядов, чем шеренг. Такой отряд мы все еще сможем и даже должны будем назвать каррэ, так как 70 человек с каждого фланга дают ему возможность самостоятельной защиты. Этот отряд будет, по выражению Тацита, еще «повсюду тесно сомкнутым, а спереди, сзади и с боков хорошо прикрытым». С другой же стороны, нам пришлось слышать и о таких фалангах, которые были очень глубоко построены. Таким образом, эти формы переходят одна в другую, не имея определенных границ. Но это обстоятельство не уничтожает их теоретической про-

---

[1] Тацит, «Германия», гл. 3. «Ист.», II, 22; IV, 18; Аммиан, XVI, 12; XXXI, 7. Эд. Норден (Ed. Norden, «Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania», 1920, S. 125), мне кажется, видит слишком много таинственного в «боевой песне». Плутарх («Марий», гл. 25) говорит о боевом строе кимвров, что он был столь же глубок, как и широк. Весьма возможно, что в основе этого рассказа лежит представление о германском квадратном отряде (каррэ). Но так как относительно этого каррэ говорится, что его длина и ширина равнялись 30 стадиям (3/4 мили) и так как вообще весь рассказ пропитан сказочными мотивами, то это указание не представляется нам надежным.

тивоположности, и нетрудно вскрыть причину того, почему народы классической древности исходили из одной формы, а древние германцы—из другой, первоначальной формы.

Преимуществом фаланги перед клином являлось непосредственное вовлечение большего количества оружия в сражение. Десятишеренговая фаланга, насчитывавшая всего 10 000 человек, имела 1 000 человек в первой шеренге. Клин же глубиной в 100 человек имел по фронту только 100 человек. Если клин сразу не прорвет фалангу, то он очень скоро будет окружен со всех сторон. Фаланга в состоянии его обойти своими флангами.

С другой стороны, слабой частью фаланги являлись ее фланги. Небольшая фланговая атака могла ее опрокинуть. Такая фланговая атака могла быть особенно легко произведена конницей. Германцы обладали сильной конницей, а греки и римляне такой сильной конницей не обладали. Поэтому германцы предпочитали строиться вглубь, чтобы иметь сильные и хорошо защищенные фланги. Греки же и римляне гораздо слабее чувствовали эту потребность. Они могли смело рисковать, принимая более тонкие построения, чтобы иметь на передовой линии как можно больше оружия.

Второй причиной, усиливавшей тяготение каждой стороны к свойственной ей форме построения, является то обстоятельство, что германцы обладали гораздо меньшим и худшим защитным вооружением, нежели греки и римляне с их развитой промышленностью. Поэтому германцы стремились к тому, чтобы выставить в первой шеренге лишь немногих, лучше других вооруженных воинов и пытались усилить атаку натиском из глубины, причем этому не очень вредило недостаточное вооружение воинов, стоявших внутри клина.

Наконец, клин имел еще и то преимущество, что он мог легко и быстро передвигаться по пересеченной местности, не нарушая в то же время своего внутреннего порядка. Фаланга же могла двигаться вперед ускоренным маршем лишь на очень небольшом расстоянии.

Теперь же следует поставить вопрос о том, как велико было каррэ древних германцев. Образовывали ли они одно, несколько или много каррэ и как они строились по отношению друг к другу?

Описывая сражение против Ариовиста, Цезарь пишет (I, 51), что германцы построились по родам (generatim), причем на одинаковом расстоянии друг от друга стояли гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седузии и свевы. К сожалению, мы не знаем численного состава этого войска (ср. том I). Так как Цезарь располагал в этом сражении 25 000—30 000 легионеров, а германцы во всяком случае были значительно слабее римлян, то их, очевидно, было не более 15 000. Таким образом, они, за исключением всадников и рассыпавшейся легковооруженной пехоты, образовывали 7 клиньев по 2 000 человек в каждом, причем некоторые из этих клиньев имели по 40 человек в ширину и в глубину. Германцы с такой стремительностью ринулись на римлян, что центурионы не успели даже скомандовать легионерам метнуть дротики залпом, так что легионерам пришлось, бросив дротики, взяться за мечи. Германцы, продолжает Цезарь, по своему обыкновению, быстро образовав фалангу, встретили натиск мечей. Я это понимаю так, что когда четырехугольным отрядам германцев не удалось прорвать боевую линию римлян (Цезарь вполне естественно описывает вторую схватку как непосредственно следовавшую за первой) и римляне проникли в промежутки между клиньями

с целью охватить их фланги, то германцы из задних рядов устремились вперед, чтобы заполнить интервалы и таким образом образовать фалангу. Конечно, это не могло произойти в полном порядке; поэтому в следующей фразе Цезарь уже говорит о «фалангах» во множественном числе; это мы должны понять в том смысле, что германцам не удалось установить одну общую боевую линию. Все это выступление вперед германских воинов из задних рядов является блестящим свидетельством их личной храбрости, так как вследствие неудачной попытки германских клиньев прорвать римскую фалангу была сломлена их главная сила, что оказалось для них в тактическом отношении весьма неблагоприятным. Но вся храбрость германцев разбилась о твердую сплоченность и численный перевес римских когорт, которые к тому же обладали преимуществом большей организованности[1].

С этой картиной, которую мы находим в описании Цезаря, вполне согласуются описания сражений у Тацита. Так он пишет («История», 4, 16), что Цивилий построил своих канинефатов, фризов и батавов обособленными отдельными клиньями, а в описании другого сражения (5, 16) у него ясно сказано, что германцы стояли не одним общим строем, но клиньями.

Благодаря своей форме германские клинья легко сжимались и не нуждались ни в каких особых упражнениях для передвижения. Когда Плутарх рассказывает о том («Марий», 19), что амброны шли в бой одинаковым шагом, отбивая такт ударами в щит, то, конечно, нельзя считать, что эта маршировка была абсолютно точной, как на параде, но вместе с тем необходимо признать, что это явление было следствием вполне естественного порыва. С другой же стороны, германцы могли с большой легкостью, не соблюдая внешнего порядка, беспорядочными толпами или совершенно врассыпную быстро наступать или отступать по лесам и скалам. Единство тактической части сохранялось у них благодаря внутренней сплоченности, взаимному доверию и одновременным остановкам, которые производились либо инстинктивно, либо по призыву вождей. От этого, как мы это уже видели, зависело все. Это гораздо важнее, чем внешний порядок, и гораздо труднее достигается в воинских частях, объединенных одной лишь чисто воинской дисциплиной, чем в естественной корпорации германского рода, находившегося под начальством своего прирожденного вождя — хунно или альтермана. Итак, германцы не только были хорошо приспособлены к правильному сражению, но особенно отличались в боях врассыпную, в нападениях в лесу, в засадах, в ложных отступлениях, — короче, во всех видах партизанской войны.

Вооружение германцев определялось недостатком у них металла. Хотя они уже давно перешли из бронзового века в железный, но все еще не умели, подобно культурным народам Средиземноморья или даже кельтам, увеличивать в зависимости от потребностей запас металла и в соответствии с ним свободно располагать металлом при его обработке[2]. Следует отметить, что в некотором отношении мы лучше знаем оружие германцев, нежели оружие римлян в класси-

---

[1] Рассказ Диона (38, 49, 50) является простой риторической картиной и не имеет поэтому никакого исторического значения.

[2] Согласно Кикебушу (ср. выше. стр. 21), это относится лишь к рейнским германцам. Как показывают находки, эльбские германцы были гораздо богаче железом, чем рейнские, и вообще стояли в культурном отношении выше рейнских.

ческую эпоху республики, так как германцы, так же как и кельты, погребали в могиле рядом с телом покойного его оружие, чего римляне не делали. Это дает нам возможность извлечь из земли оружие древних германцев. Древний германец и его оружие как бы составляют одно целое. Оружие германца является частью его личности. Для римлянина же оружие являлось ремесленным товаром, так же как и он сам в качестве воина являлся звеном, частицей, можно почти сказать, номером той манипулы, в которую он был назначен на военную службу управлением своего воинского округа. Поэтому германцы погребали вместе с воином и его оружие. Эту цепь мыслей можно продолжить еще дальше. Оружие в местах погребения по большей части находят в согнутом виде, т. е. оно было приведено в состояние негодности. Почему? Сперва предположили, что это делалось для того, чтобы удержать грабителей от воровства. Но это вряд ли вероятно, так как согнутое оружие легко снова выпрямить, а с другой стороны, в места погребения часто клали наряду с оружием и украшения. Причина этого скорее в том, что если человек уже больше ни на что не способен, то и его оружие делают бессильным. Тщательным исследованием и сравнительным изучением оружия, найденного в местах погребения, свидетельства римлян о вооружении германцев, правда, кое в чем были исправлены, но в основном эти свидетельства подтвердились. Римляне указывают на то, что лишь немногие воины имели панцырь и шлем; главным предохранительным вооружением был большой щит, сделанный из дерева или плетенки и обитый кожей, голова же была защищена кожей или мехом. В речи, которую Тацит («Анналы», II, 14) вкладывает в уста Германику перед одним из сражений, этот римский полководец говорит, что лишь первый ряд (acies) германцев вооружен копьями, остальные же имеют лишь «обожженные на конце или короткие дротики». Конечно, это было преувеличением, которое допустил оратор для того, чтобы поднять дух в своих войсках. Ведь если бы вся масса германцев действительно была вооружена одними лишь острыми палками, то, несмотря на всю свою храбрость, германцы никогда ничего не смогли бы сделать с римлянами, прекрасно вооруженными с ног до головы. Лучше осведомляет нас относительно германского вооружения Тацит в «Германии» (гл. 6), где он сперва также говорит, что германцы имели мало длинных копий и мало мечей, а затем — что их главное оружие называется «фрамой», которое он и в других местах нередко упоминает («Германия», 6, 11, 13, 14, 18, 24). Судя по описанию Тацита, это оружие было похоже на древнее копье греческих гоплитов (тяжеловооруженных воинов). Лишь позднее мы находим у германцев в качестве боевого оружия боевой топор[1].

Неясно, каким образом сочетались в клинообразном строе длинные копья с коротким оружием. Германик в своей приведенной выше речи утешает своих солдат, указывая на то, что в лесу такими копьями не

[1] Прекрасной, широко построенной работой является исследование Мартина Яна (Martin Jahn, «Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Kossinas Mannus-Bibliothek, Würzburg Curt Kabitzsch, 1916). Для того чтобы установить характер внешних влияний на германское вооружение, автор затрагивает в своем исследовании вопросы, связанные с кельтским, а также и с римским вооружением. Щиты, найденные в погребениях, настолько легки и тонки, что они вряд ли могли выдержать сильный удар копьем или мечом. Но зато они были снабжены металлическим украшением, которое в некоторых случаях оканчивалось штифтом длиною более 12 см. Это обстоятельство, очевидно, можно объяснить лишь тем, что

так удобно пользоваться, как дротиками и мечами. Поэтому можно предположить, что длина германских копий равнялась длине сарисс и копий ландскнехтов, что нам не кажется невозможным.

Так как длинное копье носилось двумя руками, то воин, несший такое копье, уже не мог держать в руках щита. Поэтому мы должны предположить, что длинными копьями были вооружены латники. Стоя в первом ряду и, возможно, чередуясь с воинами, державшими щит, для того чтобы быть слегка прикрытыми их щитом, воины, вооруженные длинными копьями, образовывали голову наступавшего клина. Как только эти воины могучими ударами прорывали неприятельский строй и приводили его в смятение, тотчас же вслед за ними наступали воины, вооруженные фрамами, и устремлялись в произведенный ими прорыв. Если бы не существовало такой тесной связи между длинным копьем и коротким оружием, то длинным копьем нельзя было бы пользоваться в схватке врукопашную. Даже сам копейщик должен был для продолжения и успешного окончания боя иметь при себе в качестве запасного оружия меч или кинжал.

Дело представится гораздо проще, если мы примем, что необычайная длина германских длинных копий есть не что иное, как преувеличение, допущенное в рассказах римлян и явившееся в результате сравнения этих длинных копий с коротким дротиком римлян. Если длина копья не превышала 12—14 футов (3,65—4,25 м) и его можно было держать в одной руке, что давало возможность воину в другой руке держать щит, то такое длинное копье немногим отличалось от фрамы. Поэтому в четырехугольном отряде можно было свободно по желанию размещать воинов, не обращая особенного внимания на вид оружия.

Существенным вопросом является следующий: раз греки и римляне, равно как, позднее, средневековые рыцари, защищали свое тело хорошим предохранительным вооружением, необходимым для рукопашных схваток, то каким же образом могли германцы обходиться без такого предохранительного вооружения? Я долго придерживался той мысли, что германцы надевали на себя шкуры зверей, которые истлели в могилах. Но на многочисленных сохранившихся изображениях германских воинов мы этого нигде не видим [1]. Напротив, источники говорят нам о том, что германцы не имели никакого другого предохранительного вооружения, кроме щитов. Это объясняется тем, что фаланга и легион были в большей степени приспособлены для одиночных боев, чем германский четырехугольный отряд. Этот последний предназначался для того, чтобы смять противника своей глубокой массой. Если это ему удавалось, то оставалось лишь преследовать неприятеля. Следовательно, в предохранительном вооружении нуждались, как мы это увидим позднее у швейцарцев, только внешние ряды. К тому же в бою врассыпную, который для

германцы пользовались щитом не только для пассивного парирования ударов, как римляне, но действовали им также и активно, пытаясь неприятельские удары и толчки не столько отражать, сколько отклонять, и, следовательно, сражались одновременно двумя руками. Ср. ниже в 3-й части, гл. 2-й экскурс о герулах. Ян сообщает в одном письме, что боевой топор вплоть до 200 г. н. э., как на то указывают данные погребений, не играл особенной роли. Начиная с III и IV столетий, топор встречается чаще, особенно в Лаузицких погребениях, где в то время жили бургунды.

[1] Они собраны в «Verzeichnisz der Abgüsse mit Germanen-Darstellungen» von K. Schumacher. 2 Aufl., Mainz, 1910.

германцев имел, пожалуй, больше значения, чем бой в клинообразном строю, легкость в движениях была настолько важна, что ради нее германцы отказывались от всякого иного предохранительного вооружения, кроме щита.

Германцы очень широко пользовались дротиком. Замечательно то, что германцы перестали пользоваться луком и стрелами, которые им были известны еще в бронзовую эпоху и которые снова вошли в употребление лишь в III в. н. э. Источники и археологические находки в полном соответствии друг с другом ясно говорят нам об этом [1].

КЛИН

Уже в «Настольной библиотеке для офицеров» («История военного искусства», т. I, 97, 1828) описано треугольное построение и полый клин, служивший для охвата, но тут же добавлено:

«Эти клинообразные построения были скорее тактическими изобретениями и забавами, предназначавшимися для учебного плаца, нежели практическими построениями, применявшимися во время войны, для чего у нас нет соответствующих примеров».

«Вообще греки понимали под словом «клин» всякую наступательную группу, построенную больше вглубь, чем в ширину. К этому типу построения относится поэтому и наступательная колонна Эпаминонда».

Пейкер, напротив, верит в существование треугольной формы германского клина и хвалит ее за то («Немецкое военное искусство в древние времена» — «Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten», II, 237), что «она давала возможность легче менять фронт». Авторитет греческих тактических писателей, на которых он в данном случае ссылается, мы спокойно можем оставить в стороне, так как они пишут только о коннице, — равным образом и пример полета журавлей. Мнимая большая легкость поворотов, как, впрочем, и все построение, является не чем иным, как чисто доктринерской теорией.

В другом месте (II, 245) Пейкер указывает как раз наоборот, что «клинообразная наступательная колонна могла передвигаться, не нарушая своей внутренней сплоченности, лишь по твердой, открытой и ровной местности».

Вопрос о свидетельствах северных писателей подробно разобран в двух исследованиях Г. Некеля (G. Neckel, «Hamalt Fylkin. Braunes Beiträge z. Gesch. d. deutschen Sprache», Bd. 40, S. 473, 1915) u. «Hamalt Fylkin Svinfylkin. Archiv foer Nordisk Filologie», Bd. 34. N. F. 30).

Некель под словом «хамальт» понимает такой четырехугольный отряд, отличительной чертой которого является сплошной ряд щитов. «Хамальт» превращается в «свинфилькинг», если перед его строем выстраивается треугольник, направленный своим острием против неприятеля. Так как мы уже убедились в том, что это острие не имело тактического значения, то я не могу себе представить, чтобы в поэтических источниках могли быть подмечены тонкие теоретические различия: стоят ли в целях более легкого и удобного руководства в первой шеренге при наступательном движении один или немногие воины, а воины следующих шеренг выскакивают из своих шеренг лишь в момент атаки и становятся рядом с ними, или же во всех шеренгах с самого начала имеется одинаковое число воинов. Даже в том случае, когда предводитель предполагал подступить к неприятелю и атаковать его треугольной головой колонны, то это все же на практике было почти неосуществимо, так как воины, выступавшие из-за второй, третьей и четвертой шеренг, едва ли смогли бы искусственно держаться на установленной дистанции от воинов первой шеренги. Дистанции между шеренгами настолько малы, что их нелегко со-

[1] M. Jahn., S. 87, 216.

хранять даже при мирных упражнениях на ровном учебном плацу; при дикой же боевой атаке, когда каждый воин делает все, что может, для того чтобы по меньшей мере не отстать от своего соседа, а, может быть, даже его и обогнать, сохранять дистанции совершенно невозможно. Гораздо ниже Некеля я оцениваю в качестве источников как Агация, так и северные поэмы вплоть до Саксона Грамматика, который из них черпает. Я остерегался даже, как это можно было видеть, устанавливать какие-нибудь тактические формы по Гомеру. Свидетельство же Агация ни в коей мере не может поколебать те указания, которые мы находим в «Тактике» Маврикия. Их даже сравнивать нельзя.

В некоторой степени противоречит моему описанию рассказ Тацита о сражении Арминия с Марбодом («Анналы», II, 45): «Войска построились, охваченные одинаковой надеждой, и не так, как это было раньше в обычае у германцев, т. е. беспорядочными скоплениями или разбросанными отрядами, так как продолжительная война с нами приучила их следовать за знаменами, прикрываться резервами и обращать внимание на слова полководцев». Эти слова Тацита можно понять таким образом, что германцы раньше вообще не знали никакого тактического строя, научились ему от римлян и подражали им в том, что, подобно им, выстраивали войско для сражения и прикрывали его резервами, т. е. готовились ко второму или даже нескольким сражениям.

Но, разбирая это описание, мы должны здесь учесть риторический акцент. Поэтому «древний обычай» германцев строиться «беспорядочными скоплениями или разбросанными отрядами» есть не что иное, как наступление четырехугольными отрядами клиньями, за которыми следуют стрелки и которые очень легко совершенно рассыпаются. А «войско, прикрытое резервами», мы на самом деле можем принять как подражание римским формам. Со времен Цезаря бесчисленное количество германцев — как князей, так и свободных членов общины — перебывало на римской службе, что дало им возможность основательно изучить римское военное искусство. Весьма возможно, что как Арминий, так и Марбод сочли для себя выгодным построить войско по римскому образцу. Для этой цели им достаточно было приказать, чтобы отдельные роды строились не отдельными большими четырехугольными отрядами, а двигались все в один ряд. Род или сотня были приблизительно тем же самым, что римские центурия или манипула. Таким образом, можно было образовать несколько боевых линий или один резерв. Совершенно не является противоречащим то обстоятельство, что средиземноморским народам потребовалось несколько столетий для того, чтобы достигнуть такого тонкого расчленения войска, и что германские варвары смогли сразу его перенять. Сами по себе германцы этого не смогли бы сделать, так как слишком сильна была еще сила традиционной привычки и вера в традиционную форму. Никакой личный авторитет не был бы достаточно высок, чтобы преодолеть недоверие толпы к такому новшеству, как образование боевых линий или резерва. Но так как каждый либо по личному наблюдению, либо по рассказу своих товарищей знал, каких успехов достигали римляне благодаря этим построениям, то полководец, который сделал бы такое предложение в военном совете хунни, мог легко получить всеобщее одобрение. А механически провести в жизнь эти приказы было, конечно, совсем не трудно тем хунни, которые держали в строгом повиновении свои отряды.

Таким образом можно объяснить ведение боя германцами по римскому образцу. Но мне хочется к этому прибавить, что мне кажутся очень спорными те основания, которые мы для этого извлекаем из соответствующих источников. Очень сомнительно то, что римляне располагали достоверными сведениями относительно веденного германцами сражения, и очень возможно, что мы здесь имеем перед собой лишь римскую фантазию. Во всяком случае мы здесь имеем дело лишь с эпизодическим рассказом о сражениях с батавами. Даже те германцы, которые до этого находились на римской службе, выступали в своем обычном боевом строю, а в опи-

саниях эпохи переселения народов мы опять и опять встречаем германский четырехугольный отряд, или клин. Агаций сообщает нам,—правда, в искаженной форме, — о клинообразном построении франко-алеманнского войска, находившегося под начальством Буцелина или Лейтара в сражении при Казилине (ср. ниже, часть III, гл. 4), а у Маврикия мы уже читали, что он считал четырехугольный отряд специфически германским типом построения войск.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОИНЫ

Тацит («Германия», 30, 31) восхваляет хаттов за их совершенно исключительные военные таланты и рассказывает, что среди них имеется много воинов, которые в течение всей своей жизни не имели ни дома, ни пашни, но живут одной лишь войной. Это описание нам кажется сомнительным, поскольку оно слишком выдвигает хаттов из среды прочих германцев. Ведь ни один исторический факт не говорит нам о том, что одно германское племя смогло когда-либо достигнуть значительно большего, чем остальные племена. Правда, они часто побеждали друг друга, так что некогда столь сильные херуски, как нам об этом сообщает Тацит, к его времени сильно ослабели. Но все же из этого мы не должны делать вывод о специфическом различии в военном искусстве, существовавшем среди германских племен, — о таком различии, которое было, например, в V в. между спартанцами и прочими эллинами. Каждый германец в каждом германском племени был прежде всего воином. Это является основным фактом, который перевешивает все остальные. Но, конечно, мы спокойно можем поверить тому, что среди всех германских племен на основе этого всеобщего воинства отдельные воины становились особенно прославленными храбрецами, бродяжничали по округам в качестве искателей приключений, разбойников и паразитов, не обзаводились семьями, не обрабатывали полей и лишь на время возвращались в свой род, а когда дело доходило до драки или сражения всегда охотно становились в первую шеренгу клина и даже иногда поступали на военную службу к римлянам. Но все же, называя таких дикарей профессиональными воинами, не следует всех остальных германцев тем самым превращать в мирных крестьян. Здесь имеется лишь различие в степени, так как все германцы были воинами.

ФРАМА

Оружие германцев описано в речи Германика (Тацит, «Анналы», II, 14) и в 6-й главе «Германии» Тацита. Но оба эти описания взаимно противоречат друг другу и потому требуют пояснений. Слова Германика «обожженные с одного конца или короткие дротики» дают очень неясное представление, и если мы даже действительно примем, что часть германцев на самом деле была вооружена деревянными «дротиками» с обожженными в огне остриями, то все же слова «или» и «короткие» не дадут ни пояснения, ни противопоставления.

В 6-й главе «Германии» говорится: «Там не имеется в избытке даже железа, что ясно видно из формы их оружия. Они редко пользуются мечами или длинными копьями. Копья, или, по их собственному выражению, фрамы, они снабжают железными остриями, узкими и короткими, но настолько острыми и столь удобными для употребления, что они сражаются тем же самым оружием и вблизи и издали, в зависимости от обстоятельств.

«Копье с узким и коротким железным острием» есть не что иное, как древнее копье гоплитов, о котором также можно сказать, что им можно сражаться вблизи и с равным успехом его можно метать издали. Но очень неудачно в этом описании противопоставление «длинных копий» недостатку железа. Ведь большая или меньшая длина или толщина древка копья не имеет никакого отношения к его наконечнику. Очень короткие метательные копья могут быть снабжены очень длинными железными наконечниками, — как, например, римские дротики, — а очень длинные

копья могут иметь очень короткие наконечники. По этой причине Фукс (Jos. Fuchs, «Hist. Vierteljahrschr.», 1902, 4. H., S. 529) пытается перевести «lanceis» — «наконечниками копий». Правда, такой перевод исправляет нелогичность данного текста, но все же способ выражения здесь остается странным; к тому же в таком случае выпадают из текста длинные копья, существование которых вообще хорошо засвидетельствовано. Далее, поразительным является тот хвалебный тон, с которым Тацит описывает такое простое оружие, как копье гоплита, которое было для римлян самой обычной вещью, и описывает его как нечто совершенно необычайное, причем не только здесь, но и во многих других местах называет германскую фраму со священным трепетом «кровавой и победоносной фрамой»[1]. Поэтому пришли к совсем другому толкованию этого места. Раскопки обнаружили относящийся к глубокой древности своеобразный инструмент, которому археологи дали искусственно придуманное название «кельт»[2]. Кельты, сделанные из камня, бронзы и железа, имеют форму узкого топора, который приделывался к ручке не поперек, а вдоль. Таким образом, можно было кельт так насадить на ручку или на палку, что получалось копье, которое вместо острия имело лезвие. В этом оружии хотели видеть германскую фраму, и еще Иенс в своей «Истории развития древнего наступательного оружия» (Jaehns, «Entwickelungsgeschichte der alten Trutzwaffen») высказал такое предположение и его подробно обосновал. Его главным доказательством является то, что такое толкование соответствующим образом поясняет применение кельта, столь часто встречающегося и столь непонятного; далее, то, что оно согласовывает находки и историческое свидетельство, и, наконец, то, что оно оправдывает ударение, с которым Тацит говорит о фраме, как о совсем своеобразном оружии. Фрама — копье — кельт было, таким образом, оружием народа, бедного железом, который придает своему оружию такую форму, чтобы оно по возможности могло служить всяким целям и чтобы им можно было пользоваться не только как оружием, но и как инструментом. Его преимуществом являлось то, что им можно было не только толкать или ударять, но в случае нужды и метать его.

Вполне естественно, что при метании и толчке копье гораздо эффективнее, так как широкое лезвие не так легко и не так глубоко проникает, как заостренное острие, но тот человек, который в своем распоряжении, помимо копья, не имеет меча, — а его как раз и недоставало большинству германцев, — тот человек, конечно будет пытаться приспособить копье для удара, а острый край кельта как раз и дает возможность это сделать. Иенс подкрепляет свою точку зрения указанием на то, что и в других местах были найдены копья с широким лезвием, а также указанием, что это дает возможность установить связь с каменным веком. Острое боевое оружие невозможно было изготовить из камня, так как камень раздробился бы при ударе о предохранительное вооружение неприятеля. Заостренное каменное оружие годилось лишь для охоты. Следовательно, древнейшей формой каменного боевого копья было копье с широким лезвием, и эта испытанная форма еще долго сохранялась не только в течение бронзового, но и в течение железного века. Наконец, мы находим, что в одной глоссе IX в. фрама (framea) объясняется, как «плуг» («Ploh»-Pflug), что указывает на инструмент с широким лезвием, а не с острием.

В этой аргументации есть что-то подкупающее, но она все же, без всякого сомнения, неправильна. Найденные, действительно, в очень большом количестве кельты вовсе не относятся к римско-германской эпохе, а являются значительно более древними. Поэтому вовсе не требуется устанавливать какое-либо соответствие между этими находками и свидетельствами римских писателей. Хотя, действительно,

---

[1] Тацит, «Германия», 14.

[2] Изобретателем этого слова, кажется, является гуманист Конрад Кельтис, который таким образом перевел свою фамилию «Пикель» («стержень»). См. Olshausen. «Verh. d. anthrop. Gesellsch.», 1894, S. 353.

было найдено несколько кельтов, насаженных на копьевидные древка, чему Иенс придает особенно существенное значение, все же кельты могли насаживаться и на кривые бруски, что давало возможность пользоваться ими как мотыгами или топорами. Оружие с широким лезвием настолько менее приспособлено для толчка, чем оружие с острием, что совершенно невозможно, чтобы оно было предназначено для этой цели. К тому же край кельта слишком туп для того, чтобы им можно было пользоваться для нанесения ударов. Если бы кельт предназначался для ударов, то в таком случае по крайней мере на одной его стороне сделали бы соответствующее для этого лезвие. Наконец, что касается Тацита, то он в своих словах «копья с коротким и узким железным острием» пропустил бы важнейшую особенность кельта — лезвие вместо острия. Если, действительно, в других местах встречаются, как то утверждает Иенс, копья и стрелы, снабженные вместо острия широким лезвием, то они ведь могли служить другим целям и никак не могут опровергнуть явную непригодность кельта для производства толчка. А «сакс шириной в руку» (Jaens, «Die Klinge von Siegfrieds Pfeil», S. 174) может быть и иначе объяснен. Толкование слова «плуг» («Ploh») ничего не доказывает, так как древнейшее орудие, служившее для вспахивания, было во всяком случае острым, а не широким. Ср. для остальных свидетельств источников и параллельных мест рецензию Мюлленхофа на V. Lindenschmidt, Handbuch der deutschen Altertumskunde: Anzeig. f. d. Altertum», Bd. 7, neugedr. i. d. Deutsch. Altertumskunde, Bd. 4 (Die Germania), S. 621. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 2, 1870, S. 347.

Таким образом, остается непоколебленным, что фрама в основном была не чем иным, как древнегреческим копьем гоплита длиною в 6—8 футов. Тацит подчеркивает как раз «короткий» железный наконечник, сравнивая его с римским дротиком. Существенной ошибкой в его описании является упоминание длинного копья. Если его выпустить, то цепь мыслей — «германцы имеют мало железа, потому они сражаются не мечами и дротиками, но копьями, которыми можно одинаково пользоваться как в бою на близком расстоянии, так и на далеком» — будет вполне естественной для римского писателя. Далее, в этой фразе Тацита очень неудачна также и логическая связь: «Это оружие столь остро и удобно, что им можно пользоваться как в бою на близком, так и на далеком расстоянии». Обе половины этой фразы должны были бы быть соединены не союзом «что», а простым союзом «и». Наконец вводит в заблуждение тон всего описания, который изображает фраму как нечто совсем особенное, в то время как она была самым простым, повседневным и широко распространенным оружием. Но все это нас не так будет поражать, если мы здесь учтем вообще хорошо известную особенность исторического стиля Тацита, которая заключается в том, что он обращает внимание не столько на самый предмет изложения, сколько на то впечатление, которое он может или должен произвести на читателя. Поэтому он стремится придать своим антитезам особенную прелесть тем, что не совсем точно заостряет друг против друга их острия.

К третьему изданию. Шуберт-Золдерн («Zeitschr. für histor. Waffenkunde», Bd. 3. S. 338, 1905) снова выступил в защиту теории Иенса, основываясь на аргументах, заслуживающих внимания. В особенности он подчеркивает то обстоятельство, что острие — каменное, бронзовое или железное — легко обламывалось; при недостатке железа, который испытывали германцы, это должно было вести к тому, что они острию предпочитали лезвие. Слово «celtis» он считает позднелатинским и переводит словом «резец».

Глава III

Покорение Германии римлянами

Когда римляне победили галлов и сделали Рейн своей границей, то они поставили перед собой задачу защищать своих новых подданных от германцев. Галлы бросились на шею Цезарю (Cäsar an den Hals geworfen), чтобы только не подпасть под иго этих варваров, а римское правление в Галлии началось с изгнания Ариовиста соединенными силами римлян и галлов. Но начатая здесь таким образом борьба продолжалась. Дикие германские орды все снова и снова переправлялись через Рейн. Чем пышнее расцветала новая провинция под мирной сенью мировой римской державы, тем больше она манила к себе жадных до добычи и сознававших свою силу сыновей первобытного леса. Поэтому римляне принуждены были прибегнуть к самой решительной мере для того, чтобы раз навсегда пресечь эту постоянно им грозившую опасность, и,—как ни мало влекла их к себе эта суровая и туманная страна, — римляне были вынуждены вступить в собственные владения германцев и положить конец их свободе, как это они сделали раньше по отношению к галлам.

После того как Август привел в порядок внутренние дела империи, покорил альпийские страны и отодвинул границы Римской империи вплоть до Дуная, он поручил своему пасынку Друзу, а после его смерти Тиберию дело укрощения племен, живших от Рейна до Эльбы. И тогда римляне принялись систематически выполнять эту задачу.

Хотя отдельные германские племена были слишком незначительны по своей численности и хотя даже многие племена, собравшись вместе, могли выставлять войска лишь средней численности, а когда им удавалось собрать более крупные войска, то они не умели ими оперировать (ср. в предыдущем томе «Римское военное дело, направленное против варваров»), — все же, несмотря на это, всюду, куда только ни являлись римляне, каждый мужчина был воином. Поэтому вторгаться в страну этих варваров, которые презирали не только раны, но даже смерть, римляне могли отваживаться лишь с крупными и крепко сплоченными войсками.

Но снабжать продовольствием во внутренней Германии большие армии было весьма трудным делом. При незначительном количестве своих пашен страна сама по себе давала очень мало. А для того чтобы отправлять по проселочным дорогам на большие расстояния продовольственные обозы, необходимы были большие приспособления; при этом следует иметь в виду, что за исключением мостов через топи, которые были возведены германцами с удивительной затратой труда и с необычайным искусством, в Германии не было никаких мощеных дорог. Поэтому Друз, вынужденный из-за недостатка продовольствия вернуться после своего первого похода вглубь страны, создал для своего дальнейшего продвижения вперед двойную базу. Главным складом оружия римлян на Нижнем Рейне был лагерь Ветера (Биртен) у Ксанта, расположенный против места впадения Липпы в Рейн. Липпа судоходна для небольших судов почти вплоть до своих истоков не только весною, но также и в течение некоторой части года. Поэтому Друз,

продвигаясь по Липпе, основал на том месте, где ныне стоит собор в Падерборне, форт Ализо, который должен был служить складочным пунктом (11 г. н. э.).

Было бы неправильно видеть в основании форта или крепости независимо от его размеров средство для укрощения строптивых и для установления господства над соседними племенами.

Существуют такие условия и такие народы, среди которых можно устанавливать свою власть путем размещения гарнизонов и основания этапных пунктов. Это возможно именно в тех случаях, когда нет основания ожидать открытия военных действий или когда покорение страны достигло такой степени, что остается преодолеть лишь самое незначительное сопротивление. Здесь уже дело не в стратегии, а только в полиции.

В Германии такая политика римлян привела бы к печальным для них результатам. Германцев можно было покорить, лишь ведя войну в крупном масштабе. И пока германцы не были окончательно покорены, единственной задачей гарнизона крепости могло быть лишь обеспечение себя и обнесенного стенами крепости клочка земли от местного населения. И от Цезаря мы также не слышим, чтобы он в Галлии строил крепости, за исключением одного форта, который должен был обеспечивать мост через Рейн, так как крепости требуют горнизонов, а постоянным стремлением Цезаря было никогда не разбивать своих войск, но всегда их держать вместе, для того чтобы, пользуясь безусловным численным перевесом в открытом поле, победить галлов и обратить их в бегство.

Существовало также и такое мнение, что Друз основал форт на Липпе, чтобы всегда иметь в своем распоряжении открытую и защищенную переправу через реку и что именно по этой причине он искал место для этого форта, идя вниз по реке. Но это не является решающим соображением, так как Липпа — сравнительно небольшая река, по обеим сторонам которой идут дороги, хотя и не всегда пролегающие в непосредственной близости от берега. Несмотря на то, что вследствие болотистых берегов Липпу бывает часто трудно перейти даже на большом протяжении, все же германцы не могли и думать о том, чтобы закрыть переправу через эту реку римлянам, обладавшим многочисленными вспомогательными средствами и всегда имевшим возможность обойти неприятеля. Поэтому форт на Липпе также не мог иметь значения предмостного укрепления.

Совсем иначе будет обстоять дело, если мы на него посмотрим с точки зрения продовольственного снабжения армии. Это снабжение нуждалось в водном пути сообщения, а водный путь требовал конечного пункта, складочного места, где суда могли бы оставлять свой груз, а продовольственные обозы их принимать для дальнейшей отправки вглубь страны. Ведение войны в центральной Германии принимало совершенно иной характер в том случае, когда уже не нужно было везти с собой зерно или муку от самого Рейна, а можно было нагружать их на расстоянии 150 км по прямой линии от Рейна в верховьях Липпы и здесь снова пополнять их запасы. Цезарю не нужно было в Галлии основывать складочные пункты и отделять от легионов гарнизонные части для их защиты. О снабжении армии должны были заботиться покоренные и союзные племена, пользуясь для этой цели помощью римских поставщиков. В Германии же под влиянием необходимости римляне были принуждены отказаться от этого основного

принципа снабжения. Друз основал Ализо не для того, чтобы посредством него держать окружные племена в повиновении, так как это было бы для такой цели слишком недостаточным средством, а для того, чтобы создать твердую базу для римских военных операций

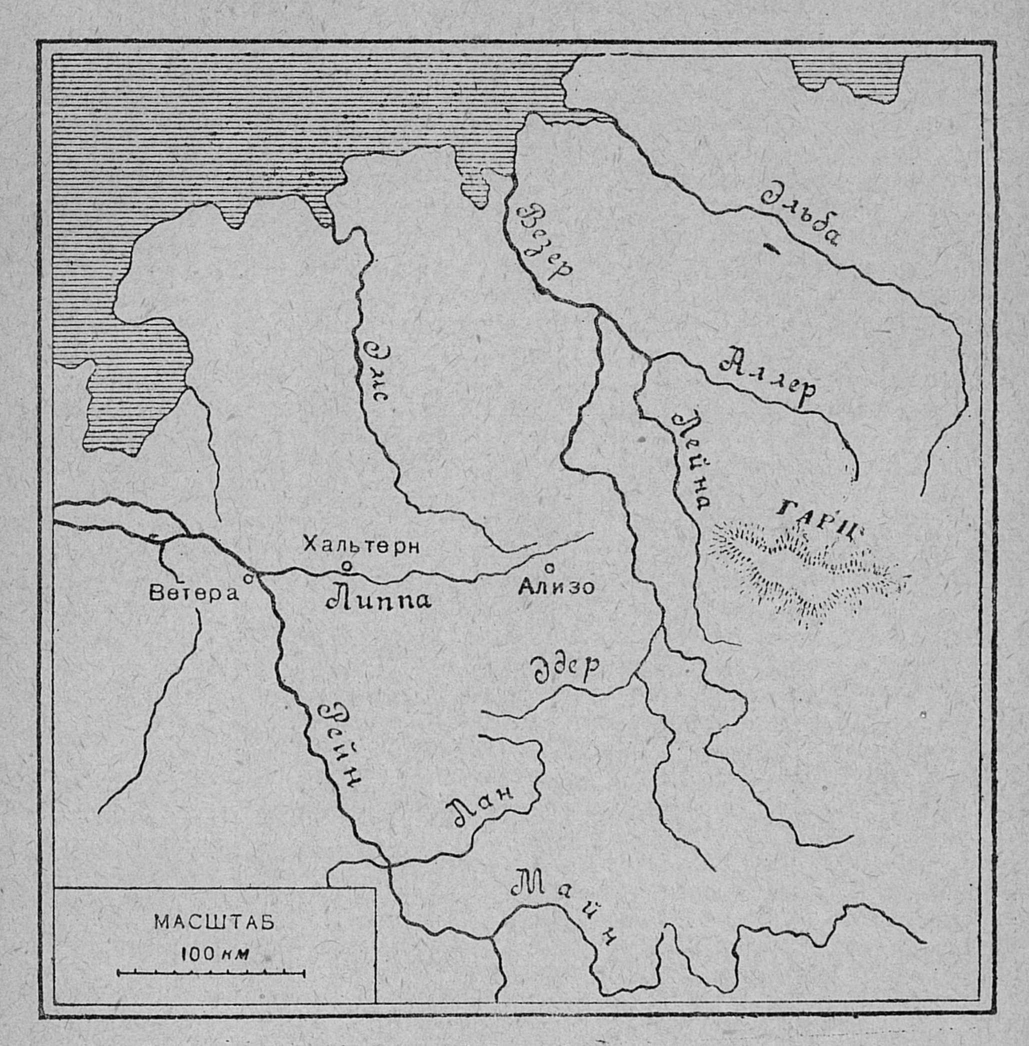

Схема 1

в центральной Германии (см. ниже специальное исследование об Ализо).

Когда же форт был построен, то, естественно, он стал служить и другим целям, как, например, для приемки больных, для наблюдения за страной и за людьми, для полицейского надзора в той области, на которую распространялась его власть, в качестве убежища, но все же главной и основной его целью, характеризовавшей его значение и определившей его деятельность, было служить в качестве складочного пункта, расположенного на водном пути, где должна была происходить перегрузка на сухопутный транспорт.

Помимо Ализо, Друз, как говорят, основал еще 50 фортов на Рейне [1]. Это на первый взгляд кажется противоречащим плану покорения Германии, так как снабжение этих 50 фортов гарнизонами потребовало бы значительной части наличных войск; а если бы удалось покорить германцев, то эти форты оказались бы уже излишними. Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что когда армия отправлялась в поход, то ополчение (ландштурм) должно было занимать эти форты и охранять их в качестве убежищ для местного населения в тех случаях, когда германцы, не имея возможности защитить свою страну от римлян, пытались бы облегчить свое положение, делая диверсии в сторону этих римских фортов. Кроме того, в больших лагерных стоянках, очевидно, оставлялись части войск, участвовавших в походе, для того чтобы они могли приходить на помощь туда, где в этом встречалась необходимость. Помимо пути от Рейна по Липпе, был еще и другой путь, идя по которому войско могло достигнуть внутренних областей Нижней Германии. Этим путем было море и впадающие в него реки. Первым делом, за которое взялся Друз, после того как он принял командование над римскими войсками в Германии, было прорытие канала, соединяющего Рейн с Исселем, который должен был дать возможность прямо достигнуть через Зюдерзее германских берегов Северного моря. Еще и теперь существует «ров Друза» (fossa Drusiana), который Светоний называет («Клавдий», гл. 1) «новым и громадным предприятием» [2]. Римская торговля в Северном море не была настолько велика, чтобы оправдать столь большие расходы, связанные с этой работой, но с точки зрения стратегии это предприятие становится понятным. Когда Тиберий совершал свой поход к Эльбе (4 г. н. э.), то у устья Эльбы сухопутное войско встретилось с флотом, который вез «громадное количество всяких вещей» [3]. Римские корабли достигали Ютландии, а на реках они много раз вступали в бой с германскими кораблями [4]. Когда бруктеры несколько позднее, во время войны римлян с Цивилием, захватили в качестве военной добычи преторскую галеру с тремя рядами весел — адмиральский корабль римлян, то они повезли его по Липпе, чтобы принести его в дар своей жрице и пророчице Веледе [5].

Уже Друз построил форты близ устья Везера и даже Эльбы, а для несколько более позднего времени у нас есть более надежные свидетельства о существовании римского гарнизона близ устья Везера [6]. Эти форты должны были служить опорным пунктом для военного и грузового флотов римлян [7].

Таким образом, это тщательно подготовленное предприятие римлян увенчалось полным успехом. Уже Друз принудил прибрежные пле-

---

[1] Флор, IV, 12.

[2] Риттерлинг («Bonner Jahrbücher», 1096) считает, что этот канал соединял Рейн не с Исселем, а с Фехтом, впадающим в Рейн несколько ниже. Но для нас это различие не имеет никакого значения.

[3] Веллей, II, 106.

[4] Страбон, VII, 1, 3. Веллей II, 121.

[5] Тацит, «Истории», V, 22.

[6] «Кроме того, для защиты провинций он повсюду поставил форты и посты — по реке Мозе, вдоль Эльбы и Везера. А вдоль берега Рейна он построил более 50 крепостей». Асбах (Asbach, «Bonner Jahrbücher», Heft 85, 1888, S. 28) вполне правильно вместо «Mosam» читает «Amisiam». Ср. Тацит, «Анналы», I, 38.

[7] Поэтому следует считать неправильным утверждение Кеппа (Koepp, «Die Römer in Deutschland», S. 22), что продвижение Друза вплоть до Эльбы является лишь единичным и мимолетным ударом».

мена — фризов и хавков — признать верховную власть римлян, а Тиберий принял присягу на верность от всех племен, живших вплоть до самой Эльбы, причем дело даже не дошло до более или менее крупных боев. Эта изумительная податливость германцев, как правильно предположил Ранке, объясняется тем же, чем в свое время объяснялся тот факт, что галлы пошли навстречу Цезарю. Именно в эти годы князь маркоманов Марбод основал большое германское королевство. Простираясь из пределов Богемии, оно охватывало ряд племен вплоть до Нижней Эльбы. Для того чтобы избегнуть его власти, племена, жившие около Везера, присоединились к римлянам (в годы 11—7 до н. э.).

Сперва взаимоотношения римлян с германцами носили характер лишь свободного союза, так что римляне каждую зиму снова отводили свои войска к Рейну или к близлежащим местам. Конечно, совершенно ясно, насколько было убыточно для римлян постоянно менять место для лагеря. Германцы не могли сами на себя смотреть как на окончательных подданных Римской империи, да и римляне им настолько еще не доверяли, что остерегались оставаться на зиму среди них. Этот факт опять-таки объясняется необходимостью продовольственного снабжения.

Путешествие по Северному морю и вверх по Эмсу, Везеру и Эльбе было даже летом рискованным предприятием, зимой же навигация вовсе прекращалась. Поэтому мы узнаем, что нужно было снова покорять то одно, то другое племя; лишь в 4 г. н. э. Тиберий, вторично посланный на север, повидимому, окончательно покорил эти оседлые племена. Он отважился оставить на зимовку свое войско около истоков Липпы, т. е. вблизи от Ализо.

Римляне основывали города и рынки, и германцы, казалось, привыкали к новому образу жизни, посещали рынки и вступали в сношения с новыми поселенцами (Дион, 56, 18). Уже римляне готовились покорить и германское королевство Марбода в Богемии; подвластные римлянам племена по Майну должны были служить базой для этого похода. Начать эту войну помешало римлянам большое восстание, вспыхнувшее среди также недавно покоренных племен, живших к югу от Дуная, и отвлекшее к себе римские силы на три года. Но и в это время германцы, населявшие Северную Германию, оставались совершенно спокойными.

Однако, наконец, когда римляне при наместнике Варе стали вполне серьезно относиться к своему господству в Германии, среди народов, живших между Эльбой и Рейном, вспыхнуло большое, всеобщее восстание.

ИСТОЧНИКИ

В то время как мы можем нарисовать ясную и достоверную картину характера, условий жизни и занятий германцев, мы с гораздо меньшей достоверностью можем говорить об отдельных исторических событиях нашей древнейшей истории. Это зависит от характера наших источников. Они многочисленны и подробны, но подобны блуждающим огням. Если мы были принуждены с большой осторожностью пользоваться рассказом Цезаря о покорении Галлии, ибо этот рассказ не только дает одностороннее римское освещение, но даже не может быть проконтролирован при помощи других римских источников, то гораздо хуже обстоит дело с эпохой боев римлян с германцами. Хотя мы здесь имеем не один, а несколько источников, но почти все они черпают из вторых, третьих и четвертых рук. Главный рассказ

о сражении в Тевтобургском лесу, которым мы располагаем, — рассказ Диона Кассия — написан лишь через два столетия после этого события, и даже Тацит жил на столетие позже тех походов Германика, которые он описывает. Но этот недостаток наших источников является одним из самых незначительных их недостатков, ибо наши рассказчики пользовались хорошими свидетельствами современников, а, кроме того, в лице Веллея Патеркула мы имеем хорошо осведомленного современника, которым мы можем пользоваться в качестве свидетеля. Гораздо худшим обстоятельством является то, что литература этой эпохи насквозь проникнута риторикой. Эти писатели вовсе не стремятся рассказывать о том, что было на самом деле или что данные события развертывались именно так, как это они хотят изобразить, заставив читателя верить их рассказу, но они прежде всего стремятся к тому, чтобы своим ораторским искусством произвести на читателя определенное впечатление. Мне кажется, что в тех многочисленных исследованиях, которые посвящены вопросу о сражениях Арминия и Германика, эта характерная особенность наших источников хотя и часто подчеркивалась, однако, далеко недостаточно критически учитывалась.

Объективно недостоверно не только то, о чем эти источники говорят самым определенным образом, но еще более недостоверны те выводы, которые извлекаются из их описаний, так как сами авторы, создавшие эти описания и эти ассоциации мыслей, не смотрели на них как на объективные картины реальной действительности. Сейчас мы это поясним на некоторых примерах.

Судя по рассказу Диона, который подтверждается Тацитом, нападение на войско Вара было совершено во время перехода. По Флору же, германцы внезапно вторглись в лагерь Вара, когда он в нем творил суд. Противоречие между этими двумя рассказами настолько резко, что Ранке даже думал, что здесь описаны два различных события: знаменитое описание Диона гибели легиона во время его перехода через леса и болота в дождь и грозу, очевидно, касается лишь одной отдельной части легиона, отделившейся от последнего, в то время как сам Вар на самом деле подвергся нападению в своем лагере в то время, когда он в нем творил суд. Уже Моммсен отверг предположение о таком разделении событий, ибо рассказ Флора о нападении во время судебного разбирательства есть не что иное, как риторическое преувеличение той неразумной самоуверенности, которой себя усыпил Вар и которая привела к несчастью. В этом отношении следует не только согласиться с Моммсеном, но и подвергнуть такому же критическому анализу и измерить таким же масштабом достоверность всего содержания соответствующих описаний, включая и те, которые мы находим у Тацита.

Флор пишет: «Разграбили лагерь, три легиона разбили». Но было бы неверно из этой последовательности фраз в изложении автора сделать вывод о том, что германцы сперва захватили лагерь, а потом напали на легионы.

Тацит сообщает («Анналы», I, 61), что Германик в 15 г. достиг окрестностей того места, где разыгралось сражение Вара с германцами, и что он направился туда для того, чтобы похоронить павших там воинов. Германик выслал вперед Цецину, чтобы тот произвел рекогносцировку местности в лесистых горах и построил мосты и гати через топкие болота и зыбкие поля. Обычно это место понимают в том смысле, что путь римлян лежал через мало известную для них горную, лесистую и болотистую страну. Но все же нельзя считать невозможным, что Германик в данном случае воспользовался изъезженной дорогой, может быть, даже старой римской военной дорогой. За те шесть лет, которые протекли с того времени, когда в этой местности исчезла римская власть, вполне естественно, что эта военная дорога, насколько она вообще была замощена, пришла в запустение, а, может быть, даже нарочно была разрушена германцами. Поэтому Германик должен был восстановить некоторые мосты и гати, а так как германцы находились в ближайших окрестностях, то и тща-

тельно обследовать лесистые горы, расположенные вдоль дороги. Но ничего больше, кроме этого, вывести из описания Тацита нельзя.

Тацит описывает дальше, как спутники Германика смогли еще установить ход событий: в первом лагере — по месту, соответствующему трем легионам, а в следующем месте — по меньшему числу оставшихся, по упавшей насыпи и плоскому рву. Отсюда пытались сделать вывод, что Германик шел в том же направлении, как и Вар, так как он сперва наткнулся на больший, а затем уже на меньший лагерь. Но весьма возможно, как, впрочем, было уже замечено другими, что Германик пришел с противоположной стороны и что Тацит постепенно развертывает свой рассказ лишь для того, чтобы усилить производимое им впечатление.

Дион пишет (56, 18), что германцы заманили Вара от Рейна к Везеру. Отсюда пытались сделать тот вывод, что заговор германцев был давно подготовлен и что германцы хитростью уговорили Вара разбить лагерь в глубине их страны. Но ничто не мешает нам объяснить это как гиперболическое изображение притворства и лукавства германцев, которые усыпили бдительность римлянина. Если бы он не доверился германцам, то он не отодвинул бы лагерную стоянку до Везера.

Каждый из этих отдельных, из разных мест выхваченных примеров сам по себе довольно ясен, но все же эти примеры не дают правильной картины положения вещей. Все еще остается склонность считать достоверным каждый отдельный факт, описанный в сохранившихся рассказах, до тех пор пока против него не будет сделано основательных возражений, — в особенности по отношению к такому историку, как Тацит, которого никак нельзя лишить крупного авторитета. Но чтобы правильно понять источник, необходимо прежде всего с крайним недоверием относиться к каждому факту, — даже в том случае, когда он на первый взгляд совсем не кажется подозрительным.

Если мы сомневаемся в достоверности отдельных частностей, то это еще не означает, что мы отвергаем всего историка. Нужно ясно понять, что все имеющее для нас одно значение имеет совершенно иное значение для римлянина. Римлянин стремится лишь к тому, чтобы произвести своей характеристикой как можно более сильное впечатление, отдельные же факты играют для него значительно меньшую роль. Мы же обращаем особенное внимание именно на эти отдельные частности, потому что при помощи их мы хотим установить новую и своеобразную связь, о которой Тацит даже и не думал.

Чрезвычайно полезно уяснить практическое значение этого противопоставления на одном примере, заимствованном из новейшей историографии. Хотя аналогия и не является доказательством, она все же дает некоторое мерило. Тот, кто работает в области древней истории, где так трудно себя контролировать, должен, если он только хочет быть осторожным, постоянно проверять правильность своих мерил и своих масштабов на примерах из новой истории.

Одним из самых блестящих образцов современной историографии является описание сражения при Belle Alliance, принадлежащее перу Трейчке («История Германии»).

Но если бы не сохранилось никакого другого источника, то было бы чрезвычайно трудно, даже почти невозможно, пользуясь лишь этим описанием, извлечь из него или реконструировать всю реальную цепь событий. Все внимание Трейчке обращено на то, чтобы охарактеризовать личности, народы и воинов, которые здесь сражались, и вызвать в представлении читателей отклик, достойный этих грандиозных событий, произвести на них как можно более сильное впечатление. При этом отдельные события и их связь становятся для него чем-то второстепенным, на что он обращает уже меньше внимания. И ради психологических взаимоотношений отодвигается хронологическая связь, этот важнейший остов фактической связи событий.

Оборонительная позиция Веллингтона характеризуется именем прилагательным «крепкий», «укрепленный» (fest), но следует остерегаться понимать это слово в его техническом значении, ибо оно здесь применено лишь в смысле степени.

«Вдоль фронта шла глубоко врезанная, окаймленная изгородями поперечная дорога». Но это касается лишь небольшого участка фронта.

Когда пруссаки начали свою атаку (в половине пятого), Веллингтон ввел в сражение все свои резервы «вплоть до последнего человека». Если это понимать буквально, то это абсолютно неправильно. Веллингтон еще в 8 часов вечера располагал совершенно нетронутой дивизией (Шассэ) и одной очень мало использованной (Клинтон). Такая фраза вполне допустима, если признать, что ее целью является изобразить, какого колоссального напряжения стоило Веллингтону удержать свои позиции,— одним словом, если эту фразу понять символически. В этих словах содержится явное преувеличение, так же как и в словах «укрепленная» позиция или «глубоко врезанная, окаймленная изгородями поперечная дорога, шедшая вдоль фронта». Но если эти слова понять буквально, то будет совершенно непонятно, каким образом английская боевая линия могла вечером выдерживать натиск старой гвардии Наполеона.

В 1 час пополудни главная масса прусской армии должна была находиться на высотах Сен-Ламбер. Сен-Ламбер находится лишь на расстоянии 0,75 мили от окраины поля сражения. Если главная масса прусской армии находилась уже в 1 час дня на этом месте, то было бы также непростительно и непонятно, что Блюхер так поздно вступил в бой.

Описав неудавшуюся атаку императорской гвардии на английские позиции, автор продолжает свое повествование следующими словами: «В это время Блюхер уже нанес тот удар, который решил участь наполеоновской армии и привел ее к гибели, а именно — взял приступом Плансенуа».

Тот, кто будет филологически истолковывать фразу «в это время Блюхер уже», должен будет притти к тому выводу, что Плансенуа было взято в то время, когда англичане и французы еще сражались между собой. К такому выводу надо будет тем более притти на основании раньше сказанного, что еще до атаки, произведенной французской гвардией, батареи прусского корпуса Цитена «на далеком расстоянии обстреляли настильным огнем правый фланг противника» и что «вплоть до центра расположения французских войск распространилась страшная весть, что на правом фланге все проиграно».

Если бы мы случайно узнали из другого источника, что Плансенуа было взято пруссаками в $6^1/_2$ часов, тогда как атака императорской гвардии была произведена лишь в 8 часов, то всякие сомнения в истинности этого факта, казалось, должны были бы исчезнуть. На самом же деле Плансенуа после первого занятия его пруссаками было у них снова отнято французской гвардией (все эти перипетии пропущены у Трейчке), и этот второй захват Плансенуа произошел лишь после неудачной атаки французской гвардии против англичан. Так как Плансенуа находилось целиком позади французской боевой линии, то, если бы рассказ Трейчке был правильным, оставалось бы совершенно непонятным, каким образом французская армия могла избежать того, чтобы быть отрезанной и взятой в плен.

Эта историографическая ошибка, повидимому, произошла от того, что единственной целью автора было изобразить как можно ярче момент решительного поворота в ходе сражения, причем достойным образом осветить участие в этом событии Пруссии. Реальная связь тактических моментов его гораздо меньше интересует, поэтому он пользуется словами «в это время... уже» лишь как обстоятельствами времени или простыми союзами, совершенно не давая себе отчета в том, какую цепь событий он этим конструирует в своем описании.

Трейчке ни в коем случае нельзя считать неточным историографом. Напротив, он тщательно и критически изучил все источники и обратил должное внимание

также и на отдельные факты. Но к тактической стороне дела он проявляет мало интереса. Его взгляд не затрагивает этой стороны, и именно поэтому столь поучителен приведенный пример его описания сражения. Ни один из источников, повествующих о германо-римских войнах, нельзя сравнить с Трейчке по точности передачи фактов. Напротив, риторический момент проявляется в них гораздо сильнее и необузданнее, причем под словом «риторика» мы здесь вовсе не должны понимать один лишь «словесный треск». Хотя риторика в действительности очень часто снижалась до чисто внешних украшений речи, все же мы полагаем, что здесь она была тем, чем она должна была бы быть на самом деле, т. е. подлинным искусством речи, выражающей сильное внутреннее чувство, пафос рассказчика.

Но ни в коем случае не следует обобщать этого наблюдения и говорить о недостоверности всех исторических свидетельств. Существует много разных видов историографии, которые необходимо отличать друг от друга. Рассказы Геродота, Ксенофонта, Полибия и Цезаря также имеют свои ошибки, но это совершенно иного рода ошибки, происходящие от иных причин, нежели ошибки Трейчке или Тацита. Ни один из этих историков не сделал бы тех ошибок, которые мы вскрыли в описании Трейчке сражения при Бель-Альянс, но для нашего способа восприятия эти ошибки являются основными. Для Трейчке же, для которого все сводилось к характеристикам и к силе впечатления, эти ошибки, — как, впрочем, и для его читателей, — являются чем-то второстепенным. С тех пор как описывается это сражение, я являюсь, может быть, первым критиком, который натолкнулся на такого рода ошибки и их отметил, так как мы, к счастью, все еще привыкли смотреть на эту книгу, как на произведение искусства, а не как на «источник». Мы ничуть не уменьшим всей своеобразной ценности Трейчке и Тацита, если будем скептически подходить к каждому отдельному обороту в их рассказах и устанавливать возможность того, что из них выпали не только отдельные связующие звенья, но и целые крупные соотношения событий.

До настоящего времени исследователи, подвергавшие Тацита в качестве исторического источника критическому анализу, исходили из того основного положения, что описание Тацита является правильной и надежной картиной событий, которая нуждается лишь в правильном и точном истолковании, в крайнем случае лишь в некоторых добавлениях и исправлениях. Я же утверждаю, что совершенно неправильно извлекать из его риторических образов и сочетаний фраз, подвергая их истолкованию, подлинные события и факты и что, напротив, можно с самого начала быть вполне уверенным в том, что он в гораздо большей степени, чем Трейчке (в его описании сражения при Бель-Альянс), нуждается в дополнениях и исправлениях для того, чтобы ясно выступила причинная связь событий.

РИМСКИЙ ПОСТ У УСТЬЯ ВЕЗЕРА

Друз, по свидетельству Флора (IV, 12), построил укрепления также на Везере и на Эльбе. Тацит («Анналы», I, 28) рассказывает нам, что во время большого восстания римских солдат в 14 г. бунтовал также и гарнизон крепости Вексиллары в стране хавков. Здесь, очевидно, идет речь о крепости, построенной Друзом на Везере, а именно — у устья этой реки.

Хавки, как это принято считать, жили по обоим берегам Везера вплоть до Эмса. Мух же в своей работе «Родина германских племен» («German. Stammsitze», S. 54) вполне обоснованно предположил, что ампсиварии жили на Нижнем Эмсе. Если это даже неправильно и если область хавков начиналась от правого берега Эмса, то все же римская крепость находилась, наверное, не здесь, а близ устья Везера. Если мы примем, что римская крепость была расположена близ устья Эмса, то она должна была находиться на левом берегу и, следовательно, не в области хавков, а в области фризов. Правый берег был бы чрезвычайно опасным

местом для крепости и постоянно требовал бы принятия мер предосторожности, причем из такого расположения нельзя было бы извлечь никакой пользы, так как здесь, наверное, не было никакого прочного моста. Крепость «у хавков» имела смысл лишь при устье Везера, может быть, на дюнном острове. Именно здесь, если только римляне серьезно относились к установлению своего господства в области Везера, необходимо было создать укрепленный пункт.

Глава IV

Сражение в Тевтобургском лесу

История военного искусства, как таковая, непосредственно не заинтересована в точном установлении места сражения в Тевтобургском лесу. Если мы и касаемся этого вопроса, который столь часто подвергался изучению, то все же центр тяжести нашего исследования лежит не в топографической проблеме, а, наоборот, в установлении общих стратегических условий римско-германской войны, которые в свою очередь должны послужить компасом при поисках этого места сражения.

Сперва мы должны установить местонахождение летнего лагеря Вара.

Мы уже установили, что базой римлян было с одной стороны море, а с другой — водный путь р. Липпы с укрепленным пунктом Ализо. По ту сторону Ализо они должны были пересечь горный кряж Оснинг, который отделяет бассейн Рейна от бассейна Везера.

Следующим ближайшим этапом был Везер, который находится в 50 км по прямой линии от Ализо. Совершенно не имело бы никакого смысла делать еще одну остановку в гористой местности, находящейся между Ализо и Везером. Но, разбив лагерь на берегу большой реки, можно было господствовать над областями, лежащими по верхнему и нижнему течениям этой реки, и в то же время получать по воде хотя бы часть столь необходимого здесь фуража, дров и дополнительного провианта, доставлявшегося германцами (дичь, сыр, молоко, рыба). Таким образом, опорный пункт римлян должен был находиться на берегу Везера в таком месте, которое было бы возможно ближе к Падерборну (Ализо). Вполне естественно, что эти два пункта должны были быть расположены так, чтобы между ними можно было поддерживать постоянную связь.

Вследствие того, что Везер в своем среднем течении описывает как бы полукруг, все пункты между Беверунген и Реме находятся приблизительно на одинаковом расстоянии от долины Липпы. Таким образом, Липпа еще не дает нам возможности определить местоположение римской стоянки на Везере. Римлянам, находившимся на Везере, было так же важно поддерживать связь с Северным морем, как и с Липпой. Близ устья Везера, в области хавков, находился римский гарнизон, который продержался там даже после поражения Вара, вплоть до 14 г. Учитывая эту необходимость установления связи с Северным морем, мы обязательно должны притти к тому выводу, что изо всех пунктов на

Везере, находящихся на одинаковом расстоянии от Ализо, лишь самый северный мог быть местом расположения лагеря, ибо лишь он давал возможность установить самую быструю связь как с Ализо, так и с устьем Везера.

Этим пунктом являются Вестфальские ворота (Porta Westfalica), у южной части которых лежит деревня Реме, а близ северной находится город Минден. Расстояние от Ализо до Реме равняется по прямой линии приблизительно 7 милям (около 50 км); дорога проходит через горную цепь Оснинга по глубокой, издалека видной до-

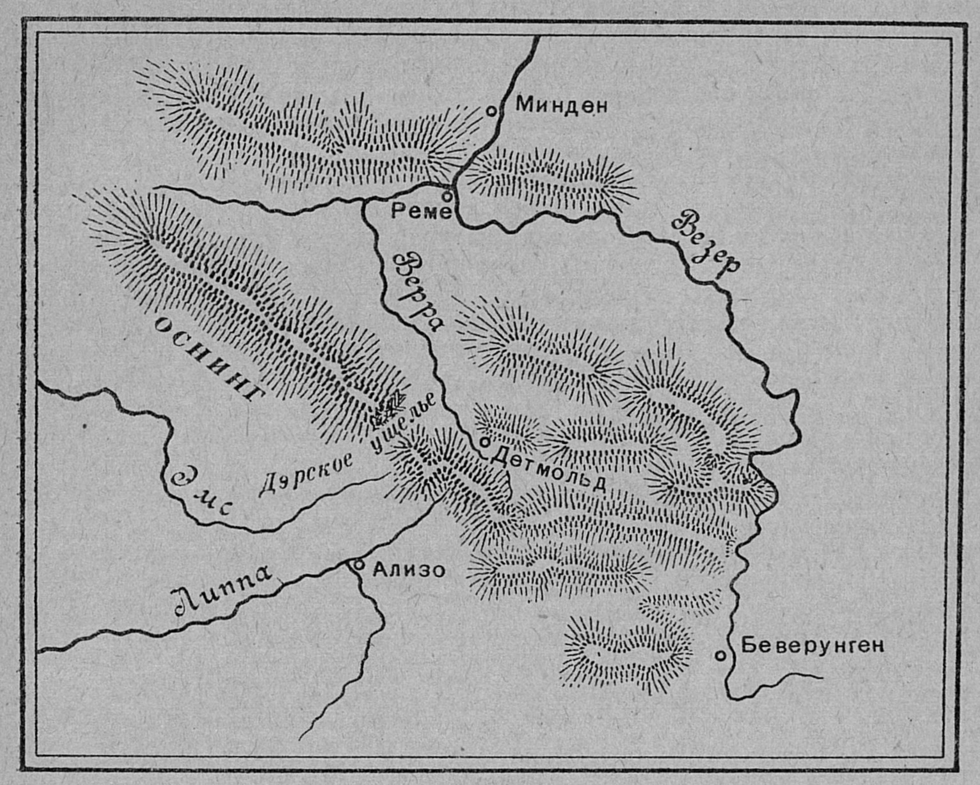

Схема 2

лине, получившей название Дэре (Тюре), или Дэрского ущелья. Именно по этому ущелью с древнейших времен проходила дорога. Направление этого пути показывают многочисленные курганы, которые отчасти сохранились до нашего времени, а несколько десятков лет тому назад были еще в гораздо большем количестве. Они тянутся от долины Верры через Дэрское ущелье вплоть до Ализо, обходя вдоль по горам глубоко лежащие долины родниковых ручьев Сенны. Обычай воздвигать курганы вдоль военного пути восходит к глубокой древности. Римляне могли воспользоваться лишь этой дорогой, чтобы проникнуть из долины Липпы в северогерманскую низменность.

У Вестфальских ворот скрещиваются два стратегических направления, открывавших римлянам доступ во внутреннюю Германию. Здесь находилось самое удобное место для лагерной стоянки, опираясь на которую можно было господствовать над областью Везера.

Здесь можно было поддерживать двойную надежную связь с основной базой, причем римляне находились в центре тех народов, которых они должны были держать в повиновении. Отсюда они могли оперировать вверх и вниз по Везеру, пользоваться рекой для наиболее легкой доставки продовольственного снабжения и, построив крепкий мост через реку, по мере необходимости продвигаться по правому или левому берегу. Уже давно было высказано предположение, что лагерь Вара находился в этом месте, и, конечно, нет никаких сомнений в том, что он именно здесь и находился. Но точное место его, несмотря на неоднократные обследования, до сих пор не найдено. Лагерь мог лежать и выше и ниже Вестфальских ворот, на правом или на левом берегу реки. Но в те времена на правом берегу реки не было дороги: здесь скалы вплотную подходили к воде, и только в XVII и в XVIII вв. пробили дорогу, взорвав эти скалы. Но на левом берегу выше ворот, близ Реме, находится такое место, которое кажется специально созданным для того, чтобы быть местом римского лагеря.

Сама Реме лежит в ложбине и поэтому не представляет никаких выгод для устройства здесь укрепленного пункта. Но на противоположном северном берегу Верры, в том углу, который она образует с Везером, впадая в него, возвышается широкий холм, — небольшое плато, получившее название «Ханенкамп» («Петушиный питомник»), соединяющее в себе все необходимые условия для разбивки здесь большого лагеря римских легионов. Две стороны — южная и восточная — защищены этими двумя реками; к северу, по направлению к Воротам, этот холм понижается, и лишь с западной стороны его соединяет с остальной местностью седловина. Собственно говоря, лишь эта сторона открыта для нападения. Холм находится на таком близком расстоянии от берегов обеих рек, что является по отношению к ним командующей высотой и в то же время оставляет достаточно места кораблям для того, чтобы приставать к берегу, и даже дает возможность устроить здесь пристань. Однако, раскопки, произведенные на Ханенкампе, показали, что здесь, — если не произошло крупных перемен в конфигурации местности, — не могло быть римского лагеря. Здесь не только не было найдено никаких прямых следов, вроде глиняных черепков или тому подобного, но и исследование поперечных рвов, которые так проходят, что они непременно должны были пересечь римские лагерные рвы, показало, что земля здесь никогда глубоко не разрывалась. Впрочем вместо этого раскопки обнаружили здесь также нечто интересное: первую древнегерманскую деревню, маленькие отдельно расположенные землянки, как их описывает Тацит, в которых еще сохранились остатки обуглившихся угловых бревен, торчащих в отверстиях косяка.

Если лагерь Вара не находился на Ханенкампе, то его следует искать лишь ниже Ворот. Конечно, это место, имея позади себя дефиле Ворот, было менее защищено, но зато более удобно и более внушительно с точки зрения быстрой обороны, а дефиле можно было защитить фортом, расположенным на горе Виттекинд, — там, где теперь стоит памятник. Но и здесь не удалось обнаружить какой-либо след, а потому вполне вероятно и, пожалуй, даже несомненно, что эти следы навеки стерты; очевидно, на месте древнего лагеря теперь находится город Минден, так же как и на месте Ализо — современный город Падерборн. Ведь вполне естественно, что те места, которые казались римлянам удобными для поселения, были использованы для этой же цели

и в позднейшие времена и что над римскими поселками здесь были построены деревни или города. Поэтому так трудно обнаружить теперь древние поселения. Римляне построили в Германии по крайней мере полсотни крепостей и лагерей, но очень немногие были теперь найдены.

Несмотря на то, что римлянам удалось установить твердую двойную связь со своим лагерем у Ворот, они все же не решались оставаться здесь, на Везере, на зиму и поэтому либо возвращались к Рейну, либо к Хальтерну на Липпе, где были обнаружены остатки большого лагеря. Таким образом, лагерь Вара был лишь летним лагерем. Даже если предположить, что римляне тотчас же принялись за улучшение дороги, то все же эта дорога проходила через девственный лес, горы и ущелья. Большое же войско, нуждавшееся в постоянном подвозе, безусловно должно было зимой иметь надежную связь со своей основной базой.

Вар находился в своем летнем лагере, когда ему сообщили, что восстали племена, жившие на довольно далеком расстоянии. Для того чтобы их усмирить, он двинулся со всем своим войском, за которым следовал большой обоз, состоявший из женщин, детей, рабов и вьючного скота. Этот обоз, сопутствовавший войску, совершенно определенно указывает нам тот путь, по которому шло войско. Совершенно невероятно, чтобы Вар, хотя он и был посредственным полководцем, мог вести за собой такой обоз, углубляясь на далекое расстояние в германские леса. Было довольно трудно передвигать и снабжать войска во внутренних областях Германии. Поэтому необходимо признать, что всякий римский полководец должен был ограничить свой обоз лишь самым необходимым. Можно себя, пожалуй, спросить, не впадает ли в риторику или в преувеличение наш источник, описывающий те трудности, которые испытывало во время этого похода войско, обремененное громоздким обозом. Но вся цепь фактов с несомненностью подтверждает реальность этого похода. Твердо установлено, что сражение произошло осенью. Вар, без сомнения, не предполагал возвратиться на зиму к лагерю близ Ворот. Поэтому он был принужден покинуть лагерь, забрать с собой весь обоз, и этот обоз занимает такое крупное место в описании сражения, что здесь исключена возможность какой-либо фикции. То же обстоятельство указывает, что Вар должен был пойти именно по большой дороге, ведущей к Липпе, к Ализо. Весьма возможно, что то племя, против которого была предпринята эта карательная экспедиция, жило как раз в этом направлении, к югу или к западу от Ализо. В противном случае, — полагая, что он находится в дружеской стране, — он, конечно, отправил бы обоз с небольшим прикрытием в Ализо, а сам со своими легионами тотчас же выступил бы в поход, ибо для небольшой экспедиции его войско было достаточно снабжено продовольственными и боевыми припасами. Совершенно безразлично, против кого выступило войско — против бруктеров, марсов, хаттов или какого-нибудь иного племени. Тот путь, по которому войско шло со своим обозом, для нас совершенно ясен. Но именно этот путь ускользнул от внимания многих исследователей, так как Дион пишет, что римляне должны были пройти через горы, покрытые лесами, через ущелья и по неровной пересеченной местности, где они еще до неприятельского нападения принуждены были тратить много времени на прокладку пути, рубку леса и постройку мостов. Но было бы неправильно из этого описания сделать

тот вывод, что этот путь лежал через абсолютно дикую местность. Нельзя одновременно прокладывать дорогу и сейчас же вести по ней войско. Нужны часы для того, чтобы срубить большое дерево и построить мост. Если необходимо отправить войско через девственный лес, то следует выслать вперед отряд, чтобы освободить или построить дорогу, в то время как все остальное войско принуждено расположиться на отдых или на стоянку. В зависимости от того, как продвигается работа по постройке дороги, войско может передвигаться небольшими переходами, по нескольку километров. Поэтому описание Диона во всяком случае является сильным преувеличением, и из него совершенно неправильно делали тот вывод, что римское войско шло без дорог, тем более что войско — это необходимо помнить — сопровождалось необычайно крупным обозом.

Но если мы, учитывая в этом описании элемент риторического преувеличения, будем стараться не развивать его дальше, а, наоборот, сократить его в нашем рассказе до минимума, то мы скоро убедимся, что здесь описан именно путь на Ализо. Местность к югу от Реме — Липпская страна, «Глиняный округ» («Lehmgau», Lemgo) — со своей тяжелой глиняной почвой была в то время, без сомнения, покрыта первобытным лесом, и даже теперь еще здесь отчасти сохранились дремучие леса. Дорога шла не по долине Верры, в которой слишком много болот, но прямо на юг через холмистую местность, пересеченную ущельями. Сильная непогода, дождь и ураган настигли войско в пути, размягчили почву и сделали ее топкой. Не следует думать, что это была хорошая, содержавшаяся в порядке римская военная дорога; это была простая лесная дорога, которую римляне слегка подправили, построив кое-где мосты, укрепив ее насыпями и местами отведя воду. Прочной постоянной дороги за время своего краткого господства им не удалось провести даже в долине Липпы, а здесь тем более[1]. Дожди сделали в некоторых местах дорогу трудно проходимой, так что приходилось ее то здесь, то там огибать и для этой цели местами срубать деревья. Буря разламывала мосты, сбрасывала на проходившее войско обломанные ветки и даже обрушивала на них целые деревья. Кроме того, и германцы поломали много мостов, стремясь по возможности задержать войско.

Хотя Вар и был предупрежден Сегестом, однако, особенных мер предосторожности он не принял: солдаты не были готовы к бою, обоз же был довольно беспорядочно разбросан между отдельными войсковыми частями. Германцы внезапно выступили из леса и всей своей массой обрушились на длинную колонну римских войск.

Судя по римскому рассказу, восстание, которое должен был усмирить Вар, было планомерно организовано германскими заговорщиками. План будто бы состоял в том, чтобы отвлечь Вара в сторону от хорошей военной дороги и заманить его в местность, особенно удобную для внезапного нападения.

Но это похоже на страничку из романа. В Германии всюду были местности, удобные для нападения, и, конечно, совершенно невыполнимой стратагемой было бы завлечь неприятельское войско в опре-

[1] Нас теперь поражает то обстоятельство, что дорога проходила по горам, а не по долине. Но древние дороги, как правило, почти всегда проводились именно таким образом. Римские помильные камни, сохранившиеся до наших дней, появляются лишь со времени Траяна.

деленное отдаленное место и к моменту прохождения этим войском данного места сосредоточить там тайно свои силы. Помимо всего этого не могло быть лучшего места для проведения в жизнь плана Арминия, чем обычная дорога, ведшая от Вестфальских ворот к Ализо.

Если заговорщики действительно имели какое-либо отношение к данному восстанию и действовали согласованно с восставшими, то, конечно, для наилучшего достижения своей цели они должны были бы не заманивать римлян в определенную местность, а скорее пытаться открыто собрать и привести к римлянам свои войска под тем видом, что они собираются сопутствовать римлянам, чтобы оказать им помощь.

Римское войско состояло из трех легионов, шести когорт вспомогательных войск и трех эскадронов (Alen) конницы. При этом источники определенно указывают, что войско было значительно ослаблено выделением из него частей для занятия отдельных фортов, прикрытия транспортов, карательных экспедиций и экзекуций и преследования разбойников. Однако, не совсем ясно, было ли произведено это ослабление за счет легионов или же им следует объяснять незначительное количество оставшихся при войске вспомогательных войск. Поэтому единственное, что мы можем сказать, это то, что войско насчитывало во время сражения от 12 000 до 18 000 бойцов и что Вар пытался его усилить, произведя набор вспомогательных германских войск в соседних областях специально для предстоявшего похода. Именно эти мнимые союзники и обратили внезапно свое оружие против своих господ, напав на римское войско, бывшее в пути и шедшее в большом беспорядке.

Войско насчитывало со всем своим обозом от 18 000 до 30 000 человек. Учитывая ту низкую дисциплину, которая в нем царила во время похода, мы считаем, что оно должно было растянуться приблизительно на 2 мили. Римляне подверглись нападению, когда голова колонны после перехода в 2—2½ мили находилась у «черной топи» близ Херфорда, в районе Зальцуфельн-Шеттмар.

Лишь только раздался крик, возвещавший нападение германцев, голова колонны, вполне естественно, тотчас же остановилась. Римляне выбрали подходящее открытое место и разбили здесь окруженный рвом и валом лагерь, в который постепенно собрались подходившие части и колонны. Весьма возможно, что создавшееся положение должно было заставить Вара обсудить план возвращения в покинутый летний лагерь, который, понятно, давал возможность лучше организовать оборону. Может быть, в этом лагере был даже построен род крепости и в ней оставлен на зиму гарнизон. Но так как не было возможности снабдить этот гарнизон достаточным продовольствием для долгой осады, то германцы могли завладеть летним лагерем, а обратный путь был не менее опасен, чем путь вперед. Поэтому Вар приказал сжечь весь лишний обоз и, приведя свое войско в порядок, двинулся вперед к своей цели — к Ализо — более дисциплинированным маршем, чем в первый день. Приведение войска в надлежащий порядок, отбор и уничтожение лишнего обоза должны были потребовать некоторого времени, так что войску удалось выступить лишь довольно поздно. Теперь пришлось итти по открытому полю, но все же не обошлось без некоторых потерь. Однако, из факта, что римляне вообще могли еще продвигаться вперед, мы можем сделать тот вывод, что натиск германцев был еще довольно слаб и что они рас-

полагали незначительной конницей. Источники вообще ничего не говорят о всадниках, тем не менее всадники должны были здесь быть. Ведь германцы были как раз сильны своей конницей, а римляне, со своей стороны, располагали тремя эскадронами кавалерии. Если бы среди германцев не было всадников, то они не могли бы подойти к римскому войску, так как римские всадники могли бы их всегда отогнать. Если же, с другой стороны, германцы обладали бы значительной конницей, то римляне не смогли бы продвигаться вперед, так как войско не может одновременно итти вперед и сражаться. Это нам ясно показало сражение при Каррах (т. I, стр. 356) и сражение при Руспине (т. I, стр. 433). По этой же причине атака германцев в первый день была еще очень слабой; германцы лишь нащупывали своего противника, в противном случае длинная и беспорядочная колонна не смогла бы выйти из леса.

Двигаясь на второй день осторожно, тесно сомкнутыми рядами, римляне могли лишь медленно продвигаться вперед, а напоследок они снова вошли в лес, где войска были затруднены в своем свободном движении.

Даже теперь в этой местности часто перемежаются леса и открытые места. У Зальцуфельна кончается глина и начинаются пески и болота, на которых уже не может расти преобладающий в этих местностях буковый лес. Лишь кое-где на этой почве держатся дубы. Сосновые леса, растущие теперь здесь на большом протяжении на песчаной почве, все позднейшего происхождения. Таким образом, у Зальцуфельна начиналось открытое поле, через которое должны были пройти римляне. Перед самым Оснингом возвышаются небольшие холмы из раковинного известняка, окруженные песками и идущие параллельно горной цепи. Нет никакого сомнения в том, что в те времена они были, так же как и вершины гор, покрыты лесом. Мы вполне можем предположить, что римская армия после хорошего двухмильного перехода приблизительно к вечеру подошла к этому лесу и к Дэрскому ущелью и здесь узнала, что проход закрыт германцами и ими занят. Римляне должны были бы бросить все свои силы на штурм ущелья, чтобы пробить заставу, так как число германцев непрерывно возрастало, а ночь дала бы им возможность соорудить искусственные преграды на пути римлян. Но для того, чтобы штурмовать ущелье, необходимо было произвести обход с фланга, который требовал некоторой затраты времени. Помимо того, нельзя было начать сражение, не обезопасив невооруженную часть войска каким-либо укреплением.

Нельзя себе представить, чтобы можно было тесно сомкнутыми рядами, защищаясь, насколько это было возможно, и не обращая внимания на потери, взять штурмом горное ущелье. Если римляне уже понесли большие потери в течение этого дня во время своего перехода через открытое поле, то нельзя было даже думать пройти через горный проход, так как холмы с обеих сторон были заняты германцами. Пройти можно было, лишь начав правильное сражение, которому не мешали бы невооруженные спутники войска. Ведь нужно было выбить врага из прохода, чтобы тотчас же быстро через него пройти, раньше чем противник успеет зайти в тыл. Поэтому Вар решил снова разбить лагерь, чтобы на следующий день пробить себе путь через ущелье.

Лишь очень краткий рассказ сохранился о том сражении, которое здесь разыгралось на третий день. Но уже по опыту изучения Марафонского сражения мы знаем, что если известно, как были вооружены и как сражались войска, то местность является настолько важным и красноречивым свидетельством, характеризующим сражение, что можно сделать попытку восстановить общий ход сражения, хотя результат его нам известен и не подлежит никакому сомнению.

Дэрское ущелье в своем самом узком месте образует узкий глубокий проход в горах Оснинга шириной около 300 шагов. Горы состоят из кремнистого известняка, окаймленного с двух сторон песчаными дюнами. Само Дэрское ущелье внизу покрыто глубоким слоем песка, на котором в то время не было деревьев. Дорога проходила не по середине ущелья, не по этому песчаному грунту, а по двум сторонам, по склонам гор. Дюнные холмы перед ущельем и внутри него по большей части покрыты вереском; кое-где встречается глина. В ущелье, которое образует водораздел, течет в северном направлении маленький ручей. Здесь также попадаются болота и топи.

Как ни широко ущелье, но вследствие такого строения почвы в него все же довольно трудно проникнуть. Приходится итти либо по глубокому песку, либо по грудам его. Весьма возможно, что уже в первый день Арминий поставил людей на работу, заставив их рубить деревья и в узких местах ставить засеки.

Мы можем поверить римлянам в том, что они направили свой удар на ущелье не только с фронта, но пытаясь также пройти через горы и обойти ущелье, что вполне возможно, так как горы повсюду открыты доступу. Им удалось, как то повествует сохранившийся рассказ, взять штурмом первые дюнные холмы у входа в ущелье и сбросить вниз германцев. Но за этими холмами возвышались все новые и новые холмы. От края холмов до узкого места ущелья приблизительно 1½ км. И чем больше продвигались вперед римляне, тем больше они открывали свои фланги атакам германцев, спускавшихся с высокого гребня гор. В том-то и заключалась военная мощь германцев, что они могли вступать в бой с тяжеловооруженными римскими гоплитами то сомкнутым отрядом, несмотря на свое незначительное предохранительное вооружение, то по отражении их могли рассыпаться, не только не впадая в панику, а наоборот, учитывая преимущество более легкого вооружения, быстро переходить с одной хорошей позиции на другую, не менее для них удобную.

Но тем временем погода снова испортилась; пошел дождь, который затруднил римлянам штурм гладкого холма и движение по мокрой почве в лесу. Арминий с самого начала приказал коннице, которую нельзя было использовать внутри ущелья, теснить противника с тыла и задерживать обходные колонны. Вместо того чтобы пробить себе дорогу через ущелье, римляне, продвигаясь вперед, стали все больше и больше чувствовать, что они в нем заперты.

Так, наконец, ослабела сила их натиска. Проливной дождь не только затруднял их движение, но и угнетающе действовал на их настроение, на их психику. И лишь только когорты отступили на один шаг, как тотчас же германские сотни ринулись вниз отовсюду, со всех высот, и окончательно отогнали римское войско к его лагерю. Всякая надежда на спасение была потеряна. Конница ускакала,

надеясь в каком-либо ином месте пересечь горы. Вар и некоторые из старших командиров покончили самоубийством. Знаменосец бросился вместе со своим орлом в болото, чтобы не дать врагам захватить в свои руки святыню легиона, если уже не было возможности ее спасти.

Наконец, остальная часть войска, во главе с лагерным префектом Цейонием, сдалась на милость победителя. В то время как велись переговоры относительно капитуляции, верные слуги Вара сделали попытку сжечь его тело, чтобы этим оберечь его от поругания, и все-таки успели его полусожженное тело предать погребению. Но Арминий приказал вырыть тело Вара и, отрубив его голову, послал ее Марбоду, королю маркоманов.

Однажды Арминий,— как рассказывает один более поздний писатель [1], — для того чтобы устрашить гарнизон одной осажденной римской крепости, велел насадить головы убитых врагов на копья и обнести их вокруг рва. Конечно, этот рассказ не может относиться к лагерю близ Дэрского ущелья, так как осажденные там были прекрасно осведомлены относительно случившегося, но весьма возможно, что этот рассказ все же относится как раз к этому походу, а именно— к гарнизону, оставленному в лагере близ Вестфальских ворот, или, может быть, к Ализо.

Это вполне вероятно, так как те римляне, которые прорвали кольцо германцев и спаслись через Дэрское ущелье или через горы, укрылись в Ализо и подверглись здесь длительной осаде. Когда же у них кончились все съестные припасы, то они, под предводительством отважного старого солдата, лагерного префекта и командира первой роты Цедиция, сделали попытку в бурную темную ночь обмануть бдительность германцев. Они вышли из лагеря, и им, действительно, удалось спастись при помощи военной хитрости: они приказали горнистам трубить, чем вызвали тревогу среди германцев, решивших, что к римлянам спешат на помощь войска с целью снять осаду с крепости. Благодаря этому римлянам удалось спастись от преследования [2]. Совершенно таким же образом спаслись больше чем тысяча лет спустя гарнизоны рыцарских замков, осажденных пруссами. Гарнизону Бартенштейна удалось пройти 15 миль по неприятельской территории и, наконец, благополучно достичь Кенигсберга (см. т. III, ч. 3, гл. 7). Все же остальные римские гарнизоны и войсковые части, рассеянные по внутренней Германии, попали в руки повстанцев, так что почти все три легиона Вара были целиком уничтожены.

Мы знаем о сражении в Тевтобургском лесу лишь по описаниям побежденной стороны, и даже самое название поля сражения, хотя оно и находится в средней части Германии, по всей вероятности, не немецкого, а римского происхождения. Ни в одной хронике, ни в одном источнике средних веков не сохранилось названия Тевтобургского леса. Это название засвидетельствовано лишь одним местом у Тацита («saltus Teutoburgiensis» — «Анналы», I, 60). Отсюда оно проникло в географию благодаря ученым исследованиям XVII в.

---

[1] Frontin, «Strategem«, II, 9, 4.

[2] Вполне правильно были сопоставлены указания Фронтина («Strategem», III 15, 4; там же, IV, 7, 8), Веллея (II, 120) и Диона на то, что продержалась лишь одна римская крепость. Подробности по этому вопросу см. ниже в специальном исследовании о местоположении Ализо.

Но уже в настоящее время мы в состоянии понять это название и объяснить его происхождение.

На расстоянии неполной мили от Дэрского ущелья находятся два кольцевых вала: один—очень большой—наверху на горе, а другой—небольшой—в нескольких стах шагах ниже; эти валы производят впечатление поселков древнегерманской эпохи[1]. Малый круг мог служить местопребыванием князя, а большой — местом убежища для народа—крепостью, где он оборонялся во время войны. Такие оборонительные крепости, которые обычно были необитаемы, но где в случае нужды могло укрыться население округи, сохранились во многих местах. Самой большой из них является крепость на Одилиенберге в Вогезах.

«Тевтобург», по всей вероятности, означает «народная крепость». Корень первой части этого слова тождественен с первым слогом названия находившегося поблизости города Детмольд (Тиетмаллус). Очень часто из таких нарицательных имен постепенно появлялись собственные имена. В таком случае это название, очевидно, появилось не у германцев, а у римлян, которые от местных жителей слышали название «тевтобург» в ответ на вопрос о том, что это за большой каменный вал находится на горе, по ту сторону княжеской крепости. Этим названием они поэтому и назвали покрытые лесом горы, через которые проходила их военная дорога.

Теперь «Тевтобургом» называется Гротенбург. Посреди большого кольцевого вала стоит памятник Германна.

Он стоит на правильном месте; и это тем более представится правильным, если принять, что это была крепость Сегеста, из которой он бежал к римлянам, захватив с собой Туснельду.

Еще два других воспоминания об этом сражении сохранились до наших дней. В 1868 г. близ Гильдесгейма, на глубине 9 футов под землей, был найден тот изумительно прекрасный серебряный клад, о котором мы почти без сомнения можем сказать, что он принадлежал к столовой утвари Вара и стал добычей одного из князей херусков. А музей в Бонне хранит могильный памятник, который был поставлен центуриону 18-го легиона М. Целию, погибшему в «Варовой войне», его благочестивым братом. Этот памятник украшен изображением покойного и его двух верных слуг и снабжен надписью, в которой говорится, что тело покойного похоронить не удалось.

МЕСТО ЛЕТНЕГО ЛАГЕРЯ

Мы твердо установили при помощи чисто объективных доказательств, что лагерь Вара находился на Везере. Это также дважды засвидетельствовано в источниках, однако, не так определенно, чтобы здесь исключалась всякая возможность какого-либо иного истолкования. Дион говорит, что германцы «заманили его от Рейна в страну херусков к Везеру», но это может быть истолковано «по направлению к Везеру», а не «к Везеру». А у Веллея (II, 105) мы читаем: «Тотчас же вступили в Германию, покорили каннинифатов, аттуариев, бруктеров, снова завоевали область родов херусков и вскоре, к нашему несчастью, перешли известную реку

[1] Schuchhardt «Röm. Germ. Forschung in Nordwestdeutschland. Abdr. a. d. N. Jahrb. f. d. klass. Altert.», S. 29. 1900.

Везер. Однако, это чтение основывается лишь на коньектуре[1]. Первое издание и Амербах ставят вместо слова «amnis» (река) слово «inamninus». Кол. Бурера ставит слово «inamminus»; поэтому недавно вместо слов «роды и река» (gentes et amnis) пытались читать: «рода его Арминий» (gentis ejus Arminius).

Раньше предполагали, что Детмольд был местом расположения лагеря, так как здесь, судя по названию («tietmallus» — титмаллус), находилась судебная палата. Но мне кажется, что это обстоятельство не могло быть причиной того, что римляне именно здесь должны были разбить свой постоянный лагерь. Римское владычество не могло ставить большие, вооруженные германские народные собрания под наблюдение, так сказать, под контроль полиции. Надо было либо запретить эти собрания, либо, — если римляне этого не хотели или не могли сделать, — надо было вступить с германцами в такие политические отношения, которые давали бы возможность допускать такие собрания. Но в таком случае надо было удерживать всех римлян на некотором расстоянии от этих страстных и легко возбудимых толп. Было бы чрезвычайно абсурдно и даже опасно устраивать такие собрания в непосредственной близости от римского лагеря. И в то же время со стороны римлян было бы излишней провокацией разбивать свой лагерь на священном судейском месте германцев или близ него, что мешало бы германцам собираться там по обычаю своих предков.

Но все эти соображения вообще никчемны, так как единственным мотивом, который был должен и мог обусловить выбор места для лагеря, был стратегический мотив, а он требовал наличия реки.

30 марта 1901 г. я совместно с директором музея г. Шуххардтом обследовал район Реме и установил, что в этом районе подходящим местом для римского лагеря был Ханенкамп. Санитарный советник д-р Хухцермайер из Ойенхаузена рассказал нам, что 15 лет тому назад там была найдена римская золотая монета с изображением императора, причем нашедший эту монету продал ее какому-то нумизматику. Других подробностей г. Хухцермайер, к сожалению, не смог вспомнить, но он обещал нам сообщить дополнительные сведения. О каких-либо иных находках на этом месте не имеется никаких сведений.

Все колодцы, находящиеся на этом холме, содержат воду на незначительной глубине.

Г. Шуххардт в особенности подчеркнул, что если бы на этом месте действительно находился лагерь, то он не только по своей величине, но и по внутренним условиям соответствовал бы обычаям римлян, а именно — он дожен был бы лежать на той стороне холма, которая обращена к югу, т. е. к солнцу.

Далее он указал на одно очень важное соображение в пользу того, что римский лагерь не мог находиться выше по течению Везера. Дело в том, что выше Реме река отличается очень быстрым, почти бурным течением и что эти стремнины должны были бы затруднять сообщение римлян с Северным морем.

Однако, мое предположение, что постоянный лагерь Вара находился на Ханенкампе, не подтвердилось теми раскопками, которые я там произвел той же осенью совместно с д-ром Шуххардтом. На этой возвышенности не только не было найдено ни малейших следов древних погребений, но можно сказать как раз наоборот: раскопки ясно показали, что на этом месте не было римского лагеря. Так как, судя по рельефу местности, можно было довольно точно сказать, где должны были находиться римские могилы, и так как поперечные траншеи ясно показали, что почва на этом месте никогда глубоко не разрывалась, то следует признать, что здесь не могло быть никакого лагеря[2].

---

[1] Коньектура — догадка, предположение, вставка своих слов в искаженный или имеющий пропуски текст.— Ред.

[2] Я считаю необходимым отметить, что несмотря на это Дам (Dahm, «Ravensberger Blätter», IV, N. 6, 1904) считает возможным утверждать, что здесь находился лагерь. Против этого утверждения см. Шуххардт, там же, N. 7—8.

Но вместо этого мы нашли нечто другое и, может быть, не менее ценное, а именно — остатки германских жилищ, разбросанные по всей возвышенности. Эта первая раскопанная древнегерманская деревня подтверждает описание Тацита: «Они строятся поодаль друг от друга, поодиночке, — там, где им приглянулся источник, поле или роща. Деревни располагаются не по нашему обычаю, — так, чтобы дома соединялись и соприкасались между собой, либо стремясь этим обезопасить себя от пожара, либо потому, что они не умеют иначе строить». Наше открытие подтвердило существовавшее мнение, что в этом описании имелись в виду «не вестфальские хутора, но обширные деревни с широко разбросанными постройками».

Такие же остатки жилищ были обнаружены но другой возвышенности, лежащей немного выше по течению Везера, на Мооскампе близ Бабенхаузена.

Если, таким образом, на этих двух местах, удобных для расположения римского лагеря в непосредственной близости от Вестфальских ворот, находились германские деревни, то, может быть, это и было причиной того, почему римляне именно здесь не разбили своего лагеря.

Я сперва производил поиски также и на противоположном, т. е. на правом берегу Везера, но и здесь до сих пор не было найдено никаких следов.

Теперь уже задачей местного краеведения является продолжить эти исследования и обратить внимание также на местность, лежащую ниже Вестфальских ворот. Как раз против этого я раньше резко возражал, так как мне казалось невероятным, чтобы римляне устроили свой лагерь перед дефиле, вместо того чтобы разбить его позади него. Но все же можно привести некоторые аргументы в пользу такого предположения, тем более, что выше по течению подходящие места были уже раньше заняты германскими деревнями. Если бы римляне расположили свой лагерь ниже Ворот, то они могли бы там устроить хорошую переправу через Везер и держать ее в своих руках, что давало им возможность властвовать над всей прилегающей низменностью, в то время как мост близ Реме открывал бы путь в котловину (что, впрочем, опять-таки связано с вопросом о том, насколько пригодна была дорога по правому берегу Везера). Стратегически наиболее целесообразно было бы расположить лагерь на правом берегу. Мост, весьма возможно, был защищен предмостным укреплением, а опасность от дефиле близ Ворот была ослаблена наличием крепости на Виттекиндсберге (горе Виттекинда). Однако, как я мог лично убедиться благодаря собственному обследованию местности, первое легкое возвышение почвы на правом берегу около деревни Неезен, лежащее под Якобсбергом (горой Якова), настолько незначительно, что с ним почти не приходится считаться при поисках места римского лагеря. На левом берегу следует сперва обратить внимание на Белхорст и Минден. Но здесь все следы лагеря навеки исчезли: в первом случае благодаря Белхорстскому руднику и кирпичному заводу, а во втором — благодаря самому городу Миндену. Со строго стратегической точки зрения, конечно, было ошибкой расположить лагерь перед дефиле, но римляне, очевидно, считали свою власть настолько прочной, что пожертвовали этим моментом ради других выгод.

Более подробное сообщение о раскопках на Ханенкампе помещено мною в «Прусском ежегоднике» («Preussische Jahrbücher»), в сентябрьском выпуске за 1901 г. (т. 105, стр. 555), а г. Шуххардтом во «Временнике отечественной истории и древностей Вестфалии», в т. 61, стр. 163 («Zeitschrift für vaterländische Geschichte und Altertumskunde Westphalens», Bd. 61, S. 163). Все находки переданы в Ректорскую школу в Ойенхаузен.

Позднее я произвел пробные раскопки у выхода из Дэрского ущелья близ Пивитсхейде, но и здесь также до сих пор раскопки не дали результатов. Собственно говоря, не подлежит никакому сомнению, что приблизительно около этого

места римляне однажды, в какую-то эпоху, разбили свой лагерь. Когда римлянам надо было из области Липпы попасть в северогерманскую низменность, что им часто приходилось делать в течение двадцати лет их владычества и их войн с германцами в этой области, то они бывали принуждены пересекать Тевтобургский лес и горную цепь Виен, причем через обе эти горные цепи ведут лишь очень немногие отчетливо различимые горные проходы. Горы Виен можно пересечь, пройдя через Ворота, а через Тевтобургский лес ведут Дэрское и Билефельдское ущелья. Многочисленные курганы прямо указывают на то, что Дэрское ущелье служило путем со времен глубокой древности. Если мы здесь когда-либо и найдем следы римских лагерей, то все же это не явится еще доказательством того, что они имеют какое-либо отношение к походу Вара. Именно в этой области римляне совершали много походов и, находясь среди опасных союзников, принуждены были сооружать походные лагери, окруженные валом и рвом. Весьма удивительно, что еще нигде не удалось найти хотя какие-либо следы, но весьма вероятно, что такие следы будут обнаружены. Пусть только не ослабнет рвение местных краеведов!

ДЭРСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Вслед за Реме мы с г. Шуххардтом обследовали и Дэрское ущелье. Здесь нам оказал очень ценную помощь проф. О. Верт из Детмольда, который оказался прекрасным проводником благодаря своим знаниям местности, древностей и, главным образом, естественных условий. Он обратил мое внимание на то, что у Зальцуфельна меняется геологический характер местности, и указал на то, что лишь с XVIII в. стали засаживать соснами бывшие до сего времени пустынными песчаные и степные поверхности южнее Зальцуфельна, что он мне также впоследствии подтвердил данными, извлеченными из актов Липпского управления удельного ведомства. Если здесь еще в XVIII в. не было леса и его лишь искусственно начинали насаживать, то не будет слишком смелым сделать из этого вывод, что и в древности этот район был безлесным, а отсюда следует, что рассказ Диона вполне соответствует условиям местности (главным образом, леса) между Воротами и Дэрским ущельем.

Равным образом я обязан Верту и тем, что он мне указал на курганы и на то, какое значение они имеют для определения древности военного пути. Карту еще сохранившихся в ту эпоху могильников можно найти в исследовании Вильгельма Таппе, вышедшем в 1820 г. под заглавием «Истинная местность и боевая линия трехдневного сражения Германна» («Die wahre Cegend und Linie der dreitaegigen Hermannsschlacht»).

Описания Дэрского ущелья в существующей литературе противоречат друг другу или же дают картину, не соответствующую действительности, так что мне хотелось бы со своей стороны сказать несколько слов по этому поводу.

Помимо этого ущелья есть еще второй путь, который ведет от Верхней Липпы через Оснинг к Вестфальским воротам. Этот путь — Билефельдское ущелье, по которому теперь проходит железная дорога. Однако, этот путь не имеет для нас сейчас никакого значения, так как путь, идущий из Ализо через Дэре, значительно короче.

«Оба ущелья, — описывает их майор Дам в «Сражении Германна», стр. 26 (Major Dahm, «Die Hermannsschlacht», S. 26), — одинаково легко проходимы. Они образуют горные проходы шириной в 500—600 шагов, по которым можно почти без всяких подъемов пройти через цепь крутых гор». Подполк. фон-Стамфорд в своей работе «Поле сражения в Тевтобургском лесу» (Oberstleutenant von Stamford, «Das Schlachtfeld im Teutoburger Walde», S. 86, 111) пишет уже несколько иначе, а именно, что путь через Дэре довольно круто поднимается и затем спускается вниз и что там

имеется «скверное место», где для тяжело нагруженных возов подъем слишком крут.

Дам вполне прав постольку, поскольку теперешняя шоссированная дорога, проходящая по восточному склону ущелья, имеет лишь весьма незначительный подъем; даже глубокие песчаные места немногим выше, чем равнины к югу и к северу от горной цепи. Однако, лишь описание Стамфорда рисует правильную картину, так как сравнительная ровность этой дороги при незначительных подъемах отчасти была достигнута искусственным путем, в то время как середина ущелья, вследствие песчаных холмов и рытвин, весьма неровна и к тому же обильно покрыта песком, что ее делает трудно проходимой.

Кноке (стр. 96) пишет: «О болотах как внутри Липпского леса, так и к северу от него не может быть и речи». И Дам говорит приблизительно то же самое, хотя осторожно добавляя: «Болота, которые могли бы оказаться губительными для армии...» Источники нам ничего не говорят о том, что болота оказали непосредственно губительное влияние на армию (ср. Эдм. Мейер, «Исследования к вопросу о сражении в Тевтобургском лесу» — Edm. Meyer, «Untersuchungen zur Schlacht im Teutoburger Walde», S. 216). Однако, Стамфорд твердо устанавливает — и, действительно, не может быть никакого сомнения в том, что во всем Тевтобургском (Липпском) лесу встречаются болотистые места. Как раз перед Дэрским ущельем, к северу от него, находится Херстское болото с глубокими топями; также и в Дэрском ущелье имеются болотистые места (Стамфорд, стр. 85 и 86).

Земляные валы, которые тянутся поперек всего горного прохода немного севернее его самого узкого места, — там, где справа и слева начинается лиственный лес, покрывающий высоты, — относятся, очевидно, к более позднему времени, к Средним векам.

На «Карте Тевтобургского леса и сражения Германна», которую в 1820 г. издал принц Фридрих Липпе, у самого северного края Дэрского ущелья нанесен лагерь. Приблизительно в этих местах должен был, действительно, находиться последний лагерь Вара. Но те остатки вала, которые здесь имеются в виду, лежат слишком близко от входа в ущелье и не имеют никакого отношения к римским укреплениям. Как установил Шуххардт, это — остатки средневековой крепостной линии. Они находятся на Хаммер-Хайде, справа от дороги, ведущей из Пивитсхейде в Херсте, сейчас же позади того места, где расходятся дороги. Эти остатки вала уже начинают исчезать, так как они сносятся крестьянами. Я упоминаю об этом для того, чтобы предостеречь от ошибок тех будущих исследователей, которые, исходя из карты принца Липпе, будут здесь искать римский лагерь.

Подобно тому, как, исходя из монетных находок, искали место сражения при Баренау к северу от Оснабрюка, так и в данном случае читатель может почувствовать искушение воспользоваться для определения места последнего сражения указанием очень серьезного писателя, подполк. Ф. В. Шмидта во «Временнике отечественной истории и древностей (Вестфалии)», 1859 г., стр. 299. Это указание гласит: «В районе Стапелаге, в $1^1/_2$ часах к северо-западу от Дэрского ущелья, в особенности на полях больших дворов Хунекен и Кравинкель, часто выпахивают римские монеты, которые, насколько с ними мог ознакомиться автор, относятся к эпохе не позже эпохи Августа».

Я извлекаю эту цитату из исследования Х. Нейбурга «Место сражения Вара» (H. Neuburg, «Die Oertlichkeit der Varusschlacht», S. 50). Так как этих монет теперь налицо не имеется, то нет никакой возможности проверить решающий в данном случае момент, а именно — то, что они не позже эпохи Августа. Даже если это и соответствует действительности, то мы из этого можем сделать лишь тот вывод, что здесь мы имеем дело лишь с частью добычи жившего здесь херусского рода, захваченной им после сражения в Тевтобургском лесу. Вышеуказанные места нахо-

дятся слишком далеко в горах, для того чтобы можно было предположить нахождение римского лагеря именно здесь.

Ген.-майор Вольф высказал однажды предположение, что в районе деревни Эльзен близ Падерборна нельзя теперь найти никаких следов Ализо, так как соответствующее место теперь покрыто песчаной дюной, которая поглотила в себе все следы. Такое же явление могло произойти и в местности, лежащей перед Дэрским ущельем, там, где тысячелетия могли произвести более крупные перемены в конфигурации дюнного ландшафта, чем то можно предположить, судя по его современному виду.

КЛОСТЕРМЕЙЕР И ВИТЕРСХЕЙМ

По существу самое правильное относительно похода Вара было уже сказано Клостермейером в его работе «Где Германн разбил Вара» (Clostermeyer, «Wo Hermann den Varus schlug». Lemgo, 1822). Он только не совсем правильно восстановил конец этого похода. Он предполагает, что лагерь Вара находился у Миндена или немного дальше вниз по течению, у Петерсхагена, и что заключительная катастрофа произошла не перед Дэрским ущельем, но в долине Берлебеке, у подножья Гротенбурга. Вар хотел пройти через Дэрское ущелье, однако, германцы преградили ему этот путь; поэтому, пытаясь уйти от них, он совершил обходное движение через Детмольд. Это невозможно. Если Вар себя чувствовал слишком слабым для того, чтобы пробиться через Дэрское ушелье, то тем менее он мог надеяться на то, чтобы спастись, идя вдоль гор через Лопсхорнский проход или же пустившись напрямик через горы. Захватив в свои руки неповоротливую и далеко растянувшуюся громаду римского войска, германцы ни за что не выпустили бы своей добычи. Римлянам оставалось либо пробиться через Дэрское ущелье, либо умереть. Другого выбора не было.

Эти вполне правильные возражения против концепции Клостермейера были уже сделаны фон-Витерсхеймом в его «Истории переселения народов». Исходя из этого, он вполне справедливо полагает, что заключительная катастрофа произошла в самом Дэрском ущелье. Однако, он искал летний лагерь Вара гораздо дальше вверх по течению Везера, а это указывает на то, что он еще не смог правильно установить путь римлян, определить тактический характер заключительного сражения и, следовательно, еще не имел полного представления об основных стратегических элементах ведения войны в Германии. В противном случае его решение вопроса, столь близкое к истине, обратило бы на себя значительно больше внимания.

ДНИ ПЕРЕХОДОВ И СРАЖЕНИЙ

Исследователи спорят о том, произошло ли сражение в Тевтобургском лесу в самый день выхода римлян из летнего лагеря или же позднее, а также о том, продолжалось ли сражение два или три дня.

Хотя рассказ Диона и не говорит об этом прямо, но все же создает впечатление, что в течение нескольких дней Вар продвигался вперед вполне спокойно, — вплоть до того момента, когда германцы произвели свое первое нападение. На это обстоятельство вполне справедливо сослался Кноке. Но если Тацит в таких словах («Анналы», I, 58) заставляет Сегеста говорить о своем напрасном предостережении Вара: «Свидетельницей этого — ночь; пусть лучше она для меня была бы последней», то это указывает, что катастрофа последовала тотчас же на другой день. Еще большее значение имеет указание Веллея, что ожидать наступления второй ночи было, по словам Сегеста, уже невозможно (II, 118). На это обратил внимание Вильмс. Хотя свидетельство Веллея как современника является весьма веским, однако, исходя из установленных уже нами основных положений критики источников,

мы не должны придавать особенное значение всем этим косвенным указаниям. Во всяком случае указания источников не противоречат предположению, что римляне подверглись нападению германцев в день своего выступления из летнего лагеря.

В таком же положении находится вопрос о том, длилось ли сражение два или три дня. Источники можно истолковать в случае нужды и в том и в другом смысле. Но гораздо вероятнее, как мы уже установили выше, что сражение длилось три дня.

У Диона соответствующее место, имеющее решающее значение, испорчено. В рукописи это место непосредственно после описания второго дня сражения гласит: «Ибо тогда настал день после того, как они выступили в путь». Но эта фраза бессмысленна. Самым простым и естественным исправлением этой фразы было бы: «Итак, настал третий день...»

Однако, несмотря на это, нельзя препятствовать строить иные коньектуры тем исследователям, которые, исходя из объективных причин, высказываются за два дня, но все же следует отклонить те коньектуры, которые приписывают римлянам ночной переход. Такое большое войско, как войско Вара, не могло, так сказать, прокрадываться тайком. Германцы ничуть не были похожи на персов Тиссаферна, которые с наступлением ночи отходили от греков, чтобы по возможности дальше от них устроить безопасный привал на ночлег. Если же неприятель оставался поблизости, то продвижение становилось уже невозможным, и рано или поздно должно было завязаться сражение. Но нельзя себе представить ничего более неблагоприятного для римлян, чем ночной бой, который происходил бы при данных обстоятельствах и при уже подавленном настроении войск. Это неминуемо привело бы к панике и к немедленному полному разгрому.

Тацит пишет, что Германик прошел через Тевтобургский лес, ища следы и остатки войска Вара. «Первый лагерь Вара, судя по его большому протяжению и по размерам главной квартиры, совершенно несомненно заключал в себе три легиона. Далее, по полуразрушенному валу и по плоскому рву видно было, что здесь укрепились уже сильно пострадавшие остатки его войска». В словах «первый лагерь» хотели видеть летний лагерь, и это не является невозможным,—однако, лишь при том условии, если мы примем, что Тацит в погоне за антитезой ввел в заблуждение своих читателей. Ведь каждый римлянин должен был прекрасно знать, что между постоянным лагерем и походным лагерем, рассчитанным на одну лишь ночь, существует большая разница [1]. Следовательно, этим противопоставлением Тацит не смог бы произвести никакого впечатления на своих читателей. Если бы на самом деле существовал лишь один походный лагерь и если бы Тацит захотел противопоставить его постоянному лагерю, дав контрастное изображение, то он при всей своей риторике все же был бы настолько правдивым, чтобы соответствующим образом построить антитезу, что, конечно, совсем не так трудно. Отсюда можно вывести заключение, что в словах «первый лагерь» (prima castra) автор, по всей вероятности, имел в виду первый походный лагерь, для разбивки которого, как это правильно заметил Кноке, вполне естественно, согласно походным правилам, было намечено место, достаточное для размещения трех легионов, несмотря на то, что в течение первого дня римляне уже понесли значительные потери. Но если мы внимательно ознакомимся с местностью, то ясно увидим, что решающее значение в данном случае приобретут расстояния. От Реме до Дэрского ущелья 5 миль, а от Миндена до того же ущелья 6 миль. Войско, находившееся в таких тяжелых условиях, как римское накануне Тевтобургского сражения, никогда не смогло бы сделать такой переход в течение дня. Для однодневного перехода вполне достаточна была бы половина этого расстояния. Больше того, я даже считаю вполне воз-

[1] Вегеций (III, 8) подробно описывает различия между походным и постоянным лагерями.

можным, что ввиду большого количества повозок, очень трудного пути через лес, холмы и ущелья, а также дождя, который размыл глинистую почву, римляне сделали еще один переход, так что сражение происходило на второй, третий и четвертый день после выступления римлян из лагеря. Этому, конечно, не противоречит то, что Тацит говорит лишь о двух лагерях.

Подполк. фон-Стамфорд в своей работе «Поле сражения в Тевтобургском лесу» (стр. 105 и 107) пишет, что ему в нескольких местах удалось найти остатки вала близ Шеттмара около Зальцуфельна.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Описывая самое сражение при Дэрском ущелье и заключительную катастрофу, я не брал за основу один из тех дошедших до нас рассказов, которые теперь находятся в нашем распоряжении, а исходил из сопоставления отдельных свидетельств, сохранившихся у Веллея, Тацита и Флора, а также из основных моментов, переданных Дионом. Оставшиеся пропуски я заполнил теми конкретными фактами, которые я смог извлечь из анализа расстояний и характера местности и которые, будучи связаны между собой, образовали единую причинную цепь событий. Такой метод работы требует особого пояснения и обоснования.

Следует исходить из того, что единственный подробный рассказ о Тевтобургском сражении, которым мы располагаем, а именно рассказ Диона Кассия, хотя и восходит к очень надежному свидетельству, все же сохранился в новой обработке, дошедшей из третьих или четвертых рук. При этом вполне естественно, что не только были сгущены краски, но и могли выпасть отдельные моменты, которые менее интересовали Диона или его предшественников и которые были лишь слабо намечены в первоначальной версии.

Вместе с тем мы не должны принимать в соображение вопрос о том, погибли ли легаты во время самого сражения или они покончили самоубийством по примеру полководца. Об этом в Риме никто не имел точных сведений, так что один говорил одно, а другой совершенно иное.

Дион, описывая сражение, говорит о том, что оно кончилось так же, как и началось: римляне погибали под непрерывным натиском германцев, в то время как их вожди кончали жизнь самоубийством. Этому противоречит сообщение Веллея, который пишет, что из двух лагерных префектов один, по имени Эггий, дал войскам хороший пример, а другой, Цейоний, поступил позорно («После того как он погубил значительно бо̀льшую часть войска и будучи виновником сдачи, он не захотел умереть в бою, а предпочел такой смерти казнь»). Далее он сообщает о том, что германцы отрубили голову от полусожженного трупа Вара. Флор дает возможность дополнить этот рассказ тем фактом, что тело Вара было погребено и затем вырыто. Эта попытка погребения, точнее—сожжения, возможна лишь при наличии укрепленного лагеря. Да и помимо этого, если мы учтем способ ведения войны германцами, мы должны будем признать, что войска, находившиеся на поле сражения, никак не смогли бы капитулировать. Но обо всем этом Дион ничего не говорит. Однако, это не может для нас послужить основанием для того, чтобы отвергнуть, признав за басню, такой определенный и точный рассказ, как рассказ Веллея, который вообще во всех остальных случаях является прекрасно осведомленным современником. В конце рассказа Диона, очевидно, имеется пропуск в сохранившемся тексте (может быть, здесь утерян один листок рукописи). Впрочем, если такого пропуска и не было, то весьма возможно, что мы здесь имеем дело с простым сокращением, произведенным автором, так как его описание этого события и без того достаточно подробно. В последней части своего изложения автор особенно стремился быть кратким. Это видно из того, что он описывает, как абсо-

лютно все было уничтожено—и люди и кони, и сейчас же вслед за этим говорит о тех пленниках, которые позднее были выкуплены своими родственниками.

Если теперь мы примем рассказ Веллея о произведенной римлянами попытке похоронить тело Вара и об окончательной капитуляции, то отсюда мы должны будем сделать тот вывод, что данное сражение, очевидно, не было рядом последовательных стычек, а было регулярным сражением. Если бы римляне все время продвигались вперед с боем, то они не могли бы иметь лагеря, где они могли попытаться предать сожжению тело Вара и где войско окончательно капитулировало.

С чисто военно-теоретической точки зрения, если так можно выразиться, это различие чрезвычайно существенно. Но психологически вполне понятно, что именно этот момент отсутствует в рассказе Диона. Ведь от автора этого повествования могло ускользнуть различие между заключительным сражением и боями предшествовавших дней, так как с внешней стороны все эти бои в глазах автора ничем не отличались друг от друга. К тому же мы не должны забывать, что имеем в нашем распоряжении лишь римские источники. Ведь их, конечно, ничто не побуждало к особенному подчеркиванию того обстоятельства, что римляне не только подверглись нападению на походе, но и потерпели окончательное поражение в регулярном сражении, оказавшись не в состоянии пробиться через ряды неприятеля. Их стремление объяснить это поражение лишь изменой и внезапным нападением ясно звучит в той речи, с которой, по словам Тацита («Анналы», II, 46), Марбод обратился к своим войскам: «Арминий победил три освобожденных от службы праздных легиона (tres vacuas legiones); поэтому такой успех не делает ему особенной чести». Это возражение в обычном рассказе может показаться довольно обоснованным, а потому с точки зрения военной истории для нас вдвойне важно то обстоятельство, что мы считаем вполне возможным восстановить затушеванный, так сказать, римлянами факт заключительного регулярного сражения.

С этим вполне согласуется и тот довольно странный способ, к которому прибегает Тацит, для того чтобы противопоставить один другому те два лагеря, которые были обнаружены Германиком и его солдатами. «Первый лагерь, судя по его большому протяжению... затем по полуразрушенному валу и плоскому рву...» Слова «полуразрушенный вал», конечно, не указывают на такой вал, который никогда не был высоким, а на такой, который обвалился. Следуя строгим правилам логики, в этой фразе можно установить противопоставление первого большого лагеря, построенного по правилам, маленькому, неоконченному, плохо укрепленному лагерю. Давая в данном случае,—как он впрочем это часто делает,—косвенную антитезу, Тацит принуждает читателя восполнить это противопоставление, вкладывая в слово «полуразрушенный» представление о том, что германцы, ворвавшись в лагерь, разрушили и растоптали вал. Очевидец, к которому в конечном счете восходит рассказ Тацита, должен был получить настолько сильное впечатление от состояния вала и рва, что его глазам должна была представиться последняя страшная сцена. Поэтому мы можем предположить, что характерное слово «полуразрушенный» было вставлено не Тацитом, а происходит из первоначальной версии рассказа.

Будем ли мы считать нашу локализацию сражения действительно доказанной или же лишь установленной с определенной степенью достоверности, во всяком случае реконструкция последнего сражения основывается не только на внешнем сопоставлении и согласовании фактов. Мы можем с уверенностью сказать, что объективные основания и критика источников позволяют нам без всякого труда дополнить рассказ Диона фактом существования лагеря и его конечной капитуляции.

Правильная реконструкция, раз установленная, подтверждается тем, что и другие трудно понимаемые части рассказа находят благодаря этому простое и ясное объяснение.

Веллей рассказывает, что во время этого поражения те солдаты, которые, по обычаю римлян, хотели мужественно использовать свое оружие, были наказаны. Мы можем теперь отнести этот факт ко времени ведения переговоров относительно капитуляции.

Согласно Диону, последнее сражение произошло в узком месте ущелья. По Тациту же, Германик увидел белевшие кости павших римлян «посреди поля» (medio campi). Это противоречие теперь легко объяснимо. Дион говорит о последнем настоящем сражении, которое разыгралось в Дэрском ущелье, но, конечно, после того как римляне отступили из Дэре, многие из них были еще убиты в открытом поле перед ущельем.

Эдм. Мейер в своей работе «Исследования относительно сражения в Тевтобургском лесу» (Edm. Meyer, «Untersuch. über die Schlacht im Teutoburger Walde») уже доказал, что описание Диона само по себе хорошо согласуется с отдельными свидетельствами других источников. Если его концепция, основанная на критике источников, не получила быстрого и всеобщего признания, то это объясняется лишь тем, что он в отдельных случаях дает неправильные решения вопроса и неверно устанавливает топографию, так как стратегические основы ведения войны в Германии не были в то время еще известны.

ГИПОТЕЗЫ МОММСЕНА И КНОКЕ

Для нас нет никакой необходимости вникать в отдельные подробности сильно оспаривавшейся гипотезы о том, что Тевтобургское сражение произошло к северу от Оснабрюка, близ Баренау, или же к югу от него, близ Ибурга, так как с нашей точки зрения поле сражения, без всякого сомнения, следует искать лишь на пути, ведущем от Вестфальских ворот к Ализо. Если бы сражение произошло поблизости от Оснабрюка, то это означало бы, что большая дорога римлян шла не вверх по долине Липпы, но от Хальтерна по направлению к Мюнстеру и Оснабрюку, севернее или южнее горной цепи Виен, на Минден или Реме. Конечно, и здесь проходила дорога. Мы даже можем согласиться с Кноке в том, что между двумя горными хребтами—горной цепью Виен и Оснингом вдоль гор у подножья холмов проходила германская дорога. Можно даже себе представить, что те большие запасы, которые были необходимы для летнего лагеря Вара и которые очень трудно было доставить по этому сухопутному пути, были доставлены в Минден на кораблях через Северное море. Все же не может быть никакого сомнения в том, что римляне имели в своем распоряжении военную дорогу, шедшую вдоль Липпы через Осниyг (через Дэрское ущелье) к Вестфальским воротам, что они имели на этой дороге, на Верхней Липпе, укрепленный складочный пункт и что именно поэтому данный путь был их главной военной дорогой. Нужно себе только представить, насколько такой складочный пункт облегчал путь войскам, передвигавшимся взад и вперед по этой дороге. Ведь тогда в Германии без крупных приготовлений и значительных расходов нельзя было сойти с дороги, шедшей вдоль водного пути. Следовательно, если у Вара были бы какие-нибудь основания итти от Вестфальских ворот прямо в район Оснабрюка, то он, наверное, идя по этому пути, не взял бы с собой своего обоза, но, без всякого сомнения, отправил бы его на Липпскую дорогу, так как он считал соседних германцев за верных союзников.

К этому надо прибавить, что с оснабрюкской гипотезой с большим трудом согласуются или даже, собственно говоря, совсем не согласуются положительные указания Тацита на то, что Германик, поднявшись на кораблях вверх по Эмсу, опустошил всю страну между Эмсом и Липпой, подошел к пределам бруктеров, находясь недалеко от Тевтобургского леса, и, сняв осаду с крепости, расположенной на Липпе, отказался от мысли восстановить разрушенный курган. См. относительно этого специальное исследование о местоположении Ализо.

Насколько в корне изменились основы исследования этой проблемы благодаря новым данным относительно плотности населения в Германии, видно из того, что Моммсен в своем исследовании о «месте сражения Вара» («Die Oertlichkeit der Varusschlacht») еще находил возможным писать, что германские вожди «могли созывать в любом,—даже отдаленном—пункте свои войска, в два или в три раза превосходившие по своей численности войско римлян».

Гипотезу Моммсена защищает Эд. Бартельс в своей работе «Сражение Вара и место этого сражения» («Die Varusschlacht und ihre Oertlichkeit», 1904), в которой автор особенно подчеркивает то обстоятельство, что путь войска Вара должен был лежать не через лесные горы, а вдоль северного края горной цепи Виен. Окрестности Баренау хорошо соответствуют описанию сражения в том отношении, что здесь находятся большие болота, которых нет близ Дэрского ущелья. Но против этого можно возразить, что болота играют большую роль лишь в рассказах Флора и Веллея, у которых их упоминание могло быть вызвано стремлением этих писателей украсить свой рассказ риторикой, тем более, что германские болота являются чем-то вроде обычного стаффажа [1] во всех описаниях Германии. У Диона же, рассказ которого является нашим главным источником, нет упоминания о болотах. Да и помимо этого нельзя сказать, что близ Дэрского ущелья нет никаких болот.

Бартельс вполне обоснованно предполагает, что римское войско шло не через лесистые горы, а вдоль северного края горной цепи Виен, следовательно, по равнине, так как он считает, что римское войско со своим обозом никак не могло направить свой путь через девственный лес. Однако, он вместе с тем упускает из виду то обстоятельство, что здесь местность не давала бы возможности германцам производить непрерывные внезапные нападения на римское войско и, наконец, окончательно отрезать ему путь.

Бартельсу кажется, что существенным основанием для предположения, что римское войско шло не по направлению к Липпе, является тот факт, что при сообщении о восстании германцев не было упомянуто название восставшего племени. Племена, жившие по Липпе и Руру, были настолько хорошо известны римлянам, что название племени должно было быть упомянуто. Но против этого следует возразить, что римляне достаточно давно правили этой страной, чтобы одинаково хорошо знать названия всех племен, живших между Рейном и Везером.

Равным образом бьет мимо цели и тот аргумент, что путь к Верхней Липпе был бы вполне безопасным. Шло бы римское войско по долине Верры или, идя наперерез излучине реки, направлялось бы прямо к югу,—во всяком случае эта местность была более опасна, чем местность, прилегавшая к северному подножью горной цепи Виен, в особенности Дэрское ущелье, которое как бы самой природой было создано для выполнения военного плана и для проведения военной тактики германцев.

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД СВИДЕТЕЛЬСТВ ИСТОЧНИКОВ

При том особенном значении, которое имеет для Германии сражение в Тевтобургском лесу, многим читателям, не имеющим под рукой античных авторов, будет интересно прочитать в точном переводе те первоначальные источники, на которых строится наше изложение, чтобы, таким образом, установить, что ими было передано непосредственно и что является реконструкцией.

---

[1] Архитектурное украшение.—Ред.

Дион Кассий.

Римляне владели некоторыми областями в Германии, причем эти области были расположены не одна подле другой, а в том порядке, как их завоевывали римляне, почему они и не упоминаются в истории. Их солдаты зимовали в этих областях и основывали там города, а варвары подчинялись римским обычаям, приходили на рынки и поддерживали с римлянами мирные отношения. Однако, они не могли забыть обычаи своих предков и своей страны, свой свободный образ жизни и мощь своего оружия. До последнего времени их отучали от этого лишь постепенно, применяя большую осторожность, так что они незаметно осваивались со своим новым образом жизни и сами даже не чувствовали происходивших с ними перемен. Когда же Квинтилий Вар, бывший до тех пор проконсулом Сирии, получил Германию в качестве провинции, он резко изменил политику, захотел все слишком быстро изменить, стал обращаться с германцами властно и требовать от них дани, как от подданных. Это им не понравилось. Вожди народа стремились к своему прежнему господству, а народ находил, что прежний государственный строй был лучше, чем принудительное господство иноземцев. Но так как они полагали, что боевые силы римлян на Рейне и в их собственной стране были слишком значительны, то они сперва не восстали открыто, а встретили Вара так, как будто они готовы были исполнить все его требования, и заманили его от Везера в страну херусков. Здесь они жили рядом с ним, находясь с ним в самых мирных и дружеских отношениях, и тем заставили его поверить, что они сами смиренно подчиняются его приказам, даже не вынуждая его применить силу оружия.

Таким образом, случилось, что Вар перестал держать свои войска сосредоточенными в одном месте, как он должен был бы делать, находясь в неприятельской стране, но разослал своих людей в разные стороны, уступая просьбам более слабых либо для того, чтобы защитить определенные места, либо для того, чтобы переловить разбойников или же прикрыть доставку продовольствия. Вождями заговора и вероломной войны, которая уже начиналась, были наряду с прочими Арминий и Сегимер, которые находились постоянно при нем и часто пировали за его столом. Когда же он стал вполне доверчивым и уже не подозревал ничего дурного, — даже больше, не только не верил тем, кто подозревал худое в том, что происходило, и советовал ему быть осторожным, но даже обвинял их в необоснованной трусости и привлекал к ответственности за клевету, — тогда по предварительному сговору восстали сперва некоторые отдаленные племена. Они считали, что таким образом они скорее заманят Вара в ловушку, когда он выступит против восставших и пойдет по стране, которую он считал дружеской, чем если они все сразу начнут войну против него, дав ему тем возможность принять необходимые меры предосторожности. Все так и случилось. Они дали ему выйти вперед и некоторое время его сопровождали, но затем остались позади под тем предлогом, что хотят стянуть свои войска и затем быстро притти к нему на помощь. После этого они напали с заранее приготовленными, выпрошенными ими у Вара раньше войсками на римские отряды и разбили их наголову, после чего настигли самого Вара, который к тому времени углубился в непроходимые леса. Теперь предполагаемые подданные внезапно оказались врагами и произвели жестокое нападение на рим-

ское войско. Горы здесь были полны ущелий, а неровная местность была покрыта высоким и густым лесом, так что римляне еще до нападения противника должны были порядком поработать над рубкой леса, прокладыванием дорог и постройкой мостов. Римляне вели за собой, совсем как в мирное время, множество повозок и вьючных животных; за ними следовало также большое количество детей, женщин и прочей прислуги, так что войско принуждено было растянуться на большое расстояние. Отдельные части войска еще более отделились одна от другой вследствие того, что полил сильный дождь и разразился ураган. Поэтому почва вокруг корней и стволов деревьев стала скользкой, и шаги воинов стали неуверенными. Верхушки деревьев обламывались и своим падением увеличивали смятение, царившее среди войска. В этот тяжелый для римлян момент варвары напали на них со всех сторон, выступив из лесной чащи. Прекрасно зная дороги, они окружили их и сначала обстреливали издали. А затем, когда уже больше никто не сопротивлялся и многие были ранены, они атаковали их вплотную. Так как римские войска шли без всякого порядка, смешавшись с повозками и с невооруженными, то им было трудно сомкнуть свои ряды, а потому они понесли большие потери, тем более, что они не могли со своей стороны причинить никакого вреда противнику, превосходившему их своей численностью.

Как только они нашли более или менее подходящее место, — насколько это было возможно в условиях лесистых гор, — они тотчас же разбили лагерь, сожгли большинство повозок и всякую ненужную утварь или оставили ее за собой, а затем, выступив на другой день, двинулись вперед в уже большем порядке и достигли открытого места; но и здесь им пришлось понести некоторые потери. Выступив отсюда, они вновь попали в лесистую местность; хотя они и оборонялись от наступавших на них германцев, но именно поэтому они испытали новое несчастье. Собираясь вместе в узких местах, для того чтобы сомкнутыми рядами нападать на противника одновременно и конницей и пехотой, они были затруднены в своих движениях деревьями и сами друг другу мешали. Они шли таким образом уже третий (четвертый?) день. Снова разразился сильный дождь, сопровождавшийся резким ветром, что не дало им возможности ни продвигаться вперед, ни укрепиться прочно на каком-либо месте и даже лишило их возможности пользоваться своим оружием, так как стрелы, дротики и щиты промокли насквозь и уже больше не годились к употреблению. Неприятель же, по большей части легко вооруженный, меньше от этого страдал, так как мог беспрепятственно продвигаться вперед или отступать. Помимо этого, неприятель превосходил римлян численностью (так как и ранее колебавшиеся теперь очутились здесь, по крайней мере для того, чтобы поживиться добычей) и окружил более слабых римлян, которые уже в предшествующих боях потеряли много людей, что помогло ему разбить их наголову. Поэтому Вар и наиболее видные римские полководцы приняли печальное, но продиктованное необходимостью решение заколоться собственными мечами из страха перед тем, что их живыми возьмут в плен или что они погибнут от руки ненавистных врагов (тем более, что они уже были ранены).

Когда это стало известно, то все перестали обороняться, даже те, кто еще имел для этого достаточно сил. Одни последовали примеру

своего вождя, а другие, бросив свое оружие, дали себя убить первому попавшемуся врагу, так как никто, даже если бы он этого хотел, не мог подумать о бегстве. Теперь германцы могли без всякой опасности для себя поражать и людей и коней.

Веллей Патеркул

Лишь только Тиберий окончил Паннонскую и Далматинскую войны, как через пять дней после этого пришла печальная весть из Германии о смерти Вара и о гибели трех легионов, такого же числа эскадронов и шести когорт. Судьба оказалась для нас, так сказать, милостивой лишь в том отношении, что вернула нам полководца, который мог отомстить за такое поражение, а именно Тиберия. Я должен несколько остановиться на причине этого несчастья и на личности Вара. Квинктилий Вар, происходивший из почтенной, хотя и не очень древней, родовитой семьи, был мягким человеком, обладавшим спокойным характером. Тяжелый на подъем как по своему характеру, так и по своему телосложению, он предпочитал лагерный досуг военной службе. Как мало он презирал деньги, показывает его поведение в Сирии, которая до этого времени находилась в его управлении. Он вступил в эту богатую провинцию, будучи бедняком, а покинул ее богачом, оставив эту провинцию бедной. Получив верховное командование над войском, стоявшим в Германии, он решил, что жители этой страны не имеют в себе ничего человеческого, кроме голоса и тела. И он думал укротить при помощи римского права тех людей, которых не смогли усмирить мечи. С таким намерением вступил он в Германию, как будто он пришел к людям, которые радовались благословенному миру, и проводил все свое время в летнем лагере, торжественно разбирая дела с высоты своего судебного кресла.

Но эти люди,— чему, конечно, не поверит тот, кто этого сам на себе не испытал,— при всей своей дикости чрезвычайно хитры и как бы рождены для лжи. Они вели и тянули длительные, изобретенные ими самими процессы и то жаловались друг на друга, то благодарили Вара за то, что он решал дела с римской справедливостью и таким новым и неведомым для них способом укрощал и смягчал их дикость и ставил право на место насилия. Таким образом, они усыпили бдительность Вара, который впал в такую беспечность, что ему уже стало казаться, что он не командует войском в Германии, а в качестве городского претора судит на форуме. Среди германцев находился в то время молодой человек, происходивший из благородного рода, обладавший храбростью, сообразительностью и таким умом, которого нельзя было бы предполагать в варваре. Его звали Арминием; он был сыном Сигимера, одного из князей этого народа. Его пламенная душа горела в его взоре (Blick) и в его глазах (Augen). Он служил у нас на военной службе и был облечен званием римского гражданина и всадника. Он решил использовать вялость полководца для того, чтобы совершить злодеяние, правильно учитывая, что легче всего погубить того, кто ничего не боится, и что уверенность часто является началом несчастья. Сперва он сообщил свой план лишь немногим, но вскоре и большему количеству лиц. Он их настойчиво убеждал в том, что германцы имеют полную возможность одержать верх над римлянами. Вслед за решением должно было вскоре после-

довать и выполнение этого плана. Германцы установили время для нанесения удара.

Об этом сообщил Вару Сегест, преданный человек, принадлежавший этому племени и происходивший из благородного рода. Но судьба настолько ослепила Вара, что он уже не мог внять благоразумному совету. Так случается, что божество затемняет по большей части рассудок тех, чье счастье оно хочет погубить, и делает так, что нам кажется, будто то печальное, что случается, происходит по заслугам и что несчастье становится виной. Вар также отказывается верить этому и уверяет, что он сумеет оценить по заслугам это доказательство дружбы. Но после первого доносчика уже не остается времени для появления второго.

В особой книге я расскажу подробнее об этом ужасном несчастье,— тягчайшем, которое испытали римляне среди чужих племен после поражения Красса. На этот же раз достаточно будет сказать об этом плачевном походе следующее. Одно из самых храбрых римских войск, состоявшее из воинов, выделявшихся среди прочих римских воинов своей дисциплиной, своим мужеством и своим военным опытом, оказалось окруженным вследствие неспособности предводителя, вероломства врага и немилостивой судьбы. Не только не было никакой возможности сражаться или прорваться, но даже те, кто, будучи одушевлен римским мужеством, хотел воспользоваться своим римским оружием, были наказаны и заперты в лесах, болотах и вражеской засаде. И все это войско было разбито и окончательно уничтожено тем врагом, которого до этого времени римляне убивали, как скот, так что теперь их жизнь и их смерть зависели от ненависти или от милости этого врага. Полководец оказался более мужественным перед лицом смерти, чем в борьбе; он последовал примеру своего отца и своего деда и сам себя заколол. Один из двух лагерных префектов, Люций Эггий, дал войскам прекрасный пример, а другой, Цейоний, поступил позорно. После того как значительно большая часть войска погибла в сражении, он не захотел умереть в бою, а такой смерти предпочел казнь и сдался. Вала Нумоний, один из легатов Вара, бывший всегда рассудительным и честным человеком, дал внушающий ужас пример войскам тем, что бросил пехоту на произвол судьбы и вместе с конницей обратился в бегство, пытаясь достигнуть Рейна. Но судьба отомстила ему за этот поступок, так как он не пережил покинутых им, но умер смертью дезертира. Дикий враг растерзал полусожженное тело Вара; он отрубил его голову и послал ее Марбоду, который в свою очередь отослал ее императору, так что ее смогли со всеми почестями похоронить в фамильном склепе.

Флор

Труднее удерживать в своих руках провинции, чем их основывать. Провинции создаются силой, а удерживаются правом. Итак, радость была непродолжительной. Ведь германцы были побеждены, но не укрощены, и под владычеством Друза обращали больше внимания на наши обычаи, чем на наше оружие. После смерти Друза они стали ненавидеть характер и высокомерие Квинктилия Вара так же, как они ненавидели его гнев. Вар отважился созвать собрание и довольно неосторожно похвалялся тем, что он в состоянии укротить дикость варваров прутьями ликторов и голосом глашатая. Но лишь только гер-

манцы, которые давно с грустью смотрели, как ржавеют их мечи и застаиваются их кони, убедились в том, что тога и суд более зловредны, нежели оружие, как они тотчас же взялись за оружие под предводительством Арминия. А миролюбие Вара в то время было настолько велико, что он даже не шелохнулся, когда один из князей—Сегест—предательски сообщил ему о заговоре. Так внезапно напали они на него, ничего не видевшего и ничего не боявшегося, в то время как он,—о, самоуверенность! — взывал к суду, и бросились на него со всех сторон. Лагерь был захвачен, и три легиона были разбиты. Вар, потеряв свой лагерь, последовал примеру Павла в день сражения при Каннах, будучи охвачен той же мыслью и преследуем такой же судьбой. Не было ничего отвратительнее этой бойни в болотах и лесах. Нельзя себе представить ничего более невыносимого, чем издевательство этих варваров, в особенности над судьями. Некоторым они выкалывали глаза, другим отрубали руки. Одному они отрезали язык и зашили рот, а варвар, который держал язык в своей руке, крикнул римлянину: «Теперь, змея, ты уже больше не сможешь шипеть!» Даже тело консула, преданное земле верными солдатами, было вырыто. Военными знаменами и орлами варвары владеют до сего времени, а третьего орла, дабы он не попал во вражеские руки, знаменосец обломал, спрятал его под своим поясом и вместе с ним исчез в напоенном кровью болоте. В результате этого поражения произошло то, что империя, которая не остановилась даже на берегу океана, принуждена была остановиться на берегах реки Рейна.

Тацит

Тацит не оставил нам непосредственного описания сражения в Тевтобургском лесу, ибо его рассказ начинается лишь со смерти Августа. Лишь кое-что мы узнаем в связи с описанием походов Германика, а именно—в связи с его рассказом о посещении Германиком поля сражения и погребении останков. Помимо этого, можно найти в римской литературе те или иные отдельные замечания, как, например, в одном письме Сенеки («Ep.», 47) его указание на то, что знатнейшие римляне попали в рабство к германцам и что мужи, которые со временем надеялись вступить в сенат, влачили там свое жалкое существование, один — в качестве пастуха, а другой — в качестве привратника.

Глава V

Германик и Арминий

Римляне не были в состоянии тотчас же отомстить германцам за поражение в Тевтобургском лесу. Хотя Тиберий, — единственный полководец, которому Рим мог доверить такое дело, — поспешил к Рейну, однако, и он не смог ринуться в многолетнюю войну. Он был назначен наследником престола лишь в качестве приемного сына в ущерб

правам обойденного родного внука Августа; поэтому он должен был быть на своем месте в Риме в момент смерти старого императора. Ввиду этого Тиберий ограничился тем, что обезопасил рейнскую границу, пополнил армию и снова восстановил доверие. Лишь пять лет спустя, получив известие о смерти Августа и о восшествии на престол Тиберия, Германик, сын Друза, племянник и приемный сын Тиберия, начал карательную экспедицию против германцев, имея своей конечной целью снова покорить германские племена вплоть до Эльбы.

О походах Германика узнаем мы исключительно лишь из одного описания Тацита. Но как ни подробно это описание, оно нас все же не может удовлетворить, так как автор, помимо своей риторики, которая игнорирует и даже замазывает причинную связь событий, обладает еще другим, мешающим делу свойством. Как детально ни изучал Тацит германцев, все же он имел, несомненно, очень неясные представления о географическом расположении страны. В своей «Германии» он говорит, что хавки, которые на самом деле жили близ устья Везера, на берегу Северного моря, граничили с хаттами в пределах Гессена, хотя помимо других менее известных племен между ними жило такое крупное племя, как херуски[1].

Во время похода 15 г. римские войска, шедшие от Эмса вдоль морского берега по направлению к Рейну, достигли, поТациту, Везера.

В 16 г. Германик высадил свое войско на берег близ Эмса. И тотчас же после этой фразы Тацит пишет: «В то время, как он намечал место для своего лагеря, ему сообщили, что от него отпали ангриварии, находившиеся в тылу у него». Но ангриварии на самом деле жили на двух берегах Везера. Пытались исправить эту явную ошибку посредством изменения текста: в первом примере название Везера заменяли названием маленькой реки в Голландии Унсингис (Хунзе), а во втором примере вместо ангривариев читали ампсивариев. Но остальной контекст не допускает этих исправлений и ставит перед комментатором другие непреодолимые трудности. Необходимо признать, что Тацит, действительно, совершил эти ошибки и что психологически они уже совсем не так невероятны. Ведь они стоят в связи со всем его образом мыслей. Объективная, предметная, связь фактов его совсем не интересует, и он не придает значения тому, что порой путает названия двух германских рек или племен. Нас же это, действительно, чрезвычайно поражает. Поэтому в первом случае предполагали, что Тацит забыл упомянуть о предпринятой римлянами в 15 г., перед своим возвращением к Рейну, еще одной рекогносцировке близ устья Везера, а в другом случае — что Тацит забыл подробно рассказать о совершенном римлянами походе от Эмса к Везеру и обратно, так как этот поход не ознаменовался никакими событиями. Вполне вероятно, что это так и было на самом деле, но при установлении того, насколько мы можем пользоваться Тацитом в качестве источника для военной истории, это указывает, что здесь мы имеем дело с путаницей в названиях. Пусть будет так, но это еще хуже, так как здесь налицо не случайная невнимательность, а принципиальная небрежность.

[1] Мюлленгоф («Germania», S. 436, 545) пытался привести различные объяснения для этой ошибки, которая может показаться нам необъяснимой, но в конце концов также пришел к выводу, что географические представления Тацита были неправильными. Попытка Бремера (Bremer, «Ethnographie der Germanischen Stämme. Pauls Grundriss») внести некоторый порядок в эту путаницу при помощи факта перемещения племен также не дала удовлетворительных результатов.

Ведь поход от Эмса к Везеру и обратно, даже если он не сопровождался ни одной стычкой, все же для большого войска является крупным событием, о котором не может не упомянуть писатель, обращающий внимание на стратегическую связь между событиями. Но как бы то ни было, приступая к изучению этих походов, мы с самого начала должны отдать себе ясный отчет в том, что, несмотря на наличие подробного описания этих походов первоклассным историком, мы все же не имеем надежного и объективного рассказа об этих событиях и не сможем без сильнейших исправлений, если это только вообще возможно, достичь их генетического понимания.

Цезарь подавил восстание галлов, сперва не совсем мирно среди них поселившись, победив их в открытом поле превосходством своего крепко сплоченного большого войска и завоевав их города. Эта страна со своими хорошо обрабатываемыми землями, в которой всегда некоторые племена держали сторону римлян, была в состоянии снабжать продовольствием войска римлян во время их походов.

В Германии положение было другое, а потому перед римлянами вставала совершенно иная задача. Германцы не имели никаких городов, занятием и разрушением которых можно было бы их сделать более уступчивыми. Если Цезарь не смог прямо вызвать даже Верцингеторикса на сражение, то германцам было еще легче скрыться в своих девственных лесах и болотах от натиска римлян, и уже совершенно невозможно было римлянам, — мы это должны еще раз самым резким образом подчеркнуть, — снабжать большое войско продуктами, добытыми в этой же стране. Население здесь было очень редкое, занималось главным образом скотоводством и лишь в незначительной степени земледелием. Поэтому в Германии не могло быть больших запасов зерна, которые можно было либо реквизировать, либо закупать. Если германцы не шли в бой, то не оставалось ничего другого, как разыскивать их деревни и сжигать их. Но это не причиняло большого ущерба германцам, которые и без того часто меняли местоположение своих деревень, если они только успевали уносить с собой свою домашнюю утварь. Самым тяжелым ударом для округа был захват врагами его стад. Но это было не так легко сделать. Римляне не имели возможности разбиваться на мелкие отряды для того, чтобы обыскивать леса и находить потайные места, в которых скрывались германцы и где пряталось их имущество. Каждый мелкий отдельный отряд римлян должен был бы неминуемо попасть в германскую засаду. Даже отряды в несколько тысяч человек могли наткнуться на превосходные силы врага и в таком случае были бы осуждены на гибель в неизвестной для них местности. Таким образом, здесь перед римлянами вставала совершенно особая стратегическая задача, с которой мы до сих пор еще не сталкивались при нашем изучении истории войн.

Еще осенью 14 г. Германик совершил опустошительный поход через страну, лежащую к югу от Липпы, в которой жили марсы. Так как марсы оказались совершенно неподготовленными к нападению, то Германик отважился разделить свое войско на четыре части и смог вследствие этого захватить во время своего похода и разграбить пространство шириной в 10 миль (так, пожалуй, следует понять указание источника). На обратном пути римское войско подверглось нападению со стороны бруктеров, тубантов и усипетов, которые пришли на помощь к марсам. Однако, это нападение было успешно отбито римским войском, находившимся в образцовом порядке и ко всему

готовым, хотя все четыре легиона насчитывали в общей сложности лишь 12 000 человек, к которым еще следует присоединить 26 когорт союзников и 8 эскадронов конницы. Если мы предположим, что союзников было от 8 000 до 10 000 человек, а всадников от 1 000 до 1 500, то все войско должно было насчитывать немногим более 20 000 человек.

ВЕСЕННИЙ ПОХОД 15 г.

Весною следующего года Германик вторгся в страну хаттов и дошел до Эдера (15 г. н. э.). От Майнца, постоянного лагеря верхнерейнского войска, откуда должен был начаться этот поход, до Среднего Эдера 150 км, или 20 миль, по прямой линии. Армия, проходившая через германские леса с величайшими мерами предосторожности и в то же время производившая опустошения, не могла делать в среднем в день более одной мили по прямой линии. Следовательно, экспедиция должна была занять от пяти до шести недель времени. Войско состояло из 4 легионов и 10 000 вспомогательных войск, а потому, если мы примем, что легионы были не совсем полными, то все войско должно было насчитывать около 30 000 бойцов, а вместе с обозом должно было состоять приблизительно из 50 000 человек. Тащить с собой продовольствие для 50 000 человек в расчете на 5—6 недель совершенно невозможно. Для одного зерна потребовалось бы около 3 000 четырехконных подвод, которые должны были бы растянуться на 6 миль[1]. Но мы имеем указание на то, что Германик сумел и для этого похода использовать водный путь. Тацит сообщает, что Германик в самом начале этой экспедиции восстановил крепость на Таунусе, построенную еще его отцом, но после этого разрушенную германцами. Обычно считают, что эта крепость есть Заальбург, и это не совсем невозможно.

Тогдашняя дорога шла из долины Майна — Нидды в долину Лана через горный проход Таунуса, защищенный этой крепостью. Германик выступил вперед по прямому направлению от Майнца, вероятно, лишь с одной частью своего войска, в то время как другая часть его войска сопровождала продовольственный транспорт из Кобленца вверх по Лану. Этот отряд был обеспечен от нападения более крупных войск германцев благодаря близости главных сил римского войска, шедших через Таунус, и, вероятно, уже у Вейльбурга обе части римского войска соединились друг с другом. Следовательно, римляне могли доставить свои запасы до Марбурга по Лану, который весьма пригоден для этой цели. А от излучины Лана к северу от Марбурга до Эдера по прямой линии лишь 20 км. Таким образом, крепость Заальбург, расположенная на Таунусе на расстоянии 70 км по прямой линии от Майнца, была предназначена для того, чтобы держать открытым горный проход, необходимый для возвращения римлян, чтобы принять часть запасов и чтобы на будущее время по возможности затруднять сношения между германцами, жившими к северу и к югу от горной цепи.

Хотя такая цепь фактов и не совсем невозможна, но все же она и не вполне вероятна. Существует другое место, где устройство крепости «в горах Таунуса» гораздо лучше согласуется с походом от

---

[1] См. в последней главе этого тома «Снабжение и обоз».

Майнца к Эдеру. Этим местом является город Фридберг, расположенный на возвышенности, которую еще можно отнести к Таунусу и вверх по которой шла позднее большая главная римская дорога, ведшая от Майнца через Веттерау по направлению к Эдеру. Фридберг лежит на небольшой речке, обладающей легким уклоном и судоходной весною для небольших судов. Название этой речки—Уза. Здесь, на возвышенном холме, который круто обрывается к северу, в Средние века находилась крепость. Эта крепость должна была быть копией Ализо, т. е. выдвинутым вперед складочным пунктом, которого еще можно было достигнуть по водному пути. Отсюда до Эдера лишь 12 миль, что может показаться небольшим расстоянием. Но для большого войска в германских условиях это было целой экспедицией, которую можно было совершить лишь при совершенно особенных затратах и при особом напряжении.

В то время как Германик шел с юго-запада через страну хаттов, одновременно с ним Цецина во главе нижнерейнских легионов двигался от Ветеры вверх по Липпе, не давая, таким образом, возможности херускам притти на помощь к хаттам. Но они не отважились даже подойти к нему. Цецина дал сражение марсам, которые уже в прошедшие годы подвергались нападению со стороны римлян.

Возвратившись после этой экспедиции, Германик принял посланных к нему Сегестом делегатов, которые сообщили ему, что их князь снова поссорился с Арминием и, будучи осажден им, просит помощи у римлян. Римский полководец тотчас же двинулся в путь, снова поднялся по Липпской дороге, прогнал германцев, осаждавших Сегеста, и доставил его вместе с его свитой к Рейну. Так как Тацит ничего не сообщает собственно о сражении с херусками, то крепость, в которой был осажден Сегест, должна была находиться у самой границы страны херусков. Если бы Германик углубился дальше в лесистые горы херусков, то едва ли Арминий выпустил бы его оттуда, не напав на него. Притом, конечно, такое предприятие потребовало бы очень больших приготовлений и снаряжений. Так как мы дальше узнаем, что на следующий год германцы осадили Ализо, то мы должны предположить, что эта крепость в течение 15 г., — очевидно, в то время, когда здесь стоял Цецина и своими войсками прикрывал стройку, — была римлянами восстановлена и оборудована в качестве складочного пункта. Ведь такую импровизированную экспедицию нельзя было предпринять, не использовав хорошо снабженного складочного пункта на Верхней Липпе. Крепость Сегеста была не чем иным, как Тевтобургом (Гротенбургом), находившимся всего лишь в трех милях от Ализо. Следовательно, это не было крупным предприятием. Все же для него нехватило гарнизона Ализо, а потому пришлось послать настоящее войско, чтобы отогнать херусков, главная область расселения которых простиралась по ту сторону Везера вплоть до самого Гарца (Гильдесгейм, Брауншвейг).

ГЛАВНЫЙ ПОХОД 15 г.

Весенний поход не только нанес тяжелый удар германским племенам, жившим между Липпой и Майном, но одновременно послужил и к тому, чтобы подготовить второй, более крупный поход, причем в это же самое время был снова восстановлен Ализо. Во время весеннего похода обе половины римского войска лишь косвенным образом

действовали вместе, теперь же все объединенное римское войско должно было сперва нанести сокрушительный удар одному из германских племен, бруктерам, а потом обратить свое оружие против херусков.

Германик посадил меньшую часть своего войска — четыре легиона — на корабли и поплыл с нею через канал Друза в Северное море, а затем вверх по Эмсу, чтобы напасть с севера на бруктеров,

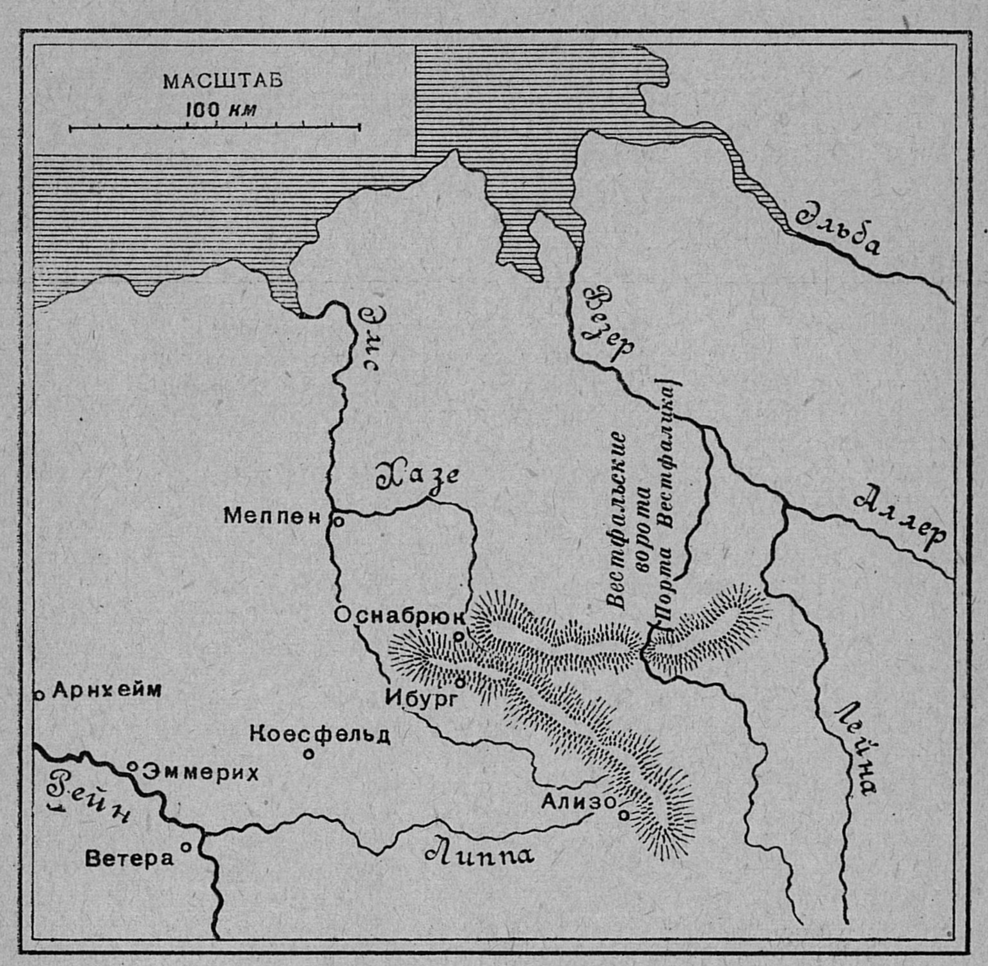

Схема 3

живших по обеим сторонам Верхнего Эмса. А в это время Цецина с другой половиной легионов продвигался с юга, от Ветера, от Липпской дороги. Конница же шла по особой дороге через область фризов. К сожалению, источники нам не сообщают, почему конница не сопровождала легионы Цецины. Во всяком случае это разделение указывает на то, что римляне еще не ждали нападения к западу от Эмса (схема 3).

С точки зрения пространства и времени было бы гораздо выгоднее двинуть все войско несколькими параллельными колоннами из Ветера. Так как германцы не принимали сражения в открытом поле и

не давали себя зажать в тиски, то было, в сущности говоря, довольно безразлично, шли ли все римляне с одной стороны или же надвигались с различных сторон. Но разделение экспедиции имело то большое преимущество, что оно давало возможность Германику везти с собой продовольствие на кораблях. Мы можем предположить, что Германик, еще находясь на некотором расстоянии от бруктеров, — приблизительно около Меппена, у впадения Хазы в Эмс, — оставил в укрепленном лагере большую часть своего флота с запасами продовольствия, необходимыми для возвращения, а сам для своего продвижения вверх по Эмсу взял с собою лишь некоторое количество особенно плоскодонных лодок, которые везли провиант для его войска. По Тациту, оба римских войска соединились у Эмса. Но мы под этим словом «соединение» должны понимать не действительное объединение, а лишь установление связи. Действительное соединение противоречило бы целям данной войны. До тех пор, пока у римлян еще не было надежды вызвать германцев на бой, для них было не так важно соединить войска, как, наоборот, расширить их фронт, чтобы обыскать по возможности более широкую зону, предав ее опустошению и разграблению. Чем шире была захватываемая войском зона, тем больше было шансов на захват скрытого противником имущества. Расширение зоны не только распространяло, но и повышало степень действия. При этом надо было принимать во внимание лишь то обстоятельство, что каждая колонна должна была оставаться настолько сильной, чтобы иметь возможность дать самостоятельный отпор возможному нападению германцев. Тацит сообщает далее, что вся страна между Липпой и Эмсом была опустошена. И эту фразу мы не должны понимать в том смысле, что римляне строго ограничились областью, лежащей между этими двумя реками, так как у их истоков расстояние между ними едва достигает двух миль. Источник Тацита, очевидно, с особенным ударением указывал на местность, лежавшую между Липпой и Эмсом, так как здесь главным образом находились поселения бруктеров. Но область их расселения захватывала также примыкающие на севере лесистые горы и находящуюся между ними долину, в которой расположен Оснабрюк. Очевидно, римляне обыскали, насколько это им было возможно, и эти области.

В то время как римские войска шли, таким образом, по местности, лежавшей вдоль Оснинга, и достигли истоков Эмса и границ области бруктеров, они оказались недалеко от поля сражения Вара. Когда Германик за несколько месяцев до этого освободил Сегеста, то он уже находился очень недалеко от этого места, но не пошел туда. Поэтому очень многих удивляло, что именно тогда он не совершил акта благочестия. Но этот факт очень легко объяснить. От Ализо до Дэрского ущелья, действительно, всего лишь три мили, а от Тевтобурга, от которого, повидимому, римляне были очень недалеко, когда они снимали осаду с Сегеста, всего только одна миля. Но для того чтобы полностью совершить погребение, Германик должен был дойти до летнего лагеря Вара, находившегося у Вестфальских ворот. Между тем от Ализо до Ворот, — принимая во внимание ту большую осторожность, с которой надо было продвигаться вперед, — было все же от трех до четырех переходов. Сбор останков и торжественное погребение должны были занять несколько дней. Следовательно, вся экспедиция должна была отнять около 10—12 дней. Для большого войска это требовало и больших приготовлений. Но прежде всего Германик

сам не хотел мимолетно посетить место этого несчастья, похоронить мертвых и тотчас же вернуться обратно. Он хотел вплести акт благочестия в поход, который и сам по себе своим положительным результатом должен был восстановить авторитет римлян и смыть позор поражения Вара. Теперь же, строго покарав одно из племен, участвовавших в этом сражении, и даже, может быть, совсем прогнав его из его страны, он появился в качестве победителя, от которого германцы уже не осмеливались защищать свою родную землю, в обители смерти, похоронил останки павших и воздвиг над ними курган.

Тацит сообщает, что, когда римское войско достигло границ страны бруктеров, Цецина был послан вперед, чтобы обследовать лесистые горы и навести плотины и мосты через болота и топи. Но это сообщение вовсе не исключает того, что часть римского войска шла просто по старой дороге, ведшей из Ализо через Дэрское ущелье, так как Сенна — область, непосредственно лежавшая перед Тевтобургским лесом, — состояла из лугов и болот, которые в те времена были, вероятно, гораздо более топкими, чем теперь, и так как германцы, наверное, разрушили все старые римские пути. Лишь одна часть римского войска должна была во всяком случае пойти по этому пути, а именно — северная колонна, продвигавшаяся через Билефельдский проход, где нужно было проложить новый путь ввиду отсутствия старого. Даже в более позднее время здесь пытались обнаружить следы путей и построек, сооруженных Цециной.

До сих пор мы ничего не слышали о деятельности Арминия, и если нам Тацит далее сообщает, что Германик именно теперь углубился вслед за Арминием в непроходимые дебри и дал ему сражение, которое не привело к решительным результатам, то и это нам мало что говорит, так как Тацит не указывает направления, в котором отступал Арминий и по которому его преследовали римляне. Единственный точный факт, которым мы располагаем и который нам может служить опорным пунктом, это то, что Германик привел, наконец, свое войско обратно к Эмсу. Если бы римляне последовали за херусками через Везер, то Германик на своем обратном пути не направился бы на Эмс, но выбрал бы более близкий путь на Ализо, где находился его складочный пункт, что дало бы ему возможность спокойно отвести войска по Липпской дороге к Рейну. Поэтому мы должны принять, — что впрочем, учитывая германские обычаи, гораздо правдоподобнее,—что германцы собрались не впереди римлян, а позади них, когда они шли через Тевтобургский лес по направлению к Вестфальским воротам. Поэтому Германик, выйдя из Ворот и направившись к западу, очевидно, пытался захватить Арминия в горах Виена и Оснинга. Повидимому, одна часть римлян продвигалась между горными цепями по направлению от Реме на Оснабрюк, другая же часть шла севернее гор от Миндена на Брамше. Придя в Ализо и запасшись провиантом, римляне смогли углубиться довольно далеко в неприятельскую страну. Но Арминию удалось скрыться от римлян. Поэтому Германику, когда иссякли его запасы продовольствия, уже, наконец, не оставалось ничего другого, как повернуть обратно. С одной половиной своего войска он вернулся к Эмсу и на кораблях возвратился домой. Очевидно, продовольственные запасы были уже высланы войску вперед из лагеря в Меппене и получены им либо на Эмсе, либо на Хазе. Конница же, которая туда шла через страну фризионов, — приблизительно по дороге Эммерих—Рейне или Арнхейм — Линген, — должна

была теперь, вследствие близости главных германских сил, сопровождать войско Германика вплоть до того лагеря, где находились корабли. А затем, так как не было возможности погрузить всадников на корабли и так как Буртангово болото закрывало прямой путь на родину, конница, обойдя это препятствие с севера, возвратилась к Рейну, следуя вдоль морского берега [1].

После того как римское войско разделилось на две части, другая его часть под начальством Цецины двинулась прямым сухим путем на Ветера. Теперь для Арминия настал момент для решительных действий. Корпус Цецины должен был пройти по очень опасному пути через плотину, проложенную по топи и укрепленную брусьями, ведшую через покрытые лесами холмы. Эта плотина была построена за несколько лет перед тем римским полководцем Л. Домицием Агенобарбом. Было затрачено много трудов для того, чтобы найти эти длинные мосты, как римляне называли эти дороги, но эти труды до сих пор не увенчались решительным успехом. Таких брусчатых дорог имеется очень много; даже в Западной Пруссии, до которой римляне никогда не доходили, недавно были обнаружены такие сооружения. Исходя из прямого смысла слов Тацита, следует признать, что римское войско шло соединенным вплоть до Эмса и лишь здесь разделилось. Поэтому длинные мосты должны находиться слева от Эмса, приблизительно около Кесфельда. Но, как мы уже видели выше, Тацит не дает твердых оснований для таких точных и определенных интерпретаций. Поэтому нельзя считать исключенной возможность того, что Цецина отделился от Германика гораздо раньше и что длинные мосты находятся около Ибурга [2] южнее Оснабрюка.

Для понимания этих событий с точки зрения военной истории этот топографический вопрос не является очень существенным. Существенное значение имеет лишь тот факт, что Германику с его громадным войском, состоявшим из восьми легионов и вспомогательных войск и насчитывавшим в общей сложности, пожалуй, 50 000 человек, не удалось вынудить германцев к большому решительному сражению и что, как раз наоборот, когда римляне были вынуждены недостатком в продовольствии разделиться и повернуть обратно, Арминий учел правильный момент и нашел подходящее место для того, чтобы напасть на одну часть римского войска — на корпус Цецины. По словам самих римлян, Арминий их очень сильно потеснил, поставил их в очень тяжелое положение и, пожалуй, уготовал бы им участь Вара, если бы выполнению его плана не помешала недисциплинированность, жадность и погоня за добычей германцев. Последовав совету другого князя херусков, Ингвиомера, дяди Арминия, они штурмовали римский лагерь, но при этом были разбиты Цециной, который как старый опытный воин знал, что ему надо было делать, и, выбрав правильный момент, как Цезарь при Алезии, сделал вылазку и нанес поражение германцам. Также и остальная часть римского войска, находившаяся на кораблях под начальством Германика, понесла значительные потери вследствие бури и непогоды, но все же в конце концов, так же как и корпус Цецины, вернулась благополучно домой.

---

[1] Так уже Кноке вполне правильно объяснял эти факты.

[2] Ген. Ф. Вольф (F. Wolf, «Die That des Arminius») установил, что местность близ Ибурга во всех отношениях соответствует описанию Тацита. В таком случае Цецина отделился от Германика при Остеркаппельне или при Брамше.

1. «Крепость в горах Таунуса (in monte Tauno), по Тациту («Анналы», I, 56), построенная Германиком до того, как он двинулся в поход против хаттов, была лишь возобновлением прежней постройки, возведенной Друзом. Дион (54, 33) в той же самой фразе, в которой он рассказывает о постройке Ализо, сообщает также и о том, что Друз построил другую крепость в стране хаттов на Рейне. Поэтому легко предположить, — и весьма вероятно, — что это именно и есть та крепость, которую восстановил Германик. Но тогда, если только Дион не ошибается, она должна была бы находиться на Рейне. В связи с этим недавно было сделано предположение, что эта крепость находилась у Хорхейма в двух милях от Майнца по направлению к Хехсту, немного севернее Майна, где были обнаружены следы древнеримского поселения. Если это правильно, то это поселение, расположенное столь близко от главной крепости, не могло бы иметь никакого особенного значения и потому не было бы упомянуто в источниках. Да к тому же нельзя и сказать, что Хорхейм лежит на Рейне. А по своему буквальному смыслу указание Диона относится к предмостному укреплению.

Но я предпочел бы иное объяснение. Ведь не следует забывать, что Тацит черпал свой материал не из первых рук. Весьма возможно, что он из своего источника извлек сведения о том, что Друз, возвратившись из своего липпского похода к Рейну и построив Ализо, построил также и у хаттов крепость. Отсюда Дион мог просто сам сделать тот вывод, что Друз построил эту крепость на Рейне. К тому же и тождество этой крепости с той, которую восстановил Германик, является лишь простым предположением.

То, что данное поселение находилось на самом деле на Фридберге, доказывается результатами раскопок, так как именно здесь были найдены древности, восходящие к эпохе Августа: монеты эпохи Августа, черепки с печатью гончара Атея, работавшего в эту эпоху, ножны, происходившие из мастерской, находившейся в Бадене (в Швейцарии), и также относившиеся к первой половине этого столетия (см. доклад Эд. Антеса в «Протоколах общих собраний всеобщего союза германских исторических обществ». Ed. Anthes, «Protocollen Gen. Versamml. d. Gesamt-Verb. d. deutsch. Gesch.-Vereine», 1900, S. 65, ff.).

Но если это поселение действительно находилось на месте Фридберга, то встает вопрос, почему римляне не продвинулись по Ветере дальше, насколько это было возможно, вглубь страны, как они это сделали на Липпе. Это могло быть вызвано различными причинами, в особенности же тем, что эта дорога служила и должна была служить лишь для экспедиций, в то время как главной военной дорогой, служившей для дальнейшего продвижения вперед и для настоящей большой войны, была Липпская дорога. Отсюда уже можно было попасть в область Везера, где, ведя совместные действия с флотом и опираясь на него, можно было продвинуться до Эльбы. Здесь, следовательно, надо было продвинуться как можно дальше вглубь страны, учитывая в то же время трудности военных операций по снятию осад. В области же Ветера эта задача облегчалась тем, что передовой пост сооружался ближе к базе.

2. Во время своего похода 15 г. против хаттов Германик, согласно Тациту («Анналы», I, 56), дошел до Адраны (Эдер), где команда молодых германцев, переплыв реку, сделала неудачную попытку помешать римлянам навести мост через нее. Хотя обычно считали, что это событие произошло в области Фрицлара, Кноке[1] отнес его к району Касселя на Фульде, так как Эдер недостаточно полноводен для проведения такого маневра и так как римляне, может быть, считали Эдер главной рекой и потому обозначали Нижнюю Фульду тем же названием. Против этого можно возразить, что Эдер обладает очень быстрым течением и что поэтому уро-

[1] «Die Kriegszüge des Germanicus», S. 39.

вень воды в нем иногда бывает очень высок. Тацит пишет, что весна в том году была необычайно сухой, но, судя по его рассказу, можно предположить, что дождь, которого ждали, действительно, прошел именно перед сражением на Эдере.

Все же в конце концов это просто не что иное, как римское преувеличение. Смысл здесь в том, что «старики, дети и женщины» попали в руки римлян и лишь «молодежь» спаслась вплавь. Мы же можем спокойно принять, что река в данном случае не помешала и многим из «слабых» хаттов спастись.

3. Из рассказа Тацита («Анналы», I, 57) о том, как Сегест был освобожден от осады, можно сделать тот вывод, что это произошло по пути из Майнца к Эдеру. Вскоре после возвращения римлян к Рейну, как нам сообщает Тацит, прибыли послы Сегеста, и Германик счел для себя выгодным вернуться. «Германик счел выгодным повернуть войско». Если мы себе уясним, как трудно пройти с таким войском от Майнца к Эдеру, то нам уже не придется доказывать, что Германик не смог сразу снова проделать этот путь. Даже в том случае, если бы крепость Сегеста находилась на Димеле, римляне не смогли бы освободить Сегеста от осады посредством импровизированного похода от Майнца к Эдеру. Ведь Германику пришлось повернуть обратно не только ту часть войска, которой он лично до сих пор командовал, но и отряд Цецины, который оперировал вдоль Липпы. Запасы, находившиеся в восстановленном Ализо, дали возможность римскому полководцу без особенного труда организовать эту операцию.

Кепп («Римляне в Германии». Koepp. «Die Römer in Deutschland», 1905, S. 34) считает, что Германик снял осаду с Сегеста, идя по дороге из Майнца, и пытается доказать свою гипотезу предположением, что римское войско еще не вернулось к Рейну, но находилось где-нибудь около Эдера, в то время как крепость Сегеста была расположена на Димеле. Таким образом, тот путь, который должен был сделать Германик, чтобы снять осаду с крепости Сегеста, был, может быть, вдвое короче, чем обратный путь к Майнцу. Следовательно, нельзя уже говорить о невозможности этой экспедиции, а буквальный смысл рассказа Тацита указывает на то, что осада была снята войском Германика, а не отрядом Цецины. Но римское войско должно было иметь провиант не только на дорогу туда, но и на обратный путь, а потому движение на Димель должно было потребовать на 50% больше продовольственных запасов, чем то рассчитывалось при организации первоначального похода. Да к тому же в высшей степени невероятно, чтобы область херусков простиралась до Димеля. Тот, кто иначе учитывает момент снабжения римского войска во время германских походов, тот может проверить, что Германик перешел Эдер для снятия осады с крепости Сегеста. Но так как Кепп принципиально признает решающее значение снабжения, то он и в данном случае не должен придерживаться буквального смысла рассказа Тацита.

Дав блестящий анализ источника, Кесслер в своей работе «Традиция о Германике» (Keszler, «Die Tradition über Germanicus», ср. гл. 6, экс. 5) прекрасно объяснил, каким образом произошла неясность текста Тацита.

Глава VI

Кульминационная точка и окончание войны

Мы уже видели, какое значение имела для римлян крепость Ализо во время их войны с германцами. Арминий открыл кампанию 16 г. попыткой захватить Ализо, но когда к нему подоспел Германик с шестью

легионами, то Арминий, не доводя дела до сражения, снял осаду, отступил и снова передал инициативу в руки римлян.

Рассказ Тацита о походе этого года еще более недостоверен, чем тот, который мы только что изложили. Он содержит в себе настолько глубокое внутреннее противоречие, что без серьезных исправлений остается по меньшей мере непонятным. Сперва Тацит нам вполне правдоподобно рассказывает, как Германик оценил стратегическое положение. В регулярном сражении и в открытом поле он может победить германцев. Но тех будут защищать их леса и болота, короткое лето и ранняя зима. Римских солдат меньше будут губить раны, чем переходы и истощение запасов. Галлия уже с трудом поставляет лошадей. Бесчисленные колонны обозов дадут неприятелю возможность устраивать засады, причем римлянам трудно защищать этот громоздкий обоз. А пользование водным путем даст возможность появляться внезапно и неожиданно, раньше начинать войну, одновременно отправлять легионы и продовольствие, так что и всадники и кони, пользуясь этим путем, могут со свежими силами появляться внутри Германии. Взвесив все это, Германик приказал построить флот из 1 000 кораблей[1] и, согласно Тациту, пошел, так же как и в прошлый раз, вверх по Эмсу, а затем двинулся длинным сухим путем от Эмса к Везеру. Таким образом, этот поход отличался от предыдущего только тем, что не половина войска, а все войско целиком было посажено на корабли. Но эта перемена не могла дать никаких выгод римскому войску, так как объединение войска делало его передвижения еще более беспомощными, чем в прошлом году, когда половина войска, находившаяся под начальством Цецины, базировалась на Липпу. Да и поведение Германика станет совершенно непонятным, если мы вспомним, что он уже раньше стоял с шестью легионами у Ализо. Ведь отсюда до Везера было не более четырех переходов, а он вдруг вернулся, погрузился на корабли, чтобы пойти по Эмсу, причем ему от пункта, расположенного севернее гор, до Везера надо было сделать по крайней мере 8—10 переходов. Действительно, это был странный способ сберечь лошадей и доставить войска свежими в центральную Германию.

Ко всему этому надо прибавить, что Тацит нам вообще ничего не рассказывает о переходе от Эмса к Везеру, так что у него войско, высадившееся, очевидно, на берегу Эмса, сразу после этого появляется у Везера.

Исправить текст Тацита и внести порядок в эту путаницу можно только в том единственном случае, если мы примем, что Тацит перепутал названия Эмса и Везера. Мы знаем, что уже Друз и Тиберий входили в Везер и в Эльбу. Мы знаем, что хавки, жившие у устья Везера, держали сторону римлян и что в их стране даже после поражения Вара вплоть до 14 г. оставался римский гарнизон (ср. выше, стр. 63). В одной из своих речей, обращенных к своим соотечественникам, Арминий, по словам Тацита, говорит, что римляне выбрали кружный путь через океан для того, чтобы никто не смог тотчас

[1] Тацит рассказывает (II, 16), что были построены также и очень плоскодонные корабли и что будто бы при этом принимался во внимание морской отлив. Пожалуй, правильнее будет предположить вместе с Кноке, что это относилось к кораблям, которые должны быть приспособлены к возможно далеким плаваниям вверх по рекам.

же по их прибытии вовлечь их в сражение, разбить и затем преследовать. Эта речь осталась бы непонятной, если бы римляне проделали большой сухопутный путь от Эмса. Выше (стр. 89), мы уже привели другое место из Тацита, из которого видно, что Тацит не имел никакого представления о географическом расположении германских рек, так как, по его словам, римское войско, шедшее от Эмса к Рейну, достигает Везера. Нет никакого сомнения в том, что и здесь Тацит перепутал названия рек и что Германик вошел не в Эмс, а в Везер и высадился здесь около самых границ страны херусков. Вероятно, и не все римское войско, а только его часть — четыре или два легиона — совершили эту экспедицию на кораблях. Два легиона может, конечно, показаться несколько мало, но было почти необходимо так сделать. Ведь если бы римляне хотя бы часть тех шести легионов, которые стояли у Ализо, отправили обратно к Рейну, а оттуда дальше по Рейну и морским путем, а затем по Везеру к Вестфальским воротам, то это с их стороны было бы трудно объяснимым дроблением сил[1]. Вполне понятно, что Тацит, обращавший особенное внимание на личность Германика, не упомянул о той значительно большей части войска, которая не находилась под его командованием и с которой к тому же не произошло ничего такого, что стоило бы рассказать.

Германик сам взял на себя командование флотом как наиболее трудную и важную часть этой кампании, несмотря на то, что флот составлял лишь меньшую часть войска; это характеризует Германика как полководца и, конечно, делает ему честь.

Единственной целью морской экспедиции была доставка пловучего продовольственного склада по Везеру. Войска при этом были нужны лишь в качестве прикрытия. Если они, действительно, состояли лишь из двух легионов, то весьма возможно, что как раз эти два легиона имели полный состав, а из шести остальных были выделены гарнизонные части для обороны крепостей и охраны рейнской границы и что к тому же при этих двух легионах были особенно крупные вспомогательные войска, к которым следовало присоединить и хавков, живших на Везере. Описывая обратный путь, Тацит далее ясно говорит о том (II, 23), что Германик отправил часть своего войска на зимние квартиры.

Итак, я полагаю, что в то время как Германик с некоторой частью своего войска шел вверх по Везеру, другая часть этого войска двигалась ему навстречу по дороге Ализо — Дэрское ущелье и что обе части войска установили между собой связь где-то на Среднем Везере около Миндена.

Главные силы армии, находившиеся близ Ализо, ждали, пока флот появится на Везере, причем этот довольно продолжительный промежуток времени был использован для того, чтобы соединить эту об-

---

[1] Я не считал бы совершенно невозможным объяснить отступление одной части войска тем, что она должна была служить прикрытием для Германика, который со своими легионами прибыл в Ализо, где он вновь восстановил древний алтарь, некогда сооруженный в честь его отца, и освятил его торжественными играми. Однако, отряд конницы, который дает возможность более быстрого передвижения, является в таком случае лучшим прикрытием, нежели медленно передвигающиеся легионы. Поэтому вероятнее, что шесть легионов были оставлены в Ализо, а два погружены на корабли.

ласть с Рейном посредством хорошей сквозной дороги и тем сделать эту область вполне безопасной[1].

Хотя наше исправление Тацита дает возможность найти ясную и прозрачную основную стратегическую идею этого похода, но оно все еще ни в какой мере не раскрывает дальнейшего хода этой войны. Тацит сообщает, что Германик разбил германцев в двух сражениях: на поле Идизиавизо на Везере и около того вала, который отделял ангривариев от херусков. Здесь как будто и даны хорошие опорные топографические точки, но все же внутреннее соотношение действий настолько неясно, что исследователи все еще не знают, произошли ли эти сражения на правом или на левом берегу Везера и произошло ли второе сражение при движении римлян вперед или же на их обратном пути. Большие успехи, одержанные при этом римлянами, кажутся нам крайне сомнительными, так как они не принесли никаких плодов и так как в дальнейшем изложении того же Тацита Арминий в своей борьбе с Марбодом выступает не в качестве человека, побежденного римлянами, а как их победитель. Отдельные подробности в описании сражения не только неясны и полны противоречий, но и тактически совершенно невозможны. Ниже я разберу этот вопрос во всех деталях. Но эти сражения теряют свой общий интерес, так как я с самого начала считал необходимым подвергнуть сомнению даже их существование.

В самом деле, как Арминий мог решиться выступить в регулярном сражении против объединенных римских сил? Мы уже видели раньше, как этот князь херусков умел очень правильно оценивать сильные и слабые стороны римлян. Он избегал сражения в открытом поле и подстерегал возможность нападения. Все это необходимо учесть даже в том случае, если мы примем, что Арминий очень увеличил число своих союзников благодаря дипломатическим средствам и поэтому имел в своем распоряжении значительно большее войско, чем в прошлом году. Римляне в этом году не вели за собой того чрезмерно большого продовольственного обоза, который облегчил германцам нападение. Если херуски отступали от римлян, то этим последним не оставалось ничего другого, как итти через их страну, ее грабить и опустошать. А для того чтобы проделать это с некоторой долей успеха, надо было разделиться. При всех обстоятельствах это создавало для германцев более благоприятные условия для победы, чем оборона против всех объединенных римских сил, которые, вероятно, значительно превосходя германцев своей численностью, могли в любом месте их окружить и затем, может быть, даже и уничтожить.

Возможность действительно крупных и решительных побед римлян исключается дальнейшим течением событий, совершенно не указывающих на такого рода победы, а также самим дальнейшим рассказом Тацита, в котором Арминий постоянно выступает в качестве непобежденного [2]. Равным образом и римляне не были разбиты германцами, ибо в таком случае лишь немногие из них вернулись бы к Рейну. Также исключена возможность и того, что произошли два больших сражения, во время которых ни та, ни другая сторона не

---

[1] Таков смысл слов: «на всем пространстве между крепостью Ализо и Рейном были построены новые дороги и пути».

[2] Это убедительно доказано Хефером (Paul Höfer, «Der Feldzug des Germanicus i. J. 16». 1885).

одержала решительной победы. Ведь подобные сражения должны были бы быть сопряжены с такими крупными потерями, что это непременно должно было бы найти свое отражение даже в одностороннем изложении Тацита. С другой же стороны, большое, действительно большое сражение, не давшее римлянам победы, было бы для них равнозначаще полному стратегическому поражению. Римляне располагали здесь всей своей военной мощью, и их безусловная уверенность в полной победе в регулярном сражении непременно должна была быть фундаментом не только их военных действий, но и всего их политического положения как в Германии, так, пожалуй, можно сказать, и во всем мире.

Поэтому я отношу оба большие сражения — при Идизиавизо и близ вала ангривариев — к области вымысла. Римская версия рассказа недостаточна для того, чтобы доказать правдоподобность этих сражений, так как дальнейшие события их не подтверждают, а все объективные факты говорят против них. Это были, очевидно, небольшие стычки. Было высказано предположение, что прямым или косвенным источником Тацита при описании этих походов Германика было поэтическое произведение, и я должен признаться, что такое предположение мне кажется весьма вероятным[1]. Рассказ изобилует приключениями и расцвеченными сценами, что вполне соответствует стилю военного эпоса. Таковы: разговор через реку Арминия и его брата Флава, ночная прогулка Германика по лагерю, во время которой он подслушивает солдат и слышит из их уст себе похвалу, наконец, приключения Одиссея, происшедшие при возвращении по океану. А стратегическая и географическая связь событий настолько небрежно изложена, что нам кажется почти невозможным, чтобы автором этого рассказа был прозаический историк.

Итак, я не обращаю внимания на отдельные частности, но думаю, что, несмотря на все, можно отгадать стратегическую связь событий и восстановить ее, исходя из общего положения вещей.

Ведь мы здесь имеем дело не с импровизированным ударом, произведенным необдуманно и на основании ложных донесений, а с военным планом, глубоко продуманным и установленным во всех своих подробностях самыми компетентными и испытанными людьми. Ведь если Германик и был молодым человеком, личный талант которого наши источники, может быть, и преувеличивают, то все же нет сомнений в том, что Август и Тиберий, которые оба хорошо умели разбираться в людях, окружили Германика генеральным штабом, состоявшим из самых испытанных офицеров. Равным образом не может быть сомнения и в том, что план военных действий был не только одобрен этим штабом, но и представлен на утверждение Тиберия. Тиберий же был таким выдающимся полководцем и настолько хорошо знал Германика, что мы должны признать этот план умно и рационально составленным и глубоко продуманным. Если на основании твердо установленных фактов можно предположить возможность существования нескольких таких вариантов, то, конечно, мы не сможем притти ни к какому решению и не сможем реконструировать этот план. Но, как я думаю и как уже установлено существующей литературой вопроса, имеется лишь одна возможность объяснить связь событий, исходя из наличия продуманной стратегии. Поэтому мы и

[1] Paul Höfer, «Der Feldzug des Germanicus i. J. 16».

должны придерживаться лишь этой точки зрения, к изложению которой я и приступаю.

Когда Сегест перешел на сторону римлян, то, судя по описанию Тацита, он им обещал быть посредником между ними и его соотечественниками («Анналы», I, 58). Даже если бы мы и не располагали этим прямым и положительным указанием, то все же должны были бы признать, что Сегест именно об этом говорил римлянам. Этой иллюзией всегда живут эмигранты, в какую бы историческую эпоху мы с ними ни сталкивались. Начиная от Гиппия, тирана Афин, и вплоть до французских дворян эпохи Революции и немецких республиканцев 1848 г., все эмигранты, находившиеся в изгнании, всегда жили той мыслью, что на родине большое число их приверженцев ждет их возвращения, для того чтобы к ним снова примкнуть. Вслед за Сегестом на сторону римлян в конце 15 г. перешел и его брат, Сегимер. И мы вполне можем поверить князьям херусков, которые ручались Германику, что если он появится с внушительным войском на Везере, то херуски покинут Арминия и присоединятся к ним, перейдя на сторону римлян. Больше того, мы не только можем предположить, но и должны признать, что такого рода соображение должно было сыграть некоторую роль при выработке плана военного похода Германика. Если бы это не было так, то перенесение театра военных действий в страну херусков было бы со стороны римлян явной ошибкой. В 14 и 15 гг. римляне жестоко обрушились на марсов, бруктеров и хаттов, а также, возможно, и на те небольшие племена, которые жили между ними. Трудно себе представить, каким образом бруктеры смогли выдержать такую опустошительную экзекуцию своей страны, как та, которая была произведена в 15 г. римлянами. Если бы римляне в течение нескольких лет подряд повторяли такие походы, то пораженные этим бедствием племена должны были бы либо вымереть от голода, либо переселиться, либо подчиниться римлянам. Таким образом, римляне могли бы по этапам продвигаться от Рейна к Везеру. Дав этим племенам возможность снова слегка передохнуть и начав военную разведку в стране херусков, римляне тем самым застряли бы на полдороге в выполнении этих двух задач, если только не предположить, что они рассчитывали в течение одного похода покорить херусков. Нельзя согласиться с тем, что этого можно было достигнуть посредством крупных сражений. Германик, так же как и в 15 г., не был в состоянии принудить к этому Арминия, и, конечно, больших сражений в течение этого похода не было. Но в свите Германика находились Флав, брат Арминия, и, как то мы вполне можем допустить, хотя Тацит этого и не сообщает, Сегест, тесть Арминия, и брат Сегеста Сегимер. Если бы этим трем князьям херусков удалось внести разделение в среду своего народа и переманить хотя бы одну его часть на сторону римлян, то Арминий, конечно, не смог бы удержаться: либо в конце концов его выдали бы римлянам, либо он был бы принужден бежать на другой берег Эльбы. Херуски, находившиеся под властью других предводителей и отдавшиеся под покровительство римлян, были бы ими помилованы. А этот успех, несомненно, решил бы участь всех племен, живших между Везером и Рейном. Таким образом, одним ударом было бы восстановлено римское господство вплоть до самой Эльбы.

Нам кажется, что мнимый разговор Арминия со своим братом Флавом через Везер указывает на неудачу этой политики. Нас не

должен смущать тот факт, что Арминий якобы взял инициативу в свои руки. Ведь это психологически совершенно невозможно. Если весь этот разговор и не является чистой фикцией, то это не что иное, как тенденциозно-поэтическое изложение того факта, что в данном случае не только велась война, но также велись и переговоры. Мы не знаем, как далеко зашли эти переговоры, но все же должны считать невозможным, чтобы Сегест вообще не сделал никакой попытки привести в исполнение свое обещание оказать посредничество в том деле, которое ему должно было вернуть его родное княжество. В противном случае этот эпизод, наверное, не вошел бы в римский рассказ.

Может показаться смелым вложить в данный поход ту мысль, о которой в нашем источнике как раз ни одного слова прямо не говорится. Тот, кто пожелает, может счесть это за гипотезу. Но все же надо принять за факт то обстоятельство, что, лишь вводя в данную цепь событий такой именно момент, мы исключаем возможность совершения Германиком столь явной ошибки, как нападение на херусков, не справившись еще с марсами и бруктерами. И обратно — мы можем сказать, что лишь при таких условиях замышлявший и приводивший в исполнение крупные операции римский полководец мог поступить так, как поступил в данном случае Германик. Но поскольку не оправдались те политические предпосылки, на которых базировался его поход, постольку все это крупное предприятие должно было окончиться неудачей. Херуски должны были испытывать большую нужду, и их страна была сильно опустошена, но личность Арминия была достаточно сильна, чтобы удержать их крепко сплоченными вокруг себя и поддерживать их мужество, несмотря на отпадение столь многих князей. Эти события живо напоминают нам поход Антония против парфян. Римские войска благополучно соединились на Везере у Вестфальских ворот и, весьма возможно, продвинулись еще глубже в страну херусков, может быть, перейдя через Леину или даже дойдя до Аллера, тем более что их пловучий склад провианта мог снова на этих реках соединиться с войском. Но так как римская партия среди херусков себя не обнаружила и ничем не проявляла, а к тому же снова восстали ангриварии, жившие между хавками и херусками, то римляне были принуждены снова отступить. Тацит считает причиной отступления римлян лишь то обстоятельство, что лето кончилось. Эта причина была подвергнута сомнению, так как Германик, как указывает далее Тацит, той же осенью предпринял большую двойную экспедицию против хаттов и марсов. Если бы он действительно вернулся обратно по Эмсу, то это сомнение было бы обоснованным, но если мы всю экспедицию перенесем на Везер, то все эти факты найдут свое объяснение. Ведь римский полководец никогда не решился бы выйти в Северное море со своим огромным транспортным флотом осенью, когда на море свирепствуют бури. Но так как все же ему пришлось выдержать такую бурю, то мы можем предположить, что для столь далекого предстоявшего ему еще пути он все-таки слишком долго, приблизительно до сентября, задержался в стране херусков, все еще надеясь принудить германцев к большей уступчивости. Если же он еще в конце сентября успел вернуться к Рейну, то свободно мог совершить в октябре две экспедиции, направленные против пограничных племен.

То обстоятельство, что Тацит ничего не говорит о политическом моменте, лежащем в основе стратегической идеи этого похода, станет

вполне понятным, если мы предположим, что источником Тацита является военный эпос, которому в корне противоречит такого рода прозаическая установка. Но если эта гипотеза покажется необоснованной, то указанный пропуск можно вполне объяснить стремлением Тацита прославить Германика. Указывая на этот план, надо было отметить и его неудачу. Но войну следовало изобразить победоносной, и автору в данном случае удалось вызвать у читателя такое впечатление: херусков римляне разбивают в двух больших сражениях вплоть до полного уничтожения, а после этого римляне возвращаются обратно к Рейну. Их побуждает к этому возвращению лишь позднее время года, которое, как известно, не давало возможности римскому войску оставаться дольше во внутренней Германии.

И это в свою очередь еще раз указывает нам на то, как трудно было римскому войску занять прочные позиции и укрепиться во внутренней Германии. Даже теперь, после двух в военном отношении победоносных походов, Германик все еще не мог отважиться на то, чтобы перезимовать хотя бы в Ализо, не говоря уже про область Везера, но был принужден вернуться к Рейну. Ведь до тех пор, пока бруктеры и марсы, жившие к северу и к югу от Липпы, не были покорены, признав господство римлян, устройство зимнего лагеря у истоков Липпы должно было неизбежно повлечь за собой столько опасностей, неудобств и мелких потерь, что успех этого предприятия ни в коей степени не возместил бы понесенного ущерба.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Если мы со своей стороны учтем результаты всех походов Германика, то нам станет ясно, что этот последний и наиболее крупный поход в своей основе окончился неудачей, хотя военный перевес и был на стороне римлян. Тем не менее нельзя сказать, что этот поход не повлек за собой никаких результатов. Тацит сообщает, что ангриварии в конце концов подчинились римлянам и даже, для того чтобы им угодить, выкупали у других племен римских пленников, отпускали их на свободу и отправляли на родину. Так как фризы и хавки уже и раньше держали сторону римлян, то эти последние заняли теперь прочные позиции на Везере, откуда они могли оказывать сильное давление на херусков. Можно сомневаться в факте подчинения ангривариев римлянам. Как-то неясно, у каких племен выкупали ангриварии римлян, потерпевших кораблекрушение, тем более что хавки, жившие вплоть до устья Эльбы, были друзьями римлян. Но как бы то ни было, римляне вступили в область, лежащую между Везером и Эльбой, с громадными военными силами, и если они на обратном пути домой понесли потери вследствие кораблекрушения, то они все же, несомненно, произвели крупные опустошения в стране херусков. И ничто не могло помешать им снова вернуться туда в следующем году.

Попав в Галлию, Цезарь уже не выходил из нее даже тогда, когда ему приходилось терпеть поражения. А из Германии римляне должны были постоянно возвращаться к Рейну, так как никак не могли снабжать всем необходимым свое войско в этой стране лесов и лугов. Если бы они еще дольше продолжили эту войну, то, вероятно, уже не отправились бы снова против херусков, но сперва окончательно покорили бы бруктеров и марсов. Правда, это требовало очень большого напряжения, так как на вступление вглубь германской терри-

тории можно было отважиться лишь с отрядом из нескольких легионов. Цезарь в последние годы располагал в Галлии по крайней мере 11 или даже 12 легионами, в то время как Германик имел лишь 8 легионов. На первый взгляд непонятно, почему Римская империя не смогла в течение нескольких лет подряд посылать через Рейн такое же или еще большее число легионов или каким образом германские пограничные племена могли бы им противостоять. Каждая экспедиция была в равной мере дорогостоящим и опасным, но все же вполне возможным предприятием. Поэтому должна была потерпеть поражение та военная партия, которая была недостаточно сильна для того, чтобы довести дело до тактического решения, т. е. до генерального сражения с объединенными силами противника. К этому следует прибавить, что в Германии, как раньше в Галлии, мы всюду видим предпосылки для образования римской партии. Еще в 16 г. осенью один из князей марсов, Маловенд, перешел на сторону врагов своей родины и указал римлянам то место, где марсы спрятали римского орла, захваченного ими в качестве добычи во время Тевтобургского сражения. По сообщению Тацита, римский солдат в это время не сомневался, что враг уже поколеблен и, пожалуй, даже склонен к решению просить мира, а потому следующим летом война могла бы быть уже закончена; это сообщение таит в себе зерно истины, несмотря на то, что мы совершенно отрицаем факт одержания римлянами двух крупных побед над херусками.

Объяснение этому следует искать не только на театре военных действий, но, как на это уже указал Ранке, во внутренних взаимоотношениях римского принципата. Тиберий стал императором лишь благодаря усыновлению, но не был кровным родственником Августа. Германик находился в таком же родственном отношении к Августу, как этот последний находился некогда к Цезарю. Он был внуком его сестры и был обручен с родной внучкой Августа, Агриппиной. Его и ее сыновья были кровными родственниками и наследниками Августа. Хотя по римскому праву приемный сын обладал такими же правами, как и родной, и Тиберий со своей стороны усыновил Германика, все же между императором и этой семьей существовали такие напряженные отношения, которые таили в себе бесконечные опасности. В интересах собственной безопасности Тиберий не мог допустить, чтобы между Германиком и германскими легионами благодаря многолетней войне установились такие же отношения, как некогда между Цезарем и легионами Римской республики в Галлии. Сражение в Тевтобургском лесу и три похода Германика показали, каким ужасно трудным делом было покорение этих германских «сынов природы». Эту войну мог бы довести до конца лишь полководец, обладавший наивысшим авторитетом и свободно располагавший самыми крупными средствами в течение многих лет. Такого полководца Тиберий не мог отослать в Германию,—больше того, не должен был отсылать. В течение двух лет Тиберий следил за ним, а затем он его отозвал, и, таким образом, германцы остались свободными.

Нет события, которое было бы более важным для всей последующей эпохи, чем то, что германцы остались вне сферы господства римлян и не были романизованы, подобно кельтам. Причинность этого события может быть правильно понята лишь в том случае, если вскрыть обе ее стороны, как это уже правильно увидел Тацит, умевший своим острым взглядом видеть все великое. Его рассказ во многих

своих отдельных деталях нас не удовлетворяет, а настроение, которым он проникнут, во всех своих оттенках чрезвычайно субъективно. Но о чем бы Тацит ни думал, его взор проникает до самой глубины событий, и он был вполне прав, говоря, что римляне победили бы, если бы подозрительность Тиберия не заставила его отозвать Германика, а в другом месте указывая на то, что Арминий, без сомнения, был бы освободителем Германии.

После Тевтобургской победы Арминий послал голову Вара королю маркоманов, Марбоду. Это может быть понято лишь как обращенный к соотечественнику призыв начать всегерманскую национальную войну против римлян. Марбод отказался от этого предложения и отослал голову Вара Августу, чтобы предать ее погребению. Именно таким путем мы узнали об этом событии, которое твердо засвидетельствовано. Вскоре после этого разгорелась война между германцами, между Арминием и Марбодом. Хотя князь херусков и победил, заключив союз с лангобардами, однако, он сам погиб в гражданской войне вследствие предательства своих собственных родственников. Он был их освободителем, и варвары до сих пор восхваляют его в своих песнях, прибавляет римлянин, описавший эти события приблизительно через сто лет. Неужели же он мог совершенно исчезнуть из памяти своего народа и проснуться к новой жизни лишь через полторы тысячи лет благодаря ученым изысканиям? Филологическое чутье стремится обнаружить хотя бы отблеск его посмертного существования, которое никогда нельзя будет действительно доказать, но которое обладает такой мощной поэтической силой, что мимо него нельзя пройти, не обратив на него внимания.

Мы не знаем германского имени князя херусков. Конечно, оно не имеет никакого отношения к имени «Герман». Арминий — это то римское имя, которое ему было дано, когда он посетил Рим и был облечен званием всадника. Германцы часто давали сыновьям имена, близкие по созвучию к имени отца, отца же Арминия звали Сигимером. Звали ли Арминия Зигфридом? «Песнь Нибелунгов» называет отца Зигфрида Сигемундом, но Сигемундом звали, по Тациту, другого князя херусков. Нет никакого сомнения в том, что эта группа имен имеет какое-то отношение к роду Арминия. Легенда о Зигфриде доходит в своих корнях до германского мифа. И в этой легенде сохранилось воспоминание о римской эпохе, так как в ней говорится, что отец Зигфрида жил в Ксантах, которые имели значение лишь в эту эпоху, когда здесь находился большой постоянный лагерь римлян Ветера. Зигфрид, подобно Арминию, умирает в расцвете сил, в зрелом возрасте мужа, вследствие зависти и предательства своих родственников. Его жена поддерживает его, а не своих родственников. Убийца Зигфрида Гаген изображен, — правда, не в «Песне Нибелунгов», а в другом рассказе, — одноглазым. И то же самое нам сообщается про Флава, брата Арминия, который сражался на стороне римлян. Весь княжеский род херусков, за исключением одного сына Флава, жившего у римлян, погиб в сражениях, последовавших за смертью Арминия подобно тому, как погибли все князья Нибелунгов.

Самым возвышенным памятником, когда-либо воздвигнутым каким-либо народом своему герою, была бы эта легенда, если бы Арминий действительно был Зигфридом. Воспоминание об его личности продолжало бы жить в памяти народа в образе этого самого безупречного из всех людей. Да, этот образ слишком высок для исто-

рического человека, созданного из плоти и крови, а поэтому хорошо, что он нам является окутанным сказочной дымкой предположений.

К ПОХОДУ 16 г.

1. Для того чтобы глубже обосновать нашу точку зрения относительно характерных особенностей и ценности «Анналов» Тацита, как исторического источника, мы подвергнем исследованию еще некоторые отдельные детали его рассказа о походе 16 г.

Тотчас же вслед за описанием высадки римлян говорится о том, что ангриварии, находившиеся в тылу римлян, отпали от них и что Стертиний был отправлен с отрядом воинов для того, чтобы их наказать. Однако, Стертиний присутствовал при разыгравшихся вслед за тем и последовавших одно за другим сражениях на Везере и при Идизиавизо, а перед окончанием этой войны был снова послан против ангривариев для того, чтобы принять от них изъявление их покорности. Внешне эта цепь событий вполне правдоподобна, однако, весьма поразительно то, что Стертиний вернулся к главным силам римлян до того, как он подавил восстание, вспыхнувшее в тылу армии. Во всяком случае наш историк в описании этих событий, если оно только вообще правильно, оставил большой пробел.

За этим следует разговор Арминия с Флавом через Везер. Раньше предполагали, что этот разговор происходил через другую реку, так как для такого разговора Везер слишком широк. На самом же деле этот диалог херусских братьев, очевидно, является поэтической фикцией, которая, кстати сказать, привела к тому, что автор перенес экспедицию на Эмс. Возможно, что Тацит не нашел в своем источнике названия той реки, в которую вошел Германик. Но так как дальше было ясно сказано, что римляне переправились через реку, следовательно, перешли на тот берег, на котором находился противник, и так как тотчас вслед за тем последовал разговор князей херусков через Везер, то автор отсюда заключил, что река, к которой пристали римляне и близ которой они высадились на берег, должна была быть Эмсом. В действительности же мы здесь имеем дело лишь с невнимательностью автора поэтического описания, который сперва переправляет римлян через реку, а потом заставляет братьев говорить с одного берега на другой, забыв, очевидно, о том, что они в данный момент уже оба находились на том же самом берегу.

Могут показаться странными упреки Тацита по адресу Германика за то, что он вместо немедленной высадки на неприятельском берегу сначала высадил свои войска на другом берегу, а затем потерял несколько дней на постройку моста. Вряд ли этот упрек мог находиться в тексте эпической поэмы, имевшей своей целью восхвалить Германика. Но этот факт опять-таки прекрасно объясняется переменой названий рек. Если Германик поднялся по Везеру, то было вполне естественно, что он сперва высадился на левом берегу, чтобы установить связь близ Реме или Миндена с тем корпусом, который подходил к Везеру от Ализо. Но эпос ничего не сообщал об этом корпусе, и потому Тацит решил, что войско высадилось на Эмсе. Таким образом, трудно было подыскать причину для факта высадки римского войска на левом берегу. Тацит же чувствовал себя настолько независимым по отношению к своему источнику и к своему герою, что вплел в свой рассказ упрек, обращенный к Германику за совершенную им столь грубую ошибку.

Находясь перед боевым расположением германских войск, стоявших на том берегу Везера, Германик, согласно Тациту, не решился перевести свои войска через реку, не построив предварительно мостов и плотин, и послал вперед лишь одну конницу через брод. Совершенно непонятный поступок. Что же должна была предпринять одна конница против германского войска? Для того чтобы сделать эти

факты понятными, мы должны допустить, что на том берегу реки находилось не все германское войско, а только сильный наблюдательный пост и что коннице было приказано отогнать этот пост, дабы он не препятствовал постройке моста. Напыщенная фраза Тацита: «Цезарь счел недостойным императора подвергнуть легионы опасности, не возведя мостов и укреплений», есть не что иное, как риторическая фраза. Упоминание Тацита о том, что два раза строились мосты — через Эмс и через Везер, — ни в какой мере не указывает, что на самом деле мосты воздвигались дважды. Скорее всего мы здесь имеем дело с двумя моментами того же самого события, которые были разделены вследствие какой-либо неясности текста первоисточника.

Германику докладывают, что германцы выбрали место для сражения и что они попытаются произвести ночное нападение на римский лагерь. Ночное нападение, конечно, является фантазией. Войско Германика насчитывало не менее 50 000 человек, а войско Арминия хотя и было значительно слабее, но все же было слишком велико для того, чтобы его можно было подвести ночью, как какой-нибудь разведывательный отряд, к неприятельскому валу и снова отвести обратно.

К этому же разряду поэтических фикций относится и тот германский всадник, который подскакал ночью к лагерю противника и, обратившись к римским солдатам с латинской речью, попытался склонить их к дезертирству. Он обещал им женщин, земли и 100 сестерций в день. Однако, фантазия римского поэта оказалась весьма скудной. Удивительно, что Тацит заимствовал у него такую болтовню.

Поле сражения при Идизиавизо описывается в таких словах: «Находясь между Везером и холмами, оно было в различных местах различной ширины, в зависимости от того, насколько далеко отходили от холмов берега реки или насколько близко к ним подступали выступы холмов. В тылу находился лес, в котором деревья высоко вздымали свои ветви, причем между стволами этих деревьев была голая земля». Такое описание хорошо характеризует ландшафт, но плохо подходит к полю сражения. Это описание можно понять лишь в том смысле, что один фланг германцев упирался в реку, а другой в покрытый лесом холм, причем в тылу находился высокий лес. Но ведь фланг боевого расположения не может упираться в несколько изгибов реки или в несколько холмов, которые то более, то менее далеко вдаются в свободное пространство поля, так как фланги основного расположения войска должны всегда занимать определенные места, упираясь в одно определенное место реки и в один определенный холм.

Боевое расположение римского войска описано таким образом: по фронту — сперва галльские и германские вспомогательные войска, затем пешие стрелки из лука, далее четыре легиона и сам полководец с двумя когортами преторианцев и избранной конницей, за ними опять четыре легиона и легковооруженные с конными стрелками из лука и, наконец, остальная часть союзников. С первого же взгляда бросается в глаза, что здесь перед нами не боевое расположение, но лишь плохо понятый походный порядок.

Херуски стояли на холмах, для того чтобы оттуда напасть на римлян, следовательно, на их фланг. В то время как они с холмов ринулись вниз, Германик приказал коннице атаковать их с двух сторон «с тем расчетом, чтобы самому поддержать их, когда для этого наступит подходящий момент». С военной точки зрения этот факт является совершенно непонятным. Действительно, каким образом можно было охватить херусков с двух сторон? Прошло ли уже римское войско мимо германского расположения, так что оно было уже в состоянии напасть на германцев с фланга? Или же германцы были с одного фланга так плохо заслонены, что их без особенного труда смогла обойти римская конница, пройдя, кстати сказать через покрытые лесом холмы?

Одновременно с этим римская пехота нападает на германцев, а высланная вперед конница атакует германцев сбоку и сзади. Эта высланная вперед конница, ко-

нечно, не могла окружить противника на самом поле сражения, которое, с одной стороны было ограничено рекой, а с другой — лесистыми горами. Если же предположить, что Германик задолго до сражения выслал вперед часть своей кавалерии, с тем чтобы она зашла ему в тыл, то Тацит должен был бы резко подчеркнуть этот столь же необычайный, как и действительный маневр. Но, конечно, совершенно неправильным было бы находить в словах Тацита указания на столь искусные операции. Ведь здесь мы имеем дело лишь с фантазией поэта.

Неприятельские воины бегут под двойным натиском и во время своего бегства встречаются друг с другом. Стоявшие в лесу бегут в поле, а стоявшие в поле бегут в лес. В крайнем случае эту картину можно себе представить, если предположить, что в лесу стоял германский резерв, на который с тыла напали римляне и погнали его на римский фронт именно в тот момент, когда римское войско после первой схватки гнало перед собой германцев. Но, конечно, напрасным и потерянным трудом является попытка вложить какой-либо военный смысл в эти меняющиеся картины, так как мы тотчас же вслед за этим узнаем, что римляне сгоняют с холмов вниз херусков в эту же толпу беглецов. А перед тем мы там же читали что херуски со своей стороны ринулись вниз с холмов и что Германик выслал вперед против них свою конницу. Это могло произойти лишь на одном фланге, а теперь вдруг оказывается, что херуски находятся в середине и что они бросились на стрелков из лука и опрокинули бы их, если бы им не преградили путь кельтские вспомогательные войска. Но где же, спросим мы, стояли в таком случае легионы? Этот вопрос мы тем более можем задать, что тут же мы узнаем, будто сам Арминий, может быть, спасся лишь благодаря тому, что хавки его узнали и пропустили. Римские легионы стояли, как то уже было указано выше, позади стрелков из лука, галльских и германских вспомогательных войск. Почему же в таком случае они не захватили неприятельского полководца?

Почти все германское войско погибло, покрыв своими телами поле сражения. После боя в германском лагере были найдены цепи, в которые варвары предполагали заковать пленных римлян. Такие цепи часто встречаются во всемирной военной истории, как, например, во время сражения при Церезоле, произошедшем в 1544 г. Германцы были настолько бедны железом, что они себе даже не могли выковывать достаточно хорошее оружие; поэтому в данном указании на цепи мы можем видеть либо яркое свидетельство их уверенности в своей победе, либо столь же яркое и твердое доказательство того, что вся эта история вымышлена.

Памятник победы, воздвигнутый Германиком, вызвал такой гнев среди германцев, что они еще раз схватились за оружие. И опять они выбрали поле сражения, ограниченное рекой и лесами, окаймленными глубокими болотами. Так как мы не можем допустить того, что германцы встали спиной к болоту, то, очевидно, это болото было расположено перед лесом так, что один фланг германцев в него упирался. Между рекой и болотом оставалась узкая равнина, замкнутая защитным валом ангривариев. Это описание вполне наглядно рисует нам поле сражения, но рассказ о самом сражении ни в какой мере не согласуется с этим описанием и с этим полем сражения. Мы слышим о равнине, на которую римляне легко прорвались, но где была эта равнина? Мы слышим о коннице, которая была выслана против леса; следовательно, болото было позади леса, а не перед ним, и германцы выбрали такое место, которое лишало их возможности отступить. Римляне, которые должны были взять штурмом вал, не смогли прорваться через ряды неприятеля, и вместо того чтобы обойти этот вал со стороны равнины, полководец отводит свои легионы назад и приказывает обстреливать вал орудиями и дротиками, причем этот обстрел производится до тех пор, пока германцы не начинают отступать. После этого сражение продолжается в лесу, и теперь мы, действительно, узнаем, что в тылу германцев находилось болото. Но это для них вовсе не так плохо, так как если у них в тылу

болото, то позади римлян река. Автор при этом вовсе не хочет сказать того, что оба полководца были плохими тактиками, а просто создает себе трамплин для своей риторики: «для тех и других, стесненных местностью, вся надежда была в храбрости и все спасение в победе».

В заключение это сражение оказывается без конца. Вечером полководец отводит один легион для того, чтобы соорудить лагерь (каким странным человеком был этот римлянин, который начал сражение, не построив перед тем лагеря!), а остальные легионы упиваются кровью врага до глубокой ночи. И, несмотря на это, все же говорится, что конное сражение не дало окончательной победы ни той ни другой стороне. Если мы сравним это описание сражения с подлинным рассказом о каком-либо бое, как, например, о сражении Цезаря при Фарсале, то нам станет ясным не только то, что конный бой не может окончиться вничью, когда пехота одерживает такую решительную победу, но также и то, что во всем этом рассказе о сражении у вала ангривариев нет ни одного слова правды.

2. В качестве аналогии к сражениям Германика можно привести рассказ Тацита о больших победах Агриколы над британцами и о двух сражениях при Бедриаке.

Рассказ о победе над британцами в своих общих чертах прост и понятен, но именно поэтому нам совершенно ясно, что здесь не очень крупное сражение патетически окружается ореолом большой победы. Восьми тысяч вспомогательных войск, которыми располагал Агрикола, вместе с конницей было достаточно для того, чтобы победить британцев. Легионы, стоявшие во второй боевой линии или в резерве, не приняли участия в бою. Тацит объясняет это тем, «что легионы стояли перед валом для вящшего прославления победы в том случае, если бы обошлось без пролития римской крови, и для оказания помощи, если бы римляне были отражены». Если бы мы признали, что это действительно было так, то должны были бы счесть Агриколу за весьма плохого полководца, так как, судя по дальнейшему рассказу, британцы располагали большим численным перевесом и в течение некоторого времени теснили римлян. Полководец мог бы этого избежать, если бы он не оставил чрезмерно больших резервов, но тотчас же ввел бы часть легионов в бой. На самом же деле то обстоятельство, что британцы некоторое время теснили римлян, далее — причина задержки легионов и, наконец, большое число бриттов — все это не что иное, как простые прикрасы. Бритты были так слабы и оказали такое незначительное сопротивление, что уже достаточно было атаки первой боевой линии римлян, чтобы их опрокинуть, даже не доведя дела до настоящего сражения.

Еще меньше фактов можно извлечь из описания обоих сражений при Бедриаке. Весь риторически грандиозный рассказ Тацита о гражданской войне не имеет никакой ценности с точки зрения военной истории.

В том сражении, в котором римляне победили Будикку, римляне, согласно Тациту («Анналы», XIV, 34), располагали войском в 10 000 человек и потеряли лишь 400 человек убитыми, в то время как британцы потеряли 80 000 человек. Согласно Диону, британское войско насчитывало 320 000 человек. Пусть будет так. Ведь до сих пор имеются такие ученые, методически строгие критики, которые никак не могут вырвать из своего сердца огромные цифры персидских армий. И если им уже ничего другого больше не остается, то они соглашаются зачеркнуть, может быть, один нуль, но ни в коем случае не два...

3. Подполк. Дам в своей работе «Походы Германика в Германию» сделал попытку реабилитировать и объяснить с военной точки зрения рассказ Тацита о походе 16 г.[1] Свое мнение об этой книге я высказал в «Германской литературной газете («Deutsche Literatenzeitung, 1908, № 3, январь, 17). Оно заключается в следующем.

[1] Otto Dahm, «Oberstleutnant a. D. Die Feldzüge des Germanicus in Deutschland», «Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst». Ergänzungsband XI.

Реконструируя главный поход Германика в 16 г., автор считает, что римское войско, согласно указанию Тацита («Анналы», II, 8), вошло в Эмс, причем большой склад был сооружен в Меппене[1]. От Меппена войско пошло по равнине в направлении к Везеру и южнее Вестфальских ворот, у Идизиавизо, дало сражение германцам. Для снабжения армии из склада непрерывно высылались продовольственные обозы. Ежедневная потребность в провианте всей этой армии, насчитывавшей 100 000 голов лошадей и людей, можно считать приблизительно равной 200 000 кило. Следовательно, в армию каждые шесть дней должен был прибывать обоз из 12 000 вьючных животных, причем если такой обоз шел, имея по два вьючных животных в ряд, то должен был занимать в глубину 17 км.

Этот расчет слишком мал. Во-первых, путь от Меппена до того места, где, как думает Дам, разыгралось сражение при Идизиавизо, равняется приблизительно 200 км и, следовательно, составляет не шесть, а девять дневных переходов, а с необходимыми днями отдыха — даже двенадцать. Во-вторых, суточная дача каждой лошади была исчислена в 5 кг, при том предположении, что потребное сено и солома могут быть получены на месте. Но это совершенно невозможно, так как колоссальная громада армии, компактно движущаяся и постоянно занимающая тесное пространство, непременно должна была немедленно исчерпывать все запасы местных средств. В-третьих, автор забыл принять в расчет снабжение самих транспортных колонн (24 000 вьючных животных с погонщиками). Если мы учтем эти три факта, то придется увеличить, может быть, даже в шесть раз количество тех припасов, которые необходимо было доставлять в армию. Поэтому способ снабжения, указанный автором, окажется технически совершенно невозможным. И так же невозможно себе представить, что можно было на кораблях по Северному морю переправить все это огромное количество животных. Наконец, со стратегической точки зрения невозможно принять, что римское войско, оперировавшее на Везере, могло базироваться на склад, находившийся на Эмсе. Ведь в таком случае Арминию было бы чрезвычайно легко, выделяя для этой цели из своего войска сильные отряды, производить нападения на эти длиннейшие колонны продовольственного обоза и их уничтожать. Тогда Германик со всем своим войском был бы осужден на голодную смерть.

Автор решительно отвергает (стр. 97) предположение, что флот с римской армией вошел не в Эмс, а в Везер, так как рассказ Тацита «настолько блестящ, что стоит вне всяких сомнений». В странном противоречии с этим автор на стр. 93 объявляет другое указание Тацита «не чем иным, как фразой, которая явилась в результате неосведомленности Тацита в области географии и военных наук».

В полном соответствии с этим методом — произвольно признавать источник безусловно надежным либо же просто его отвергать — находится объяснение, которое автор дает (стр. 95) тому обстоятельству, что Тацит совершенно ничего не сообщает о предполагавшемся переходе от Эмса к Везеру. Автор считает, что это движение было предпринято для того, чтобы наказать хазуариев и ангривариев, живших в этой местности. Тацит об этом ничего не рассказывает — «даже ему самому становилось невмоготу непрерывно повествовать об убийствах и поджогах своего героя, которые среди этих союзников херусков, наверное, носили характер дикого зверства». Нельзя себе представить большего непонимания римской культуры и римского способа представлять себе те или иные факты.

Поэтому реконструкция похода 16 г., предложенная Дамом, является неудовлетворительной как с военно-технической точки зрения, так и с точки зрения

[1] Сам Дам не смог окончательно отделаться от того представления, что, в сущности говоря, было совершенно невозможно базироваться на склад, расположенный близ Меппена. В дополнение к этому он указывает, что вопрос относительно возможности использования Везера как пути для подвоза продовольствия следует по крайней мере считать открытым; однако, он из этого не делает никаких дальнейших выводов (стр. 100).

критики источника. Хотя Дам вполне правильно признал, — и это является его серьезной заслугой,— что основным моментом римских походов в Германию является вопрос снабжения, однако, его научный метод недостаточен для правильного решения всех связанных с этим вопросов. Такие же ошибки делает этот автор и при описании других походов (ср. главу «Снабжение и обоз» в конце этого тома).

4. Кепп в своей работе «Римляне в Германии» (Koepp, «Die Römer in Deutschland») обнаруживает себя настолько проницательным, что признает недостоверность рассказа Тацита о походе 16 г. Но вместе с тем он противопоставляет свой холодный скептицизм попытке раскрыть и исправить ошибки Тацита, исходя из стратегических соображений и точных сведений о географических отношениях, и предпочитает оставаться при своем «не знаю». С такой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы только она последовательно проводилась. Но во многих других местах своей работы Кепп сам не может удержаться от того, чтобы не притти на помощь своему источнику посредством стратегических рассуждений. Поэтому его собственное предостережение, что не следует стремиться к тому, чтобы быть умнее Тацита (стр. 34), которым он как будто бы пытается руководствоваться в своей работе, должно быть обращено по его собственному адресу. В ответ на это предостережение я хотел бы спросить моего коллегу по исследовательской работе, последовал ли он моему совету (см. выше, стр. 58) и испытал ли он свой критерий оценки Тацита в качестве военно-исторического источника, применив его к описанию сражения при Бель-Альянс, принадлежащему перу Трейчке. Я боюсь, что он так же мало этим занимался, как и наши старые историки, которые не проверили Геродота на Буллингере, а Цезаря на Наполеоне и Фридрихе. Если бы он это сделал, то я убежден, что его прекрасная и делающая ему честь книга все же в некоторых своих частях приобрела бы иной вид.

5. Гергард Кесслер в своей работе «Традиция о Германике» (Gerhard Keszler, «Die Tradition über Germanicus», Leipziger Dissertation, 1905), подвергая анализу источники, сделал попытку также осветить и германские походы. Он считает, что основным источником Тацита была биография Германика, которая лежала в основе также и рассказа Диона. Почти все фактические события совершенно правильно излагаются в этой книге. Особенно следует отметить вполне правильное мнение автора, что римский флот в 16 г. вошел не в Эмс, а в Везер. Кесслер очень удачно доказывает, что рассказ о переходе Германика через Эмс, а потом через Везер является дублированием того же самого факта. Но, говоря о том, что все восемь легионов были доставлены этим флотом (стр. 51), Кесслер не уяснил себе того, каких громадных трудов должно было стоить переправить по морю на такое большое расстояние войско, состоявшее из 50 000 бойцов. И, конечно, при этом нельзя ссылаться на то, что Германик уже в предыдущем году отправил на кораблях четыре легиона, а на этот раз, как об этом подробно рассказывает Тацит, построил много новых кораблей и, следовательно, погрузил на этот флот значительно большее войско. Доставка двух легионов со вспомогательными войсками, с полным запасом продовольствия и прочими припасами, необходимыми для всего войска на все время летнего похода, кораблей, которые могли итти по Северному морю, вспомогательных кораблей, которые могли итти по рекам, по возможности далеко, — все это требовало таких громадных снаряжений, что это нам кажется вполне соответствующим описанию Тацита. В предшествовавшем году четыре легиона были отправлены без вспомогательных войск, а о коннице ясно сказано, что она шла сухим путем через страну фризов. К тому же эта экспедиция шла по Эмсу, а не по Везеру, как следующая за нею, на что, впрочем, указывает и сам Кесслер. Таким образом, несмотря на то, что войска, отправленные на кораблях, по своей численности были меньше, чем в прошлый раз, все же эта новая экспедиция была значительно крупнее и потому требовала очень больших приготовлений.

Переправить на кораблях от Батавских островов вплоть до Везера восемь легионов со вспомогательными войсками, конницей и запасами было не только невыполнимо, но и совершенно излишне, так как римское войско, идя сухим путем от Липпы, могло гораздо скорее и удобнее, по более короткой дороге вторгнуться в страну херусков. Этот большой флот был снаряжен не для перевозки армии, а для доставки снабжения, для организации пловучего склада, без которого римское войско не могло оперировать в стране херусков. Два легиона и вспомогательные войска, находившиеся на кораблях, были нужны лишь для прикрытия транспорта. Кесслер недостаточно оценил значение момента снабжения; это явилось причиной того, что он со своей стратегической критикой не только здесь, но и в других местах своей работы встал на ложный путь. В результате всего этого он пришел к крайне неоправданному и необоснованному суждению о стратегических способностях и характерных чертах стратегического таланта Германика. Нельзя развенчивать Германика, так как ему нельзя отказать в том, что он проявил самую решительную энергию при выполнении своей задачи. Необходимо признать, что способы, примененные им, были правильно задуманы, что он шел правильными путями и что все это вполне соответствовало наличным условиям и обстоятельствам. Лишь в таком случае может быть установлена всемирно-историческая роль Арминия. Если бы Германик был таким безрассудным человеком, каким его изображает Кесслер, и если бы Сегест и весь его род были столь незначительны, то и дело Арминия нельзя было бы назвать великим подвигом. Но решающим обстоятельством в данном случае является то, что Германик совершенно правильно учел обстановку, а именно — если он со своим громадным войском появится на Везере, то находящиеся в его свите херусские князья, при наличии флота с продовольственными запасами, смогут выдержать войну в течение всего лета, а херуски сочтут свое дело проигранным и покорятся римлянам. Но то, что этого не произошло и что херуски, несмотря на все, продолжали борьбу, крепко держась своего вождя, показывает нам гораздо яснее, чем сражение в Тевтобургском лесу, что Арминий был действительно великим человеком.

LIMITES (ГРАНИЦЫ)

6. Тацит в «Анналах» (II, 7) пишет: «На всем протяжении между крепостью Ализо и Рейном были построены новые дороги и пути» (cuncta inter castellum Alisonem ac Rhenum novis limitibus aggeribusque permunita). До сих пор слово «limitibus» переводили «пограничными валами», но это является очевидной несообразностью. В таком случае возникает вопрос: в каком направлении шли эти валы? Что они ограничивали и что они защищали? Откуда бы взялись войска для занятия этих линий? Об этом мы еще будем говорить ниже, при рассмотрении вопроса о позднейшем большом limes. Limes обозначает рубеж, или, вернее, одновременно дорогу и границу. Но это слово очень часто употребляется и таким образом, что в нем сохраняется лишь одно значение, а другое совершенно исчезает. Так, например, у Веллея (II, 121) «aperire limites», очевидно, просто означает «установить границу»; в таком же смысле употребляет это выражение и Сенека (de benef., I, 14), даже в более узком смысле: «установлять менее просторную границу (minus laxum limitem aperire). А Ливий (XXXI, 39) говорит, что царь Филипп «поперечными путями» (transversis limitibus) двинулся против врага. Цицерон («Сон Сципиона», 8 — «Somn. Scip.» 8, «de re publ», 6, 24) пишет, что «перед теми, кто хорошо послужил родине, как бы открывается путь к святилищу неба», и также Овидий («Metam.», 8, 558) — «обычный путь (limes) реки». Таким образом, здесь, как и во многих других случаях, слово «limes» означает «путь». Представление о том, что limes связано с каким-либо укреплением или вообще означает «пограничное укрепление», относится к значительно более позднему времени, являясь, может

быть, даже современным представлением, которое к тому же постепенно исчезает благодаря обследованию смысла limes'а. Тацит употребляет это выражение семь раз: в «Германии» (гл. 29) и в «Агриколе» (гл. 41) — в смысле «граница»; в «Историях» (21, 25) — в описании сражения при Кремоне, — насколько можно понять это описание, — очевидно, в смысле «путь»; а в «Анналах» (I, 50) он пишет, что Германик пошел против марсов, «пересек Цезийский лес и дорогу (limes), которую начал строить Тиберий, расположил лагерь на дороге» (in limite). Германик шел севернее Липпы, затем повернул на юг, перешел через Липпу и после этого пересек Цезийский лес и дорогу Тиберия. Здесь даже нельзя и думать об укреплениях. Наоборот, здесь было бы очень кстати предположить наличие дороги, которую Тиберий начал строить южнее, приблизительно параллельно Липпе, и которую теперь Германик пересек, разбив на ней лагерь.

Седьмым местом у Тацита является как раз то место, которое мы здесь разбираем. Слово «limes» здесь, конечно, не может иметь никакого отношения к границе. «Aggeres», с которыми здесь сопоставляются «limites», обозначают мощеные дороги. Уже в упомянутом выше описании сражения при Кремоне (Hist. III, 21, 23) говорилось о «насыпи дороги» (agger viae), и в непосредственной связи с этим стояло и слово «limes», которое было здесь употреблено также в смысле дороги. Такой же смысл имеет это слово и в данном месте. Слово «permunire» у Тацита обычно означает «укреплять», причем приставка «per» лишь усиливает основное значение корня, не меняя его смысла. Однако, в слово «укреплять» здесь, очевидно, не вложено смысла «укреплять окопами». Может быть, здесь это выражение можно просто перевести «защитить, сделать безопасным», так как слово «munire» часто употреблялось в таком смысле; так, например, у Плиния (h. nat. XX, 51) или у Лукреция (IV, 1256): «старость детьми обеспечить». Но так как «munire viam» очень часто обозначает «построить дорогу», то, может быть, эту фразу лучше всего было бы перевести таким образом: «он на всем пространстве между Ализо и Рейном построил новые дороги и пути», или, применяя более простые выражения, «он построил крепкую и прямую дорогу от Ализо до Рейна».

Раньше, чем я пришел к этому переводу, мне приходило в голову другое объяснение, также вполне правдоподобное. Под словом «limites» я тогда понимал сваленный вдоль дороги лес, для того чтобы затруднить германцам нападение на дорогу. Так как первым значением limes является «межевая полоса, рубеж» и так как вдоль межи или границы, проходящей через лес, часто лежат сваленные деревья, то такое истолкование является вполне возможным. Но так как limes часто просто обозначает «путь» и даже встречается наряду со словом «мощеная дорога» (agger), то этот смысл в данном случае является наиболее правильным. Во всяком случае смысл данного места заключается в том, что Германик, — пока легионы стояли в Ализо и ждали появления полководца со своим флотом на Везере, — использовал это время для того, чтобы улучшить пути сообщения между Ализо и Рейном.

* * *

Добавление ко 2-му изданию. Только что изложенная точка зрения нашла свое подтверждение в работе Оксе («Bonner Jahrbücher, Bd. 114, 115.—«Боннские ежегодники», т. 114 — 115), широко и научно обоснованной в строго филологическом отношении. Автор, так же как и я, считает, что limes Тиберия был военной дорогой, которая, по мнению автора, была абсолютно прямой и очень широкой. Работы, произведенные Германиком в 16 г., по мнению автора, являются лишь окончанием тех работ по сооружению этой дороги, которые были начаты Тиберием. Такое объяснение, по мысли автора, вполне соответствует всему контексту и самому слову «permunire», которое может обозначать «изготовлять, сооружать». Если это правильно, то Тацит, очевидно, заимствовал это слово из своего источ-

ника, так как едва ли он сам настолько хорошо знал топографию местности и настолько внимательно продумал в данном случае всю цепь событий, чтобы, описывая труды Германика, вспомнить о limes Тиберия (ср. ниже относительно limites Домициана).

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АЛИЗО

Ализо стало теперь почти краеугольным камнем при реконструкции всех римско-германских походов. Поэтому мы должны подвергнуть специальному исследованию этот много раз дискутировавшийся вопрос относительно местонахождения Ализо. Мы решили, что это будет лучше сделать в конце настоящей главы, так как после проработки отдельных походов читатель увидит яснее и отчетливее, чем после одного лишь вводного теоретического изложения, те общие стратегические моменты и условия данного театра военных действий, которые при этом необходимо принять во внимание.

Начиная наше исследование, мы должны прежде всего поставить и разделить два вопроса. Первый вопрос заключается в том, устроили ли римляне на Верхней Липпе складочный пункт, который служил базой для их операций в собственно внутренней Германии. Второй же вопрос заключается в том, назывался ли этот пункт Ализо.

Но раньше чем подвергать исследованию и сравнению наши источники, было бы правильнее всего поставить технический вопрос о том, насколько судоходной была Липпа.

По этому вопросу я имею здесь возможность изложить те сведения, которые мне любезно были сообщены техническими специалистами по речному делу, — тайным строительным советником Редером и тайным строительным советником Келлером II из министерства общественных работ, а также строительным советником Редером из Дица, который раньше жил в Хамме на Липпе.

В древние времена, когда еще не было прочных дорог, было так трудно доставлять товары сухим путем, что люди пользовались в качестве путей сообщения даже очень мелкими водными путями. Херфорд пытался использовать в XV в. Верру, а Брауншвейг — Окер в качестве водных путей[1]. Доставить лодку с грузом вверх по течению, если еще не построен бечевник, конечно, тоже не легко, но все же легче, чем доставить соответствующее количество тележек по мягкой проселочной дороге. Лодки тянулись людьми, которые по большей части шли по воде близ берега. Когда же подходили к стремнине, которую нельзя было преодолеть, то товары выгружались и переносились на руках, пока это было необходимо, а пустые лодки тянулись дальше. Так до сих пор делают в Африке и такой — даже полный препятствий — водный путь все же выгоднее и удобнее сухопутной дороги. На Липпе нет таких препятствий. Она в настоящее время по своим естественным условиям судоходна до Липпштадта. За Липпштадтом посредством плотин река сделана несудоходной в интересах сельского хозяйства. Но если устранить эти препятствия, то судоходность Липпы могла бы быть восстановлена вплоть до Нейхауза, где Падер и Альма соединяются с Липпой[2]. Падение дна реки от Нейхауза до Липпштадта выражается в среднем 1 на 2 000. Поперечный профиль очень глубоко врезан и, следовательно, очень благоприятен, так что при устранении всех препятствий здесь без труда могут проходить грузовые баржи длиною в 20 м, шириной в 4 м, с осадкой в 0,75 м и с грузоподъемностью в 45 т (т. е. 900 ц). Такие баржи могут ходить с хорошей скоростью в среднем в течение 98 дней в году с ограниченной скоростью — в течение 101 дня и совсем не могут ходить:

---

[1] Stein, «Beiträge zur Geschichte der Hanse», S. 24—25.

[2] Примечание ко 2-му изданию. Это место было неправильно понято Прейном (Prein, «Aliso bei Oberaden», S. 65), который его объяснил таким образом, как будто «естественная судоходность» достигала лишь Липпштадта.

вследствие недостатка воды — в течение 156 дней и вследствие избытка воды — в течение 10 дней в году. Нельзя утверждать, что германские реки в древности были полноводнее, чем теперь. Но даже несмотря на это, из всего вышесказанного должно быть ясно, что во времена Арминия Липпа была до Нейхауза достаточно судоходна для военных целей римлян, которые ведь могли пользоваться меньшими судами, чем описанные нами выше. Весною можно было по ней доставлять почти вплоть до ее истоков все припасы, необходимые для летнего похода.

Но тут против моей точки зрения как будто высказался директор архива Ильген в своей работе «Имела ли Липпа в Средние века крупное значение в качестве водного пути?». Эту работу автор чрезвычано любезно, по моей просьбе, предоставил в мое распоряжение до ее опубликования[1]. В своем этюде, представляющем большой культурно-исторический интерес, Ильген устанавливает тот факт, что Липпа в Средние века и до XVIII в. имела очень небольшое значение в качестве водного пути, так как здесь судоходству мешал целый ряд естественных препятствий. Однако, его точка зрения оставляет достаточно свободного места и для моих взглядов, так как понятие «крупный» очень растяжимо. Ведь указанная нами цель может быть свободно достигнута и при умеренной судоходности реки. Наконец, я хотел бы немного изменить не самое существо положений Ильгена, которые, конечно, правильны, но некоторые детали и, так сказать, некоторый оттенок его изложения, который, как может показаться, несколько преуменьшает относительную судоходность этой реки.

Как указывает Ильген, техническое обследование, произведенное в 1735 и 1738 гг., установило, что от Везеля до Хамма в реке имеется 51 песчаная мель и три подводных камня. Но эти препятствия не могли быть очень серьезными, так как даже в сухое время года они покрыты больше чем на 1,5 фута водою. Большими препятствиями были шесть мельничных плотин, расположенных между Хаус-Даль и Хаммом. Эти мельничные плотины наносили с конца Средних веков большой ущерб судоходству и до нашего времени постоянно вызывали борьбу между собой интересов судоходства и сельского хозяйства. В работе «Река Одер», составленной Бюро речной комиссии, мы читаем (I, 233): «В эпоху политического упадка Силезии мелкие князья давали разрешения на постройку мельничных плотин, которые в значительной степени затрудняли судоходство. Новый подъем судоходства на Одере начался лишь с того времени, как были уничтожены эти препятствия. То же самое было и на Липпе. В 1597 г., согласно Ильгену, кирпичи для постройки церкви иезуитов в Мюнстере были доставлены на кораблях лишь до Хальтерна, а оттуда их уже везли сухим путем. Однако, из этого факта нельзя сделать вывода относительно судоходства выше Хальтерна, так как сухопутная дорога от Верне до Мюнстера не намного ближе, чем от Хальтерна.

Равным образом нельзя сделать какого-либо вывода из того, что монастыри Херфорд, Корвей и Лисборн доставляли себе рейнское вино сухим путем из Дуисбурга. В сентябре вода в Липпе стоит на самом низком уровне, а в октябре уровень лишь очень немногим выше. Между тем в сентябре надо было отправлять пустые бочки к Рейну, а в октябре доставлять их обратно полными. Но как раз в это время года либо совсем нельзя было пользоваться водным путем, либо же можно было пользоваться только с риском.

Поэтому я хотел бы подчеркнуть больше положительные, чем отрицательные свидетельства о судоходности Липпы, которые приводит в своей работе Ильген. Если город Зест в 1486 г. хотел посредством использования речек Зест и Азе соединиться водным путем с Липпой и даже собрал деньги, необходимые для соответствующих строительных работ, то это, конечно, является доказательством того, что Липпа вовсе не была совершенно негодным водным путем. Это под-

[1] «Mitteilungen d. Altertums-Komm. f. Westfalen», Heft II, 1901.

тверждается также и тем, что у Дорстена, Хальтерна и Остендорфа находились таможни, и если в 1526 г. мимо Дорстенской таможни прошло 225 плотов, то это, конечно, является довольно крупной цифрой.

Слова Вернера Ролевинкса (около 1475 г.), что в Вестфалии нет судоходных рек, надо, следовательно, понимать в том смысле, что хотя там и нет постоянных водных путей, каковыми являются не только Рейн, но и Шпре, но там все же имеются реки, которые в определенные времена года пригодны для судоходства.

Против этого возразил Шуххардт[1], указав на то, что вверх по Липпе нельзя было тянуть лодки, так как дно реки очень илисто. За разъяснениями по этому вопросу я обратился к строительному советнику Редеру из Дица, жившему раньше в Хамме на Липпе, который был хорошо осведомлен относительно естественных условий этой реки благодаря своей многолетней практике по речным постройкам в этих местах. От него я получил следующий ответ:

«Топкая почва, т. е. болотистые и торфяные места, на Липпе нигде не встречаются. Там по обе стороны реки от Везеля вверх до Нейхауза идут песчаные поверхности. Во многих местах там встречается низкий берег, затапливаемый водой. Такие места в римскую эпоху, наверное, тянулись на большее расстояние и, конечно, не могли служить препятствием для таких крупных людских масс, как римские легионы, которые имели большой опыт в постройке дорог и имели поэтому возможность, идя по дорогам вдоль реки, тянуть лямками суда. Труднее было переходить через притоки, так как здесь надо было строить мосты, чтобы не переправлять слишком часто на другой берег упряжных лошадей».

«Но и это не могло представлять трудностей для систематически продвигавшегося войска римлян, которое привыкло строить образцовые дороги и искусственные мосты».

«Низкие сырые берега покрывались бревенчатой настилкой, следы которой иногда находят даже и теперь».

Следовательно, представление Шуххардта о непреодолимости «илистого» дна неправильно. Я даже думаю, что мягкая почва преодолевалась легче, чем это описано в письме Редера, в тех случаях, когда лодки тянулись не лошадьми, а людьми. В тех странах, где до сих пор еще нет бечевников, люди идут прямо по воде вдоль берега. Если попадаются непроходимые места, то положить вдоль берега бревенчатый настил еще легче для людей, чем для лошадей; равным образом и переход через притоки люди совершают легче, чем лошади, и часто им не приходится строить ни одного моста.

Если, таким образом, уже не подлежит никакому сомнению, что Липпа была в достаточной степени судоходной вплоть до Нейхауза, то мы тем самым можем с достоверностью установить и тот факт, что римляне должны были в этой местности соорудить складочный пункт. Конечно, требует объяснения то обстоятельство, почему никто из многочисленных военных исследователей римских походов до настоящего времени не высказал этого положения, но это нетрудно объяснить. В научной литературе до недавнего времени никто не высказывал сомнений в достоверности колоссальных цифр германских войск. Сотни тысяч перебрасывались туда и сюда, и, согласно рассказам Тацита и Светония, Тиберий из одного лишь племени сугамбров переселил 40 000 человек на левый берег Рейна[2]. Ген. фон-Пейкер в своей много раз использованной книге «Военное дело в древней Германии» (Von Peucker, «Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten» Berlin, 1860)

---

[1] Mitteilungen der Altertums-Kommission f. Westfalen, Heft. II, S. 212. Anmerkung, 1901.

[2] Насколько крепко до сих пор коренится это представление, видно из того, что В. Банг в своей прекрасной монографии (W. Bang, «Die Germanen im römischen Dienst», S. 6) приходит на основании этого представления к тому выводу, что это число является слишком незначительным для германского племени.

говорит о том, как многочисленность германских войск затрудняла положение их предводителей, и без всяких колебаний сопоставляет следующие цифры: «Войско тевтонов, по Орозию и Ливию, достигало 300 000 человек; Ливий, Веллей, Патеркул, Евтроп и Орозий исчисляют войско кимвров в 200 000 человек; Ариовист, по указанию Цезаря, командовал войском, насчитывавшим более 100 000 человек; из готских войск, вторгшихся в III в. с берегов Черного моря, то войско, которое в 269 г. было разбито императором Клавдием, согласно Требеллию Поллиону, насчитывало 320 000 человек; Радагайс в начале V столетия привел в Италию армию, превышавшую, согласно Орозию, 200 000 человек, так как среди них было одних лишь готов 200 000 человек, а по словам Зосимы, 400 000 человек; войско же Аттилы, которое дралось на Каталаунских полях и по большей части состояло из германских племен, согласно Иорнанду, достигало 500 000 человек, а по словам Павла Диакона, даже 700 000 человек».

Совсем нетрудно было снабжать эти народные массы в тех местах, где они жили и где они могли передвигаться. Поэтому вопрос об их снабжении даже и не поднимался. Только благодаря постановке проблемы о численности населения мы подошли вплотную к вопросу о снабжении, а разрешение этого вопроса в свою очередь должно было решить вопрос о Липпской крепости.

Недалеко от Падерборна и места соединения Липпы с Альмой, на левом берегу Альмы находится деревня Эльзен. Вполне естественно, что созвучие названий Эльзен и Ализо поблизости от того места, на которое и без того имеется столько указаний, уже давно привело к простому отождествлению обоих названий. И я сам в первом издании этой работы считал, что название Эльзен является аргументом в пользу того, что Ализо действительно находилось в этой местности. Однако, после этого было твердо установлено (ср. Фр. Крамер, «Западногерманский журнал» — Fr. Cramer, «Westdeutsche Zeitschrift», Bd. 21, 1902), что топографические названия, родственные этому корню, настолько часто встречаются, что мы отсюда не можем извлечь никаких указаний относительно местонахождения Ализо.

Перейдем теперь к сравнению показаний источников.

* * *

Дион (53, 33) рассказывает нам о том, что Друз во время своего похода 11 г. до н. э. вторгся в страну херусков, дошел до Везера и переправился бы через него, если бы не был принужден возвратиться из-за недостатка в продовольствии. На обратном пути германцы напали на него в узком ущельи, но все же в конце концов были разбиты римлянами. Под влиянием этого события Друз решил для защиты от германцев построить крепость при соединении Липпы и Элизона.

«Повсюду, — таковы буквально слова Диона, — враги устраивали засады и причиняли Друзу много вреда. Однажды они его заперли в такой местности, которая со всех сторон окружена горами и в которую можно было проникнуть только через узкие горные ущелья, и едва его там не уничтожили. И все римское войско тоже погибло бы, если бы враги, слишком уверенные в своей победе, не бросились на них беспорядочной толпой, очевидно, думая, что римляне уже находятся в их руках и что для окончательной победы достаточно одного удара мечом. Однако, германцы были разбиты и после этого уже не отваживались так дерзко нападать на римлян, но все же досаждали им издали, впрочем не подходя к ним близко. Поэтому Друз на зло им со своей стороны построил одну крепость в том месте, где соединяются Липпа и Элизон, а другую — на Рейне, в стране хаттов».

Судя по всему контексту, те германцы, с которыми на своем обратном пути сразился Друз в узком ущельи, возвращаясь с Везера, очевидно, могли быть только херусками. Описание местности не соответствует ландшафту прилиппских равнин и более похоже на гористые места, лежащие к востоку (к северо-востоку, к юго-

востоку) от Падерборна. Возвышенности, встречающиеся вдоль Липпской долины, слишком незначительны для того, чтобы представить опасность для римского войска. Если Друз построил крепость, которая должна была служить угрозой народам, теснившим его в тех местах, то, конечно, он построил эту крепость не на расстоянии нескольких переходов от этой области, но либо на неприятельской территории, либо же непосредственно перед воротами, ведущими в эту область, т. е. в районе Падерборна. И так как трудность в снабжении была причиной того, что этот поход не дал результатов, то целью постройки этой крепости была организация складочного пункта, необходимого в будущем при повторении этой войны, причем подобный пункт можно было создать лишь в этом месте, так как до этого места доходил водный соединительный путь с Рейном.

Устройство такого пункта должно было даже с самого начала быть главной целью этого похода. Когда Друз появился в стране сугамбров, южнее Липпы, рассказывает нам Дион, то сугамбры как раз находились на поле сражения против хаттов. Если бы римский полководец задался целью сразу достигнуть непосредственного крупного успеха, то, конечно, он не смог бы сделать ничего лучшего, как со всеми своими силами обрушиться на сугамбров. Сугамбры, зажатые между римлянами и хаттами, легко могли бы быть уничтожены. На первый взгляд кажется совершенно непонятным, каким образом Друз мог упустить такой случай одержать крупный успех. Вместо этого он только воспользовался возможностью беспрепятственно подняться по Липпе и дойти до Везера. Не опираясь на какую-либо базу и имея в своем тылу сугамбров, он, конечно, здесь ничего не мог сделать. Но это пренебрежительное отношение Друза к тому успеху, который он мог легко одержать на своем пути через страну сугамбров, покажется нам уже не ошибкой, а поступком вдумчивого стратега, если мы предположим, что с самого начала целью этого похода было исследование дорог и постройка складочного пункта. Устройство этого пункта было для него важнее, чем победа над одним лишь германским племенем, даже над сугамбрами, которые внушали такой ужас, так как его мысль была обращена на покорение всех германцев, вплоть до самой Эльбы. Возражая против этого, можно было бы задать вопрос: почему же в таком случае Друз не построил эту крепость на пути туда? Ведь когда он достиг того места, где прекращалось судоходство по Липпе, он мог здесь построить эту крепость. Весьма возможно, что это так и было на самом деле. Во всяком случае римляне (ср. стр. 91) большую часть своего продовольствия отправили вслед за своим войском по воде, и, конечно, совершенно невозможно предположить, чтобы они около истоков Липпы перегрузили его на вьючных животных или на повозки и тащили их за собой до Везера, а также и весь обратный путь. Полководец с самого начала хорошо знал, что он и для обратного пути нуждается в крупных запасах. Поэтому вполне естественно, — а с римской точки зрения вполне понятно, что наши источники ничего об этом не упоминают, — что Друз устроил складочный пункт в конце водного пути, оставив там все необходимое для возвращения, построив там временное укрепление и оставив для защиты последнего гарнизон. Пока войско двигалось дальше, оставшийся при этом гарнизоне инженер подыскивал место, наиболее удобное для устройства постоянной крепости; когда же войско вернулось, эта крепость была построена. Была ли построена новая крепость или же была укреплена построенная первоначально, значения не имеет, но для Диона вполне естественно, что он рассказывает об этом событии в таких словах: «Когда Друз вернулся и разбил своих врагов, то почувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы построить в этой области крепость на страх своим врагам».

Для той же цели, для которой он построил эту крепость, Друз уже в предшествовавшем году приказал вырыть большой канал, соединявший Рейн с Исселем и, таким образом, ведший из Зюдерзее в Северное море. Человек, который выполняет такие крупные предприятия, уже не довольствуется случайным покорением

маленького пограничного племени, вроде сугамбров, но замышляет большие походы т. е. в данном случае покорение всей страны вплоть до Эльбы. Стратегическим средством для достижения этой цели является устройство складочного пункта, выдвинутого как можно дальше вглубь страны.

Шуххардт и Кепп в докладе «Ализо и Хальтерн» (Korresp. Bl. des Gesamtver. der deutschen Gesch.- und Altertumsv., 1906) считали исключенной возможность того, что эта крепость была построена на Верхней Липпе, так как в таком случае в тылу ее находились бы враждебные римлянам сугамбры и бруктеры. Но этот аргумент надо перевернуть: именно потому Ализо стало кандалами для упрямых германцев, что оно находилось в их стране, будучи в то же время для них неприступным. Вполне естественно бьет мимо цели и то возражение, что германцы могли бы в конце концов взять эту крепость голодом. Это возражение было бы правильным, если бы мы имели здесь дело с одной крепостью, без римского войска. Но это возражение отпадает, если мы примем во внимание, что крепость была не изолированной, а находилась в стратегической связи с тем, для чего она была создана. Крепость являлась опорным пунктом для войска, которое оперировало в этом районе, а войско, в свою очередь, защищало крепость. Даже в том случае, когда войско возвращалось к Рейну, оно находилось достаточно близко от нее и всегда могло притти к ней на помощь, тем более что сама крепость могла долго сопротивляться неприятелю. Если бы германцы сделали попытку захватить крепость, как, например, Арминий в 16 г., то она всегда смогла бы продержаться до тех пор, пока не подоспеет на помощь посланное для снятия осады войско. Только после того как в 9 г. было уничтожено римское войско, пало Ализо — и то не сразу, а по истечении значительного времени.

* * *

Было высказано предположение, что вдоль Липпы вплоть до Рейна был построен ряд промежуточных крепостей, так как в противном случае Ализо, находясь по прямой линии на расстоянии 20 миль от Ветера, было бы совершенно изолированным. Но следы этих крепостей, которые уже считали найденными, за исключением одной, о которой я еще буду говорить дальше, оказались ложными, и потому факт существования этих крепостей я считаю сомнительным. Конечно, римские войска, передвигаясь по Германии, всегда на ночь разбивали укрепленный лагерь, стараясь при этом по возможности использовать прежние лагери, которые германцы далеко не всегда сравнивали с землей. Но оставление повсюду постоянных гарнизонов потребовало бы слишком большого расхода живой силы и принесло бы вместе с тем слишком мало пользы. Войска на походе сами себя защищают, транспорты передвигаются под военным прикрытием, купцы должны сами о себе заботиться, а для того чтобы предоставить безопасный ночлег курьерам, которые могут подвергнуться нападению в пути, никогда не строят крепостей. Если бы германцы напали на изолированную крепость, то она должна была бы сама защищаться до тех пор, пока с Рейна не подоспело бы на помощь войско, посланное для снятия осады. А гарнизоны промежуточных крепостей не могли бы оказать никакой помощи. Решающим моментом в таком случае была бы возможность того, чтобы сообщение об осаде достигло Ветера. Ведь, это рано или поздно должно было случиться. Весьма возможно, что комендант крепости имел в своем распоряжении и на своей службе нескольких германцев, которые в случае необходимости брали на себя обязательство прокрасться сквозь ряды своих соотечественников и доставить весть об осаде в главную квартиру. Таким образом, вполне возможно, что римская крепость, находившаяся близ Падерборна, была совершенно изолированной. Нужно себе только представить, до какой степени германцы были неспособны провести правильную осаду. У них даже не было доста-

точно металла для изготовления оружия, не говоря уже о простых инструментах. Даже после Тевтобургского сражения, несмотря на свой моральный подъем и на подавленное состояние римлян, германцы не в состоянии были взять Ализо силой... Поэтому уже Друз мог отважиться на то, чтобы построить крепость среди вражеской страны, по ту сторону враждебно настроенных сугамбров, марсов и бруктеров. Да и помимо того Друз не рассчитывал на то, что положение останется неопределенным, так как римляне надеялись в течение нескольких лет овладеть всей страной, по крайней мере вплоть до Везера.

* * *

Когда в Рим пришла весть о том, что Друз находится при смерти, как рассказывает нам Валерий Максим (V, 5, 3), его брат Тиберий поспешил к нему и для этой цели направился вглубь Германии. Это сообщение следует сопоставить с рассказом Тацита о том («Анналы», II, 7), что германцы, осадив в 15 г. крепость на Липпе, разрушили старый алтарь, посвященный Друзу, который затем был вновь восстановлен Германиком, после того как он со своими шестью легионами снял осаду с этой крепости. Невероятно, чтобы римляне, воздвигнув алтарь Друзу во внутренней Германии, сделали это не на том месте, где умер Друз, а в каком-либо другом месте. Ведь если бы римляне вздумали свободно выбирать место для постройки этого алтаря, то они построили бы его, конечно, хотя бы вблизи одного из больших постоянных лагерей на Рейне. Таким образом, если мы из одного источника узнаем, что алтарь Друза находился недалеко от Липпской крепости, а из другого — что Друз умер в глубине внутренней Германии, то отсюда следует, что эту крепость нужно искать не на Нижней, а на Верхней Липпе.

* * *

В 5 г. римляне, по Веллею (II, 105), в первый раз разбили зимний лагерь в Германии «у истоков Юлии», как нам сообщает источник. Так как мы не знаем реки, которая бы носила название «Юлия», то уже Липсиус вполне справедливо исправил это название, заменив его названием «Лупия» (Julia — Lupia). Совсем недавно было указано на место, носящее название «Иелленбек» и лежащее на ручье, который несколько выше Реме впадает в Верру. Здесь имеется налицо созвучие в названиях, но это название встречается довольно часто, и, кроме того, эта комбинация невозможна по объективным причинам. Нельзя допустить того, чтобы Тиберий расположил свой зимний лагерь по ту сторону гор, на что не решился даже Вар, несмотря на всю свою доверчивость. Но если предположить, что Тиберий все же это сделал, то нельзя допустить, что он свой лагерь разбил не на Везере. Поэтому следует сохранить коньектуру Липсиуса «у истоков Лупии». Если бы была судоходной только Нижняя Липпа, то из этого сообщения мы ничего больше не могли бы извлечь и должны были бы предположить, что Тиберий не побоялся доставлять продовольствие сухим путем вплоть до истоков Липпы. Так как мы во всяком случае можем предположить, что Липпа была судоходной довольно далеко вверх по своему течению, то не можем согласиться с тем, что Тиберий возложил на администрацию своего обоза трудную обязанность доставлять продовольствие сухим путем от места выгрузки до лагеря только для того, чтобы разбить этот лагерь на один или два перехода дальше вглубь страны. Единственным рациональным исходом было бы расположить лагерь именно у этого естественного пункта выгрузки.

Если бы толкование нашего текста было более достоверным, мы имели бы здесь решающее доказательство нашего утверждения, что неподалеку от истоков Липпы находился важный для римлян стратегический пункт. Падерборн находится на расстоянии не более двух миль от истоков Липпы.

Лагерь, расположенный в таком месте, можно было свободно назвать лагерем «у истоков Липпы», а если так далеко в верховьях Липпы можно было найти благоприятное место для разбивки постоянного лагеря, то это место должно было быть наиболее удобным для устройства здесь складочного пункта, как можно дальше выдвинутого вглубь страны. То, что Тиберий осмелился разбить зимний лагерь там, где до этого была лишь стоянка, было существенным достижением в деле укрепления римского господства в Германии; это вполне справедливо подчеркивается Веллеем.

* * *

Когда Германик в 16 г. освободил осажденную германцами Липпскую крепость, то он восстановил разрушенный алтарь Друза. Могильный холм, воздвигнутый в предшествовавшем году над павшими воинами Вара и также впоследствии разрушенный германцами, не был восстановлен, так как, продолжает Тацит, «могильный холм считали нецелесообразным восстанавливать». Если бы этот курган находился в совершенно другой местности, то это замечание было бы непонятным. Мы теперь достаточно хорошо знаем, что германцы не могли импровизировать походы на любое расстояние вглубь Германии. Фраза «могильный холм считали нецелесообразным восстанавливать» имеет смысл лишь в том случае, если предположить, что об этом, действительно, мог быть поставлен вопрос. Следовательно, холм находился недалеко от крепости. До тех пор, пока место Тевтобургского сражения будут искать хотя бы приблизительно в той местности, которую мы фиксировали, следует считать, что крепость находилась не на Нижней или на Средней, но именно на Верхней Липпе.

* * *

Во всех вышеприведенных местах из наших источников античные авторы не дают названия Ализо. Мы слышим лишь о крепости, находившейся при соединении Липпы и Элизона и о крепости на Липпе, которая в 16 г. была осаждена германцами и освобождена от осады Германиком. Мы уже установили, что эта крепость должна была находиться на Верхней Липпе. Название Ализо сохранилось в трех других местах, и теперь встает вопрос, имеется ли здесь в виду именно эта крепость или какая-либо иная.

Географ Птолемей (II, 11) помещает Алейсон на $^1/_2$ градуса восточнее и на $^1/_4$ градуса южнее Ветера. Это не соответствует местонахождению нашей крепости, но в то же время ничего и не доказывает, так как указание на то, что она находилась так далеко к югу от Ветера, во всяком случае неправильно; да и помимо того, указания этого географа относительно Германии признаны очень ненадежными. Эти его указания, так же как и его указания о «памятниках победы Друза», лучше совсем оставить в стороне.

Затем следует та глава из «Анналов» Тацита (II, 7), в которой сперва рассказывается об осаде и об освобождении от осады крепости на Липпе, о возобновленном алтаре Друза и невозобновленном могильном холме и, наконец, говорится, что «все пространство между крепостью Ализо и Рейном было снабжено новыми путями и дорогами».

Теперь возникает вопрос: является ли той же самой крепость, находившаяся на Липпе и упомянутая в начале этой главы, и та крепость, которая во всяком случае находилась на Верхней Липпе и названа в конце главы Ализо? Без сомнения, Тацит, следуя обычному способу изложения мыслей, должен был бы в данном случае при первом упоминании об этой крепости дать ее название. Но мы знаем равнодушное отношение Тацита к географии. Как раз в его изложении ни в какой мере не исключена возможность того, что обе эти крепости тождественны, хотя весьма вероятно, что он не дал себе труда разъяснить это обстоятельство даже

самому себе. В то время как он комбинировал лежавшие перед ним источники и давал им литературную обработку, в первом случае от него могло более или менее случайно ускользнуть название крепости, а во втором — это название могло ему показаться удобным для построения данной фразы. Это предположение станет весьма вероятным, если мы себе уясним, что этот рассказ ни в коем случае не может иметь отношения к крепости, находившейся на Нижней Липпе. Ведь фраза «cuncta inter castellum Alisonem et Rhenum novis limitibus aggeribusque permunita» означает: «между Ализо и Рейном была построена сквозная прочная дорога». Это была довольно крупная работа. Дорога вдоль Липпы должна была тянуться на целых двадцать миль. А постройка прочной укрепленной насыпями дороги на столь большом протяжении является такой значительной работой, которую римский писатель был в праве в своем рассказе подчеркнуть.

Третье место находится у Веллея (II, 120), который прибавляет к рассказу о поражении Вара следующую фразу: «Следует воздать хвалу доблести Люция Цедиция, префекта лагеря, и тех, которые вместе с ним были осаждены в Ализо, окруженные бесчисленными войсками германцев», так как они спаслись из этого тяжелого положения и от большой опасности благодаря своей предусмотрительности и своей решимости. Это место следует сопоставить с одним местом из Диона-Зонараса («К Диону», 56, 22), согласно которому лишь одна римская крепость продержалась, и с другим местом из Фронтина (III, 15, 4), в котором говорится, что «были осаждены оставшиеся после поражения Вара». Четвертое место из Фронтина (IV, 7, 8) также говорит о том, что после поражения Вара была осада, причем командиром назван Цедиций. Так как, согласно Диону, продержалась лишь одна крепость, то все эти четыре рассказа относятся к тому же самому событию. Здесь идет речь не только об осаде, последовавшей за поражением Вара, но и о том, что осажденные были «оставшиеся после поражения Вара» (согласно третьему месту), причем осажденное место называлось Ализо (по первому месту). Это является основанным на свидетельствах источников и прямым доказательством того, что крепость, находившаяся на Верхней Липпе, носила название Ализо. Ведь вполне естественно, что избежавшие бойни в Дэрском ущельи спаслись в ближайшую крепость, где они могли найти убежище и защиту, а такой крепостью была крепость на Верхней Липпе. Если бы они опасались того, что их запрут здесь, и тотчас же поспешили бы дальше, то они вообще не искали бы убежища в какой-либо крепости, находившейся на территории Германии, но бежали бы дальше, вплоть до самого Рейна. Но при всех обстоятельствах мы должны предположить, что на Верхней Липпе во времена Вара находилась римская крепость, даже если бы мы не имели никаких сведений об этом или если бы все сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, относились к другой крепости. Учитывая хозяйственное состояние древней Германии, необходимо признать, что римляне ни в каком случае не могли бы совершать свои непрерывные походы к Везеру и обратно, не опираясь на большой складочный пункт, который должен был находиться в том месте, где Липпа перестает быть судоходной даже для самых маленьких судов. Этот складочный пункт, само собой разумеется, должен был быть укрепленным, следовательно, был крепостью и потому был для беглецов, спасшихся после Тевтобургского сражения, самой близкой крепостью, в которой они могли найти спасение, а эта крепость, согласно Веллею (II, 120), называлась Ализо.

* * *

Германцы не были в состоянии взять крепость силой. Поэтому они старались взять ее измором и принудить к сдаче голодом; осада затянулась на очень долгое время, так как крепость была обильно снабжена пищевыми припасами. О продолжительности осады можно судить по тому, что осажденные, наконец, услышали

о том, что к ним приближается Тиберий с большим войском. Но Тиберий во время Тевтобургского сражения находился в Паннонии, а после этого сначала вернулся в Рим и лишь затем направился к Рейну. В течение этого долгого времени германцы, осаждавшие крепость, ослабили бдительность своей охраны, так что осажденным удалось прокрасться через их ряды и беспрепятственно пройти весь длинный 20-мильный путь до Рейна. Может, пожалуй, показаться удивительным то обстоятельство, что германцы на таком длинном пути не настигли беглецов. Но возможность того, что так именно было на самом деле, доказывается прекрасными аналогиями, известными из военной истории. Так, например, крепости немецких рыцарей в Пруссии во время большого восстания подверглись длительным осадам и долго не могли быть от них освобождены; в частности одна из этих крепостей — Бартенштейн — была осаждена в течение четырех лет. Наконец, гарнизоны этих крепостей поступили точно так же, как некогда римляне, осажденные в Ализо: они прокрались через ряды осаждавших. Бартенштейнцы спаслись, а гарнизон Крейцбурга был обнаружен и погиб. Путь, который бартенштейнцы проделали до Эльбинга, равнялся 15 милям.

* * *

Раскопки, к которым теперь очень энергично приступили, должны оказать существенную помощь при изучении походов римлян в Германии. Благодаря археологической работе уже обнаружены чрезвычайно ценные вещественные памятники и добыты важные сведения. Но нужно признать, что до сего времени все это больше вносило путаницу в дело непосредственного изучения этих войн, чем приносило пользу этой работе. Первоначально вообще не умели отличать римские поселения от доисторических стоянок или каролингских селений, или даже просто от «игры природы» (bloszen Naturspielen). Кап. Хельцерманн и ген. фон-Фейт верили в то, что им удалось на Нижнем Рейне и вверх по Липпе установить наличие римских укреплений, которые впоследствии оказались простыми песчаными дюнами. Теперь самыми компетентными исследователями обнаружены подлинные римские поселения самых крупных размеров, но когда их пробовали включать в историческую цепь событий, то при этом было допущено много ошибок. Римляне в течение 20 лет своего господства над территорией между Рейном и Эльбой должны были соорудить сотни походных лагерей, дюжины постоянных лагерей и крепостей, причем от всех них м о г л и, а от многих из них даже д о л ж н ы б ы л и остаться следы. Обнаружены в настоящее время лишь некоторые, очень немногие постоянные лагери и крепости. После каждого открытия счастливцы, сделавшие это открытие, восклицали: «Это — Ализо!» И так говорили не только сделавшие открытие археологи и вместе с ними общественное мнение в лице любителей и друзей старины. С большими или меньшими оговорками к ним присоединялись также и наиболее компетентные ученые исследователи-специалисты, увлеченные энтузиазмом и радостью археологов, сделавших данное открытие. Это обстоятельство не только помешало пониманию стратегической связи событий римских военных походов и задержало это понимание, но даже теперь еще делает необходимой детальную проверку всех претензий на отождествление всех мест находок с Ализо, проверить их по источникам и, так сказать, негативно еще раз повторить весь приведенный нами выше ход наших доказательств.

Я считаю возможным оставить в стороне предположение Дюнцельмана, что ему удалось найти Ализо на Хунте, так же как и отнесение Ализо на Везель. Мы должны здесь подвергнуть исследованию две большие, богатые результатами раскопки близ Хальтерна и Оберадена[1].

---

[1] Шуххардт защищает ту точку зрения, что Ализо находилось близ Хальтерна, в Heft II, der «Westf. Altert.-Komm.», 1901, а затем в своей статье «Zur

Давно уже было известно, что близ городка Хальтерна на Липпе, приблизительно в 6 милях от места впадения Липпы в Рейн, на горе св. Анны, на северном берегу реки, находилась римская крепость. А совсем недавно весь план крепости был совершенно твердо установлен. На расстоянии 1,5 км от этой крепости вверх по течению Липпы, в некотором отдалении от этой реки, на возвышенности, на поверхности которой не было видно никаких следов, был обнаружен благодаря раскопкам, произведенным в 1900, 1901 и следующих годах, большой римский лагерь. Наконец, непосредственно на берегу старого русла Липпы были открыты сооружения, имеющие отношение к гавани, складочные постройки, а также и укрепления.

Вообще значение и цель этих построек почти не требуют объяснений, хотя многие детали здесь еще весьма сомнительны. Как мы уже видели, Липпа была судоходной для больших судов вплоть до Ализо меньше семи месяцев в году. Если в древности даже очень маленькие суда были выгоднее сухопутного транспорта, — и мы поэтому можем допустить, что водным путем до Ализо пользовались в течение, может быть, восьми месяцев или даже несколько дольше, — то все же в конце концов наступало время, когда пользоваться рекой уже было нельзя. Но до Хальтерна, — мы это вполне можем допустить, — Липпа была судоходной в течение всего года. Поэтому римляне здесь уже давно соорудили складочный пункт, окружили валом пристань для судов и построили для ее дальнейшей защиты крепость на горе св. Анны.

Поблизости от гавани римские легионы часто разбивали походный и постоянный лагери, а постоянный лагерь, в свою очередь, требовал сооружения крупной пристани на Липпе, которая, как нам кажется, была надежно соединена с лагерем при помощи поперечных валов. Здесь установили наличие не менее трех лагерей, которые были сооружены один за другим. А бесчисленные вещественные памятники, извлеченные из земли: оружие, монеты, черепки, украшения и разные орудия, — доказывают, что войска находились в этих лагерях в течение долгого времени. Возможно, что здесь стоял Домиций Агенобарб, когда он сооружал «длинные мосты». Здесь могли один или несколько раз перезимовать римские легионы в промежуток между 5 и 8 гг. Вопрос о том, возобновил ли Германик эти укрепления, когда он снова возобновил войну, должен остаться нерешенным. Может быть, он использовал их в качестве походного лагеря.

Приблизительно в четырех милях отсюда, дальше вверх по течению реки, на расстоянии 1,5 км от Липпы, на южном берегу близ Оберадена, находится такой же постоянный лагерь римских легионов, своими размерами превосходящий самый большой лагерь близ Хальтерна.

При отождествлении этих построек с Ализо приходится принимать в расчет лишь крепость на горе св. Анны близ Хальтерна. Лагери слишком велики для того, чтобы быть крепостью. Слово «castellum» (крепость) является уменьшительным от слова «castrum» (лагерь). Но не только вследствие смысла этих слов, но также и вследствие ненарушимых законов стратегии размеры крепости не могут превышать определенную величину. Стратегия требует, чтобы при тех военных условиях, которые были тогда налицо в Германии, прежде всего полевая армия была бы как можно более сильной. Войска следовало держать вместе, отделяя от них лишь по возможности небольшое количество гарнизонов. Размеры этих гарнизонов должны были строго соответствовать их назначению, ни в коем случае не превышая необходимой потребности. Этому обстоятельству должны были соот-

---

Alisofrage» («Westdeutsche Zeitschrift», Bd. 24. 1905. Ср. «Aliso. Führer durch die römischen Ausgrabungen bei Haltern», 3 Aufl., 1907).

Пастор О. Прейн выставил ту точку зрения, что Ализо было расположено близ Оберадена (Pfarrer O. Prein, «Aliso bei Oberaden», 1906).

ветствовать и размеры крепости. Если укрепление будет слишком велико для данного гарнизона, то это место будет подвергнуто большой опасности, так как здесь тогда нельзя будет организовать правильную защиту. Поэтому-то Ализо, которое мы ищем, должно было иметь сравнительно небольшие размеры, достаточные для того, чтобы, помимо гарнизона, вместить несколько больших складов и, может быть, еще лазарет и несколько мастерских. Но лагерь при Обераденe занимает пространство, превышающее 35 га. Большой лагерь при Хальтерне занимает приблизительно 35, средний — около 20, а самый маленький — 18 га.

Сравним теперь с ними некоторые другие известные нам римские сооружения

	Величина в *га*	Было занято
Лагерь Цезаря на Эн	41	8 легионами
Лагерь Цезаря перед Герговией . .	35	6 „
Лагерь Цезаря у Мон С. Пьер . . .	24	4 „
Лагерь у Бонна	25	1 с вспом. войсками
Лагерь у Нейса	24	1 „ „ „
Ламбезис в Африке	21	1 „ „ „
Лагерь перед Карнунтом	14	1 „ „ „
Кессельштадт	14	—
Гора св. Анны (С. Аннаберг)	$7^1/_4$	—
Нидер-Бибер	5	1 когорта и 2 отр.
Пферинг	4	500 человек
Фридберг	$3^3/_4$	1 000 „
Заальбург	$3^1/_4$	—
Вейсенбург	3	500 человек

Большая часть пограничных крепостей, за исключением самых маленьких, обладала площадью, величина которой колебалась от $1^1/_2$ до $3^1/_2$ га. Обыкновенно их гарнизон состоял из одной когорты или из одной алы в 500 человек. Этот гарнизон в военное время усиливался до 1 000 человек в тех крепостях, которые были больше и которые подвергались большей опасности [1].

Если мы сравним эти цифры, то они обнаружат значительные различия. В лагерях Цезаря на один легион приходится приблизительно 6 га, следовательно, по одному гектару на 1 000 человек. А в крепостях эта цифра увеличивается в три-четыре и даже восемь раз. И это вполне естественно. В лагере во время полевой войны приходится по возможности тесниться друг к другу. А в постоянной крепости уже есть возможность несколько более широкого размещения, но всегда лишь до такой степени, чтобы хватало гарнизонных войск для защиты крепости, причем, конечно, необходимо было учитывать не только величину крепости, но и многие другие обстоятельства [2].

---

[1] Hettner, «Bericht über die Erforschung des Obergermanischen-rätischen Limes», 1895, S. 25. «Bonner Jahrbuch», 11, S. 18.

Драгендорф (Dragendorf «Archäolog. Forsch. i. Deutschland», «Deutsche Monatschrift», Märzheft, 1906) указывает на то, что много раз были засвидетельствованы крепости размерами в 23 000 — 20 000 м² (следовательно, 2 гектара) на одну когорту.

[2] Те лагери, которые А. Шультен нашел близ Нуманции, по отношению к количеству войск гораздо крупнее лагерей Цезаря. Это может быть объяснено тем, что те лагери Цезаря, которые нам известны, всегда рассчитывались лишь на короткое время, в то время как при Нуманции располагали лагерь с расчетом вести более продолжительные действия.

Итак, если мы возьмем в качестве примеров Бонн, Нейс и Ламбезис, то увидим, что для защиты постоянного лагеря размерами в 20 — 25 га требовалось приблизительно около одного легиона. Что же касается Ализо, то, принимая во внимание условия, в которых находилась эта крепость, где земляная постройка была в самом угрожаемом положении, мы должны признать, что такого гарнизона было слишком мало. Даже самый маленький лагерь размером в 18 га должен был здесь иметь постоянный гарнизон не менее $1^1/_2$ легионов.

Когда мы говорим о самым маленьком из лагерей, то, пожалуй, допускаем слишком много, так как совершенно ясно, — как, впрочем, признал и сам Шуххардт, — что здесь повторяется одно и то же расположение с очень небольшими изменениями. Именно это повторение является для Шуххардта аргументом в пользу того, чтобы назвать это место Ализо, так как нам известно, что именно в Ализо дело обстояло таким образом. Если мы к тому же примем, что пристань со своими постройками и крепость на горе св. Анны должны были быть заняты войсками, то необходимо было все войско Вара, состоявшее из трех легионов, для защиты этих сооружений, так что тем самым уже не оставалось свободных войск для образования полевой армии.

Упустив из виду уяснить себе значение этого вывода, вытекающего из его гипотезы, Шуххардт сам оказался виновным в том, что наряду с Хальтерном появился другой конкурент в лице лагеря в Оберадене, окружность которого равняется почти $2^1/_2$ км.

Судя по приведенным нами выше размерам лагерей Цезаря, даже в самом небольшом из лагерей нашлось бы достаточно места для размещения трех легионов. Но так как мы должны признать, что этот лагерь был постоянным и, по всей вероятности, зимним лагерем, где обычно предоставляют войскам больше места и бо́льшие удобства, то, очевидно, в этом меньшем лагере были расположены лишь два легиона, а может быть, всего лишь только один легион. Но большой лагерь при Хальтерне и лагерь при Оберадене могли укрыть три легиона, и эти лагери пылкий исследователь смог объявить крепостью с постоянным гарнизоном. Нужно ли еще добавлять, что, не говоря даже о том, какие громадные гарнизоны должны были поглощать эти лагери, занимаемое ими огромное пространство было совершенно бесцельным? Для чего они могли служить? Если подходила полевая армия, то она сама себе воздвигала лагерь. А при сооружении крепости важнейшим законом было сжать как можно теснее кольцо укреплений, чтобы легче было их защищать. Между крепостью и лагерем существует не количественное, но принципиальное различие: в крепости размеры гарнизона зависят от протяжения укрепленной линии, а в лагере протяжение укрепленной линии зависит от размеров войска.

То, что было открыто в Хальтерне и Оберадене, это не крепости, а лагери, зимние лагери.

Когда римляне покидали такой зимний лагерь, то не представлялось необходимым ни оставлять в нем гарнизон, ни его разрушать. Ведь германцы не могли им воспользоваться. Если бы германцы захотели укрепиться в таком лагере, то при высоком искусстве римлян вести осаду они скорее попали бы в их руки, нежели Верцингеторикс в Ализо. А если бы римляне сами захотели снова занять своими войсками то же самое место и германцы со своей стороны разрушили бы его, то все же можно было бы довольно быстро восстановить земляные укрепления.

Теперь остается разрешить вопрос о том, носила ли название Ализо та большая крепость на горе св. Анны, которая занимает пространство в $7^1/_2$ га. Собственно говоря, нет никакой необходимости снова подвергать исследованию этот вопрос, так как это утверждение уже больше никем не выдвигается. Защитники Хальтерна, обосновывая свое мнение, всегда исходят из больших лагерей, рисуя яркими красками живую картину римской военной жизни так, как она представляется во всей своей

полноте и во всей своей сочности взору исследователя, возбуждая и вместе с тем покоряя его воображение. Но при наличии таких контраверз необходимо,— и мы не должны бояться делать это,— проверить все те свидетельства источников, в которых говорится о крепости на Липпе и о которых мы уже высказывались выше, с тем чтобы установить, могут ли относиться эти свидетельства к данному месту.

Когда Друз выступил против сугамбров, пишет Дион Кассий, то он их не обнаружил в их стране, так как они в это время шли походом на хаттов. После этого Друз дошел вплоть до самого Везера.

Шуххардт истолковывает это таким образом: «Двинувшись в поход против хаттов, они тем самым избегли первого натиска еще свежих римских войск». Следовательно, когда какой-либо народ в своей собственной стране подвергается нападению неприятеля, располагающего превосходными силами, то «избежать» его можно, быстро начав какую-либо другую войну, причем первый нападающий окажется настолько любезным, что отнесется с полным уважением к этой стратагеме и со своей стороны, вместо того чтобы хорошенько ударить на врага, двинется в какую-либо иную сторону. К тому же вся страна сугамбров тянется в длину не более, чем на десять миль.

Ведь могло быть одно из двух: либо Друз хотел покорить лишь пограничные германские племена, и тогда остается непонятным, почему он не использовал той возможности, которая ему представлялась в стране сугамбров, либо же он планировал большую войну против всех германцев, взятых во всей их совокупности, и тогда, конечно, он не удовольствовался бы основанием крепости в шести милях от границы, что не могло быть результатом такого крупного похода. И как подчас ни бывают хвастливы римские писатели, все же тот источник, которым пользовался Дион, не мог бы основание такой крепости изобразить в качестве великого подвига, совершенного «на страх» вражеским племенам.

Не менее неправильно и представление о том, что римляне хотели себе здесь построить укрепленную и безопасную переправу через Липпу. Для чего им была нужна такая переправа? Разве германцы могли им помешать в любом месте перейти такую маленькую речку, как Липпа? И разве римляне не могли с самого начала продвигаться либо по правому, либо по левому берегу этой реки так, как они это считали для себя в данном случае удобным? Ведь совершенно дилетантским является представление о том, что армия, значительно превосходящая противника своей численностью в открытом поле, должна, для того чтобы перейти через такую речку, как Липпа, прикрыть переправу посредством крепости.

Друз, который в течение одного года строит большой канал для того, чтобы иметь возможность напасть на германские племена со стороны моря, и который, оказавшись победителем, в следующем году не находит ничего лучшего, как построить крепость в шести милях от римской границы, конечно, окажется в наших глазах с военной точки зрения настоящим кретином.

Подполк. Дам сделал своеобразную попытку объяснить значение крепости в Хальтерне («Археологический указатель», 1900, стр. 101 — Archäol. Anz.») Он по-старому в прежнем смысле истолковывает слова Тацита («Анналы», II, 7): «novis limitibus aggeribusque permunita», считая, что limites означает «укрепление», и думает, что Друз и Германик хотели обеспечить себе плацдарм для развертывания своих военных сил на правом берегу Рейна напротив постоянных лагерей в Ветера и в Майнце. Крепости Ализо, Хальтерн и Хорхейм (на горе Таунусе) были не изолированными, а являлись лишь «опорными пунктами, которые были окружены укреплениями (limites), сторожевыми постами и прочими фортификационными сооружениями». Если Хальтерн находится от большого постоянного лагеря на расстоянии двух переходов, а Хорхейм — всего лишь на расстоянии одного перехода, то это объясняется тем,

что на Липпе местность сильно пересечена и поэтому особенно благоприятна для врага. К тому же все главные военные операции начинались именно отсюда, следовательно, здесь нужно было иметь бо̀льшую территорию для размещения войска, чем около Майнца.

Я должен категорически высказаться против такого истолкования. Предназначенный для выступления войска плацдарм, глубиной в один или два дневных перехода и расположенный перед большим укрепленным плацдармом, является таким понятием, которого не существует в военной истории. Германцы, согласно общепризнанному стратегическому закону, никогда не могли помешать переправиться через Рейн римлянам, владевшим всем левым берегом этой реки и имевшим возможность в любом месте собрать средства, необходимые для переправы, и организовать таковую. Если римляне хотели обставить удобствами переправу, то лучшим средством для этого были бы крепкие мосты с предмостными укреплениями, но ни в коем случае не кордонная линия, снабженная укреплениями на расстоянии одного или двух дневных переходов от Рейна. Для того чтобы защитить такую позицию, нужно было бы располагать армией, в десять раз большей, чем та, которую римляне вообще имели на Рейне. Объективно совершенно невозможное и даже бессмысленное представление о такой укрепленной исходной позиции объясняется, очевидно, дошедшим до нас традиционным и неправильным пониманием слова «limes» как определенного пограничного укрепления, предназначавшегося для обороны, в связи с кажущейся необходимостью найти стратегическое обоснование для крепости Хальтерн.

Мы уже выше отметили, что указание Валерия Максима (V, 5, 3), поставленное в связь со свидетельством Тацита («Анналы», II, 7) относительно той местности, где умер Друз и где ему был воздвигнут алтарь, не может относиться к месту, столь близко расположенному от Рейна, как Хальтерн.

Так же мало подходит к Хальтерну и указание Тацита («Анналы», II, 7) на то, что германцы осадили крепость на Липпе и что Германик подошел к ней с шестью легионами, чтобы снять с нее осаду. Во всей мировой военной истории не было такого случая, — и кажется невозможным, чтобы какое-нибудь место было осаждено в то время, когда в шести милях от него находилось бы неприятельское войско, значительно превосходящее своей численностью осаждающих. Даже при наличии одинаково сильного войска это стало бы возможным лишь в том случае, если бы осаждающие располагали искусством и возможностью в кратчайшее время соорудить вокруг своего войска мощные укрепления. Но германцы не были в состоянии сделать это. Римлянам достаточно было одного быстрого перехода, чтобы внезапно подвести свое войско к германцам, причем германцы, которые уже никак не могли похвастаться тщательной наблюдательностью и бдительностью, что было их слабым местом, каждую ночь могли подвергнуться внезапному нападению, в результате которого войско осаждавших могло бы быть совершенно уничтожено.

Последний из германских воинов, который был бы призван для выполнения этого предприятия, признал бы его бесполезным и опасным и потерял бы веру в предводительские способности того герцога, который столь бессмысленно подвергал бы подчиненных опасности и расточал бы свои силы.

Так же мало согласуется с этим предположением относительно Хальтерна дальнейшее указание Тацита, как мы это уже видели выше, на то, что римляне построили между Ализо и Рейном прочную дорогу. Совсем не похоже на римлян подчеркивание факта постройки дороги длиною всего лишь в шесть миль. К тому же здесь дорога уже была построена Тиберием (см. выше, стр. 111 — 112).

Римляне, бежавшие с поля Тевтобургского сражения, спаслись в Ализо. Отсюда вытекает, что крепость находилась не слишком далеко от места сражения. Шуххардт считает как раз наоборот: «Только приняв, что это расстояние было довольно зна-

чительным, можно объяснить, почему катастрофа стала такой ужасной и почему столь немногие спаслись». Поэтому рассказ якобы соответствует Хальтерну. Против этого можно возразить, что Арминий, заняв позиции в горном проходе, этим самым отрезал римлянам путь к отступлению. Поэтому совершенно безразлично, находилось ли близко или далеко от поля сражения то место, где римляне могли найти себе спасение. Да и, кроме того, ясно, что германцы, с целью отпраздновать свою победу, остались при своей добыче, а вовсе не преследовали римлян на протяжении целых пяти или шести дневных переходов и затем столько же дней шли обратно. Но если германцы не преследовали римлян, а дали беглецам спокойно бежать, то, конечно, эти беглецы не остались бы в Хальтерне, а тотчас же поспешили бы дальше к Рейну. Однако, мы знаем, что они заперлись в Ализо. Можно, пожалуй, искать Ализо близ Хальтерна в том случае, если мы предположим, что Тевтобургское сражение произошло в каком-либо другом месте. Но если мы вместе с Шуххардтом признаем, что это сражение произошло у Дэрского ущелья или где-либо поблизости от Гротенбурга (Тевтобурга), то мы должны будем признать, что Ализо не могло находиться около Хальтерна на расстоянии 20 миль от Тевтобурга и лишь одного хорошего дневного перехода от Рейна.

То же самое подтверждается ходом и продолжительностью осады. Здесь, так близко от Рейна, прославленный своей энергией римский легат Аспренас, подойдя сюда с двумя легионами, наверное, сделал бы попытку освободить осажденных.

Шуххардт придает особенное значение рассказу Тацита о том, что Германик в 16 г. посадил свое войско на корабли, вошел со своим флотом в Эмс, а затем направился к Везеру, хотя он уже с шестью легионами стоял у Ализо. Это становится понятным лишь в том случае, если предположить, что Ализо находилось на Нижней Липпе, следовательно, около Хальтерна. Мое исправление, заключающееся в том, что Германик вошел не в Эмс, а в Везер, кажется Шуххардту лишь искусственным ухищрением, имеющим своей целью спасти мое предположение, что Ализо находилось близ Падерборна. Отсюда можно заключить, что Шуххардт считал бы логичным рассказ Тацита об этом походе лишь в случае признания, что Ализо находилось близ Хальтерна. Но это исправление такое же, как если бы кто-нибудь, возражая против того, что трижды три — одиннадцать, настаивал, что правильнее было бы сказать трижды три — десять. Тот факт, что римляне, которым предстояло вести войну на Везере, ввели свой флот в Эмс, становится несколько менее бессмысленным в том случае, если мы предположим, что войско перед тем стояло у Хальтерна, а не близ Падерборна. Но даже и при таком допущении этот факт все же остается довольно бессмысленным. Это понимал и Кепп[1], а так как ему мое исправление (смешение Эмса с Везером и разделение войска) казалось слишком насильственным, то он вообще отказался от того, чтобы понять этот поход. Если же, тем не менее, Кепп в этом рассказе видит важнейшее свидетельство в пользу того, что Ализо находилось близ Хальтерна, то это с его стороны очень нелогично. Ведь если поход вообще описан так, что в нем нельзя найти логического смысла, то тем самым нельзя использовать в качестве доказательства какое-либо одно звено из этой цепи, а тем более — то, в котором как раз и скрывается ошибка.

Единственной причиной того, что Ализо искали близ Хальтерна или близ Оберадена, является то обстоятельство, что в этих местах были случайно открыты остатки римских сооружений. С психологической точки зрения вполне понятно, что этот случай явился причиной ошибки, а отсутствие вещественных остатков в местности близ Падерборна мешает широким кругам стать в данном вопросе на правильную точку зрения. На самом же деле отсутствие находок здесь имеет так же мало зна-

---

[1] «Korrespondenz-Bl. d. Gesamt-Ver. d. d. Gesch. Vereine», 1906, Sp. 405; см. Koepp, «Die Römer in Deutschland», S. 37.

чения для решения этого вопроса, как и изобилие находок там. Вопрос о местонахождении Ализо решается не археологическими находками, — разве только будет найдена надпись, — а стратегическим истолкованием источников. Что касается раскопок близ Хальтерна и Оберадена, то они ни в какой мере не потеряют своего значения даже в том случае, если эти места перестанут называть Ализо. Если бы даже при Падерборне нашлись остатки римского укрепления, то это все же ничего не прибавило бы к цепи доказательств в пользу того, что здесь находилось Ализо. Почти все современные исследователи (Моммсен, Кноке, Дам, Бартельс, Шуххардт Кепп) единогласно признают, что лагерь Вара находился поблизости от Вестфальских ворот, однакоже и здесь до сего времени не было найдено никаких следов римского лагеря. И как отсутствие археологических находок в этом месте не вводит в заблуждение исследователей, так и аналогичное отсутствие археологических находок близ Падерборна не должно вводить в заблуждение соответствующих исследователей. Ведь до настоящего времени не найден и лагерь Тиберия, который был расположен у истоков Липпы. Не только возможно, но и вполне вероятно, что то или иное сооружение будет рано или поздно найдено. Всего лишь двадцать лет тому назад был найден лагерь легионов близ Нейса — каменное сооружение, а не простая земляная постройка, как лагери и крепости в Германии. К тому же войска пользовались этим лагерем не только в течение ряда лет, но ряда поколений, и даже больше того — в течение столетий. Большие лагери близ Хальтерна были открыты благодаря случайности всего лишь девять лет тому назад. На поверхности земли нельзя было заметить даже малейших следов этих лагерей. Пастор Прейн четыре года тому назад нашел лагерь близ Оберадена, а другой лагерь незадолго до этого был найден старшим учителем Хартманном в 20 км к юго-востоку от Липпштадта близ Кneблингхаузена около Рютена. Но какие бы археологические открытия ни были сделаны в будущем, все же при определении их исторического значения решающие выводы даст не реконструкция отдельного лагеря или отдельной крепости, а восстановление всей стратегической цепи событий, всей стратегической картины похода. А кто отваживается вступить в эту область изучения военной истории, тот не должен делать такие ошибки, как, например, утверждение, что нельзя строить крепости в тылу противника, или смешивать крепости с лагерными укреплениями, или не учитывать соотношения между численностью гарнизонов и численностью полевой армии, или же говорить об осаде крепости, когда непобежденная полевая армия находится от нее на расстоянии двух небольших дневных переходов. А такого рода дилетантские представления находим мы у защитников гипотезы Хальтерн-Ализо.

К третьему изданию. Раскопки лагеря близ Оберадена показали, что этот лагерь древнее, чем лагерь при Хальтерне. Очевидно, здесь находился лагерь Тиберия в ту эпоху, когда он здесь укреплялся для того, чтобы поднять часть сугамбров и переселить их на другой берег Рейна. Все эти лагери не имеют никакого значения при восстановлении связи между теми походами, которые мы в данный момент изучаем. Археологи, пытавшиеся восстановить такого рода соотношения и причинные связи, потерпели неудачу в этом деле, так как они не уяснили себе разницы между лагерем и крепостью. Я подробно разобрал этот вопрос совместно с Г. Кропачек в «Прусских ежегодниках» (т. 143, стр. 135, 1911). Конечно, решающим моментом в данном случае является то обстоятельство, имеем ли мы здесь дело с лагерем или с крепостью. Эта разница подобна разнице между пистолетом и пушкой: являясь сперва количественной, она становится затем на практике принципиальной. Цель крепости заключена в ней самой, причем эту цель следует найти и установить. Гарнизон крепости в первую очередь предназначается для занятия и обороны крепости. Вне крепости функции гарнизона носят скорее полицейский, чем военный характер. Укрепленный же лагерь сооружается не сам для себя, а ради войска, ко-

торое находит в нем защиту. Тот, кто смешает эти две функции, не сможет, вполне естественно, сделать правильные стратегические выводы.

Людвиг Шмидт («Römisch.-German. Korresp.-Bl.», 1911, S. 94) еще раз привел все аргументы в пользу того, что Ализо необходимо искать на Верхней Липпе.

Глава VII

Римляне и германцы в состоянии равновесия

Результатом Тевтобургского сражения и походов Германика явилось некоторое состояние равновесия между римлянами и германцами. Римляне не имели возможности покорить эти храбрые свободолюбивые племена, жившие в своей обширной стране, покрытой горами, лесами и многочисленными болотами и расположенной за пределами мировой Римской империи. Германцы же, в свою очередь, не могли дать римлянам сражение в открытом поле и со своей стороны перейти против них в наступление.

Экспансия Римской империи еще не закончилась. Она положительным образом развивалась еще в течение больше чем столетия, а затем в течение следующего века были намечены линии дальнейшего развития, за осуществление которого римляне вели ожесточенную борьбу. Если германцы оказались для покорения слишком храбрыми, а их страна слишком недоступной, то все же римлянам удалось покорить Британию, населенную кельтами, и основать новую провинцию Дакию в равнинах к северу от Нижнего Дуная, в областях нынешних Венгрии и Румынии. Наконец, в начале II в. римляне снова начали в широком масштабе войну против парфян и завоевали Месопотамию.

Римляне должны были прождать целых полтораста лет, для того чтобы, наконец, отомстить за поражение Красса и за неудачу Антония, — по той же самой причине, по которой они в конце концов отказались от покорения германцев. Нельзя согласиться с тем, что парфяне были достаточно сильны, чтобы противостоять широко организованному наступлению всей объединенной Римской империи. Но для того чтобы снова повторить поход Александра, нужно было иметь нового Александра. Марк Антоний хотел таковым стать, но не стал, — не столько потому, что он не обладал необходимыми для этого дела способностями, или потому, что это предприятие было само по себе невыполнимым, но потому, что его наступление, предпринятое им по особому плану, окончилось неудачей, наткнувшись на ряд препятствий, а также и потому, что он отказался повторить свою попытку. Можно было попытаться постепенно продвигаться вперед, ограничившись сперва завоеванием Месопотамии. Ведь и это пред-

приятие было настолько крупным, что один лишь император был в состоянии его выполнить. Но выполнить это предприятие мог лишь такой император, который, будучи сам по себе крупным и предприимчивым полководцем, был бы настолько уверен в своей монархической силе, а к тому же настолько привел бы государство в порядок и настолько укрепил бы государственный строй, что мог бы спокойно покинуть на годы столицу и целиком отдаться делу ведения войны на этой отдаленнейшей из границ империи. Ни императоры из дома Юлиев-Клавдиев, ни императоры из дома Флавиев не были способны на это и не находились в таком положении, которое давало бы им возможность выполнить это дело. Лишь в лице Траяна (98—117) Римская империя получила такого вождя, который соединил в себе все необходимые для этого условия. Траян командовал римскими легионами на Верхнем Рейне, причем его главная квартира находилась в Майнце в тот момент, когда он был вызван для занятия по праву усыновления престола Цезаря. Казалось бы, что если он хотел вести войну, возвышать славу и честь римского имени и оберечь государство от грядущих опасностей, то должен был бы в первую очередь завершить дело окончательного покорения Германии. Но он не отважился на это. Аппиан сообщает нам, что римляне не завоевали самой северной части Британии, так как эта страна не принесла бы никакой пользы Римской империи. То же самое соображение могло оказать свое влияние на римских полководцев и в момент, когда в римской главной квартире обсуждался вопрос о целесообразности и необходимости присоединения Германии к Римской империи. В результате этого Траян охотнее обратил свое внимание на Дакию и в конце концов двинулся против парфян. Он, действительно, присоединил к римскому государственному организму Армению и Месопотамию, но умер еще весь захваченный этой войной, а после его смерти тотчас же проявились та взаимная связь и то взаимодействие, которые существовали между внутренним строем римского государства и делом ведения войны. Преемник Траяна Адриан, не имевший твердых законных оснований для обладания верховной властью, не был в состоянии ни сам продолжать войну против парфян, ни доверить ее ведение какому-либо полководцу. Он заключил мир и отказался от завоеваний Траяна. В дальнейшем римляне еще много раз доходили до Тигра и даже переправлялись через него, но всегда лишь на короткое время устанавливали там свое господство.

Но план доведения государственной границы до Эльбы вообще никогда не возобновлялся римлянами, и, таким образом, отзыв Германика Тиберием явился решающим поворотным пунктом в мировой истории. С этого дня римляне отказались от широкого наступления против германцев и в сущности ограничились охраной и обороной своих границ. Но эта оборона границ была в своем роде совершенно новой задачей, поставленной перед военным искусством.

Когда Тиберий прекратил поход Германика, то легионы не были тотчас же полностью переведены на левый берег Рейна, но продолжали еще занимать и на правом берегу некоторые зоны и пункты[1].

---

[1] Некоторые следы указывают на то, что даже Веттерау в 16 г. не было уступлено германцам; хотя оно и не было заселено римлянами, но все же оставалось римской оккупационный областью. Но этому, по моему мнению, противоречит указание Тацита («Анналы», II, 19). Если здесь говорится про Клавдия, что он «так строго запретил новый поход против Германии, что даже приказал перевести гарнизоны

Более того, римляне даже продвинулись несколько вперед. Удобный угол между Рейном и Майном, а также серебряные рудники, которые были открыты на Лане, так манили к себе римлян, что они, наконец, заняли всю эту местность и даже населили ее, хотя тем самым перешагнули через большую защитную линию Рейна и должны были поэтому создать себе здесь для обороны искусственную границу. Затем в этом исходящем углу была еще присоединена к этой области Веттерау и наконец, угол между Рейном и Дунаем, с Оденвальдом и Шварцвальдом.

И эту границу надо было защищать.

Хотя германцы и не были в состоянии нападать на Римскую империю, всегда прикрытую готовыми к бою легионами, но все же они ни в коем случае не были совершенно миролюбивыми соседями. Римляне нуждались в постоянном войске не только для того, чтобы иметь возможность разбивать германцев в больших сражениях и отбрасывать их назад, но и для того, чтобы изо дня в день оборонять границу от разбойничьих нападений, так как варварские государства в этом отношении не могли давать международные гарантии безопасности, даже если бы они этого хотели, ввиду того что сами они не могли держать свои войска в достаточном для этого повиновении.

Чрезвычайно трудно на протяжении сотен миль охранять границу от противника, всегда готового к бою. Всюду и всегда можно ждать неприятельского вторжения. Если пограничные войска равномерно распределены вдоль всей границы, то они всюду одинаково слабы и потому легко могут быть опрокинуты сосредоточенной мощной армией противника. Если же войска размещены лишь в нескольких пунктах, то большие промежутки между ними остаются обнаженными и лишенными охраны.

На Нижнем Рейне римляне обезопасили себя тем, что заключили длительный союз с германскими племенами, жившими на другом берегу реки, — с батавами, канинефатами и фризами. Молодежь из среды этих племен в большом количестве поступала на римскую службу, получая за это от римлян жалованье. Это обстоятельство служило залогом того, что родственники этих германцев, оставшиеся у себя на родине, сохраняли хорошие отношения с римлянами. Хотя эти отношения и нарушались иногда крупными волнениями, однако, римлянам каждый раз удавалось преодолевать подобные затруднения.

Дальше, вверх по течению, приблизительно вдоль теперешней прусской Рейнской провинции, границей оставалась река. Но римляне при этом позаботились, чтобы на правом берегу реки широкая полоса земли осталась незаселенной. Поскольку германцы, прежде чем вторгнуться в римскую область, должны были сделать сперва дневной переход, для того чтобы пересечь эту пустынную область, и лишь после этого могли переправиться через Рейн, постольку, конечно, такое предприятие, при некоторой бдительности римских патрулей и сторо-

на эту сторону Рейна», то попытка объяснить эти слова тем, что они относятся к Нижней Германии, едва ли допустима, — тем более, что этому противоречит одно указание Тацита в «Германии» (гл. 29), где он говорит: «Величие римского народа распространило уважение к своей власти за Рейн, за прежние границы империи». Наконец, и Сенека говорит: «Пусть Рейн служит границей Германии». Германик сражался не только в Нижней Германии, но воевал с хаттами именно здесь, в Веттерау. Ср. Herzog, «Bonn. Jahrb.» 1901, H. 105, S. 67. Я не берусь решить вопрос, каким образом можно объяснить это противоречие.

жевых постов, становилось трудно выполнимым. Вполне естественно, что особенно внимательно следовало охранять берег Рейна, расположенный против устья рек, впадавших в Рейн с восточной стороны, так как, проплыв по этим рекам, германцы могли внезапно появиться на Рейне.

Между Кобленцом и Бонном, немного ниже Нейвида, граница переходила на правый берег и отсюда начинался пограничный вал, который в трех милях выше Франкфурта пересекал Майн и тянулся вплоть до Дуная, у Кельлейма, близ устья Альтмюля, расположенного выше Регенсбурга, срезывая, закрывая и защищая, таким образом, угол, находящийся между Рейном и Дунаем.

Отдельные части этого пограничного вала построены в различное время и различным образом. На Неккаре еще и теперь можно различить довольно большую часть более древней пограничной линии, перед которой была несколько позднее построена другая линия, более выдвинутая вперед. Там, где границу образовывало быстрое течение реки либо излучина Майна или Неккара, являясь естественной защитой, — там прекращался пограничный вал.

Благодаря исследовательской работе последних лет мы можем теперь не только проследить линию, но и историю этого до сих пор еще частично сохранившегося пограничного дозорного вала — Чортовой стены, как его теперь называет народная молва. Проследить его историю мы можем теперь довольно точно, так что, по выражению одного зоркого исследователя, постепенно исчезает монументальная застылость этого колоссального сооружения и пробуждается к нему интерес, всегда связанный с идеей развития.

При Тиберии и его ближайших преемниках еще не была воздвигнута непрерывная линия укреплений, направленная против германцев. Веспасиан на Верхнем Рейне продвинулся через Шварцвальд вплоть до Неккара, чтобы установить, таким образом, кратчайшую линию связи. Овладение этими областями не представило никаких трудностей, так как они были почти необитаемы. Но на линии Неккара римляне уже подошли близко к германцам, так что сыну Веспасиана Домициану пришлось после войны с хаттами оккупировать Веттерау. Таким образом, теперь появилась потребность в обороне длинной сухопутной границы, особенно затрудненной тем, что пограничная линия в области Веттерау имела форму исходящего угла.

Домициан, завоевавший и занявший эту область, основал ряд крепостей, расположенных в строгой системе и предназначенных для обороны этой области. Может быть, уже при нем, а, может быть, и несколько позднее, появилось то, что мы в более узком смысле этого слова называем пограничным валом, т. е. непрерывная линия укреплений, соединявшая между собой крепости. Первый пограничный вал состоял из сплетенных оборонительных щитов (vineae).

При Адриане вместо них появились палисадные ограждения, а через несколько поколений палисады были дополнены и заменены валом и рвом. Приблизительно в начале III столетия к этим укреплениям прибавилась последняя часть, а именно высокая каменная стена, расположенная на участке к северу от Дуная, на ретской границе. При этом пограничная линия, которая раньше устанавливалась ближе к местности, ограниченной горами и реками, проводилась теперь, в интересах лучшего наблюдения и лучшей сигнализации, по

возможности напрямик. Ретская стена, как это еще теперь можно установить, в некоторых местах достигала высоты не менее 2,5 м.

Поэтому различают верхнерейнский пограничный вал, идущий от Нейвида на Рейне, огибающий Веттерау и достигающий Лорха в Вюртемберге, к северу от Штутгарта, и ретский пограничный вал, идущий от этого места в направлении с запада на восток и доходящий до Дуная поблизости от Регенсбурга.

Как это можно видеть еще и теперь, верхнегерманский пограничный вал состоял из земляного вала и рва, а ретский пограничный вал — из стены, построенной из неотесанного выломанного камня. У первого вала на расстоянии приблизительно пяти минут хода расположены небольшие сторожевые башни, а на расстоянии не свыше двух миль друг от друга — постоянные укрепления (крепости) различной величины, рассчитанные в среднем на помещение гарнизона приблизительно около когорты. Эти укрепления (крепости) были первоначально построены из земляных стен, а сторожевые башни — из дерева. Затем уже стали строить эти сооружения из камня.

Укрепления (крепости), находившиеся у ретской стены, были расположены не непосредственно за нею, а на расстоянии 4—5 км. Как ни значительны различия между верхнегерманским и ретским пограничными валами, все же мы не имеем никакого права и никаких оснований сделать отсюда вывод, что эти сооружения предназначались для различных целей. Различия объясняются отчасти грунтом, который, будучи в первом случае мягким, наталкивал мысль на создание земляного вала и рва, а в другом случае — скалистым, наводил на постройку каменной стены, отчасти же объясняется и представлениями различных полководцев относительно целесообразности того или иного вида сооружений. Но и на верхнегерманской пограничной линии мы иногда встречаем вместо вала и рва остатки стены.

Теперь можно уже совершенно отказаться от прежнего представления, будто бы этот пограничный вал предназначался для непосредственной обороны, так как совершенно ясно, что нельзя занимать войсками линию длиною свыше 70 миль. Да к тому же установлено, что в некоторых местах вместо вала срезан холм, но по направлению не к германской, а к римской стороне [1] или что вал насыпан вдоль внешней, а не вдоль внутренней стороны болота. Но если под влиянием этих наблюдений и этих фактов дошли до того, что стали начисто отрицать военное значение такого сооружения и видеть в нем лишь таможенный кордон, то это, конечно, является неправильным преувеличением. Совершенно невозможно допустить, чтобы торговля с бедной Германией достигла таких размеров, что оправдала создание столь грандиозного сооружения, как пограничный вал. Однако, в действительности он все же является военным сооружением.

Во-первых, пограничный вал был весьма существенным препятствием для тех всадников, которые пытались бы пересечь границу и вторгнуться в римскую область. А затем, как на это указал ген. Густав Шредер [2], пограничный вал являлся серьезным препятствием при отступлении противника. Гарнизоны сторожевых башен, состоявшие в большинстве случаев из трех человек, не были в состоянии поме-

---

[1] Это, по крайней мере, утверждает ген. Шредер («Preuss. Jahrb.», Bd. 69, S. 511). Но я нигде не нашел этому подтверждений.

[2] «Preuss. Jahrb.», Bd. 69, S. 514.

шать вторжению разбойничьих германских банд в римскую культурную область. Но со сторожевых башен можно было наблюдать за окрестной местностью и сигнализировать об опасности. Все сторожевые башни были расположены таким образом, что, находясь на них, можно было окидывать взором местность, лежавшую перед стеной на расстоянии нескольких сот метров, и в то же время устанавливать и поддерживать связь с укреплениями, находившимися позади стены. На колонне Траяна изображены башни, на вершине которых помещен факел, служивший, очевидно, в качестве сигнала. При первом сигнале из укрепления тотчас же выходил отряд, чтобы захватить перешедших границу. И тут-то пограничный вал оказывался для римлян чрезвычайно полезным, так как он служил для преследуемых во время их бегства серьезным препятствием. Преследуемые римлянами германцы не могли быстро перейти через вал и во всяком случае не могли быстро перетащить через него свою добычу — скот, пленных или повозки [1]. А преследователи, если они одновременно надвигались с разных сторон, с самого начала стремились к тому, чтобы настигнуть врага близ вала. То же самое было и при крупных военных вторжениях, когда недостаточно было гарнизона одной или даже нескольких крепостей и когда нужно было двинуть легионы из далеко расположенных постоянных лагерей. Победа легионов могла привести к уничтожению врага, если только удавалось прижать врага к пограничному валу.

Пограничный вал имел значение также и для охраны границы, так как он давал хорошее прикрытие римским патрулям и войскам во время их обходов и осмотров пограничной полосы. Германцы, приближавшиеся к валу, всегда могли ожидать, что как раз около того места, где они хотят перейти через вал, находится римский наблюдательный пост.

На всем протяжении от Рейна до Дуная находилось около 50 крепостей, занятых римскими гарнизонами. Таким образом, если считать сторожей на небольших сторожевых башнях, то можно предположить, что пограничный вал охранялся 15 000 и во всяком случае не более 25 000 человек [2]. Все эти войска состояли не из римских легионов,

[1] Совершенно такую же систему расположения сторожевых башен на границах и огневой сигнализации находим мы в Швейцарии вплоть до XVIII в. Чрезвычайно интересные сведения сообщает по этому поводу на основании актов и топографических исследований E. Lüthi, «Die bernischen Chuzen oder Hochwachten im 17 Jahrh.», 3 Auflage, Bern 1905. Когда фрейбуржцы в 1448 г. совершили грабительский набег в Бернский кантон, то об их выступлении было сообщено со сторожевой башни, расположенной на Гуггерсхорне, в главный город кантона. И тотчас же после этого собрался бернский ландштурм, который, однако, не выступил прямо против фрейбуржцев, но отрезал им путь к отступлению, нанес им поражение и отнял у них добычу.

Также между Хиршбергом и Ризенгебирге близ Арнсдорфа находятся остатки такой каменной сторожевой башни, расположенной на холме, с которого можно было наблюдать за различными горными переходами. Эта башня, может быть, относится к эпохе гусситов.

[2] Моммсен исчисляет («Römische Geschichte», V, 108, Anm.) вспомогательные войска верхнегерманской армии в эпоху Домициана — Траяна приблизительно в 10 000 человек. Пограничный вал в Реции был значительно короче и слабее защищен гарнизонами, чем в Верхней Германии. Войска, расположенные в Реции и насчитывавшие, согласно Моммсену (V, 143), в общей сложности не более 10 000 человек, должны были сверх того защищать дунайскую линию от Регенсбурга до Пассау. Поэтому Моммсен полагает, что в крепостях в мирное время стояли очень слабые гарнизоны. Но все же они должны были быть достаточно сильными для того, чтобы иметь воз-

а из вспомогательных частей, следовательно, отчасти из самих германцев, состоявших на римской службе. Легионы находились дальше позади крепостей, на Рейне. Большая — основная — часть армии была расположена в главной квартире в Майнце; другая часть — в Страсбурге и сперва (до 105 г.) в Виндише у Цюриха, а отдельные отряды, может быть, находились также в некоторых крепостях, расположенных между этими пунктами. Нижнегерманские легионы стояли в лагерях, расположенных в Бонне, Нейсе, Нимвегене и, главным образом, в Ветера-Ксантах, где в течение долгого времени находилась главная квартира этой провинции. В Верхней и Нижней Германии было расквартировано по 4 легиона, а в Ретии совсем не было легионов. Если мы сосчитаем все эти войска, состоявшие из восьми легионов и вспомогательных частей, то увидим, что римляне имели на всей линии от Северного моря вдоль Рейна, пограничного вала и Дуная приблизительно 70 000 человек.

Система охраны границ, установленная римлянами, основывалась не на безусловной и непосредственной обороне пограничной линии, а на ряде других мероприятий. Римляне старались по возможности затруднить германцам переход через границу, либо доводя пограничную линию до какого-либо естественного препятствия, как, например, до реки, либо же создавая естественное препятствие — пограничный вал — и перед ним для его защиты пустынную полосу земли. Германцы, конечно, могли, преодолев эти препятствия, проникнуть через границу, но хорошо организованная система наблюдения и связи всегда давала римлянам возможность принять меры к тому, чтобы тотчас же наказать перешедших границу германцев. Эти меры воздействия должны были приучить германцев к мысли о том, что даже если бы они и могли захватить какую-либо добычу по ту сторону границы, то все же с большим трудом могли бы доставить эту добычу к себе домой.

Во время действительной войны пограничный вал не мог представить собой какую-либо преграду для наступления большого войска и даже мог бы оказаться опасным, так как для его обороны надо было разбивать войска на части и распылять их вдоль пограничной линии. Но это было неизбежно, так как граница требовала охраны. Именно учитывая эту возможность войны, римляне не распределяли своих легионов вдоль кордонной линии, но держали их позади, на Рейне, в качестве главного резерва.

Мы уже теперь знаем, что германцы не могли быстро собрать большое войско и что римляне имели в Германии достаточно связей, что давало им возможность своевременно узнавать о крупных передвижениях германцев. Поэтому римляне всегда были в состоянии во время большого вторжения германцев выступить против них, объединив свои легионы с ближайшими вспомогательными войсками.

Под прикрытием охранявших границы легионов римская культура, несмотря на непосредственную близость девственного леса и грубую дикость мощного и близкого к природе народа, смогла распу-

можность сопротивляться внезапным нападениям и, кроме того, высылать отряды для преследования значительных разбойничьих банд. Нижнегерманские вспомогательные войска были, по мнению Моммсена, может быть, еще менее многочисленными, чем верхнегерманские.

ститься здесь всеми своими утонченными цветами. Даже теперь мы изумляемся развалинам римских сооружений, особенно в Трире.

С течением времени римляне стали себя чувствовать в Германии настолько спокойно и уверенно, что в середине второго столетия уменьшили количество легионов с четырех до двух, по два в нижне- и в верхнерейнском военных округах.

ОПИСАНИЕ РИМСКОЙ ГРАНИЦЫ

Описание римской границы, данное Моммсеном в V томе его «Римской истории» (1885, стр. 140 и сл.), отчасти подтверждено, отчасти изменено, а главным образом распределено в хронологическом отношении благодаря систематической исследовательской работе, проводившейся Государственной комиссией по изучению римской границы, организованной правительством Германской империи. Результаты раскопок и исследований этой комиссии публикуются в «Листке по изучению римской границы» («Limesblatt»), а также в прекрасных отчетах, которые по большей части принадлежат перу директора Хеттнера и проф. Фабрициуса и с 1895 г. ежегодно печатаются в «Археологическом указателе» («Archaelogischer Anzeiger»).

В докладе, который Хеттнер в 1895 г. прочел на собрании филологов в Кельне и затем опубликовал (в Трире, в издании Фр. Линца), ясно изложены все результаты которые достигнуты в этом отношении вплоть до 1895 г.

Из более поздних работ следует указать на исследования проф. К. Херцога «Критические замечания к хронологии римской границы», опубликованные в «Боннских ежегодниках» («Bonner Jahrbücher», Heft 105, 1905), и на «Римские дороги в пограничной полосе» ген.-лейт. фон-Сарвея, напечатанные в «Западногерманском журнале истории и искусства» («Westd. Zeitschr. f. Gesch. u. Kunst», Jahrg. 18, 1899).

Затем следует указать также и на прекрасную сводную работу Фабрициуса «Происхождение римских пограничных сооружений в Германии» (Fabricius, «Die Entstehung der Römischen Limesanlagen in Deutschland». Trier. Lintz. 1912, a. d. «Westd. Zeitschr.») и на его же исследование «Римское войско в Верхней Германии и в Ретии» («Das römische Heer in Obergermanien und Raetien», «Histor. Zeitschr.», Bd. 98, 1906).

Мое описание основывается на краткой сводке и военно-историческом освещении этих исследований, причем я опускаю отдельные подробности и промежуточные ступени.

ПАЛИСАДНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

В свое время полк. Кохаузен в большой работе «О римском пограничном вале» указал, что с технической стороны является совершенно невозможным покрыть пограничный вал палисадом и что поэтому такое мнение следует отклонить. Ген. Шредер в «Прусском ежегоднике» («Preuss. Jahrb.», 69, 508) согласился с точкой зрения Кохаузена, так как непрочность дерева должна была требовать от гарнизонов крепостей постоянной работы по исправлению и восполнению палисадов. Однако, были найдены несомненные остатки палисадов, а факт постоянной работы солдат над сохранением в порядке палисадов не может служить основанием для отрицания факта существования палисадов. Можно даже, пожалуй, сказать, что эта работа была полезной в смысле поддержания дисциплины среди солдат гарнизонов, которые, вообще говоря, были мало заняты работой. Таким образом, перед нами здесь пример того, что не только филологи, но даже и техники могут заблуждаться. Согласное мнение двух признанных и авторитетных специалистов было опровергнуто указаниями археологов, основанными на фактах.

ПОГРАНИЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДОМИЦИАНА

Они засвидетельствованы, как это обычно принято думать, словами Фронтина (I, 3, 10): «Соорудив дороги (limitibus) на протяжении 120 миль, он не только тем самым изменил характер войны, но и подчинил своей власти врагов, лишив их убежищ». Ген. Вольф в «Военном еженедельнике» (Militär-Wochenblatt», 1900, № 102, sp. 2533) высказался против использования этого свидетельства. Он обратил внимание на то, что в тексте сохранившейся рукописи стоит не «limitibus», а «militibus», что чтение «limitibus» основывается на одной лишь коньектуре и что, объективно говоря, такие крупные сооружения по укреплению границы совершенно невозможно было выполнить в течение кратковременного похода.

Прежде чем приступить к сооружению таких укреплений, нужно победить и покорить врагов. Если бы римляне разделили свои войска, то такие смелые и предприимчивые противники, как хатты, непременно напали бы на отдельные части римских войск, занятые работами и постройкой. Здесь мы имеем перед собой пример того,— прибавляет автор этой работы, — как недостаточное понимание военного факта может ввести в заблуждение лучшего знатока латинского языка».

Вопрос здесь заключается не в этом противоречии. Уже ген.-лейт. фон-Сарвей признал правильным чтение «limitibus», и это чтение, без сомнения, является правильным. Вся глава Фронтина трактует о нахождении в каждом данном случае правильной стратегической системы и поэтому называется «Об установлении характера (или типа) войны». Автор доказывает, что Александр и Цезарь имели достаточные основания для того, чтобы стремиться к решению войны сражениями, а Фабий Кунктатор со своей стороны был прав, поступая как раз наоборот. Перикл освобождал страну и вел войну на море. Сципион освободил Италию от Ганнибала, двинувшись со своими войсками на Африку. И в этой связи говорится о Домициане: «Так как германцы, по своему обыкновению появляясь друг за другом из своих лесов и тайных убежищ, нападали на наших и имели к тому же возможность спокойно возвращаться обратно в глубину своих лесов, то император Цезарь Домициан Август, построив дороги на протяжении 120 миль, не только тем самым изменил характер войны, но и подчинил своей власти врагов, лишив их убежищ». Если мы примем чтение «воинами» (militibus), то перед нами окажется картина самого обычного похода, и тогда не может быть и речи об организации особого типа войны. Если мы примем чтение «limitibus», то эта трудность в объяснении нашего текста исчезнет; но если мы будем придерживаться обычного истолкования слова «limes», как пограничного укрепления, то слова «лишил убежищ» будет все же трудно объяснить. Поэтому я хотел бы предложить понимать здесь слово «limites», как и у Тацита («Анналы», II, 7,) не в смысле «границы», а в смысле «дороги». Такая интерпретация дает всему параграфу точный смысл и твердую связь. И тогда этот отрывок получает такое значение: хаттов невозможно было настигнуть в их тайных убежищах, поэтому Домициан проложил через их страну дороги протяжением в 120 миль (180 км) и тем самым не только изменил характер войны, но и покорил врагов, подчинив их своей власти благодаря тому, что сделал доступными их тайные убежища.

Если такое истолкование и уничтожает свидетельство относительно сооружения пограничного вала Домицианом, то по существу все же при этом ничто не изменяется, так как все равно ясно, что нужно было охранять завоеванную область, а находки вместе с тем доказывают факт сооружения крепостей в эпоху Домициана.

Вполне естественно, что сооружение дорог, крепостей и заборов не влекло за собой раздробления армии, но что такие постройки производились частями под защитой войск, собранных для этой цели в достаточном количестве.

Ко 2-му изданию. Оксе в своем исследовании, посвященном «limes'у» («Боннский ежегодник» — «Bonner Jahrb.», 114, S. 109), предлагает изменить цифру

12 000 на 120 футов (предлагая вместо «limitibus per centum viginti milia actis» чтение «limitibus per CXX actis», относя эту цифру не к длине, а к ширине дорог. Это, действительно, является классическим примером того, к каким ошибкам может привести филологическая ученость при отсутствии специально военных знаний. Против этого можно возразить, что, во-первых, трудно понять, каким образом римляне, успех дела которых зависел от быстроты его выполнения, могли бы взять на себя невероятно трудную работу по постройке в дикой чаще дороги шириной в 120 футов, в то время как совершенно достаточной была бы дорога шириной в 30 или даже в 20 футов. Но если мы даже эту цифру 120 футов отнесем не к самой дороге, а ко всему тому пространству в лесу, которое было вырублено для того, чтобы затруднить нападения врагов, то все же ширина просеки будет иметь очень мало отношения к длине дорог. Император во время своего похода построил во вражеской стране 180 км дорог. Это было большим делом и средством для того, чтобы подчинить римлянам область, заселенную германскими племенами. Только человеку, ничего не смыслящему в военном деле, могла бы притти в голову мысль сохранить потомству цифру, указывающую вместо длины ширину дорог. Поэтому нет совершенно никаких оснований к тому, чтобы так неудачно исправлять это совершенно бесспорное в данном отношении чтение рукописного текста.

Фице в своей работе «Война Домициана с хаттами» (программа 8-го городского реального училища в Берлине, 1902 г.) еще придерживается перевода «limites»—пограничные укрепления.

4. Макс Вебер («Handwörterbuch der Staatwissenschaften», I, 180) нашел очень своеобразное обоснование для того факта, что римляне вернулись к политике обороны границ от германцев. Вебер полагает, что крупные провинциальные земельные собственники-посессоры «требовали от войска прежде всего защиты и охраны своих владений и, следовательно, ставили перед ним оборонительные задачи». Относительно этого следует отметить, что нельзя крупных земельных собственников защищать от варваров иначе, чем всех прочих людей, и что также для них лучшей защитой против германцев было бы покорение германцев, — конечно, в том случае, если бы это вообще было возможно.

Глава VIII

Внутренняя жизнь римской императорской армии

Нашей задачей не является сводка всего материала и сравнительное изучение всех известных нам древностей, которые имеют отношение к римскому военному искусству, но все же мы должны попытаться представить себе хотя бы в самых общих чертах внутреннюю жизнь этого крупного организма.

Римская армия получила свое окончательное устройство благодаря всеобъемлющему и систематическому регламенту, изданному Августом, — так называемым «постановлениям Августа» (constitutiones

Augusti). Хотя эти постановления до нас и не дошли, все же мы можем восстановить их общий характер по отдельным цитатам, разбросанным у различных авторов.

За время гражданских войн число легионов постепенно увеличивалось. Цезарь оставил после себя 40 легионов, триумвиры располагали несколько бо́льшим числом, а их противники—республиканцы—двадцатью тремя. Октавиан и Антоний в 36 г. имели вместе в своем распоряжении приблизительно несколько более 75 легионов. В более древнюю республиканскую эпоху в легионы принимались только римские граждане. Но с течением времени этот принцип был не только оставлен, но, если так можно выразиться, даже перевернут вверх ногами: прием в легионы стал давать право римского гражданства. Несомненно, что уже легионы Цезаря лишь в незначительной части состояли из прирожденных римских граждан, и этот факт в еще большей степени можно наблюдать в легионах триумвиров. Многие из этих легионов имели лишь с самой внешней стороны легкую римскую окраску. Виргилий в одном месте [1] категорически называет ветеранов, поселенных в Италии, варварами. Когда Август окончательно и неоспоримо утвердил свое единодержавие, то он снова вернулся к древним основам и, действительно, гениальным образом сумел их сочетать с условиями мировой империи, надстроенной над городом Римом и латинским племенем. Он не пошел настолько далеко, чтобы с безусловной четкостью отделить одни от других войсковые части, состоявшие из граждан и неграждан, но все же армия соответственно политической структуре государства была организована по различным национальным ступеням. Если бы в те же самые воинские части на долгий срок и без всякого разбора включались и римляне и неримляне, то латинский элемент в каждой войсковой части стал бы настолько слабым, что он не смог бы ни ассимилировать другие элементы, ни господствовать над ними. При такой неопределенной расплывчатости пострадало бы и военное значение этих войсковых частей.

Таким образом, Август сперва сократил число легионов, — как кажется, до 18, — а затем опять увеличил его, доведя к моменту смерти до 25, к царствованию же Септимия Севера это число достигло 33. Но в то время как в эпоху гражданских войн наряду с легионами существовали вспомогательные войска, состоявшие, главным образом, из легковооруженных войск и всадников, в императорскую эпоху стали уже различать тяжеловооруженную пехоту, подразделенную на легионы подчеркнутого римского типа, и вспомогательные войска, состоявшие из организованных по территориальному принципу когорт. Вместе с тем был сохранен принцип, по которому служба в легионе давала право на римское гражданство. Таким образом, они ни в коем случае не набирались из одних лишь прирожденных римских граждан, но все же мы должны принять, что неграждане, зачисляемые в легионы, были до некоторой степени романизованы, а именно знали латинский язык, так что не нарушали общего римского характера войсковой части.

При императорах из дома Юлиев западные легионы в своей основе состояли еще, главным образом, из италиков. Но со времени Веспа-

[1] «Eclog.» I, 71.

сиана это явление стало постепенно исчезать [1]; италики сохранили преобладающее положение лишь в преторианской гвардии в Риме. Легионы стали пополняться в тех провинциях, в которых они стояли. Как указывают надписи, даже германцы стали вступать в легионы во все большем и большем числе [2]. В одной сохранившейся надписи преторианец говорит, совсем как некогда Виргилий, о «варварских легионах». Но это были варвары лишь по крови. А по своему духу, по своим обычаям и по своему языку это были представители, конечно, первоначально варварских, но теперь подвергавшихся романизации племен, входивших в состав империи, которые окончательно романизовались на римской службе и из среды которых вербовались римские легионы.

Римский характер этих легионов в дальнейшем обеспечивался тем, что центурионы лишь в очень незначительной части выходили из состава самих легионов, а в значительно преобладавшей части брались из состава императорской гвардии — преторианцев, которые состояли из италиков [3]. Единый и целостный характер офицерского корпуса (командного состава) всей армии сохранялся и поддерживался посредством частого перемещения центурионов из одного легиона в другой, о чем мы узнаем из надписей главным образом надгробных.

Во вспомогательных войсках также, возможно, служили отдельные римские граждане, но в своей массе эти войска состояли из еще не романизованных римских подданных. Вооружение, способ ведения войны и дисциплина в этих войсках были такие же, как и в римских легионах. Старшие и младшие командиры были римляне, служебным языком был римский, а обиходным языком был, очевидно, родной язык [4]. Таким образом, различие между вспомогательными войсками и легионами было лишь весьма относительным, причем это различие с течением времени все больше и больше стиралось.

Эти вспомогательные когорты являлись переходной ступенью как к вспомогательным легковооруженным войскам и коннице, организованным по национальному принципу, так и к чистым варварам, которые были скорее союзниками, чем подданными римлян, и которые следовали за римским войском, имея собственное оружие, собственную организацию и находясь под командой своих собственных предводителей. Но и здесь были еще различные переходные ступени.

Тацит рассказывает («Агрикола», гл. 28), что в Британии одна когорта усипетов подняла восстание, убила своего центуриона и рим-

[1] W. Bähr, «De centurionibus legionariis». Diss. Berol. 1900, S. 45, ff.

[2] Bang, «Die Germanen im röm. Dienst», S. 78.

[3] Этот чрезвычайно существенный и новый факт установлен благодаря тщательному исследованию надписей, произведенному Домашевским (Domaszewski, «Die Rangordnung des römischen Heeres», 1908).

[4] Этого требовала сама природа вещей, и это явствует из одного замечания Гигина (de mun., cap. 42), приведенного Домашевским (Domaszewski, «Rangordnung», S. 60). Порядок был такой же, как и в австрийской армии (до 1918 г.), в которой полки наряду с общеармейским немецким языком пользовались своим собственным национальным полковым языком. Благодаря все усиливавшейся романизации провинций постепенно стирался национальный характер когорт. И вообще могло случаться, что когорты, расположенные очень далеко от своей родины, принимали в свою среду чуждые элементы и благодаря этому меняли свой характер. В этом отношении нужно согласиться с Моммсеном, который подчеркивает («Hermes», 19, 211), что заключать о национальном характере когорт, исходя из их названия, можно лишь применительно к эпохе их возникновения.

ских солдат, «которые были введены в состав манипул для поддержания дисциплины и которые должны были служить примером для солдат, являясь их руководителями», и пыталась на трех кораблях бежать к себе на родину. Таким образом, в данном случае римляне сделали попытку принудительно и окончательно сковать упрямых германцев формами римской военной организации.

Батавы же, которые взбунтовались при Цивилии, хотя также входили в состав когорт, не были, очевидно, организованы по чисто национальному принципу. Однако, именно после этого восстания римляне стали осторожнее. Они уже перестали организовывать германцев по округам, но распределяли их по разным частям, пользовались ими вдали от их родины и заменяли командиров, происходивших из их собственных княжеских родов, римскими офицерами. Аналогией к этим римским вспомогательным войскам является современная английская армия в Индии.

Очень существенным моментом, характеризующим римское войско, является способ составления более крупных войсковых соединений.

К каждому легиону присоединялось большее или меньшее количество вспомогательных когорт, но они никогда не превосходили своей численностью легион, в большинстве же случаев были значительно слабее его. Хотя эта система и не проводилась с абсолютной строгостью, — так что, например, в Реции мы находим вспомогательные войска без всяких легионов, — все же этот момент присоединения является самым основным моментом. Следует себе только ясно представить, насколько все изменилось бы, если бы иноземные когорты были объединены в крупные части или если бы все войска рассматривались как некое единство. В первом случае римский и неримский элементы противостояли бы друг другу как две равноправные силы, а во втором случае римский элемент был бы подавлен численным превосходством варваров. Римскому элементу обеспечивали господствующее положение во всем римском войске тем, что ставили в центр легионы, допуская в них, однако, романизованных варваров и группируя вокруг них почти варварские или вполне варварские вспомогательные войска. Отдельные и обособленные когорты не имели иной точки соприкосновения, кроме легиона. Поэтому процесс романизации должен был необходимым образом исходить из самого внутреннего римского ядра легиона, постепенно распространяясь на внешние круги и продвигаясь все дальше и дальше.

Численный состав легиона в том случае, если он был полным, оставался в пределах прежней цифры, т. е. приблизительно около 6 000 человек. Мы можем предположить, что общая численность легиона вместе с конницей, которая к нему присоединялась, а также со вспомогательными войсками достигала в среднем 9 000—10 000 человек.

По закону и принципиально продолжала существовать, как и раньше, всеобщая воинская повинность, но на практике пополнение армии основывалось на добровольном поступлении на службу и на вербовке. Раз вступивший в армию брал на себя обязательство служить 20 лет, а в преторианской гвардии — 16 лет, но на самом деле срок этого обязательства значительно удлинялся. Так, мы знаем, что некоторые солдаты, в физическом отношении уже изношенные, все же задерживались под знаменами в рядах армии даже в том случае, когда они получали формальное увольнение. Тогда их ставили в при-

вилегированное положение, освобождали от служебных работ, даже выводили их из состава легиона и образовывали из них отдельные небольшие части (вексилляция — маленькие знамена). Причиной этого являлась не трудность вербовки или обучения рекрутов, но стремление сэкономить на пенсиях, которыми нужно было обеспечить ветеранов.

Иногда случалось и так, что добровольная вербовка не давала достаточного для пополнения армий числа солдат, и поэтому приходилось прибегать к набору. Однако, назначенный к военной службе мог вместо себя выставить своего заместителя, что в свою очередь указывает на наличие в действительности людей, которые были бы готовы последовать за вербовщиком. Различие заключалось лишь в том, что такие люди, становясь на этом обходном пути «заместителями», зарабатывали деньги, которые государство взыскивало в их пользу с того или иного зажиточного молодого человека по благоусмотрению должностных лиц.

Рабы под страхом смертной казни не имели права вступать в солдатское сословие.

Эти отношения очень наглядно выступают перед нашим взором в переписке между Плинием и императором Траяном. Плиний в качестве наместника Вифинии спрашивает императора, должен ли он наказать двух рабов, которых он обнаружил среди рекрутов, которые уже приняли присягу, но еще не были приняты в ряды войск. Император ему ответил, что следует различать три случая: вступили ли они добровольно, были ли они взяты во время набора или же были выставлены в качестве заместителей. Если они были взяты во время набора, то вина падает на соответствующих должностных лиц; если они были выставлены заместителями, то виновны те, кто их выставил; если же они добровольно вступили на службу, то их следует наказать. При этом не имеет никакого значения то обстоятельство, что они еще фактически не вступили в ряды войска.

Понятие «военной мерки» (наименьшего роста. — Ред.), сыгравшее такую крупную роль в новейшее время, было также известно и римлянам. Эта мерка в императорскую эпоху носит название «incomma» (военной мерки). Любопытно отметить, что наши ученые высказали различные мнения относительно ее величины. Один ученый, основываясь на шуточной загадке, считает, «что пять римских футов (1,48 м) считалось очень почтенной высотой даже для солдата» [1], что должно было бы превратить римлян в карликовый народ, так как эта мерка на 6 см меньше, чем рост самого маленького немецкого или французского солдата. Другой же ученый [2] полагает, что эта мерка имела в среднем 5 футов и 10 дюймов (1,725 м), превышая, таким образом, даже прусскую гвардейскую меру. На самом же деле (Вегеций, I, 15) в соответствующем месте указано лишь то, что такая высота требовалась только для первой когорты. И это, конечно, вполне соответствует тому указанию, которое мы находим в другом месте [3], а именно,

---

[1] Seeck, «Geschichte d. Unterg. der antiken Welt», I, 390, 534.

[2] Marquardt, «Röm. Staatsverw.», II, 542, 2 Aufl.

[3] В 367 г. Кодекс Феодосия (Codex Theodosianus). Цитировано у Марквардта. В Германии лишь в 1893 г. норма роста была снижена до 1,54. В 1870 г. еще имело силу следующее постановление: «Самый меньший рост, установленный для приема новобранцев, — 1,57 м. Но новобранцы ростом ниже 1,62 м должны браться лишь в том случае, если они обладают особенно сильным телосложением и если без них

что мерка равняется 5 футам и 7 дюймам (1,651 м). В тех местах, где число подлежащих набору было незначительно, там, вполне естественно, дело кончалось тем, что в солдаты брались самые рослые; поэтому поиски «дюжих парней» становились для полководца чем-то вроде спорта. Мы узнаем от Светония, что Нерон приказал набрать целый легион, состоящий из солдат ростом в 6 футов (1,774 м), назвал его фалангой Александра Великого и хотел с ним двинуться к Каспийским воротам [1].

Лишь очень немногие войсковые части находились в городах или даже в местечках. Более или менее крупный гарнизон был лишь в одном Риме, но все же весь гвардейский корпус преторианцев с городскими когортами не превышал 12 000 человек и к тому же был расположен не только в Риме, но и в нескольких других местах вне его. Во всей Галлии только в одном главном городе Лионе был расположен гарнизон, состоявший из 1 200 человек. Вообще же во внутренних провинциях империи не было никаких гарнизонов. Легионы были расположены в больших укрепленных лагерях поблизости от границы. Неподалеку от этих укрепленных лагерей,—но все же на некотором расстоянии от них, так что вокруг вала оставалось некоторое свободное пространство,—стали скоро образовываться гражданские поселения (canabae), которые с течением времени стали превращаться в города [2].

Вспомогательные когорты были по большей части расположены в малых и в больших крепостях, находившихся в непосредственной близости от границы.

Солдатам было запрещено жениться, несмотря на то, что они на службе достигали 40- и 50-летнего возраста. Если солдаты все же женились и обзаводились семьями, то они не имели права держать при себе в лагере свои семьи, и начальство при распределении войск совсем не считалось с этим, так как не усматривало в этом факта «законного брака» (justum matrimonium).

Запрещение жениться распространялось также на центурионов, и даже высшие командиры, покидая Рим для вступления в командование войсками, должны были оставлять дома своих жен.

Высшие командиры, трибуны и легаты, происходившие из аристократических семей Рима и римских провинциальных городов, даже в эту эпоху не были военными в исключительном и специфическом смысле этого слова, но, как и во времена республики, были должностными лицами — магистратами, выполнявшими всякого рода начальственные функции судебного, административного и военного характера. Единственной квалификацией, которая требовалась от такого должностного лица, было знатное происхождение, аристократизм, который все может, потому что сам себе во всем доверяет, считая себя способным для всякого дела. Когда в свое время Лукулл отбыл

годовой контингент пополнения не достигает нужной цифры». Минимальный рост для гвардии равняется 1,70 м.

Во Франции Наполеон установил норму роста для новобранцев в 1801 г. в 1,59 м, но уже в 1804 г. снизил ее до 1,54 м. В 1818 г. она была снова повышена до 1,57 м и затем после некоторых колебаний снова понижена до 1,54 м. Римский фут равняется 0,296 м и, следовательно, был меньше старопрусского, который равнялся 0,314 м.

[1] Светоний, «Нерон», 19.

[2] Schulten, «Das Territorium legionis», «Hermes», Bd. 29, 481.

в Азию, для того чтобы принять командование над войсками, отправленными против Митридата, то, будучи до того времени совершенным невеждой в военном деле, он стал по дороге готовиться, беря уроки и читая книги по военным вопросам [1], благодаря чему блестяще выполнил свою задачу. Правда, Марий отзывался с большим презрением о такого рода полководцах [2], и даже Цезарь в своих писаниях не слишком часто хвалил своих трибунов. Август и в этом случае сумел найти компромисс между римским общественным строем и военными потребностями, создав новую должность лагерного префекта. Первоначально они были, как показывает их название, комендантами больших постоянных лагерей, но в скором времени число их было увеличено и их функции были расширены. На них была возложена обязанность наблюдения и контроля над выполнением службы, с чем уже больше не могли справляться трибуны, бывшие в большей или меньшей степени дилетантами. А лагерные префекты были профессиональными воинами: они выходили из среды центурионов и всегда стояли на страже дисциплины, внушая страх солдатам. Позднее, в III столетии, они окончательно заняли место легатов и стали командирами легионов.

Нервом армии оставалась попрежнему, как и в республиканскую эпоху, группа центурионов, которых мы характеризовали выше (т. I, стр. 334) как фельдфебелей, занимавших должность ротных командиров. В то время как в республиканскую эпоху центурионы выходили исключительно из среды простого люда, в императорскую эпоху в армию стали проникать этим путем также и молодые образованные люди, которые просили у императора, чтобы он им предоставил должность центуриона, и затем дослуживались до чина штаб-офицера. Первый разряд центурионов носил название «с военной службы» а второй — «из римских всадников».

Таким образом, командный состав не был так строго разделен на два разряда, как то было раньше. Простой человек, вступавший в ряды войск, мог дослужиться до должности центуриона или даже лагерного префекта, а тот, кто вступал в армию в качестве центуриона, мог дослужиться до должности трибуна. Самые благородные молодые люди, а именно сыновья сенаторов, вступали в армию в качестве трибунов и дослуживались до чина легата, который соответствовал чину генерала. Во главе каждого легиона находился в качестве постоянного командира легат, затем—может быть, уже со времен Цезаря (I, 493) или с течением времени, может быть, при Августе или только при Адриане,—также и трибуны превратились в постоянных командиров когорт; собственно говоря, это уже со времен Мария диктовалось военной необходимостью. Но так как в течение долгого времени в состав одного легиона входило только шесть трибунов, в то время как легион состоял из десяти когорт, и Вегеций ясно говорит о том, что когортами командовали частью трибуны, а частью особые начальники, называвшиеся «препозиты» (praepositi), то следует предположить, что, таким образом, и в данном случае преодолевалось сословное различие, а именно тем, что должности четырех командиров когорт закреплялись за теми центурионами, которые получали продвижение по службе. Таким образом, «препозиты» были еще одной про-

[1] Цицерон, «Acad.», II, 1 и 2.
[2] Саллюстий, «Bell. Jug.», 85, 12.

межуточной ступенью между разрядом центурионов и группой лагерных префектов[1].

Группа солдат, которых мы назвали бы унтерофицерами и ефрейторами (капралами.— Ред.), носила в императорской армии название «принципалов» (principales). Из среды простых солдат выбирали самых способных, самых образованных и самых храбрых и продвигали их по строго определенной схеме. Важнейшими должностями здесь, как и в республиканскую эпоху, были должности знаменосца (signifer) помощника центуриона (optio) и передающего пароль (tesserarius), которые заменяли центуриона в командовании или же стояли во главе более мелких подразделений. Из среды принципалов выходили не только правительственные армейские чиновники, но также высшие штабные командиры и, наконец, даже императорские гражданские должностные лица[2].

Жалованье легионеров, которое в республиканскую эпоху без кормового довольствия (равного приблизительно 45 денариям) выражалось в сумме 75 денариев в год, было удвоено Цезарем. Август же к концу своего правления его значительно повысил, доведя до тройных размеров, т. е. до 225 денариев, что равняется 195 маркам[3]. Насколько крупным было это жалованье, можно судить по тому, что вспомогательные войска, жившие в точно таких же условиях, получали не более трети этой суммы, т. е. всего лишь 75 денариев. Преторианцы же, которые жили не в лагерях, но в Риме и в других местах, где жизнь была роскошной и дорогой, получали жалованье, превышавшее больше чем в три раза жалованье легионеров, т. е. 750 денариев, или 650 марок, помимо кормового довольствия.

К регулярному жалованью добавлялись подарки, выдававшиеся при вступлении императора на престол и при иных подобных торжествен-

---

[1] Этот вопрос, может быть, еще более сложен. Сообщения источников относительно продвижения центурионов не так легко понять. Было предложено несколько теорий для разрешения этой проблемы, но все еще не найдено полного разрешения этого темного вопроса. Хотя исследование Вегелебена (Theod. Wegeleben, «Die Rangordnung der römischen Centurionen», Berl. Dissert. 1913) опередило исследование Домашевского и, благодаря исчерпывающей обработке надписей, пролило свет на этот вопрос, все же здесь кое-что осталось спорным и неясным. Вегелебен пришел к тому выводу, что центурионы имели одинаковый ранг, за исключением шести центурионов первой когорты, из которых опять-таки три старших (primus pilus, princeps, hastatus) стояли настолько высоко, что их уже, собственно говоря, нельзя называть центурионами. Это высокое положение первой когорты не является одним лишь почетным положением, но в то же время нарушает схематизм тактического расчленения, так как эта когорта насчитывала 1 000 человек, что опять-таки снижает численность остальных когорт приблизительно до 480 человек (Вегелебен, стр. 37). В источниках ничего не говорится о том, каким образом выравнивалось это различие при расположении легиона. Либо 6 центурионов первой когорты, либо три старших обозначались в качестве «первых чинов» (primi ordines). Все еще неясно название «praepositus» (материалы о нем см. у Grosse, «Römische Militärgeschichte», S. 143). Неправильно замечание Вегелебена относительно принятия приказа (стр. 60), так как этому противоречит Полибий (II, 34).

[2] Вопрос о взаимоотношениях между principales совсем недавно прекрасно трактован в тщательной и ценной работе Домашевского (A. V. Domaszewski, «Die Rangordnung des römischen Heeres», 1908).

Вегеций в своем перечне должностей (II, 7) говорит: «Кампигены, т. е. стоящие перед знаменем, получившие такое название, так как благодаря их трудам и их старанию увеличивается опытность войска в деле строевого полевого обучения». Я не нашел объяснения этого места у Домашевского.

[3] По курсу 1936 г. одна германская марка=2 р. 03 к. — Ред.

ных событиях, а также премия, выдававшаяся при увольнении от службы, которая у легионеров была не менее 3 000 денариев, а у преторианцев не менее 5 000 денариев (2 600 и 4 300 марок). Наличные деньги иногда заменялись правом получения земельного надела, но, конечно, очень сомнительно, чтобы человек, пробывший воином от 18 до 40 или 45 лет, мог горячо взяться за крестьянскую работу и удовлетвориться положением мелкого крестьянина. Но и это пожалование получали лишь преторианцы и легионеры, а не солдаты вспомогательных войск.

Домициан повысил годовое жалованье легионеров до 300, Коммод—до 375, а Септимий Север—до 500 денариев. Трудно установить реальное значение этих повышений. Так как вес серебра в одном денарии был при Септимии Севере вдвое меньше, чем в эпоху Августа, то значительное повышение солдатского жалованья должно было бы быть лишь кажущимся. Однако, весьма вероятно, что покупательная сила денег повысилась, так что реальная заработная плата солдат и на самом деле повысилась, что вполне естественно, так как императоры находились в зависимости от своих солдат [1].

Центурионы, которые во времена республики получали лишь двойное солдатское жалованье, стали при императорах получать в пять раз больше, чем солдаты, и, таким образом, значительно выдвинулись из общей солдатской массы.

Солдатское честолюбие как в республиканскую, так и в императорскую эпохи подхлестывалось и разжигалось целой системой внешних знаков отличия. Солдатам жаловались почетные копья, маленькие знамена, щиты, таблички с украшениями, которые надевались на конскую сбрую или носились на груди, браслеты, ожерелья, короны и венцы [2]. При помощи таких же знаков отличий или почетных наименований выделялись и целые войсковые части.

При легионах и когортах имелись прикрепленные к ним врачи и лазареты (valetudinaria) с собственными служащими и санитарами (которые находились при больных —qui aegris praesto sunt) [3].

Упоминаются также и ветеринары.

При каждой когорте была сберегательная касса, и, кроме того, небольшие кассы взаимного страхования,—в особенности же кассы страхования от смерти, находившиеся под наблюдением знаменосца. Солдаты должны были часть своего жалованья и особенно наградных класть в сберегательную кассу, по крайней мере до определенной суммы. Песценний Нигер однажды приказал, чтобы солдаты, идя на

---

[1] История римского жалованья была впервые вскрыта в статье Домашевского (Domaszewski, «Der Truppensold der Kaiserzeit», «Neue Heidelberger Jahrbücher, Bd. 10, 1900). Однако, Домашевский при определении степени повышения жалованья в императорскую эпоху не принял во внимание одновременной порчи монетной пробы и поэтому переоценил значение номинального повышения жалованья. Я считаю совершенно невозможным согласиться с мнением Домашевского (S. 231, Anm. 2), что при дарственных пожалованиях исключались центурионы, а наградные выдавались одним лишь солдатам. В таком случае рядовые солдаты часто находились бы в лучшем положении, чем командиры, так как дарственные пожалования бывали очень высокими (при Марке Аврелии они достигли однажды для преторианцев размеров, превышающих в пять раз годовое жалованье, т. е. 5 000 денариев).

[2] P. Steiner, «Die dona militaria», «Bonner Jahrbücher» Bd. 114, S. 1 ff.

[3] У Полибия в его описании лагеря, конечно, госпиталь не упомянут, но такое упоминание мы находим у Гигина (см. W. Haberling, «Die altrömischen Militärärzte», Berlin 1910).

войну, вообще не брали с собой ни золотых, ни серебряных денег, но отдавали бы их в кассу и получали бы лишь по окончании похода.

Управление наемными войсками обязательно требует ведения точного делопроизводства. Среди египетских папирусов наряду со многими другими документами сохранились и военные документы — листки, относящиеся к 81—87 гг., на которых писец одной центурии чрезвычайно тщательно записал на латинском языке расчеты с отдельными солдатами и целыми командами, отпуска и т. п. [1].

Каждый вечер все трубачи и горнисты собирались в лагере около палатки полководца и трубили, пользуясь нашим выражением, «зорю». После этого выставлялись ночные караулы [2].

Дисциплина по древнеримскому обычаю всегда оставалась строгой, а если она иногда и ослабевала, то довольно скоро находились такие полководцы, которые ее снова сильно подтягивали. Тацит рассказывает про Корбулона («Анналы», II, 18), что он, восстанавливая при императоре Клавдии древние обычаи среди недисциплинированных легионов, предал смертной казни одного солдата за то, что тот работал на валу, не опоясавшись мечом, как то было приказано, а другого солдата — за то, что он имел при себе один лишь кинжал.

Центурионы всегда ходили, как офицеры в XVIII в., держа в руке палку из виноградной лозы и безжалостно применяя ее. Во время большого восстания легионов, бывшего после смерти Августа, солдаты наряду со многими другими офицерами убили также одного центуриона, которому они дали насмешливую кличку «подай другую» (cedo alteram), так как он привык, сломав палку о спину солдата, требовать себе другую. Если в армии Фридриха Великого право произвольного административного взыскания, предоставленное командному составу, вводилось до некоторой степени в рамки тем, что ротные командиры, происходя из дворянства, сохраняли своего рода патриархальное отношение к своей команде и были ответственны за ее содержание, а отчасти даже и за ее пополнение, то римского центуриона эти смягчающие моменты не сдерживали, так как он был только командиром и к тому же сам строго выполнял служебные обязанности, так как являлся выходцем из простого люда.

Но римская армия, а вместе с нею и римское государство держались не только благодаря исправительным мерам и мерам дисциплинарного воздействия, но также благодаря отвлеченному понятию воинской чести. Государственная мудрость этого державного народа сделала Рим не только политическим, но и религиозным центром мировой империи. Хотя у покоренных народов не отнимали их богов и оставляли им их религию, но все же наряду с туземными богами стали возвышаться храмы и алтари, на которых приносили жертвы богине города Рима и в то же время божеству императора. Подобным же образом, хотя и несколько иначе, обстояло дело в римских лагерях. Там не было алтарей, посвященных богине города Рима. В легионах поклонялись старым капитолийским богам — Юпитеру, Юноне и Минерве, а среди вспомогательных войск — туземным богам, но во всей армии одинаково почитали гений императора. Вспомогательные войска, по-

---

[1] Premerstein, «Die Buchführung einer ägyptischen Legionsabteilung», «Klio», Bd. III.

[2] Об этом сообщает Полибий (XIV, 3, 6). Мы вполне можем допустить, что римляне сохранили этот обычай также и в позднейшие времена.

степенно теряя свой первоначальный национальный облик, воспринимая различные влияния и романизуясь, вводили у себя также и римских богов. Особенно много почитателей приобрел здесь себе Марс, но наряду с ним также и многочисленные боги и божественные олицетворения: Победа (Victoria), Счастье (Fortuna), Честь (Honos), Доблесть (Virtus), Благочестие (Pietas), Дисциплина (Discĭplina), гений местности, гений учебного плаца и гений лагеря получили свои алтари [1]. Очень редко, лишь в III столетии, находим мы иногда алтари, посвященные городу Риму. Это различие между гражданской и военной религиями является выражением политического положения армии в государственном организме. Армия принадлежит не столько государству, сколько императору, как, впрочем, и сама армия фактически возводила на престол императора.

Понятие божества, или гения, императора не получило богословского оформления, и не было установлено, в каком отношении находилось это божество к человеку, созданному из плоти и крови. Бывали такие императоры, которые относили это божество к самим себе, к своей собственной особе. Лучшие и более умные императоры — Август, Тиберий и императоры II столетия — отодвигали свою особу на второй план, но все же наряду со священными и почитаемыми полевыми знаменами в кругу богов знаменного святилища стояло также и изображение императора. Полководцу воздавались почести подобно божеству, так что солдатская религия как бы восполняла солдатскую дисциплину и солдатскую честь [2].

Римское императорское войско, обеспечивавшее в течение веков тогдашнему цивилизованному миру редко прерываемый мир, было очень небольшим по сравнению с теми наборами, которые нам известны из истории древней Греции и Римской республики, а также по сравнению с современными постоянными армиями. Те 25 легионов, которыми располагал Август, вместе с вспомогательными войсками, находившимися постоянно—даже в мирное время—на римской службе, насчитывали, очевидно, не более 225 000 человек. Население же всей империи равнялось 60—65 млн. [3] Таким образом, численность армии по отношению к населению составляла немного более $1/3$%, в то время как Рим в самые напряженные годы Второй пунической войны держал под оружием около $7 1/2$% своего населения, а Германия и Франция, даже в мирное время до 1914 г., держали под ружьем свыше 1%.

Благодаря организации и дисциплине, как римляне с гордостью себе это сами говорили [4], этой незначительной доли боеспособных

[1] «Религия римлян вся целиком лагерная,— говорит Тертуллиан,— они почитают знамена, знаменами клянутся и всем богам знамена посвящают». Цит. у Harnack, «Militia Christi», p. V.

[2] Alfr. v. Domaszewski, «Die Religion des römischen Heeres», «Sonderabdruck a. d. Westdeutschen Zeitschrift für Geschichte und Kunst», Bd. 14, Trier 1895. В этом труде не нашел своего отражения чрезвычайно существенный пункт о различии между солдатской и гражданской религиями. Hirsschfeld, «Zur Geschichte des römischen Kaisercultus», «Sitzungsberichte der Berliner Akademie». Bd. 35, 1888.

[3] Белох исчислял население греко-римского мира приблизительно в 54 млн. В одной более поздней статье («Rhein. Mus., Bd. 54, 1899) он, однако, дает для Галлии несколько более высокую цифру, чем в своей книге. Я же в свою очередь дал еще более высокую цифру. Ср. т. I, стр. 534. Высокая цифра населения Галлии, в свою очередь, несколько снижает цифру населения других стран.

[4] «Римская империя достигла великой славы и прочности благодаря спасительной стойкости в сохранении до настоящего времени искренних и неповрежденных

мужчин было достаточно для того, чтобы обеспечивать мир государству, в то время как главная масса населения могла отдаваться ремеслам и культурной работе и должна была лишь платить налоги, чтобы оберечь себя от всякой военной опасности.

Весьма сомнительно, чтобы позднейшее увеличение числа легионов с 25 до 33 было действительным увеличением армии, соответствовавшим росту населения, так как при непрерывном расширении римского гражданского права могло иметь место превращение вспомогательных войск в легионы. Домициан даже однажды предполагал сократить численность армии, чтобы сэкономить средства, но должен был отказаться от этого, так как это слишком ослабило бы его положение по отношению к варварам [1].

Некоторые места из писем Плиния к Траяну показывают, как скупы были в то время на войска. Наместник торговался со своими должностными лицами, и тот же самый наместник торговался с самим императором, так сказать, из-за каждого солдата, причем об этом шла переписка между Вифинией и Римом.

Организация и тактика легионов оставались по существу прежними. Некоторое изменение в составе когорт и создание двойных когорт (миллиарии) не оказало никакого влияния на военную тактику. Также и реформы, предпринимавшиеся тем или иным императором, в частности Адрианом, имели лишь регламентарный характер, ничего не меняя по существу в самой тактике.

Полевая артиллерия, если так можно выразиться, получила, как кажется, некоторое дальнейшее развитие. Катапульты и баллисты, которыми первоначально пользовались лишь при осадах, были приспособлены также и для сражений в открытом поле (ср. т. I, стр. 197, сражение при Мантинее в 207 г.). Весьма возможно, что Цезарь уже регулярно снабжал свои войска такими орудиями. В некоторых сражениях этими орудиями пользовались как Цезарь, так и его враги, как ясно видно из соответствующих описаний [2]. Тацит упоминает о них, рассказывая о сражении у вала ангривариев. Более поздний источник [3] указывает на то, что к каждому легиону, согласно регламенту, присоединялось 55 карробалист и 10 онагров. Первый тип машин служил для метания больших стрел; эти машины передвигались при помощи мулов и требовали для своего обслуживания 11 человек. Второй тип машин передвигался быками и выбрасывал большие камни. При осадах эти орудия имели большое значение. Но во время сражения они вряд ли могли оказывать сильное действие, так как их снаряды хотя и обладали большой пробивной силой, все же имели сферу действия, немногим превышавшую сферу действия холодного оружия. Поэтому можно было легко обезопасить себя от выстрелов из этих

оков строжайшей военной дисциплины, под защитой и охраной которой процветает ясный, спокойный и блаженный мир». Валерий Максим, II, 7.

[1] Светоний, «Домициан», гл. 12.

[2] «B. Gall.», II, 8; VII, 41, 81. «B. civ.», II, 45, 51, 56. Afr. 31. Schambach, «Einige Bemerkungen über die Geschutzverwendung bei den Römern besonders zur Zeit Cäsars», 1883, Progr. Mülhausen i. Thür. Fröhlich, «Kriegswesen Cäsars», I, 77. Недавно были сделаны попытки реконструировать эти орудия. При раскопках на Липпе был обнаружен любопытный деревянный инструмент, в котором хотели видеть «осадный дротик» (pilum murale). См. по этому вопросу интересное исследование Кропачека (G. Kropatschek, «Jahrb. d. Archäolog. Instituts», Bd. 23, S. 79, 1908).

[3] Вегеций, II, 25.

машин, либо отступая назад, либо устремляясь вперед в рукопашный бой.

Мы не располагаем никакими специальными указаниями относительно военного обучения, существовавшего у римлян. Однако, греческие тактики этой эпохи так много говорят о расчленении и о командах, что мы можем себе составить вполне ясную картину строевого обучения. И эту картину мы тем спокойнее можем применить к римлянам, что она в высшей степени напоминает соответствующие современные формы. Это объясняется тем, что здесь мы имеем дело с настолько простыми — отчасти математическими, отчасти психологическими—законами и основными принципами, что они естественно должны вызывать на практике в каждую эпоху и у каждого народа сходные явления.

Отделения подразделялись на ряды и шеренги; их выстраивали так, что солдаты становились в затылок; различались повороты и захождения, движения фронтом и в полуоборот. Некоторые команды мы можем привести буквально:

К оружию! (В ружье!).
Обозные, выходи из строя!
Смирно, слушай команду!
Копья вверх! (На караул!)
Копья опустить! (К ноге!)
К копью повернись! (Направо!)
К щиту повернись! (Налево!)
Шагом марш!
Стой!
Равняйсь!
Стать в затылок!

Точность всякого строевого обучения основывается на подразделении команды на две части: на предварительную команду и на исполнительную команду. И этот способ был известен древним; у специалистов по тактике Асклепиодота и Элиана мы находим указания не только на то, что приказы должны быть короткими и ясными, но и на то, что частное должно предшествовать общему, так что следует говорить «к копью—повернись!», а не «повернись—к копью», так как в противном случае в спешке одни бы повернулись направо, а другие налево.

По воинскому уставу, римские солдаты должны были не только обучаться военному строю, но также драться на мечах, стрелять, делать гимнастику, плавать и маневрировать. Маневры называются «decursio» и объясняются так: «Разделив войско на две части, сталкивать оба строя, изображая подобие боя». Таким образом, под словом «маневры» понималось то же самое, что и мы понимаем под этим словом. Трижды в месяц должен был совершаться учебный поход (ambulatio) с походной укладкой на две мили туда и на две мили обратно [1].

Дисциплина основывалась, так же как и в современных постоянных армиях, на строевом обучении. Число новобранцев, подлежавших строевому обучению, было, однако, очень незначительно, так как главная масса легионов состояла из более старых солдат. В армиях VIII в., где состав войск был приблизительно таким же, большинство

[1] Цит. у Marquardt, II, 567.

старых солдат обычно увольнялось в отпуск и призывалось вновь в ряды войск лишь раз в году на краткий срок для прохождения строевого обучения, причем постоянный наличный состав войск служил для несения караульной службы. Но эта система увольнений была неприменима по отношению к римским солдатам, которые должны были постоянно нести охрану границ. Поэтому солдат,—как это уже, впрочем, и было в республиканскую эпоху, — принуждали выполнять строительные работы. Самими солдатами были построены и поддерживались в порядке не только пограничный вал, его башни и укрепления (крепости), но и большие дороги в пограничных провинциях, где мы даже еще теперь часто из надписей узнаем, какая именно войсковая часть выполнила ту или иную работу. Август категорически запретил пользоваться солдатами для частных предприятий, но их привлекали для сооружения храмов и других общественных зданий.

Разительным примером того, как в своей основе люди всегда остаются одинаковыми и как одинаковые установления всегда вызывают одинаковые явления, является картина войскового смотра, изображенная в одном случайно сохранившемся документе римской военной истории.

Когда французы завоевали Алжир, то в одной довольно пустынной местности, в Ламбезис, где в течение долгого времени находился лагерь легионов, они нашли большую надпись, содержавшую, как это было установлено, обращение императора Адриана к войскам (1 июля 128 г.) после произведенного им инспекторского смотра. Командовавший римскими войсками легат Катуллин приказал высечь эту надпись на камне для того, чтобы навеки сохранить память, как отличились он и его легион во время императорского парада. Французский полковник почтил память своего древнего соратника тем, что приказал своему полку пройти церемониальным маршем мимо этого каменного исторического источника. После этого много потрудились над тем, чтобы восстановить в тексте отсутствующие места и слова и таким образом составить хотя бы не абсолютно полный, но все же такой текст, который можно было бы прочесть в его основных частях. В 1882 г. я совместно со своим школьным товарищем Вильгельмом Мюллером издал в «Военном еженедельнике» («Militär-Wochenblatt») этот текст по «Сборнику латинских надписей» («Corpus inscriptionum latinarum»), снабдив его переводом, в котором была сделана попытка по возможности наглядно подчеркнуть все то, что в этой надписи созвучно современности. Я думаю, что человек, имеющий отношение к внутренней жизни нашей армии, должен будет почувствовать нечто такое, что можно было бы назвать юмором всемирной истории, читая эту надпись и видя, как смесь признания и критики, похвалы с рядом оговорок, авторитетности и благожелательности, устава, высшей мудрости начальника и поучения — являлась основными элементами маневренной критики. Надпись эта гласит [1].

---

[1] Помимо VIII тома С. I. L., эта надпись подвергнута изучению С. Денером (Seb. Dehner, «Hadrianae Reliquiae», 1883) и Альбертом Мюллером (Albert Müller, «Manöverkritik Kaiser Hadrians», Leipzig 1900). Я принял многие из тех коньектур, которые были предложены этими двумя авторами, но все же не нашел возможным принять их все целиком. Перевод, напечатанный в «Militär-Wochenblatt» за 1882 г. в № 34, мною в некоторых местах существенно изменен, а в других дополнен.

Ко 2-му изданию. Недавно было найдено много мелких обломков, которые, однако, дали возможность восстановить текст заголовка и даты. Надпись обращена «к ротам» (ad pilos). См. Heron de Villefosse, «Festschrift zu Otto Hirschfeld, 60 Geburtstag». Berlin 1903.

«ТО, ЧТО ВООБЩЕ ОТНОСИТСЯ К ЛЕГИОНУ В ЦЕЛОМ»

«Мой легат в своем отчете разъяснил то особое положение, в котором находился полк (дивизия) [1]: отсутствовал один батальон; в распоряжение правительства предоставляется штаб, состав которого ежегодно меняется; три года тому назад один батальон и четвертая часть рот были выделены на сформирование нового полка, под тем же № 3 [2]; полк разделен на много гарнизонов, расположенных в разных местах; на нашей памяти полку пришлось не только дважды переменить постоянный лагерь, но также построить и укрепить новый. Все эти причины явились бы смягчающими обстоятельствами, если бы было установлено, что в течение долгого времени не происходило строевого обучения в широком масштабе. Но результат инспекторского смотра показал, что эти извинения являются излишними, и я могу выразить полку свое полное удовлетворение...

...Штаб-офицеры (или легат?) внимательно [3] отнеслись к делу обучения войск. Ротные командиры, младшие офицеры и унтерофицеры проявили рвение при выполнении своих служебных обязанностей» [4].

«КАВАЛЕРИЯ»

«Военное обучение подчиняется в некотором роде собственным законам; если к нему что-либо прибавить или от него что-либо отнять, то это учение окажется либо недостаточным, либо слишком трудным. Если увеличить трудности, то выполнение будет не столь изящным. Однако, полк не удовлетворился этими трудностями, но выполнил самое трудное, а именно, выдвинув кирасиров (буквально «панцырников») в качестве стрелков. Я не считаю нужным непременно порицать это,— наоборот, я хвалю рвение, бывшее причиной этого, между тем как...»

«ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВОЙСКА»

«Его превосходительство, мой генерал Катуллин, обнаружил одинаковую заботливость по отношению ко всем подчиненным ему войсковым частям... полковник внимательно отнесся к делу обучения вверенных ему войск. Поэтому я разрешаю выдать вам для вашего обратного возвращения в Коммагену экстраординарную дополнительную порцию провиантского снабжения...»

«КАВАЛЕРИЯ 6-го КОММАГЕНСКОГО ПОЛКА»

«Трудно, чтобы батальонная кавалерия [5] сама по себе понравилась бы, и еще труднее, чтобы она после военных упражнений кавалерийских частей не произвела неприятного впечатления.

Иное здесь пространство, иное число стрелков, искусные повороты [6], сомкнутый строй, прекрасные ремонты, соответствующее более высокому вознаграждению

---

[1] Слово «легион» следует здесь передавать словом «дивизия», поскольку легион включал в свой состав все виды оружия.

[2] «Равные», «одинаковые» (compares), собственно говоря, в смысле «товарищи». Легион, расположенный в Ламбезисе, носил название «3-го августовского». Кроме того, было еще два «третьих» легиона: третий галльский и третий киренаикский. Следовательно, отряды воинов были отправлены в один из этих двух легионов.

[3] Согласно другому чтению: «agiles et fortes more suo», что приблизительно означает: «ловкие и энергичные, как это им подобает».

[4] Я выбрал эти термины, так как все эти три чина образуют одну группу.

[5] Я выбрал этот термин по аналогии с нашей дивизионной кавалерией. К каждой когорте вспомогательных войск всегда присоединялся маленький отряд конницы.

[6] «Искусные повороты» (frequens dextrator) — эти слова объяснялись различнейшим образом, и я не берусь утверждать, что мой перевод является безусловно пра-

блестящее вооружение — все здесь иное. Тем более следует признать, что эскадрон своей напряженной работой преодолел эти трудности и обнаружил свои отличные качества при выполнении предписанных упражнений, проведя еще вдобавок к ним бой с пращами и с дротиками и проявив особенную ловкость в вольтижировке. Заботливость его превосходительства, моего генерала Катуллина, свидетельствует о том, что он вас...»

«МАНЕВРЫ»

«...Полк в течение одного дня выполнил то, что в других случаях распределяют на несколько дней. Он возвел на большом пространстве полевые укрепления, применяющиеся при сооружении зимнего постоянного лагеря, в течение времени, не намного превышающего время, требуемое при применении подготовленных кусков дерна, которые по самой своей природе могут быть равномерно разрезаны на равные части, легко доставлены и которыми легко пользоваться, в то время как здесь применялись большие и тяжелые камни и глыбы скал, которые нельзя ни перевозить, ни поднимать и которыми нельзя пользоваться при постройках, не заполнив существующих между ними неровностей. Ров, который полк должен был вырыть в твердой скалистой почве, был правильно врезан в грунт, а стены его были выравнены посредством обивки. После того как эта работа была проверена, войска вошли в лагерь и быстро приняли пищу и оружие. Когда после этого высланная вперед кавалерия, отброшенная назад, возвращалась, то она интервалами принималась и с громкими криками...

...враг не осмеливается больше приближаться к лагерю... слишком поздно соединились... сделали вылазку...

Его превосходительство, мой генерал Катуллин, таким образом организовал маневры (главный замысел), что картина боя вполне соответствовала войне. И это я должен похвалить. Равным образом я должен похвалить войска за выполнение этих маневров. Полковник Корнелиан вполне соответствует своему назначению. Его атаки врассыпную не нравятся мне. Устав императора Августа предписывает, чтобы кавалерия не выходила легкомысленно из своего прикрытия, а преследовала осторожно. Если всадник не видит, куда он несется, или если он не может остановить лошадь по своему желанию, то он упадет в волчью яму... Наступать нужно сомкнутым строем».

К этому приказу по армии Адриана я хотел бы еще добавить рассказ Тацита о большом восстании солдат, происшедшем во время вступления на престол Тиберия («Анналы», кн. I).

Рассказ об этом внутреннем движении в римской армии, принадлежащий мастерскому перу Тацита, как нельзя лучше и ярче рисует римское войско с его поразительной смесью дурных и хороших качеств. Отношение солдат к династии, римлян к провинциалам, римского военного государства, возглавляемого императором, к римскому гражданскому государству, которое все еще имело свое представительство в сенате,—все это в приведенных здесь речах так же оживает, как некогда оживало войско Римской республики в речах центуриона Лигустина [1]. Этот рассказ Тацита мы хотим повторить во всем

вильным. Он лишь постольку соответствует общему смыслу и общей связи фактов, поскольку до этого говорилось о количестве рассыпавшихся стрелков, а затем о сомкнутой атаке. «Dextratio» означает обход справа налево. Поэтому не встречающееся в других местах в литературных источниках слово «dextrator» могло быть употреблено для обозначения определенного маневра обхода или поворота во время смотра.

[1] См. т. I, стр. 351.— Ред.

его объеме не только ради одного римского войска, но также и потому, что в течение всего настоящего труда мы будем, таким образом, иметь возможность на это указывать, когда мы будем встречаться с подобными, даже почти такими же явлениями в войсках в другие времена и у других народов.

Тацит рассказывает:

«Таково было положение вещей в Риме, когда в паннонских легионах произошло восстание,— не под влиянием каких-либо особенных причин, но лишь потому, что перемена правителя давала надежду на безнаказанность восстания и что гражданская война скрывала в себе некоторые шансы на успех. В летнем лагере находились вместе три легиона под начальством Юния Блэза. При известии о смерти Августа и восшествии на престол Тиберия Юний Блэз приостановил военные упражнения вследствие траурных и праздничных торжеств. Это было первой причиной того, что солдаты стали распущенными, приняли враждебный тон, стали прислушиваться к советам наихудших; наконец, они почувствовали стремление к беспутной и праздной жизни, так как им надоели воинская дисциплина и работа. В лагере находился некто Перценний, бывший раньше главой театральной клаки, а теперь находившийся здесь в качестве простого солдата, дерзкий болтун, ловко умевший искусными театральными приемами подстрекать народ. На ночных сходках он постепенно возбуждал умы тех простодушных людей, которые были озабочены вопросом, какова будет участь воинов после смерти цезаря. Или же, когда склонялся день и когда удалялись наиболее благоразумные, он собирал вокруг себя самых испорченных людей. Под конец, когда уже были готовы и другие участники этого мятежа, помогавшие ему в этом деле, он в качестве оратора стал задавать солдатам такие вопросы:

«Почему они, подобно рабам, подчиняются немногим центурионам и еще меньшему числу трибунов? Смогут ли они когда-нибудь еще просить об облегчении своей участи, если они теперь же не подступят с просьбами или с оружием к новому, еще колеблющемуся правителю? Достаточно они страдали из-за трусости в течение стольких лет, стали стариками, в большинстве изувеченные ранами и имея за своими плечами от тридцати до сорока походов! Даже для уволенных служба не кончается, так как они оставляются при знамени и должны под другим названием выносить те же самые тяготы. И если кому-либо из них удается пережить столь многие мучения, то его еще тащат в отдаленные страны, где он получает под названием пашен топкие болота или необработанные гористые участки. Служба сама по себе воистину тягостна и невыгодна. Тело и жизнь оцениваются в 10 ассов ежедневной платы. Из этой суммы они должны обеспечить себя одеждой, оружием и палатками и откупаться от жестокого и дурного обращения центурионов, а также и от военных работ. Но, клянусь небом (в тексте стоит «Геркулесом» — В. А.), побои, раны, жестокие зимы, тягостные лета, ужасная война или тощий мир,— все это продолжается и продолжается. Единственное средство, которое может помочь, это поступать на службу на известных условиях, а именно, чтобы каждый получал денарий жалованья; чтобы служба кончалась по истечении шестнадцати лет; чтобы они не удерживались дольше под знаменами в рядах войск, но чтобы им выплачивалось вознаграждение в самом лагере наличными деньгами. Разве преторианские когорты, которые получают два денария жалованья и в которых после шестнадцати лет службы солдаты отпускаются на родину, подвергаются бо́льшим опасностям? Я не хочу принизить значение сторожевой службы в городе, но я хочу сказать, что они должны, находясь среди диких народов, смотреть из своих палаток в лицо врагу».

Толпа, неоднократно возбуждаемая, выражала криками свое одобрение. Одни с горечью показывали на рубцы от ударов, другие — на свои седые волосы, а боль-

шинство — на изношенную одежду и на свое обнаженное тело. Наконец, они дошли до такой ярости, что задумали три легиона смешать в один. Отказавшись от этого вследствие соперничества, так как каждый стремился к тому, чтобы этот почет был отдан его легиону, они обращаются к другой мысли и ставят рядом три орла и знамена когорт. В то же самое время они наносят дерн и воздвигают возвышенное место, чтобы последнее было более заметно. В то время как они торопливо делали это, подошел Блэз, стал бранить и некоторых удерживать, громко крича при этом: «Лучше омочите в моей крови ваши руки. Менее позорно преступление убить легата, чем отпасть от императора. Либо, оставшись невредимым, я сохраню верность легионов, либо, убитый, я ускорю ваше раскаяние».

Тем не менее дерн накладывался и уже достиг высоты груди, когда, наконец, побежденные твердостью Блэза, они прекратили работу. Блез с большим красноречием говорил им: «Не посредством возмущения и смятения следует доводить желания солдат до кесаря. Таких нововведений не требовали ни их предшественники от прежних императоров, ни они сами от божественного Августа. И очень несвоевременно отягчать этим заботы начинающего свое правление государя. Если все же в мирное время вы хотите добиться того, чего даже в гражданские войны не требовали победители, то почему же вы прибегаете к насилию, противясь обычному повиновению и правилам военной дисциплины? Они должны были бы выбрать депутатов и в моем присутствии им дать поручения». Они же стали кричать, чтобы сын Блэза взял на себя обязанности депутата и требовал бы для солдат права увольнения после шестнадцати лет службы. Остальные поручения они дадут тогда, когда первое увенчается успехом». Когда молодой человек уехал, наступило некоторое успокоение. Однако, воины стали хвастаться тем, что отправление сына легата оратором и ходатаем за общее дело достаточно показывает, что ими насильственными мерами исторгнуто то, чего они не могли бы достигнуть покорностью.

Еще до начала восстания некоторые манипулы были отосланы в Навпорт для (постройки) мостов, дорог и других надобностей; как только они узнали о волнениях в лагере, тотчас же схватили свои знамена и поднялись с места. Разграбив соседние деревни и вместе с ними самый Навпорт, который походил на муниципию, они стали преследовать удерживавших их центурионов, осыпая их насмешками, бранью и, наконец, даже ударами. В особенности же они ненавидели лагерного префекта Ауфидиена Руфа, которого они сбросили с повозки, нагрузили багажом и погнали в первом ряду, насмешливо спрашивая, нравится ли ему нести такую громадную тяжесть и совершать такой длинный переход. Дело в том, что Руф долгое время был простым солдатом и затем центурионом; став, наконец, лагерным префектом и поседев в трудах и тяготах, он хотел восстановить древние и строгие правила службы и был тем суровее, что сам их вынес.

Благодаря их прибытию снова вспыхнуло восстание. Солдаты рассыпались и стали грабить окрестности. Блэз приказал для устрашения других высечь прутьями и заключить в тюрьму некоторых солдат, особенно перегруженных добычей, так как тогда еще повиновались легату центурионы и наиболее благонадежные из солдат. Но когда их схватывали, они сопротивлялись, обнимали колена окружавших, называли по имени то отдельных лиц, то центурию, к которой они принадлежали, когорту и легион, крича, что то же самое ожидает и всех. Одновременно они осыпали легата ругательствами, призывали в свидетели небо и богов и делали все возможное, чтобы возбудить ненависть, сожаление, страх и гнев. Солдаты сбежались со всех сторон. Они взломали тюрьму, сняли оковы и приняли в свою среду дезертиров и осужденных за уголовные преступления.

Вследствие этого возмущение стало еще сильнее, и у него стало больше предводителей. Некто Вибулен — простой солдат, поднятый перед трибуналом Блэза на

плечи стоявших кругом людей, обратился к бунтовавшей и напряженно ожидавшей его речи толпе со следующими словами: «Хотя вы вернули этим невинным и достойным сожаления людям свет и дыхание, но кто вернет жизнь моему брату, кто возвратит мне снова моего брата? Его, посланного к вам от германской армии для общего блага, он умертвил этой ночью, подослав своих гладиаторов, которых он держит и вооружает на гибель солдатам. Отвечай, Блэз, куда ты бросил его труп? Даже враг не отказывает в погребении. Когда я поцелуями и слезами утолю свое горе, тогда прикажи убить и меня. Пусть только нас похоронят здесь убитыми не за какое-либо преступление, а лишь за то, что мы заботились о благе легионов».

Эти слова он подкрепил рыданиями, ударяя себя руками в грудь и в лицо. А затем, растолкав тех, которые его таким образом держали на своих плечах, он спрыгнул вниз и, бросаясь к ногам отдельных людей, вызвал среди них такое замешательство и такое негодование, что одна часть солдат стала вязать гладиаторов, находившихся на службе у Блэза, а другая — остальных его рабов, причем сбежались другие для того, чтобы искать труп. И если бы не стало скоро известно, что никакого трупа не было найдено, что рабы, спрошенные под пытками, отрицали убийство и что у того солдата никогда не было брата, то возмутившиеся солдаты были бы недалеки от того, чтобы убить легата. Но все же трибунов и лагерного префекта они вытолкнули вон; багаж бежавших был разграблен, причем был убит центурион Люциллий, которому они раньше по солдатской остроте дали кличку «Подай другую», так как, когда на спине солдата ломалась лоза, он громким голосом требовал другую и вновь другую. Остальные сумели спрятаться, только Клемент Юлий был оставлен, так как он, благодаря своему быстрому уму, казался годным для того, чтобы выполнить поручения солдат. Восьмой и пятнадцатый легионы были даже готовы обнажить оружие, выступив друг против друга, так как восьмой легион требовал предать смерти одного центуриона, по имени Сирпика, а пятнадцатый его защищал; однако, девятый легион вмешался в это дело просьбами и даже угрозами, направленными против тех, кто еще упорствовал.

Это известие заставило Тиберия, — несмотря на то, что он вообще был человеком скрытным и утаивавшим печальные события, — послать своего сына Друза вместе с наиболее видными государственными людьми и с двумя преторианскими когортами, но без определенных поручений, приказав ему лишь действовать согласно с обстоятельствами. Когорты были усилены отборными солдатами, сверх обыкновенного. К ним была прибавлена большая часть преторианской конницы и лучшая часть тех германцев, которые в то время составляли лейб-гвардию (личную охрану) императора. Вместе с тем преторианский префект Элий Сеян, пользовавшийся большим уважением и значением у Тиберия, был присоединен в качестве товарища по службе к своему отцу Страбону для того, чтобы руководить молодым Друзом и указывать другим, чего они должны опасаться и на что они должны надеяться. При приближении Друза легионы вышли ему навстречу, как бы по обязанности, не выражая радости, как это обыкновенно бывает, и не блестя воинскими украшениями, но покрытые грязью, с лицами, которые хотели выразить печаль, но которые скорее выдавали упрямство.

Лишь только он вошел в лагерь и оказался внутри вала, как они тотчас же заняли ворота стражами и расположили в определенных местах лагеря вооруженные отряды, а остальные окружили трибунал огромной толпой. Друз стоял, требуя молчания движением руки. Они каждый раз, как обращали свои взоры на толпу, поднимали дикий угрожающий крик, а глядя на цезаря, начинали дрожать. Раздавался глухой ропот, затем отвратительное рычание, и наступала внезапная тишина. Под влиянием различных душевных движений они то сами испытывали страх, то других заставляли бояться. Наконец, когда прервался шум, Друз прочел послание своего

отца, в котором было написано, что он особенно заботится о храбрых легионах, с которыми он перенес столь многие войны; что лишь только его душа успокоится от печали, он тотчас же доложит сенату об их требованиях; что он тем временем отправил к ним своего сына, чтобы он без промедления тотчас же предоставил им то, что им сейчас же может быть предоставлено; что остальное должно быть поставлено на разрешение сената, который имеет право участвовать как в раздаче милостей, так и в присуждении наказаний.

Собрание ответило, что центурион Клемент сообщит об их требовании. Клемент начал свою речь с требования об увольнении после шестнадцати лет службы, говорил о вознаграждении после окончания службы, о том, что они должны ежедневно получать один денарий жалованья и что ветеранов не следует дольше удерживать под знаменами. Когда же Друз стал ссылаться на то, что это зависит от решения сената и его отца, то он был прерван криком: «Для чего же он прибыл сюда, если он не имеет полномочий ни повысить жалованье, ни облегчить тягости службы, ни совершить, наконец, какие-либо иные добрые дела? А вот на то, чтобы бить и убивать, клянемся Геркулесом, каждый может быть уполномочен. Прежде Тиберий имел обыкновение обманывать желания солдат, ссылаясь на имя Августа. И те же самые хитрости принес с собою Друз. Неужели к нам всегда будут являться лишь сыновья правителей? Совершенно новым является то, что император предоставлял решению сената лишь вопрос об одних выгодах, предоставляемых солдатам. В таком случае следовало бы спрашивать мнение сената каждый раз, как предполагались какая-либо казнь или сражение. Или разве только награды зависят от воли высших господ, а наказания — от произвола?»

Наконец, они покинули трибунал. Встречая на своем пути преторианских солдат и друзей Друза, они угрожали им кулаками, чтобы вызвать раздор и открытую борьбу. Больше всего они были ожесточены против Энея Лентула, так как думали, что этот человек, выделяющийся среди других своим преклонным возрастом и своей военной славой, поддерживает Друза и чувствует особенное отвращение к этим постыдным требованиям солдат. Вскоре после этого, когда он пошел с кесарем и, предвидя опасность, направился обратно в зимний лагерь, они его окружили и спросили, куда он идет, к императору или к сенаторам, чтобы и там выступить против льгот легионам? И они тотчас же напали на него и стали бросать камни. Уже окровавленный брошенным в него камнем и уверенный в своей гибели, он был спасен подоспевшими людьми, прибывшими в свите Друза.

Случай успокоил грозную и чреватую злодеяниями ночь. Солдаты увидели, что луна на ясном небе стала внезапно меркнуть. Не зная причины этого явления, солдаты приняли его за предзнаменование, связанное с настоящими событиями, уподобляя ущерб светила своим страданиям и думая, что их дело хорошо кончится, если лунная богиня снова обретет свой блеск и свою ясность. Поэтому они стали оглашать воздух бряцанием меди и звуками труб и рогов. И они радовались или горевали в зависимости от того, становилась ли луна ярче или тусклее. Когда поднимавшиеся облака скрывали луну от взоров толпы и когда думали, что она погребена во мраке, то они (так как напуганные души всегда склоняются к суевериям) начинали жаловаться на то, что им предрекается вечная мука и что боги чувствуют отвращение к их преступлениям. Решив воспользоваться этим настроением и считая, что он должен разумно использовать то, что ему послал случай, кесарь приказал обойти палатки. Были призваны центурион Клемент и другие люди, заслужившие расположение солдатской массы хорошим отношением. Они смешались с ночной стражей, со сторожевыми пикетами и с караулами у ворот, давая им надежду, усиливая в них страх. «До каких же пор будем мы держать в осаде сына императора? Когда окончится эта распря? Неужели мы станем приносить присягу Перценнию и Вибулену? Неужели Перценний и Вибулен будут раздавать жалованье солдатам и пашни

тем, которые выслужили срок? Наконец, разве они должны захватить власть над римским народом вместо Неронов и Друзов? Не лучше ли нам, которые были последними в провинности, быть первыми в раскаянии? Поздно получается то, что требуется для всех вообще, а частную милость можно тотчас же заслужить и тотчас же получить». Так как это взволновало умы и поселило недоверие между солдатами, то молодые солдаты отделились от ветеранов, а один легион отделился от другого. И постепенно стало возвращаться стремление к повиновению. Они стали освобождать ворота и разносить по своим местам знамена, которые в начале мятежа они снесли в одно место.

С наступлением дня Друз созвал солдат на сходку. Хотя он и не был искушен в ораторском искусстве, но все же с прирожденным великодушием упрекнул солдат за прошлое и похвалил за настоящее. Он говорил, что его нельзя победить ни устрашением, ни угрозами. Но если он увидит, что они обратились к смирению и если он услышит их мольбы, то напишет своему отцу, чтобы он, смилостивившись, внял бы просьбам легионов. «По их просьбе снова посылаются к Тиберию тот же самый Блэз с Люцием Апронием, римским всадником из когорты Друза, и Юстом Катонием центурионом первой манипулы. После этого мнения разделились. Одни считали, что нужно дождаться возвращения послов и тем временем успокоить и задобрить солдат мягким обращением, другие же полагали, что надо действовать при помощи более сильных средств, так как чернь не знает умеренности: она устрашает, если она сама не боится, а если она почувствует страх, то с ней можно безнаказанно поступить с презрением. Теперь, пока она еще находится под страхом суеверия, полководец должен усилить этот страх, уничтожив зачинщиков восстания». У Друза был темперамент, склонный скорее к суровым мерам. Он приказал призвать Вибулена и Перценния и умертвить их. Многие передают, что они были закопаны в палатке полководца, другие же говорят, что трупы их были выброшены за вал, для того чтобы послужить устрашением другим.

После этого были разысканы главные зачинщики восстания. Часть их, бродившая вне лагеря, была перебита центурионами или солдатами преторианских когорт, а некоторые были выданы их манипулами в доказательство их верности. Много забот доставляла солдатам преждевременная зима непрерывными и столь сильными ливнями, что солдаты не могли выходить из палаток, не могли собираться и лишь с трудом могли оберегать знамена от уносившего их урагана и воды. К тому же они все еще продолжали бояться небесного гнева. «Не напрасно, — говорили они, — меркнут светила и разражаются бури против нечестивцев. Нет другого средства избавиться от этих несчастий, как покинуть этот злополучный и оскверненный лагерь и, очистившись от вины умилостивительной жертвой, каждому вернуться в свой зимний лагерь». Сперва отправился восьмой, а затем и пятнадцатый легионы. Девятый легион кричал, что нужно ждать ответа от Тиберия, но вскоре после этого, оставшись в одиночестве, вследствие ухода других легионов, он добровольно предупредил грозно встававшую перед ним необходимость. И Друз, не дожидаясь возвращения посольства, так как все в достаточной мере пришло в порядок, вернулся в Рим.

Почти в те же самые дни и по тем же самым причинам восстали германские легионы. Это восстание было сильнее, так как легионы были многочисленнее. При этом они надеялись на то, что Германик цезарь, не желая подчиниться власти другого человека, доверится и отдаст себя легионам, которые своей силой все увлекут за собой. Два войска стояли на берегу Рейна: одно, называвшееся верхним, находилось под властью легата Кая Силия, другим же командовал Авл Цецина. Общее командование принадлежало Германику, который в то время был занят производством ценза в Галлии. Войско, находившееся под начальством Силия, оставалось в нерешительном настроении и выжидало, чем окончится восстание других.

Солдаты же нижней армии дошли до неистовства. Восстание началось в двадцать первом и в пятом, а затем охватило первый и двадцатый легионы, так как они находились в том же самом летнем лагере у границы убиев, проводя время в праздности или будучи заняты легкой работой. При известии о смерти Августа простая чернь, недавно призванная в Рим в войска, привыкшая к распущенности и неспособная выносить работу, стала влиять на грубое сознание остальных солдат, нашептывая им: «Наступило время, когда ветераны могут требовать скорого увольнения, более молодые — увеличения жалованья, а все вместе — облегчения их несчастного положения и отомщения центурионам за их жестокость». Так говорил не один лишь солдат, как Перценний в паннонских легионах, и не перед боязливыми ушами солдат, с опаской озиравшихся на более сильные войска, но здесь раздался многоголосый мятежный крик: «Ведь в их руках находится могущество Рима; благодаря их победам увеличиваются пределы республики; их названия принимают императоры».

Легат не оказывал этому никакого противодействия. Численное превосходство восставших лишило его мужества. И вдруг эти бешеные с обнаженными мечами бросились на центурионов, которые издавна были предметом ненависти солдат и пали первыми жертвами их возмущения. Опрокинув их, они стали бить их прутьями, по шестидесяти человек против одного, соответственно числу центурионов. Истерзанных, изуродованных, некоторых уже убитых они бросили перед лагерем или в Рейн. Септимия, который прибежал к трибуналу и бросился к ногам Цецины, они требовали до тех пор, пока он не был им выдан на смерть. Кассий Херея, впоследствии оставивший по себе память в потомстве убийством Кая цезаря (Калигулы), бывши тогда молодым и неустрашимым, пробил себе мечом дорогу через вооруженную толпу, стоявшую на его пути. Ни один трибун, ни один лагерный префект не могли больше отдавать приказаний. Они сами стали распределять ночные караулы, пикеты и все то, что требовалось службой в настоящий момент. Для людей, глубже понимающих настроение солдат, особенным указанием на силу и ожесточенность движения было то обстоятельство, что солдаты не поодиночке, не по подстрекательству немногих, а все вместе взволнованно и возбужденно выступали, все вместе умолкали, действуя с таким единодушием и с такой настойчивостью, как будто бы ими руководил предводитель.

Между тем Германик, производивший, как было сказано, ценз в Галлии, получил известие о смерти Августа. Германик был женат на его внучке Агриппине и имел от нее много детей. Сам он был сыном Друза, брата Тиберия, и внуком Августа, но его тревожила скрытая ненависть дяди и бабки, которая была несправедливой и оттого еще более ожесточенной. Дело в том, что римский народ питал большое уважение к памяти Друза, и люди верили в то, что, если бы он достиг власти, он восстановил бы свободу. Этим объясняется и расположение к Германику и такая надежда на него. Действительно, юноша обладал чувством гражданственности, удивительной мягкостью в обращении, а речь и лицо его были совершенно иные, чем у надменного и скрытного Тиберия. К этому присоединялась и вражда, бывшая между женщинами и объяснявшаяся ненавистью мачехи Ливии к Агриппине. Впрочем, и сама Агриппина была слишком раздражительна, но ее целомудрие и ее любовь к мужу направляли ее неукротимый характер в хорошую сторону.

Однако, чем ближе был Германик к осуществлению высшей надежды, тем ревностнее стоял он за Тиберия. Он привел к присяге ему соседних секванов и бельгийские общины. После этого, узнав о восстании легионов, он быстро направился к ним и встретил их вне лагеря. Глаза солдат были опущены в землю, как бы в раскаянии. Когда он вошел в лагерь, зайдя за вал, то раздались нестройные жалобные крики. Одни, схватывая его руку, как бы для поцелуя, всовывали его пальцы в свой рот, чтобы он почувствовал их беззубые десны, другие же показывали ему

свои скрюченные от старости члены. Он приказал толпе, беспорядочно стоявшей вокруг него, построиться по манипулам. Ему ответили, что им так лучше будет слышно. Тогда он велел принести знамена, чтобы по крайней мере мог различить когорты. Солдаты немедленно повиновались. Тогда он начал свою речь с того, что с благоговением отнесся к памяти Августа, и затем перешел к победам и триумфам Тиберия, особенно восхваляя его за те прекрасные подвиги, которые он совершил при помощи этих легионов в Германии. Затем он похвалил согласие Италии и верность Галлии и указал на то, что нигде нет ни смут, ни раздоров.

Они выслушали это молча или с легким ропотом. Но когда он коснулся восстания, спрашивая: «Где же воинское подчинение? Где же слава древней дисциплины? Куда они прогнали трибунов и центурионов?» — то все обнажили свое тело и стали с упреками показывать ему рубцы от ран и следы ударов. Затем смущенными голосами они стали жаловаться на плату за отпуска, на скудность жалованья, на трудные работы, указывая в частности на рытье окопов и рвов, на доставку провианта, строевого леса, дров и на все то, что требовалось необходимостью или производилось для того, чтобы занять солдат работой и не допустить безделия в лагерях. Самый дикий вой подняли ветераны, которые насчитывали тридцать лет службы и даже больше; они молили, чтобы он помог им, утомленным, не дал бы им умереть в тех же самых трудах, но положил бы конец их тягостной службе и даровал бы им безбедный покой. Некоторые даже требовали денег, завещанных божественным Августом, сопровождая эти требования благоприятными пожеланиями, направленными по адресу Германика, говоря, что если он хочет власти, то он может рассчитывать на их готовность. Но при этих словах он быстро спрыгнул с трибунала как будто бы эта преступная измена его запятнала. Когда он хотел уйти, они преградили ему путь и угрожали применить оружие, если он не возвратится. «Лучше умереть, чем нарушить верность!» — воскликнул он и выхватил меч, чтобы пронзить им свою грудь. Однако, стоявшие около него, схватив его за руку, силой его удержали. Задние тесно сплотившиеся ряды собравшихся и, что почти невероятно, отдельные солдаты, подходившие ближе, кричали: «Ударь!», а один солдат, по имени Калузидий, подал ему свой обнаженный меч, говоря, что он острее. Даже бунтовщики признали это отвратительным и бессовестным. Произошла пауза, во время которой кесарь был уведен своими друзьями в палатку.

Здесь произошло совещание относительно тех мер, которые следовало принять, ибо были получены сведения о том, что солдаты готовятся отправить послов к верхнегерманскому войску для того, чтобы привлечь его на свою сторону, что город убиев (Кельн) предположено разрушить и что оскверненные награбленной добычей руки бросятся затем на опустошение Галлии. Страх возрастал и под влиянием того обстоятельства, что неприятель, осведомленный о восстании римлян, мог бы вторгнуться, лишь только римские войска покинут берег Рейна. Если же вооружить вспомогательные войска и союзников, направив их против уходивших легионов, то следует опасаться гражданской войны. Строгость опасна, а уступчивость и щедрость постыдны. Все ли разрешать солдатам или ничего — все равно государство будет находиться в одинаковой опасности. Взвесив все эти соображения, решили написать письмо от имени главы государства следующего содержания: «Увольнение будет предоставляться прослужившим двадцать лет; однако, прослужившие 16 лет будут оставляться под знаменами, освобождаясь от всех работ, кроме обязанности борьбы с противником. Завещанные им деньги, которых они требовали, будут им выплачены в двойном размере».

Солдаты поняли, что это придумано лишь для настоящего момента, и поэтому потребовали немедленного исполнения. Увольнение в отставку быстро произвели при помощи трибунов, а выдачу денег всем солдатам отложили до возвращения в зимние лагери. Но пятый и двадцать первый легионы не двинулись до тех пор,

пока не были немедленно выплачены в летнем лагере деньги, собранные Германиком и его друзьями из собственных путевых средств. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел обратно в город убиев. Это был позорный поход, так как солдаты везли деньги, похищенные у императора, между знаменами и орлами. Германик же отправился к верхней армии, где второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы без промедления приняли присягу. Четырнадцатый легион некоторое время колебался. Тогда ему были даны деньги и разрешено увольнение, хотя он этого и не требовал.

Вексилларии мятежных легионов, находившиеся в гарнизонах в стране хавков, подняли восстание, которое в некоторой степени было подавлено немедленной казнью двух солдат. Это приказал сделать лагерный префект Мений скорее для того, чтобы этим подать хороший пример солдатам, чем потому, что он на то имел право. Затем, когда движение стало усиливаться, он бежал. Когда его обнаружили и когда его убежище уже больше не могло его скрыть, то он стал искать защиты в смелости. «Вы оскорбляете, — сказал он, — не префекта, но полководца Германика, даже императора Тиберия». Сопротивлявшиеся ему испугались. Тогда он схватил знамя и, повернув его к реке, закричал: «Кто выйдет из строя, будет считаться дезертиром!» Так отвел он обратно в зимний лагерь мятежные, но все же ни на что не решавшиеся войска.

Между тем, послы сената встретили Германика, уже вернувшегося к алтарю убиев. Там зимовали два легиона, первый и двадцатый, вместе с ветеранами, уволенными со службы, но все еще остававшимися под знаменами. Страх овладел испуганными и терзаемыми совестью солдатами. Они боялись, что послы пришли по приказу сената для того, чтобы отменить то, что было вырвано восстанием. И как это обычно делает толпа, взваливая на кого-либо вину даже по ложным указаниям, они обвиняют Мунация Планка, бывшего консула, возглавлявшего это посольство, в том, что он — автор сенатского постановления. В полночь они начали требовать знамя, хранившееся в доме Германика. Сбежавшись к его воротам, они взломали двери и, вытащив кесаря из постели, принудили его, под страхом смерти, выдать знамя. Затем, бегая по улицам, они натолкнулись на послов, которые, услышав о волнении, спешили к Германику. Послам они нанесли оскорбления и готовились их убить, в особенности же Планка, которому его достоинство не позволяло бежать. Находясь в такой опасности, он мог искать убежища лишь в лагере первого легиона. Там он обнял знамя и орла, чтобы защитить себя неприкосновенностью религиозной святыни. И если бы орлоносец Кальпурний не отразил последнего насилия, то — редкое дело даже среди врагов — посол римского народа в римском лагере запятнал бы своей кровью алтарь богов. Лишь на рассвете, когда можно было распознать полководца, солдат и все, что случилось, Германик вошел в лагерь, приказал привести Планка и взял его к себе на трибунал. Затем, выразив сожаление о гибельном безумии, которое снова проявилось не из-за гнева солдат, а вследствие гнева богов, он разъяснил, почему пришли послы. Облекая свое сожаление в красноречивые формы, он говорил о правах посольства, о тяжелой и незаслуженной участи Планка и о том, каким бесчестием себя покрыл легион. И в то время как собрание было скорее поражено, чем успокоено, он удалил послов под прикрытием всадников, взятых из вспомогательных войск.

Во время этого переполоха все порицали Германика за то, что «он не отправился к верхнегерманскому войску, где он мог бы найти повиновение и помощь против бунтовщиков. Слишком много уже наделали ошибок увольнениями, денежными раздачами и мягкими мерами. И если он слишком мало ценит свою жизнь, то почему он оставляет своего маленького сына и свою беременную жену среди людей безумных и нарушающих все человеческие права? Пусть он их по крайней мере возвратит деду и республике». Германик долго колебался, да и супруга его

не хотела с ним расставаться, заявляя, «что она, происходя от Августа, не настолько выродилась, чтобы бояться опасности». Наконец, обняв со многими слезами ее, беременную, и их общего сына, он побудил ее отправиться в путь. Печально двинулись в путь женщины и среди них спасавшаяся бегством супруга полководца, неся на руках маленького сына. Кругом них плакали жены друзей, которые должны были уйти вместе с ними. И не менее печальны были те, которые остались.

Печальный вид кесаря, находившегося не в блеске своего могущества, не в собственном лагере, но как бы в побежденном городе, стоны и плач привлекли к себе слух и взоры солдат. Они вышли из палаток, говоря: «Что это за жалобные звуки? Что это такое, столь печальное? Это знатные женщины, и нет ни одного центуриона, ни одного солдата для их защиты, — нет ничего, что подобает супруге императора, нет даже обычной свиты! Они идут в страну треверов, находясь под чужой защитой». Тогда пробудились в них стыд и сожаление, воспоминание об ее отце Агриппе, об ее деде Августе, о свекре Друзе и о ней самой, замечательно плодовитой матери и славившейся своей скромностью жене, наконец, о ребенке, родившемся в лагере и выросшем на глазах у легионов, которого они назвали солдатским прозвищем «сапожок» (Калигула), так как ему обычно надевали такую обувь для того, чтобы привлечь к нему расположение толпы. Но на них ничто так не подействовало, как ненависть к треверам. Они не пускали ее, просили вернуться, остаться. Часть их побежала навстречу Агриппине, большинство же возвратилось обратно к Германику. Но он, еще чувствуя всю свежесть горя и гнева, так начал свою речь к подступившей к нему толпе:

«Ни жена, ни сын мне не дороже моего отца и моей родины. Но первого оградит его величие, а Римскую империю защитят остальные войска. Мою жену и моих детей, которых я охотно принес бы в жертву и послал бы на гибель ради вашей славы, я теперь удаляю от безумных людей, чтобы какое-либо злодеяние, которое здесь грозит произойти, было искуплено лишь моей кровью и чтобы убитый правнук Августа и умерщвленная невестка Тиберия не сделали бы вас еще более виновными. Какие только дерзкие и позорные поступки вы не осмелились совершить в течение этих дней? Как мне назвать это сборище? Назвать ли вас солдатами — вас, окруживших валом и оружием и осадивших сына своего императора? Или назвать вас гражданами — вас, с таким презрением отнесшихся к авторитету сената? Вы нарушили даже священную неприкосновенность посольства и международное право, признаваемое даже врагами! Божественный Юлий одним только словом укротил восставшее войско, назвав квиритами (гражданами) солдат, не хотевших ему присягать. Божественный Август своим лицом и взором устрашил легионы при Акциуме. Хотя я еще и не равен им, но я от них происхожу. И если бы воин Испании или Сирии отнесся ко мне с презрением, то это уже было бы странным и недостойным его делом. А теперь, ты, первый, и ты, двадцатый легионы, ты, награжденный Тиберием знаменами, ты, соратник его в стольких битвах, осыпанный столькими благодеяниями, как замечательно вы благодарите вашего вождя! Что же, об одном этом я должен буду сообщить своему отцу, который из всех провинций получает лишь радостные вести? Что его молодые воины, его ветераны не насытились ни увольнениями, ни деньгами; что здесь только убивают центурионов, прогоняют трибунов, подвергают заключению послов; что лагери и реки запятнаны кровью и что я сам влачу жизнь из милости среди озлобленных и враждебных людей.

«Зачем вы, непредусмотрительные друзья, вырвали тогда, в день первого собрания из моих рук тот меч, которым я был готов пронзить свою грудь? Лучше, и с большей любовью поступил бы тот, кто предложил бы мне свой меч. По крайней мере я пал бы тогда, не будучи свидетелем стольких преступлений, совершенных моим войском. Вы выбрали бы тогда себе вождя, который хотя и оставил бы

мою смерть безнаказанной, но все же отомстил бы за Вара и за три легиона. Ведь не допустят же боги, чтобы бельгам, предлагающим свою помощь, досталась честь и слава за то, что они пришли на помощь римскому имени и укротили народы Германии! Пусть твоя душа, божественный Август, принятая на небо; пусть, отец Друз, твой образ и память о тебе помогут этим воинам, охваченным стыдом и стремлением раскаяться, смыть это позорное пятно и обратить междоусобную брань на гибель врагу! А вы, у которых я теперь вижу другие лица и другие сердца, если вы хотите снова вернуть сенату послов, повиновение полководцу, а мне супругу и сына, то отойдите от заразы, отделите бунтовщиков. Это будет прочным залогом вашего раскаяния и это свяжет вашу верность».

Смиренно сознавая, что эти упреки справедливы, они стали его умолять, чтобы он наказал виновных, простил заблуждавшихся и повел их против врага; чтобы он призвал обратно свою супругу, вернул бы питомца легионов и не отдал бы их галлам в качестве заложников. Он отказался от возвращения Агриппины вследствие предстоящих родов и зимнего времени, но обещал вернуть сына, остальное же они должны были сделать сами. Изменившись, солдаты стали бегать повсюду и тащить самых ярых бунтовщиков, связав их, к легату первого легиона Каю Петронию, который над каждым в отдельности творил суд и расправу следующим образом: легионы, как бы собранные на сходку, стояли с обнаженными мечами, а обвиняемый показывался на возвышенном месте трибуном; если солдаты кричали, что он виновен, то его сбрасывали и убивали. И солдат радовался убийствам, как будто бы он этим сам себя очищал. А кесарь не противился этому, так как это совершалось без всякого с его стороны приказания, и поэтому жестокость этого поступка и ненависть за него падали на самих солдат. Этому примеру последовали ветераны, которые вскоре после этого были посланы в Рецию под предлогом обороны этой провинции от угрожавших ей свевов, а на самом деле для того, чтобы их удалить из лагеря, возбуждавшего ужас как суровостью исправительных мер, так и воспоминанием о преступлении. Затем он произвел смотр центурионам. По вызову полководца каждый указывал свое имя, свой разряд, свою родину, количество годов службы, а также свои подвиги, совершенные в боях, и какие он получил военные награды. Если трибуны и легион подтверждали его рвение по службе и его невиновность, то он сохранял свою должность. Тех же, кого единогласно обвиняли в корыстолюбии или в жестокости, увольняли со службы.

Здесь, таким образом, дела были улажены, но все еще оставались не меньшие трудности вследствие упорного неповиновения пятого и двадцать девятого легионов, которые зимовали в 60 милях отсюда, — в месте, которое называлось Ветера. Они первые начали восстание. Самые ужасные насилия были совершены их руками. Не устрашенные наказанием своих товарищей и не раскаявшись, они все еще находились в состоянии озлобленности. Поэтому кесарь снаряжает легионы, флот и союзников для того, чтобы отправить их вниз по Рейну, решившись вступить с ними в борьбу в том случае, если они откажутся ему повиноваться.

Однако, Германик, — хотя он уже и собрал войско и был готов отомстить бунтовщикам, — все еще считал, что нужно подождать, не позаботятся ли они сами о себе под влиянием недавнего примера. Предварительно он послал письмо Цецине, в котором писал, «что он идет с большими военными силами, и если они сами до его прихода не накажут злодеев, то он прикажет рубить без разбора». Это письмо Цецина тайно прочел орлоносцам и знаменосцам, а также тем, кто в лагере сохранял верность, убеждая их избавить всех от позора, а самих себя от смерти, ибо в мирное время обращают внимание на суть дела и на заслуги, но когда начинается война, то невинные гибнут вместе с виновными. Потолковав с теми, кого они считали подходящими для этого дела, и видя, что большая часть солдат в легионах остается верной долгу, они, с согласия легата, назначили время, чтобы напасть с ме-

чом в руках на самых дерзких и наиболее готовых к восстанию солдат. И тогда, по условленному знаку, бросившись в палатки, они убили ничего не подозревавших солдат. Никто, кроме соучастников этого дела не знал, каким образом началась эта бойня и когда она кончится.

Внешний характер этой гражданской войны отличался от всех таких когда-либо бывших войн. Тут не было сражения, тут люди не из противоположных лагерей, но из тех же самых палаток, где они днем вместе ели, а ночью вместе спали, делятся на партии и сражаются оружием. Слышен крик, видны раны и кровь, но причина всего этого скрыта. Всем остальным управляет случай. Были убиты и некоторые из благонамеренных, так как бунтовщики, узнав, против кого направлена резня, также взялись за оружие. Ни один легат, ни один трибун не явились, чтобы умерить кровопролитие; толпе была предоставлена свобода насытиться местью. Вскоре после этого Германик вошел в лагерь. Со слезами на глазах он заявил, что это не исцеление, а кровавая баня, и приказал сжечь трупы. Еще бунтовавших солдат охватило желание итти против врага, чтобы искупить свое ожесточение. Ведь они могли успокоить души своих товарищей, лишь покрыв свою грешную грудь честными ранами. Германик, следуя пылу солдат, приказал построить мост и перевел по нему 12 000 легионеров, 26 союзных когорт и 8 эскадронов кавалерии, хорошее поведение которых во время этого восстания осталось незапятнанным».

Так пишет Тацит. Последние слова уже являются переходом к описанию большой германской войны, которое непосредственно следует за этим рассказом. В предыдущих главах нами уже была описана эта война и подвергнуты исследованию вопросы, с нею связанные.

НАБОР

Дион рассказывает (56, 25), что когда в Рим пришло известие о гибели легионов Вара и Август приказал сформировать новые войска, то силы римского народа уже были почти исчерпаны. Добровольцев не оказалось. Поэтому Август приказал бросить жребий и наказал конфискацией имущества и бесчестием каждого десятого из тех, кто был старше 35 лет, и каждого пятого из более молодых; наконец, некоторых даже подверг смертной казни. Это место часто цитировалось, но собственно говоря, из него можно извлечь лишь весьма немногое. Надо было набрать около 18 000 человек. Однако, при пятимиллионном населении это все же является столь большим числом, что его не так скоро соберешь при помощи одного лишь барабана вербовщиков, но с точки зрения народного хозяйства это было очень незначительной повинностью, в особенности потому, что в данном случае не совсем пренебрегали даже вольноотпущенниками и иностранцами. Один лишь годовой контингент молодых римских граждан давал приблизительно 40 000 человек. Поэтому кажется совершенно невероятным, чтобы нужно было брать в войска граждан старше 35 лет, у которых можно было конфисковать имущество и которые, следовательно, были оседлыми жителями, по крайней мере в том случае, если дело действительно шло о формировании запасных легионов, а не об образовании временного ополчения для отражения вторгшихся в Италию германцев. Легче всего из этого рассказа принять факт жеребьевки, так как здесь вообще царил произвол чиновников. Но буквальный текст этого рассказа не говорит об этом; к тому же жеребьевка при такой небольшой потребности в рекрутах и при таком большом количестве боеспособных людей не является таким способом, который можно легко провести в жизнь. Очевидно, на практике этот набор сводился к заключению договоров между вербовщиками и общинными советами, которые, как это было принято обычно делать у нас в XVII и XVIII вв., указывали на тех молодых людей, которые им казались

«ненужными». Но эти команды, состоявшие из людей, которые по субъективным признакам признавались годными и ненужными, часто не обнаруживали никаких склонностей к военному делу, а потому многие из них, как это пишет Светоний («Тиберий», гл. 5), пытались искать убежища в тех домах, в которых крупные помещики держали своих рабов и в которых Тиберий однажды приказал произвести обследование.

Светоний рассказывает («Август», гл. 24): «Римского всадника и его имущество продали с публичных торгов за то, что он отрезал большие пальцы у двух своих молодых сыновей, для того чтобы избавить их от военной присяги». Рассказ этот в такой форме непонятен, так как римский всадник, как состоятельный человек, — если он вообще имел возможность освободить своих сыновей от военной службы, — во всяком случае мог бы найти иные способы, чем отрезывание им больших пальцев. Может быть в данном случае этот рассказ можно объяснить так, что сыновья хотели поступить в армию против воли отца (в качестве центурионов с разрешения императора) и что отец, в страстном порыве после бурной семейной сцены, решился их изуродовать, чтобы таким образом настоять на своем требовании. Но как бы то ни было, такой рассказ во всяком случае не может быть использован в качестве примера, иллюстрирующего римскую систему набора.

В своем сообщении сенату Тиберий сказал (Тацит, «Анналы», IV, 4): «Нужно пополнить войска наборами, ибо добровольных охотников в войска не находится, а если такие и находятся, то они не обладают ни нужной храбростью, ни нужной дисциплиной, так как по большей части по доброй воле идут на военную службу нищие и бродяги».

Разрешение ставить вместо себя заместителя засвидетельствовано Плинием («Посл.», 10, 39), но все же сомнительно, чтобы это разрешение существовало уже в эпоху Августа. К тому же, вероятно, было трудно найти себе заместителей в тот момент, когда формировались новые легионы, которые должны были заменить легионы Вара.

То, что набором часто пользовались для вымогательства, видно из Тацита («Анналы», XIV, 18; «Истории», IV, 4; «Агрикола», гл. 7).

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВСЕГО ВОЙСКА

Тацит («Анналы», IV, 5) в связи с одним сообщением Тиберия сенату в 9-й год его правления указывает, что вспомогательные войска по своей численности приблизительно равнялись легионам: «в удобных местах провинций находились союзнические триремы, эскадроны конницы и когорты вспомогательных войск, в которых было не меньше сил (чем в легионах); но пускаться в дальнейшие подробности было бы неосторожно, так как, смотря по обстоятельствам времени, эти войска переходили туда и сюда, причем их численность увеличивалась, а иногда и уменьшалась». Это следует понимать в том смысле, что вспомогательные войска достигали такой же численности, как и легионы, в те моменты, когда эти вспомогательные войска были особенно многочисленны и когда, следовательно, ввиду угрожавшей войны, численность их могла увеличиваться. Во времена полного мира они были слабее, и это вполне согласуется с теми отдельными вычислениями, которые можно было произвести. Вегеций (II, 1) говорит, что «во вспомогательных войсках обычно записывали меньшее количество, а в легионах значительно большее количество солдат». Но на этом не следует особенно основываться, так как мы не знаем, какому автору принадлежит это замечание и к какой эпохе оно, таким образом, относится.

Глава IX

Теория

Греческая философия пыталась своей мыслью проникнуть во все области духовной жизни и жизни природы, в том числе и в военное дело, подвергая все эти вопросы разработке. В I томе мы разобрали лишь первого из этих военных теоретиков, которого мы можем считать основоположником,— Ксенофонта, отложив дальнейшее рассмотрение этого вопроса до настоящей главы ввиду того, что соответствующие источники сохранились лишь от римской императорской эпохи.

Нельзя сказать, чтобы философы были низкого мнения о ценности своих теорий. До нас дошло небольшое сочинение [1], в котором в качестве введения категорически указывается на то, что Александр смог завоевать весь мир только благодаря урокам Аристотеля. Тут же перечисляются все отдельные формы тактики, которым Александр научился от своего учителя и которые привели его к победам. Когда Ганнибал покинул Карфаген и бежал ко двору царя Антиоха, то там перипатетик Формион стал ему указывать, каким образом он должен был поступить, чтобы победить римлян.

То, что фактически сохранилось от греческих тактиков, едва ли находится на высоте этих требований, — хотя, впрочем, можно сказать и наоборот — действительно стоит на высоте этой мудрости. Удивительно, как скудна эта литература, и тем более удивительно, что два крупнейших человека — Полибий и Посидоний — составили руководства по тактике. Если последние до нас и не дошли, то все же сохранившиеся до нашего времени более поздние труды Асклепиодота, Онюсандра, Элиана и Арриана восходят к ним. Но в этих трудах не проявлено ни капельки разума, а самым удивительным является то, что,—хотя Полибий и пережил победу римской тактики боевых линий над фалангой и даже сам ее описал, а Посидоний жил во времена Цезаря и все остальные вышеупомянутые писатели жили в императорскую эпоху,—но все же ни в одной из этих тактик мы не сможем найти ни слова о легионе и о его своеобразных формах борьбы. Мы находим в них все ту же самую седую теорию, переходящую в течение столетий из одной книги в другую и все еще оперирующую с длиннокопийной фалангой. Мы видим все тот же самый скудный схематизм, который основывает свои вычисления на численности нормальной армии, состоящей из 16 384 человек, так как это число можно постоянно делить пополам и так как оно дает возможность образовывать изящные равномерные подразделения, из которых можно конструировать тактические формы. Нет никакой необходимости дольше останавливаться на этом вопросе и перечислять все те ошибки и даже абсурды, которые были допущены в отдельных деталях [2].

---

[1] Köchly und Rüstow, «Griechische Kriegsschriftsteller», Zweiter Teil, Zweite Abteilung, S. 213.

[2] Нам нет никакой надобности вникать в рассмотрение чисто теоретических суждений, даже если они повлекли за собой вполне реальные эксперименты, как это делает Рюстов (Rüstow, «Geschichte der Inf.», I, 54), ввиду того, что они не оказали никакого положительного влияния.

Из числа римских писателей такой крупный человек, как Марк Порций Катон Старший, написал труд «О военном деле» («De re militare»). Если нам кажется вполне естественным, что именно первый латинский писатель прозаик, взявший в руку заостренную палочку для письма, стал писать как раз о военном деле, то тем удивительнее факт, что у него нашлось столь мало последователей и что в римскую императорскую эпоху свое преобладающее положение сохранили упомянутые нами греческие теоретики, которые имели возможность посвящать свои писания римским императорам. Единственными достойными упоминания военно-теоретическими произведениями римской литературы этой эпохи являются одна утерянная работа Цельза и один труд Фронтина, бывшего очень видным полководцем, жившего в начале I в. н. э. и оставившего собрание военно-исторических примеров. Правда, весьма возможно, что самое лучшее погибло, а именно — те «Положения», которые Август издал для армии и которые были возобновлены и дополнены Траяном и Адрианом. Эти «Положения» являлись тем, что мы называем «уставом» в широком смысле этого слова. Они содержали предписания относительно набора, вербовки, организации, служебного распорядка, строевого учения, снабжения и управления. Может быть, практические указания и предписания были снабжены также теоретическими объяснениями и общими обоснованиями, так что устав был в то же время и руководством по всей военной науке, да к тому же таким исчерпывающим и таким всеобъемлющим, что именно поэтому в данной области уже дальше нечего было делать и не появлялось никакой новой литературы, тем более, что в военном искусстве в эту эпоху мы не видим какого-либо более или менее значительного и существенного прогресса.

Таким образом, в этой области могли появляться разве только технические указания и исследования, как, например, учение архитектора Витрувия о сооружении орудий. В связи с этим следует упомянуть также и описание римского лагерного расположения, приписываемое некоему Гигину.

Труд Катона и «Положения» императоров погибли, не сохранились до нашего времени. Но из них косвенно довольно много сохранилось в работе, составленной Флавием Вегецием Ренатом,—вероятно, при Феодосии Великом, а, может быть, даже при его внуке, Валентиниане III, в V в. Вегеций не был воином, практически знавшим военное дело, и не имел никакого представления о тех вещах, о которых он писал. Да он и не мог иметь эти знания и это представление, так как давно уже не существовало того римского войска, которое мы выше имели возможность изучить. Вегеций оплакивает гибель древней Римской империи и древней римской военной мощи и, делая выдержки из древних писателей, пишет свою книгу для того, чтобы показать, как это было во времена предков и что нужно сделать, чтобы возобновить древнюю славу. Но он не имеет никакого представления о том, что во времена предков также существовали различные эпохи, которые существенно отличались одна от другой, и компилирует свои выдержки, основываясь на более или менее ясных точках зрения, но при этом совершенно не учитывая хронологического момента[1]. Это обстоятельство приносит существенный ущерб

[1] Ферстер (J. G. Förster, «De fide Fl. Vehetii Renati» «Bonner Dissertation,» 1879) обнаруживает во многих местах у Вегеция безнадежную путаницу.

исторической ценности его книги, но так как мы только теперь научились распознавать подобного рода ошибки, то это ни в какой мере не смогло ослабить последующее влияние этой книги и нанести ей какой-либо вред в смысле ее дальнейшего использования. Эту книгу читали в течение всех Средних веков. В эпоху Карла Великого этот труд был обработан применительно к потребностям франкского войска. В «Завещании» графа Эверарда де-Фрея, жившего в эпоху Людовика Благочестивого (837), цитируется какой-то Вегеций. Готфрид Плантагенет при осаде замка Гайяр приказал внимательно просмотреть Вегеция, чтобы ознакомиться с наилучшими способами атаки. Начиная с X и до XV вв. существовало не менее 150 списков этой работы. В эпоху Возрождения эта книга неоднократно печаталась, а австрийский фельдмаршал принц де-Линь объявил ее «золотой книгой» и писал по поводу нее: «Вегеций говорит, что некий бог вдохновил на создание легиона, я же нахожу, что некий бог вдохновил Вегеция».

Наиболее ценные части этой книги восходят, главным образом, к Катону и к «Постановлениям» Августа и Адриана, которые в ней цитируются. Но эта работа не имеет особенного философского значения и потому не оказала действительного влияния на военное искусство и на его развитие. Поэтому на эту книгу теперь смотрят и ее читают только под антикварно-историческим углом зрения. Но все же вполне понятно, почему в течение столь долгого времени ее столь высоко ценили и постоянно изучали. Практические военные деятели испытывают большую потребность в том, чтобы отдавать себе ясный отчет в своих действиях, а Вегеций хотя и не проникает в самую глубину, все же позволяет найти целый ряд положений, выраженных в отчетливой и понятной для всех форме, которые чрезвычайно полезны для размышлений и дискуссий на военные темы. Очень сомнительно, является ли правильным, что необходимо строить прекрасные мосты для противника и что более рекомендуется причинять неприятелю вред понемногу при помощи хитрости, чем полагаться на превратности открытого сражения. Во всяком случае этими положениями очень много оперировали. Что нельзя вести в бой солдат, которые недостаточно обучены; что нелегко разбить того, кто правильно умеет оценивать свои силы и силы своего противника; что всякая неожиданность повергает неприятеля в ужас; что тот, кто не заботится о снабжении своих войск, будет побежден, не подвергшись даже ударам меча,— все это такие истины, которые для своего признания не требуют классического авторитета. Но ведь и общие места должны же быть когда-нибудь формулированы, а будучи удачно облечены в форму теоретических рассуждений общего характера и перемешаны с блестками некоторой учености, общие места очень способствуют тому, чтобы сделать данную книгу популярной.

Даже те доктринерски-фантастические и забавные построения, которые мы иногда находим у Вегеция, как, например, его семь боевых порядков, из которых один имеет форму вертела, не смогли причинить вред его книге. Это звучало по-ученому, и ученые даже с большим удовольствием ломали себе голову над этой удивительной семеркой, подвергая ее изучению; на практике же на этот «вертел» обращалось так же мало внимания, как на «пустой клин» или на «щипцы».

Рассматривая вопрос относительно того, какие страны и какие племена поставляют наилучших рекрут, Вегеций разрешает его в пользу умеренной полосы и указывает, как он сам говорит (I, 2), причину этого явления, опираясь на авторитет самых крупных ученых. Он полагает, что народы, живущие под палящими лучами солнца, засушиваются чрезмерной жарой, и хотя их умственные способности более развиты, они в то же время обладают меньшим количеством крови и в силу этого менее устойчивы в бою холодным оружием: будучи малокровными, они меньше доверяют своим силам и сильнее боятся ран. Северные же народы, не будучи столь умственно развитыми, полнокровны и потому любят войну. Поэтому рекрут следует набирать в умеренной климатической полосе, где люди достаточно полнокровны для того, чтобы презирать раны и смерть, и в то же время обладают некоторым умственным развитием, что способствует поддержанию дисциплины в лагере и весьма полезно во время сражения.

Несмотря на такого рода заблуждения, римская военная литература ясно показывает трезвый склад мышления этого народа, обращенный на разрешение практических задач. Греческая же военная литература,—как в «Киропедии», в которой Ксенофонт изложил свое учение, облекши его в поэтическую форму, так и в системах позднейших писателей,— целиком отразила умозрительный характер мышления греческого народа. Но чем меньше мы будем хвалить выводы греческой философии, имеющие отношение к военному делу, тем меньше мы сможем удержаться от того, чтобы воздать хвалу тому способу, при помощи которого эллины сумели сочетать изучение техники с идеями общего характера. Александриец Герон, написавший книгу о производстве орудий в эпоху Птоломеев, начинает свой труд со следующих вступительных слов [1]:

«Важнейшей и необходимейшей частью философского исследования является та ее часть, которая имеет своим предметом душевный покой, о чем трактовалось в большинстве исследований практических философов и о чем трактуется до настоящего времени,—и я думаю, что теоретическое изучение этой темы никогда не кончится. Но механика стоит выше теоретического учения о душевном покое, так как она учит всех людей той науке, которая при помощи одной, и притом ограниченной, своей части дает возможность людям жить в состоянии душевного спокойствия. Я как раз имею в виду ту ее часть, которая трактует о сооружении орудий. Благодаря ей мы будем в состоянии никогда не испытывать страха, как в мирное время, не боясь нападения врага, так и при возникновении военных действий. Залогом этого является та мировая мудрость, которая скрывается в этих машинах. Поэтому нужно, чтобы эта часть (механики) всегда находилась в полном порядке, и на эту сторону дела нужно обращать самое серьезное внимание, ибо даже во времена самого глубокого мира можно только в том случае надеяться, что этот мир будет все более и более укрепляться, если должным образом будут относиться к делу сооружения орудий и обеспечивать свой душевный покой сознанием того, что это дело выполняется. А если замышляющие дурное заметят, что их противник обращает тщательное внимание на эту сторону дела, то они никогда не отважатся на нападение. Но если этим

[1] См. Köchly und Rüstow, «Griechische Kriegsschriftstellern», I, 201.

пренебречь, то всякое нападение, как бы незначительно оно само по себе ни было, будет иметь успех в том случае, если в городах против них не будет принято соответствующих мер».

Современный артиллерист, а вместе с ним и военный министр, так же как и каждый поборник военных вооружений, должны взвесить все значение этих слов древнего философа.

Глава X

Упадок и разложение римского военного искусства

Обычно принято смотреть на войну римлян с маркоманами при Марке Аврелии, как на прелюдию к торжеству германцев над Римом. Племя маркоманов, постоянно жившее в Богемии, усиленное присоединившимися к нему германскими и негерманскими племенами, перешло через Дунай, опрокинуло римскую пограничную охрану, взяло штурмом города, дошло до Аквилеи и стало угрожать Италии. Император Марк Аврелий заложил коронные драгоценности, чтобы достать денег. Однажды он сам со своим войском попал в очень тяжелое положение и спасся лишь благодаря внезапной грозе, которая стала темой многочисленных легенд. Шестнадцать лет продолжалась эта борьба, пока римляне, наконец, не одолели теснивших их врагов.

Но как ни взволновала эта война римский мир, все же она не была предвестником грядущих событий. Она была, безусловно, одной из пограничных войн, подобной тем, которые велись еще при Августе. Своим первоначальным успехом германцы были обязаны тому обстоятельству, что римляне, вовлеченные в войну с парфянами, бросили все свои силы на восток. Если и нельзя установить того факта, что именно для этой цели были сняты войска с Дуная, то все же возникшие затруднения явились причиной того, что не было возможности отправить туда достаточные подкрепления.

Чума, свирепствовавшая в течение нескольких лет, усилила нужду и затруднения римлян. Когда же германские племена, учтя благоприятный момент, одновременно во многих местах перешли через границу, то римляне сочли это следствием заключения большого союза между варварами, а позднейшие историки — предвестником переселения народов[1]. Однако, на самом деле эта война скорее

[1] Таково вполне справедливое мнение Л. Шмидта относительно войны с маркоманами (L. Schmidt, «Hermes», Bd. 34, S. 135).

относится к эпохе предшествующих, чем последующих событий. Если римское войско однажды и подверглось большой опасности со стороны германцев, то ведь это пришлось испытать еще Друзу и Германику. Продолжительность войны с маркоманами объясняется не тем, что римлянам было слишком трудно прогнать вторгшиеся племена обратно за Дунай, но тем, что германцы захватили громадную добычу, главным образом пленными, которую римляне хотели у них отнять. Эта война явилась прелюдией к будущему лишь в том отношении, что в это время враждебная правительству партия выдвинула другого императора, что парализовало силы Марка Аврелия на Дунае. Несмотря на это, ему, наконец, удалось одержать окончательную победу над дерзко наступавшим неприятелем,—и если мы можем верить нашим источникам, то еще немного оставалось сделать для того, чтобы продвинуть римскую государственную границу за пределы Богемии. Но в это время (180 г.) умер Марк Аврелий, а его юный сын и наследник Коммод не был тем человеком, который мог бы довести до конца это дело. Поэтому границей здесь остался Дунай.

Даже крупные волнения и тяжелые гражданские войны, охватившие всю Римскую империю после падения Коммода, еще не внесли разложения в военную организацию римского государства. Северы— Септимий, Каракалла, Александр — еще могли стремиться к выполнению широких военных планов и завоевательных замыслов на Востоке. Месопотамия опять попала в их руки. Но падение этой династии (235 г.) вызвало кризис.

До этого времени, несмотря на порой крупные потрясения, всегда удавалось в конце концов устанавливать прочное правительство на некоторое —иногда на очень продолжительное—время. Теперь же этого сделать не удалось. Северы, правда, образовали преемственно существовавшую династию, однако, она погибла, будучи насильственно уничтожена. Теперь мы вступаем в такую эпоху, когда мирная преемственность власти становится уже невозможной. Императоры, только что провозглашенные, вскоре после этого низвергаются и умерщвляются. То в одной, то в другой провинции появляются соперничающие императоры, которые ведут междоусобную борьбу. Большие части государства в течение ряда лет остаются самостоятельными, находясь под властью провозглашенных там императоров.

Здесь не место раскрывать во всей широте последние причины этих крупных перемен. Следует только резко подчеркнуть, что здесь ни в коем случае мы не имеем дела с прогрессирующим процессом загнивания. Наоборот, здесь существенным моментом, несомненно, является растущая национальная унификация, которая постепенно уничтожала древнее преобладание города Рима, сжимавшее все в тиски. Пока провинции оставались варварскими, они не имели никакой возможности самоопределиться. Да и чего бы они достигли, если бы оторвались от империи? Такое движение, охватившее Галлию по смерти Нерона, окончилось неудачей вследствие собственной бесцельности. Таким образом, город Рим наложил свой отпечаток на мировую империю и в течение ряда поколений решал участь правительства. Но теперь не только Италия, но и Африка, Испания, Галлия и Британия были латинизированы и пропитаны римской культурой. Равным образом и Восток был проникнут греческим культурным влиянием. Командный состав, гражданские должностные лица,

сословие всадников, даже сенат все более и более пополнялись латинизированными провинциалами [1]. Но именно благодаря этому процессу становилось особенно трудным удерживать вместе насильственно спаянные страны от Каледонских гор до Тигра и от Карпат до Атласа. Покоренные страны и города почувствовали теперь, что они подобны Италии и Риму и равноценны им. Предоставив всем подданным в равной мере римское гражданское право, Каракалла дал государственно-правовое оформление этому явлению.

И в хозяйственном отношении Римская империя до этого времени, конечно, еще не клонилась к упадку, как об этом часто до сих пор еще пишут и говорят. Все страны, расположенные вокруг Средиземного моря, образовывали единый хозяйственный район с трудолюбивым, деятельным населением. В течение целых двухсот лет внутренний мир лишь изредка нарушался, и корабли бороздили из конца в конец не только все Средиземное море, но даже Черное море и океан, не тревожимые злыми врагами торговли — пиратами. Рабство постепенно уменьшалось, так как внешние войны лишь изредка доставляли новых рабов. Уступая необходимости, крупные земельные собственники вновь разделили свои латифундии на мелкие участки, распределив их между арендаторами или колонами. Вместо бессемейных орд рабов на землю все больше и больше садились семьи, которые взращивали детей и тем увеличивали численность населения. Даже знатные семьи начинали переселяться из города в деревню, образуя здесь небольшие хозяйственные и культурные центры. В то время как раньше более или менее крупное значение имели лишь приморские города, теперь выросло много городов, лежавших на реках внутри страны. Поколение за поколением люди строились на сети дорог, которая становилась все гуще и гуще. Громадный административный аппарат, объединявший все государство, функционировал в строгом порядке. Гнет военных повинностей, как мы это уже видели, был не только невысоким, но даже незначительным.

Если мы зададим вопрос о духовно-нравственном состоянии римского населения, то, конечно, нельзя будет даже и говорить о каком-либо вырождении. К последним крупным фигурам собственно древнего мира — Сенеке, Плинию, Тациту — и к великим юристам непосредственно примыкают отцы христианской церкви в эпоху ее образования.

Даже сама гражданская война не обнаруживает в людях ничего старчески дряхлого. Ряд в высшей степени значительных и способных людей — Декий, Клавдий, Аврелиан, Проб, Диоклетиан — один за другим поднимаются на императорский престол. Рим далеко еще не обеднел крупными личностями, государственными людьми и полководцами. Эти императоры были не хуже своих предшественников.

Таким образом, во всех этих явлениях мы не должны искать причин падения империи. Цветущая и прогрессивно развивавшаяся хозяйственная жизнь не могла вдруг и на длительное время резко изменить свой облик, дав внезапно совершенно противоположную картину, да и сам характер римского народа не мог сам по себе настолько измениться, чтобы государство распалось. Здесь скорее про-

[1] Dessau, «Die Herkunft der Offiziere und Beamten des Römischen Kaiserreiches, während der ersten zwei Jahrhunderte seines Bestehens», «Hermes», Bd. 45, 1910.

исходит крупное политическое изменение, которое находит свое яркое выражение в самом мощном орудии политики — в армии.

Римская мировая держава в эпоху своего наивысшего расцвета не смогла создать твердую самодовлеющую верховную власть. Римская императорская власть не была похожа на современные наследственные династии. С самого начала в ней принцип наследственности находился в противоречии с первоначальным моментом — с притязанием полководца, каковым был Цезарь, основавший эту власть. Довольно долго оставалось даже неясным, будет ли его преемником один из его полководцев — Антоний — или его кровный наследник — Октавиан. И это внутреннее противоречие никогда не было преодолено и не могло быть преодолено. Право наследования вкладывало скипетр власти в руки неспособных и несносных людей, а провозглашение императором во время народных волнений в столице сенатом или преторианцами, или же легионами всегда носило характер произвола и узурпации. Против одной узурпации поднималась другая. Довольно удивительным, свидетельствующим о политическом таланте римского народа, является то, что в течение целых полутораста лет после того, как вымерла династия Юлиев, удавалось,—благодаря соглашениям и компромиссам, главным образом, между армией и сенатом,—постоянно все снова и снова устанавливать власть общепризнанного императора, создавая, таким образом, твердый порядок. Когда же этого, наконец, не удалось больше сделать, то в результате наступил кризис, который и привел к окончательному крушению. Основным моментом здесь является перемена, произошедшая в армии.

Как мы уже видели, залогом единства армии было то обстоятельство, что первоначально ядро войск — легионы — составлялось из римских граждан, к которым присоединялись различные иноземные войсковые части. Затем пополнение легионов постепенно стало уделом провинций, а италики сохранили за собой лишь преторианскую гвардию, но, пройдя здесь свой учебный стаж, они поставляли из своей среды большую часть центурионов для легионов. И легионы мирились с этим, так же как и провинции мирились вообще с господством Рима, ибо на этом господстве основывалась империя. Если уже при Тиберии во время одного восстания в Галлии однажды указывалось на то, что в своей основе римский плебс стал уже невоинственным и что сила римского войска покоилась на негражданах [1], то все же государственная мысль основывалась на Риме, а политическая мысль — сильнее, чем одна только военная. Теперь же это римское господство, существовавшее в течение ряда поколений, романизовало самые провинции. И внутренняя причина господства Рима перестала существовать, сама себя упразднив. Возвышение императора Септимия Севера указывает на восстание провинций против господства италиков. Император приказал казнить италийских центурионов, упразднил италийский преторианский корпус и заменил его избранными из легионов.

Если бы, действительно, была полностью проведена романизация провинций, то эта перемена означала бы не ослабление, но усиление

---

[1] Тацит, «Анналы», III, 40.

армии. Однако, наряду с этим процессом и при романизации провинций здесь все еще сохранялась некоторая доля варварства и национальной обособленности, что влекло за собой ослабление единства армии, а также и то, что при переворотах иллирийцы или африканцы, восточные или западные народы, обнаруживали себя в качестве таковых, заставляя считаться с собою, стремясь к власти, и тем самым не давали возможности установить длительный и прочный порядок.

Тот факт, что многие императоры, быстро следуя один за другим, часто менялись на троне, стал с этого времени указывать на болезненное состояние армии, на лихорадку с высокой температурой, которая в короткий срок подкашивает силы человека, бывшего совсем недавно здоровым. Легионы сознавали свое право избирать императора, ставя при этом свои условия. Главной задачей римских государственных деятелей было после каждого потрясения — и несмотря на него — поддерживать дисциплину и снова ее восстанавливать. Это было возможно лишь в том случае, если между отдельными восстаниями были более или менее длительные промежутки, во время которых сильная рука твердой власти заставляла признавать свой авторитет и с собой считаться. Этого постоянно удавалось достигать в течение первых двух столетий. Но теперь наступило такое время, когда толчок следовал за толчком. Солдаты потеряли чувство того, что они зависят от императора, а императоры стали зависеть от солдат. Непрерывная смена провозглашений и убийств императоров, постоянная гражданская война и переход от одного правителя к другому разрушили тот цемент, который скреплял до этого времени твердое здание римской армии — дисциплину, которая составляла боевую ценность этих легионов. Императоры, пытавшиеся удержать и вновь восстановить дисциплину,—Пертинакс, Постумий, Аврелиан, Проб,—были именно вследствие этого убиты.

Но гражданская война, в связи с внезапно развившимся естественным процессом, влекла за собой и хозяйственную катастрофу, которая вовлекла в свой водоворот римское военное дело и в конце концов поглотила его. Существенным элементом всякой высокой культурной жизни является благородный металл, который, будучи отчеканен в форме монеты, приводит в движение хозяйственные силы социального организма. Античная культура и римское государство были бы так же немыслимы при отсутствии большого количества золота и серебра, как и при отсутствии большого количества железа. В частности, содержать большое постоянное войско можно было лишь на базе денежного хозяйства. Налоги, собиравшиеся с населения внутренних провинций, давали возможность держать на границах легионы, которые со всех сторон охраняли государство от варваров. Но в III столетии стал ощущаться недостаток в благородных металлах. Источники нам прямо не указывают на то, каким образом это произошло. Во все эпохи замечается довольно значительная убыль в драгоценном металле вследствие стирания и полировки, а также вследствие того, что металл теряется, прячется и погибает во время пожаров и кораблекрушений. Плиний же сообщает нам, что очень много золота и серебра ушло в Индию и в Китай, с которыми поддерживалась значительная, но почти совершенно пассивная торговля, что подтверждается и монетами, которые даже в наши дни были най-

дены в этих странах. Уже Тиберий жаловался на то[1], что римляне отдавали свои деньги чужим народам за драгоценные камни, а при Веспасиане ввоз с Востока равнялся не менее чем 100 млн. сестерций (22 млн. марок) в год. Таким образом, за два столетия, протекших от Августа до Септимия Севера, около 4 млрд. марок благородного металла могло утечь из Римской империи в Индию и в Восточную Азию[2]. В китайских хрониках написано, что в Небесную империю прибыл посол от императора Ан-Туна. Может быть, это был римский купец, живший при Антонине Пии.

Много благородного металла ушло, не вернувшись обратно, в варварские страны, в особенности в Германию, в качестве жалованья, а вскоре затем и в качестве дани. И мы имеем много указаний на то, что все эти убытки не были возмещены, так как известные до того времени и разрабатывавшиеся горные рудники, находившиеся на берегах Средиземного моря, оказались уже исчерпанными для тогдашней техники. Да и в наше время нельзя было бы обслужить всю торговлю при помощи наличного запаса металла, если бы не научились увеличивать металлические запасы посредством различных форм кредитных средств, бумажных денег, банкнот, векселей и чеков. И все же, несмотря на это, мы оказались бы в затруднении, если бы не обнаружились совершенно неожиданно новые большие золотые разработки в Южной Африке (я говорю о времени до 1914 г.).

Все еще нерешенным остается вопрос о том, могли ли римляне с чисто технической точки зрения изобрести современные средства обращения, которые заменяют наличные деньги? Действительно, карфагеняне пользовались некоторое время кожаными деньгами, а у римлян существовали некоторые начатки банковского дела с платежными учреждениями и переводными и чековыми операциями, которые при Адриане были поставлены под государственный контроль[3].

Но для того чтобы применить в широком масштабе такие средства и такую организацию,—чтобы обеспечить оплату кредитных знаков и предупредить их подделку,—нужны были такие технические предпосылки, которые еще не существовали в древности и которые потребовали столетий для своего создания. Но, не говоря уже о технических предпосылках, в эту эпоху отсутствовала еще более важная и необходимая политическая предпосылка возможности существования годных для употребления кредитных денег; эта предпосылка заключалась в наличии прочных, внушающих доверие политических условий. Между тем, римляне утеряли их как раз в тот момент, когда они более всего в них нуждались. Борьба императоров за власть, которая в то же время была борьбой за жизнь, поглотила все силы и потребовала максимального напряжения внимания. И в эту эпоху не знали иного средства, кроме постоянной порчи монеты. При Августе серебряный денарий чеканился из чистого се-

---

[1] Тацит, «Анналы», III, 53.

[2] Nissen, «Der Verkehr zwischen China und dem Römischen Reich», «Bonner Jahrbücher», Bd. 95.

[3] Mitteis в своем исследовании об античном банковском деле, основанном на изучении папирусов («Zeitschrift für Rechtsgeschichte. Rom. Abt.», Bd. 19) устанавливает, что как раз следы жиро-операций, которые в данном случае были бы особенно показательны, чрезвычайно слабы.

ребра, при Нероне лигатура в нем составляла от 5 до 10%, при Траяне —15%, при Марке Аврелии —25%, при Севере, около 200 г., — 50%, при Галлиене, 60 лет спустя, антониан, заменивший денарий, содержал всего лишь 5% серебра[1]. Денарий, стоивший на немецкие деньги при Августе 87 пфеннигов (около 3 руб. 75 коп. по курсу 1936 г.—Ред.), при Диоклетиане упал до $1^4/_5$ пфеннига. Чеканка золотой монеты уже при Марке Аврелии стала испытывать затруднения, при Каракалле монеты были уменьшены, а затем выплавка стала настолько неравномерной, что золото совершенно потеряло характер монеты и стало приниматься лишь по весу[2]. Все владельческие и правовые отношения, которые основывались на деньгах, были опрокинуты и, сами собой упразднившись, рассеялись и исчезли. Нужда в деньгах сменявших друг друга императоров, раз вступивших на наклонную плоскость, стала все сильнее и сильнее давить на население[3]. Налоги, взимавшиеся по древним установлениям и распоряжениям, уже не приносили больше дохода. Гелиогабал однажды потребовал, чтобы налоги платились золотом, но золота не было в достаточном количестве[4]. Его преемник Александр Север понизил налоги на $^1/_3$ их прежнего размера, для того чтобы получить возможность хотя бы что-нибудь взыскать с населения[5]. Максимин Тракс конфисковал все доходы и фонды, пожертвованные в пользу общественных игр, украшения общественных мест и дары, посвященные храмам, сделанные не только из золота и серебра, но даже из бронзы, чтобы все это перечеканить на монету[6]. Аврелиан сделал попытку упорядочить денежную систему и предпринял для этой цели ряд таких насильственных мероприятий, которые вызвали в Риме настоящее крупное восстание. Но ни он, ни его преемники не были в состоянии разрешить эту задачу.

О состоянии римской монетной системы можно было даже в наши дни получать ясное представление всякий раз, когда случай давал возможность обнаружить некогда скрытый клад. В таких кладах находили часто целыми тысячами биллоновые и разменные монеты, которые почти совсем не имеют никакой цены. В шкатулках римских граждан уже совсем отсутствует серебро и золото, которые можно было бы припрятывать. Но клады, найденные на германской почве,

---

[1] Согласно B. Pick, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Bd. 5, 918, 2 Auflage.

[2] Mommsen, «Römisches Münzwesen», S. 755, 777.

[3] Как показывает одна надпись, найденная в Африке, была сделана попытка сократить количество войск и выплачиваемого им жалованья. См. Domaszewski, «Rheinisches Museum», 58, 383. Мамеа сократил как число, так и жалованье принципалов, но само собой разумеется, что это не могло дать какие-либо результаты. Ведь слишком сильна была потребность в солдатах и в их доброй воле, как на границах, так и внутри государства.

[4] Хотя вес золотых монет и был сокращен, однако, их лигатура не подверглась таким изменениям, как лигатура серебряных монет. Отсюда можно также сделать вывод, что золото в качестве монеты уже почти не обращалось; в противном случае, конечно, не преминули бы обратиться к изменению лигатуры, как к очень удобному средству. Источники указывают нам на недостаток золота. См. «Vita Aureliani», 46, cit. Mommsen, «Geschichte des römischen Münzewesens», S. 832.

[5] Согласно буквальному смыслу гл. 39 «Script. Hist. Aug. Vita Alexandri», налог был уменьшен до $^1/_{30}$. Но предложенные Родбертусом исправление и истолкование этого места, согласно которым здесь идет речь об $^1/_{30}$ оценочной стоимости, в то время как раньше требовалась $^1/_{10}$, обладают по меньшей мере тем преимуществом, что создают нечто объективно возможное и вероятное.

[6] Seeck, «Preuss. Jahrb.», 56, 279.

состоят из хороших старых монет. Варвары умели отличать настоящие деньги от иллюзорных и требовали в качестве жалованья или дани нечто реальное.

Валютная катастрофа привела цветущую хозяйственную жизнь Римской мировой империи в состояние застоя. В артериях этого гигантского тела иссякла кровь, и они высохли. В течение III столетия денежное хозяйство почти совсем отмерло, и культурный мир снова соскользнул в сферу натурального хозяйства. Но мы неправильно поняли бы эти явления, если бы сочли, что натуральное и денежное хозяйства абсолютно противоположны. Этого на самом деле нет. Даже в высшей степени развитом денежном хозяйстве сохраняются некоторые остатки и элементы натурального хозяйства, но то натуральное хозяйство, к которому соскользнула хозяйственная жизнь культурного мира в III столетии, застряв в этом состоянии, как это обычно признается, на целых 11—12 веков, никогда не знало полного отсутствия наличных денег и их употребления. Дело идет лишь о настолько резком проявлении одного и ослаблении другого элементов, что мы имеем право просто a potiori (по преимуществу) употреблять термины «денежное и натуральное хозяйство».

Мы легче поймем происшедшее в III столетии возвращение культурного мира из сферы денежного хозяйства в область натурального хозяйства, если уясним себе, каких колоссальных запасов благородного металла требовал хозяйственный организм Римской империи для того, чтобы нормально функционировать. Почти вся армия была расположена вдоль границ. Лишь очень незначительная доля тех налогов, которые собирались в провинциях, тратилась внутри этих провинций. Часть этих денег отправлялась в Рим и иногда на довольно долгое время превращалась в сокровища, большая же часть этих денег отправлялась в полевые лагери и распределялась в качестве жалованья между солдатами. Эти деньги могли лишь постепенно возвращаться в провинции в виде уплаты за товары и поставки. При торговых операциях платежи производились наличным серебром и золотом. Солдаты также требовали, чтобы им платили жалованье наличным серебром или золотом, а императоры собирали эти благородные металлы в своей казне в Риме или раздавали его плебсу, чтобы он сохранял спокойствие. Ежегодное жалованье, выплачиваемое армии (за исключением снабжения и вещественных затрат), достигало при Августе приблизительно 50 млн. денариев. А в Анкирской надписи (Monumentum Ancyranum) Август хвалится тем, что роздал гражданам в общей сложности 919 800 000 сестерций (254 950 000 денариев — приблизительно 25 млн. марок). Государственные денежные транспорты, шедшие из таких провинций, в которых не было гарнизонов, как, например, из Аквитании, Сицилии, Греции, должны были непрерывно итти на Рейн, на Дунай, в Рим, а торговцы, удовлетворявшие потребности солдат, двора и римских граждан, снова переправляли эти деньги обратно. Но при медленности этого транспорта и денежных оборотов даже самый маленький городок и даже самая последняя деревня, которые должны были платить свои налоги, принуждены были иметь значительные запасы наличных денег, для того чтобы вся эта система могла бесперебойно функционировать.

В III столетии этот запас стал настолько малым, что вся система рухнула. И то самое средство, при помощи которого было несколько улучшено положение,—кажущееся увеличение денежного оборота, до-

стигнутое благодаря ухудшению качества монеты,—должно было повлечь за собой окончательный кризис, так как непрочность и неопределенность мерила ценности нарушили правильное функционирование административного аппарата и парализовали торговлю. Еще до того, как начались настоящие вторжения варваров, римские подданные во второй половине II столетия,—как это ясно показывают клады, найденные уже в наши дни,—стали зарывать свои наличные деньги в землю, пряча их от сборщиков налогов.

После того как Диоклетиан (284—305 гг.), благодаря своему крупному государственному таланту, сумел на некоторое время снова установить прочный порядок, он, напрягая все силы, стал пытаться упорядочить также валютную и хозяйственную системы. Он попытался на основании закона фиксировать совершенно исчезнувшее равновесие между деньгами и товарами, издав необычайный закон, регулирующий цены; этот закон, высеченный на камне, должен был быть выставлен во всех городах государства, благодаря чему текст этого закона в многочисленных обломках в своей большей части сохранился до нашего времени. Но смертная казнь, грозившая за нарушение этого закона, не смогла преодолеть естественный закон экономики. Специальные исследования должны здесь разъяснить еще много отдельных деталей, нашей же задачей в данном случае является лишь установить факт перехода к натуральному хозяйству.

Государство, видя невозможность взимать налоги наличными деньгами, все больше и больше расширяло систему поставок натурой, которая с давних времен существовала наряду с налогами. Группы ремесленников были превращены в твердые, наследственные и замкнутые корпорации, которые должны были выполнять общественные работы. Пекаря пекли хлеб, корабельщики перевозили зерно, горнорабочие шурфовали, крестьяне поставляли подводы, городские советы организовывали общественные игры и топили бани. Чиновники получали в качестве содержания из общественных магазинов определенными рационами и порциями зерно, скот, соль, масло, одежды, а наличными лишь карманные деньги.

Какое влияние оказала эта перемена на организацию армии?

Первый след этого пути, ведущего к упадку, я нахожу уже в эпоху царствования того императора, который вступил на престол в качестве вождя провинций, восставших против господства италиков, — императора Септимия Севера (193—211 гг.). О нем сообщают, что он увеличил порцию выдаваемого солдатам зерна и разрешил им жить с их женами. Правда, это было понято как доказательство благосклонности и послабления, но все же этот император был настолько опытным и способным солдатом и государственным деятелем, что, конечно, не сделал бы такой чреватой последствиями и роковой уступки, если бы не был вынужден к этому очень серьезными и вескими причинами. Но эти причины нам станут ясными, если мы рассмотрим указанные два постановления не изолированно, а в их внутренней связи. Император, при котором лигатура серебряного денария достигла 50%, правда, повысил жалованье солдатам при своем вступлении на престол, но он вряд ли был в состоянии регулярно уплачивать солдатам жалованье деньгами. Поэтому он увеличил выдачи натурой и дал возможность использовать эти более крупные порции, разрешив пользоваться ими вместе с семьями.

С этим вполне согласуется недавно найденная надпись, относящаяся ко времени царствования названного императора, в которой один солдат называет себя арендатором легионной пашни [1]. А наряду с этим мы уже знаем [2] о постановлении Александра Севера, что пашни, предоставленные пограничным солдатам, должны передаваться их наследникам лишь в том случае, если они снова становятся солдатами. Вследствие этого легионеры, которые прежде строго держались все вместе в лагерях и крепостях, которые жили здесь, подчиняясь строгой дисциплине, и даже по закону не могли иметь жену, стали теперь жить,—как это, впрочем, уже задолго перед тем стало совершившимся фактом в египетских легионах [3], — вне лагеря, в разбросанных повсюду собственных хижинах, со своими женами и детьми, могли возделывать свои поля и принуждены были лишь на некоторое время собираться вместе для прохождения военной службы. И хотя этот процесс задерживался в своем развитии при Северах, все же при следующем поколении он окончательно оформился.

Так разрушилось самое существо римского легиона.

Человек, который являлся наиболее характерным для римского военного дела типом,—центурион — исчезает из надписей в конце III столетия. В более поздних сводах законов он уже является нам в качестве должностного лица, служащего в конторе. К тому же самому времени исчезают таможенные и налоговые чиновники и, как мы уже видели выше, оба эти факта самым тесным образом связаны между собой [4].

Название легиона сохраняется еще в течение долгого времени. В государственном справочнике, относящемся к началу V столетия, в «Расписании должностей» («Notitia dignitatum») насчитывается около 175 легионов, в то время как при Септимии Севере их было 33, но уже как показывает это число (175), легионы стали теперь небольшими войсковыми частями совсем другого рода. Все еще, как и при прежних императорах, солдаты для легионов по закону набирались, а на самом деле вербовались, причем часто даже в насильственном порядке. Народные массы, находившиеся в распоряжении правительства, были гораздо многочисленнее, чем во времена Августа, но зато уже исчезла та военная организация, которая из рекрут формировала солдат, создавая высокую ценность древних легионов.

---

[1] 1 октября 205 г. солдат 14-го легиона Г. Юлий Катуллин посвятил Юпитеру алтарь и назвал себя на нем «арендатором Фурианской пашни на пятилетие Нерт. Келерина, первой роты». Надпись эта найдена на Шифлерхофе, южнее Петронелла, близ Вены, и была издана в Ber. d. Ver. Carnuntum in Wien f. d. Jahr.» 1899, S. 141. Таким образом, солдатам регулярно сдавались в аренду легионные пашни (pratum). В различных надписях этой же эпохи равным образом упоминаются и «пятилетия» (lustra). Уже издатель этой надписи Берманн вполне справедливо сопоставил ее с разрешением, которое дал Септимий Север солдатам жить со своими женами.

В военном дипломе № 90 C. 1. L. III. Suppl. S. 2001, очевидно, говорится о сыновьях «крепостных воинов» (milites castellani, — сохранились лишь буквы... lani). Так как здесь идет речь лишь о сыновьях центурионов и декурионов, то Зеек («Paulys Realenzyklopedie, s. v. castellum») решил, что вопрос касается особого разряда солдат, стоящих над нижними чинами. Я же думаю, что эту надпись следует скорее связать с вышеприведенными фактами. Моммсен относит эту надпись к периоду от 216 до 247 гг.

[2] «Vita», cap. 58.

[3] Premerstein, «Klio», III, 28.

[4] Бидерманн в частности устанавливает, что уже в середине III столетия исчезла древнеегипетская административная система, («Studien z. Aeg. Verwaltungsgesch.» 1913).

Но древнеримская армия, как мы знаем, состояла из двух существенно отличавшихся друг от друга составных частей: наряду с более или менее романизованными легионами и постепенно подвергавшимися романизации провинциальными вспомогательными войсками [1], ценность которых основывалась на их воинской дисциплине, стояли самые настоящие варвары, боевая ценность которых покоилась на их ненадломленной дикости. Эта боевая ценность не пострадала ни от падения авторитета верховного полководца, ни от новых хозяйственных условий.

В предыдущих разделах настоящего труда (том I, стр. 399) мы уже ставили вопрос о том, в каком отношении стояла боевая ценность римского легиона к равному по своей численности отряду храбрых варваров, и пришли к выводу, что римская дисциплина не могла достигнуть такой ценности, которая намного превышала бы ценность отряда варваров. Перевес римского войска объяснялся скорее стратегическими, нежели тактическими причинами, заключаясь в том, что римские полководцы могли в решительный момент ввести в бой силы, превосходившие силы противника. Если так обстояло дело с лучше всего дисциплинированными римскими легионами, то совершенно ясно, что недостаточно дисциплинированные римские войска не могли устоять против варваров. Из рассказов Цезаря известно,—и он сам постоянно на это указывает,—каково было различие между старыми и новыми войсками. Хотя римские легионеры, ведшие со времен Северов крестьянскую жизнь и созывавшиеся лишь для несения военной службы, еще дрались, но это уже не были легионы Германика или Траяна. Также и до Цезаря римские легионы созывались лишь во время военных действий и для ведения войны, но и они очень часто не стояли на достаточной высоте и закалились лишь во время войны. При первом столкновении с кимврами и тевтонами им пришлось довольно плохо, и мы знаем, с каким страхом они выступили против Ариовиста. Лишь став в полном смысле этого слова профессиональными солдатами, они полностью смогли развить свою боеспособность. И теперь, когда легионы потеряли это свойство и снова приобрели характер, скорее, милиции, боевой перевес перешел не только на сторону неприятеля, но даже внутри самой императорской армии перешел на сторону варварских вспомогательных войск; и это выражалось тем сильнее, чем больше усиливали свою исконную боевую ценность варвары благодаря прохождению римской службы и снабжению римским предохранительным и боевым вооружением. Лучшую часть армии составляли теперь не легионы, но варвары, а, следовательно, германцы, и этот поток со все возраставшей быстротой затоплял римское военное дело. В тех гражданских междоусобных войнах, которые теперь вели между собой римские императоры, тот из них имел наибольшие шансы на победу, на

---

[1] Принято думать, что уже во II в. было увеличено количество вспомогательных войск, так как они в то время были гораздо менее требовательны, чем легионы. Ведь они при Августе получали лишь третью часть жалованья легионов и не претендовали на получение крупных пожалований. В то же время легионы постоянно повышали свои требования, а их боеспособность падала. См. Domaszewski, «Heidelberger Jahrb.» 10, 226. Это предположение противоречит высказанному мною мнению, что вспомогательные войска могли быть превращены в легионы. И то и другое предположения являются лишь возможными предположениями; весьма вероятно, что оба эти явления существовали одно наряду с другим.

захват престола и на спасение собственной жизни, кто имел возможность повести в бой наибольшее количество варваров. Соперничая между собой, императоры принимали к себе на службу не только отдельных волонтеров, вступавших в римскую армию, но и целые племена, вооружали их и вели к самому сердцу Римской империи, чтобы с их помощью завоевать или защитить престол.

В IV столетии римское войско представляло уже совсем иную картину, чем та, которая нами была изображена выше. Кажется, что Диоклетиан ввел в систему ту перемену, которая явилась в результате естественного влияния изменившихся условий, Константин же закончил оформление нового порядка. Войска стали теперь делиться на четыре отдельные группы: императорскую, свитскую, ложносвитскую и пограничную. Прежняя преторианская лейб-гвардия, вербовавшаяся из италиков, была упразднена уже Септимием Севером и заменена новым гвардейским корпусом, который составлялся посредством выделения солдат из легионов, так что назначение в эту гвардию было для выслужившегося солдата из провинциального легиона своего рода наградой. Эта реформа не имела собственно военного значения; она важна для нас лишь как симптом исчезновения древнего господствующего положения Рима и Италии над провинциями [1]. И если все же мы находим войска, которые носят название «императорских», то это, в сущности, не что иное, как прежняя гвардия. Но наряду с этими войсками теперь имеются и особые войска, называемые «свитскими» (comitatenses), так как они обычно сопровождают императора. Это является некоторой новостью постольку, поскольку в прежние времена, как мы это знаем, почти вся армия стояла на границах. Но императоры теперь уже не могли обойтись без более или менее крупных войсковых частей, которые должны были постоянно находиться в их непосредственном распоряжении, несмотря даже на то, что вследствие этого им приходилось обнажать границы и открывать их вторжениям варваров, в чем их и упрекают писатели той эпохи.

Правда, на границах еще находились войска, которые носили название «пограничных» (limitanei) или «береговых» (riparienses). Но защита, предоставляемая этими войсками, была весьма незначительна, так как это были не дисциплинированные корпуса, а пограничники в том смысле, как мы понимаем это слово теперь, т. е. крестьяне, на которых была возложена в качестве военной службы охрана границ. Мы уже видели, что от такой милиции можно было ожидать лишь весьма малого сопротивления германским воинам, настолько слабого, что именно этот факт объясняет нам существование четвертого вида войск — «ложносвитских» (pseudocomitatenses). Так как одни пограничные войска могли оказать некоторую помощь лишь против простых разбойничьих шаек, то все же наряду с ними на границах располагались и некоторые организованные войсковые части, которым и было дано это причудливое название, так как их организация походила на организацию свитских войск, хотя они, собственно говоря, и не сопровождали императора.

Распадение армии на эти разнообразные войсковые части объясняет нам факт необычайного увеличения числа легионов. Прежние легионы были упразднены. Часть их личного состава была поселена

[1] Я думаю, что не следует придавать какое-либо значение военным забавам Каракаллы, о которых пишут Дион (77, 7) и Геродиан (IV, 8, 2, 3).

в области прежнего гарнизона в качестве пограничников, другая часть еще представляла некоторое единство в качестве «ложносвитских» войск, и, наконец, остальные перешли в состав свитских, или императорских, войск. Все составные части и новые образования продолжали носить название легионов. Но все же для обозначения войсковой части, в особенности же части действующей армии или полевых войск, преобладающим теперь является просто некоторое «число» (numerus), которое теперь чаще всего употребляется.

Если бы мы могли себе представить, что в частях императорских (palatini), свитских (comitatenses) и ложносвитских (pseudocomitatenses) войск или хотя бы лишь в двух первых названных группах продолжала еще существовать древняя римская дисциплина, и если бы, кроме того, было правильно, что общая численность римского войска сильно возросла, то эта новая форма, в которую облеклось римское войско, ни в каком случае не показалась бы нам ухудшением прежней. И мы могли бы тогда сказать, что прежние преторианцы продолжали существовать в императорских войсках, а легионы — в свитских, и что эта профессиональная армия и эти полевые войска были дополнены и усилены пограничной милицией — пограничниками.

Но это было не так. Общая численность римской армии,— в особенности если мы примем во внимание лишь половинную боевую ценность пограничных войск,— скорее уменьшилась, нежели увеличилась. А в тех войсковых частях, которые все еще попрежнему назывались «легионами», мы уже должны теперь видеть не хорошо обученных и строго дисциплинированных легионеров классической эпохи, но более или менее обученные и пригодные отряды наемников. И чем больше имеется варваров в этих отрядах, тем они лучше. Рассказывают, что император Проб распределил между легионами 16 000 германских рекрут, для того чтобы можно было воспользоваться варварской силой, но чтобы в то же время не было слишком заметно, с чьей помощью одерживались победы. Природная сила должна была заменить то, чего уже не могла достигнуть дисциплина.

Одновременно с римской дисциплиной исчез и тот своеобразный римский тип сражения, который состоял в искусном соединении метания дротика с применением в бою меча и который возможен лишь при наличии очень хорошо обученных войск [1].

Теперь также и римляне стали применять в качестве боевого порядка германское каррэ и построение в форме «кабаньей головы».

Варварские вспомогательные войска, которые до этого времени в римской военной системе являлись лишь вспомогательными частями, образуют теперь самый костяк и основную силу римской армии. И в иерархическом порядке мы можем констатировать влияние того же самого принципа: чем бо́льшим варваром является тот или иной воин, тем он знатнее, и чем больше он римлянин, тем менее значительное положение он занимает. Посвятительные надписи показы-

---

[1] Петерсен (Petersen, «Die Markus-Säule. Textband», S. 44) пишет о легионерах, изображенных на рельефе: «Их щит редко воспроизводит форму правильного scutum, а их копье никогда не изображено в виде pilum». И далее, на стр. 45: «Иногда на них надеты штаны». Я не знаю, каким образом следует объяснить эти поразительные явления. Так же и в рассказе Тацита о войнах с германцами мне бросилось в глаза то обстоятельство, что здесь очень слабо отмечены своеобразные черты римского боя при помощи дротиков.

вают нам, как, начиная с III столетия, выдвигается на первый план культ Марса и Геркулеса и как перед ними отступают назад капитолийские божества. А Геркулес — это германский бог Донар[1].

Римские полководцы до этого времени были сенаторами. Еще в течение всего I столетия существования Римской империи мы можем наблюдать своеобразное явление, что, в то время как армия в самом строгом смысле этого слова состояла из профессиональных солдат, именно высшие командиры и полководцы носили характер чиновников. А теперь уже исчезает легат, облеченный званием сенатора, командиром же легиона становится простой солдат, и очень скоро это уже не римлянин, но германец[2]. В результате этого теперь уже резко отделяются друг от друга,— чего совершенно не было раньше,— гражданское чиновничество от командного состава, вплоть до самых высших должностей. До настоящего времени этот факт обычно понимался как преднамеренный шахматный ход, предпринятый императором Галлиеном против сената. Но это истолкование должно быть перевернуто. Здесь дело идет не столько о сужении функций сената, сколько о сохранении гражданской государственной власти в руках римлян, так как командование войсками начинает соскальзывать в руки варваров.

Войско римского государства становится германским. Римские легионы в конце концов не были побеждены и преодолены варварами, но были заменены сыновьями Севера. Этот факт в его правильном понимании открывает нам врата, через которые мы вступаем в ту эпоху мировой истории, которую принято называть «эпохой переселения народов».

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Господствующая теория не дает единого и ясного ответа на вопрос относительно социально-экономического состояния Римской империи. С одной стороны, нельзя не признать того, что перед нами имеется налицо факт высокого расцвета, о чем до сих пор красноречиво свидетельствуют развалины грандиозных сооружений той эпохи. С другой же стороны, в древних источниках мы находим такое большое количество жалоб на упадок, что не имеем никакой возможности пройти мимо этого факта, а потому принуждены говорить о все прогрессирующем упадке, и именно — о постоянном уменьшении численности населения. Впервые некоторый порядок в этот путаный вопрос внесли И. Юнг в своем труде «Венские исследования», I, 185 (1879 г.) и Макс Вебер в своей «Римской аграрной истории» (1891 г.). Однако, мне кажется, что ни эти исследователи, ни Эд. Мейер в своей чрезвычайно ценной статье «Экономическое развитие древнего мира» («Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie», 1895) все же не внесли достаточных коррективов в существующую традицию.

Если мы внимательнее всмотримся в те отдельные места источников, которые якобы свидетельствуют об уменьшении численности населения, то увидим, что речь идет либо о местных, либо о временных явлениях, которые ничего не доказывают ни по отношению ко всей империи, ни по отношению к целым столетиям.

---

[1] V. Domaszewski, «Die Religion des römischen Heeres», S. 49. Ср. также стр. 113.

[2] Банг (Bang, «Die Germanen im römischen Dienst», S. 91) считает возможным допустить, что высшим военным постом, который был достигнут германцем в доконстантиновскую эпоху, была должность dux'a в Pannonia Secunda Savia, которую занимал один батавец. Остальные указания Банг отвергает. Но уже Риттерлинг выступил против этой точки зрения Банга и указал, что Банг зашел в этом отношении слишком далеко («D. Lit. Zeit.», 1908, 17).

Если Плиний сообщает (Hist. nat. VII, 45), что Август ввиду недостатка молодежи призывного возраста однажды был принужден приступить к набору рабов, или если в «Жизнеописании Марка Аврелия» (Scr. hist. Aug., cap. 11) однажды встречается фраза «истощенная Испания», то из этого все же нельзя сделать никакого вывода. Здесь дело идет лишь о случайных, мгновенных затруднениях; так, например, Испания при Марке Аврелии была очень сильно изнурена чумой[1].

Если Домициан в 92 г. запретил превращать пашни в виноградники и даже приказал уничтожить в провинциях половину всех виноградников (Светоний, 7), то это ни в коем случае не указывает на неблагоприятное положение, а скорее на пышное развитие народного, в частности сельского, хозяйства. Поводом к этому послужило повышение в этот момент цен на зерно. Причиной этого явления, очевидно, считали возраставшее потребление вина, затем — то предпочтение, которое сельские хозяева отдавали виноделию, и, наконец, привычку полагаться на внешний ввоз зерна. Этим и объясняется появление закона о роскоши, который должен был вернуть народ обратно к более простым и древним способам обработки почвы и обычаям, связанным с потреблением.

Уже Страбон (VI, гл. 1) пишет про Сицилию, что она находилась в состоянии упадка и была бедна людьми. Подобные слова слышим мы и о Греции, в особенности об Эвбее, а также о ближайших окрестностях самого Рима, о некогда столь плодородном древнем Лациуме. Но все это лишь очень небольшие кусочки всей громадной Римской империи, причем все эти явления объясняются особыми причинами. И в некоторых других местах можно было наблюдать, что земледелие в непосредственной близости большого города приходило в упадок и заменялось пастбищным хозяйством. Так, например, Эд. Мейер приводит в качестве аналогии этому факту современный Дублин. Сицилия очень сильно пострадала вследствие тех войн, которые там велись с рабами. Однако, ее вывоз в Рим был все еще весьма значительным. Также и Италия в последнем столетии существования республики вступила в полосу упадка вследствие развития крупного пастбищного хозяйства и применения рабского труда в сельском хозяйстве, но она снова наполнилась семьями колонов в I столетии н. э.[2] Если мы примем во внимание, что за 300—400 лет громадная область расселения кельтов — Верхняя Италия, Франция, Британия, прирейнские и придунайские страны, далее, Испания и Северная Африка, наконец, даже Дакия — подверглась процессу латинизации, исходившему из Средней Италии, то необходимо будет признать, что это стало возможным лишь благодаря очень сильной эмиграции. На границах латинизация проводилась легионами, но во внутренних областях было либо очень мало войск, либо их не было совсем. Немногие чиновники, посылавшиеся из Рима в провинции, конечно, не могут итти в счет. Сельская колонизация имела место лишь в некоторых местах. Латинизация проводилась, главным образом, благодаря процессу расселения в городах торговцев и ремесленников. В течение длительного промежутка времени решающим моментом, определявшим язык страны, являлись не сельские местности, а города. Города меняют свой языковый характер сравнительно легко и скоро. Процесс изменения продвигается сверху вниз. Даже не очень большого количества иммигрантов, занимавших господствующее положение благодаря своим капиталам и уровню своей техники, было достаточно для того, чтобы, опираясь на политическое господство, лишить данную область ее национального облика. Этим объясняется стремительно быстрый охват всего Запада латинским племенем. В то время как низовой поток непрерывно нес пролетарские элементы из Италии и со всего

---

[1] Никаких выводов нельзя делать также и из надписи C. I. L. X, 1401, которая не запрещает уходить в провинцию, но запрещает лишь продавать здания на слом с целью наживы.

[2] Hartmann, «Archäolog. epigraph. Mitteil. a. Oestr.», 1894, Heft 2. S. 126.

мира в Рим, верхний поток шел из Рима в провинции. Из этого стечения человеческих масс в Риме постоянно поднималось и возвышалось столько деятельных и энергичных личностей, что они были в состоянии продвигаться в провинции в качестве носителей высшей столичной культуры. Там они укреплялись и процветали, создавая новые формы хозяйственной и общественной жизни и проводя одновременно с этим процесс романизации. Случайно сохранились сведения о том, что в Кадиксе и в Падуе в I столетии жило не менее 500 римских всадников (крупных торговцев)[1]. Ближайшими предками тех людей, которые представляли и распространяли римскую культуру в Галлии, в Испании и в Африке, были, возможно, те люди, которые пришли в Рим именно из этих провинций и были в Риме латинизованы. Факт этого двойного потока в движении населения не может быть подвергнут какому-либо сомнению, так как, с одной стороны, необходимо признать наличие сильной эмиграции в провинцию, ибо без этого нельзя объяснить быструю латинизацию, а с другой, — эта убыль в населении постоянно пополнялась. Рим оставался очень большим городом и даже продолжал расти.

Таким образом, хотя и происходила непрерывная и очень сильная миграция, хотя и происходили непрерывные сдвиги в народонаселении, тем не менее вполне естественно, что при этом могли иметь место и некоторые болезненные трения, так что некоторые области вследствие более или менее случайных причин могли хиреть, в то время как все государство в целом возрастало.

В особенности же из часто повторявшихся жалоб на недостаток в сельскохозяйственных рабочих и на покинутые пашни (agri deserti) ни в коем случае нельзя делать вывод относительно уменьшения общего количества населения. Даже из современной Англии, находящейся в полном расцвете своих хозяйственных сил, раздаются жалобы на то, что большие пространства земли остаются необработанными вследствие недостатка в рабочей силе, да и в германской Остэльбии подчас целая половина округа лежала бы под паром, если бы мы не доставляли с востока ежегодно по нескольку сотен тысяч иноземных рабочих. И при этом общее количество населения Германии ежегодно увеличивалось (до 1914 г.) не менее, чем на 900 000 человек. Таким образом, хотя уже Плиний жаловался на недостаток в сельскохозяйственной рабочей силе; хотя уже со времен Адриана делались попытки насильственно удержать колонов в поместьях; хотя Пертинакс (193 г.) разрешил занимать необработанные земли и даже покровительствовал этому[2]; хотя мы уже со времен Аврелиана (270—275 гг.) находим законодательные предписания относительно невозделанных пашен[3], — но все это ни в коем случае не доказывает факта уменьшения народонаселения.

Не сохранилось ни одной цифры, которая могла бы послужить отправной точкой для установления изменения количества народонаселения в императорскую эпоху. Однако, следующие соображения и свидетельства указывают на то, что на самом деле в эту эпоху мы имеем дело не с убылью, а со значительным приростом населения.

Аппиан (в середине II в.) указывает на высокий хозяйственный расцвет (Введение, гл. 7). Это свидетельство подтверждается крупными сооружениями, в частно-

---

[1] Страбон, III, 5, 3; IV, 5, 7.
[2] Геродиан, II, 4, 6.
[3] Hartmann, «Archäol. epigr. Mitteil. a. Oestr.», 1894. H. 2, S. 131.
Последняя сохранившаяся до нашего времени цифра ценза явилась результатом переписи, бывшей при Клавдии в 48 г. н. э. (Тацит, «Анналы», XI, 25). Переписи подверглись римские граждане, которых оказалось 5 984 072 (число душ). Ценз 16 г. н. э. дал 4 937 000. Однако, из роста этой цифры нельзя сделать никаких выводов, так как неизвестно, в какой мере он явился результатом увеличения населения и в какой мере результатом расширения права гражданства. Ср. Ed. Meyer, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Artikel «Bevölkerungswesen»,

сти постройкой дорог, которые местами сохранились до нашего времени, а местами засвидетельствованы многочисленными надписями[1]. Постройка дорог на протяжении целых столетий является надежнейшим масштабом для измерения возрастающего народного благосостояния. Никакие причуды монархов, никакие военные соображения не могут постоянно объяснять столь значительные затраты труда, если только за ними не скрываются мощные хозяйственные силы и крупные цели[2].

С другой стороны, растущее благосостояние плохо вяжется с фактом продолжительного уменьшения количества народонаселения. Правда, современная Франция дает нам теперь пример возрастающего благосостояния при наличии почти застойного народонаселения. Но если бы население Римской империи за 265 лет, протекших от Августа до Александра Севера, увеличивалось так же медленно, как население Франции в XIX в., то все же оно почти утроилось бы, так как Франция все-таки имела средний прирост населения в 0,04%, а это удваивает количество населения за 174 года. Изменение численности населения в древности и в Средние века отличается от аналогичного факта, имеющего место в современных условиях, более резкими колебаниями. Даже в мирные времена римской императорской эпохи мы очень часто слышим жалобы на чуму и голод, которые уже почти не играют никакой роли в истории народонаселения современного культурного мира. Поэтому прирост населения в древности, несмотря на хозяйственное благосостояние, был, конечно, в общем не очень значительным; но ведь достаточно даже почти незаметного, ежегодного минимума для того, чтобы удвоить население в течение двух с половиной столетий, так что, не впадая в преувеличение, мы можем свободно допустить рост населения с 60 до 90 млн. [3]

Я не считаю невозможным то, что прирост населения был даже значительно выше. Но если бы этот прирост был вдвое больше, то все же он был бы крайне незначительным по сравнению со способностью народов к размножению. В этом мы находим объяснение законов Августа и позднейших императоров, поощрявших браки и рождение детей. Мы могли бы совершенно не касаться этого законодательства, так как оно распространялось лишь на определенный весьма незначительный слой населения, в особенности же на население города Рима[4]. Но даже несмотря на это мы признали факт столь незначительного прироста населения, что даже современники подчас почти не могли установить, имелся ли вообще налицо какой-либо прирост, а императорское законодательство относительно браков совершенно не заставляет нас делать тот вывод, что в эту эпоху мы имеем дело с абсолютной неизменностью в численности населения или даже с некоторым его

---

[1] В труде Шиллера, посвященном истории римской императорской эпохи, собраны строительные надписи, расположенные в порядке царствования императоров. См. II, 378 (Север); II, 753, 772, 798, 871, III, 151.

[2] Макс Вебер в своей прекрасной «Римской аграрной истории» указал, что римские мощеные дороги имели лишь военное, но не хозяйственное значение. Однако, это правильно лишь по сравнению с современным массовым транспортом. Конечно, со времени установления безопасности внутри страны не построили бы для одних лишь военных целей столько дорог. А в «Panegyr.», VIII, мы читаем: «Даже военная дорога плоха и неровна и затрудняет доставку фруктов, так же как и пересылку государственных посылок». Цит. у Jak. Burckhardt, «Constantin», Dritt. Abschn., S 85. Так же и В. Вебер (Wilh. Weber, «Untersuchungen zur Geschichte d. Kaisers Hadrian», 1907, S. 204) пишет относительно проведения дорог императором Адрианом в Африке, что представляется очень мало вероятным; назначение этих дорог — служить военным целям; скорее их целью было «распределить трансконтинентальную торговлю на возможно большее количество дорог, охватить ими всю страну, и таким образом помочь развитию не одного лишь города».

[3] Белох исчисляет на основании аналогии с населением XVI столетия эту цифру приблизительно в 100 млн. («Zeitschrift f. Sozial. Wissenschaft», Bd. II, 1899, S. 619.

[4] Речь Августа у Диона Кассия, кн. 56, гл. 7.

уменьшением. Это законодательство указывает лишь, что в среде римского гражданства или даже в некоторых его слоях фактический прирост населения значительно отставал от возможного естественного прироста. Иногда могло быть налицо даже фактическое уменьшение населения. Но ни жалобы писателей, ни это законодательство не мешают нам принять факт наличия общего, хотя и несколько медленного, прироста населения.

Значительная населенность Африки положительным образом засвидетельствована Геродианом (III, 4). Что касается ряда больших городов, в особенности Карфагена, то этот факт и сам по себе ясен, но Геродиан к этому добавляет (к 237 г.) и ясно указывает, что здесь и помимо того было много земледельцев. Хейстерберг («Возникновение колоната», 1876, стр. 113 и след.) многочисленными примерами еще более подкрепил достоверность этого свидетельства.

Указание относительно Испании я нахожу у Юнга («Романские области Римской империи», т. I, стр. 43). Автор здесь цитирует одного географа начала IV столетия, который пишет об Испании: «Обширная и богатая страна с многочисленным населением, искусным во всякого рода делах. Она вывозит масло и сало, окорока и рабочий скот во все страны света, обладает всякого рода благами и во всем выделяется».

Собственно говоря, никто не сомневался в том, что Галлия и Верхняя Италия в императорскую эпоху находились в состоянии расцвета и обладали многочисленным населением. Литература указывает на наличие здесь такой развитой городской культуры, которая совершенно немыслима при отсутствии общего экономического расцвета.

Диодор (I, 31) исчисляет население Египта в 7 млн., а Иосиф (II, 385) в $7^1/_2$, причем в эту цифру не входит Александрия; вместе же с этим городом численность населения Египта была не менее 8 млн. Если это исчисление и может быть подвергнуто некоторым сомнениям и если, — в чем я охотно соглашаюсь с Зееком («История упадка древнего мира», I, 505), — такие цифры, которые лишь в редких случаях могут быть сопоставлены, никогда не дадут возможности сделать твердые выводы, то и здесь мы имеем свидетельство, подтверждающее — по крайней мере с некоторой долей вероятности — не уменьшение, а как раз наоборот — очень значительный рост населения. Недавно найденные папирусы подтверждают тот факт, что Египет в императорскую эпоху был очень густо населен. Эрман и Кребс («Из папирусов королевских музеев», 1899, стр. 232) устанавливают, исходя из текста одной налоговой декларации, что при Марке Аврелии в одной десятой части одного дома в Фаюме жило не менее 27 человек. Такая уплотненность населения указывает на его многочисленность.

Все сказанное в основном касается лишь той эпохи, которая предшествовала крупному хозяйственному перевороту, происшедщему в середине III столетия. Вопрос о том, как отразилось возвращение к натуральному хозяйству на изменении численности населения, должен остаться пока еще нерешенным. Во всяком случае этот факт не мог ни особенно быстро, ни особенно сильно отразиться на количестве населения, изменив его в ту или иную сторону.

ЗАПАС БЛАГОРОДНОГО МЕТАЛЛА

Было бы весьма ценно, если бы какое-нибудь специальное исследование более близко затронуло вопрос об исчезновении благородного металла в III столетии. В имеющейся у нас основоположной работе, в монументальной «Истории римского монетного дела» Моммсена, эта сторона вопроса несколько отодвинута на задний

план перед вопросом о порче монеты[1]. Я хотел бы здесь по крайней мере сопоставить те факты, которые меня привели к тому убеждению, что на самом деле — и может быть даже в первую очередь — мы имеем здесь дело со слишком незначительным наличием благородного металла, так как горные рудники уже больше ничего не давали или по крайней мере добыча в них очень сильно уменьшилась.

Не подлежит никакому сомнению, что добыча в древних рудниках в некоторые эпохи была очень значительной. В Греции в V в. находилось в обращении очень много металлической монеты. Античные писатели постоянно указывают на то, как богата была Испания серебром. Поэт Стаций в I столетии среди доходов фиска указывает в первую очередь на то, «что̀ Иберия извлекает из золотоносных рудников и что̀ блестит в далматских горах». Но нельзя с одинаковой легкостью добывать металл в одном и том же месте в течение нескольких столетий подряд. Относительно аттических серебряных рудников в Лаврионе мы имеем прямые указания, что уже в течение последних столетий до н. э. добыча в них сильно упала и что, наконец они были совершенно истощены[2]. Мы не имеем ни одного прямого свидетельства относительно Испании. Мне кажется, что указание Марквардта («Римский государственный строй», II, 260) на то, что добыча в испанских серебряных рудниках уже в начале I столетия стала незначительной, основывается на ошибке, по крайней мере мне не удалось найти этому подтверждений в источниках, а к тому же все говорит в пользу того, что Испания еще в первых двух столетиях н. э. обладала очень богатыми рудниками. Кроме того, римлянам удалось, как, например, в Дакии, открыть еще совершенно новые залежи железа, которые стали энергично разрабатываться. Но после этого наступил такой упадок, что Хиршфельд в своих «Исследованиях в области истории римского государственного строя» (стр. 91, 2-е издание, под заглавием «Императорские правительственные чиновники вплоть до эпохи Диоклетиана», стр. 180) смог сказать, что ни в какой другой области он не был столь стремительным и столь резко бросающимся в глаза. В «Расписании должностей» («Notitia dignitatum») находится лишь один единственный императорский горный чиновник, компетенция которого, кстати сказать, распространялась на Иллирию. В «Кодексе Феодосия» («Codex Theodosianus») имеется лишь несколько редких постановлений относительно горного дела и поступлений из горных рудников (кн. 10, разд. 19). В Испании при вестготах мы уже больше ничего не слышим о добыче серебра, разве только на Тахо мы находим следы промывания золота[3]. Только мавры снова возобновили эти промыслы в Испании[4], но, может быть, уже в других местах.

Такие факты, как тот, что при Макрине (217 г.) существовали золотые и серебряные статуи (Дион, 78, 12); что при смерти Галлиена в 268 г. в государственной кассе было столько денег, что каждому солдату можно было тотчас же выдать 20 золотых монет (Scr. Hist. Aug. Gallieni, 15), и тому подобные указания, конечно, не являются доказательством соответствия денежного запаса хозяйственным потребностям огромной империи.

Хотя при Константине вновь установился некоторый порядок в монетном деле, но это, с одной стороны, объясняется тем, что хозяйственная жизнь приняла тогда несколько иные формы, которые уже не требовали такого количества наличных средств, с другой же стороны, тем, что конфискация храмовых сокровищ фактически увеличила запас средств денежного обращения.

---

[1] Kurt Fitzler, «Steinbrüche und Bergwerke in Ägypten», 1910.

[2] Эти указания собраны в «Paulys Real-Enzyklopedie» под словами «Metalla» и «Montes».

[3] Lembke, «Geschichte von Spanien», I, 235.

[4] Schäfer, «Geschichte von Spanien», II, 241.

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ СНАБЖЕНИЯ ПРИ СЕПТИМИИ СЕВЕРЕ

Геродиан сообщает про Севера (III, 8, 4): «Он прибавил солдатам величайшие деньги и, кроме того, многое другое им разрешил, чего они раньше не имели, ибо он им первый увеличил продовольственное снабжение, позволил им носить золотые кольца и жить вместе со своими женами, — словно он считал, что от всего этого зависят воинская дисциплина и готовность солдат итти на врага и что следует хорошо обеспечить чужие интересы».

Слово «σιτηρέσιον» (содержание, продовольствие) может вообще обозначать «жалованье», а все это место можно было бы понять таким образом, что под «величайшими деньгами» (χρήματα πλεῖστα) подразумевались наградные и под σιτηρέσιον жалованье, которое было повышено с 375 до 500 денариев [1]. Это повышение жалованья, которое затем при Каракалле было доведено до 750 денариев (чему при Августе равнялось жалованье преторианцев), мне кажется, вообще противоречит моему представлению о все возраставшем недостатке в деньгах и о все расширявшемся вследствие этого натуральном снабжении. Но что касается данного места, то буквальный смысл этих слов Геродиана, а именно — что Север «первый» увеличил «жалованье» (σιτηρέσιον), исключает возможность понимать это слово как жалованье, которое со времен Августа неоднократно повышалось и даже незадолго до этого было увеличено Коммодом. Поэтому я считаю возможным утверждать, что в слово «деньги» (χρήματα) включен момент повышения жалованья. Кроме того, факт, что Северы раздали солдатам очень большие наличные деньги, совершенно не исключает того, что в хозяйственном организме уже ощущался в них острый недостаток, так как Северу удалось собрать необходимые средства лишь при помощи самых крайних насильственных мер — при помощи массовых осуждений и конфискаций — и даже, помимо этого, прибегая к дальнейшей порче монеты, которая, — чего ни на одну минуту нельзя забывать, — при этом императоре достигла 50%.

Домашевский, конечно, вполне справедливо отмечает [2], что бесчисленные клады, относящиеся ко второй половине II столетия, являются не результатом варварских нашествий, но, скорее, следствием варварского управления внутри страны. «Люди скрывали от налоговых взысканий свои наличные деньги в недрах земли».

Мое понимание подтверждается Дионом (78, 34), который пишет, что Макрин не только дает солдатам деньги, но и снова обещает им вернуть то полное «продовольствие» (τροφή), которое он от них отнял. Макрин, конечно, не мог лишить солдат того продовольствия, которое было необходимо для каждого отдельного воина. Очевидно, здесь идет речь о несколько большем семейном пайке. Так как этот император вообще выступил с реформами, направленными против постановлений Северов, то, комбинируя, мы можем предположить, что он сделал попытку снова упразднить всю эту систему, связанную с усиленным продовольственным снабжением и с разрешением семейной жизни, — систему, которая оказалась гибельной.

Об Александре Севере в другом месте ясно говорится, что «он внимательно следил за продовольственным снабжением солдат» («Vita», cap. 15).

Ученые держатся различных взглядов относительно значения слов «жить со своими женами», как и вообще по вопросу об истории римского солдатского брака. Я присоединился к тому взгляду, который мне показался наиболее вероятным. Особенно странным все же остается для меня то обстоятельство, что вплоть до Адриана не-граждане по негражданскому праву имели право вступать в законный брак, следовательно, были поставлены в лучшие условия, чем «граждане» (cives). В Египте легионы пользовались особыми привилегиями. Ср. Г. Вилльманс, «Римский лагерный

[1] Domaszewski, S. 230 ff.
[2] «Rhein. Mus.», 58, 230, Anm.

город в Африке» (G. Willmans, «Die römische Lagerstadt Africas, in den Comm. in hon. Th. Mommsens», 1877, S. 200 ff.) и П. Мейер, «Римский конкубинат» (P. Meyer, «Das röm. Konkubinat», 1895. P. Meyer, «Zeitschr. d. Savigny-Stift», Bd. 18, S. 44 ff).

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСКА И НАБОРЫ СОЛДАТ В IV СТОЛЕТИИ

Предание гласит, что Диоклетиан очень сильно — в четыре раза — увеличил римские военные силы. Лактанций больше всего упрекает императора за усиление военных повинностей, а Моммсен на основе «Расписания должностей» («Notitia dignitatum») и всех других свидетельств счел возможным приблизительно определить общую численность римских военных сил в IV столетии в 500 000—600 000 человек, принимая в то же время для начала III столетия, когда Север увеличил число легионов до 33, численность римской армии равной приблизительно 300 000 воинов[1].

Однако, те основания, на которых покоится это исчисление, как указал уже сам Моммсен, весьма недостоверны. Ведь неизвестно, какие войсковые части из числа поименованных в «Расписании» существовали на самом деле и какова была численность отдельных частей, а также в какой мере вообще можно считать солдатами «пограничников» (limitanei). Собственно говоря, мне нигде не удалось найти безусловно надежную цифру, из которой можно было бы исходить и при помощи которой можно было бы проверять другие цифры. Те цифры, при помощи которых историки определяют численность войск, участвовавших в сражениях при Константине, не имеют никакой цены. Само собой разумеется, что следует считать совершенно невозможной задачу прокормить большие армии при наличии и при помощи натурального хозяйства. Об этом в нашем дальнейшем изложении нам придется еще часто говорить. А ход военных действий и та единственная цифра численности войска, которою мы располагаем и которую мы можем считать более или менее надежным свидетельством, говорят за то, что армии этого времени были не только не больше, но даже значительно меньше, чем в эпоху Августа и Тиберия.

Сохранился документ, текст которого гласит о передаче императором Валерианом крупного командования позднейшему императору Аврелиану[2]. В этом послании перечисляются все войсковые части, входящие в состав данной армии. Это—1 легион, 4 германских князя, 300 итирейских лучников, 600 армян, 150 арабов, 200 сарацин, 400 воинов из Месопотамии, 800 тяжеловооруженных всадников. То обстоятельство, что здесь отдельно перечисляются столь незначительные войсковые единицы, ясно указывает, что вся эта армия в целом была очень небольшой.

Но важнее всего то, что Юлиан в 357 г. при Страсбурге якобы с войском, не превышавшим 13 000 человек, победил алеманнов, которые со своей стороны, как гласит источник[3], насчитывали 35 000 человек. Эти цифры, очевидно, восходят к собственным записям Юлиана. В следующей части мы будем говорить об этом сражении, здесь же мы лишь коснемся вопроса о численности этих армий. 35 000 алеманнов мы попросту вычеркнем, — это ведь не что иное, как обычное преувеличение. Вообще ни в одну эпоху 13 000 римлян не могли победить в открытом бою 35 000 германцев, а в IV в. это, конечно, было совершенно невозможно. Вопрос лишь в том, можем ли мы по отношению к римскому войску признать правильной цифру 13 000. Ведь полководцы слишком часто бывают склонны преуменьшать свои силы, для того чтобы окружить бо́льшим блеском славу собственной победы. Поэтому нам кажется, что 13 000 солдат — слишком мало для полководца, который располагал не только всеми силами Галлии, но, вероятно, также Британии и Испании, причем

---

[1] «Das römische Heerwesen seit Diokletian», «Hermes», Bd. 24, S. 257.

[2] «Vita Aureliani», cap. 11. Правда, историческое значение этого свидетельства незначительно, так как это произведение является подложным.

[3] Аммиан, XVI, 19.

это сражение было не случайной стычкой, но задолго предусмотренным и подготовленным решительным сражением, для которого Юлиан имел возможность без всяких помех мобилизовать все бывшие в его распоряжении силы.

Но если мы даже примем, что Юлиан на самом деле излишне преуменьшил численность своей армии, то все же, исходя из этой цифры, мы должны притти к тому выводу, что в больших решающих сражениях уже больше не участвовали в эту эпоху армии в 60 000 или в 80 000 человек. Ведь даже при искажениях и увеличениях все же приходится считаться с господствующими представлениями, и Юлиан не мог указать такие цифры, абсурдность которых была бы тотчас же замечена его современниками. Если бы он захотел похвастаться, то мог бы еще более повысить численность армии алеманнов. Не считая эту цифру в 13 000 человек безусловно достоверной, я все же полагаю, что это указание дает нам возможность говорить, что армии в этом сражении и тем самым в течение всей этой эпохи были менее многочисленны, чем во время войн Цезаря и Германика.

Против этого можно было бы возразить, что здесь мы имеем дело с исключительным случаем, так как Юлиан самым серьезным образом жаловался, что его двоюродный брат император Констанций, побуждаемый завистью и недоверием сознательно препятствовал ему и потому оказал лишь слабую поддержку. Но мы можем сомневаться[1] в справедливости и основательности этих жалоб, да, кроме того, если бы они даже были справедливы, то все же Юлиан сам имел в своем собственном распоряжении богатейшие и прекраснейшие провинции; наконец, Аммиан указывает (16, 11), что соперник Юлиана в Реции Барбацион имел не более 25 000 человек.

Малочисленность войск в эту эпоху подтверждается также и тем соображением, что в противном случае германцы никак не смогли бы получить в римской армии такого преобладающего значения. Хотя у нас и нет никакого масштаба для измерения общей численности германских племен в эту эпоху, все же сотни тысяч не могли находиться тогда на римской службе. Если же, несмотря на это, они все более и более задавали тон римскому войску, то общий состав этого войска не мог быть очень многочисленным.

Я не решаюсь указывать определенные цифры, но, мне кажется, я могу с уверенностью утверждать, что не может быть и речи об увеличении Диоклетианом состава армии по сравнению с ее численностью в эпоху Северов, причем, конечно даже цифра в 300 000 человек для начала III столетия является слишком высокой. Очень сомнительно, чтобы увеличение числа легионов Септимием Севером вообще указывало на усиление войска, и во всяком случае нельзя согласиться с тем, что было увеличено также и число вспомогательных войск. Мне кажется вполне возможным, что армия Северов, состоявшая в общей сложности из 33 легионов, все же насчитывала не более 250 000 человек.

Снижая принятую цифру численности войска, мы должны вместе с тем изменить и наше представление о характере рекрутских наборов в IV столетии. Вегеций и юридические источники сообщают нам, что поссессоры (землевладельцы) были обязаны поставлять рекрут. Это является совершенно новым порядком, происхождение которого, как говорит Моммсен (стр. 246), покрыто мраком неизвестности и который был поставлен в связь с недавно возникшим установлением колоната, с крепостной зависимостью крестьян. Эта поставка рекрут была охарактеризована как реальная повинность, связанная с крупным землевладением.

Если я не ошибаюсь, новая форма рекрутских наборов явилась непосредственным выражением новых общественно-политических условий, будучи в то же время

[1] Шиллер (H. Schiller, «Geschichte der Römischen Kaiserzeit, Bd. III, S. 303 ff.) очень правильно высказался по этому вопросу. Но, идя по этому пути скепсиса, можно было бы сделать еще один шаг вперед.

простым продолжением более древнего установления. Более древнее римское местное управление основывалось на городах, которым были подчинены сельские поселения. Крупные помещики жили в городе и управляли оттуда своими поместьями, наезжая в свои имения лишь для того, чтобы там иногда наблюдать за порядком или проводить там свой летний отдых. Но постепенно эти крупные землевладельцы переселились из городов в свои поместья, политически выделив их из сферы ведения городских общин и развив их в самостоятельные административные округа. Управление этими округами оказалось в руках помещиков[1]. Натуральное хозяйство ускорило этот процесс: хозяин, которому его имение уже не давало достаточного количества арендной платы, сам отправлялся в свое поместье, чтобы непосредственно на месте потреблять доходы своих угодий.

Более древний способ производства рекрутских наборов состоял, по нашему мнению, в том, что производившие их чиновники с местными властями (общинными властями — Kommunalobrigkeiten) выбирали из большого наличного контингента людей лишь некоторых. Местными властями являлись тогда поссессоры. Города почти совсем теряют свое значение в отношении рекрутских наборов, так как государственная власть принуждала горожан, начиная от декурионов, нести уже иные и сверх того наследственные принудительные повинности. Число поставлявшихся рекрут было минимально. Мы не можем его по-настоящему исчислить, так как не имеем исходных точек ни для определения количества населения, ни для установления численности войска. Только ради наглядности мы могли бы, примерно, предположить, что население всей империи равнялось 90 млн. и что оно должно было поставить армию, численность которой, не считая вспомогательных войск варваров, должна была достигать 150 000 человек. При 20-летнем сроке службы для пополнения этой армии было достаточно $^1/_{15}$ ее части, или 10 000 человек, в качестве ежегодного контингента. Но если даже мы примем цифру в 20 000 или 30 000 человек и сопоставим с тем, что в 1900 г. Германская империя при 54-млн. населении имела возможность ежегодно выставлять и призывать 250 000 годных к военной службе молодых людей, то мы придем к выводу, что поставка рекрут как таковая не могла быть слишком обременительной повинностью для римского населения даже в том случае, если мы значительно изменим количество населения и величину армии, понизив первое число и повысив второе.

Рекрутский набор, при котором из 30 или 40 пригодных к службе молодых людей всегда берется лишь один, разумеется, гораздо ближе к вербовке, чем к призыву. Поэтому нужно целиком присоединиться к словам Моммсена: «Если уже в додиоклетиановскую эпоху пополнение войска регулярно обеспечивалось путем добровольного вступления в его ряды, то это же явление в более поздние эпохи сказывалось в более сильной степени»[2].

Императорские указы, сохранившиеся в Кодексе Феодосия (кн. 7, разд. 13 о рекрутах; разд. 20 о ветеранах; разд. 22 о сыновьях военнослужащих и ветеранов), хотя все еще до некоторой степени нуждаются в полном и надежном истолковании, не оставляют, однако, никакого сомнения в том, что поставка рекрут землевладельцами на практике скорее приобретала характер вербовки. Сыновья ветеранов считались потомственно военнообязанными, других же старались привлечь на военную службу, предоставляя налоговые льготы им самим, а также их родителям и женам. Если бы вербовка производилась регулярно каждый год, то она могла бы проходить без всяких затруднений, однако, она, что, впрочем, вполне понятно, производилась очень неравномерно, порывисто, после больших потерь или при больших

---

[1] Хейстерберг (Heisterberg, «Entstehung des Kolonats», S. 116) приводит интересную цитату из Фронтина (Frontin de controv. agr.), которая характеризует развертывавшуюся при этом борьбу между городом и деревней.

[2] «Hermes», Bd. 24, S. 245.

опасностях. В таких случаях, несмотря на достаточное количество годных для военной службы людей, все же ощущался недостаток в добровольцах, так что вербовка производилась, как в XVIII столетии, в порядке применения большего или меньшего насилия, в результате чего завербованные старались уклониться от военной службы, прибегая к членовредительству.

В общем необходимо признать, что преобладала вербовка, причем с военной точки зрения чрезвычайно важно установить этот факт, потому что в противном случае было бы непонятно, каким образом римские войска вообще могли что-либо совершать. Призванных или принудительно завербованных солдат можно использовать лишь в очень хорошо дисциплинированных войсковых частях с постоянными кадрами. Но римские легионы этой эпохи уже, конечно, не обладали этими свойствами. Этих людей можно было использовать в качестве более или менее пригодных солдат лишь в том случае, если они шли на военную службу добровольно, избрав эту профессию и побуждаемые к этому естественным инстинктом и стремлением к военной жизни. Таким образом, фактически солдат вербовали, хотя формально сохраняли порядок поставки рекрут поссессорами, как для того, чтобы облегчить процесс вербовки и сделать его более деловым для государства, так особенно для того (и это случалось очень часто), чтобы обязанность поставки рекрут превратить в денежную повинность, которая иногда разрешалась, но часто прямо-таки предписывалась. В 406 г. государство, находясь в очень тяжелом положении, непосредственно вербовало солдат и предлагало сперва 3, а затем 10 солидов (золотых) в качестве задатка. Даже рабам, согласившимся поступить на военную службу, была обещана свобода, и, помимо того, им были пожалованы 2 солида на дорогу (прогонные, дорожные, «пыльные» деньги — pulveraticum)[1]. Для поссессоров выкуп за рекрута оценивался в 30, а иногда в 25 солидов, причем эту повинность иногда делили между собой несколько землевладельцев[2].

ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕГЕЦИЯ

Касаясь истории римского военного дела в IV столетии, я совершенно обошел те факты, которые описаны Вегецием в 20-й главе его книги. Рюстов в своей «Истории пехоты» (т. I, стр. 52) использовал их, так же как и ряд других. Но если внимательнее вдуматься в его описание, то придется сделать из него тот вывод, что все эти якобы существовавшие явления совершенно невозможны. Вегеций утверждает, что римская пехота вплоть до эпохи Грациана была снабжена панцырями и шлемами, но что впоследствии воины перестали носить это предохранительное вооружение, так как оно стало казаться слишком тяжелым для недисциплинированных солдат. Какой же вид должна была приобрести римская пехота без этого предохранительного вооружения? Разве римлянами стали пользоваться лишь как легковооруженными войсками? Это невозможно, так как труднее хорошо обучить стрелка из лука, копьеметателя, или пельтаста, нежели гоплита. Но не было таких гоплитов, которые не имели бы предохранительного вооружения. Я считаю, что все это описание является лишним доказательством того, что Вегеций был литератором, оторванным от жизни, писавшим свой труд на основании научных источников и черпавшим свои сведения по-наслышке. Единственный вывод, который можно было бы сделать из его описания, это тот, что в ту эпоху уже совершенно не было настоящих

---

[1] Cod. Theodosianus, VII, tit. XIII, 16, 17.

[2] Соответствующие постановления находятся в цитированных статьях Кодекса Феодосия. Здесь нет надобности входить в отдельные подробности. Я считаю своим долгом выразить здесь свою благодарность моим коллегам О. Хиршфельду и Э. Зекелю за ту помощь, которую они мне оказали при исследовании мною этих вопросов, которое я произвел в целях самообразования, что, впрочем, мне вообще пришлось делать неоднократно для получения выводов, изложенных в этой главе.

римских солдат и что государство держало у себя на военной службе одних лишь варваров. То, что сообщает Вегеций, — лишь пустая услышанная им болтовня. Это подтверждается отдельными чертами его описания. С гневом и печалью пишет он о том, как ничем не защищенные римляне попадали под удары готов. И при натиске готов римляне гибли не от копий, мечей или топоров, но под градом их стрел. И опять-таки, говоря о недостатке в вооружении, он имеет в виду не римских гоплитов, но стрелков из лука, которые непременно должны иметь шлем и панцырь, так как они не могут держать щит. Здесь, как видно, перепутываются между собой все эти понятия и факты. Поэтому все это описание следует отвергнуть, как не имеющее никакой цены.

Ко второму изданию. В этом издании обе главы об императорском римском войске и об его окончательном разложении были существенным образом дополнены на основании неоднократно цитированных исследований Домашевского. Однако, я должен высказаться против мнения этого заслуженного автора относительно факта упадка. Домашевский считает причинами гибели Римской империи не крупные объективные причины и перемены, но личные ошибки некоторых императоров, а именно Септимия Севера и его династии. Он пишет[1], что Август разоружил гражданское население ради безопасности принцепса и что последствия этой военной системы привели, наконец, государство к гибели. Против этого следует возразить, что не принцепс разоружил граждан, но что, наоборот, постепенно происходившее после Второй пунической войны разоружение граждан вызвало необходимость создания профессионального войска и создало то войско, которое наконец, в свою очередь вызвало к жизни власть принцепса. Август сохранил постоянную профессиональную армию не ради своей личной безопасности, как думает Макс Вебер[2], и не ради поссессоров и арендаторов доменов, но ради государственных нужд. Иначе как же можно было бы при помощи одного лишь гражданского ополчения удержать в своей власти и в своем повиновении насильственно покоренные провинции и защищать границы культурного мира от натиска диких германцев?

Домашевский считает, что постоянный рост военных повинностей, высосавших весь сок из государства, явился гибельным следствием системы Августа. Выше (стр. 136) мы видели, что рост военных повинностей был уже не так велик, как это могло бы показаться, судя по размеру денежных сумм. Но если мы даже и будем считать повышение солдатского жалованья абсолютным и вполне реальным, то все же оно явилось не в результате военной системы, но было следствием политической структуры государства, которая ставила назначение и существование главы государства в зависимость от армии, что представляло армии случай и давало возможность к вымогательствам, которые шли все дальше и дальше. Это видно из аналогии между английской и римской армиями, которую проводит Домашевский. В Англии нельзя найти этих гибельных следствий военной системы, потому что политическая структура английского государства совершенно иная. Домашевский называет повышение жалованья солдатам, произведенное Септимием Севером и вслед за ним его сыном Каракаллой (с 500 до 750 денариев годового оклада), «преступным» и «безбожным». Вследствие этого безгранично распоясалась жадность и хищность солдат, среди которых уже без того главенствовал варварский элемент, так что некогда гордое войско, совершенно утерявшее всякую дисциплину, стало внушать ужас собственной стране, вызывая лишь насмешки со стороны врагов[3]. Сам Септимий Север был плохим полководцем, который обеспечил себе верность своих солдат лишь при помощи постоянных подкупов армии, безграничных денежных раздач и

---

[1] «Neue Heidelberger Jahrbücher», X, 240.
[2] «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», I, S. 180.
[3] «Die Rangordnung des römishen Heeres», S. 196.

не менее безграничных повышений солдатского жалованья. Каракалла, следуя примеру своего отца, закрепил на целое столетие состояние финансового банкротства государства[1]. Принципат рухнул, так как вредоносное правление восточной династии подрыло его основы[2].

Против этого следует возразить, что Септимий Север, как это устанавливает сам Домашевский[3], снова сумел утвердить свою власть над своими наемниками и поставить границы их жадности. Если это удалось Северу, так же как удалось и Августу, то историческая проблема здесь заключается именно в том, почему это не удалось впоследствии. Весьма возможно, что повышение жалованья, произведенное Каракаллой для того, чтобы привязать к себе войска после убийства брата и искупить это преступление, превысило хозяйственные силы государства. Но если, исходя из этого, Домашевский считает, что государство погибло «без надежды на спасение», то позволительно спросить: почему же «без надежды на спасение»? И прежние императоры во время политических кризисов раздавали чудовищные суммы солдатам, чтобы привлечь их на свою сторону. Так, например, поступил Тиберий после казни Сеяна. Подобная отдельная ошибка, заключающаяся в том, что император однажды подарил или обещал солдатам больше того, что могла предоставить государственная казна, еще не приводит к гибели мировую империю. А дисциплину в войсках, состоявших из наемников, всегда можно было заново восстановить даже после самых тяжелых потрясений, если бы только во главе войска стоял полководец с бесспорным и непоколебленным авторитетом, а военное казначейство имело бы возможность регулярно выплачивать необходимые средства. Поэтому причину падения римской военной дисциплины и вследствие этого гибели Римской империи следует искать не в отдельных поступках и ошибках императоров из династии Северов, а в отсутствии соответствующих полководцев и недостаточности средств, что, впрочем, вытекает из сказанного нами выше.

Макс Вебер в своей «Римской аграрной истории», а также в статье, напечатанной в «Истине» (т. 6, № 3, Штутгарт 1896) под заглавием «Социальные причины гибели античной культуры» и являющейся дополнением к названному труду, выступил с собственной теорией гибели Римской империи. Вебер придает особенное значение тому факту, что римский мир необычайно расширился, вобрав в себя большие материковые страны — Испанию, Галлию, Иллирию и придунайские области. Благодаря этому центр тяжести главной массы населения передвинулся в глубину материка, а античная культура сделала попытку изменить арену своего действия и из береговой культуры превратиться в материковую. «Она распространилась на столь чудовищную по размерам хозяйственную область, которая даже в течение столетий не могла быть охвачена товарным движением и денежным обращением в такой степени, в какой это было на побережьи Средиземного моря». Движение товаров во внутренних областях было настолько трудным и незначительным, что экономика застряла и должна была застрять на стадии почти неподвижного натурального хозяйства.

Совершенно ясно, что есть некоторая доля истины в противопоставлении береговой торговли материковой, но также ясно и то, что эта антитеза излишне преувеличена и уже искажает истинное положение вещей. Действительно, античная культура главным образом, но все же не целиком, основывалась на морской торговле. Город, игравший такую крупную роль в преданиях и в истории Греции, как Фивы, и второй город в Италии после Рима Капуя были материковыми городами. Наоборот, втянутые в сферу Римской империи, — как это следует отметить, не

---

[1] «Rheinisches Museum», 53, 639.

[2] «Rheinisches Museum», 58, 218. Слегка противоречит этому то обстоятельство, что Домашевский (Domaszewski, «N. Heidelberg. Jahrb.», X. 235) называет Септимия Севера «великим государственным человеком».

[3] «Neue Heidelberger Jahrbücher», X, 233, 235.

в эпоху поздней империи, но уже с III в. н. э., — так называемые материковые области все же обладали настолько развитой материковой культурой, что не может быть и речи о перенесении центра тяжести главной массы населения вглубь материка, в особенности если мы присоединим к ним Британию с ее береговым развитием, которую Вебер совершенно обошел. И, пожалуй, мы придадим этому меньше всего значения, если примем во внимание, что через эти страны протекают судоходные реки, которые со всеми своими разветвлениями были использованы древними вплоть до малейших притоков. Поэтому морские торговые пути вряд ли имели перед ними какие-либо особые преимущества. Да и помимо этого, для перевозки товаров пользовались прекрасными римскими военными дорогами. Выше (на стр. 176), полемизируя с Вебером, я привел свидетельство, подтверждающее этот факт.

Далее Вебер считает, что переселение в провинцию крупных землевладельцев, которые раньше жили в городах, не вызывало расширения и усиления хозяйственной жизни, как я это установил выше, но являлось причиной ее ослабления, так как вследствие этого города понесли большой ущерб, а появление новых господских усадеб, где доходы имений потреблялись на месте, указывало на переход от денежного хозяйства к натуральному. «Этот упадок городов усиливался государственной финансовой политикой: и она также становилась все более и более натурально-хозяйственной, а фиск — «ойкосом», потребности которого удовлетворялись по возможности минимально на рынке и по возможности максимально из собственных ресурсов, что, однако, задерживало процесс образования капиталов (денежных состояний — Geldvermögen)».

Но тогда позволительно поставить вопрос: почему же фиск перешел к натуральному хозяйству? Именно для фиска и бюрократии денежное хозяйство обладает неоценимыми преимуществами по сравнению с натуральным. В течение всей всемирной истории бюрократия всегда и всюду стремилась к тому, чтобы освободиться от натурального хозяйства и перейти к денежному. Бюрократия и денежное хозяйство связаны между собой так же крепко, как связан феодализм с натуральным хозяйством. Каждое исключение из этого правила, конечно, объясняется лишь крайней необходимостью. Чем же объяснить, что римская бюрократия стала вдруг обнаруживать такое пристрастие к натуральному хозяйству? Совершенно ясно, что в данном случае Вебер недостаточно проанализировал взаимодействие причины и следствия и что не бюрократия задержала развитие денежного хозяйства при помощи создания и поощрения натурального хозяйства, но что, наоборот, денежное хозяйство, стесненное по каким-либо причинам в своем развитии, принудило бюрократию перейти к натуральному хозяйству. Все эти наблюдения настолько ясны и очевидны, что я в первом издании своего труда не считал нужным касаться этого вопроса и опровергать точку зрения Вебера, прибегая к бесспорным аргументам. Но я должен вернуться к этому вопросу, так как Вебер снова выдвинул свою теорию в несколько измененной форме в статье «Аграрная история» в 3-м издании «Справочника социально-политических наук» («Handbuch für Staatswissenschaften») Конрада и, таким образом, отклонил и стал опровергать мои выводы, которые были мною здесь приведены выше.

Вебер твердо стоит за антитезу между береговыми странами, обладающими развитой торговлей, и внутренними областями с незначительной торговлей.

Он полагает (стр. 180), что за время, протекшее от Гракхов до Каракаллы, торговля в абсолютном отношении, разумеется, сильно возросла, но что этот рост по отношению к расширению культурного мира был все же не слишком большим. «В прибрежных странах, — пишет он, — продукты и одежда, необходимые для рабов в больших ойкосах, приобретались на рынке. Рабы или колоны поссессора внутри страны жили, разумеется, в условиях натурального хозяйства. Лишь тонкий правящий слой обладал здесь потребностями, которые давали повод к покупкам и удовлетворялись посредством продажи избытков от доходов с имения. Эта торговля —

лишь тонкая сетка, покрывавшая прочную базу натурального хозяйства. С другой же стороны, массы населения больших городов снабжались продуктами не посредством частной торговли, а при помощи аппарата государственного снабжения». Этот взгляд доказывается Вебером посредством ряда цитат, взятых из римских писателей, писавших по вопросам сельского хозяйства,— из Катона, Варрона и Колумеллы.

Прежде всего следует указать на то, что все эти цитаты неправильно применены. Согласно Веберу, они должны доказать, что путям не придавалось никакого особенного значения. На самом же деле они доказывают обратное. Катон требует («De re rust.», cap. 1), чтобы имение находилось по возможности у подножия горы, чтобы оно было обращено к югу, находилось бы в здоровой местности, где можно было бы достать рабочих и хорошую воду и где поблизости находились бы значительный город, или море, или судоходная река, или же хорошая оживленная дорога. Таким образом, здесь имеется прямое указание на значение путей сообщения. И если Вебер хочет ослабить значение этого свидетельства, указывая, что Катон ставит это требование в связи с возможностью достать рабочих во время сбора урожая, то на это следует возразить, что в тексте нет даже малейшего указания на такого рода связь. Это добавление сделано Вебером совершенно произвольно.

Вебер говорит, что Варрон исчислял ренту имения, находившегося у моря, по отношению к имению, лежавшему внутри страны, устанавливая между ними пропорцию 5:1. На самом же деле Варрон говорит (III, гл. 2) об определенном имении, находившемся в Албанском округе, в котором успешно разводились птица, рыба и пр. для экспорта в Рим, а именно — что оно давало бы в пять раз большую ренту, если бы его можно было расположить где-нибудь возле моря. Так как албанское поле находилось ровно в трех милях от ворот Рима по Аппиевой дороге, то совершенно ясно, что море упомянуто здесь в этой связи не вследствие своих лучших транспортных условий, но в связи с разведением рыбы.

Наконец, относительно Колумеллы Вебер утверждает, что хотя он и считает море и большие реки выгодными для торгового обмена, но признает нежелательной близость больших дорог, так как на них обычно водятся бродяги и сопутствующие им паразиты. Совершенно правильно, что Колумелла в приведенной Вебером цитате (I, гл. 5) упоминает об этих хорошо известных неудобствах, связанных с непосредственной близостью к большим военным дорогам. Но в другом месте он говорит, что большое значение имеют для имения, наряду с плодородием почвы и здоровой местностью, дорога, вода и сосед, а затем подробно описывает преимущество хорошего пути «в отношении необходимого ввоза и вывоза хозяйственного инвентаря; хороший путь увеличивает цену заготовленных продуктов и уменьшает издержки по доставке предметов, которые привозятся по тем более низкой цене, чем меньше усилий требуется затрачивать для их доставки. И ничего не стоит даже маленькому (человеку) везти, если путь совершаешь при помощи вьючного скота, что более выгодно, чем держать у себя».

Говоря о теории Вебера, следует к тому же отметить, что «государственное снабжение» имелось лишь в Риме. Хотя торговля зерном в муниципальных городах и не была целиком предоставлена частной спекуляции, а находилась под наблюдением и под опекой городских общественных должностных лиц, но все же, без всякого сомнения, это были по существу частные предприятия, и даже для Рима эта возможность не была совершенно исключенной»[1].

Далее, неправильно, что колоны внутри страны жили в условиях чистого натурального хозяйства. Они в некоторой, — конечно, небольшой — степени нуждались в изделиях ремесла и имели некоторые небольшие культурные потребности, так же как и крепостные крестьяне эпохи Средневековья. Даже в самых бедных хижинах

[1] Hirschfeld. «Philologus», Bd. 29, S. 23 ff.

не могло не быть нескольких сосудов и орудий, сделанных из глины и железа, и нескольких пестрых платков и украшений, которые в значительном большинстве случаев не изготовлялись на господском дворе, но доставлялись из города. Это вытекает из факта существования многочисленных мелких и средних городов, которые нуждались в розничном снабжении сельскохозяйственными продуктами и оплачивали эти продукты ремесленными изделиями. Эти хозяйственные отношения, как мы это видим в эпоху Средних веков, могли существовать даже в эпоху преобладания натурального хозяйства. Однако, следует помнить, что здесь дело идет не об абсолютных противоположностях, но лишь об относительных, и что в эпоху позднего Средневековья и расцвета городов денежно-хозяйственный элемент непрерывно возрастал, усиливался и уже играл довольно значительную роль. Изучая римскую налоговую систему, мы можем с уверенностью сделать вывод, что в Римской империи этот денежно-хозяйственный момент был столь же значителен, как и в позднее Средневековье, а может быть, даже играл еще более крупную роль. Налоги на торговлю, подушная и поземельная подати немыслимы, если колон не продает торговцу или на городском рынке часть своих продуктов. При этом следует принять во внимание, что колоны ни в каком случае не должны были выполнять своим господам одни лишь натуральные повинности и нести одну лишь барщину, но должны были также выплачивать денежную аренду. Еще в I столетии н. э. они платили свою аренду исключительно деньгами, и если во II в. наряду с этим появляется также и частичная аренда, то это, может быть, уже стоит в связи со все возраставшим недостатком в наличных деньгах. И опять-таки в Африке, которая, как и Италия, относится к типу береговых культур, с самого начала господствовала частичная аренда. Как бы то ни было, но тот налог, который надо было выплачивать государству, уже вызывал необходимость оживленной торговли. Нет никакого сомнения в том, что из года в год большое количество денег текло из всех провинций в Рим и в лагери легионов и, постепенно обмениваясь на товары, текло оттуда обратно в провинции. Это было бы невозможно, если бы не было весьма оживленного торгового обмена как внутри страны, так и на побережьи.

Означало ли частичное переселение аристократических семей из городов в провинцию увеличение или уменьшение торговли в целом, зависит не только от одного этого факта, но также и от всей природы хозяйственной жизни в целом. Каждая помещичья усадьба в провинции являлась новым маленьким культурным центром. Благодаря этому во многих отношениях сберегались средства, пробуждались новые продуктивные силы и создавались новые торговые потребности, так что город ни в каком случае не терял того, что приобретала деревня. Надо, по крайней мере, доказать, что именно так происходило в Римской империи.

Наконец, как кажется, теперь даже сам Вебер отказался от своего взгляда, что бюрократия как таковая тяготела к натуральному хозяйству и потому задерживала развитие денежного обращения. Прямое влияние он теперь заменил косвенным. Бюрократия, говорит Вебер, задушила капитализм. Античный капитализм был построен на политической базе: это — массы рабов, которые поставлялись из военнопленных, торговые операции с государством, откупа и поставки. Империя, во-первых, принесла с собой мир и тем самым остановила доставку рабов, а во-вторых, создала чиновничью иерархию, которая взяла у капиталистов их предприятия и стала ими самостоятельно управлять. Таким образом, крупных негоциантов, несмотря на рост денежного хозяйства вплоть до эпохи Марка Аврелия, стали заменять мелкие торговцы и ремесленники, подобно тому как в сельском хозяйстве вместо рабовладельческих плантаций стали появляться мелкие арендаторы — колоны.

Но это все еще, очевидно, не симптомы хозяйственного упадка; напротив, здесь можно видеть во многих отношениях факт крупного прогресса и роста. Вебер, однако, приходит к противоположному выводу, говоря (стр. 182):

«Бюрократический строй убивал каждую — как политическую, так и экономическую — инициативу подданных, которая не имела соответствующих шансов для своего развития».

Совсем не так легко следовать за этим ходом мыслей, так как одно сальто-мортале следует за другим: бюрократия, убивая политическую инициативу граждан, убивала также и экономическую их инициативу; бюрократия, ограничивая капитализм вообще, убивала экономическую инициативу; уничтожение экономической инициативы граждан разрушило хозяйство, превратив денежное хозяйство в натуральное. Но последним звеном в этой цепи является гибель античной культуры.

Правда ли, что бюрократия убила политическую инициативу римских граждан? Разве только италиков, так как громадное большинство жителей империи, порабощенных уже в эпоху республики, было тогда лишено возможности участвовать в политической жизни.

Правда ли, что сужение рамок капитализма, у которого посредством откупов и скупки хлеба были отняты или ограничены наиболее выгодные для него области его действия, задушило вообще всю экономику? Вебер сам говорит о мелких торговцах, которые появились в эту эпоху, а многочисленные цветущие города, выросшие в течение этих столетий, достаточно красноречиво говорят против его теории. И, конечно, неправильно, что бюрократия так целиком и вытеснила крупный капитал из сферы его применения. Если бюрократия и отняла у него поставки для столицы и для армии, что, впрочем, происходило весьма постепенно, то все же он еще имел достаточно простора для своего действия. Мы уже видели, каким мощным должно было быть то денежное обращение, которое непрерывным потоком шло, с одной стороны, из провинции, а с другой стороны — из столицы и лагерей легионов. Одни лишь мелкие торговцы не могли обеспечить такого крупного денежного обращения. Рим был средоточием мощных грандиозных кредитных операций, причем никогда банковское дело не было столь выгодно, как в эту эпоху. Товары, которые провинции должны были произвести и отправить в крупные города и в лагерные стоянки, для того чтобы снова получить те наличные деньги, которые из них из года в год выкачивались в качестве налогов, конечно, не могли быть изготовлены, собраны, зафрахтованы, проданы, обменены и оплачены без посредства крупных предпринимателей. Равным образом и часть рудников постоянно оставалась в частном владении, а еще больше — в частном пользовании [1]. Сказать, что все такого рода предприятия, как постройка больших городов с их храмами, амфитеатрами и водопроводами; торговля солью, вином, маслом и фруктами; изготовление и сбыт товаров массового потребления и предметов роскоши из тканей, металла, кожи, камня и дерева; постройка и сдача в наем крупных доходных жилых домов, — не приносили уже больше никаких выгод, или что у римского населения нехватало уже больше для всего этого необходимой экономической инициативы и деятельности, — сказать это было бы чисто доктринерским и догматическим построением, которое не только ни на чем не основывается, но прямо опровергается фактами. Это звучит как последний отголосок той аргументации сторонников абсолютно свободной торговли, которые отвергали какое бы то ни было вмешательство государства в народное хозяйство, в функционирование государственных железных дорог и в социально-политическую жизнь, так как это притупляло экономическое чувство индивидуумов. Многие богатые семьи, имена которых мы встречаем в латинской литературе, конечно, обязаны своим богатством не одному лишь крупному землевладению. Мне кажется, будет не слишком смелым перевернуть тезис Вебера и сказать, что в то время как императорская власть лишила граждан, а римские магнаты лишили провинциалов возможности участвовать в политической жизни, они тем самым все сильнее и сильнее толкали их в сторону хозяйственной жизни,

[1] Hirschfeld, «Die Kaiserlichen Beamten», 2 Aufl., S. 158, Neuburg. См ниже.

а экономическая деятельность, характерная для этой эпохи, содействовала развитию того стремления к маммонизму (приверженности к земным благам), которое вызвало протест и предостережения Иисуса, а также его учеников и последователей.

Попытка Вебера объяснить гибель Римского государства и античной культуры оказалась такой же неудачной, как и все прежние попытки, в том числе недавние попытки Зеека и Домашевского.

Теперь перед нами встает вопрос, выставил ли Вебер какие-либо основательные доводы против моей теории.

Во-первых, он очень неточно изложил мою точку зрения в следующих словах (стр. 60): «появление натурального хозяйства в позднеримскую эпоху было следствием начинавшегося падения производительности горных рудников». Это неточно, так как, согласно моей теории, падение производительности горных рудников является лишь одним из различных, совместно действующих моментов, причем в качестве собственно решающего я выдвигаю не этот момент, а другой — именно политические отношения. Однако, действительно в моей теории падение производительности рудников является очень существенным моментом, и потому необходимо разобрать возражения Вебера.

Сперва Вебер даже, повидимому, подвергает сомнению факт уменьшения количества благородного металла, однако, не входит в рассмотрение приведенных мною свидетельств. Далее он объясняет сокращение производительности рудников не тем, что они оказались исчерпанными для тогдашней техники, а тем, что изменились хозяйственные условия: вместо господствовавшего в классическую эпоху рабского труда наступил период мелкоарендного хозяйства, которое не давало возможности эксплоатировать рудники.

Собственно говоря, этого признания было бы достаточно для моих целей. Ведь для меня важно лишь установить факт, что организм Римской империи нуждался в громадном количестве благородного металла для нормального функционирования и что запасы этого металла иссякли, причем вопрос о причинах этого явления можно было бы оставить нерешенным. Этот факт имеет столь большое, всемирно-историческое значение, что я хотел бы еще кое-что об этом сказать, тем более что Вебер его, очевидно, очень недооценивает. На стр. 181 он говорит «о крушении античного денежного хозяйства, длившегося в течение нескольких поколений». На самом же деле натуральное хозяйство господствовало в культурном мире не в течение лишь нескольких поколений, а в течение периода времени, значительно превышавшего целое тысячелетие. В Западной Европе натуральное хозяйство господствовало почти в течение целого тысячелетия, а в Восточноримской империи иногда снова на некоторое время приближалось к системе денежного хозяйства, которое, однако, никогда не достигало степени античного денежного хозяйства[1]. Это такой факт, от которого нельзя просто отмахнуться.

Каким же образом объясняется уменьшение производительности рудников, допущенное также и Вебером — по крайней мере в качестве возможности? Вебер сам подчеркивает большое значение, которое имеют в хозяйственной жизни запасы благородного металла. Он вполне справедливо предостерегает от переоценки этого факта, основанной на том предположении, что благородный металл сам по себе оказывает творческое действие. Однако, этот металл все же имеет громадное значение. Хотя он этого прямо и не говорит, но все же готов был бы признать, что этот металл имел первостепенное и основное значение в хозяйственной жизни Римской империи с ее легионами, получавшими жалованье наличными деньгами. И действи-

[1] См. ниже главы о военном деле и стратегии при Юстиниане, в которых показано, как мощное государство не было в состоянии собрать необходимые средства для уплаты жалованья более крупным армиям. Ср. III том, ч. 2, гл. 7, «Византия».

тельно, можно ли поверить в то, что римляне отказались от добычи столь важного для их существования элемента хозяйственной жизни только потому, что вследствие уменьшения количества рабов перестала функционировать прежняя организация работы?

Но этот факт совершенно неправилен. Нейбург в своем исследовании по истории римского горного дела («Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», Bd. 56) установил, что в позднюю императорскую эпоху применялся в широком масштабе в рудниках труд свободных наемных работников[1], даже таких, которые одновременно являлись в некоторой доле совладельцами данного предприятия. А наряду с этим применялся труд рабов и арестантов, и если первые постепенно исчезали, то для второй категории христиане поставляли все новые и новые контингенты. Нейбург сам не может объяснить факт уменьшения иначе, как уменьшением численности населения, но эта точка зрения теперь почти никем не поддерживается. Конечно, горное дело никогда полностью не прекращалось. В особенности в северной части Балканского полуострова оно как будто бы относительно хорошо сохранилось. Нельзя отрицать факта очень значительного уменьшения производительности; но для того чтобы признать, что это не находилось в зависимости от внутренней организации работы, почти не требовалось доказательств этого факта Нейбургом. Для этого достаточно лишь бросить взгляд на Средние века, когда столь же мало располагали большими массами рабов, как и в III столетии. Начиная с X столетия, вновь открытые рудники разрабатывались со все возраставшим успехом, а именно немцами в Гарце, Эрцгебирге, Фихтельгебирге и в Богемии. Неужели римляне не могли достигнуть таких же результатов?

В дополнение к этому я считаю необходимым здесь отметить, что уже Монтескье в 17-й главе своего труда «Рассуждение о причинах величия римлян и их гибели» (Montesquieu, «Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence») установил факт исчезновения благородного металла, истощения рудников и влияние этого факта на разложение армии и тем самым на упадок и гибель империи.

Идея Вебера постольку обнаруживает правильное историческое чутье автора, поскольку по крайней мере одна из тех причин, к которым он восходит, является причиной политического, а не хозяйственного характера: это — существо власти. Но он ищет действия этого фактора в неправильном месте — в процессе образования бюрократии и в ограничении ею капитализма, которое он затем доводит до степени полного уничтожения экономического интереса. На самом же деле оба эти процесса — образование бюрократии и ограничение ею капитализма — протекали столь умеренно и в таких границах, что их действие можно было бы считать только благодетельным. Ошибка лежит, скорее, во внутренней невозможности примирить власть императора с понятием свободы и окружить ее такими установлениями, которые обеспечивали бы мужское достоинство сперва римским гражданам, а затем и всей массе жителей империи. Все зависело от личности императора. Попросту довериться одному лишь праву наследования оказалось невозможным, да к тому же это противоречило бы самой природе и происхождению этого высокого положения. Поэтому уже Август должен был пожертвовать своим родным внуком, так как он оказался неспособным к властвованию, и заменить его другим человеком, которого он усыновил. В результате этого в самом центре государства стала вечно царить неуверенность в правовом положении по отношению к правящему монарху или к какому-либо сопернику его преемника, так что почти ни одна перемена правителя не протекала без кровопролития или даже без открытой гра-

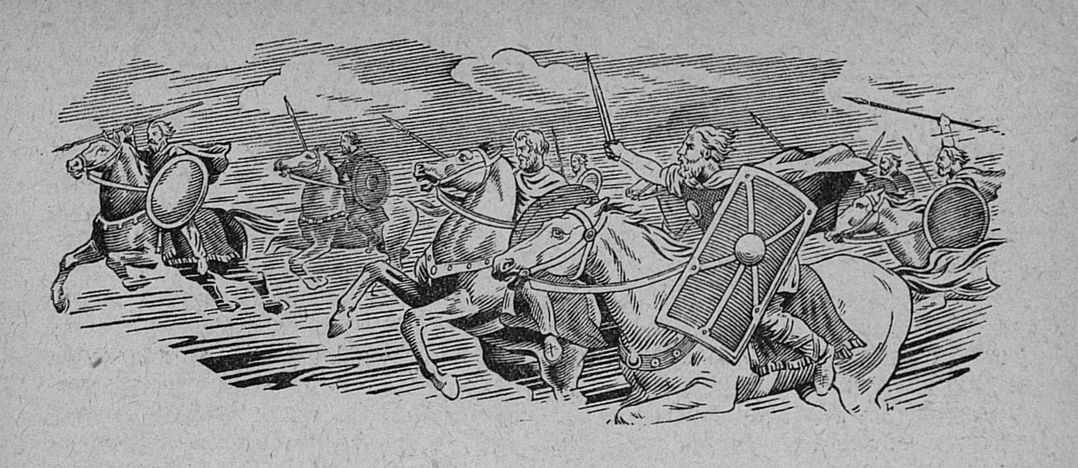
[1] Этот факт был недавно подтвержден применительно к Египту в труде К. Ф. Фитцлера (Kurt Fritz Fitzler, «Steinbrüche und Bergwerke im Ptolemaischen und Römischen Aegypten», Leipzig 1910).

жданской войны. И эта неуверенность в правовом положении являлась органической ошибкой в природе власти императора, которая сделала невозможным преодоление возникавших хозяйственных трудностей (валютный кризис), а также и политических (появление сепаратизма), разложила дисциплину в легионах, вызвала необходимость приема на военную службу варваров и тем самым привела, наконец, империю к гибели.

Мартин Банг в своем труде «Германцы на римской службе» (Martin Bang, «Die Germanen im römischen Dienst», Berlin, Weidmann, 1906) сделал большой и ценный вклад в науку, тщательно собрав надписи, относящиеся к германцам, находившимся на римской службе, систематизировав их и показав, какие выводы можно сделать из этого материала. Хотя он в своей работе очень удачно привел свидетельства римлян о пригодности и способности германцев (стр. 16), все же он их еще настолько недооценил, что продолжал придерживаться старых и легендарных грандиозных цифр (стр. 6, прим. 36, стр. 93). Лишь в том случае мы сможем абсолютно правильно оценить значение германцев, если сопоставим их подвиги с их численностью, подчеркнув в то же время, как мало их было. Неправильно также, что Банг определяет продвижение германцев на высшие должности в римском государстве словами «разрыв с предрассудками». Конечно, здесь было нечто иное.

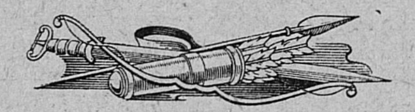
На стр. 60 Банг пишет, что лишь со времени Марка Аврелия началась та эпоха, когда «свободных германцев систематически и в широком масштабе стали применять для целей служения империи». Но это делали уже Цезарь, Август, Тиберий и Германик. Перемена, произошедшая, может быть, уже при Марке Аврелии, но с полной силой развернувшаяся лишь в III столетии, не есть новая система, но лишь практическое перенесение центра тяжести. Германцы, которые до этого в римской армии являлись вспомогательными войсками, но в то же время всегда, с самого начала бывшие свободными наряду с римскими гражданами, выдвинулись на первые места, так как легионы утеряли свою дисциплину и тем самым свою силу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Глава I

Римская империя с германскими солдатами

ПЕРВУЮ часть II тома нашего труда мы озаглавили «Борьба римлян с германцами», второй же части даем название «Переселение народов». Согласно дошедшим до нас и господствующим теперь взглядам, такого рода сопоставление и соподчинение понятий следовало бы признать неправильным, так как второе заглавие должно было бы быть скорее подчинено первому. Ведь разве переселение народов не явилось как раз высшей точкой развития и решительным моментом «борьбы римлян с германцами»?

Однако, на самом деле это было не так. Борьба римлян с германцами — в смысле настоящей борьбы, в смысле военной истории — окончилась уже в III столетии. Хотя в конце этого столетия еще было живо римское военное дело, римское войско, но оно давало возможность лишь вести борьбу с германцами — не более того. Правда, еще существовало римское государство, римская мировая империя, которая продержалась во всем своем объеме еще целое столетие, а своей восточной половиной, после потери западных провинций, еще целое тысячелетие. Но те военные силы, на которые опирался этот государственный организм, уже не были римскими. Уже в IV столетии государство охраняется не легионами; оно существует лишь благодаря тому, что отражает грозящих ему и теснящих его варваров при помощи других варваров, которых оно берет к себе на службу. Хотя борьба, которая теперь ведется, все еще остается борьбой между Римом и германцами, но это уже больше не борьба римлян с германцами.

Воины, которые ведут борьбу,— это германцы и другие варвары, гунны или славяне, которые ведут борьбу с себе подобными.

Эта система варварского наемничества, применявшаяся в Римской империи, после того как погибло и исчезло его собственное древнеримское военное дело,— такое, какое было описано нами в предыдущей части,— привела к переселению народов.

Против термина «переселение народов» в последнее время часто возражали, в особенности потому, что этот тип переселений ни в какой мере не характерен для одних только V и VI веков; такого рода переселения наполняют собой всю мировую историю. Крестовые походы и заселение Америки европейцами должны были бы быть в такой же мере подведены под это понятие, как и народные движения эпохи перехода от античности к Средним векам. Это совершенно правильно, но все же следует сохранить однажды установившийся термин в его специфическом значении. И хотя существует постоянное, никогда полностью не прекращающееся переселение народов, тем не менее каждая эпоха обладает присущими ей своеобразными явлениями и формами, а потому правильнее иметь для каждой из этих эпох по возможности особый термин. Поэтому мы сохраняем старое название. Оно обозначает, наряду с наступлением гуннов и натиском славян, главным образом, поселение германских племен на территории Римской империи.

Раньше царило такое представление, что это поселение являло собой большой и постоянно развивавшийся акт завоевания и покорения. Одряхлевший Рим был, наконец, опрокинут и побежден сильными своей молодостью германцами. Анализ этой проблемы, данный нами в предыдущей части, показал, что дело происходило иначе. Германцы не столько победили римские легионы, сколько их заменили. Вместо факта длительной борьбы между римлянами и германцами мы должны признать факт наличия переходной стадии, которая служила мостом от Римской мировой империи к множеству германских государств на римской почве. Эта переходная стадия показывает нам такую Римскую империю, в которой солдатами являются уже не римляне, но германцы [1].

Уже со времен Цезаря и даже со Второй пунической войны иноземные наемники — сперва стрелки и всадники — образуют некую составную часть римского войска. Варварский элемент стал очень сильно проникать даже в среду легионов. Государственная мудрость Августа нашла способы и пути к тому, чтобы снова восстановить и сохранить римский характер легионов. Так дело оставалось вплоть до III столетия, хотя количество и процент варварских вспомогательных войск временами, а, может быть, даже и постоянно возрастал. Нам рассказывают про Марка Аврелия, что он купил помощь одних германцев против других германцев. Каракаллу же его преемник обвиняет [2] в том, что он сделал варварам такие подарки, которые равнялись содержанию всего войска.

---

[1] Труд Р. Гроссе (Rob. Grosse, «Römische Militärgeschichte bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung», Berlin 1920), несмотря на большие усилия, затраченные автором, содержит в себе очень мало результатов. Я из него ничего не смог извлечь для своего изложения. Ср. мою рецензию в «Histor. Zeitschrift», 1921.

[2] Дион, 78, 17.

Но в течение гражданских войн III столетия варварский элемент стал получать все больший и больший перевес. Галлиен победил готов при помощи герула Навлобата, которому он пожаловал консульские знаки отличия.

Римские легионы еще существуют по названию, но меняют свой характер. Они спускаются до степени милиции, ценность которой незначительна. Наряду с такими выродившимися легионами существовали и некоторые другие, которые сохранили свою боевую ценность благодаря тому, что приблизились к типу варварских наемных отрядов. Такими следует считать «юпитерцев» и «геркулесцев» Диоклетиана. Основной характер древних и настоящих римских легионов основывался на дисциплине. Их ряды наполняли не только завербованные, которых толкал на военную службу их природный воинственный инстинкт, но и набранные рекруты, которые в первую очередь обладали лишь необходимыми физическими свойствами. Военное воспитание и обучение и строгость центурионов превращали их в годных солдат. Эта сила была разрушена, и оставался лишь первый указанный нами элемент, т. е. природная воинственность. Даже среди культурного народа всегда имеется некоторое количество мужчин, которые, как Тацит говорит о германцах, охотнее предпочитают приобретать кровью, нежели трудом, и одушевлены высоким понятием воинской чести, либо просто наделены чисто физической храбростью. Но число таких людей всегда очень невелико. Из них нельзя составить таких больших войск, как те, которыми командовал Август или даже Северы. Этого числа было достаточно для того, чтобы в течение долгого времени сохранять некоторые войсковые части, которые имели преобладающе римский характер, но все же характерные черты хорошо обученных легионов были утеряны. Атака и способ ведения войны стали похожи на варварские приемы, воинская сила которых основывалась на личной природной храбрости и на корпоративном духе.

Переход от древней римской военной системы к новым формам происходил сперва постепенно, но под конец совершился довольно быстро. Он начинается в середине III столетия, а в конце этого столетия, при Диоклетиане, уже заканчивается. То римское, что еще сохраняется, уже более не является римским в прежнем, древнем, смысле этого слова. То войско, с которым Константин выступил на завоевание Италии, при помощи которого он победил императора Максенция у Мильвийского моста и захватил Рим, состояло, главным образом, из варваров. Он собрал войска из подчиненных ему варварских народов, пишет Зосима [1],—из германцев, кельтов и британских племен. Тот факт, что эти войска шли под знаком креста, указывает не столько на то, что Константин хотел иметь в своем распоряжении такие войска, которые не боялись бы капитолийских богов, так как о таком страхе не могло быть и речи среди германцев и кельтов, сколько на то, что в данном случае Константин ориентировался на римских граждан: среди последних существовала сильная христианская партия, которую Максенций угнетал и подавлял, а Константин пытался привлечь на свою сторону. Подобно германскому королю-полководцу, Константин окружил себя свитой (comites), которая образовала новую аристократию, оттеснившую в сторону древние сословия сенаторов и всадников.

[1] «Он собрал войска из числа подчиненных варваров, из германцев, из других кельтских племен и из бриттов» (Зосима, II, 15, 1).

В течение всего IV столетия мы часто находим элементы римского и германского в непосредственной близости одни от других. В речи, с которой император Юлиан перед сражением у Страсбурга обратился к своим войскам, ободряя их к бою, он побуждает их «вернуть римскому величию его честь» и называет врагов варварами (Аммиан, 16, 12, 31). Войско, к которому с такими словами обратился император, состояло, как это видно из описания сражения, в некоторой своей части из германских формирований. Больше того — очевидно, что главную его силу и основное его ядро составляли именно германские части. Здесь упоминаются корнуты, бракхиаты и батавы; перед атакой войска оглашают воздух военной песнью, барритом, и именно это войско вскоре провозглашает Юлиана императором, подняв его, по германскому обычаю, на щит [1]. Когда вестготы перешли через Дунай и начался натиск настоящего переселения народов, то, как пишет римский историк, в первом большом сражении «варвары» начали петь песни, посвященные восхвалению своих героических предков, а «римляне» подняли боевой клич, так называемый «баррит», который стал раздаваться все громче и громче [2].

Археологические раскопки совсем недавно обнаружили своеобразное доказательство того, как сильно было германизовано римское войско уже в IV столетии. Угол, образуемый Дунаем в Добрудже, замыкается тремя укрепленными линиями, воздвигнутыми в различные эпохи. Теперь уже установлено, что древнейшей из этих линий является низкий земляной вал, обращенный фасом к югу. Весьма возможно, что он был построен варварами для защиты против римлян. Вторая линия, которая состоит из более высокого вала, по своим характерным чертам чрезвычайно похожа на германскую пограничную линию (limes) и, очевидно, была построена римлянами в ту же самую эпоху. Третьей линией является каменная стена, которую можно с уверенностью отнести к IV столетию. Но те укрепления, которые к ней относятся и с нею связаны, имеют совершенно такой же характер, как и ранне-средневековые, находящиеся на германской территории. Едва ли их построили сами германцы: их склонность к барщине в ту эпоху была еще слишком незначительна. Но те предводители, которые распоряжались строительными работами и определяли характер отдельных частей, были уже германцами. Они больше не жили военными традициями Рима, но уже проводили—как во всем военном деле, так и в формах укреплений — те идеи, которые они принесли с собой со своей родины и которые теперь они развивали дальше при помощи тех больших возможностей и тех образцов, которые они нашли и видели перед собой, на римской почве [3].

«Варвар» в эту эпоху является техническим названием, обозначением солдата; военный фиск (казна) обычно носит название «варварского фиска» (fiscus barbaricus) [4].

Нас не должно вводить в заблуждение, что наряду с этим в источниках постоянно говорится о римской славе и римской доблести, так

[1] Аммиан, XX, 4, 17. Менее ценный источник, Никифор Каллист, сообщает то же самое о Валентиниане I. Но описание, сохранившееся у Symmachus. «Orationes», I, 10, не содержит в себе этого факта, если вообще доверять этому риторическому описанию.

[2] Аммиан, XXXI, 7, 11.

[3] Schuchhardt, «Die Anastasiusmauer bei Konstantinopel und die Dobrudschawälle». «Jahrbuch des archäologischen Instituts», Bd. 16, S. 107.

[4] Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte», I, 39 (W. Aufl., S. 58).

как даже Прокопий в VI столетии хотя и рассказывает сам при всяком удобном случае, что варвары при римских победах особенно отличились, все же постоянно говорит о победах «римской храбрости» над варварами, так как эти победы были одержаны под императорскими знаменами [1].

Итак, с конца III столетия римские войска состояли из отрядов наемников различного рода, сформированных в значительной, а, может быть, даже и в большей своей части из чистых варваров — германцев, которые храбро держали себя в сражениях, но которыми вне сражения, особенно в мирное время, было очень трудно управлять. Если даже дисциплинированные легионы часто бунтовали, то теперь и император, и империя были целиком отданы в полную власть этим бандам. Германцы, находившиеся на службе у императоров в течение первых двух столетий, всегда ясно чувствовали, что они являются лишь простыми вспомогательными войсками. У них никогда не появлялось мысли о восстании, так как около них всегда находились каравшие и мстившие легионы. Национально-римские отряды, которые еще назывались легионами, очень слабые по своей численности и перемешанные в своем составе с варварами, были очень близки по своим настроениям к бандам иноземных наемников. Ничто не мешало германским воинам, получавшим свое жалованье от императора, на другой же день обратить свое оружие против своих прежних полководцев, найдя, что какой-либо пункт их договора не выполнен или что их требования не удовлетворены.

Совершенно ясно, что такого рода военная сила по своей мощи, боеспособности и пригодности далеко не достигала боевых качеств древнего войска легионов. Даже в тех случаях, когда какому-либо императору, как, например, Константину, удавалось, повидимому, полностью восстановить единство и авторитет императорской власти, все же это было лишь кажущимся достижением, так как в армии уже не было прежнего фундамента — дисциплины.

Между прочим, необходимо отметить бесконечную важность для нашей духовной жизни факта ослабления римской императорской власти. Чтобы возместить то, чего теперь нехватало в боевой мощи оружия, Константин заключил союз с большой федерацией епископов—с христианской церковью. Вряд ли—или лучше сказать никогда—римский император не допустил бы существования наряду с собой этой верховной суверенной власти, если бы он мог попрежнему почувствовать в легионах древнюю опору своей власти и если бы легионы могли ему оказать мощную поддержку для подавления этой столь же самоуверенной, как и самостоятельной новой силы — силы церкви. Церковь сумела победоносно выдержать гонения от времен Декия до эпохи Диоклетиана; этим она обязана своим мученикам, но не в меньшей степени она обязана этим и слабости государства, которое уже не располагало всей древней боевой силой своего оружия.

Перед церковью открылось широкое поле для действий, а старая культура погибла. Уже не могло быть и речи о тех деятельных пограничных военных силах, которые в течение столь долгого времени охраняли пограничную укрепленную линию (limes). Германцы ринулись и через Рейн, и через Дунай; они доплывали на своих кора-

[1] Это правило отмечено у Dahn, «Procop von Caesarea», S. 391.

блях от Черного моря через все Средиземное до самого океана, и нигде никто не мог защитить себя от их разбойничьих вторжений. Они безжалостно умерщвляли всех, кого не уводили в рабство. Даже теперь можно видеть на 60 или даже еще большем числе французских городов следы того, что они были в те времена сожжены,— «под язвительный хохот», как рассказывали римляне, короля алеманнов Хнодомара [1],— разрушены и вновь построены, будучи на этот раз теснее сжаты и окружены стенами. В течение предшествовавших мирных столетий города строились просторными, свободными, открыто и широко разбросанными; теперь же улицы делались узкими, а окружность города как можно меньшей, в целях возможно лучшей обороны. В тех толстых башнях и стенах, которые теперь были построены и которые противостояли натиску тысячелетий, пока острая кирка современной культуры или археологии их не разрушила, были найдены обломки колонн, статуй, фризов и карнизов, часто покрытые надписями, которые дали возможность установить время их сооружения, и явственно носившие следы пожаров, которым некогда были преданы эти города варварами. Но далеко за пределами этих укрепленных городов, перед их воротами, находятся следы разрушенных храмов и амфитеатров, по местоположению которых можно восстановить размеры территории прежних открытых городов [2]. Обладая бо́льшим населением и бо́льшим количеством всевозможных достижений культуры, чем во времена Августа, Римская империя стала, однако, слишком слабой для того, чтобы защищать свою цивилизацию, с тех пор как она потеряла свои прекрасно дисциплинированные легионы, свое собственное постоянное войско. И напрасно горюет и жалуется во времена Аркадия такой патриотически настроенный ритор, как Синезий, в словах: «Вместо того чтобы терпеть пребывание в нашей стране вооруженных скифов (готов), следовало бы призвать к оружию весь народ и вооружить его мечами и копьями. Позор для нас, что наше государство, обладающее столь многочисленным населением, передает честь ведения войны иноземцам, победы которых позорят нас даже в том случае, когда они нам приносят пользу. Если эти вооруженные люди захотят стать нашими господами, то нам, несведущим в военном деле, придется вести борьбу с людьми опытными в этом отношении. Мы должны снова пробудить в себе наше древнее римское чувство; мы должны сами участвовать в наших сражениях, не иметь ничего общего с варварами, изгнать их отовсюду, прогнать со всех должностей и особенно из сената, так как внутренне они все же стыдятся этих должностей и этого сана, которые мы, римляне, с древнейших времен считаем высшими. Фемида и Арей должны были бы закрыть свои лица при виде того, как эти закутанные в звериные шкуры варвары командуют людьми, облеченными в римские боевые доспехи, или как они, сбросив свою одежду, быстро накидывают на себя тогу и в таком виде вместе с римскими чиновниками обсуждают и решают дела Римского государства! Как они занимают почетные места в непосредственной близости от консула, впереди благородных римлян! Как они,

---

[1] Аммиан, XII, 12, 61.

[2] Lavisse, «Histoire de France», 1, 2. «Les origines, la Gaule indépendante et la Gaule romaine» par G. Bloch. Paris 1901, S. 299 sq. q. Бланшэ (Ad. Blanchet, «Les enceintes romaines de la Gaule», 1907) на основании очень широкого исследования этого вопроса отвергает те теории, которые относят постройку этих укреплений лишь к эпохе Диоклетиана, к IV столетию или к еще более позднему времени.

только что покинув курию, вновь надевают на себя свои шубы (вильчуры), издеваясь вместе со своими товарищами над тогой, которая, как они, насмехаясь, говорят, не дает возможности пользоваться мечом! И эти варвары — эти люди, которыми мы до сих пор пользовались как слугами в нашем доме,— хотят теперь править нашим государством! Горе, горе, если их войска и их полководцы возмутятся и если к ним потекут их многочисленные соплеменники, которые в качестве рабов в большом количестве населяют всю империю» [1].

Проникнутый именно таким настроением, приступил к своей работе далекий от жизни и от мира литератор и любитель старины Флавий Вегеций Ренат. Он старался найти у древних писателей, какая же собственно военная система существовала прежде у древних римлян, на чем основывались их сила и их величие, каким военным правилам они следовали и что можно, таким образом, восстановить и взять себе в качестве образца, чтобы спасти государство и восстановить древнюю мощь. Компилируя весь этот найденный им материал, он создал свою книгу, которая в течение веков и тысячелетий находилась в руках воинов. Но гибнущие государства нельзя спасти ни речами, ни книгами.

Тем не менее, находившиеся на римской военной службе банды германских наемников еще не были той силой, которая на Западе готовила конец и гибель Римской империи. Будучи оторваны от своей родины, такие наемники ассимилировались с тем государственным строем и с той народностью, которым они служили. А там, где они оставались чуждыми, они все же еще были слишком непостоянным и лишенным корней элементом, для того чтобы самим иметь возможность на долгое время укрепить свое господство. Как ни опасны были Карфагену после Первой пунической войны находившиеся у него на службе и возмутившиеся против него наемники, все же, наконец, они были покорены, и Ганнибал повел Вторую пуническую войну при помощи точно таких же банд. То, что мы называем переселением народов, со всеми своими неизмеримыми последствиями вытекает из того, что, наконец, не только крупные отряды отдельных воинов, но даже целые племена стали поступать на римскую военную службу. Появляясь на римской территории со своими женами, детьми и со всем своим имуществом и продолжая оставаться германским народом, они становились римским войском.

Военная служба отдельных, хотя и весьма многочисленных, людей и служба целого народа, который при этом сохраняет свою социальную структуру и свою политическую организацию, являются фактами совершенно различного порядка. Возможность перехода одного явления в другое вытекала из характера германского народа. Этот народ был настолько воинственен и настолько пропитан боевыми инстинктами — стремлением и страстью к войне, что не только являлся неисчерпаемым источником для вербовки, но и готов был, — подобно тому как он раньше выступал в поход против своих соседей, — драться теперь под любыми чужими знаменами и ради любых целей. Германцы вступили в эпоху переселения народов не потому, что прежние области были уже недостаточны, как это думали раньше, для все возраставшего народонаселения, но потому, что они были бандами воинов, жадно стремившихся к деньгам, добыче, приключениям и к должностям. Действительно, в отдельных случаях недостаток

[1] См. Dahn, «Könige der Germanen», V, 26

в земле мог их принудить к эмиграции или же толчком к такому переселению мог быть натиск каких-либо иных врагов. Но и то и другое явление могло бы дать повод лишь для отдельных стычек или пограничных войн. Решающим моментом во всемирно-историческом масштабе было то обстоятельство, что германские племена были содружествами воинов, которые шли на войну, стремясь к наемной плате, к добыче и к господству. Они пришли в Римскую империю не для того, чтобы найти здесь землю, стать крестьянами и жить здесь в качестве крестьян,— ведь часто они оставляли свою родину пустынной позади себя,— а ради ратных подвигов, которые они хотели совершить.

В постоянной смене службы и вражды, вражды и службы, которая характеризует взаимоотношения римлян и германцев в III, IV и V столетиях, германцами были завоеваны в полном смысле этого слова некоторые пограничные области на Рейне и на Дунае, а также Британия. Хотя оседлое население и не было целиком изгнано, однако, оно было настолько сокращено и подавлено, что новое господствующее племя постепенно впитало в себя его остатки. В Италии же, в главных частях Галлии, Испании и Африки дело происходило таким образом, что германские короли-полководцы, обладая фактической властью, взяли в свои руки также и юридическую власть, в то же время не отрывая целиком своих провинций от имперского организма. Даже сам Одоакр, устранив в Риме западноримского императора, правил над Италией не в качестве суверенного императора, но в качестве германского князя, которого восточноримский император поставил своим наместником в этой части своей империи, и даже остгот Теодорих Великий во всей полноте своей мощи не воспринимал и не понимал иначе своего положения [1].

Лишь постепенно распалась и растаяла также и эта форма, эта фикция, и появились независимые германские королевства на римской почве — в Галлии, в Испании, в Африке и в Италии, — королевства вестготов и остготов, бургундов, франков и вандалов.

Хотя в IV столетии было много различных боев и сражений, но у нас есть сведения лишь о двух сражениях — при Страсбурге и при Адрианополе, которые можно использовать для военной истории. О сражениях и походах Константина Великого, а также о сражениях при Мильвийском мосте [2] и на Каталаунских полях в V столетии я ни-

---

[1] Mommsen, «Ostgotische Studien», N. Archiv f. ä. d. Geschichte», 14, 460. L. Schmidt, «Geschichte der Vandalen», 1901, S. 65, 72, 122.

[2] Исследование Требельмана о сражении при Мильвийском мосте («Abhandlungen der Heidelberger Akademie», 1915) очень ценно в топографическом отношении, но с точки зрения военной истории столь же неправильно, как и исследование Зеека. Оба автора еще целиком порабощены представлением о громадных массовых армиях и даже верят указаниям источников на то, что войска Максенция численно превосходили — и даже во много раз превосходили — войска Константина. Так как, исходя из таких предпосылок, конечно, было совершенно невозможно построить какую-либо разумную и логически ясную связь событий, то Зеек принужден был прибегнуть к предположению, что оба полководца руководствовались не стратегическими соображениями, но снами и знамениями. Я не понимаю, почему Максенций и Константин не могли использовать свои сны таким же образом, как Фемистокл, Павзаний и Мардоний. Очень недурна статья Ландманна в книге Doelgner, «Konstantin der Grosse und seine Zeit», 1913, но, ввиду недостатка источников, она дает мало материала для военной истории.

чего не могу рассказать ввиду отсутствия источников. Лишь в VI столетии — о Велизарии и Нарсесе — у нас вновь имеются некоторые более подробные и более надежные сведения.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГРАЦИАНА

Ранке считает, что имевшее место в 383 г. восстание против Грациана, которое, впрочем, прекрасно и всесторонне засвидетельствовано, было движением легионов, направленным против преобладания германцев и против того предпочтения, которое им оказывалось. Ничто не может показаться более естественным, чем то, что нам придется рано или поздно встретиться с этим конфликтом в каком-либо месте истории Римской империи. Чувство собственного достоинства легионов, которые, как говорит Ранке, всегда располагали императорским троном, должно было воспротивиться тому, чтобы над ними были поставлены иноземные, варварские наемники. Но различие между легионами и вспомогательными войсками варваров все же не воспринималось столь резко, так как в источниках нигде ничего не говорится о каком-либо конфликте, возникшем в результате такого рода корпоративной зависти. В таком смысле, пожалуй, скорее всего можно было бы истолковать рассказ Геродиана (8, 8) о гибели двух императоров — Бульбина и Пупиена — в 238 г. Здесь совершенно ясно противопоставляются преторианцы, которые относились враждебно к императорам, и германцы, которые их охраняли, но все же это является лишь второстепенным моментом в этом запутанном узле событий. Конфликт возник из-за того, что в результате решения сената явилась двойная императорская власть, тогда как на право распоряжения верховной властью претендовали преторианцы; при этом германцы защищали императора, признанного сенатом, так как этот спор им был безразличен и так как они уже однажды признали этого императора своим полководцем.

Этот факт приобретает еще большее значение при изучении вопроса о падении Грациана. Если правильно, что причину восстания против Грациана следует искать в том обстоятельстве, что римские войска завидовали германским, которым в ту эпоху отдавалось предпочтение, то, значит, еще в конце IV столетия должны были существовать наряду с варварами древние легионы или по крайней мере войска с резко выраженным римским национальным чувством. Но наши источники, повествующие о событиях 383 г., об этом абсолютно ничего не говорят. Схематизм «Расписания должностей» («Notitia dignitatum»), Вегеций и фразеология писателей постоянно вводили в заблуждение историков, заставляя их думать, что древнеримская военная система продолжала еще существовать даже в течение V столетия. Если бы так было на самом деле, то трудно было бы понять, почему легионы допустили военное преобладание и даже главенство германцев, даже ни одного раза не оказав этому сильного противодействия.

Но если мы обратимся к свидетельствам источников, то увидим, что в них абсолютно ничего не говорится о восстании легионов против германцев. Все это противопоставление является гипотезой, которая восходит к прекрасной во многих отношениях работе Генриха Рихтера «Западноримская империя, в особенности в эпоху императоров Грациана, Валентиниана II и Максима» (Heinrich Richter, «Das weströmische Reich besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II und Maximus»). Основываясь на некоторых свидетельствах источников, в частности Зосимы и Синезия, Рихтер весьма наглядно и красноречиво рисует картину недовольства римлян тем, что варвары, одетые в шкуры и носящие длинные волосы и бороды, занимают самые почетные должности и самые передние места в курии. Но он сам к этому добавляет, что эти жалобы исходят лишь из уст языческих философских писателей, которые в те времена являлись представителями очень ограниченных кругов. Их жалобы, возникая к тому же на Востоке, не дают нам какой-либо возможности сделать вывод относительно

войск, находившихся на Западе. Поэтому в данном случае мы не имеем права оперировать выводом, сделанным на основании одной лишь аналогии.

Свидетельство, которое здесь имеется в виду, находится у автора, продолжавшего Аврелия Виктора, а именно — в 47-й главе, в которой говорится про Грациана: «Он имел бы в изобилии всякого рода блага, если бы направил свой ум к изучению науки о том, как следует управлять государством; этой науке он был почти совершенно чужд не только вследствие своего нежелания, но и по своим занятиям. Не обращая внимания на войско и отдавая предпочтение перед древними римскими воинами немногим из аланов, которых он переманил на свою сторону громадным количеством золота, он до такой степени был окружен свитой варваров и даже, можно сказать, находился с ними в дружбе, что иногда совершал путь в варварской одежде, чем вызвал против себя ненависть воинов. В это самое время Максим, быстро вырвав у Британии ее самодержавную власть и переправившись в Галлию, при поддержке враждебных Грациану легионов принудил Грациана к бегству и без промедления его уничтожил».

Эти слова можно было бы очень хорошо истолковать в том смысле, который им придают Рихтер и Ранке, если бы существование легионов в прежнем смысле этого слова и их противопоставление германцам было засвидетельствовано еще в каком-нибудь другом месте. Но эти слова можно истолковать и иначе.

Те войска, которым Грациан отдает предпочтение, состоят не из германцев, а из особого племени—аланов. Те «древние римские воины», которые им противопоставляются, вовсе не должны были обязательно быть римскими легионерами, но в такой же степени могли быть и другими варварами, которые до этого времени находились на императорской службе. Так обобщающе понимал эти слова и Гиббон. Даже слова в последней фразе «враждебных Грациану легионов» еще ничего не доказывают. Не подлежит никакому сомнению, что название «легион» еще применялось в эту эпоху для обозначения войсковых частей. Вопрос заключается лишь в том, какие люди наполняли эти так называемые легионы, носили ли они специфически римский национальный характер и подразумевалось ли под этим термином некоторое противопоставление вспомогательным войскам варваров. Но это совершенно не вытекает из слов нашего автора.

Если бы, действительно, дело шло о таком противопоставлении: «здесь римляне, а там германцы», то было бы совершенно непонятно, почему германцы в конце концов не стали сражаться за Грациана. Уже Рихтер поэтому вносит некоторое ограничение, говоря (стр. 567): «Даже другие германцы могли чувствовать некоторую зависть», а именно по отношению к аланам. Каковы бы ни были причины недовольства Грацианом, здесь ни в каком случае не могло иметь места принципиальное движение римского элемента против германского элемента, которому отдавалось предпочтение при дворе и в армии. Ведь так легко германцы не проиграли бы своей партии и так просто они не уступили бы. Первыми войсками, раньше всего перешедшими от Грациана к Максиму, когда оба императора стояли друг против друга при Париже, были нумидийские всадники.

Для того чтобы понять восстание против Грациана, которое кажется столь слабо обоснованным, нужно прежде всего уяснить себе то обстоятельство, что в мирное время вообще очень трудно удерживать в повиновении наемные войска, которые не очень строго дисциплинированы. Достаточно малейшего толчка, для того чтобы поселить среди них беспокойство. Наконец, они бунтуют, движимые просто жаждой деятельности.

К тому же, как кажется, Грациан не поддерживал особенно хорошего порядка в своих финансах, так что он либо очень уменьшил число своих солдат, либо неаккуратно выплачивал им жалованье.

Если предположить, что Максим, будучи в 383 г. представителем легионов, победил Грациана, который был представителем германцев, то победитель, без всякого сомнения, энергично проводил бы в жизнь этот принцип своей политики в течение пяти лет своего правления. Но мы об этом не имеем ни малейших сведений. Если бы вообще была какая-либо возможность снова вызвать к жизни собственно римскую военную систему, то едва ли мог бы кто-нибудь скорее сделать эту попытку, нежели Грациан, который однажды одержал прославленную победу над алеманнами (лентиензами) и на своей собственной семье испытал опасность нападения со стороны объединившихся в федерацию германцев. С громадным напряжением всех своих сил он устремился из Галлии на помощь к своему дяде Валенту, чтобы при помощи войск, собранных со всей империи, от океана вплоть до самого Тигра, снова прогнать страшных вестготов из Римской страны. Но плоды этой победы были сведены на-нет победой варваров при Адрианополе.

Поэтому в рассказе о гибели Грациана я не вижу никаких оснований для отказа от своего представления относительно того, что уже за 100 лет перед тем римская военная система была окончательно изжита. Константин Великий был именно тот император, который подвел новый фундамент под Римскую империю, не только тем, что заключил союз с церковью, но также и тем, что окончательно признал факт варваризации военного дела. Христианство и германский элемент теснее связываются между собой, чем до тех пор. Упрек, который бросил Константину его племянник Юлиан (Аммиан, 21, 10), что он предоставил варварам высокие должности («что он первый из всех стал возвышать варваров вплоть до консульских фасций и трабей»), не заключает в себе ничего случайного, но попадает в самый центральный пункт его политики.

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В IV столетии сын ветерана считался военнообязанным и пользовался за это привилегиями. Первое постановление по этому вопросу относится к 319 г. (Ср. Моммсен, «Гермес», т. 24, стр. 248). Однако, практическое значение этого постановления, за исключением, может быть, пограничников (limitanei), конечно, весьма незначительно. На это постановление следует смотреть как на последнюю, фактически безнадежную, отчаянную попытку избегнуть сплошной варварской армии. Фамильная военная традиция должна была заменить то, чего уже не могла достигнуть дисциплина.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФРИГИДЕ

Мы ничего не знаем относительно сражения при Фригиде (394 г.), в котором Феодосий победил Арбогаста и Евгения. Гюльденпеннинг в изданной им совместно с Ифландом книге под заглавием «Император Феодосий Великий» (Güldenpenning und Ifland, «Kaiser Theodosius der Grosse») выбрал и сопоставил на стр. 221—227 наиболее достоверные факты, сохранившиеся в дошедших до нас источниках. Но все это лишь не что иное, как бесконечная болтовня. Все, что говорится о войсках, дает возможность предположить, что на обеих сторонах находились варвары.

Глава II

Сражение при Страсбурге (357 г.)

После того как алеманны уже во второй половине III столетия прорвали пограничную укрепленную линию (limes) и овладели землями, расположенными на правом берегу Рейна, они в 350 г. захватили также область, лежащую между Рейном и Вогезами, т. е. Эльзас, воспользовавшись разгоревшейся в Римской империи междоусобной гражданской войной между императорами Констанцием и Магненцием. Юлиан, которого Констанций назначил цезарем и которому он поручил управление Галлией, решил не только снова прогнать алеманнов за Рейн, но в то же время, нанеся им сильный удар, отбить у них всякую охоту к возвращению. Вместо того чтобы внезапно на них напасть и прогнать тех из них, которые находились по эту сторону реки, он только подстрекал их к бою, производя на них нападения, но оставался со своим главным войском стоять на границе и разбил при Цаберне, близ выхода из вогезского ущелья, укрепленный лагерь. Тотчас же с той стороны Рейна алеманны пришли на помощь к своим соплеменникам, находившимся в Эльзасе. И это было именно то, чего хотел Юлиан. Лишь только он узнал, что довольно большое количество алеманнов переправилось через Рейн и собралось близ Страсбурга, как он тотчас же двинулся против них. Мы имеем два источника, в которых подробно говорится о сражении при Страсбурге: Аммиана, который сам служил в качестве командира под начальством Юлиана, и Либания, ритора, который находился в близких личных отношениях с императором и написал ему надгробную речь, сохранившуюся до нашего времени. Весьма возможно, что оба эти рассказа — как Аммиана, так и Либания — восходят к одному и тому же первоисточнику, а именно к собственным мемуарам Юлиана.

Либаний резко подчеркивает, как хорошо цезарь заранее обдумал план сражения. Он мог бы помешать варварам переправиться через реку, но он не хотел этого делать, так как он не собирался дать бой лишь одному небольшому отряду противника. В то же время он остерегся и того, чтобы дать возможность переправиться всему войску варваров, так как среди них были призваны все способные носить оружие, как это стало известно впоследствии. Сражаться с немногими ему казалось слишком нестоящим делом, сражаться же со всеми казалось слишком опасным и неразумным.

Из этого ясного рассуждения мы можем сделать вывод о соотношении сил противников. Собственное войско Юлиана, согласно Аммиану, исчислялось в 13 000 человек. Выше, в другой связи (стр. 175), мы уже показали, что эта цифра, может быть, несколько мала, но во всяком случае она не очень далека от истины. Если мы скажем, что в этом войске было от 13 000 до 15 000 солдат, то в достаточной степени гарантируем себя от ошибки.

Силы алеманнов римляне исчисляют, как обычно, с таким преувеличением, что этих цифр не стоит повторять. Из стратегического плана Юлиана мы с уверенностью можем сделать тот вывод, что он рассчитывал напасть на врагов в тот момент, когда они будут не-

сколько, но не намного слабее его собственных сил. Успех, одержанный Юлианом, показал, что он правильно рассчитал. Поэтому мы можем принять, что войско алеманнов насчитывало от 6 000 до 10 000 человек.

Рассказ Аммиана в некоторой степени противоречит стратегической мысли Юлиана, изложенной Либанием. Аммиан рассказывает, что римский полководец, выйдя из Цаберна, сделал остановку в полдень и хотел было отложить сражение на другой день, но боевое воодушевление и крики солдат побудили его немедленно выступить вперед. Промедление даже одной половины дня дало бы возможность противнику значительно увеличить свои силы. Расстояние от Цаберна до Страсбурга равняется четырем хорошим милям. Таким образом, мы можем установить, что смысл и связь этих событий были следующие: император, конечно, хотел и готовился дать бой немедленно, но, для того чтобы после напряженного перехода под лучами августовского солнца несколько приподнять и оживить настроение солдат, он прикинулся, что должен здесь разбить лагерь, и сделал так, что решение тотчас же начать сражение было вынесено как бы самими солдатами.

Нельзя с уверенностью установить место сражения. Ясно лишь, что на стороне римлян был не только численный перевес, но и то стратегическое преимущество, что на крайний случай укрепленный лагерь при Цаберне находился позади них, в то время как позади алеманнов находились воды Рейна. Возможно, что германцы в своем воинственном пылу делали из того же самого обстоятельства как раз обратный вывод, считая, что невозможность отступления доведет их собственные силы до высшего предела.

Во главе германцев стояло семь королей (князей, principes — в древнем смысле этого слова). Самым знатным среди них был Хнодомар, который командовал конницей на левом фланге. В предъидущие годы, не встречая на своем пути сопротивления и оставаясь непобедимым, он совершал походы в Галлию и издевался над римскими городами, которые он, разграбив, предавал огню. Римляне рисуют его скачущим во главе своих всадников на взмыленном коне, в блистающих доспехах, уверенным в огромной силе своих рук (в одной из которых он держит копье необыкновенной длины), с повязанными красной лентой волосами. Он был всегда храбрым воином, теперь же он стал превосходным полководцем.

Правый фланг алеманнов, состоявший из пехоты, опирался на некоторые местные препятствия, которые Аммиан один раз называет «скрытыми и тайными засадами», а другой раз «рвами», которые были наполнены вооруженными людьми. Либаний говорит об акведуке, о густых зарослях камыша и о болотистом месте, где алеманны устроили засаду. Левый фланг римлян дрогнул, когда там заметили эти препятствия. Юлиан якобы сам снова двинул его вперед либо при помощи простого призыва, либо же приведя к нему на помощь небольшой отряд конницы, состоявший из 200 всадников. Повидимому, вначале, ввиду строения почвы, этому флангу совершенно не была придана кавалерия, и все же здесь понадобилось некоторое прикрытие фланга, прежде чем удалось достигнуть позиции противника. Но затем неприятель был тотчас же опрокинут и обращен в бегство.

На другом фланге, где местность была открытой, обе стороны расположили главные силы своей конницы. Германцы под предводи-

тельством Хнодомара бешено помчались вперед. Они размахивали оружием в правых руках и скрежетали зубами от дикости; их длинные волосы развевались, и ярость горела в их глазах. Наряду со всадниками шли легковооруженные пехотинцы. Римские всадники не смогли выдержать вида наступавших на них врагов и повернули обратно.

Наши источники сообщают, что цезарь лично бросился навстречу бегущим и своими призывами и обращениями вернул их к выполнению своего долга. Источники приводят,— правда, отступая друг от друга,— что именно он им говорил, причем Либаний сравнивает Юлиана с Теламоном Аяксом, а Аммиан — с Суллой, который в одном из сражений против Митридата подобным образом собрал со всех сторон своих людей вокруг себя. Этот подвиг полководца часто встречается в военной истории, но чем крупнее те армии, о которых идет речь, тем с большей уверенностью можно сказать, что он придуман. Этот подвиг мог быть совершен на самом деле лишь при наличии, в крайнем случае, очень небольшого отряда. Никакими словами нельзя остановить войска, в особенности всадников, которые уже бегут и за которыми по пятам следует противник. Если группа всадников, охваченная страхом, уже обратилась в бегство, то она сможет остановиться лишь в том случае, если на ее пути встретится естественное препятствие или если ее принудит к остановке усталость. В «Военных письмах» принца Крафта Гогенлоэ (1,78) можно найти яркое описание того, каким беспомощным является командир, когда он хочет остановить группу всадников, охваченных паникой, даже в том случае, если позади них нет неприятеля. Бойцы не слушаются командиров, и вся масса всадников на протяжении нескольких миль неудержимо несется обратно. Если удается остановить или снова двинуть вперед в атаку бегущие войска, то это всегда происходит лишь при помощи свежих, вновь вступающих в сражение частей. Новейшая история, более богатая источниками, дает нам возможность в одном из таких рассказов сопоставить вымысел с истиной, и, проведя здесь параллель, можно в данном случае извлечь из нее некоторую пользу. Габсбургские писатели рассказывают нам, как эрцгерцог Карл в сражении при Асперне восстановил и выправил поколебавшуюся боевую линию тем, что сам схватил знамя одного из батальонов. Благодаря этому все изменилось, «как бы по удару молнии», пишет один; «как бы электрическим разрядом», пишет другой; как бы «по мановению волшебного жезла», пишет третий. Точное сопоставление моментов сражения показало, что как раз в ту минуту в боевую линию одновременно вступили все австрийские резервы, состоявшие из 17 батальонов гренадер, о чем слегка овеянные придворным настроением писатели не сочли нужным упомянуть наряду с описанием геройского подвига светлейшего полководца.

Если мы внимательнее вглядимся в наши римские источники, то увидим в них, что нечто подобное произошло и во время сражения с алеманнами. Аммиан лишь в очень общих словах пишет о возвращении всадников на поле сражения, а у более позднего писателя Зосимы (кн. III, гл. 4) мы находим даже положительное указание, что их не удалось заставить возобновить бой. То, что произошло именно так, следует и из дальнейшего рассказа Аммиана о том, что алеманнские всадники после своей победы над римскими всадниками бросились на неприятельскую пехоту. Они не могли бы этого сделать,

если бы были вынуждены продолжать сражение с римскими всадниками.

Из многочисленных описаний древних сражений мы знаем, как опасна для пехоты кавалерийская атака во фланг. Сражение при Страсбурге, таким образом, показывает нам, как Хнодомар держал в руках свое войско и как он умел им командовать. Но вместе с тем мы можем убедиться и в том, что римская тактика еще существовала и что Юлиан был достаточно хорошим полководцем, чтобы отразить грозившую ему опасность. В самом деле, если до этого Аммиан нам рассказывал, что Юлиан большую часть своего войска выставил против боевой линии варваров, то теперь мы слышим от него, что, когда алеманнские всадники обратились против римской пехоты, то корнуты и браккаты испустили боевой клич—баррит; это, конечно, означает, что названные войсковые части только теперь и вступили в бой и, следовательно, до этого стояли во второй или в третьей боевой линии или даже находились в резерве, а теперь были поведены в бой навстречу неприятельской фланговой атаке. Здесь мы видим ту же картину, что и на правом фланге Цезаря во время сражения при Фарсале: заранее выставленная пехота отражает фланговую атаку неприятельской кавалерии. Воспоминание об этом тактическом приеме должно было сохраниться в римской традиции. И если в данном случае даже этого не было, все же Юлиан был образованным человеком, который знал «Комментарии» Цезаря.

У Цезаря именно этот фланг, благодаря своему встречному контрудару, решает исход сражения. Страсбургское сражение протекает иначе лишь в том отношении, что подкреплениям удается на этом участке сражения восстановить равновесие, между тем как на другом фланге римляне уже одержали победу. Несмотря на бегство всадников, численное превосходство правого фланга римлян над противником все еще было довольно значительным, так что римлянам удалось, наконец, и здесь опрокинуть алеманнов, причем победивший левый фланг пришел на помощь правому.

Согласно Аммиану, римляне потеряли в этом сражении 243 человека убитыми и среди них 4 высших командира. Эта цифра может показаться противоречащей тому описанию, которое рисует сражение крайне упорным и кровавым. Но весьма возможно, что эта цифра потерь (около 1 500 убитыми и ранеными) и была правильной. Римская конница, которая не выдержала неприятельского натиска, могла выйти из сражения почти без всяких потерь. Когда же пехота выдержала фланговую атаку противника, то сражение было уже проиграно для алеманнов и могло довольно быстро притти к своему концу.

Король Хнодомар со всей своей свитой попал в плен к римлянам, а большая часть германского войска во время своего бегства погибла в водах Рейна.

1. В. Виганд сделал попытку подвергнуть военному анализу сражение с алеманнами в своей работе «Beiträgen zur Landes und Volkskunde von Elsass-Lothringen», 3. Heft, 1887. Эта работа полезна, так как автор тщательно собрал и обработал материал, извлеченный из источников, но по существу затронутых вопросов она является дилетантской и неудачной. Не стоит тратить ни времени, ни труда для того, чтобы шаг за шагом разоблачать ложные и неправильные суждения и сопоставления. Автор, главным образом, стремится доказать, что сражение происходило между Хюртиг-

хеймом и Оберхаусбергеном, почти в двух милях к западу от того места, где Рейн протекает мимо Страсбурга. Но это никак не вяжется ни с источниками, ни со стратегическим положением. Почему Юлиан после перехода, который не превышал 16 км, сделал остановку и хотел было отложить сражение на другой день? Но после перехода в 4 мили мог уже вскоре возникнуть вопрос о том, не слишком ли утомлены войска, чтобы вступить в бой. Виганд далее сам себе возражает (стр. 36), приводя указание Аммиана, что река находилась тотчас же позади германцев. Но он тут же пытается объяснить это противоречие признанием того, что в рассматриваемую эпоху Илл являлся рукавом Рейна, который находился лишь на расстоянии 8 км позади линии расположения войск алеманнов. Это возможно, но расстояние все же слишком велико, так как Аммиан (16, 12, 54) пишет об обратившихся в бегство германцах, что «они искали спасения в протекавшей в тылу у них реке, представлявшей единственное средство спасения». Почему алеманны должны были выйти дальше навстречу римлянам, что должно было стеснить свободу их передвижений? Если бы они оставались ближе к Рейну, то либо выиграли бы еще один день, во время которого к ним могли бы подойти новые войсковые части, либо же римляне принуждены были бы начать сражение, будучи утомлены очень тяжелым дневным переходом. Если же сражение происходило более чем в 12 км от Рейна, то отряды германцев, переправившиеся в течение этого дня через реку, едва ли смогли бы достигнуть поля сражения и принять участие в бою. Неправильно, что в самой равнине Рейна, как полагает Виганд (стр. 27), римлянам была предоставлена возможность начать наступление, спускаясь с высот. Равнина здесь достаточно широка. Алеманны также могли бы найти ближе к реке опору для своего фланга, если бы они стали ее искать. Единственным недостатком этого расположения было то, что в случае поражения в тылу алеманнов оставалось лишь незначительное свободное пространство, которое не давало им возможности отступить ни вправо, ни влево, открывало лишь единственный путь — в реку. Именно так и рисуют нам расположение войск источники. Если бы сражение происходило в добрых $1^1/_2$ милях или хотя бы в 8 км от берега реки, то на этом протяжении преследование, конечно, уже ослабело бы, — по крайней мере со стороны пехоты, — римские же всадники большею частью уже бежали с поля сражения и едва ли смогли бы вернуться туда к этому моменту.

2. Расположение римлян Аммиан описывает в таких словах: «Они прочно стали на месте и выстроили как бы несокрушимую стену из людей первых двух шеренг, из копьеносцев и старших в рядах» (16, 12, 20). Трудно сказать, как следует понимать отдельные выражения в этой фразе. «Старшие в рядах» — это знатнейшие из центурионов, может быть, командиры когорт, но в эту ли эпоху? О копьеносцах же и о воинах первых двух шеренг трудно говорить в IV столетии. Во всяком случае неправильной является точка зрения Марквардта, утверждающего, что здесь дело идет о расположении в три боевые линии: копьеносцы составляют первую линию, воины первых двух шеренг — вторую, а «старшие в рядах» (т. е. «пиланы», или «триарии») — третью («Röm. Staatsverw.», II, 372. Anmerck. 1). Заднюю линию образовывали, как это видно из хода самого сражения, корнуты и браккаты; «старшие в рядах» не являлись триариями, а «воины первых двух шеренг», как названные вначале, не могли образовывать второй боевой линии. Вероятно, Аммиан хочет как можно торжественнее описать прочность расположения римских войск и потому наряду со «старшими в рядах», т. е. с наиболее заслуженными командирами, упоминает в начале своего описания о «воинах первых двух шеренг и копьеносцах», применяя в данном случае чисто риторически эти выражения в качестве исторических реминисценций.

3. Описанные в рассказе Аммиана стратегические передвижения, предшествующие самому сражению, мало достоверны и едва понятны. Но в данном случае нам нет никакой необходимости подробнее касаться этого вопроса.

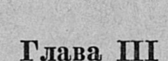
4. Аммиан очень ярко описывает, как в начале сражения германцы потребовали, чтобы их князья сошли с коней и сражались в пешем строю, чтобы в случае поражения они не смогли бы бросить на произвол судьбы простых воинов и не могли бы сами спастись. Как только Хнодомар услышал об этом требовании, он тотчас же спрыгнул с коня, а его примеру последовали остальные князья.

Но я все же не могу поверить этому рассказу. После поражения Хнодомар спасается бегством верхом на коне. Если бы он сражался в пешем строю, то он должен был бы находиться во главе клина. Трудно понять, каким образом он и 200 человек его свиты могли бы, обратившись отсюда в бегство, снова сесть на своих коней. Но если, на худой конец, это и не является невозможным, то все же конница во всяком случае должна была иметь своего предводителя. И если это не был Хнодомар, то это должен был бы быть какой-нибудь другой князь. Наконец, совершенно невозможно, чтобы Хнодомар, которого этот источник уже назвал раньше полным и тучным человеком, мог бы сражаться в качестве пехотинца среди всадников. Следовательно, приведенный в такой форме рассказ, повествующий о том, что все князья сражались в пешем строю, совершенно неправдоподобен. И мы должны оставить нерешенным вопрос о том, что́ именно в этом рассказе является истинным.

5. Кепп в своей работе «Римляне в Германии» (Koepp, «Die Römer in Deutschland», S. 96) объявляет совершенно бесполезным делом выяснение вопроса о том, какова могла быть численность войска алеманнов, так как не сохранилось ни одной надежной цифры и так как имеющиеся в нашем распоряжении опорные пункты совершенно недостаточны для того, чтобы мы могли сами произвести расчет. Конечно, можно с некоторым правом сказать это, но все же, как мне кажется, Кепп недалеко отходит от моей собственной точки зрения. Он также высказывает предположение, что самая низкая из дошедших до нас цифр в 30 000—35 000 алеманнов слишком высока и преувеличена, может быть, даже на десятки тысяч. Он признает, что цифра римского войска в 13 000 воинов более или менее надежна. И едва ли можно оспаривать то ограничение, которое я в данном случае сюда ввожу, а именно, что, может быть, эта цифра на несколько тысяч преуменьшена, так как она восходит к самому Юлиану, а полководцы всех эпох, как то нам показывает опыт, в этом отношении обнаруживают некоторую слабость.

Едва ли также Кепп поверит тому, что алеманнов было менее 6 000 человек. Следовательно, вся разница заключается в том, что их, может быть, было на несколько тысяч меньше, чем я предполагаю. Я ни в коем случае не утверждаю, что это является абсолютно невозможным, но я уверен, что это является в высшей степени невероятным. Невероятно, чтобы римляне вообще смогли победить значительно превосходившее их по своей численности войско этих диких алеманнов; это тем более невероятно, что римская конница была уже разбита; и, наконец, это невероятно потому, что, как уже было ясно сказано, Юлиан напал на противника, еще не успевшего собрать все свои силы, когда он еще думал, что сможет наверняка побить его. Конечно, можно было бы ограничиться указанием на эти факты, не выставив, наконец, как я это сделал, хотя и предположительно, какой-либо определенной цифры. Можно держаться различного мнения по этому вопросу, но всегда лучше положительным образом указывать такую, хотя и приблизительно правильную цифру, чем наоборот — давать наверняка неправильные дошедшие до нас цифры и тут же выражать сомнение в их правильности. Иначе, несмотря на выраженное автором сомнение, у читателя все же останется неопределенный, полуосознанный образ огромной массы и, следовательно, в корне неправильное представление. Именно такое представление с того времени и до наших дней колоссально искажает самое существо факта переселения народов. Я достаточно ясно указал, что, в сущности говоря, у меня нет никаких положительных доказательств того, что алеманны в сражении при Страсбурге насчитывали всего лишь 6 000—10 000 человек и что здесь мною высказывается лишь предположение, обладающее некоторой степенью вероят-

ности. Вместе с тем я вполне определенно указал, не оставляя никакого места для сомнений, на тот мотив, который заставил меня, не удовлетворяясь общими местами, дать положительные цифры. Дело здесь заключается не в том, как я это показал при проверке численности войск, участвовавших в сражении при Фарсале (т. I, стр. 418 и след.), чтобы утверждать что-либо положительное о фактах, относительно которых мы по крайней мере ничего определенного не знаем. Но это делается ради наглядности, которая лишь тогда создается перед взором читателя, когда ему в руки дается, хотя и предположительная, но все же определенная цифра,—в особенности в данном случае, когда бороться приходится с целыми картинами мировой истории, построенными на дошедших до нас неправильных цифрах, и вытеснять их из круга представлений исторической науки. Насколько необходимо постоянно работать в этом направлении, ясно видно из того, что еще в 1906 г. в журнале «Филолог» («Philologus») на стр. 356 такой исследователь, как Домашевский, совершенно спокойно заставляет императора Галлиена уничтожить 300 000 алеманнов, вторгшихся в Италию.

Глава III

Сражение при Адрианополе (9 августа 378 г.)

Вестготы, теснимые вышедшим из глубин Азии племенем гуннов, появились на Нижнем Дунае и предложили Римской империи заключить с ними союз. Римляне охотно приняли это предложение варваров и разрешили им переправиться через реку в надежде на то, что при помощи их сильных рук можно будет лучше защищать эту границу империи. Но вскоре между новыми союзниками начались раздоры из-за того снабжения, которое римляне должны были поставлять варварам, и готы ринулись, грабя и убивая все на своем пути, «подобно диким зверям», на римских провинциалов, живших на Балканском полуострове. К ним примкнули еще и другие орды: большая часть остготов, пришедших с той стороны Дуная, готы, которые уже в течение продолжительного времени находились на римской службе, и, наконец, беглые рабы, в частности фракийские горнорабочие.

В это время восточный император Валент был занят войной, которую он вел с персами. Первые присланные им войска с помощью тех сил, которые прислал император Грациан, оттеснили готов вплоть до Добруджи, но не были в состоянии их окончательно одолеть. Когда же готы получили еще новые подкрепления от аланов и даже от гуннов, пришедших из-за Дуная, то римские генералы уже не осмелились удержать за собою поле сражения. Одни из них отступили к Константинополю, другие в Иллирию [1]. Лишь избранное

[1] Удивительно то, что западноримские войска сражаются в Добрудже и, отступая к Иллирии, наталкиваются на тайфалов. Дали ли они им возможность раньше

войско, составленное из 300 воинов, набранных из каждого полка, и насчитывавшее в общей сложности 2 000 человек, осталось под командой энергичного полководца Себастиана во Фракии и пыталось захватить отдельные банды готов, грабивших страну[1].

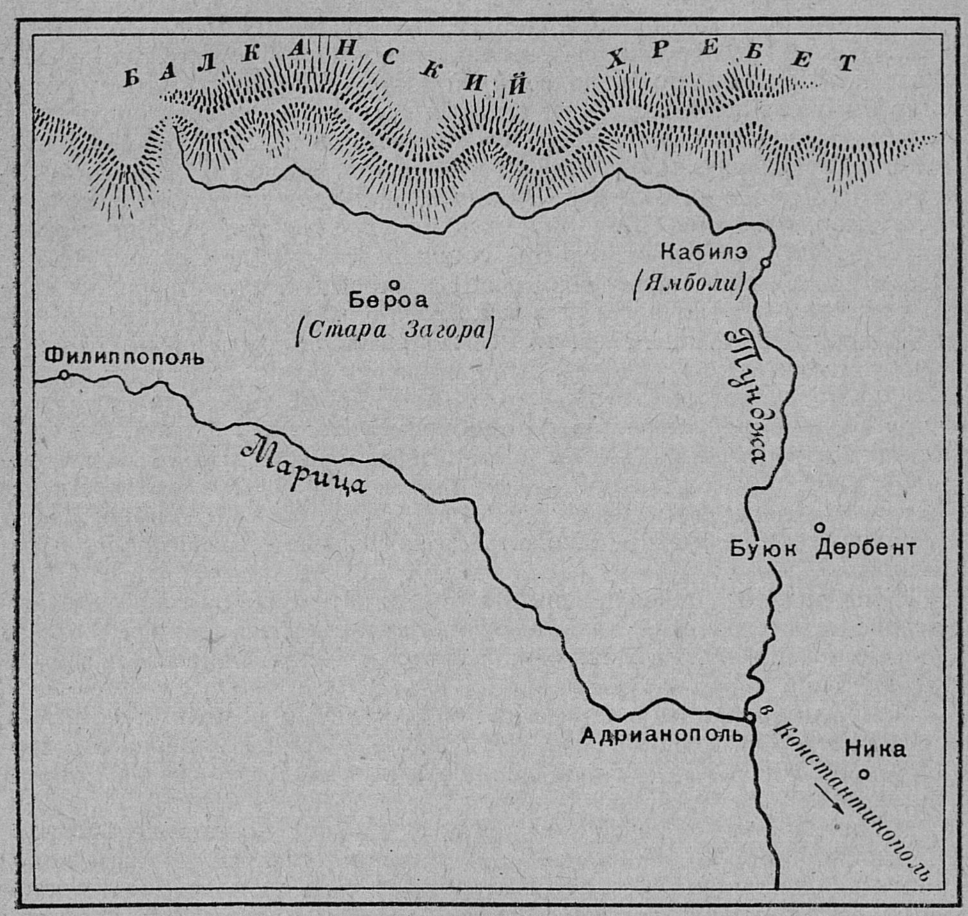

Схема 4

При этом известии Валент заключил мир с персами и отправился обратно со всеми освободившимися теперь войсками, которые находились в его распоряжении. В это время западноримский император Грациан, его племянник, шел к нему из Галлии со своим войском.

Готы собрались южнее Балканского хребта у Бероа (Стара Загора), — там, где кончается дорога, выходящая из Шипкинского перевала.

пройти в тыл? Вероятно, эти отряды перешли через Дунай лишь тогда, когда римские войска уже продвинулись вперед дальше на Восток. Может быть и остготы лишь в это время переправились через Дунай, хотя Аммиан и рассказывает об этом раньше. Во всяком случае те подкрепления, которые получили германцы, должны были быть весьма значительными.

[1] Я нахожу возможным скомбинировать здесь рассказы Евнапия и Зосимы с рассказом Аммиана. Ср. примечания.

Задачей обоих римских императоров было сперва соединиться, чтобы затем при помощи своих объединенных сил дать готам сражение. Задачей же готов было помешать объединению обоих римских войск и разбить в одиночку либо одно, либо другое войско.

Грациан шел по большой дороге, направлявшейся вдоль Дуная, а затем через теперешнюю Сербию, мимо Филиппополя, вдоль Марицы к Адрианополю и далее к Константинополю. Поэтому готам было бы очень легко встать на их пути где-нибудь в окрестностях Филиппополя, чтобы разделить своих противников. Но этот маневр едва ли бы им удался. Римляне еще не разучились искусству укреплять лагери. К тому же оба римские войска, идя вокруг готского войска, осторожно прикрываясь и опираясь на укрепленные города страны, без сомнения, нашли бы способ соединиться друг с другом, не дав в то же время противнику возможности перейти в наступление. А если бы готы так плотно залегли в каком-либо горном проходе, что они его совершенно заперли бы, то все же римлянам какими-либо окольными путями всегда удалось бы пройти мимо них, не говоря уже о возможности того, что им, может быть, кроме того, удалось бы со своей стороны напасть на готов одновременно с двух сторон. Поэтому попытка готов таким образом разделить римлян оказалась бы для римлян только благоприятной, — тем более, что готы в это время не смогли бы расширить сферу действия своих войск и принуждены были бы, таким образом, избавить страну от своих разбойничьих набегов.

И мы должны будем признать в предводителе готов герцоге Фритхигерне стратегический талант, если только вдумаемся в то, каким образом он при этих условиях приступил к выполнению своей задачи и повел свой народ к победе.

Он расположил свое войско не между двумя римскими армиями, а оставил большую дорогу, шедшую вдоль Марицы, совершенно свободной и даже отступил еще дальше к востоку от Берса, на Кабилэ (Ямболи) [1].

Когда же Валент начал продвигаться дальше по долине Марицы, от Адрианополя по направлению к Филиппополю, то до него вдруг дошла неожиданная весть, что готы появились в его тылу близ Адрианополя и угрожают дороге, ведущей на Константинополь. Кажется даже, что готские всадники внезапно появились в самом тылу римского войска на марицкой дороге, так что могло показаться, что готы хотели отрезать императора от Адрианополя.

При этом известии Валент повернул обратно. Готы, появившиеся на марицкой дороге, оказались лишь рекогносцировочными патрулями. Римляне без боя снова достигли Адрианополя.

Теперь Валент мог бы здесь спокойно остановиться и дожидаться прибытия второго римского войска. Хотя в этом случае готы своим коротким наступлением ничего не выиграли бы, но ничего и не потеряли бы. Они никогда не смогли бы непосредственно помешать соединению римских армий, а если бы они не захотели решиться на сражение с соединенными силами обоих императоров, то смогли бы из Фракийской равнины так же хорошо отступить к Нижнему Дунаю, как и со своих позиций при Бероа. Но удар в тыл противника дал им

[1] C. Jirecek, «Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel», 1877. S. 145.

также и другие преимущества; они разорвали теперь ту линию связи, по которой к войску Валента подвозилось снабжение, и смогли разграбить богатую область Фракии вплоть до самого Константинополя, — ту область, которая меньше всего была затронута военными бедствиями и нуждой. Нельзя себе представить другого более резко действующего средства, которое должно было побудить императора дать преждевременное сражение еще до прибытия Грациана, чем эта операция готов в его тылу. И даже нельзя считать невозможным тот факт, что это сражение стало неизбежным, так как готы, благодаря занятой ими позиции, отрезали римлян от подвоза снабжения.

Наши источники утверждают, что Валент позволил уговорить себя дать сражение вследствие зависти к своему племяннику Грациану, который только что одержал победу над одним алеманнским племенем — лентиензами. Льстецы побудили императора совершить этот необдуманный шаг. Вполне естественно, что после поражения люди могли с отчаянием и с негодованием спрашивать друг друга, каким образом император мог вызвать противника на бой, не дождавшись второго войска, которое уже к тому времени находилось в Верхней Мезии (Сербии). И кто может знать, играла ли на самом деле зависть какую-нибудь роль при принятии этого решения? И если бы даже мы признали, что имеем у Аммиана свидетельство, исходящее из самого интимного окружения императора, то все равно — кто смог бы распознать мотивы этого поступка вплоть до его самых индивидуальнейших оттенков? Ясно лишь то, что Валент, призвав на помощь своего племянника в тот момент, когда тот находился уже поблизости от него, не начал бы решительного сражения, если бы он не был убежден в том, что к этому вынужден, или если бы он не был твердо уверен в своей победе. Я считаю, что рассказ о том, что зависть явилась причиной этого поступка, является простой адъютантской сплетней.

Мы узнаем, что численность готов, как это было сообщено императору, не превышала 10 000 человек. Скорее в этом сообщении, нежели в мнимой зависти ко второму императору и в лести придворных, и следует искать побудительную причину, заставившую императора принять решение дать бой. Неужели император, располагая превосходными силами, мог спокойно и не принимая никаких мер смотреть на то, как варвары обращали в пепел цветущую провинцию перед воротами его столицы?

Фритхигерн применил затем еще и другой способ для того, чтобы, заманив императора, вызвать его на бой. Он отправил христианского священника (можно спросить, не был ли это, может быть, даже сам Вульфила) в римский лагерь и предложил императору мир на том условии, чтобы готам была предоставлена и уступлена провинция Фракия со всем скотом и всем хлебом. Наряду с официальным посланием это духовное лицо везло с собой также и секретное письмо герцога, в котором тот советовал императору двинуться вперед со всем своим войском, чтобы этим внушить к себе уважение со стороны готов и настроить их в пользу мира.

Если бы Валент не был на самом деле убежден в том, что численность его войска значительно превосходит силы противника, то военная хитрость готов, конечно, была бы слишком неуклюжей для того, чтобы, заманив его, побудить к преждевременному сражению еще до прибытия Грациана. Но при тех взглядах на поло-

жение вещей, которые царили в римской главной квартире, послание Фритхигерна уже совсем не показалось таким неестественным. Мы даже может задать вопрос: не было ли это послание по крайней мере наполовину честно задумано? Ведь тщеславие готов еще не шло дальше того, чтобы быть на положении хорошо оплачиваемых и снабжаемых наемников римлян, а впоследствии, действительно, пришли к соглашению, основанному на условиях, совершенно подобных тем, которые в данном случае предлагал Фритхигерн. Однако, нуждается в разъяснении вопрос, каким же образом император мог склониться к тому, чтобы заключить подобный мир. Римский авторитет и личный престиж самого императора были бы непоправимым образом подорваны, если бы варварам, вместо наказания и мести за те страдания, которые они причинили, была бы еще помимо того отдана провинция. Если бы Валент чувствовал себя слишком слабым для выполнения этого дела, то он мог бы дождаться помощи Грациана.

И, действительно, мы видим, что Валент отклонил предложение начать мирные переговоры, а вместо этого выступил вперед против готов. Все указывает на то, что Валент был уверен в своей победе, независимо от того, хотел ли он во всяком случае разбить готов или же, выступив со своими превосходными силами, заставить их заключить мирный договор.

После того как на следующее утро Валент выступил против готов, во время его марша еще два раза появлялись послы от Фритхигерна, которым, впрочем, не очень поверили, так как они были не знатного происхождения, а заурядные готы. В конце концов им, однако, уступили, после того как Фритхигерн предложил произвести обмен заложниками. В то время как обе армии уже находились лицом к лицу, полководец Рихомер объявил, что он готов принять на себя выполнение этого опасного поручения, тогда как другой отклонил от себя это предложение. И он уже, говорят, находился по пути к готам, когда римские войска в одном месте без приказания начали бой, и, таким образом, началось и стало постепенно развертываться общее сражение.

Этот рассказ не обладает большим внутренним правдоподобием. Хотя является вполне понятным, что Фритхигерн еще раз выслал послов, — или затем, чтобы, выказав свой мнимый страх, еще больше побудить римлян к нападению, или для того, чтобы этими переговорами выиграть еще некоторое время, так как еще не прибыли на место отряды всадников, посланные под командой Алатея и Сафракса для доставки фуража и вернувшиеся обратно как раз перед самым началом сражения. Но вместе с тем встает вопрос относительно Валента, почему он согласился на обмен заложниками.

Возможно, что хотя он и не стремился к заключению мира на условиях отдачи провинции, но все же хотел вести переговоры, с целью привлечь и удержать готов до тех пор, пока прибудет Грациан. Но это же самое можно было бы сделать с большей безопасностью, находясь в укрепленном лагере. Ведь если император боялся, что готы от него ускользнут, и лишь теперь, когда они уже не могли от него уйти, согласился на обмен заложниками, совсем не предполагая отдать варварам Фракию в виде награды за их злодеяния, но делая это лишь для того, чтобы их успокоить, привлечь к себе и выждать, между тем, прибытия Грациана,—то все же остается открытым вопрос, почему Валент не приказал сделать остановку раньше.

Можно еще предположить, что, будучи до этого времени уверенным в победе, он в последнюю минуту убедился в том, что недооценил сил готов и что они гораздо сильнее, чем он это предполагал раньше. Но такая перемена в настроении Валента, конечно, не могла бы быть совершенно обойдена молчанием в наших источниках и раньше всего тотчас же вызвала бы приказ о приостановлении дальнейшего продвижения войск. Ведь при незначительной дальности действия оружия того времени войска должны были, действительно, стоять на расстоянии всего лишь нескольких сотен шагов одни от других, раз они смогли, не получив приказания, начать бой. Но в таком случае римский оперативный штаб должен был бы уже давно быть осведомленным относительно действительной численности противника. Развертываясь в боевой порядок, войска продвигаются медленно. И хотя полководец во время развертывания армии не может сам видеть противника, но он все же приказывает наблюдать за ним, посылая для этого вперед своих командиров. Совершенно исключена возможность того, чтобы Валент уже за несколько часов до начала сражения не имел настолько правильного представления относительно численности готов, насколько такое представление можно себе составить на основании оценок опытных командиров. Разве только всадники Алатея и Сафракса могли в это мгновение озадачить римлян, но в наших источниках мы нигде не находим даже малейших указаний на то, что существовала какая-либо связь между появлением этих всадников и решением Валента начать переговоры. Поэтому мы не можем сомневаться в том, что вплоть до самого последнего мгновения римский оперативный штаб был твердо убежден в своей победе. В противном случае, без всякого сомнения, войска были бы остановлены несколько ранее и были бы использованы переговоры для того, чтобы отвести войска обратно в лагерь и дождаться прибытия западноримской армии. И если Валент все же в самое последнее мгновение — или, вернее, тогда, когда было уже слишком поздно, — принял предложение противника произвести обмен заложниками, то это можно объяснить лишь тем, что перед лицом наступавших готов у него уже не выдержали нервы, тем более, что в нем, вероятно, уже с самого начала происходила внутренняя борьба, и он долго не мог решить вопрос, не следует ли лучше дождаться Грациана.

Из наших источников мы абсолютно ничего не можем извлечь относительно тактического хода сражения. Мы узнаем лишь о том, что готские всадники при первой же атаке опрокинули римских (это были по большей части арабы, которых Валент привел вместе с собою из Сирии), и что затем в грандиозной бойне римское войско было почти совсем уничтожено. Сам император исчез, и никто не знал, каким образом он погиб.

Неправильно было бы, исходя из значительных размеров поражения, сделать вывод о крупном превосходстве сил готов. Ведь в данном случае достаточно вспомнить не только о сражении при Каннах, но и вообще о том, что в древности разбитое войско обычно терпело очень большие потери и могло быть без труда совершенно уничтожено.

И если даже мы не можем извлечь тактических выводов из описания этого сражения, — если военно-политическая связь событий остается для нас неясной, — то все же это сражение представляет для нас большой интерес с точки зрения военной истории, так как она

прежде всего снова показывает нам в германском князе природного стратега. Затем она представляет для нас особенный интерес по той цифре, которую содержит сообщение о численности готов, а именно — не более 10 000 человек, что именно и побудило римского императора предпринять свое наступление.

Аммиан, в рассказе которого сохранилось свидетельство об этом сообщении, прибавляет к нему, что оно было неправильно, но не указывает, какова же была на самом деле численность готской армии. Так как он лишь во вступлении к своему рассказу говорит об огромных массах людей, переправившихся через Дунай, и так как другой писатель той эпохи Евнапий (гл. 6) определяет численность готского войска почти в 200 000 боеспособных воинов, то современные историки решили, что эти 10 000 воинов были не чем иным, как какой-либо головной частью авангарда, каким-либо его передовым отрядом. Но этого совершенно нет у Аммиана, и такого рода соображение совершенно исключается всем ходом событий. В нашем источнике говорится, что римские патрули уверяли, будто бы вся та армия, которую они видели, не превышала своей численностью 10 000 человек. Это сообщение побудило императора напасть на противника. Если бы это сообщение следовало понять в том смысле, что патрули из какой-то неопределенной большой войсковой массы видели своими собственными глазами лишь 10 000 человек, то не имели бы никакого смысла слова Аммиана «неясно, по какой ошибке», добавленные им к этой фразе, а также внезапно принятое императором решение. Это сообщение могло заключать в себе лишь то, что из огромной, как предполагали, массы варваров, здесь, при Адрианополе, на этом месте находилось не более 10 000 человек.

Но это сообщение было ошибочным, говорит Аммиан. Если это и было так, чему мы можем поверить, то все же эта ошибка должна была бы быть ограничена какими-то определенными пределами. Это войско, на которое напал Валент, полагая, что перед ним находится 10 000 человек, не могло на самом деле насчитывать 100 000 или даже 200 000 человек.

Не выдерживает критики и то предположение, что Валент рассчитывал захватить здесь неприятельский летучий партизанский отряд, в то время как главные силы готов находились где-то в другом месте, и нечаянно, ничего не предполагая, именно на них-то и наткнулся. Посольства Фритхигерна доказывают, что это был не только простой летучий партизанский отряд. Весь рассказ Аммиана должен был бы в таком случае звучать иначе, и ошибка должна была бы обнаружиться уже во время наступления. Ведь готы, начав переговоры, дали тем самым римлянам двойное время и двойную возможность для отступления. Римский император вплоть до самого начала сражения не мог быть осведомлен о своей ошибке.

Таким образом, ясно, что Валент шел на сражение, уверенный в том, что противник, — и притом его главные силы под начальством их герцога Фритхигерна, который сам находился тут же и даже высылал парламентеров, — насчитывает приблизительно 10 000 человек. На самом деле он был сильнее, уверяет нас Аммиан, но это «сильнее» ни в каком случае не могло обозначать тройного или хотя бы даже двойного перевеса сил, так как даже 20 000 человек вместо 10 000 уже являются такой разницей, которую должны были бы заметить римские командиры во время наступления римского войска. Крайне неве-

роятно, чтобы при такого рода наблюдениях не раздались голоса, которые советовали бы лучше обождать прибытия Грациана. А если бы такие голоса раздавались, то, конечно, наверняка кое-что из этого сохранилось бы в традиции и дошло бы до нас в подробном рассказе Аммиана, ибо после несчастья ничто столь усердно не подчеркивается, как возгласы людей, предостерегавших и оказавшихся правыми. Но мы в нашем источнике ничего подобного не находим, даже положительного утверждения, что численность готов значительно превышала 10 000 человек, а, наоборот, обнаруживаем лишь самую общую фразу о том, что это сообщение было ошибочным. Поэтому ошибка эта никоим образом не могла быть особенно значительной. В сущности говоря, здесь дело шло лишь о той части конницы, которая присоединилась к готам в самый момент начала сражения. Таким образом, готы насчитывали, может быть, 12 000 или, в крайнем случае, мы могли бы сказать, 15 000 человек.

Этот вывод подтверждается фразой в рассказе Аммиана, в которой говорится, что римляне при своем наступлении заметили неприятельское круглое укрепление, сделанное из телег («завидели телеги неприятеля, которые, по донесению лазутчиков, были расставлены в виде круга»). Совершенно так же описывает Аммиан (31, 7, 5), говоря о походе предшествовавшего года, укрепление готов, сделанное из телег («оградив себя в виде круга огромным количеством телег»). Не устанавливая каких-либо точных границ, все же можно сказать, что такое укрепление, сделанное из телег, может всегда заключать внутри себя лишь очень небольшое войско. Потребовалось бы много дней для того, чтобы составить в один круг десятки тысяч телег, да к тому же это было бы вообще невозможным делом вследствие неровностей почвы. Равным образом при выступлении войско потеряло бы всякую возможность свободно передвигаться. Даже во время нахождения войска внутри лагеря каждый отдельный воин был бы при такой величине круга настолько удален от своей телеги, от своего находящегося в ней имущества и от своего скота, что исчезли бы не только всякий порядок, но и какая-либо возможность пользоваться этим войском. Если бы войско, состоящее из нескольких десятков тысяч человек, захотело укрепиться позади своих телег, то оно должно было бы построить из этих телег несколько укреплений. Но из текста Аммиана видно, что в каждом из приведенных выше случаев дело шло лишь об одном укреплении, сделанном из телег.

Дальнейшее подтверждение нашего вывода мы находим в передвижениях готов. Они двинулись на Кабилэ к Адрианополю. Через горы, лежащие между этими двумя пунктами, в настоящее время проходят две дороги, идущие правее и левее р. Тунджи, но не по самой долине реки, а часто даже на довольно далеком расстоянии от нее [1]. Восточную дорогу в 1829 г. использовал ген. Дибич, и этот его

---

[1] Помимо «генеральной карты» Балкан, вышедшей у Артариа в Вене в 1897 г., теперь имеется еще лучшая болгарская карта (1 : 420 000), которой я и пользовался. Она основывается на съемках, сделанных русскими офицерами во время войны 1877—1878 гг. Карта Европейской Турции, изданная турецким генеральным штабом, несмотря на свой подзаголовок — «правильно выполнена генеральным штабом его, милостью Аллаха могучего, высокого и охраняющего величества», является лишь слегка измененным воспроизведением австрийской «генеральной карты», как на то указал Hardt von Hartenthurm («Mitt. d. d. k. k. mil. geogr. Instituts». Bd. 18). Ср. L. v. Thalloczy, «Oesterreich-Ungarn und die Balkanländer», Budapest 1901).

поход, совершенный им в августе, т. е. в то же самое время года, когда вестготы совершали свой путь, описывает нам Мольтке в своей истории этой войны (стр. 359): «По ту сторону Папаскои (Попово) местность становится более гористой и пересеченной. Здесь по большей части возвышаются совершенно обнаженные скалы, так что путь по этим раскаленным камням был крайне труден. Турки разрушили здесь все колодцы и источники, которые в этой местности дают влагу путнику и этим его так ободряют; поэтому здесь царил ощутительный недостаток в воде. Наконец, после 4-мильного перехода достигли городка Буюк-Дербент, где заночевали и отдыхали в течение всего следующего дня. 7-й корпус сделал остановку уже в Кучук-Дербенте. Русские в этой дикой каменистой пустыне страдали сильнее, чем при переходе через Балканы. Жара была нестерпимая, и лихорадка начинала все сильнее свирепствовать в войске. Буюк-Дербент (или большой горный проход) является очень трудно проходимой тесниной». Относительно второго — западного — пути Мольтке говорит (стр. 358), что он был значительно менее труден. Но этот путь проходит по правому берегу Тунджи, которая близ Адрианополя соединяется с Марицей и через которую можно переправиться лишь при помощи моста (стр. 361).

Из этих дорожных условий, которые в те времена по существу должны были быть приблизительно такими же, можно сделать вывод, что готы для своей операции располагали лишь одной дорогой, а именно — восточной, проходящей по левому берегу Тунджи через Буюк-Дербент. Они не были в состоянии ни разделить свои силы и использовать одновременно обе дороги, ни со всем своим войском пойти по западной дороге. Горные проходы на расстоянии приблизительно от 3 до 4 миль к северу от Адрианополя ведут собственно из гор в холмистую местность, переходящую постепенно в волнистую равнину, среди которой и лежит этот город. Выходы обеих дорог из гор лежат друг от друга на расстоянии приблизительно двух миль, и между ними протекает Тунджа. Корпус готов, шедший по западной дороге, — если бы римляне благодаря какой-либо случайности заранее узнали об его выступлении, — был бы открыт для флангового удара или же мог бы непосредственно при выходе из горного прохода натолкнуться на главные силы противника. Тогда он имел бы в своем тылу глубокую Тунджу, которая его отделяла бы от другой половины войска. Это препятствие оказалось бы для него очень неудобным и в том случае, если бы римское войско еще не прибыло сюда. Согласно Аммиану, готы двинулись по направлению к адрианополь-константинопольской дороге и потому должны были бы для этой цели сперва переправить через Тунджу тот корпус, который шел по западной дороге.

Поэтому Фритхигерн, идя одновременно по обеим дорогам, не мог бы знать, не натолкнется ли он тотчас же при выходе на римское войско, а также не мог бы узнать и того, что его правая колонна опрокинута раньше, чем к ней могла бы притти на помощь левая. Но если бы он шел лишь по одной дороге, и если бы Валент со своим войском был уже на месте, то самые передние эшелоны готов принуждены были бы вступить в бой раньше, чем им могли бы помочь задние, находившиеся позади на расстоянии одного или двух дневных переходов. Лишь в том случае, если бы войско было настолько мало, что ему хватило бы одной дороги, и если бы колонна растянулась не

больше, чем на один дневной переход, готы могли бы отважиться на свое наступление, так как лишь в таком случае они могли бы рассчитывать, что их войско сможет быстро продвинуться вперед и будет уже готовым к бою к тому времени, когда подойдут римляне.

Небольшое войско не в состоянии выполнить то, что может сделать большое войско, но и большое войско не может сделать всего того, что в состоянии выполнить небольшое войско.

Дибич, согласно Мольтке, воспользовался в 1829 г. для своего наступления на Адрианополь восточной дорогой, чтобы не быть вынужденным переправляться через реку поблизости от этого города и чтобы прикрыть этой рекой свой правый фланг от каких-либо действий противника со стороны Филиппополя. Точно в таком же положении находились готы в 378 г. Они хотели, пройдя мимо Адрианополя, выйти на константинопольскую дорогу. Когда они выступили из Кабилэ, Валент либо еще стоял близ Адрианополя, либо же выступил по направлению к Филиппополю, двигаясь по дороге, тянувшейся вдоль долины р. Марицы. Если бы он благодаря какой-либо случайности мог очень рано узнать о наступлении готов, то даже в этом последнем случае он мог бы вновь появиться перед ними близ выхода западной тунджской дороги из горного прохода и оказаться для них чрезвычайно опасным как здесь, так и при переправе через реку. Напротив того, идя по восточной дороге, готы могли бы быть сравнительно уверены в том, что им удастся спокойно выйти из горного прохода и что римляне не смогут им в этом помешать.

Мы должны признать, что готы при своем наступлении, конечно, не тащили вместе с собой всего своего обоза, который должен был достигнуть огромных размеров вследствие добычи, состоявшей из ценных предметов, скота и рабов. Они должны были его оставить под особым прикрытием несколько далее к северо-востоку, на некотором расстоянии от тогдашнего театра военных действий. Кроме того, отдельные отряды могли в это время не находиться близ войска; так, например, войско Грациана заметило один отряд аланов и вступило с ним в бой. Некоторое количество слуг и в особенности много женщин, а, следовательно, и детей сопровождало главное войско во время его похода, так что если в нем и не было полных 15 000 воинов, то все же оно, наверное, должно было насчитывать 30 000 человек и, следовательно, вместе со своими телегами растянуться на дороге на протяжение целого дневного перехода.

Вернемся отсюда еще раз к решительному моменту сражения. Из наших источников не видно, что̀ именно решило исход сражения для готов, — другими словами, почему их конница оказалась способной одержать такую безусловную и окончательную победу над конницей римлян и почему римская пехота не смогла снова восстановить положение, как она это сделала при Страсбурге. При Страсбурге, как мы это можем допустить с большой долей вероятности, на стороне римского войска было значительное численное превосходство. Но относительно адрианопольского сражения мы должны признать, что численное различие в ту или в иную сторону было во всяком случае не очень большим. Когда было получено сообщение, что неприятель насчитывает лишь 10 000 человек, то Валент счел себя совершенно уверенным в победе. Следовательно, его войско было на несколько тысяч человек сильнее, и Аммиан ясно нам говорит, что оно было многочисленным и боеспособным.

Так как нельзя обнаружить непосредственно военных оснований для абсолютного поражения одной стороны, то можно предположить, что некоторую роль в этом деле сыграла внутренняя политическая слабость Римской империи,—другими словами, измена или по крайней мере недостаточно добрая воля.

Когда император Юлиан внезапно погиб в Месопотамии и войско избрало императором сперва Иовиана, а затем Валентиниана, то последний упустил из виду, что хотя Юлиан и умер бездетным, но все же ушел из жизни, оставив наследника. Еще существовал потомок рода Константина по боковой линии, двоюродный брат Юлиана, по имени Прокопий, который, защищая свои права, был, наконец, побежден, но к которому население столицы, Константинополя, обнаружило такую сильную симпатию, что для нового императорского дома создалось напряженное положение, продолжавшее оставаться в течение продолжительного времени [1]. Далее, император Валент был убежденным арианином, и когда первые полководцы, отправленные им против готов, вернулись обратно разбитыми, то они ему в лицо сказали, что их несчастье объясняется тем, что император не исповедует правильной веры [2]. Когда он выступал из Константинополя, то к нему навстречу вышел священник и потребовал от него, чтобы он вернул истинно верующим захваченные у них церкви, угрожая ему, что если он их не вернет, то не вернется живым из похода [3]. А в Константинополе говорили друг другу, что, так как его обругали в амфитеатре, он поклялся после своего возвращения сравнять с землей столицу [4]. Все эти рассказики, сохранившиеся в писаниях церковных писателей, каждый в отдельности не особенно достоверны. И даже сообщение одного из этих писателей, Сократа, положительно утверждающего, что конница изменническим образом не принимала участия в сражении, мы едва ли можем считать настоящим свидетельством источника, так как у Аммиана ничего не говорится об измене. Но все же совершенно очевидно, что авторитет правившего императора Валента подвергался нападениям с двух сторон и был очень непрочен. Поэтому нельзя совершенно отвергнуть мысль о том, что исход сражения при Адрианополе, имевшего столь неизмеримое значение, был обусловлен не чисто военными, но политическими причинами, — причинами, связанными с внутренней римской политикой.

Критические основы для понимания этого сражения заложены в статье Вальтера Юдейха (Walther Judeich, «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Bd. 6, 1891). Недавно вопрос об этом сражении подвергся исследованию в диссертации Фердинанда Рункеля (Ferdinand Runkel, «Berliner Dissert.», 1903). Нашим главным и почти единственным источником является рассказ Аммиана. Однако, хотя он и был командиром, но его описание сражения, по выражению Вейтерсхейма, «изложено скорее в стиле романа, чем в военном стиле». Работа Юдейха в части своих военных рассуждений недостаточна и часто совершенно неправильна, но ее большая заслуга в том, что она ясно и правильно фиксирует те географические соотношения, о которых в данном случае идет речь, и что она при этом устанавливает, каким образом Аммиан неправильно понял то лицо, на которое он сам ссылается, и каким образом

1 Сократ, IV, 38.
2 Феодорит, IV, 33.
3 Созомен, IV, 40.
4 Сократ, IV, 38.

эта ошибка должна быть исправлена. И в этом направлении надо лишь пойти немного далее, чем это сделал сам Юдейх.

В описании Аммиана имеется противоречие. Аммиан говорит, что император, выступив из Константинополя, сперва расположил свой главный оперативный штаб в Мелантиаде, в 3—4 милях от столицы, а затем отправился в Нику, расположенную в $3^1/_2$ милях от Адрианополя. Отсюда полководец Себастиан «форсированным маршем» поспешил к Адрианополю. Так как дело идет лишь об одном дневном переходе, то это выражение может ввести в заблуждение.

Непосредственно после этого Аммиан заставляет императора вторично выступить из Мелантиады, и тотчас же после этого мы узнаем, что противник хотел ему отрезать пути подвоза провианта, но что Валент отразил эту попытку, выслав вперед лучников и всадников. После этого варвары в течение трех дней идут на Нику. Валент узнает, что противник насчитывает лишь 10 000 человек и двигается к Адрианополю, чтобы дать неприятелю сражение.

Если варвары уже стояли при Нике, которая находится между Мелантиадой и Адрианополем, то каким образом Валент, уже находясь на пути из Мелантиады, мог затем попасть к Адрианополю? И каким образом варвары могли ему отрезать пути подвоза продовольствия, стоя перед ним?

Совершенно ясно, что Аммиан не имел ясного представления относительно географического расположения театра военных действий. Его вина не так велика, как нам это может показаться на первый взгляд. Мы опять можем провести современные аналогии, чтобы показать, что такие случаи нельзя ни в какой мере считать неслыханными.

С И. Г. Дройзеном случилось, что, описывая операцию, которая в феврале 1814 г. привела к ужасному поражению на Марне, он заставил силезское войско в течение двух дней подряд проделывать тот же самый переход. А Трейчке в своем введении в историю сражения при Лейпциге помещает Мерзебург к северо-западу от Лейпцига. Как прирожденный саксонец, к тому же в течение ряда долгих лет живший в самом Лейпциге, он, как обычно аргументируют наши филологи, должен был бы знать, что к северо-западу от Лейпцига находится Халле и что Мерзебург, расположенный лишь в трех милях от Лейпцига, находится от него почти прямо в западном направлении. Но ошибка уже имеется налицо, и совершенно невозможно, как это любят делать наши лишенные метода исследователи в области древней истории, истолковать эту ошибку каким-либо искусственным образом. Эту ошибку нужно попросту констатировать и исправить. Совершенно так же обстоит дело и с данным местом у Аммиана.

Прежде всего ясно, что Валент не мог свои передовые отряды выслать вперед к самому Адрианополю, оставаясь в то же время с главными силами своей армии у Мелантиады, находящейся в 26 милях от него.

Согласно Евнапию (стр. 78) и Зосиме (IV, 28), Себастиан не только командовал авангардом войска, находившегося под личным начальством Валента, но уже в течение долгого времени до этого с 2 000 избранных воинов вел с успехом малую войну против готов. Этот рассказ кажется нам заслуживающим доверия, так как едва ли можно согласиться с тем, что в течение продолжительного времени до прибытия императора решительно ничего не делалось для отражения грабителей. Поэтому выше я не побоялся скомбинировать вместе рассказы Аммиана и двух других писателей относительно действий Себастиана[1].

Но как бы то ни было, вполне естественно, что Валент задержался близ Константинополя на возможно короткий срок и затем быстро двинулся вперед, для того

---

[1] Л. Шмидт (Ludw. Schmidt, «Geschichte d. deutschen Stämme», S. 172, Anm. 4) возражает против этого, указывая, что, согласно Аммиану, Себастиан пришел в Фракию лишь незадолго (paulo ante) до императора.

чтобы защитить страну и оказать помощь Себастиану. Поэтому правильным является сообщение о первом выступлении императора и ошибочным—сообщение о втором. Самым простым исправлением этого места явилось бы следующее. Второе выступление было предпринято не из Мелантиады, а из того пункта, который, как уже указано, был достигнут войском, т. е., следовательно, из Ники, причем войско, само собой разумеется, выступило по тому пути, который вел навстречу другому римскому войску, т. е. через Адрианополь на Филиппополь. Тот факт, что Валент действительно шел по этому пути и что он уже миновал Нику, доказывается тем обстоятельством, что готы двинулись на Нику. Если бы Валент еще находился здесь, то это тотчас же привело бы к столкновению.

Если же вместо этого Валент быстро двинулся на Адрианополь, с целью нанести удар противнику, то он ни в каком случае не мог притти со стороны Ники, ибо такое взятое им направление увело бы его от готов. Этот его маневр можно понять лишь таким образом, что он уже прошел мимо Адрианополя и теперь возвратился обратно. Именно этот факт был правильно понят Юдейхом, хотя Аммиан и не отдавал себе ясного отчета в этом обстоятельстве.

Теперь становится ясным также и то, каким образом готы могли отрезать римлянам пути подвоза продовольствия. Ведь отрезать путь можно лишь позади войска, а не впереди его. И наоборот, в то время как Валент стоял у Адрианополя, к нему прибыл посланный Грацианом полководец Рихомер. Каким же образом могло это произойти, если бы готы находились перед войском Валента?

Я приведу здесь целиком соответствующие главы Аммиана. Читая их подряд, можно убедиться, как легко внести в них необходимые исправления [1].

«Приблизительно в эти же дни Валент выступил, наконец, из Антиохии и, совершив продолжительный путь, прибыл в Константинополь. Там он оставался лишь в течение очень немногих дней и имел при этом некоторые неприятности вследствие восстания жителей. Командование пехотой было передано Себастиану—полководцу, известному своей осторожностью, который незадолго до этого был прислан по его просьбе из Италии. Эту должность ранее занимал Траян. Сам же Валент, отправившись в Мелантиаду, старался там расположить к себе солдат выдачей жалованья и продовольствия, а также многими льстивыми речами. Объявив о походе приказом, он оттуда прибыл в Нику — так называется этот военный пост. Там он узнал из донесений разведчиков, что варвары, нагруженные богатой добычей, вернулись из района Родопа в соседство Адрианополя. Варвары же, узнав, что император движется с крупной армией, стали спешить соединиться со своими соплеменниками, которые укрепились около Берои и Никополя. Чтобы не упустить такого удобного случая, Себастиан получил приказ, набрав из отдельных полков по 300 человек, как можно скорее отправиться туда, чтобы совершить нечто полезное для государства, как он и сам это обещал. Когда он форсированным маршем подошел к Адрианополю, то ворота были закрыты и ему не дали войти в город. Защитники города боялись, не взят ли он неприятелем в плен, не явился ли он в качестве подосланного и не стремится ли он сделать что-нибудь на гибель городу, как это случилось с комитом Актом, которого войска Магненция взяли в плен обманом и при его помощи открыли себе бывший укрепленным проход через Юлиевы Альпы. Когда, наконец, хоть и поздно, признали Себастиана и разрешили ему войти в город, он, позаботившись, чтобы была предоставлена пища и отдых тем войскам, которые он привел с собой, на другое утро выступил для тайного набега. Уже наступал вечер, когда внезапно были замечены грабительские отряды готов близ р. Гебра. Находясь некоторое время под прикрытием возвышенностей и порослей, глубокой ночью, соблюдая возможную тишину, он напал на неприятеля, не успевшего выстроиться. Он нанес противнику такое поражение, что, за исключением немногих, которых спасла

[1] Дальше следует перевод с латинского. — Ред.

от смерти быстрота ног, погибли все остальные, и отнял у неприятеля бесчисленную добычу, которую не смогли вместить ни город, ни просторная равнина. Фритхигерн был потрясен этим событием и боялся, как бы полководец, отличавшийся, как он это часто слышал, быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями своевольно рассеявшиеся и занятые грабежом отряды готов. Отозвав всех назад, он быстро отступил к городу Кабилэ, чтобы войска, находясь в равнинной местности, не страдали бы ни от голода, ни от тайных засад.

Пока это происходило во Фракии, Грациан, уведомив дядю письмом о том, как удачно он победил алеманнов, выслал вперед сухим путем обоз и вьюки, а сам с легким отрядом воинов поехал по Дунаю и, пройдя через Бононию, вступил в Сирмий. Остановившись там на четыре дня, он спустился затем по той же реке к лагерю Марса, страдая в пути перемежающейся лихорадкой. На этом переходе он подвергся внезапному нападению со стороны алан и при этом потерял некоторых из своих спутников.

В эти дни Валент был взволнован двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что узнал о победе над лентиензами, а во-вторых, тем, что ему оттуда написал Себастиан, преувеличивая свой подвиг словами. Император выступил из Мелантиады, торопясь каким-нибудь славным делом сравниться с юным сыном своего брата, доблести которого его раздражали. Он вел за собой большое войско, внушавшее к себе уважение и мощное, так как он присоединил к нему даже многих ветеранов и других более высоких командиров; вступил опять в его ряды и Траян, незадолго до этого бывший магистром армии. А так как благодаря энергичным разведкам стало известно, что неприятель предполагает сильными укрепленными заставами преградить пути, по которым подвозилось необходимое продовольствие, то против этой попытки были немедленно приняты соответствующие меры: для удержания важных для нас горных проходов, находившихся поблизости, был быстро отправлен отряд пеших стрелков и всадников. В течение ближайших трех дней варвары медленно наступали, боясь нападения в трудно проходимых местах, и, разделившись в 15 милях от города, они направились к укрепленному пункту Ника. Неизвестно, по какой ошибке передовые легкие войска определили всю ту часть множества войск, которые они видели, в 10 000 человек, и император, гонимый каким-то безудержным лихорадочным пылом, сам спешил им навстречу. Подвигаясь вперед в боевом строю, он близко подступил к предместьям Адрианополя, где, укрепив свой лагерь палисадом и рвом, он с нетерпением стал ждать Грациана. Там к нему прибыл комит доместиков Рихомер, посланный этим императором вперед с письмом, в котором он извещал, что скоро прибудет. В этом письме Грациан просил его, чтобы он немного подождал участника в действиях и чтобы он необдуманно не подвергал самого себя жестоким опасностям. Валент созвал на совет несколько сановников, чтобы обсудить, что нужно сделать. Одни вместе с Себастианом, внесшим это предложение, настаивали на том, чтобы тотчас же вступить в бой, магистр же всадников, по имени Виктор, хотя и сармат, но медлительный и осторожный человек, встретив поддержку у многих других, полагал, что нужно дождаться соправителя, чтобы, присоединив к себе подмогу от галльского войска, тем легче подавить пылкое высокомерие варваров. Однако, победило гибельное упорное решение императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые убеждали торопиться как можно скорее, чтобы в почти уже одержанной победе, как они это думали, участником не стал Грациан».

Глава IV

Цифры

Очень трудно правильно определить численность большого количества людей. Даже полководцу не так легко, как обычно думают, подсчитать численность войска. Конечно, было бы очень просто удовлетвориться суммированием рапортов низших командиров, но тут же встает вопрос, достоверны ли сведения этих рапортов. Не так-то просто создать и держать в порядке организацию контроля и ведения списков больных, раненых, уволенных в отпуск, откомандированных и нестроевых. Прокопий Кесарийский, описавший подвиги Велизария, рассказывает (bell. Pers., 1, 18), что персидские цари пользовались особым способом для подсчета воинов. Когда войско отправлялось в поход, то все воины друг за другом проходили мимо царя, который сидел на своем троне и близ которого стояло множество корзин. Каждый воин бросал по одной стреле в корзину, после чего корзины запечатывались. Когда же войско возвращалось после похода, то все воины опять проходили друг за другом мимо царя, и каждый воин вынимал из корзины по одной стреле. Таким образом узнавали, какие потери понесло войско.

Эта сказочка, — менее фантастическая, чем те загоны, в которые, согласно греческой легенде, Ксеркс заставлял загонять свои миллионы, — неплохо иллюстрирует нам трудность составления надежного рапорта о численности армии. Поэтому она может нас подготовить к стоящей теперь перед нами задаче определения численности германских войск в эпоху переселения народов, согласно показаниям наших источников.

У нас нет недостатка в свидетельствах.

Требеллий Поллион указывает, что численность готов, вторгшихся в 267 г. в Римскую империю, достигала 320 000 вооруженных воинов. Ютунги (часть позднейших алеманнов), согласно тому же самому писателю, объявили императору Аврелиану, когда вторглись в Италию, что они насчитывают 40 000 всадников и 80 000 человек пехоты.

Император Проб, преемник Аврелиана, сам лично написал сенату, что он во время похода 277 г. убил 400 000 германцев.

Когда бургунды появились на Рейне приблизительно около 370 г., то, согласно Иерониму, они насчитывали 80 000 человек.

Относительно вестготов мы уже слышали от Евнапия, что они при своем переходе через Дунай в 376 г. насчитывали 200 000 воинов.

Такова же была, согласно Прокопию (III, 4), численность остготов, когда они вторглись в Италию. А Витигес осадил Велизария в Риме, обладая армией в 150 000 человек.

Радагаис привел в Италию в 404 г., согласно Зосиме, 400 000, а согласно Марцеллину — 200 000 человек. Орозий пишет, что в этом войске, состоявшем из различнейших народов, одних готов было 200 000 человек.

Согласно Иордану, франки появились в 539 г. в Италии под начальством короля Тейдеберта в количестве 200 000 человек, но отступили без боя перед Велизарием. Согласно Прокопию (Bell. Goth., II, 28), франкские послы утверждали даже, что войско насчитывает 500 000 боеспособных мужей.

Войско Аттилы в 451 г. насчитывало, согласно Иордану, 500 000 человек, а согласно historia miscella — 700 000 человек.

Этим цифрам, определяющим численность германских войск, к которым мы можем прибавить еще ряд аналогичных цифр, вполне соответствуют такие факты, как то, что, согласно Зосиме (II, 15), Константин привел в Италию войско, состоявшее не менее как из 90 000 человек пехоты и 8 000 всадников. Он победил императора Максенция у Мильвийского моста, хотя тот имел не менее 170 000 человек пехоты и 18 000 всадников.

Описания источников вполне соответствуют тем цифрам, которые приводятся в этих источниках.

Аммиан пишет об алеманнах (28, 59): «Это — огромный народ. Со времени его первого выступления его ослабляли всевозможные поражения, но молодежь нового поколения так быстро подрастает, что можно было бы подумать, что этот народ в течение столетий не постигало ни одно несчастие». Вслед за тем Аммиан подобным же образом описывает численность бургундов и немного ниже (31, 4) — численность вестготов, которых он называет бесчисленными, как песок морской. То же самое пишет в 320 г. относительно франков Назарий [1].

Но теперь этим цифрам следует противопоставить иной ряд цифр, который нам рисует совершенно иную картину.

Мы сами выше уже установили, что алеманны при Страсбурге насчитывали около 6 000, максимально 10 000 человек, а вестготы при Адрианополе, может быть, от 12 000 до — максимально — 15 000 человек.

Император Зенон, как рассказывает нам его современник Малх, однажды заключил с остготом Теодорихом Страбоном договор, согласно которому Страбон, соперник великого Теодориха, должен был поступить на службу к императору с войском в 13 000 человек, получая за это от императора жалованье и продовольствие для всей этой поставленной Страбоном армии. Судя по всему контексту, эти 13 000 человек составляли главные силы остготов.

Отец церкви Сократ рассказывает, как бургунды, жестоко теснимые гуннами, приняли христианство и благодаря силе новой религии победили 10 000 гуннов, хотя сами насчитывали лишь 3 000 воинов.

Когда Гейзерих со своими вандалами переправился в Африку, то он, согласно Виктору Витензису (I, 1), приказал произвести учет населения, который дал цифру 80 000 человек. Но тут же автор добавляет, что только неосведомленные полагали, что это число включало одних носящих оружие воинов. На самом же деле в это число входили старцы, дети и рабы. А когда, менее чем через 100 лет, император Юстиниан послал Велизария в Африку, чтобы ее снова отнять от вандалов, то войско, которое он дал Велизарию, не превышало 15 000 человек, причем даже не пришлось воспользоваться всем этим войском. Достаточно было 5 000 всадников, чтобы нанести вандалам такое поражение, от которого они уже никогда не смогли оправиться [2].

---

[1] G. Kaufmann, «Deutsche Geschichte», I, 89.

[2] Мне непонятно, каким образом Шмидт (Schmidt, «Geschichte der Vandalen», S. 130) из указания Прокопия (II, 7), что Велизарий победил вандалов при помощи 5 000 всадников, смог вычитать тот факт, что гвардия состояла из 5 000 человек.

К этому ряду цифр мы можем добавить еще и то, что вместо 98 000 человек, о которых мы уже слышали выше, другой современник Константина определяет численность армии этого последнего во время сражения у Мильвийского моста едва в 25 000 человек [1].

Совершенно ясно, что те два ряда цифр, которые мы здесь сопоставили, взаимно исключают друг друга. Если в IV и в V столетиях существовали армии, насчитывавшие многие сотни тысяч воинов, то корпуса в 10 000 — 25 000 человек не могли одерживать таких решительных побед, как у Мильвийского моста и при Адрианополе. Историки с давних времен ощущали эту невозможность, но так как необходимо было произвести выбор, то они высказались не в пользу второго, но в пользу первого ряда цифр [2]. Казалось, что довольно легко доказать неправильность цифр второй группы, истолковав данные тексты соответствующим образом. Панегирист, указывавший, что у Константина было менее 25 000 человек, на самом деле был именно панегиристом. Отец церкви, писавший, что у бургундов было всего 3 000 воинов, хочет доказать, что благодаря христианской вере даже слабый становится сильным. Епископ, утверждавший, что Гейзерих, приведя свою мнимую цифру в 80 000 воинов, смошенничал, дав неправильные сведения, очень враждебно настроен по отношению к вандалам. 13 000 остготов Теодориха Страбона являются лишь очень небольшой частью их. Наконец, те 10 000 готов, о которых было сообщено императору Валенту, составляли не все войско, но лишь один его корпус. А, кроме того, Аммиан к этому ясно добавляет, что это сообщение было неправильно.

Мы же со своей стороны уже высказали противоположную точку зрения.

Более точный критический анализ сохранившихся источников показал нам, что сообщение о том, будто бы готы насчитывали при Адрианополе лишь 10 000 человек, относилось не к отдельному корпусу, но что римляне вступили в сражение, считая численность всего противостоявшего им войска готов именно в 10 000 воинов. Дальнейший ход событий показал нам, что если это сообщение и было ошибочным, то ошибка во всяком случае была весьма незначительной.

Этот вывод вдвойне подтвердился стратегической обстановкой похода. Мы смогли установить путь, по которому шли готы, и увидели, что при тех условиях войско, состоявшее из сотен тысяч воинов, — и даже такое, которое более или менее значительно превышало бы цифру в 10 000—15 000 воинов, — никак не могло бы двигаться по

к которым следует к тому же, по его мнению, прибавить те 15 000 человек, о которых упоминает Прокопий, когда он говорит об общей численности войска (Прокопий, I, 11).

[1] «Panegyr.», IX восхваляет Константина за то, что он с меньшим количеством войск сделал больше, чем Александр, у которого было 40 000 солдат.

И там же («Panegyr.», VIII, 3, 3) мы читаем, что он победил Максенция «с едва четвертой частью войска против 100 000 врагов».

Наконец, согласно указанию «Anon Vales», Константин в 313 г. во время войны с Лицинием имел 25 000 человек.

[2] С очень энергичной критикой цифр, сообщаемых Прокопием, выступил Экхардт (H. Eckhardt, «Ueber Agathias und Procop als Quellenschriftsteller für den Gotenkrieg. Königsberger Programm», 1864). Однако, и он остается в конце концов при том мнении, что остготы в общей сложности могли насчитывать 200 000 человек (стр. 11).

этому пути. Об этом говорит и то укрепление из телег, которым окружило себя это войско [1].

Наш главный источник относительно сражения при Адрианополе— Аммиан Марцеллин хотя и не является абсолютно свободным от ошибок, но все же очень хорошо и подробно осведомленный и правдивый человек.

Поэтому установленная нами цифра численности войска, подтвержденная затем численностью войска во время сражения при Страсбурге, может считаться в пределах установленных границ абсолютно надежной. Эта цифра является решающей и для всех остальных. Хотя во всемирной истории цифры очень часто бывают весьма ненадежны, зато они обладают тем преимуществом, что поддаются взаимной проверке. Фантастические цифры, часто проникающие в историю контрабандным путем, тотчас же теряют свою силу и исчезают, как только удается обнаружить хотя бы одну единственную действительно надежную цифру, которая дает возможность сравнения. Если готы при Адрианополе насчитывали максимально 15 000 человек, то тем самым аннулируются все исчисляемые в сотнях тысяч цифры войск эпохи переселения народов. Ведь не подлежит никакому сомнению, что вестготы были одним из самых многочисленных и мощных германских народов времени переселения. Ни остготы, ни вандалы, ни бургунды, ни лангобарды, ни Радагаис, ни Одоакр не могли быть значительно сильнее вестготов, — больше того, они должны были быть значительно слабее их.

Возможно, что в этом сражении не принимали участия некоторые части вестготского народа, так как одна его часть даже осталась севернее Дуная. Но эти недостающие части были замещены остготами, которые присоединились к своим соплеменникам.

Теперь представляется возможность внимательнее проанализировать также и другие цифры второй группы, которые история оставляла в стороне, не уделяя им достаточного внимания.

Те 13 000 человек, с которыми остгот Теодорих Страбон должен был поступить на службу к императору Зенону, ни в каком случае не могли быть лишь незначительной частью готского народа [2]. Такое объяснение является не чем иным, как результатом господствующего представления о крупных массах германцев. Договор явился следствием тяжелого положения, в котором находился император, пытавшийся сыграть на взаимном соперничестве двух предводителей готов. Когда он заключал соглашение с одним из них, то этот последний в тот момент располагал значительно бо́льшими силами, чем его соперник. Если бы он позаботился только об одной незначительной части готов, то вся остальная масса тотчас же сосредоточилась бы вокруг другого Теодориха и продолжала бы войну, вместо того чтобы позволить отстранить себя от этой войны. Лишь удовлетворив это решающее большинство во главе с их предводителем, можно было бы надеяться на то, что будет внесен некоторый порядок в среду этих

[1] Римские источники указывают, что кимвры, спустившиеся в 101 г. в Италию, насчитывали 200 000 воинов. Исходя из протяжения и характера того пути, который они выбрали, я счел возможным исчислить их количество максимально в 10 000 человек. Ср. т. I, стр. 554. «Preuss. Jahrb. Bd. 47, 1912. S. 199.

[2] Это место гласит: «Заключили мирное соглашение относительно 13 000 воинов, которых Теодорих готов был поставить на царскую службу при условии предоставления им жалованья и питания» (Malchus. ed. Bonn, p. 268).

варваров, которые находились внутри страны и грабили ее по своему усмотрению. Если мы теперь еще раз вдумаемся в эту, несомненно, правильно переданную нам цифру 13 000, то мы не только не сочтем ее относящейся к какому-либо отдельному отряду, но скорее, наоборот, сможем заподозрить ее в том, что здесь перед нами — ранний пример того явления, с которым мы постоянно будем встречаться в эпоху ландскнехтов, а именно — что кондотьеры слишком преувеличивают цифру своих наемников, чтобы самим иметь возможность прикарманить излишек причитающегося солдатам жалованья [1]. Весьма возможно, что Теодорих, так как за ним следовали далеко не все готы, на самом деле располагал лишь 6 000—8 000 воинов, хотя и заключил договор относительно 13 000.

С такой точки зрения эта цифра явится для нас не только лишним, основанным на первоисточниках аргументом против представления о стотысячных войсках германцев, но будет также полностью соответствовать цифре вестготов, участвовавших в сражении при Адрианополе, которую мы исчислили приблизительно в 12 000 и максимально 15 000 человек.

Теодорих Амальский, встав во главе остготов, вел в Италии в течение нескольких лет войну с Одоакром, причем походы совершались в ту и в другую сторону. Однажды остгот собрал весь свой народ около Павии. Если бы он имел 200 000 воинов, то вся масса народа доходила бы до одного миллиона человек. Историки принимали этот факт с чистым сердцем и утешали себя тем, что ведь в источниках не было сказано, что все эти люди находились в городе, но лишь в укреплении близ города [2]. Кто себе хочет составить представление о том, что означает прокормить на одном месте в течение многих недель хотя бы только 200 000 человек, — даже при помощи всех современных вспомогательных средств транспорта, шоссейных и железных дорог, денег, интендантства и поставщиков, — тот пусть прочтет воспоминания начальника отдела снабжения Энгельгардта о снабжении германской армии под Мецом в 1870 г. [3].

Перейдем теперь к бургундам. Так как мы уже отвергли свидетельство о том, что они насчитывали 80 000 человек, то мы должны проверить, нельзя ли считать правильным другое свидетельство, гласящее, что они насчитывали лишь 3 000 воинов в тот момент, когда они перешли в христианство и победили гуннов.

Ян (Jahn) в своей «Истории бургундов» оперировал с первой цифрой и извлек из нее свои выводы. Биндинг [4], более осторожный, не решается выступить за пределы общего утверждения относительно того, что «очень трудно составить себе ясное представление о численности германцев сравнительно с римлянами в романско-германских государствах». Но если мы не будем иметь ясного представления о цифрах, колеблясь между 80 000 и 3 000 воинов, то для нас очень многое останется неясным как в событиях бургундской истории, так и в состоянии Бургундии. Достоверность последнего свидетельства

---

[1] Эта уловка была обычным явлением также и у римлян, в особенности же в эту эпоху. Это ясно показано в работе Мюллера (A. Müller, «Excurs zu Tacitus», I, 46. «Philologus», 65. S. 306. Ср. Зосима, II, 33; IV, 27. См. также и у Либания).

[2] Ср. Dahn, «Könige», II, 78, где также указаны и свидетельства источников. См. «Hist. misc.», p. 100. Ennod. v. Epiph. S. 390.

[3] Недавно опубликовано в «Beih», z. Milit Wochenblatt», 1901, 11 Heft.

[4] «Geschichte d. burg. röm. Königsreichs», S. 323.

о 3 000 воинов, конечно, очень незначительна. Совершенно очевидна тенденция отца церкви Сократа изобразить бургундов в своем рассказе как можно более слабыми, причем сам автор не очень хорошо осведомлен ни об этом народе, ни о том времени, когда происходили данные события. Он заканчивает свой рассказ, стоящий вне исторической цепи событий, указанием на то, что в это же время умер арианский епископ Барбас, — в 13-е консульство Феодосия и в 3-е Валентиниана, т. е. в 430 г. Указание «в это же время» во всяком случае неправильно или должно быть понято в очень широком смысле, так как бургунды перешли в христианство значительно ранее: уже вскоре после 413 г.[1]. При такой неопределенности хронологии можно — по крайней мере в качестве гипотезы — предположить, что это событие произошло еще на несколько лет позднее, а именно — после большого поражения, нанесенного бургундам гуннами в 435 г. Даже сам Сократ говорит, что бургундам до этого пришлось много претерпеть от гуннов и что многие из них были убиты.

Если же теперь мы примем, что дело действительно шло о каком-то событии, произошедшем после 435 г., о котором Сократ слышал или читал, то цифра 3 000 приобретает для нас совершенно реальный облик. Если бы мы имели дело лишь с фантазией составителя легенды, который хотел прославить победу немногих христиан над гораздо более многочисленными язычниками, то следует поставить вопрос: почему он для этой цели не выбрал противоположного пути, т. е. не увеличил соответствующим образом численности противника? Этот способ является настолько господствующим у всех тенденциозных писателей как того времени, так и вообще всех времен, что противоположный способ резко бросается в глаза. Если бургундский народ, скажем, действительно насчитывал 10 000 воинов, то кто мог бы в этом что-либо заподозреть, если бы Сократ заставил этих 10 000 бургундов одержать победу над 30 000 или 40 000 гуннов? Но то обстоятельство, что он исчисляет силы бургундов в 3 000 человек, может быть объяснено лишь тем, что в основе этой цифры лежит положительное свидетельство. Бургунды были не группой народов, но лишь отдельным племенем. Им пришлось дважды потерпеть поражения, которые в источниках категорически названы уничтожением, — приблизительно в 290 г. от готов и приблизительно в 435 г. от гуннов[2]. То обстоятельство, что второе поражение, имевшее место при короле Гунтере, было особенно сильным, подтверждается также и той памятью, которую оно по себе оставило и которая продолжала жить в течение столетий. Когда это племя вступило в те области, часть которых до настоящего времени носит их название, то, как говорит наш источник, это были лишь «остатки» народа, переселившегося в новые места. Принимая всё это во внимание, мы принуждены сказать, что у нас нет никаких положительных оснований для того, чтобы отвергнуть цифру 3 000. Если их и было более 3 000 человек, то во всяком случае разница не могла быть слишком значительной. Если мы скажем 5 000, то это будет тем высшим пределом, до которого мы можем дойти.

---

[1] Очень подробно писал об этом, как, впрочем, по всему этому вопросу, Jahn, «Geschichte der Burgunder», I. 337. Ср. Wietersheim-Dahn, II, 212.

[2] Эти места приведены у Jahn, I, S. 345.

Наше исследование является интересной аналогией к подобным же исследованиям относительно «галльской войны» (bellum Gallicum). И здесь также обнаружилось, что указания Цезаря о численности галльских и германских войск не согласуются между собой. С одной стороны, правда, находится лишь одна единственная цифра, с другой же стороны — все остальные. Перед лицом этого огромного большинства цифр историческая наука признала необходимым отдать им предпочтение и признать их достоверными, а в целях восстановления гармонии исправить текст в том единственном месте, где была приведена противоречащая им цифра. Объективное исследование тактических и стратегических приемов нам показало, что как раз наоборот — в одном этом месте истина, если так можно выразиться, вырвалась из уст Цезаря (кн. 5, гл. 34). Поэтому мы должны исходить именно из этой единственной цифры, а все остальные отвергнуть в качестве сознательных преувеличений (ср. том I, ч. VII).

В своих представлениях относительно цифровых данных численности армий человечество во все времена было и оставалось одинаковым. Когда в 1829 г. Дибич перешел через Балканы, то один офицер, посланный для рекогносцировки, доносил Осману-паше: «Легче сосчитать листья в лесу, чем головы в неприятельском войске». На самом же деле у Дибича было 25 000 человек. Об этом рассказывает нам Мольтке в своей «Истории русско-турецкого похода 1828—1829 гг. (стр. 345 и 349).

Говоря о переправе вестготов через Дунай, Аммиан рисует нам яркую картину их огромного множества и при этом даже вспоминает о походе Ксеркса. Казалось, что снова вернулись те древние времена, когда персидский царь, не имея возможности пересчитать своих солдат поодиночке, приказывал при Дориске пересчитать свои войска по отрядам. Никогда с тех пор никто не видел таких бесчисленных масс, которые растекались по провинциям, покрывая равнины и горы. Так как мы уже доказали, что количество готов, произведшее такое огромное впечатление на Аммиана и на его современников, не превышало 15 000, а со всеми отдельными отрядами, может быть, 18 000 воинов, то с нашей точки зрения мы, повидимому, можем сохранить то сравнение, которое проводит автор между походом готов и походом Ксеркса. А отсюда мы можем сделать тот вывод, что, значит, и войско великого царя насчитывало не 2 100 000, не 800 000, не 500 000 и не 100 000 воинов, но лишь всего от 15 000 до 25 000. Наши филологи — верующие люди, но так как Аммиан уже не принадлежит к числу классиков, то критические сомнения по отношению к нему позволены скорее, чем по отношению к Геродоту. А когда мы сперва на Аммиане напрактикуемся в неверии, то нам станет уже не так страшно совершить святотатство, измерив также Геродота и его современников при помощи того же самого критического и психологического мерила, какое мы применяем к людям других эпох.

Исходя из нашего вывода, мы хотели бы еще раз вернуться к тем цифрам, которые мы установили для древнейших германских эпох, и найти связующую нить между этими двумя эпохами. Раньше считали, что за 400 лет число германцев сильно возросло, причем в этом приросте населения хотели видеть толчок к крупным сдвигам эпохи переселения народов. Мы уже убедились, что это совершенно неправильно. И в эпоху переселения народов германцы были все еще весьма немногочисленны; это обстоятельство является единственно

возможным и вполне естественным, так как хозяйственные условия за это время не изменились. Германцы, как и раньше, были в первую очередь не крестьянами, но воинами. Если бы в течение этого времени их хозяйственный быт испытал существенное развитие, то должны были бы возникнуть также и города. Но германцы и в эту эпоху, как и во времена Арминия, все еще не имеют городов и, как раньше, все еще слабо привязаны к земле: они являются по преимуществу скотоводами и охотниками и лишь в незначительной мере земледельцами. Так как продукция предметов питания увеличилась лишь в очень небольшой степени, то вследствие этого не могла значительно возрасти и общая численность населения. Количество всего народа могло увеличиться вследствие расширения области расселения вплоть до Черного моря, но в то же время не могли в сколько-нибудь значительной мере увеличиться ни отдельные племена, ни плотность населения, которая все еще не превышала 250 человек на 1 кв. милю. Естественный прирост был незначителен, как, впрочем, у всех варварских народов, так как большая плодовитость уравновешивалась столь же большой смертностью. Этот прирост не вызывал повышения культуры, но все время толкал германцев на войны—на войны с соседями, на войну с Римом, — причем избыток населения в значительной степени поглощался римской службой.

Для определения численности отдельного войска и отдельного племени очень мешает неясность понятия племени. Исходя из числа племен, живших между Рейном и Эльбой, мы применительно к древнейшей эпохе смогли вычислить, что в среднем на каждое отдельное племя приходилось около 100 кв. миль. Каждый житель такой области мог из любого ее пункта в течение однодневного перехода прибыть в место, предназначенное для общих собраний племени, и такое собрание, состоявшее приблизительно из 6 000 мужчин, было способно вести более или менее организованное обсуждение вопросов и принимать соответствующие решения. Но мы этим не хотим сказать, что уже в ту эпоху не существовало отдельных племен, которые занимали значительно бо́льшую территорию и насчитывали значительно большее население. Единство в таком случае обусловливалось собранием князей и хунни. Но это единство было весьма непрочным. Всегда существовала возможность того, что один или несколько родов под начальством их хунни или даже целая группа под предводительством какого-либо князя отделятся и пойдут собственным путем, а также из нескольких мелких племен или осколков племен могут образоваться новые более крупные союзы. Так же обстояло дело и в эпоху переселения народов. Одна часть остготов под предводительством князя Ведемира присоединилась к вестготам; одна часть ругиев — к остготам; вандалы распались на два племени — на силингов и асдингов, а когда они переправились в Африку, то среди них были также аланы и готы.

Поэтому невозможно принять какую-либо среднюю или нормальную цифру для исчисления отдельных встречающихся нам племен. С определенностью мы можем сказать лишь то, что войско кочующего племени никогда не могло превышать 15 000 воинов. 15 000 воинов вместе с женами и детьми образуют массу по крайней мере в 60 000, а с рабами — около 70 000 человек. Это является уже настолько крупной человеческой массой, которая не может передвигаться целиком, а должна быть подразделена на эшелоны или каким-

нибудь иным способом. А так как воинов можно отделить от их семей и от их телег лишь на время, то от руководства требуются максимальное внимание и осмотрительность, для того чтобы в день сражения всех воинов по возможности объединить и держать вместе. В большинстве же случаев численность войск была в два или в три раза меньше этой цифры.

Мы исчислили население Римской империи в середине III столетия в 90 млн. человек (см. выше, стр. 173). Эта цифра является минимальной; можно даже, пожалуй, принять цифру в 150 млн. Разве мыслимо, чтобы такое громадное население могло уступить натиску варварских орд, которые не превышали 5 000—15 000 человек?

Я думаю, что во всей всемирной истории мы не сможем найти другого более точно установленного факта, чем этот. Легендарные преувеличения цифр численности войск не давали нам до настоящего времени возможности понять этот факт. Испытывая неясное ощущение того, что здесь скрывается какая-то загадка, старались нащупать путь, но шли в ложном направлении, пытаясь объяснить поражение римлян уменьшением количества римского населения. На самом деле это не было так. Римская империя была все еще полна людей и полна сильных рук в тот момент, когда она терпела поражения от весьма небольших варварских войск. И этот факт проливает свет на предыдущее и последующее развитие мировой истории.

В I томе мы уже убедились, что самый лучший легион римских ветеранов, при всей своей дисциплине и тактической опытности, не был способен на большее, как быть приблизительно равноценным германскому отряду, насчитывавшему такое же количество воинов. Марий и Цезарь смогли преодолеть германцев лишь благодаря своему очень большому численному превосходству. Но одно лишь численное превосходство еще не дает победы. И в этом мы теперь убеждаемся. В IV и V столетиях Римская империя еще легко могла выставить такое количество вооруженных людей, которое в десять раз превышало бы численность вторгшихся варваров. Можно было бы, пожалуй, спросить, была ли возможность прокормить такие войска при тех способах натурального хозяйства, которые установились в эту эпоху. Но мы можем даже не касаться этого вопроса, так как достаточно уяснить себе то обстоятельство, что после прихода в упадок и исчезновения постоянного войска, — дисциплинированных легионов — наспех собранные контингенты горожан и крестьян уже, безусловно, не были в состоянии сопротивляться варварам. Нет возможности дать достаточно яркое представление о том, как ужасно свирепствовали среди мирного римского населения эти готы, алеманны, франки, вандалы, аланы, свевы, лангобарды. Древняя культура обращалась в пепел, людей резали, как скот. Римляне рассказывают нам, что готы отрубали крестьянам правую руку, — ту руку, которая вела плуг, — и что лангобарды насиловали монахинь на алтарях. Но мужья, отцы и братья не имели возможности защитить ни своей собственности, ни своей семейной чести, ни самих себя. Некоторые римские магнаты, призвав к оружию своих крестьян, пытались при приближении вестготов преградить им дорогу через горные проходы в Пиренеях [1]. Жители Оверни в течение некоторого времени храбро

---

[1] Орозий, VII, 40.

защищались против короля Эвриха [1]. Когда вандалы уже заняли Африку и угрожали Италии, то император Валентиниан издал эдикты, призывавшие римлян к самозащите. Эти эдикты сохранились до настоящего времени в собраниях законов. Содержание первого эдикта заключается приблизительно в следующем: сперва дается римским гражданам обещание, что их не будут в принудительном порядке привлекать к военной службе, но вслед за тем объявляется, что они обязаны строить стены и охранять стены и ворота. Вскоре после этого был издан второй эдикт, который сообщал о том, что страшный Гейзерих вышел со своим флотом из Карфагена. Населению будет оказана помощь, ибо император уже позаботился об этом, и Аэций и Сигизвульд уже находятся в пути. Но так как неизвестно и нет возможности установить, в каком месте неприятель пристанет к берегу, то граждане, не нарушая своих гражданско-сословных подразделений и степеней, полагаясь на свою силу и на свое мужество, должны взяться за оружие, чтобы охранить свою собственность и защитить страну и народное достояние, поддерживая взаимную верность, единство и сплоченность [2]. Когда Велизарий, находясь в Риме, был осажден готами, то граждане добровольно взялись за оружие и предложили ему свою помощь. Велизарий охотно согласился на это добровольное предложение, однако, не включил граждан в боевые отряды, так как он боялся, как бы во время сражения они не поддались чувству страха и не увлекли бы за собой все войско. Поэтому он расположил их в таком месте, где они должны были лишь произвести демонстрацию, чтобы отвлечь на себя часть неприятельских войск, изображая как бы настоящий боевой отряд [3]. Насколько нам известно, это единственные случаи, когда римляне пытались бороться с германцами или хотя бы призывались к такого рода борьбе. Всем, само собой разумеется, было ясно, что перед диким натиском германского клина или германской конницы рассеются даже значительно превосходящие их римские войска. «Чем гуще трава, тем легче ее косить», — ответил Аларих римлянам, которые хотели его устрашить многочисленностью своего народа [4].

Боязливая нерешительность легионов кесаря находит свое, если так можно выразиться, последующее оправдание в событиях эпохи переселения народов. И все события последующих столетий нужно всегда рассматривать с точки зрения безграничного превосходства

---

[1] «Собственными силами сопротивлялись оружию общего врага и в борьбе против войска соседей сами себе были и вождями и воинами» (Сидоний Аполлинарий, VII, 7, цит. у Dahn, V, 93).

[2] «И пусть в этом отношении из ваших душ исчезнет всякая тревога и всякий страх, так как пусть все знают, что, согласно постановлению этого эдикта, никого из римских граждан и никого из членов корпораций не следует принуждать к несению военной службы, за исключением охраны стен и ворот, по мере необходимости». «Constit. Novellae Valentin», III, tit. V). Согласно параграфу 3, все обязаны помимо того нести повинность по постройке и починке стен, «чтобы римляне, надеясь на свою силу и на свое мужество, как это следует делать для защиты своей собственности, пользовались против врага, если это потребуется, насколько смогут, собственным оружием, сохраняя общественную дисциплину и скромность своего благородства, и охраняли бы наши провинции и свое имущество дружно, единодушно сомкнув щиты. И пусть они твердо надеются на то, что все взятое ими у побежденного врага безусловно останется за ними».

Дед Кассиодора якобы отразил вандалов, когда они грабили Сицилию и Бруттию: «Var.», I, 4, 150. Цит. по Schmidt, «Geschichte der Vandalen», S. 71.

[3] Прокопий, I, 28.

[4] Зосима, V, 40.

профессиональных воинов над неорганизованными массовыми призывами населения, как это мы видим в эпоху переселения народов благодаря твердо установленной теперь численности войск этой эпохи.

«РАСПИСАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ» И ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ О ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСК

Из эпохи Гонория сохранился до нашего времени любопытный источник своего рода государственный справочник Римской империи—«Расписание должностей» («Notitia dignitatum»). Пользуясь этим источником, Витерсхейм пытался установить общую численность войск обеих половин Римской империи в 900 000—1 000 000 солдат. Однако, до сих пор остается нерешенным вопрос относительно того, насколько были заполнены штаты. Моммсен («Гермес», т. 24, стр. 257) высказывается осторожнее, но все же считает, что тогдашнее римское войско достигало многих сотен тысяч человек. Если это признать правильным, то вся эпоха переселения народов нам станет совершенно непонятной. Но так как те бесчисленные легионы и прочие войсковые части, которые перечисляются в «Расписании», никогда не появляются и не участвуют в реальных войнах и сражениях, то именно поэтому они числились лишь на бумаге. Очевидно, давно исчезнувшие войсковые части все вновь и вновь переписывались из старых списков должностей, продолжая, таким образом, свое номинальное существование. «Пограничники» (limitanei) хотя и существовали еще (ср. стр. 185), но уже не были больше настоящими солдатами. Это были простые жители пограничной полосы, которых нельзя было использовать во время сражения.

Дан был очень близок к правильному пониманию отношения германцев к римлянам. В одном месте своего труда (т. III, стр. 58) он приводит цитату, в которой говорится, как готы хвалились тем, что они охраняли безопасность римлян: «Уступив часть своей территории, вы приобрели себе защитников». А к этому он добавляет: «И, действительно, осторожность и недоверие, а еще, пожалуй, и более низкая боеспособность итальянцев были причиной этой снисходительности» (т. е. освобождения от военной службы). Если мы эту маленькую трещину, которая создается словами «еще, пожалуй», расширим до пределов широкого и глубокого рва, то, возможно, мы вскроем истинное положение вещей.

Поэтому следует подвергнуть сомнению и даже отвергнуть многие из тех менее крупных цифр, которые до этого времени считались достоверными. Так, например, нам должно показаться сомнительным, чтобы Теодорих снабдил свою сестру Амалафриду после обручения с королем вандалов Тразамундом свитой, состоявшей из 1 000 копьеносцев и 5 000 боеспособных слуг. Такая свита была бы гораздо сильнее, чем тот корпус армии Велизария, который 30 лет спустя стер в порошок все государство вандалов.

ВАНДАЛЫ

Объективные причины и положительное свидетельство источника, а именно Виктора Витензийского, заставили нас отвергнуть цифру «80 000» воинов, с которыми Гейзерих переправился в Африку. Поэтому было бы желательно найти приемлемое объяснение для этих 80 000-ных отрядов, и я думаю, что это вполне возможно. Источники передают нам, что король, желая переправиться через море, пересчитал свой народ. Едва ли этот термин является случайным. Здесь дело идет об установлении количества судов, необходимых для переправы. Поэтому считались

не воины, но, как говорит Виктор, головы, и потому, без сомнения, пересчитывались также и женщины, хотя наш источник их прямо и не называет. Это вполне справедливо отметил Шмидт в своей «Истории вандалов» (стр. 37). Следовательно, если в каждом отряде было 1 000 человек, то такой отряд насчитывал приблизительно не более 200 воинов и даже наверное меньше, так как цифра «1 000» округлена с некоторым увеличением; к тому же вандалы обладали очень большим количеством рабов. У Прокопия этот факт косвенно засвидетельствован другим сохранившимся указанием, а именно—указанием на то, что вся эта масса людей достигала лишь 50 000 человек. Эта цифра указывает, что численность 80 000-ных отрядов определялась в 50 000 человек, или численность каждого отдельного отряда— приблизительно в 625 голов наличного состава. Если соответственно этому в каждом отряде было приблизительно не более 100 воинов, то ясно, что здесь мы имеем, примерно, то же самое, что уже видели в древних сотнях. Моммсен в своих «Остготских исследованиях» («Ostgotische Studien», N. Archiv, 14, 499) высказал предположение, что «хилиархи» (начальники тысячных отрядов солдат), о которых говорит Прокопий, есть не что иное, как перевод латинского титула «трибун», а отдельные части даже называются «лохами» (манипула, рота). Но этому противоречит одно место из Виктора Витензийского, которое гласит: «Был вандал из тех, которых называют милленариями (содержащими тысячу)» (1, 10). Поэтому я не считал бы невозможным, чтобы Гейзерих, прежде чем переправиться в Африку, не только попросту пересчитал свое войско и свой народ, но и подверг их реорганизации. Численность древних родов (сотен) должна была стать очень различной. Среди всей этой массы народа, вероятно, находились, помимо вандалов, аланы, готы и также другие беглые солдаты. Поэтому вполне возможно, что Гейзерих, разделив свой народ на части, образовал в некоторой степени равномерные отряды и по приблизительному количеству в них людей назвал их тысячами, может быть, даже действительно с целью введения в обман, что ему, впрочем, скорее удалось сделать по отношению к будущим поколениям, чем к своим современникам. Однако, согласно с прежними представлениями, это все же были лишь сотни.

Прокопий в таких словах (II, 3) описывает сражение с вандалами: «На каждом фланге вандалов стояли хилиархи, которые вели за собой свои лохи». Говоря дальше о подробностях, мы еще больше убедимся в том, что Прокопий очень мало понимал в военном деле. И, конечно, такой боевой порядок, при котором «на каждом фланге стояли командиры, которые вели за собой свои полки», не только не соответствует практике военного дела, но вообще является бессмыслицей. Однако, несмотря на это, все же ясно, что именно Прокопий имел здесь в виду. Прокопий хочет сказать, что на флангах стояли тысячи, т. е. народное—призванное под оружие — ополчение, в противоположность королевским свитским отрядам, которые находились в центре, а позади них союзники—мавры.

Если мы примем, что древние сотни в большинстве случаев сильно измельчали вследствие процесса раздробления или же потерь, то все же они сохраняли внутри этих новых тысячных отрядов особое единство и особую связь, которые в момент поселения получали свое значение; это сказывалось в том, что такие группы не разъединялись, а поселялись вместе. Когда вандалы выступили из Карфагена против Велизария, то, как рассказывает Прокопий (I, 18), они шли «в бой, не построившись в какой-либо боевой строй, но симмориями, и притом небольшими». Эти симмории могли быть родовыми поселенческими группами, находившимися в составе тысячного отряда.

8 000—10 000 воинов, и даже меньше, являлись достаточно мощной боевой силой, чтобы основать государство в Африке и сверх того завоевать Сицилию, Сардинию и еще другие острова,—в особенности потому, что Гейзерих нашел себе союзников в самой Африке, среди местных варваров—среди тех племен пустыни,

которые раньше держались в повиновении при помощи легионов. Вместе с вандалами они выступили против Рима, намереваясь его разграбить, и даже в последних боях мавры сражались в качестве подданных или союзников Гелимера против восстановления римского господства в Африке.

Бруннер во 2-м издании своей «Истории германского права» (I, 62) хотя теперь уже и считает, что цифра 50 000 несколько преувеличена, однако, полагает, что я зашел «слишком далеко», снижая ее до 8 000—10 000 воинов. Этот способ аргументации, который уклоняется от того, чтобы вообще как-либо вникнуть в существо данной проблемы, кажется мне слишком дешевым.

К 3-му изданию. Л. Шмидт в «Byzant. Zeitschr.» (1906, стр. 620) снова доказывает, что при народной переписи непременно должны были включить в эту цифру женщин.

Глава V

Народные армии и их миграции

Военно-переселенческий быт германских племен не мог не оказывать сильного обратного влияния на их общественные условия и на их политический строй. На своей родине каждый род жил в своей деревне под властью своего хунно или альтермана, которые сами принадлежали к свободным членам общины. А над племенем, состоявшим из группы таких общин, стояли одна или несколько княжеских семей, из среды которых избирался для ведения войны герцог. Германцы, конечно, могли бы обойтись этим простым правительственным аппаратом, но он уже оказался недостаточным для тех военных передвижений, которые предпринимались в эту эпоху.

Уже в древнейшие времена часто бывало, что княжество или герцогство в своем развитии превращалось в королевство, в котором укреплялась наследственная власть или которое вновь распадалось. Теперь же стала неизбежной такая правительственная форма, во главе которой в течение длительного времени должна была стоять монархическая верхушка власти. Стратегические задачи, которые теперь ставились, постоянно находились в теснейшей связи с политикой и с теми отношениями, которые устанавливались как с другими германскими племенами, так и с Римской империей, с римским императором или с различными императорами — теми претендентами, которые между собой боролись за престол. Если германское племя в своей совокупности как некая единица, как войско, поступало на службу к правителю в Риме или в Византии, то связующим звеном становился король, который в качестве германского князя провозглашался римским полководцем. Король остготов Теодорих Великий вступил в Италию по приказу императора Зенона в качестве его «действительного начальника воинов» (magister militum praesentalis)[1].

Однако, эти новообразованные монархии отличаются одна от другой по своему характеру, и на эти отличия следует обратить внимание.

[1] Mommsen, «Ostgotische Studien», «N. Archiv», 14, 504.

Вандал Гейзерих, стоявший во главе правления в течение половины столетия, уже через несколько лет отверг с презрением ту фикцию, согласно которой он являлся чем-то вроде наместника императора в Риме. Объявив себя суверенным властителем, он был достаточно силен для того, чтобы совершенно самостоятельно организовать свое династическое королевство. Он издал фактически соблюдавшийся закон о престолонаследии, который устанавливал хотя и не право первородства, но все же порядок старейшинства (сениората). Последний король Гелимер был его правнуком.

Остгот Теодорих был не менее могущественным, чем Гейзерих, но он после себя не оставил ни одного сына и даже ни одного зятя. Он завещал королевскую корону своему внуку, сыну своей дочери, которую он назначил регентшей. Когда же юный король Атанарих умер, не достигнув совершеннолетия, то Амаласунта не смогла удержать и сохранить в своих руках власть. И когда в это время между остготами и императором Юстинианом разгорелась война, то остготы снова вернулись к политическому строю, основанному на выборной монархии.

Также и среди вестготов установилась выборная монархия, которая лишь в течение нескольких поколений была прервана установившимся в это время порядком наследственной королевской власти.

Но совершенно иначе развивался политический строй у франков. Государства вандалов и готов были основаны племенами завоевателей, а государство франков было основано завоевателем-королем. Во Франкском государстве основная масса германцев была бесконечно больше, чем во всех других королевствах, но большая ее часть либо оставалась жить на прежних местах, либо же продвинулась всего на несколько дневных переходов в глубь романской территории. Меровингское королевство не было военным королевством, основанным на силе войска, как государства Алариха, Гейзериха или Теодориха, но возникло лишь потому, что князю одного отдельного племени Хлодвигу Салическому удалось достигнуть того, что его признали своим королем также и многие другие родственные племена, и к тому же завоевать большую римскую область. А так как больше не существовало каких-либо общих собраний воинов, то было уже совершенно невозможно вновь вернуться к порядкам выборной королевской власти. Войска, которые избрали своими королями Витигеса, Тотилу и Тейю, действительно, обнимали такую большую часть всей остготской воинской массы, что на эти избрания можно смотреть как на волеизъявление всего народа. А те войска, которые собирались вокруг короля франков, составляли со времени основания великого Франкского королевства лишь небольшую часть всего народа франков. И так как мужская линия Меровингов сохранялась в течение столетий, то здесь смогла укрепиться наследственная династия, которая была достаточно сильна для того, чтобы пережить неоднократные разделения государства и гражданские войны.

Процесс изменения основного строя охватывает весь государственный и военный организм германцев, начиная от его вершины.

Мы определили численность вестготов в 10 000—15 000 человек. Но такое войско, если оно не совершает простого короткого военного похода, а в течение продолжительного времени находится на

театре военных действий и проходит через неприятельскую область, требует более тонкой организации, чем деление на сотни. Король или герцог не может прямо и непосредственно направлять свои приказы целой сотне хунни. Он нуждается в промежуточной инстанции, которой должны быть не временно замещаемые, но постоянно функционирующие должности. Равным образом и сотня не может быть самой мелкой единицей. В распоряжении римского центуриона еще находился ряд младших командиров, капралов и ефрейторов. Также и современная рота, состоящая хотя бы всего лишь из 100 человек, нуждается по крайней мере в двух средних и 10—12 младших командирах. Но германская сотня гораздо больше римской центурии. И не только ее состав гораздо многочисленнее, но в нее прежде всего очень часто входили целые домашние хозяйства. Римский центурион был обязан заботиться лишь о выполнении службы. Оружие, жалованье и продовольствие давало солдатам интендантство. Самое большее, что в данном случае входило в круг обязанностей центурии, — это распределение и хранение всего снабжения, а также поддержание запаса его в порядке. Германская сотня в большинстве случаев должна была сама заботиться о своем снабжении, и не только для себя, но и для всего своего окружения, так как главное командование не располагало интендантским аппаратом, обладавшим функциями контроля. При системе беспощадного разграбления страны это было возможно лишь при условии очень далеко заходящего общинного хозяйства. Тот аграрный коммунизм, в условиях которого германцы жили у себя на родине, оказывался здесь недостаточным. Надо было не только совместно, всей общиной, захватывать добычу, что давало возможность затем делить ее между собой, но надо было также в течение долгого времени совместно заведывать очень большими запасами. Если бы каждой отдельной семье было поручено заботиться о себе самостоятельно, то вскоре все войско разбежалось бы, став добычей неприятеля. Захваченное имущество должно было постоянно распределяться то между сотнями, то в самих сотнях между отдельными ее членами. Небольшие отряды должны были высылаться для захвата добычи, и то, что они привозили с собой, считалось и принималось в качестве общего достояния, чтобы был сосредоточен в одном месте и всегда находился налицо крупный запас. Для этой внешней и внутренней службы хунни нуждались в штате младших командиров.

В то время как в древнегерманском государстве мы не находим никаких иных делений, кроме делений на сотни, в эту эпоху король уже командует или правит более крупными частями или областями посредством высших назначаемых им чиновников, комитов (comites) или графов, а над ними стоят, отличаясь от них, собственно говоря, не по существу, но лишь по рангу и по объему власти, герцоги (duces).

Что же касается низших разрядов, то по крайней мере у одного народа мы находим следы, указывающие на какое-то подобие настоящей военной иерархии. В законодательстве вестготов, многие части которого сохранились до нашего времени, мы находим предводителей тысячных отрядов, тиуфадов (тысячников, millenarii)— в качестве начальников хунни (сотников, centenarii) и десятников (decani) — в качестве подчиненных хунни.

И если мы, помимо того, встречаем еще должность предводителей пяти сотен (quingentenarius), то эту должность не следует представлять себе в качестве инстанции между тысячником и сотником, но лишь как диференциацию, образовавшуюся вследствие того, что некоторые тысячи стали значительно меньше других.

Это построение от десятка к сотне и к тысяче, а, может быть, и к еще более крупному объединению, находившемуся под властью графа или герцога, не следует считать стройной и законченной системой, как, например, система отделений, рот, полков и корпусов. Нет, здесь была такая инстанция, которая имела и сохраняла совершенно иной характер, чем все остальные. Это древний исконный и основной организм — сотня.

Ведь и у нас рота является чем-то существенно иным, чем отделение или батальон, обладая значительно бо́льшим внутренним единством, чем, например, отделение или батальон. То же самое, но в значительно большей степени, справедливо по отношению к германской сотне. Десяток есть простое вспомогательное звено сотни, а тысяча есть соединение сотен для целей ведения войны. Но сотня имеет свое собственное, самостоятельное бытие. Можно те или иные сотни соединить в тысячи, можно людей из сотни так или иначе разделить на десятки. Но сотню нельзя так просто, по желанию, либо разрывать на части, либо снова составлять. А эту последнюю операцию вообще почти невозможно было производить, ибо сотня в то же самое время была естественным и органическим продуктом — родом. Деление производить легче, но все же это является каждый раз чрезвычайно значительным, далеко не простым актом, так как сотня является не только военной или родовой, но и хозяйственной единицей. Тысяча слишком велика, а десяток слишком мал для ведения общинного хозяйства, которое необходимо во время военного похода, причем эта функция, конечно, требует единого центра и единого организма. Только сотне могло принадлежать совместное владение скотом, повозками, запасами и оружием, которые находились при войске. Поэтому предводитель тысячного отряда только в военном и судебном отношениях являлся начальником хунно, причем декан, или десятник, был лишь агентом или орудием этого последнего. Ни тысяча, ни десяток не являются такими группами, которые могут заставить считаться с их волей. Несмотря на то, что над сотней стоит тысяча, а под нею находится десяток, сотня все же и в эпоху переселения народов остается тем же самым, чем она была до этого времени.

Уже Дан отметил[1], что при расселении готов как в Испании, так и в Италии, очевидно, роды или родовые общины еще играли довольно значительную роль. Они обнаруживают свое значение в праве и в тех событиях, когда наличие относительно самостоятельных групп в мирное время, при покорениях и сопротивлении указывает на существование мелких, но очень прочных организационных единиц. Даже и в позднейшем вестготском законодательстве мы ясно видим древнее значение хунно, которому эти законы угрожают смертной казнью в том случае, если он покинет войско, причем здесь тиуфад даже и не упоминается, а декан наказывается лишь пятью солидами штрафа.

[1] «Könige der Germanen», III, 3; IV, 61.

Далее устанавливается, что среди сотни распределяются получаемые штрафные суммы, а также и те, которые поступают от тиуфада и декана. Следовательно, сотня является подлинной корпорацией.

Тысячу мы находим у подлинно кочевнических племен, готов и вандалов. Может быть, одно и то же название не имеет одинакового значения у этих двух народов[1]. Во всяком случае оно лучше всего объясняется военными потребностями, возникающими при переселении, поэтому нет необходимости устанавливать этнографическое различие между восточными и западными германцами.

Несмотря на то, что теоретически сотня резко отличается от соседних высших и низших групп, все же следует признать, что на практике эти подразделения и эта номенклатура очень скоро перемешались между собой. Война приводит к тому, что первоначально равные по своей численности части очень скоро становятся неодинаковыми. В 1814 г. после полугода войны из 14 батальонов ландвера силезской армии были сформированы 4 батальона. Современный схематизм постоянно производит такого рода выравнивание. Возможно, что нечто подобное иногда происходило и в германских войсках. Те тысячи, которые пересчитывал Гейзерих, когда он переправлял свой народ в Африку, были такими единицами, какими мы пытались показать их выше.

И это заставляет нас признать, что, несмотря на все еще очень большое значение сотен во время переселений, тем не менее дни их были уже сочтены. Те самые отношения, которые еще раз приобретали новое жизненное значение, направлялись одновременно к своему собственному распаду. Шедшая сверху организационная воля ограничивала их, многочисленные отдельные единицы распадались под многообразными влияниями войны и переселений, в особенности же сходило на-нет значение главы целого — хунно.

Древние германцы, за исключением немногих княжеских семей, не имели дворянства. Хунни принадлежали к числу свободных членов общины. В эпоху переселения народов мы находим у германцев значительно более широкое дворянское сословие. Можно думать, что это новое сословие имело двойной корень: королевскую службу и семьи хунни. Несомненно, что большая часть дворянства происходила от служилого слоя, окружавшего королевскую власть. Двор, командование армией и управление вызвали появление должностей, которые приносили с собой и делали наследственными почет, знатность и богатство. Об этом нам придется еще много говорить.

Но королевская власть эпохи переселения народов была сама по себе еще слишком молода, чтобы создать из себя новое сословие, которое могло бы опираться на своих предков. Это дворянство должно было содержать в себе более древние и более самостоятельные элементы, а такими элементами могли быть лишь древние старейшины родов. Уже в древнее время княжеские семьи и семьи хунни, будучи теоретически различными, все же сливаются друг с другом. Если небольшая группа сотен, находившаяся под началь-

---

[1] У остготов слово «millenarius» встречается лишь один раз, и Моммсен («Ostgotische Studien», N. Archiv», 14, 499) пытался объяснить это слово совершенно иначе, сопоставляя его со словом «millena» (земельный участок), что, впрочем мало вероятно.

ством княжеского сына, отделялась от прежнего союза племен или если сотня очень разрасталась и делилась, причем возникали новые семьи хунни и наиболее древняя из них претендовала на первое место по знатности и по благосостоянию, то там и сям могли возникать и возникали подобные соотношения[1]. Переселение народов и еще до него удачные грабительские набеги на римскую территорию приводили к тому, что семьи хунни поднимались над массой населения, приближались к князьям, и, таким образом, из их среды вырастало дворянство, которого древность еще не знала.

Общинное хозяйство рода могло вестись лишь в том случае, если оно целиком находилось в руках главы рода—хунно. В древние времена обычно германцы, вернувшись после похода, делили добычу. При этом хунно находился под бдительным контролем всех своих соратников, а после дележа все продолжали жить попрежнему. Теперь же очень большая часть добычи вообще не подвергалась дележу, но оставалась в руках и в ведении начальника, который производил выдачи из этого фонда по своему усмотрению и по мере надобности. Во время длительных военных действий трудно было контролировать и протестовать. А так как никто уже не мог больше жить на собственные средства, то каждый тем сильнее подпадал под дискреционное усмотрение хунно. На родине германцы мало занимались земледелием и жили, главным образом, продуктами скотоводства. Теперь же часто в течение нескольких лет не возделывали ни одного поля, а вследствие продолжительных походов имели возможность брать с собой из прежних стад лишь очень мало скота, помимо упряжных животных. «Переселения,—пишет Рацель в своей «Политической географии» (стр. 63), — связаны с большими убытками. Буры, переселявшиеся в 1874 г. из Трансвааля на запад, взяли с собой 10 000 голов рогатого скота и 5 000 лошадей; когда же они прибыли в область Дамара в 1878 г., то у них осталось лишь 2 000 голов рогатого скота и 30—40 лошадей».

Когда остгот Теодорих поселил остатки алеманнов, бежавших от Хлодвига, то он приказал, чтобы они («так как они обессилели от долгого пути, им должна быть оказана помощь»), проходя через Норик, обменялись своим скотом с местными жителями[2].

Совершенно исключена возможность того, чтобы вандалы от Дуная через Пиренеи, вплоть до Африки, а вестготы от Черного моря через Балканский полуостров, через Италию и Альпы, вплоть до Галлии и Испании, могли гнать за собой большие стада молочного и мелкого скота. Страны, через которые проходили германцы, были, конечно, достаточно богаты, для того чтобы прокормить несколько тысяч германских семей; однако, это было возможно лишь при том условии, что предводители германцев в некоторой степени заботи-

---

[1] Может быть, даже существует этимологический след, который ведет от королевской власти к предводителю сотни. Аммиан (25, 5, 14) сообщает, что у бургундцев короли назывались «hendinos», а Вакернагель думал, что это слово можно сопоставлять с немецким словом «hundert» (сто). Но другие это объясняли иначе.

[2] Dahn, «Könige der Germanen», III, 161 по Кассиодору. Позднее Теодорих в предписании общего характера указывает солдатам, что они могут при посредстве королевского чиновника Сайо обменивать у землевладельцев свои повозки, попорченные во время похода, и уставших за время пути животных. Однако, солдаты не должны при этом притеснять граждан и должны быть довольны, если за более крупных и лучших животных они получат меньших, лишь бы эти последние были здоровы (Dahn, «Könige», III, 88. По Кассиодору «Var», V, 10).

лись о порядке и правильном распределении. Они должны были снабжать каждого в отдельности и в то же время обращать зоркое внимание на то, чтобы всегда оставались достаточные запасы, которых хватило бы на дни и недели, а, может быть, даже и на месяцы. Главной добычей германцев в областях с мирным, невоинственным римским населением было, помимо продовольствия и ценностей, само население этих стран. Его обращали в рабство и брали вместе с собой. Из густо населенных и беззащитных местностей можно было увести сотни тысяч людей, если бы только была возможность их прокормить. Но во что превратилась бы способность к передвижению и боеспособность германского войска, если бы оно, насчитывая 10 000 воинов, 30 000 женщин и детей [1], тащило бы еще всюду за собой хотя бы лишь 40 000 или 30 000 несвободных людей? Поэтому следует полагать, что хунно брал себе столько рабов, сколько ему было нужно для обслуживания общины, рядовой же свободный член общины должен был стремиться к тому, чтобы вложить свою добычу в украшения, драгоценные камни, золото и оружие; во всех остальных отношениях в течение всего странствия он должен был оставаться в рамках древнего простого и сурового образа жизни.

Таким образом, те условия, в которых протекало переселение, приводили к тому, что могущество, авторитет и имущество хунно необычайно возрастали, поднимаясь над общей массой. Хотя, действительно, его имущество в своей основе являлось собственностью общины, всего рода, однако, хунно в такой степени обладал исключительным правом распоряжаться этим имуществом, что это различие угасло и исчезло. Хунно, ставший богатым, становился все богаче и богаче и передавал свое богатство по наследству своей семье.

Несомненно, что хунни первоначально избирались, но с очень давних времен, и очень часто народ избирал их из среды все тех же самых семей; именно таким образом появились притязания на право наследования, а в конце концов развилось и подлинное право наследования. С тех же пор, как эти семьи хунни сделались в хозяйственном отношении господами положения, от которых почти целиком зависело пропитание всей общины, стало уже совершенно невозможным после смерти предводителя обойти его семью и избрать на его место человека, взятого из толпы. Отсюда само собою возникло то, что эта должность стала переходить от отца к сыну, так что данная семья постепенно вышла из среды рядовых свободных членов общины, приобретя исключительное выдающееся положение. Эта семья становится благородной, дворянской. Народ, обладавший до этого времени лишь княжеским дворянством, получает теперь также низший слой дворянства.

В эпоху переселения народов самая сильная королевская власть, как мы это уже видели, развилась по более или менее случайным причинам среди племени вандалов. «Оптиматы», т. е. дворянская группа вождей, дважды восставали против Гейзериха, но были им побеждены и покорены (в 442 г.).

---

[1] Дан (Dahn «Könige der Germanen», V, 82) полагает, что переселявшиеся народные армии хотя и вели за собой женщин, все же женщины не могли в соответствующем количестве следовать за войском во время военного похода. Но где же тогда готы оставляли своих жен и дочерей?

Баварцы (маркоманы), алеманны (швабы, гермундуры, ютунги) и франки (хамавы, хаттуарии, батавы, сугамбры, убии, тенхтеры, марсы, бруктеры, хатты) совершили лишь очень небольшое переселение в соседние области или даже вообще не совершали настоящего переселения, но лишь перешли через свои древние границы. И при этом в тех областях, которые они заняли на берегах Рейна и Дуная, вплоть до Альп, Вогезов и входа в Ламанш, они абсолютно нигде не изгнали всех романизованных кельтских или даже германских жителей, которые здесь в большом количестве остались жить среди завоевателей и подверглись германизации или регерманизации. Мы находим позднее, особенно в Баварии, но также и в других названных областях, большие поместья, которые часто можно обнаружить лишь в форме романских деревень и которые находились в зависимости от знатных германских семей [1]. Очевидно, это завоевание происходило таким образом, что романские сельские округа просили защиты у германских князей или хунни, отдаваясь под их власть (патронат) и соглашаясь платить им подати. Эта форма зависимости и использования рабочей силы несвободного населения была уже в древнейшие времена обычной среди германцев. И нет никаких оснований предполагать, что лишь исключительно немногие княжеские семьи завладели большим в эту эпоху количеством колонных семей, плативших оброк. Наряду с ними также и предводители сотен были в состоянии оказывать защиту и, таким образом, благодаря этому могли воспользоваться возможностью стать господами. Это правящее сословие могло здесь особенно сильно вырасти и развиться, так как во время оккупации южно-германских областей баварцы и алеманны еще не имели установленной и единообразной формы княжеской власти. Описывая сражение при Страсбурге, Аммиан говорит о том, что во главе алеманнов стояло семь королей (reges) и десять принцев королевской крови (regales). Короли—это, очевидно, такие же князья, как Арминий, которых Тацит называет «принцепсами» (principes). Но что именно следует понимать под словом «regales» (принцы королевской крови)—приходится считать еще не установленным. Герцогская власть в качестве постоянной формы высшей власти возвысилась над остальными знатными семьями как среди алеманнов, так и среди баварцев, во всяком случае несколько позднее, причем среди алеманнов она вскоре опять пришла в упадок, а среди баварцев была, может быть, установлена лишь франками в эпоху франкского завоевания. Как баварское, так и алеманнское право знает дворянство, имевшее право на повышенную виру. У баварцев, помимо герцогского рода, было впоследствии еще пять знатных дворянских семей.

На Британских островах отношение к германским завоевателям со стороны местных жителей было приблизительно такое же, как со стороны баварцев и алеманнов. Частично, в качестве покоренного населения, они остались жить среди германцев и были ими ассимили-

[1] «Отдельные романцы, из которых некоторые, однако, уже приняли немецкие имена, встречаются—в Регенсбурге еще в IX, около Эберсберга в XI, а в Зальцбургском районе еще в XII и в XIII вв.» (Riezler, «Geschichte Bayerns», I, 51). Особенно в Тироле осело много романцев.

В истории основания Тегернзее говорится, что эта местность была завоевана лишь тысячею баварских рыцарей. Это сказание само по себе не представляет никакой ценности, но в нем пережиточно сохранилось воспоминание о том, что эта страна была не просто оккупирована, но что здесь был покорен некий народ.

рованы. Древние княжеские семьи возвысились до степени и ранга мелких королей, а древние хунни (альтерманы) превратились в знатных аристократов—эрлей (earl).

Также и на левом берегу Рейна среди франков во время оккупации образовались большие поместья [1], но поднимавшаяся королевская власть Меровингов задерживала их развитие, так что в отличие от всех остальных германских племен здесь в эту эпоху не возникло аристократии. Король правил один через своих графов, а хунно, или тунгин, спускается до уровня деревенского старосты.

В древнегерманском государстве мы находим зачатки как королевской власти, так и аристократической группы вождей. И то и другое появляется в эпоху переселения народов в таком взаимоотношении: чем сильнее королевская власть, тем слабее аристократия, вплоть до полного исчезновения ее в государстве франков, и чем слабее королевская власть, тем могущественнее аристократия. Среди алеманнов и баварцев совсем не имеется института королевской власти, у англо-саксов мы находим мелких королей, а у остготов — выборных королей.

Но и в том и в другом случае,— при развитии как той, так и другой формы,— повсюду в одинаковой степени приходит в упадок исконная ячейка древнегерманского государственного строя — род, сотня. Новое аристократическое сословие,— в той форме, в которой оно образовалось, и даже еще в процессе своего образования,— уже освобождается и отделяется от той почвы, на которой оно выросло. Вполне естественно, что высокие должности, которые раздавал король, в значительной степени замещались именно членами семей знатных вождей, так что служилая знать и родовая аристократия сливались вместе. Если сотня избирала себе нового начальника или получала его от своего прежнего начальника, либо от короля, то эти новые взаимоотношения уже не воспроизводили в точности древних отношений. Новый хунно, не имея предков, не имея большого имущества, снова начинал свою карьеру с низов и снова являлся простым чиновником. А сама сотня, не поддерживая уже больше со своим вождем патриархальных отношений доверия, становится более свободной в своих внутренних связях.

Вождь, отделяющийся от своего рода, оставляет за собой голый скелет. Уходя, он идет не один, а забирает с собой некоторое количество особенно деятельных людей, которые, присоединившись к нему, образуют его свиту и поступают к нему на службу. Приобретенное во время войны богатство и политическое честолюбие являются причинами нарастания свиты вокруг особы вождя. Военные объединения, как, например, соединение в тысячи и деление на десятки, еще несколько ослабляют сотню, причем это ослабление бывает больше в том случае, когда сотня находится под властью не племенного, но назначенного начальника.

Наконец, совершенно разлагающе действует на самое существо древней сотни расселение и распространение племени в обширных захваченных областях, так как при этом все условия существования подвергаются изменению.

Сотня уже не живет сосредоточенно в одном месте. Община исчезает. В романских областях она разделяется, и члены ее рассеива-

[1] Waitz, «D. Verf.», II, 169, 2 Auflage, II, I, 282.

ются среди романцев. В германских областях население постепенно бросает воинственный образ жизни и все больше и больше начинает заниматься земледелием. Большие родовые деревни распадаются на меньшие, где каждый человек может иметь свою пашню поблизости от своего жилья. Новые аристократические семьи не могут уже больше вырасти из прежнего корня древних родовых вождей. Сотня сохраняется, оставаясь лишь в качестве подразделения округа, и постепенно отмирает.

В древнейшие времена род был общиной, которая совместно завладевала землей, совместно жила, хозяйничала и воевала. О действительной степени родства никто не спрашивал,— она могла быть бесконечно далекой. И так как прекращалась совместная общинная жизнь, в особенности же ввиду того, что совместное владение пашнями перешло в частную собственность, должны были быть поставлены определенные границы для еще остававшихся функций рода: судебной помощи, опеки и виры. У различных племен они устанавливались различным образом: у одних концом рода считалось пятое, у других—шестое или даже седьмое звено (колено).

Еще в более поздних источниках мы порой находим отголоски того обычая, который заставлял родовую общину во время сражения держаться вместе. В «Беовульфе» говорится о том, что весь род должен подвергнуться наказанию, если один из его мужей окажется трусом [1]. Но к концу эпохи переселения народов исчез даже последний след рода как воинской части, и даже исчезло само это слово (в том случае, если слово «войско»— Truppe —этимологически тождественно слову «деревня»—Dorf).

СОТНЯ В ЭПОХУ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Тот факт, что союз сотни в эпоху переселения народов еще сохранял особенную устойчивость, очень хорошо доказан Карлом Веллером в его работе «Заселение страны алеманнов» (Karl Weller, «Die Besiedelung des Allemannenlandes», Würtemberg, Viertelj.—Heft. f. Landesgesch., N. F., Bd., VII, 1898). Хотя автор и исходит из неправильной предпосылки, веря в существование первоначального тысячного округа, но говоря об его исчезновении и выдвигая на его место древнее деление—сотню, он тем резче подчеркивает ее силу и ее значение.

Из той же самой работы я заимствую,—опять-таки не будучи согласен с мнением автора,—очень хорошее доказательство тождества сотни и рода.

Веллер доказывает, что даже в источниках VIII столетия довольно много названий алеманнских местностей с окончанием на «инген» появляется в качестве главных пунктов крупных областей. Это—древние исконные области, которые вместе с тем являются и сотнями, как, например: Munigisinga, Munigises huntare—Мюнзинген; Muntarihes huntari — Мундеркинген; centena Eritgauvoia — Эритгавойская сотня—Эртинген; Пфуллихгау—Пфуллинген. Названия местностей с окончанием на «инген» указывают на места поселения родов, которые получили свое название по имени своего предводителя, своего вождя, какого-либо Мунигиса, Мунтариха, Эрита или Фулона [2].

---

[1] Brunner, «D. Rechtsgeschichte», 1. 85.

[2] Клуге (Kluge, «Sippensiedlung und Sippenamen», «Vierteljahrsschrift f. Soz. und Wirtsch. Gesch.», Bd. 6. H. 1, S. 73) еще не видит в суффиксе «ingen» указания на родовое поселение. По его мнению, этот суффикс просто означает лишь некоторую общую принадлежность, так что «сигмаринген» может, например, также означать и «у людей Сигимара».

Совершенно невозможно допустить (как это впрочем делает Веллер), что как округ, так и деревня, входившая в его состав наряду с другими деревнями, получали название по имени того же самого человека. Если бы несколько родов входило в состав одной сотни, то они были бы равноценны друг другу, но мы далеко не всегда имеем возможность установить тот факт, что весь округ и один из родов, входящих в его состав, носят то же самое название. Совпадение имен скорее указывает на первоначальное тождество. В каждом сотенном округе первоначально была лишь одна деревня, а потому округ и деревня носят то же самое название,—они совпадают. Другие селения являются позднее основанными дочерними селениями, выросшими из первоначальной деревни.

С этим очень хорошо согласуется наблюдение Веллера (стр. 31), что в областях, позднее заселенных алеманнами,—в Эльзасе и Швейцарии, сотенные округа играют гораздо меньшую роль, чем в областях, находящихся на правом берегу Рейна. Причиной этого является то обстоятельство, что в промежуточную переходную эпоху сотенный союз становится очень слабым и отступает на задний план.

Далее, природу алеманнских сотен очень хорошо рисует тот факт, что в Юхтланде в Швейцарии мы снова находим те же самые названия и почти в том же самом порядке, как и на Верхнем Дунае[1]. Это—Вальдгау, Бааргау, Уфгау (Уфафа), Шварценбург (Шверцагау), Шерли (Шеррагау), Эритгау (Эриц), Мунизигес Хунтари (Мунзинген). Это явление не может быть объяснено иначе, как тем, что древние сотни разделились, причем одни остались на своих местах, а другие отправились в странствование, перенеся на новые места своих поселений древние названия.

Бруннер в «Истории германского права» (Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte», Erste Auflage, I, 117) пытался объяснить тот факт, что большинство алеманнских названий сотен произошло из собственных имен, тем, что это деление встречается лишь со времени франкского завоевания. Название является именем начальника, «при котором на продолжительное время укрепилось название сотни». Но ведь сотня не могла же существовать до этого времени без определенного названия. Поэтому возможно, что сотни в течение долгого времени не имели собственных названий, но обозначались по имени соответствующего вождя, и что, наконец, одно из этих имен закрепилось за данной сотней. Также и Прокопий (Bell. Vand., 1, 2) полагает, что германские племена назывались по именам их предводителей. Но это совершенно не противоречит нашей точке зрения. Для Бруннера же это объяснение неприемлемо, так как он считает древнюю первоначальную сотню лишь простым личным союзом, объединявшимся по мере необходимости. Если бы это было правильно, то разделение страны на сотни должно было бы, без сомнения, быть установленной сверху строго систематической организацией, относящейся к какой-то более поздней эпохе, следовательно, как то мы можем предположить, этот порядок был введен франками. Поэтому сотня древнего времени и сотня алеманно-франкской эпохи не имеют никакого отношения одна к другой.

Это, конечно, прежде всего не только является весьма неправдоподобным, но также оставляет необъясненным тождество названий сотни и ее главного селения. И если мы даже допустим, что франки впервые создали сотни в Алеманнии и назвали их по именам тех хунни, которых они назначили, то каким же образом произошло, что главное селение во вновь организованных округах получило то же самое название, что и округ?

---

[1] Согласно E. Lüthi, «Der Aufmarsch der Allemannen». Pionier. Organ der Schweiz.—perman. Schulausstellung in Bern. 23 Jahrgang. N. 11, 28 Febr. 1902. Lüthi, «Zum 1500 Jubiläum der Allemannen in der Westschweiz», Bern. A. Francke, 1906, S. 21.

Совершенно другое дело, когда округ первоначально включал лишь одно (населенное алеманнами) селение или, другими словами, когда сотня вместе со своим вождем селилась лишь в одном месте. Такой факт одновременно объясняет как тождество названий сотни и селения, так и происхождение этих названий из имен вождей. Далее отсюда вытекает и то, что, так как устанавливается тождество деревни и рода, то, следовательно, были тождественны также сотня и род.

Во втором издании (стр. 161) Бруннер несколько изменил свою точку зрения. Он теперь допускает, что «алеманнские сотни, пожалуй, могут восходить к более древнему времени, чем завоевание франков». Они появились благодаря «укоренению» (Radicierung) первоначального личного союза. То обстоятельство, что сотенный округ и находившееся в нем селение носили одинаковое название, по его мнению, не позволяет еще сделать какого-либо вывода, так как в родовой общине нередко повторяются одни и те же названия. Следовательно, это явление есть простая случайность. Но ведь трудно поверить в такой постоянно повторяющийся случай.

Некоторые из швабских округов первоначально назывались «барами», как, например, «Перихтилинпара», «Адальхартеспара». Бауманн в своей работе «Окружные графства в вюртембергской Швабии и исследования по истории Швабии» (Baumann, «Gaugrafschaften im Würtemb. Schwaben und Forschungen zur schwabischen Geschichte», S. 430) пытается сопоставить это слово со словом «Barra»—решетка, т. е. место заседания суда. К этому присоединяется также и Бруннер («Deutsche Rechtsgeschichte», Bd. 2, 145). Герман Фишер в «Швабском словаре» (Herman Fischer, «Schwäbisches Wörterbuch») устанавливает связь этого слова с нынешним произношением «pâra» с «â» и сопоставляет его со словами «baren, Gebaerde» (делать вид, внешний вид), выводя отсюда значение «административный округ» или «судебный округ». По этому вопросу мой коллега М. Редигер написал мне следующее:

«Если корневое «â» в слове «pâra» было первоначально долгим, то это могло бы быть тем же словом, что средневерхненемецкое «bara, bare» или нововерхненемецкое «Bahre», а, следовательно, может быть связано со словом «beran» (нести, выносить). «Bara» обозначает нечто несущее, выносящее, приносящее, в наших словосочетаниях—«приносящая земля», «участок, приносящий доход». В этом слове первоначально не содержится понятий «административный или судебный округ».

Если обозначение «para» указывает на то, что в эпоху переселения основой швабского округа был не судебный округ, а некое хозяйственное единство, то это является новым аргументом в пользу моей теории. Мы имеем здесь перед собой сотню, еще не распавшуюся на более мелкие деревни и находящуюся под властью своего вождя, по имени которого она называется и под предводительством которого она вся целиком захватывает область; этим она отграничивалась от соседних сотен, находящихся под властью своих князей.

АРИСТОКРАТИЯ ВОЖДЕЙ

Вполне естественно, что мы не имеем свидетельств источников, которые прямо указывали бы на рост и возвышение аристократических семей, но отдельные факты и события не оставляют никакого сомнения относительно этого процесса.

В источниках мы нигде не находим технически точных терминов, которые отделяли бы сословие чиновников или сословие военных командиров от аристократии. Всюду употребляются общие описательные выражения, как, например: «первые», «мудрейшие», «благороднейшие», «знатнейшие» среди народа, т. е. такой способ выражения, который прекрасно передает переходность стадии, слияние должности и сословия.

Нижеследующие цитаты я отчасти сам собрал, отчасти заимствовал у Дана (Dahn, «Könige», II, S. 101; III, S. 28, S. 50; V. S. 10, S. 29). «Знатнейшие и вожди

вестготов» («primates et duces Visigothorum», Jord. с. 26). «Знатнейшие» («primates», с. 48, с. 54). «Благороднейшие» («optimates». Ammian, 31, 3; 31, 6). «Благородные» (εὖ γεγονότες) — Малх, стр. 257). «Твоя знатность рода, вызывающая к себе уважение», как пишет король Теодохад к одному из своих графов (Cass. Var., 10, 29). «Предводители родов, выделяющиеся своим достоинством и своим происхождением» (Эвнапий, р. 52). «Знатнейшие» (Прокопий, I, 2; I, 3). «Старшие» (II, 22). «Лучшие» (II, 28; III, 1). «Знатные» (I, 13); «если и были среди готов безукоризненные» (I, 13), «первые» (I, 7; I, 12). Витигес избирается королем, хотя и «не принадлежал к знатному дому» (Прокопий, I, 11).

Число равноправных вождей готов, избираемых в ту эпоху, когда налицо нет короля, как справедливо подчеркивает Дан (V, 21), довольно велико: это—Мутари, Гайна, Саул, Сарус, Фравитта Эриульф, Аларих.

Сарус, который постоянно обнаруживал свое несколько фрондерское недовольство балтами, согласно Олимпиодора, располагал лишь 200—300 людьми (Олимпиодор, стр. 449, цит. по Дану, V, 29).

Эти вожди не могут быть одними лишь древними вождями, принцепсами (principes), в том смысле, как это слово применял Тацит.

И в то же самое время они не могут принадлежать к аристократии, явившейся в результате одной лишь придворной службы.

Наконец, они не могут быть и вождями на время лишь формируемых военных единиц. Тот союз, во главе которого они стояли, обязательно должен был быть очень прочным, органическим союзом.

Таким образом, остается лишь допустить, что они (поскольку не были командирами в силу королевского назначения) были старейшинами родов. Там, где их войска были многочисленнее, чем был, как то мы можем предположить, самый многочисленный род, там, очевидно, многие роды подчинились одному вождю таким же образом, как и весь народ поставил над собою князей или герцогов. Так Сарус сам по себе был лишь хунно рода, состоявшего из 200 или 300 мужей, но в течение некоторого времени признавался вождем значительно более крупной оппозиции. Однако, основой такого более крупного положения всегда являлось положение вождя в каком-либо роде. 200—300 человек Саруса ни в коем случае нельзя истолковать как простую лишь свиту; для свиты это было бы слишком много. Свиту в 200 человек мог бы иметь такой король, как Хнодомар, но не простой вождь.

ТИУФАД

Перед нами стоит вопрос: является ли тиуфад командиром тысячи или десятка? Гримм изменил сохранившийся и дошедший до нашего времени термин «tiufadus» в «thiufadus» (thiu—сокращенное thusundi), так как трудно допустить, чтобы здесь шла речь о командире над десятью людьми. Ср. Дифенбах, «Словарь готского языка» (Diefenbach, «Wörterbuch der gothischen Sprache», II, 685). Последнее обстоятельство, как мы это уже видели, во всяком случае неправильно. Однако, этот вопрос еще не совсем ясен.

В военных законах вестготских королей Вамбы и Эрвига, которых нам еще придется коснуться несколько дальше (они приведены ниже, в ч. 4-й, в гл. 4-й), центенарий, или декан, уже исчезает, в то время как тиуфад еще существует, но в качестве человека, который принадлежит к «худшим людям» и подлежит наказанию плетьми. Если тиуфад, действительно, был предводителем тысячи воинов, то он очень низко упал, так как человек, командовавший тысячею людей, всегда является высокопоставленным лицом, и если на практике цифра 1 000 далеко не достигалась, то все же такая сильная деградация может показаться весьма удивительной. Но более древние вестготские законы (приведены ниже, в ч. 4-й,

гл. 1-й) не позволяют, как нам кажется, допустить иное объяснение; наконец этот факт, — особенно в связи с исчезновением центенария (десятника), — лишь подтвердил бы нашу точку зрения. Многочисленное деление эпохи переселений 10—100—1 000, во главе которого еще к тому же стоял граф или герцог, после поселения становилось все более и более излишним. Сотня в прежнем смысле этого слова исчезала. Тысяча (с самого начала фактически значительно меньшая этого числа) становилась все меньше и меньше благодаря тем многократным делениям, которым она подвергалась при поселениях, происходивших на отдельных этапах. В течение некоторого времени обозначения «сотня» и «тысяча» могли встречаться и итти наряду одно с другим, означая приблизительно то же самое. Насколько далеко может отходить такая номенклатура от своего первоначального смысла, видно из того, что слово «division» в наполеоновской армии также обозначало (согласно с теперешним словоупотреблением) и большую войсковую часть, состоявшую из нескольких полков, и небольшую тактическую единицу — роту. Этот двойной смысл привел даже к роковому недоразумению при большом наступлении корпуса Эрлон при Бель-Альянс. Вестготский тиуфад, постепенно соскальзывая вниз, стал приблизительно тем же самым, чем во франкском государстве стал тунгин, который превратился в деревенского старосту. Поэтому нельзя считать невозможным, что тиуфадиа (тысяча) (Вестготский закон, IX, 2, 5), которая Даном, вследствие несколько искусственного толкования, удаляется из текста (Dahn, «Könige», VI, 209, Anmerk. 8), появилась в этом тексте, так как она фактически уже была тождественна с сотней (centena), хотя закон в других местах еще удерживает традиционно сохраняющийся схематизм включения и начальствования.

Цеймер («N. Archiv.», Bd. 23, S. 436) обращает внимание на то, что глава 322 Cod. Euric. еще называет тысячника (millenarius) в одном частноправовом деле судьей хотя соответствующая Antiqua, IV, 2, 14 его и пропускает. Его положение в эту переходную эпоху уже изменилось.

Глава VI

Расселение германцев в Римской империи

Вступление целых замкнутых народностей на римскую службу явилось тем решающим моментом, который обусловил гибель древнего мира и окончательное образование новых своеобразных романо-германских государственных организмов. Но начало этого процесса очень трудно установить. Римляне стали с этого времени заключать с варварскими народами, жившими на границах империи, союзные договоры, согласно которым эти народы должны были защищать от неприятельских нападений как самих себя, так и Римскую империю. Следующим шагом — вслед за заключением договоров с народами, жившими на их наследственных землях,—явилось поселение такого народа в пограничной области, затем постепенное втягивание его в глубь страны, передача ему определенной области и, наконец, расселение этого племени среди римлян.

Обычно началом переселения народов именно в этом смысле считали включение вестготов в Римскую империю, когда этот народ, теснимый гуннами, появился на Дунае и вступил в качестве союзника

римлян в Римскую империю, но затем победил римское войско и самого римского императора в сражении при Адрианополе. Во всем этом нет ничего особенно нового,— ни в допущении варваров, ни в конфликте, ни в победе готов. Однако, именно здесь проходит водораздел. Все аналогичные предшествовавшие события еще не были способны оказать какое-либо непосредственное и длительное действие, так как крутые переломы и реакции аннулируют все их влияние. Здесь мы имеем дело лишь с предшественниками.

Но после адрианопольского поражения Римская империя уже никогда не смогла оправиться. Хотя Феодосию и удалось еще раз восстановить внешний авторитет империи и императорской власти, а также хотя империя и просуществовала еще в течение ряда поколений, однако, с этого момента германское движение потекло по своему руслу; встречая на своем пути некоторые задержки, оно все же не смогло быть остановлено. Это движение закончилось лишь с основанием самостоятельных германских государств на римской территории.

Конфликт с вестготами возник по поводу снабжения. Мы принуждены были оставить нерешенным вопрос относительно того, действительно ли были так виновны те римские чиновники, которые подверглись обвинению в недостаточности снабжения. Ведь даже для самых предусмотрительных и заботливых чиновников колоссально трудной задачей была организация правильного снабжения продуктами целого народа, со всеми его женами, детьми и рабами; к тому же едва ли готы были очень скромны в своих требованиях.

Источники не дают нам ясного представления о том, каким образом Феодосию, как наследнику императора Валента, погибшего при Адрианополе, удалось, наконец, разделаться с готами. Говорят, что он одержал победы над готами, но эти победы не могли быть весьма значительными. Готы остались в пределах Римской империи и снова вступили на императорскую службу. Им были предоставлены определенные области, жители которых были раньше изгнаны оттуда предшествовавшими разбойничьими набегами варваров или удалены оттуда по предписанию соответствующих властей. Очевидно, готы жили здесь, окруженные римскими поселениями, по обычаю своих предков в наскоро построенных деревнях, если только не оставались в своих телегах или не пользовались постройками римских поселян. Мало занимаясь земледелием, они жили, главным образом, тем, что им давали их стада, причем значительной поддержкой для них были римские поставки зерна. Ведь их число не было чрезмерно большим. Их было трудно прокормить в одном месте в течение продолжительного времени, но, разбив их на ряд маленьких групп, их уже можно было приютить и устроить, дать им кров и даже организовать им продовольственное снабжение.

Однако, несмотря на это, в скором времени чужеродное тело, вошедшее в состав Римской империи, смогло вновь себя проявить. Возникли новые конфликты. И действительно, было бы совершенно немыслимо, если бы эти германские воины, которые считали более почетным для себя жить войной, проливая свою кровь, чем жить от трудов рук своих, могли оставить нетронутой роскошь окружавшего их мира, которой они легко могли завладеть, стоило им только протянуть к ней свои руки.

При Аларихе вестготы вторглись в Италию и разграбили Рим, а при Атаульфе двинулись из Италии в Галлию. Они пришли в Галлию после того, как эта беззащитная страна уже подверглась нашествиям вандалов, аланов и свевов, прошедших через Галлию и осевших в Испании.

На примере Бургундии мы лучше всего узнаем, каким образом в течение V в. в прежних римских провинциях устанавливалось германское господство и образовывались германские государства, так как в Бургундии наряду с указаниями хроник сохранились определения одного свода законов, так называемой «lex Gundobada» (закон Гундобада).

После того как бургунды, происходившие из восточной Германии, впервые осели на левом берегу Рейна в районе Вормса, где они при короле Гунтере потерпели свое знаменитое, прославленное легендами поражение от гуннов, Аэций предоставил им несколькими годами позднее (в 443 г.) места для поселений в Сапаудии, т. е. в Савойе. «Остаткам бургундов была предоставлена Сапаудия, которую они должны были разделить с местными жителями», пишет хроникер Проспер Тирон.

Через 14 лет после этого (в 456 или 457 г.) другой хроникер, осведомленный в делах этой местности,—Марий из Авенаха,—сообщает, что «в этом году бургунды заняли часть Галлии и разделили земли с галльскими сенаторами». И, наконец, третий, позднейший хроникер, Фредегар, рассказывает о том, что бургунды пришли по приглашению самих римлян, которые хотели таким образом освободиться от своего налогового бремени.

Таким образом, отсюда видно, что оба раза,—как при своем первом поселении в Савойе, так и при расширении своей области в районе Лиона и по ту сторону Роны, — бургунды явились сюда не в качестве завоевателей, но были поселены здесь по соглашению с римлянами. То же самое сообщается нам в эту же эпоху об аланах [1], и точно таким же образом были поселены в 419 г. вестготы на Гаронне.

До нашего времени не сохранилось прямого определения, устанавливающего способ этого поселения, но, очевидно, оно близко примыкало к известным нам формам римского поселения, также называлось «hospitalitas» (гостеприимство), а король Гундобад (473—516 гг.) в своем своде законов (разд. 54) пишет:

«В настоящее время, когда наш народ получил одну треть из числа несвободных и две трети из всего количества пашен, нами предписано, чтобы никто из тех, кто получил несвободных и пашни от нас или наших предшественников, не смел бы требовать ни трети несвободных, ни двух третей пашен в том месте, где ему было отведено место для поселения». Многие не обращали внимания на это предписание; поэтому было отдано распоряжение, чтобы хозяевам местности в местах поселения были возвращены земли, неправомерно у них отнятые, дабы презираемые до того времени римляне могли жить в полной безопасности.

---

[1] «Пустынные земли города Валентины были переданы аланам для того, чтобы они их разделили между собой». Prosper Tiro. a. 440.

«Аланы, которым были переданы земли самой дальней части Галлии вместе с жителями для того, чтобы они их разделили с патрицием Аэцием; сопротивлявшихся оружием усмирили и силой захватили земельные владения после того, как были изгнаны хозяева». Prosper Tiro, a. 442.

Совершенно аналогичное определение находим мы в своде законов вестготов, которое гласит, что раз произведенный между готом и римлянином раздел не должен после этого больше подвергаться каким-либо дополнительным изменениям. Ни римлянин не должен претендовать на обе трети гота, ни гот на треть, принадлежащую римлянину.

Наконец, мы узнаем, что Одоакр сместил последнего римского императора, так как германцы требовали себе третью часть всей земли, а римляне на это не соглашались. Бургунды и вестготы захватили две трети, а потому люди Одоакра кажутся нам довольно скромными, так как они потребовали себе всего лишь одну треть.

Все это составляет основное содержание дошедших до нас исторических сообщений, исходя из которых мы должны нарисовать картину того, каким образом прошел процесс расселения и укрепления германцев среди римлян, определивший собою все последующее развитие истории.

Аграрный строй Римской империи характеризуется в основном тремя типами владения: во-первых, мелкокрестьянским, при котором земля обрабатывалась, главным образом, личным трудом крестьян, их семьи и, может быть, одного раба или одной рабыни; во-вторых, средневладельческим, при котором хозяева уже сами лично не работают, а пользуются в своем хозяйстве рабским трудом, но которые, однако, живя в деревне, заняты ежедневным распределением порядка работ и наблюдением за их выполнением, а живя в городе, передают ведение хозяйства управляющему; наконец, крупновладельческим, при котором помещики управляют своим имением, может быть, так же, как и хозяева второго типа, или тоже передают это дело в руки управляющего, но которые все же, главным образом, делят свое владение между колонами, т. е. полусвободными людьми, прикрепленными к земле, крепостными, которые работают в качестве мелких крестьян, отдают часть своих доходов своему хозяину и также отбывают ему барщину. Из этих трех типов владения в данную эпоху первый тип встречался лишь весьма спорадически. Большинство прежних свободных крестьян перешло в сословие колонов, хотя и потеряв вследствие этого свою полную свободу, но зато приобретя в лице экономически мощного хозяина сильную хозяйственную опору и патрона, защищавшего их права.

Второй тип более крупного владения, основанного на рабском труде, хотя порой еще и встречался в некоторых местах, но все же, за исключением горожан-землевладельцев, живших в городах, был очень редок. Значительно подавляющее большинство всех земель и недр принадлежало крупным владельцам, а работа на них производилась трудом колонов [1].

Совершенно ясно, что единственной формой владения, которая давала возможность произвести раздел с бургундами, была именно эта третья форма. Колон не мог разделить своего участка, ибо в таком случае он вообще не смог бы сохранить за собою такое владение, на котором можно было бы вести хозяйство. Равным образом бургунд не был бы склонен удовольствоваться таким маленьким участком земли, который даже не достигал бы размеров полного участка ко-

---

[1] Мы можем здесь не касаться тех арендных и иных отношений, которые еще продолжали существовать в эту эпоху. Ср. Brunner, «Rechtsgeschichte», I, 199.

лона,— по крайней мере в том случае, если он рассчитывал стать крестьянином на этом клочке земли. Но ведь он был призван в эту страну не для того чтобы стать крестьянином, а чтобы быть воином и защищать страну. Даже 70 лет спустя бургундский король Сигизмунд в одном своем письме к императору Анастасию назвал свой народ императорскими солдатами (milites). Германцы до этого времени очень мало занимались земледелием, а, кроме того, мужчины вообще очень мало расходовали труда на это дело. Они жили, главным образом, тем, что им давали их стада и охота. Поэтому они в любую минуту были готовы всей своей массой выступить в поход. Если бы они были крестьянами, они этого уже не могли бы сделать. Ведь крестьянин в некоторые времена года совсем не может покинуть своего хозяйства, а в других случаях может оставлять его вообще лишь на короткое время, в особенности летом. Но бургунды были слишком малочисленны для того, чтобы достигнуть каких-нибудь результатов, выступив в поход лишь с теми, кто был лишним в хозяйстве. При выступлении в поход их войско должно было включать по возможности всех мужчин.

Но все же их было слишком мало для того, чтобы они могли таким образом наполнить всю ту большую страну, которую они, правда, заняли не тотчас же после 443 г., но в течение ближайших поколений, чтобы на каждом или на значительном большинстве крестьянских дворов сидел теперь рядом с римским также и бургундский крестьянин. Ян в своей «Истории бургундов» (т. I, стр. 389), исходя из баснословных цифр, которые признавались раньше достоверными, исчисляет количество бургундов, вступивших в эту страну в 443 г., в 93 000 мужчин (281 700 человек). Снизив эту цифру благодаря нашему исчислению до 3 000—5 000 человек, мы имеем возможность установить теперь совершенно иные предпосылки для этого расселения.

Наконец, следует принять в соображение и то, что бургунды заняли свою страну не сразу, а в несколько этапов. Совершенно то же самое произошло и с вестготами, которые были первоначально поселены на Гаронне, а затем постепенно заняли всю страну, вплоть до Луары и до Роны, а на юге даже по ту сторону Роны вплоть до Альп и, наконец, большую часть Испании. Невозможно допустить, чтобы люди, которые согласились при разделе принять крестьянский двор и устроили на нем свое хозяйство, через несколько лет всей своей массой снова двинулись дальше, чтобы в каком-нибудь ином месте получить такой же небольшой участок земли, являющийся частицей какого-либо имения. И наоборот, остготы во время своей войны с Юстинианом однажды объявили, что они готовы уступить всю Италию и удовольствоваться страной, лежащей к северу от По [1]. Это является достаточным доказательством того, что хотя они уже и прожили в этой стране в течение 50 лет, все же не осели и не укрепились в ней в качестве крестьян.

Поэтому, не коснулся ли раздел средних поместий, в которых работы производились при помощи некоторого количества рабов? Но и это едва ли вероятно. Средние владельцы были в большинстве случаев горожанами. По еще сохранившемуся административному и финансово-податному порядку на них лежала ответственность, от кото-

---

[1] Прокопий, III, 3.

рой они тотчас же освободились бы, если бы у них отняли их поместья [1]. Однако, не только с точки зрения римлян, но и с точки зрения германцев было бы совершенно невозможно провести в жизнь мысль о разделе такого рода средних поместий.

Бургунд, принявший такое владение, оказался бы в очень большом затруднении. Ведь он не обладал ни достаточными познаниями, ни достаточными способностями для того, чтобы самостоятельно управлять таким имением. И, конечно, совершенно чуждым для него делом было руководить ежедневным выполнением работ, еще более чуждым — организовывать коммерческую реализацию продуктов, и, наконец, он был менее всего способен к ведению книг. Он был бы принужден взять себе управляющего, но даже контроль над таким управляющим превосходил бы его способности и не соответствовал бы его наклонностям. Даже при проведении необходимой реорганизации своих двух третей имения этот новый хозяин, без всякого сомнения, потерпел бы неудачу. Единственной возможной формой использования более или менее крупного имения варваром было его разделение на колонатные участки, т. е. такая хозяйственная форма, которая с древнейших времен являлась обычной формой хозяйства на родине германцев, как нам об этом сообщает Тацит. Но колонатный тип хозяйства совершенно не подходит к небольшому поместью средней руки. И свободный рядовой член общества в древнейшей Германии, конечно, редко имел даже одного колона, потому что иначе это означало бы, что он разрешает своему колону обзаводиться семьей, которую надо было прокормить в тяжелые годы, а такие тяжелые годы, годы голодовок, были нередким явлением. С другой же стороны, крупное хозяйство располагает таким большим количеством запасов, которое позволяет производить совершенно иные расчеты. Да к тому же три или четыре колона не в состоянии прокормить семью своего хозяина. Число колонов должно было быть гораздо более значительным. Следовательно, среднее хозяйство организовывалось таким образом, что в нем несвободными пользовались не в качестве колонов, а в качестве прислуги. Колонатное хозяйство является в первую очередь и прежде всего крупным хозяйством.

Поэтому для раздела между римлянами и германцами оказались пригодными лишь крупные хозяйства, основанные на труде колонов.

Выше мы уже привели тот параграф из бургундского свода законов, согласно которому римляне принуждены были уступить бургундам две трети своей земли и одну треть несвободного населения. Дальше говорится, что двор, сады (виноградники), расчищенные под пашню участки леса и леса делятся пополам между обеими сторонами. Этот втройне различный способ деления — $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ — должен иметь свои причины и нуждается в объяснении [2], которое заключается приблизительно в следующем.

Те две трети пахотной земли, которые римский владелец уступал бургунду, являлись, главным образом, землями колонов. Та треть, ко-

---

[1] На это обратил внимание Hartmann («Geschichte Italiens in Mittelalter», I, 109). Конечно, ответственность членов курий не могла быть перенесена на германцев. Однако, нельзя доказать, когда и где снимались налоги вследствие раздела.

[2] Кауфманн на основании веских и метких соображений опроверг ту точку зрения, что первоначальный раздел пашен $^1/_2 : ^1/_2$ был впоследствии заменен новым, основанным на пропорции $^2/_3 : ^1/_3$ (Kaufmann, «Forschungen zur Deutschen Geschichte», Bd. 10).

торую он удерживал за собой, была отчасти землей колонов, но главным образом—той пашней, которую он сам возделывал, и к тому же он сохранял за собой половину леса, сада и виноградника. Для того чтобы иметь возможность обслужить рабочими руками эту часть своего хозяйства, владелец должен был сохранить за собой две трети несвободного населения своего поместья, так как несвободными являются не только сельскохозяйственные рабочие, но также и дворовая челядь, прислуга и различные ремесленники, число которых не могло или не должно было быть уменьшено, так как большая часть пахотной земли была отчуждена от имения.

Что же делал теперь бургунд с двумя третями пахотной земли и лишь с одной третью рабов? Можно было бы, пожалуй, принять, что он привел с собой такое большое количество рабов, что он из их числа мог бы покрыть недостаток в рабочих руках, если бы обнаружился такой недостаток в необходимых для хозяйства сельскохозяйственных рабочих. Но возможна также и совершенно иная цепь фактов.

Мы уже видели, что, судя по предпосылкам и целям разделения земли, для этого оказались пригодными лишь крупные поместья.

Совершенно невозможно, чтобы в разделении земель участвовали все бургунды, и притом так, чтобы на каждого крупного римского землевладельца приходилось бы по одному бургунду. Как ни мало было бургундов, все же они были для этого слишком многочисленны, в особенности же при своем первом поселении в Сапаудии.

Следовательно, германцы, с которыми римляне должны были произвести дележ, были либо знатные люди, либо предводители. То место у хроникера, которое говорит, что бургунды должны были разделить земли с «сенаторами», т. е., по тогдашнему словоупотреблению, с аристократами, должно быть понято в буквальном смысле.

Таким образом, здесь мы находим объяснение тому необычайному различию, которое заключалось в том, что римлянин должен был уступить две трети пахотной земли, но лишь одну треть несвободного населения. Сюда включалось некоторое количество колонных дворов, которые передавались незанятыми. И эти крестьянские дворы занимались рядовыми свободными членами бургундских общин.

Описанный в наших источниках способ расселения и разделения совершенно не подходит к простым германцам. Небольшое поместье не могло его удовлетворить, но занять более крупное он уже не был в состоянии, так как был в хозяйственном отношении совершенно необразованным и неразвитым человеком. Переход от полукоммунистического родового строя, в условиях которого он до этого времени жил, к индивидуальному хозяйству мог произойти лишь очень постепенно и к тому же тем более медленно, что налицо не было никакого импульса к такого рода переходу. Ведь в то время господствующей над всем мыслью могла быть лишь мысль о том, что тот военный быт, в условиях которого жили, не только не нужно было уничтожать, но, наоборот, он должен был быть возможно дольше сохранен.

Дело заключалось в том, чтобы приспособить германский быт к условиям римской культурной жизни. Было совершенно невозможно, чтобы дикие воины продолжали свой прежний образ жизни среди римлян. Но то, что мы вычитали из наших источников, дает нам наглядную и ясную картину этих новых условий. Крупные рим-

ские помещики, которые до этого времени содержали варварских наемников, платя огромные натуральные повинности и подати, и которые все же при возникновении спора должны были быть готовы к тому, чтобы их поместье было самым безжалостным образом разграблено этими же самыми наемниками, освободились от части этих тягот посредством уступки земли.

Германцы разделились на сравнительно сильные отряды соответственно числу крупных земельных поместий. Каждый их предводитель завладел половиной дома, двора, сада, виноградника, леса и двумя третями пахотной земли с находящимися на ней дворами колонов. В пустые дворы или в те, которые для этой цели были освобождены, он посадил своих товарищей по роду или своих подданных с их семьями, и эти люди должны были хозяйничать на этих дворах так, как они это умели или насколько их к этому побуждало их прилежание. Но своим основным призванием они все же попрежнему считали военное дело и в большинстве случаев надеялись на то, что именно оно их прокормит. Если в течение какого-либо года не было ни одного похода, то приходилось обходиться доходами с хозяйства или же запасами. Если же была война, то хотя полководец и не платил жалования наличными деньгами, но зато снабжал своих воинов и обещал им добычу.

Воинственность заключается не только в личной храбрости и боеспособности, но и в готовности по первому приказу двинуться в поход. Но, чтобы выступить в поход,—конечно, в том случае, если надо выйти за пределы непосредственно примыкающего соседнего района,—требуется такое снаряжение, которое отдельный человек не в силах выставить. Ведь каждый человек нуждается в гораздо большем количестве продовольствия, чем то, которое он может нести на себе; он нуждается в запасном вооружении, в уходе за собой в случае болезни или ранения. Отдельный человек не в состоянии выставить необходимые для этой цели повозки и упряжной скот. Этого не может сделать даже такой человек, которого следовало бы причислить к средним владельцам. Для этого необходимо длительно существующая и обеспеченная средствами организация, как та, которой располагала существовавшая до этого времени родовая община.

Если херуски и их союзники однажды в течение ряда недель или месяцев осаждали крепость Ализо, то находившиеся там отряды отдельных округов должны были быть обеспечены подвозом продовольствия и полным снабжением со стороны своих товарищей по роду, так как военный поход на расстояние 5—6 переходов, длившийся в течение такого же числа недель, требовал очень больших приготовлений и очень крупного снабжения. Эта организация продолжала функционировать и во время тех походов, которые совершались в эпоху переселения народов.

Наши источники дают нам некоторые указания на то, каким образом германцы справлялись с этой потребностью после своего поселения.

Мы можем заметить, что крупное земельное поместье, переданное знатному человеку, не передавалось ему просто на условиях полной собственности. Эта «доля» хотя и передается по наследству, однако, не может быть отчуждена или разделена по усмотрению владельца и остается во владении мужской линии рода, пока таковая имеется налицо, не переходя в руки дочерей. В некоторых выраже-

ниях, встречающихся в бургундском своде законов, как бы проглядывает мысль об общей семейной собственности[1]. Отдельный человек не имел права продавать своей доли по собственному усмотрению, а отсюда вытекает, что он помимо этого имел еще другое поместье. Тот человек, которому король пожаловал поместье, обязан ему за это служить верой и правдой (разд. I, § 4).

Отсюда я считал бы возможным сделать тот вывод, что вновь созданные крупные германские помещики имели некоторые обязанности по отношению к своим соотечественникам, поселенным на крестьянских дворах, а именно — были обязаны их защищать. Ни в бургундском своде законов, ни в каком-либо другом месте мы не находим ни одного предписания, прямо указывающего на этот факт, но может быть, такое предписание было, с одной стороны, излишним, а с другой — его было трудно юридически формулировать. Там, где еще было живо представление о древнем роде, хотя бы и в сильно ослабленной форме, там жил еще и традиционный патриархально-коммунистический дух. Каждая германская группа, поселенная в римском поместьи, еще сохраняла некоторый остаток древнего родового строя. И когда эта группа призывалась на войну, то, по германским представлениям, не требовалось никакого особого предписания для того, чтобы предводитель, в непосредственное распоряжение которого были переданы большая часть имения и его несвободного населения, мобилизовал эти ресурсы. Юридической формы для этого положения не существовало.

Мы не можем сказать, каковы были пределы и какова была продолжительность фактического действия этого момента. Конечно, полностью отрицать этого момента нельзя. Но теперь наряду с этим стояло административное управление, которое германцы вскоре окончательно вырвали из рук римлян. Германский король поставил над каждой областью графа с его чиновниками, которые снабжали войско, пользуясь для этой цели теми поставками натурой, которые было обязано делать римское население. Мы видим, как среди вестготов и остготов еще сохраняется во всем своем объеме римская налоговая система, но в то же время гражданам разрешается при выполнении своих повинностей платежи наличными деньгами заменять поставками натурой. В вестготском законе мы находим предписания относительно поставок зерна и относительно складов, а также предписания, угрожающие наказанием нечестным управителям[2]. Также и в законах остготов мы находим частые упоминания складов[3].

Таким образом, с нашей точкой зрения очень хорошо согласуется факт постепенного расширения области расселения как бургундов, так и вестготов. Рядовой человек не считал себя прочно прикрепленным к своему двору, но чувствовал себя здесь так же свободно, как он себя чувствовал до этого на берегах Рейна или в далеких областях Восточной Германии. Он не имел ничего против того, чтобы переселиться в другую область, если этого требовали король и предводители. При этом, конечно, выигрывал король, который усиливал свое могущество и умножал свои доходы; одновременно выигрывали и те, которые в качестве младших сыновей, вышедших из среды уже

[1] Gaupp, S. 352, Anm.
[2] Lex Visig. IX, 2, 6.
[3] Dahn, «Könige» III, 162, Anm. 4.

поселенных знатных семей или же благодаря милости короля, возвышались до положения крупных землевладельцев. В конце концов бургундское государство, разделенное приблизительно на 30 графств или округов, заняло пространство в 2 000—2 500 квадратных миль. Таким образом, на каждое такое графство приходилось в среднем не более 200 воинов[1].

Однако большая часть этих воинов уже не находилась в положении рядовых свободных членов родовой общины, но была на службе одного из новых знатных господ или одного из королевских графов. Те огромные владения, которые получили германцы при своем поселении, стали в значительно подавляющей части достоянием очень малочисленного класса. Можно было бы спросить, почему рядовые свободные члены общины допустили такой дележ? Но ведь нельзя же было всю массу воинов сразу превратить в крупных помещиков, да к тому же очень многие из них получили косвенным образом некоторую долю этих имений, поступив на службу к новым помещикам и сохранив при этом свое звание и свой облик воина, потому что эти помещики хотели иметь на своей службе именно воинов. При этом стало исчезать понятие древнего рода и распадаться его внутренняя спайка.

Раньше царило представление о том, что в отнятии у римлян двух третей всей их земли для поселения на ней германцев скрывается такой переворот в отношении к собственности, какого в другие эпохи история не знает. Но от такой точки зрения мы отказались.

На место колоссального переворота во всех отношениях к собственности нами был поставлен новый способ управления войском, приспособленный к условиям натурального хозяйства. Нет никакой необходимости признавать, что даже там, где действительно производилось отчуждение земли, отдельные произвольно выхваченные люди были вынуждены жертвовать своим имением. Основное положение «две трети пахотной земли, половина двора, треть крепостных» распространялось не на всю совокупность римских владений, которые были весьма различны и могли находиться во многих округах, но в каждом данном случае лишь на то имение или на ту деревню, которая предназначалась для поселения германцев[2].

Весьма возможно, что при разделении земель, как мы его себе теперь представляем, принималось в соображение положение владельцев, так что для дележа выбирались поместья лишь очень крупных

---

[1] Под законом бургундов (Lex. Burg.) стоят подписи 31 или 32 графов (comites). Binding, «Fontes rerum Bernensium», p. 95, Anm. 16). Однако, нет необходимости предполагать, что все эти графы (comites) были действительными правителями графств. Биндинг считает, что существовало по крайней мере 32 графства (Binding, «Gesch. d. burgund. germ. Königr.», I, 324).

[2] Если закон вестготов (Lex Vis., X, I, 16) допускает, чтобы гот, завладевший третьей частью (tertia) земли, принадлежащей римлянину, отдал ее обратно в том случае, если не прошла 50-летняя давность, то это, конечно, может относиться только к тем земельным владениям, хозяин которых проживает в другом месте. Ведь действительно, если гот отобрал у римлянина, с которым он должен был произвести раздел, все его владение, то вполне естественно, что этот римлянин либо начал бы с ним борьбу тотчас же, либо не начал бы уже никогда. Напротив, римский оптимат мог бы в течение долгих лет не обращать внимания на то, что одно из его имений было у него, вопреки закону, отнято целиком, и наконец, заявить на него свои права, когда при новом правителе упрочились законность и правовые гарантии.

собственников и тяготы раскладывались до некоторой степени равномерно. Таким образом, богатые помещики с легкостью несли эти убытки.

Средний собственник, у которого конфискуются две трети его земли, не только становится значительно беднее, но и совершенно разоряется. Все его социальное положение резко меняется. Но крупный помещик, у которого из двух его поместий берутся лишь две трети одного, остается в социальном отношении тем же, чем он был раньше.

Когда Октавиан после окончания гражданской войны поселил своих ветеранов в Италии, то он не нашел ничего лучшего, как принудительно изгнать массами из целых областей гражданское население и таким образом конфискованные земли разделить между своими солдатами. Разделение земли между варварами, бургундами и готами происходило далеко не так болезненно.

У римских писателей сохранились указания на то, что римляне чувствовали себя под властью варваров лучше, чем раньше, так как бремя налогов во время римского владычества стало невыносимым. Если эта картина общественных настроений основывается на правде, то это можно, пожалуй, объяснить тем, что не только прямое отчуждение земель было очень значительным, но и налоги почти целиком состояли теперь из натуральных поставок, которые могли выполняться в непосредственной близости от имения. Натуральная поставка на большое расстояние настолько тяжела, что она под конец становится невыносимой. С другой же стороны, ввиду недостаточного количества благородных металлов, трудно было заменить эту поставку наличными деньгами. Если же сверх того удавалось при помощи мирного соглашения с поселенными варварами обеспечить себя и своих поселян от грабительских нашествий этих варваров, то, действительно, положение вещей значительно улучшалось.

Яркую картину того, что чувствовали римские аристократы по отношению к своим германским «гостям и друзьям» (hospites), которые теперь жили рядом с ними, поселенные на продолжительное время в их имениях, рисует нам стихотворение, посланное в эпоху короля Гундобада епископом и поэтом Сидонием Аполлинарием одному из своих друзей в виде извинения за то, что он не сочинил ему настоящей свадебной песни. В переводе это стихотворение гласит: «Как я могу, хотя и одаренный поэтическим даром, сочинить песню для празднества любви, сидя в кругу длинноволосых, слушая вместе с ними германскую речь и принужденный с серьезным лицом хвалить песни, которые поет прожорливый бургунд, умащающий свои кудри прогорклым маслом? Убегая от варварской лиры, Талия уже ничего не хочет знать о шестистопном размере (гексаметре) с тех пор, как она видит вокруг себя семифутовых господ. Твои глаза, твои уши, твой нос можно назвать счастливыми за то, что не чувствуют с самого утра того запаха чеснока и лука, который изрыгает целый десяток сосудов (котлов или кувшинов?). На тебя не нападает еще до рассвета, как на старого дядю или как на мужа няньки, целая толпа гигантов, которых едва ли могла бы прокормить даже кухня Алкиноя. Но уже умолкает муза и обуздывает свои шутливые стихи, чтобы их не назвали сатирой».

Несмотря на насмешки благовоспитанного римлянина, нас все же радует облик тех семифутовых богатырей, которые во время пир-

шеств поют свои песни. И мы охотно отказались бы от всего версификаторского искусства Сидония Аполлинария, если бы этот поэт снизошел до того, чтобы записать хотя бы одну из тех германских песен, над которыми он насмехается, или хотя бы один из рассказов своих гостей о смерти короля Гунтера или об их участии в большом сражении на каталаунских полях против Аттилы.

До сих пор мы, главным образом, касались лишь способа разделения земли и поселения среди бургундов и вестготов. Но это еще не говорит о том, что и у других германских народов дело происходило точно таким же образом.

Относительно вандалов до сих пор считают, что они в данном отношении поступили совершенно иначе. Они с самого начала установили иные государственно-правовые отношения с римлянами. В то время как бургундские короли приняли свою страну из рук Аэция и до последнего времени смотрели на себя, как на солдат императора и даже после падения Западноримской империи, как на солдат константинопольского императора (или по крайней мере так называли себя), и в то время как вестготы в течение продолжительного периода смотрели на свое государство, как на часть Римской империи, Гейзерих захватил Африку силой и вскоре принудил римлян уступить ее ему в полную суверенную власть. Затем он не расселил своего народа по всей стране, но держал его весь в одном месте, а именно — в области, лежавшей вблизи его столицы Карфагена — в Цейгитане, изгнав оттуда, согласно описанию наших источников — Прокопия и Виктора Витензийского, всех римлян. Но если хорошенько вдуматься, то не исключена возможность того, что поведение вандалов было очень похоже на поведение других германских народов. Их страна была гораздо больше, чем даже страна вестготов, но их число было скорее меньше, так как едва ли они насчитывали более 8 000—12 000 воинов. Поэтому вполне естественно, что они не распространились по всему североафриканскому побережью. Плодородный Тунис был достаточно богат для того, чтобы их прокормить, а для военных целей им было удобно поселиться там всем в одном месте. Чиновникам, которых король посылал для управления отдельными далекими областями, давались лишь очень небольшие карательные отряды. Вопрос теперь заключается в том, действительно ли Цейгитана была целиком разделена между завоевателями или был ли также и здесь произведен дележ, при котором за римлянами здесь были сохранены некоторые владения? Высказывания обоих наших источников по этому вопросу не могут для нас иметь решающего значения, так как оба они очень враждебно настроены по отношению к вандалам и стремятся к тому, чтобы обрисовать в самых черных красках их свирепость и их жестокость. Но все же не исключена возможность и того, что они были правы.

При том дележе земли, который был предпринят в Италии Одоакром и который затем был продолжен остготами, римляне должны были отдать лишь одну треть, что кажется особенно поразительным, так как вестготы и бургунды захватили две трети земли. Но это различие потеряет свое значение, если мы примем во внимание то истолкование, которое было дано этому предписанию. Ведь количество захваченных земель зависело не от величины подлежащей отчуждению доли каждого отдельного имения, но от общего количества отчуждавшихся земель. И хотя в Италии от каждого отдель-

ного имения отчуждалась меньшая часть, но мы не знаем, не было ли там в то же самое время предназначено для разделения соответственно большее количество поместий.

Поэтому нам кажется более важным, чем различие в доле дележа, другое различие, а именно то, что остготы, как нам сообщают источники, должны были платить поземельную подать. Бургунды и вестготы[1] не платили этой подати, так как переданная им земля являлась, так сказать, их жалованьем. Теодорих же дал своим воинам также и вознаграждение наличными деньгами, которое хотя и не было регулярным жалованьем, но являлось своего рода годичным подарком. А однажды он ясно подчеркнул, что эти деньги являются доходами от податей, которые он, не будучи скрягой, не хотел брать лично для себя, но которые он отдавал в пользу своих соотечественников.

Мы не имеем достоверных свидетельств современников относительно поведения лангобардов в Италии. Согласно более поздним свидетельствам, сохранившимся у Павла Диакона, кажется, что они попросту прогнали и уничтожили римскую аристократию и заняли ее место.

Германские племена на римской почве являлись первоначально не чем иным, как войсками. Их первое поселение рассматривается как своего рода расквартирование. Но затем их предводители, германские короли, берут в свои руки также и гражданское управление. Они управляют страной при помощи графов, которых они ставят на место прежних римских чиновников. Отчуждение земель не является, в сущности говоря, основным и решающим моментом, — это лишь частичное освобождение от податей, поставок и постоя. Основным и решающим моментом здесь является то обстоятельство, что при помощи и посредством германской военной и войсковой организации весь германский государственный строй со всеми своими правовыми и общественными понятиями постепенно ставится на место римского или же ему прививается.

Аналогию этого процесса образования германо-романских государств дает нам эволюция некоторых фактов, относящихся к более близкой нам исторической эпохе. Я имею в виду организацию управления в прусском государстве. Подобно тому как бургунды и готы первоначально являлись не чем иным, как войском, которое ради удовлетворения своих потребностей взяло в свои руки гражданское управление, а также часть национального достояния, точно так же и прусское административное управление выросло из первоначальных снабженческих органов армии. Вместо римского государственного или коммунального чиновника во главе округа, который приблизительно соответствовал древнему германскому племени, становится германский граф, назначаемый своим королем. Из комиссаров по передвижению, расквартированию и снабжению бранденбургской армии во время и после Тридцатилетней войны появились ландраты, военные камеры и генеральная директория. Из системы взысканий поставок, повинностей и податей для содержания армии выросла система попечительного управления всей страной, из бранденбургско-прусской армии выросло прусское государство.

---

[1] Gaupp, S. 404.

ЛИТЕРАТУРА

Основной работой по вопросу о поселении германцев до сих пор еще является книга Гауппа «Германские поселения и разделы земли в провинциях Западноримской империи» (Gaupp, «Die germanischen Ansiedelungen und Landeteilungen in den Provinzen des römischen Westreiches», 1844).

Далее существенным образом должны быть приняты во внимание следующие работы:

Альб. Ян, «История бургундионов и Бургундии» (Alb. Jahn, «Die Geschichte der Burgundionen und Burgundiens», Bd. 2, 1874).

Г. Кауфманн, «Критические дополнения к истории бургундов в Галлии. Исследования по истории Германии», том 10 (G. Kaufmann, «Kritische Erörterungen z. Gesch. d. Burgunder in Gallien. Forsch. z. deutschen Gesch.», Bd. 10).

Из большой работы Феликса Дана «Короли германцев» (Felix Dahn, «Die Könige der Germanen») для наших целей особенно ценны III том (1866), содержащий «Организацию остготского государства в Италии» («Verfassung des ostgothischen Reiches in Italien»), а также V (1870) и VI томы (2-е издание 1885 г.), содержащие историю и описание государственного строя вестготов.

Новейшей работой в этой области является работа Р. Салей «О поселении бургундов в поместьях галло-римлян» (R. Saleilles, «Sur l'établissement des Burgundes sur les domaines des Gallo-Romains. Revue bourguigeonne de l'Enseignement supérieur, 1891, 1, 2. Тут же помещен и более подробный перечень литературы).

«Закон бургундов» («Lex Burgundionum») или «Закон Гундобада» («Lex Gundobada») заново издан Биндингом в «Fontes rerum Bernensium», 1883.

Gingins в своей работе «О поселении бургундов в Галлии» («Sur l'établissement des Burgundes dans la Gaule». Memorie della Academia di Torino, т. XL 1838) пытался доказать, что между бургундами и римлянами делились не отдельные пахотные земли, но целые местности и что раздел производился по округам (nach pagi). Это, конечно, неправильно, и нам нет необходимости к этому возвращаться, но все же в этой точке зрения содержится некоторое зернышко истины, так как неправильной оказалась и противоположная точка зрения, утверждающая, что пахотные земли делились повсюду и что, таким образом, бургунды поодиночке были рассеяны по всей стране. Простые бургунды оставались объединенными в группы, а так как они были арианами, то еще в течение долгого времени держались особняком от римлян. Gingins на стр. 224 рассказывает, что одна часть города Арбуа называется «bourg des faramins». Это было бы совершенно правильно сопоставить с тем фактом, что здесь была поселена в одном месте группа бургундов. «Faramanni» — это мужи рода, члены родовой общины.

MANCIPIA

Моя точка зрения предполагает, что «mancipia», т. е. «несвободные», подлежавшие отчуждению, охватывали также и колонов. Совершенно достоверно, что термин «mancipia» может обозначать не только собственно рабов, но и колонов. Раздел 7-й «Закона бургундов» применяет в совершенно одинаковом значении, ставя наряду друг с другом, термины «servus» (раб), «colonus» (колон), «originarius», «mancipium». Другие места приведены у Вайца в «Истории германского государственного права» (Waitz, «D. Verf.-Gesch.», Bd. 2, 173 ff.). Поэтому уже Эйххорн перевел термин «mancipia», обозначавший тех, которых римляне должны были уступить бургундам, просто словом «колоны». Но все же необходимо доказать, что это действительно так и было на самом деле, так как слово «mancipia» может здесь обозначать и настоящих рабов, как это и было понято новейшими исследователями. Я думаю, что дело заключается в следующем. Если бы термин «mancipia», примененный в «Законе Гундобада», исклю-

чал колонов, то раздел земель коснулся бы исключительно той части земельного владения, которое обрабатывалось крупнопроизводственным способом, причем бургунды получали две трети этой земли и одну треть наличного числа рабов для обработки этой земли. Совершенно невозможно, чтобы от каждого колонного двора отчуждались две трети земли и передавались бургундам, так как в таком случае колоны в хозяйственном отношении оказались бы нежизнеспособными. С другой же стороны, отчужденная часть крупного поместья ни в коем случае не могла бы удовлетворить бургундов. Ведь количество и размеры таких крупных хозяйств, по сравнению с колонными хозяйствами, были невелики. Передача половины дома, двора и сада, без передачи более или менее значительного количества колонов, дала бы бургундам в руки амбары, лишенные их содержимого. Поэтому термин «mancipia» должен здесь обязательно включать колонов.

Параграф 142-й эдикта остгота Теодориха разрешает господам удалять из своего имения и по собственному усмотрению продавать «деревенских рабов (mancipia), даже в том случае, если они являются колонами».

Дан это объясняет таким образом (IV, 96), что готы (это, впрочем, уже доказано) привели с собой очень многих рабов, которых они частью хотели поселить на дворах колонов. Поэтому они добились того, что им разрешили поступать по собственному усмотрению с прежними колонами.

РАЗДЕЛ КРУПНОГО ПОМЕСТЬЯ

Тот факт, что разделы производились лишь между бургундскими и римскими аристократами, подтверждается также и тем, что как в бургундском, так и в вестготском законах при разделе особенно подчеркиваются леса. Обычно владение лесами не связывается с мелким земельным владением.

Дан («Короли», VI, 168) говорит:

«Сословие свободных членов общины (вестготов) распадается на три слоя: высший слой, находясь в постоянно текучем движении, поднимается до степени господствующей знати; теряющееся в своем ничтожестве незначительное меньшинство занимает лишенную какого-либо значения середину; а значительное большинство опускается до уровня «незначительных», «низших», «маленьких», т. е. бедных людей, находящихся либо выше, либо ниже уровня несвободных».

Эти опускающиеся, конечно, никогда не были средними помещиками.

РАЗДЕЛ ДОМА И ДВОРА

Удивительно то, что в разделе 45-м «закона Бургундов» не упоминается дом в качестве объекта дележа; равным образом не упоминается он и в «Законе вестготов». Отсюда сделали тот вывод, что римляне на самом деле сохраняли за собой свои дома и что германцы строили себе свои собственные дома. Это было бы резонно, так как раздел на продолжительное время дома, который мы должны себе представить в качестве довольно крепкого замка, неминуемо должен был бы повлечь за собой большие неудобства. Хотя в римских предписаниях о расквартировании войск очень подробно регулируется именно раздел дома, но такой раздел всегда был лишь временным явлением. А раздел земли, хотя, конечно, и связывался с сохранившимися формами расквартирования, однако, он все же являлся чем-то другим, не только потому, что разделу подвергалась также и земля, но прежде всего по той причине, что дело шло не о временном, но о постоянном состоянии.

Пожалуй, еще более трудным, чем раздел дома, кажется мне раздел двора со стойлами и амбарами. Германцы считали двор точно ограниченным участком. Lex Bajuv. XI, § 1: «Если кто-либо в чужой двор насильно и противозаконно

проникнет». Lex. Alam. Lib. III, C. № 3: «Если в чужой двор войдет». Lex Visig. VIII, 1, § 4: «Какой бы хозяин... в доме или во дворе своем дверь закрыл». Поэтому я долго колебался, следует ли, действительно, признавать раздел двора у бургундов.

Тит. 44, 2 гласит[1]: «Подобно тому как это уже давно было постановлено, мы приказали вообще взять у римлян половину лесов и то же самое относительно двора и садов по отношению к фараманнам, согласно принятому условию, по которому римляне признавали, что следует взять половину».

Я сперва думал, не следует ли здесь понимать слово «двор» (curtis) в собирательном смысле — как совокупность всех дворов колонов, половина которых должна быть отчуждена. Но, несмотря на все пренебрежение текста этого закона к правильным латинским оборотам речи, такое объяснение мне кажется неподходящим. Все же мы должны попрежнему признать, что здесь подразумевается господский двор, который подлежал реальному разделу. Следовательно, сюда включался и дом.

ОБА HOSPITES

Гаупп, Биндинг, Ян и Кауфманн единогласно считают, что один римский hospes (хозяин) всегда противопоставлялся одному бургунду, с которым тот и производил дележ. Салей же, оспаривая это, пытался доказать обратное, а именно, что многие разделы «Закона Гундобада», в особенности тит. 67-й, могут быть поняты лишь в том смысле, что несколько бургундских hospites (гостей) противостояли одному римлянину. Это согласуется с нашей точкой зрения. Тит. 67-й гласит[1]: «Те, которые владеют пахотной землей или землей колонов, признают необходимость разделения между собой леса соответственно виду земли или характеру своего владения. У римлянина, однако, сохраняется половина лесов в расчищенных участках».

Биндинг считает вторую фразу интерполированной. Этому как будто бы противоречат тит. 13-й и 31-й. Тит. 13-й гласит[1]: «Если кто-либо — бургунд или римлянин — расчистит или уже расчистил в общем лесу участок под пашню, то пусть он отведет своему гостю такое же количество леса и расчистит его под пашню, а тем что сделал, пусть владеет, отдав гостю уступленную ему долю».

Тит. 31-й гласит[1]: «Кто на общем поле, не встречая ни с чьей стороны возражений, устроит виноградник, тот пусть возместит такой же участок земли тому, на чьем поле он устроил виноградник».

В обеих этих статьях, очевидно, предполагается наличие лишь двух совладельцев «общего поля» (communis campus). Это объясняется тем, что тогда еще не думали, что простые бургунды могут расчищать леса под пашни или разбивать виноградники. До такой высоты хозяйственной деятельности могли подниматься в крайнем случае лишь знатные люди. Рядовой член родовой общины (faramannus), который вместе с 20 и 30 другими своими соплеменниками был поселен в какой-либо деревне и совместно с ними претендовал на владение половиной общего леса и общих пастбищ, конечно, не смог бы по своему усмотрению занимать лично для себя из этого земельного фонда отдельного участка или разбивать виноградник, возместив римскому совладельцу точно такой же участок земли; и, наоборот, римлянин тем более не смог бы сделать этого по отношению ко всем бургундам.

Вообще потребность в такого рода постановлениях, которые встречаются также и у вестготов, объясняется не столько хозяйственным рвением германцев, сколько потребностями римлян, которые пытались возместить себе отчужденные от них участки пахотной земли новыми расчистками земли под пашни в тех лесах, которые остались в их общем владении.

[1] Перевод с латинского. — Ред.

БУРГУНДЫ, КОТОРЫЕ ПРИШЛИ ПОЗДНЕЕ

Ст. 107-я, прилож. II, § 11 «закона Бургундов» гласит: «Относительно же римлян мы приказали, чтобы бургунды, которые пришли позднее, не требовали более того, что необходимо в настоящее время, т. е. более половины земли. Другая же половина со всей совокупностью несвободных остается во владении римлян. Поэтому мы не допустим никакого насилия».

«Бургунды, пришедшие позднее», конечно, могут быть лишь позднее пришедшими поселенцами. Но что это за земля (terra), половина которой, к тому же без несвободного населения, должна быть им передана? Половина ли участка колона? Но это невозможно, что вытекает из неоднократно приведенных нами выше причин. Половина ли крупного хозяйства? Это было бы очень много, но при отсутствии рабов это принесло бы мало пользы поселенцу. Старался ли граф, в округе которого хотел или должен был поселиться этот новый поселенец, подобрать ему поместье, соответствующее его хозяйственным силам, т. е. подыскивал ли он более крупное имение для более благосостоятельного человека, который приходил со своими рабами, со скотом и инвентарем, или же участок колона для почти неимущего, предназначая эти земли для дележа? Но это было бы невыносимым произволом, который к тому же в первую очередь освобождал бы от этой тяготы самых богатых римлян.

Мне кажется, дело надо себе представлять таким образом. Бургунды, пришедшие позднее, были либо отдельные лица, по большей части прожившие некоторое время в Италии или в Константинополе в качестве наемников, находившихся на римской службе, либо же целые племена или части племен. Отдельным лицам не отводилось отдельных участков для поселения. Они теперь либо поступали на службу к какому-либо знатному бургунду, либо разыскивали свой род или свою семью и устраивались у них и при их помощи. Наш параграф не касается такого рода случаев. Он, скорее, относится к целым группам людей, которые впоследствии дополнительно приходили из Германии. Этим людям позднее предоставлялось имение из владений какого-либо римского аристократа, так что каждая бургундская семья получала здесь, как и при прежних разделах, двор колона, т. е. соответствующий участок господской пашни, в качестве свободного владения. Выселяемых колонов их хозяин должен был устроить в других местах. Римлянин должен был уступать «не больше половины», а не попросту половину, так как это повело бы к очень неравномерному распределению вследствие того, что в каждом отдельном случае устанавливались бы очень неравномерные соотношения между случайным количеством поселенцев и величиной данного поместья. При первоначальном поселении всегда фактически отчуждались две трети земли, причем излишки попадали в руки хунно или какого-либо другого предводителя группы германцев, который, как мы это видели, должен был заботиться об удовлетворении некоторых определенных военных потребностей, приобретая при этом для самого себя высокое социально-экономическое положение. Пришедшим позднее этих преимуществ уже не предоставляли. Если их призывали на войну, то обязанность их снаряжения падала на графа.

КОРОЛЕВСКОЕ ДАРЕНИЕ И «ГОСТЕПРИИМСТВО»

Ст 54-я «Бургундского закона» предписывает, чтобы тот, кто получил благодаря щедрости короля землю и людей, не мог помимо того требовать себе двух третей земли и одной трети рабов «в том месте, где ему оказано гостеприимство». Каким образом человек, получивший от короля в дар поместье, где бы он ни жил, мог бы еще в каком-либо ином месте быть «гостем» (hospes)? Два объяснения кажутся нам возможными.

Могло случиться, что понятие «гостя» настолько сильно изменилось, что оно уже не обозначало фактически расквартированного, но обозначало того, кто пре-

тендовал на определенные отчуждения и уступки в качестве расквартированного. Таким образом, избегали того обходного пути, пользуясь которым поссессоры сперва отдавали то, что они должны были отдать, центральному органу, а тот в свою очередь делил это между сотнями. Предводители сотен (или их частей) шли непосредственно к тем, кто обязан был производить отчуждения, но при некоторых обстоятельствах злоупотребляли этим правом требовать отчуждения земель.

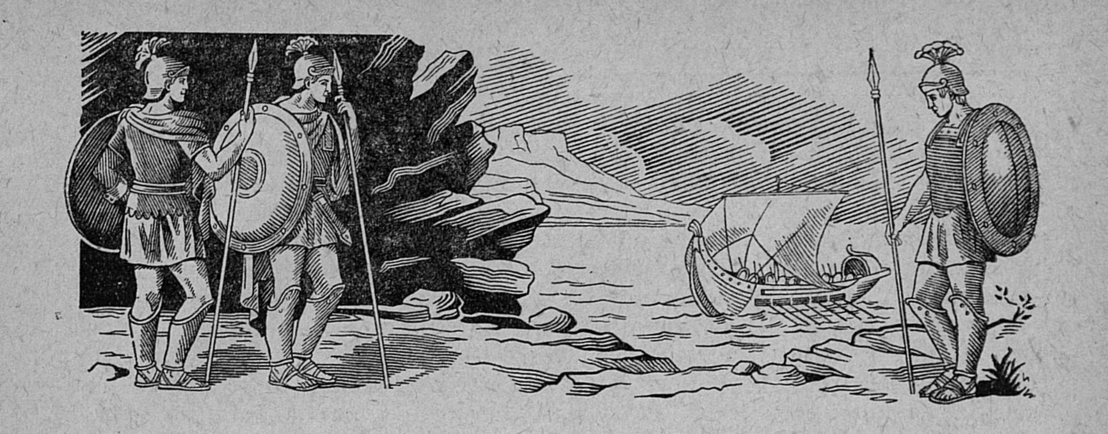
Другим и, пожалуй, лучшим объяснением является то, что гостеприимство (hospitalitas) означает здесь расквартирование в древнем смысле, которое произошло ранее, чем данное лицо получило свой земельный дар от короля. Принимая во владение эти пожалованные земли, он все еще утверждал существование своего права на расквартирование там, где он им пользовался раньше, и выводил отсюда свою претензию на раздел.

Помимо этого, из приведенного выше постановления косвенным образом вытекает еще и то, что фактически подвергалась разделу не вся территория области, но лишь определенные избранные поместья, так как эта статья признает, что римляне незаконным образом принуждались к дележу. Конечно, это не могли быть отдельные привилегированные лица, ибо те же самые обстоятельства и отношения, которые создали их привилегии, без сомнения, защитили бы их также и от незаконного ограбления. Это постановление становится понятным лишь в том случае, если были целые разряды или группы таких римлян, которые не обязаны были производить раздела.

Генр. Бруннер также и во втором издании своей «Истории германского права» (Heinr. Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte») не дает ясной картины природы и процесса «занятия земли» германцами. Он твердо придерживается своего представления, что поселения прежних и новых жителей перемежались друг с другом, как поля шахматной доски, хотя число германцев и было для этого слишком мало. С другой же стороны, теперь уже и Бруннер признает (стр. 74, прим. 4), доказывая это новым и ценным свидетельством, что дворы колонов не подвергались разделу. Помимо крупных земельных владений, на которые по преимуществу ложились убытки по проведению в жизнь этого мероприятия (стр. 74), подвергались разделу также и средней руки поместья. Но получал ли таким образом каждый бургунд две трети целого имения? В таком случае их число было бы даже гораздо меньше того, которое я принял. И, как нам это кажется, Бруннер, действительно, из фразы закона «народ наш... две части земли получил» хочет сделать тот вывод, что каждый бургунд получил такую долю земли.

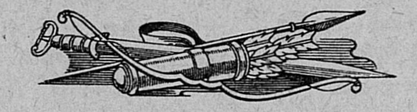
Мне не удалось установить, против кого направлена фраза (стр. 76): «как будто бы право гостеприимства (jus hospitalitatis) подняло всех германцев до уровня землевладельцев, которые могли вести жизнь рантье благодаря податям, получаемым ими от переданных им колонов».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН И ГОТЫ

Глава I

Военное дело при Юстиниане

ТО ВРЕМЯ как мы очень скудно осведомлены относительно истории II и III столетий, в IV веке — от сражения при Страсбурге и до сражения при Адрианополе — Аммиан Марцеллин дает нам возможность более подробно изучить и осветить историю этого периода. V столетие опять является молчаливой эпохой, а в VI веке снова еще раз появляется исторический писатель крупного стиля — Прокопий Кессарийский, которому вместе с его продолжателем Агацием мы обязаны историей войн Велизария и Нарсеса и рассказом о гибели вандалов и остготов.

Прокопий был секретарем Велизария и провел вместе с ним бóльшую часть его походов, находясь в свите этого полководца. Он был не только прекрасно образованным человеком, но, кроме того, учился на великих образцах, на Геродоте и Полибии, подражая им. Его критические способности незначительны, но это еще не причиняет особенно большого вреда его ценности как исторического источника. Ведь мы с этим явлением встречаемся не только у Геродота; даже критическую способность самого Полибия мы оценили значительно ниже, чем это до сих пор обычно делали исследователи. Но если даже, оставляя в стороне этот недостаток Прокопия, мы все же в нем многого не находим, и он в качестве исторического источника дает нам не столь обильные и не столь доброкачественные сведения, как на то можно было надеяться, то это объясняется применительно к целям нашего исследования не неправдоподобностью его рассказов (впрочем,

и эту возможность не следует считать совершенно исключенной) или же его односторонностью [1]. Причина этого заключается в том, что хотя и исчезла та риторика, которая превратила Тацита в почти непригодный с военной точки зрения исторический источник, но все же осталась склонность писателя, вместо того чтобы заставлять события говорить их собственным языком, стремиться к тому, чтобы его рассказы производили впечатление даже за счет объективных фактов. Читая Прокопия, мы довольно часто вспоминаем Геродота. И если бы было только это, то он был бы в качестве источника гораздо более ценным, чем отец истории, так как тот черпал лишь из уст народной молвы, Прокопий же — из собственных наблюдений и непосредственно у действующих лиц, у полководцев. Но все же Геродот чаще бывает ближе к истине, нежели Прокопий, ибо в своих описаниях он воздерживается от собственных прикрас, в то время как Прокопий стремится по собственному усмотрению создавать соотношения фактов и рисовать образы и даже, хотелось бы сказать, яркие картины. Я сравнил бы оба типа описаний с натуральным и стилизованным изображением растения или животного. Первое изображение показывает природу, насколько это удалось сделать художнику, второе же изображение, стиснутое в определенных формах, дает возможность лишь косвенным образом узнать природу. Как ни близок был Прокопий к событиям и как высоко ни следует ценить его произведения, все же им как источником следует пользоваться лишь с максимальной осмотрительностью и осторожностью [2].

Процесс превращения древних императорских легионов в шайки наемников, который мы хотя и можем наблюдать уже в IV столетии и о наличии которого мы можем делать косвенные заключения, но который мы в эту эпоху, благодаря состоянию источников, можем видеть лишь как бы сквозь какую-то вуаль, этот же самый процесс в VI столетии, благодаря рассказу Прокопия, выступает ясно и отчетливо перед нашим взором, освещенный ярким светом истории [3]. Полководцы и генералы, как это правильно было замечено, являются в эту эпоху в то же время и кондотьерами — в том смысле, в каком это слово употребляется в более позднюю эпоху. Они окружены войсками, которые ими завербованы их собственным именем и которые носят название «гипаспистов» или «буккелариев» (buccellarii). Их нельзя назвать «телохранителями», так как их число достигает нескольких тысяч. И в то же время эти войска равным образом не служат и для целей «охраны». Их смысл скорее заключается в том, что наемниками легче управлять, если предводитель является в то же время и предпринимателем, посредником, организующим военное дело. Собственно личное окружение полководца образуют: дорифоры, которых можно назвать в одно и то же время штабом, адъютантами, ординарцами и телохранителями. Наряду с отрядами ги-

---

[1] A. Auler, «De fide Procopii in sec. bello Persico Justiniani I imp. e narrando», Diss. Bonn. 1876.

[2] К той же самой эпохе, как и Прокопий, относятся два теоретических трактата, которые сами по себе дают мало материала, но имеют значение для проверки, дополнения и опровержения Прокопия. Это трактат Урбикия (Orbikiós) и трактат анонима под заглавием «О действиях полководца». О них см. Jaehns, «Geschichte der Kriegswissenschaft», I, S. 141 ff. Rüstow-Koechly, «Griechische Kriegsschriftsteller» II, 2.

[3] «De Justiniani Imperatoris aetate quaestiones militares scripsit Conradus Beniamin», Berlin. Dissert. 1892. W. Weber.

паспистов, национальный состав которых неясен, в войсках Юстиниана мы находим самые разнообразные племенные ополчения: гуннов, армян, исавров, персов, герулов, лангобардов, гепидов, вандалов, антов, славян, арабов, мавров и массагетов.

Действующие войска очень незначительны. У Велизария было 25 000 человек, когда он одержал свою победу над персами при Дарасе (530 г.). Он высадился в Африке, имея не более 15 000 человек, из которых ему было достаточно 5 000 всадников, бывших в данный момент в его распоряжении, для того чтобы победить вандалов в открытом поле. Еще меньше было то войско, с которым Велизарий отправился в Италию, чтобы разрушить там остготское государство, спустя 11 лет после смерти Теодориха. Это войско насчитывало не более 10 000—11 000 человек. Со всеми подкреплениями, прибывавшими в течение пяти лет, все же в конце концов эта армия, свергшая в 539 г. владычество готов в Италии, достигала едва лишь 25 000 человек. И едва ли таким же количеством войск обладал Нарсес, когда он, после того как готы снова оправились после этого поражения, переправился через море, чтобы начать борьбу с Тотилой. В решительном сражении при Тагине он имел лишь около 15 000 человек.

Современник этой эпохи писатель Агаций (V, 13) считает, что вся совокупность римских войск должна была бы насчитывать в общей сложности 645 000 человек, но что, однако, при Юстиниане фактически имелось налицо всего лишь 150 000 человек [1]. Первое исчисление, возможно, основывается на каких-нибудь древних штатных списках вроде «Расписания должностей» и не имеет для нас никакой цены. Второе же исчисление нам не кажется невероятным, в особенности если мы вспомним, что мы исчислили войско Августа в 225 000, войско Северов, может быть, в 250 000 человек и что половина империи к этому времени была уже потеряна. Если же мы сравним эту цифру с теми войсками, которые фактически появлялись на полях сражений и численность которых, благодаря свидетельствам источников, нам хорошо известна, причем эти цифры согласуются между собой, то нам станет ясно, что 150 000 человек для действительного постоянного войска является, несомненно, преувеличенной цифрой. Если в основе этого исчисления вообще лежат какие-либо свидетельства источников, то, очевидно, эта цифра может быть объяснена лишь тем, что в это количество войск были включены также и все пограничники [2] (limitanei), которые были совершенно неприменимы для настоящих боевых операций.

Рассказ Прокопия (IV, 26) о мобилизации того войска, при помощи которого Нарсес должен был нанести и нанес решительный удар Тотиле, чрезвычайно характеризует способ составления войск в эту эпоху, те разнообразные народы, которые входили в их состав,

---

[1] Mommsen, «Hermes», 24, 258.

[2] Юстиниан еще пытался сохранить организацию «пограничников», а в Африке он их даже заново организовал. Соответствующий эдикт даже перешел в кодекс и благодаря этому сохранился до нашего времени (Mommsen, «Hermes», 24, S. 200). Но этим людям не могло быть выплачено то жалованье, которое им было обещано и которое им полагалось наряду с предоставленными им землями, так как наличные средства в слишком большом количестве поглощались другими расходами. Наконец, Юстиниан лишил их, кажется, наряду с жалованьем даже и значения в качестве солдат (Прокопий, «hist. arc.», 24, по Моммсену, «Hermes», XXIV, 199). Согласно другим, это относится лишь к Востоку.

и то обозначение войсковых частей не по номерам легионов или по какой-либо иной схеме но по именам предводителей, которым они принадлежали. Этот рассказ гласит [1]:

«Нарсес вышел из Салоны и направился против Тотилы и готов со всем римским войском, которое достигало огромных размеров. Император дал в его распоряжение соответствующие крупные средства. Поэтому он, с одной стороны, смог собрать прекрасное войско и в достаточной мере озаботиться удовлетворением всех прочих военных потребностей, а с другой — он смог также уплатить солдатам в Италии всю ту задолженность, которую в течение непозволительно долгого времени накопил император, вместо того чтобы, как обычно, выплачивать им из государственной казны твердо установленное жалованье. У него было даже достаточно средств для того, чтобы переманить к себе тех, которые перебежали на сторону Тотилы, и, соблазнив их звонкой приманкой, снова вернуть их в лоно империи. В то время как император Юстиниан вел сперва эту войну без особенного рвения, уже в самом конце он стал вести ее со значительным напряжением. И когда Нарсес заметил, что придется итти в Италию, то он обнаружил такое честолюбие, которое обычно свойственно полководцам. В ответ на приглашение императора он ему объявил, что лишь тогда выполнит его волю, когда в его распоряжение будут предоставлены достаточные боевые силы. Таким образом, ему удалось получить от императора деньги, людей и военное снаряжение в таком количестве, которое соответствовало достоинству Римской империи, и, проявляя неутомимую энергию, он собрал прекрасное войско. Он взял с собой из Византии очень многих солдат, а также привлек очень большое число воинов из Фракии и Иллирии. К нему также примкнул и Иоанн со своими собственными войсками и с теми, которые ему оставил его тесть Герман. Далее, при помощи богатых подарков, посланных императором Юстинианом, а также благодаря заключению союзного договора, удалось склонить короля лангобардов Аудуина к тому, чтобы выбрать из состава своей свиты 2 500 храбрых воинов и послать их в качестве подкреплений Нарсесу, снабдив их 3 000 щитоносцев. Затем вместе с Нарсесом были отправлены более 3 000 из племени герулов, которыми наряду с другими командовал Филемут, многочисленные гунны, Дагистей со своей свитой, выпущенный ради этого из тюрьмы, много персидских перебежчиков под начальством Кабада, сына Цамеса и внука персидского царя Кабада, который, как я это уже раньше рассказывал, при помощи Хонаранга убежал от преследований своего дяди Хозроя и перешел в то время на сторону римлян; затем Асбад, молодой гепид, отличающийся выдающейся храбростью, с 300 своих соплеменников, которые также были храбрыми воинами; герул Арут, с юности воспитанный в римском духе и взявший себе в жены дочь Маврикия, сына Мунда, который, будучи сам храбрым воином, был окружен многочисленными столь же храбрыми герулами; наконец, Иоанн, получивший прозвище Пожирателя, который нами уже часто упоминался, со своим отрядом опытных в военном деле римлян. Нарсес сам по себе обладал необычайной щедростью и охотно открывал перед каждым просителем свой кошелек, а так как он получил от императора большие средства, то тем легче мог следовать этой своей склон-

[1] По переводу Coste, «Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit».

ности к раздачам. Ввиду того, что уже с прежних времен многие командиры и солдаты почитали его в качестве своего благодетеля, все они, — лишь только стало известно его назначение на должность верховного главнокомандующего всеми войсками, действующими против Тотилы и готов, — стали тесниться к нему, пылая подлинным рвением и стараясь поступить к нему на службу отчасти для того, чтобы выплатить ему долг своей благодарности, а отчасти, вполне естественно, заслужить у него богатую награду. Особенно же расположены были к нему герулы и прочие варвары, благосклонностью которых он заручился при помощи особенной щедрости».

В этом описании не чувствуется даже слабого веяния римской культуры. Но достаточно изменить лишь некоторые имена, чтобы нам показалось, как будто мы читаем, что Валленштейн, снова вызванный императором, двигается с большой армией против Густава-Адольфа.

Непосредственная боевая сила, боеспособность этих пестрых войсковых отрядов не оставляла желать лучшего. Основным недостатком этого войска наряду с его малочисленностью, — ведь это войско Нарсеса, мощь которого описана такими яркими красками, повторяю, насчитывало в общей сложности всего лишь 25 000 человек,—был недостаток дисциплины.

С того момента, как древнее римское войско начинает превращаться в варварское, раздаются жалобы на требования солдат и на тот вред, который они причиняют стране. Император Песценний Нигер (ум. в 194 г.) приказал, если позволительно будет привести его слова в таком вольном переводе, чтобы «солдаты были довольны своим солдатским хлебом»[1]. Аналогичный приказ издал Аврелиан (ум. в 275 г.): «Пусть никто не похитит чужого петушка и никто не дотронется до чужой овцы. Пусть никто не унесет виноградной лозы, не обмолотит чужого хлеба и не требует масла, соли, дров, но будет доволен своим хлебом»[2]. В войсках VI столетия уже едва ли поднимали шум из-за таких мелочей, что солдат захватил с собой курицу, овцу, несколько виноградин или потребовал себе масла, соли или дров.

Прокопий восхваляет в качестве настоящего чуда и необычайной заслуги Велизария то обстоятельство, что римляне вошли в Карфаген в полном порядке, «в то время как обычно римские войска никогда не входили спокойно в собственный город, даже тогда, когда их было всего только 500 человек». Но это же самое войско после захвата лагеря вандалов настолько забывает дисциплину и так беспутно своевольничает, потеряв страх перед своим полководцем, что Прокопий принужден опасаться, как бы при наступлении неприятеля не погибло целиком все войско. Так же своевольно, недисциплинированно и непокорно вело себя впоследствии и войско принца Германа. Велизарий, вследствие недисциплинированности своих войск, дрожит за Неаполь, а Нарсес принужден после своей победы раньше всего отослать домой лангобардские вспомогательные войска[3].

Прокопий рассказывает (III, 30), что гарнизон, оставленный Велизарием в Риме, упрекнул своего начальника Конона в том (в 548 г.), что он нажился на поставках, причинив им этим убытки. После этого солдаты убили Конона и послали нескольких священников в качестве

---

[1] Спартиан, гл. 10.
[2] Фописк, гл. 7.
[3] Dahn, «Procop von Caesarea», S. 395.

послов к императору объявить ему, что они перейдут на сторону Тотилы и готов, если им не будет дарована амнистия и если им в определенный срок не будет выплачена задолженность по жалованью. Император согласился и выполнил их требования.

Фактически очень большая часть солдат, при помощи которых Велизарий завоевал Италию, перешла на сторону готов, как только после отозвания Велизария из Италии там снова распалась римская власть и Тотила вновь восстановил государство готов.

Когда Тотила осадил Кентумкеллу (в 549 г.), то велел сказать римскому гарнизону, что не стоит ждать помощи от римского императора и надеяться на то, что он снимет осаду. Со своей же стороны Тотила предлагал им свободное возвращение в Византию или такое же право на вступление в войско готов. Наемники отказались от такого перехода на сторону готов, так как у них в Римской империи были жены и дети, с которыми они не хотели расставаться. Равным образом они отказались от немедленной передачи города, так как у них не было к тому основательной причины ввиду того, что они ведь хотели остаться на службе у императора. Но все же они заключили соглашение, по которому им разрешалось отправить послов к императору, чтобы описать ему их положение. Если же к определенному дню к ним не подоспеет помощь, то они согласны передать город.

Императорские наемники переходили не только на сторону германцев, но даже и на сторону персидского царя, в особенности же сами германцы. Дважды нам об этом сообщает Прокопий (в Pers., II, 7; II, 17). Германские воины, находясь в пределах Римской империи, все еще могли надеяться на то, что им удастся соединиться со своими соплеменниками или хотя бы еще один раз соприкоснуться со своей родиной. Но переход к персам показывает нам, как это наемничество уже окончательно порывало все нити национальных и общественных связей.

И наоборот,— также и готы Витигеса и Тотилы были готовы вновь поступить на службу к императору, если дело доходило до этого и не было другого выхода. Ведь в качестве его воинов они завоевали Италию, и даже сам Теодорих всегда признавал свое в некотором отношении подчиненное положение по отношению к императору. С пленными вандалами и готами император не мог сделать ничего лучшего, как послать их в Месопотамию, чтобы они там сражались против персов[1], а персы, перешедшие на сторону римлян, сражались в Италии против готов.

Наиболее ярким выражением этой солдатчины, оторванной от какой-либо природной почвы и существовавшей вполне самостоятельно, является факт, не имеющий себе подобного во всей мировой истории, а именно — готы, увидев, что не могут более сопротивляться Велизарию, предложили ему самому, неприятельскому полководцу, королевскую корону. Разница будет небольшая, если мы скажем, что Велизарию была предложена не столько королевская корона готов, сколько Западная империя. Мысль о том, что императорский полководец не только перейдет на их сторону, но что и народ готов беспрекословно признает его своим вождем и доверит ему верховную власть, ясно показывает, что у них в то время не было налицо даже и тени политической мысли. Однако, Велизарий остался верным

[1] Procop, b. Pers., II, 17; II, 18; b. Vand., II, 14.

императору и был достаточно умен для того, чтобы сказать себе, что такое построенное в воздухе господство, не обладая необходимой устойчивостью, не сможет долго просуществовать и что он сам в этой комбинации ничего не выиграет, а потому воспользовался предложением готов лишь для того, чтобы отнять у них последнюю сильную позицию.

Впрочем, уже войска древнего Карфагена были по своему составу похожи на эти войска Юстиниана. Войско Ганнибала состояло из африканцев, испанцев, балеарцев и галлов. И с ним также произошло, что часть нумидийских всадников перебежала на сторону римлян. А тех галлов, которые не захотели за ним последовать, когда он возвращался в Африку, он приказал убить. Хотя это и были лишь случайные инциденты и хотя великий пуниец все же по существу умел крепко держать своих варваров в руках, однако, это зависело не только от его личных свойств, но и от других обстоятельств. На что могли рассчитывать отпавшие от него варвары? Меньшая часть их могла себе найти применение в качестве римских вспомогательных войск, большинство же их Рим отправил бы в срочном порядке на родину. Ведь Рим еще вел свои войны посредством своих собственных сил, и римский сенат очень хорошо знал, что могло бы произойти, если бы он отправил на поле сражения вместо собственных легионов одних лишь варваров. Поэтому можно сказать, что римские национальные легионы косвенным образом принудили варваров, находившихся в карфагенском лагере, остаться верными своему долгу и знамени того полководца, призыву которого они однажды последовали. Внутреннее состояние одного войска оказывает свое влияние на внутреннее состояние другого неприятельского войска. Но все меняется, начиная с IV столетия н. э., со времени исчезновения легионов. Варвары-наемники чувствуют себя господами, и горе тому князю или полководцу, который осмелится испортить с ними отношения, применив к ним строгость.

Еще опаснее ненадежности и отсутствия дисциплины солдат является, пожалуй, недостаточное повиновение вождей, по отношению к которым полководец не имеет никакой власти, так как войска больше принадлежат не непосредственно полководцу, но именно своим вождям, будь то их племенные вожди или же кондотьеры, которые их завербовали на свои собственные средства. Прокопий нам постоянно рассказывает о том, как Велизарий и в Месопотамии и в Италии не мог осуществить своих военных планов, так как подчиненные ему командиры отказывали ему в повиновении.

В войсках классической древности мы находим принципиальное и резкое деление войска по роду оружия: на гоплитов, или тяжеловооруженную пехоту, которая составляла ядро армии, и на стоявшую наряду с ней легковооруженную пехоту—лучников или метателей дротиков. Наряду с пехотой стоит конница, вооруженная по большей части холодным оружием, реже — конные стрелки из лука. В войсках Юстиниана мы находим те же самые виды оружия, а наряду с ними также и боевые топоры или иные национальные виды оружия, встречающиеся у различных контингентов войск, но в этих войсках мы уже не находим более того же самого деления по роду оружия. Как вся пехота, так и вся конница теперь уже вооружены луком. Дальнобойное оружие и оружие для ближнего боя, легковооруженная и тяжеловооруженная пехота сливаются между собой. Даже пехота

и конница теперь уже не отделяются резко одна от другой. Пехотинцы садятся на коней, а конница сражается в пешем строю. Но все же преобладающим и решающим дело родом войска являются конные воины. Даже когда Велизарий намеревается дать неприятелю бой, сделав вылазку из осажденного Рима, то для этой цели он хочет воспользоваться одними лишь всадниками. По рассказу Прокопия (I, 28), это объясняется тем, что большинство из пехотинцев Велизария завладело конями в качестве добычи и предпочитало теперь сражаться в конном строю. Остаток же пехоты был слишком незначителен, чтобы образовать более или менее порядочную фалангу. И лишь уступая настоятельным просьбам двух предводителей, Велизарий взял, наконец, в бой также и эту пехоту. При Тагине же Нарсес поставил в центре своего расположения спешенных всадников.

Прокопий знает, что в древности холодное оружие ценили выше стрелы, а бойцов ближнего боя предпочитали тем, которые сражались на дальнем расстоянии. Но он считает, что в его эпоху это предпочтение уже не имеет больше значения (bell. Pers., I, 1.), так как стрелок из лука стал теперь совсем иным. Он уже сидит на коне и целиком защищен; помимо лука и стрел, он вооружен еще мечом, а, может быть, также и копьем, и, наконец, действие выстрела из лука теперь гораздо сильнее, так как стрелок натягивает тетиву до самого уха, а не только до груди. В другом месте (I, 18) он рассказывает, что хотя персы и стреляют из лука скорее других народов, но стреляют слишком слабо, со слабо натянутой тетивой, так что их выстрелы, в отличие от выстрелов римлян, не причиняют никакого вреда защищенному человеку. Все это рассуждение должно быть отвергнуто как фактически неправильное и отнесено к тому типу рассказов, к которому относится и рассказ Полибия (ср. т. I, стр. 254) о мягких мечах галлов, которые надо выпрямлять после каждого удара. Азиатские стрелки [1] из лука славились с древнейших времен, а потому нельзя допустить, чтобы со времен Камбиза персы и парфяне в искусстве стрельбы, которое у них было искони национальным спортом, достигли меньших успехов, чем какой-либо другой народ. Дион Кассий ясно говорит (40, 22), что стрелы персов проникали даже сквозь щит и вооружение, а на одном изображении Хозроя II мы видим персидского царя скачущим на коне и натягивающим тетиву своего лука вплоть до самого уха [2].

Рассуждения Прокопия повторяют лагерные разговоры скорее хвастливых, чем умных или исторически образованных солдат. Сама проблема ими не затрагивается. Даже наилучший стрелок, вооруженный самым лучшим луком, будь то перс или римлянин, лишь крайне редко и лишь на очень близком расстоянии фактически пробивал предохранительное вооружение противника. В «Руководстве для стрельбы из лука», которое относится как раз к этому времени [3], предписывается направлять стрелы не прямо против неприятельской линии (следовательно, в таком случае целились бы в ноги лошадей), но на-

[1] Ср. т. I, стр. 75. См. Luschan, «Ueber den antiken Bogen. Festschrift für Benndorf», 1898. Jaehns, «Trutzwaffen». См. всю весьма поучительную главу о луке и стрелках (третья степень). Ср. также т. III, ч. 3-я, гл. 8 «Английская стрельба из лука». Там снова появляется весь этот рассказ.

[2] Воспроизведено у Diehl, «Justinien et la civilisation byzantine», p. 209.

[3] Köchly und Rüstow, «Griechische Kriegsschriftsteller», II, 2, S. 201. Оно относится к трактату анонима.

перекось, так как каждый воин спереди должен закрываться своим щитом. Отсюда следует, что этот щит было не так легко пробить. Поэтому вопрос собственно заключается в том, каким образом произошло, что тяжеловооруженные воины всюду были снабжены луками? Этот род оружия, носивший название «катафрактов», абсолютно не является новым. Уже воины Дария и Ксеркса имели такого рода вооружение. Но каким образом произошло, что этот тип борьбы, терпевший поражение в течение столь долгого времени, со времен основания государства парфян становился все более и более преобладающим? Этому вопросу мы посвятим ниже особую главу.

Правление Юстиниана отличается не только той мощной активной деятельностью, которая была при нем снова проявлена во внешней политике, но равным образом и теми большими оборонительными сооружениями, которые были созданы в эту эпоху. Мы знаем пограничную укрепленную линию (limes), которая защищала древнюю империю в тех местах, где граница не проходила вдоль каких-нибудь естественных преград. Юстиниан укрепил вновь завоеванные им границы в совершенно ином масштабе и совершенно иным способом. Соединительные линии не играют в них никакой существенной роли. Но этот император построил пограничные форты и крепости в таком количестве и придал им такие размеры, что их развалины возбуждают удивление. Эти крепости были не только местом нахождения войск, но в то же время должны были служить убежищем для всего окрестного населения со всем его имуществом. Налицо не имелось достаточного количества войск, чтобы образовать гарнизоны для этих крепостей, но сами пограничники (limitanei), которые в мирное время обрабатывали землю, должны были уметь за этими крепкими и высокими стенами защищать самих себя и всю империю. Линия этих укрепленных пунктов, предназначенная для защиты от варварских племен, тянется от Цейты в Марокко через всю Африку. В Месопотамии и Малой Азии эта линия служила для защиты от персов севернее Дуная, а на побережьи Черного моря — против германцев, славян или гуннов.

Между этими сооружениями, составом, вооружением и тактикой армии существовала внутренняя связь, о которой нам также придется еще раз говорить.

ГЕРУЛЫ

Прокопий (bell. Pers., II, 25, стр. 266) рассказывает про герулов, находившихся на римской службе, что они не носили ни шлема, ни панцыря, а имели лишь щит и толстый кафтан; их слуги должны были итти в бой даже без щита, который им жаловался в том случае, когда они доказывали свое мужество каким-либо храбрым подвигом.

Герулы, одетые в свои плотные кафтаны, оказываются здесь лучше вооруженными, нежели древние германцы (ср. ч. 1-я, гл. II). Но я совершенно не могу поверить рассказу об их слугах. Не имея щитов, слуги не могли участвовать в сражениях, а являлись лишь простыми спутниками настоящих воинов. Пожалование щита означало, что слуга, признававшийся достойным этой чести, принимался в среду воинов.

К 3-му изданию. А. Мюллер в «Philologus» (1912, стр. 102) и Масперо в «Byzant. Zeitschr.» (1912, стр. 97) поместили исследования, посвященные организации военного дела при Юстиниане. Масперо различает федератов, союзников

и воинов. Древнее название федератов применялось по отношению к тем варварам, поступавшим на службу в римскую армию, которые, будучи завербованы поодиночке, находились под начальством римских предводителей, однако, образовывали особые части войск. Союзники — это те, которые раньше назывались федератами, т. е. те, которые являлись вместе со своими предводителями на основании международного правового договора. Воинов же вербовали или призывали внутри империи. Мюллер систематически исследует всю организацию военного дела. Но если он говорит, что Юстиниан, не чувствуя стыда и не опасаясь последствий этого поступка, не уплатил солдатам своей задолженности по жалованью и остался им должен, ссылаясь при этом на hist. arcana, то в этом сказывается явное непонимание им как ценности этого источника, так и характера императора и империи. Конечно, Юстиниану ничего не было бы приятнее, как аккуратно выплачивать своим солдатам жалованье, — но откуда ему было брать деньги?

Полк в войске Юстиниана назывался «каталог» (κατάλογος), часть которого по названию «лох» (λόχος), согласно Мюллеру, Прокопий отождествляет с легионом. Это является новым указанием на то, как сильно упало значение этого слова.

Глава II

Сражение при Тагинэ (552 г.)

Мы подвергнем исследованию это сражение, приведя полностью рассказ о нем Прокопия (IV, 29—32) [1] и вставив после каждого абзаца наши критические и объяснительные замечания.

Готы под начальством Тотилы пришли из Рима, а византийцы под начальством Нарсеса—из Равенны. Они встретились в Апеннинах и, будучи отделены одни от других расстоянием, не превышавшим двух полетов стрелы, они разбили друг против друга лагери в равнине, окруженной со всех сторон холмами. Начиная отсюда, рассказ Прокопия, приводимый нами буквально, гласит:

«Там находился холм небольших размеров, который оба войска очень хотели занять, так как римлянам было чрезвычайно важно обстрелять своего противника сверху, а готы в этой холмистой, уже описанной мною местности могли напасть на римское войско с тыла лишь в том случае, если бы им удалось продвинуться по дороге, проходившей как раз мимо этого холма. Поэтому этот пункт был чрезвычайно важен для обеих сторон: готам — для того, чтобы во время боя обойти противника и обстрелять его с обеих сторон, а римлянам — для того, чтобы воспрепятствовать этому. Нарсес опередил противника, выбрав из одного пехотного полка 50 человек и послав их еще до полуночи для того, чтобы занять этот пункт и удержать его за собой. Они достигли его, не встретив на своем пути неприятеля, и укрепились на этом месте. Перед холмом, около той дороги, о которой я только что говорил, и как раз против того места, где готы разбили свой лагерь, протекал ручей. Здесь и остановились

[1] По переводу Coste, «Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit».
Ниссен считает, что это название звучало не Тагинэ, а Тадинэ.

эти 50 человек, тесно прижавшись друг к другу и построившись в фалангу, насколько это было возможно в таком узком месте. Лишь только на рассвете Тотила их заметил, как тотчас же принял решение прогнать их оттуда. Он тотчас же отправил эскадрон всадников, приказав им немедленно выбить оттуда противника. Всадники поскакали на них с большим шумом и криком, с целью опрокинуть их при первом же натиске. Но они, тесно сомкнув щиты, ожидали этого натиска, который готы пытались произвести в общей суттолоке, мешая сами себе и друг другу. Линия щитов и копий этих пятидесяти воинов была так тесно сомкнута, что им удалось блестяще отбить атаку. При этом своими щитами они произвели такой сильный шум, что лошади испугались, а всадники должны были отступить перед остриями копий. Приведенные в бешенство грохотом щитов в этом узком месте и не имея возможности двинуться ни вперед, ни назад, лошади встали на дыбы, а всадники не знали, что им нужно было делать с этой тесно сомкнувшейся группой людей, которые не колебались и не отступали, когда готы наступали на них, пришпоривая своих коней. Таким образом, первый натиск был отбит, и такой же неудачей окончилась и вторая атака. После нескольких попыток всадники принуждены были отступить. Тогда Тотила послал с той же целью второй эскадрон. Когда и этот эскадрон был отражен так же, как и первый, то на его место был отправлен третий. Таким образом, Тотила направил туда один за другим целый ряд эскадронов. Когда же всем им ничего не удалось достигнуть, то Тотила прекратил, наконец, эти попытки. Пятьдесят воинов за свою храбрость стяжали себе бессмертную славу; в особенности же в этом бою отличились двое мужей, Павел и Авзила, которые выскочили из фаланги и самым наглядным образом проявили свою храбрость».

Об этой передовой стычке мы будем еще говорить. Далее Прокопий приводит те речи, с которыми оба полководца обратились к своим солдатам, и продолжает свой рассказ так:

«Войска же стояли готовые к бою и построенные следующим образом: оба войска имели прямой фронт, причем и та и другая сторона стремились сделать его как можно длиннее и как можно глубже».

Эта фраза кажется очень спорной. Можно фалангу построить глубже, тогда она будет менее длинной. Можно ее сделать длиннее, тогда она будет менее глубокой. Но невозможно построить ее одновременно и как можно глубже, и как можно длиннее, разве только если автор хотел этими словами сказать, что обе стороны действительно выставили все те войска, которые находились в их распоряжении. Даже если мы, следуя точному и буквальному смыслу слов, отнесем слова «как можно» к одной лишь глубине, все же смысл и логическая ошибка останутся теми же.

«На левом фланге римлян Нарсес и Иоанн заняли позиции около холма».

Исходя из прежнего описания боя за этот холм, мы стали бы искать его приблизительно на середине между обоими войсками. Затем мы узнаем, что римляне, начиная от этого места, еще более загнули вперед свой правый фланг. Поэтому холм должен был находиться еще ближе к римскому лагерю, очень близко от него, так как оба лагеря находились друг от друга лишь на расстоянии двух по-

летов стрелы. В этом обстоятельстве следует искать объяснения тому, что готы не смогли прогнать 50 человек.

«И с ними находился цвет римского войска, а именно — помимо обычных солдат, каждый из них имел избранную свиту из дорифоров, гипаспистов и гуннов. На правом фланге стояли Валериан, Иоанн Пожиратель и Дагистей с прочими римлянами. На двух флангах находилось приблизительно 8 000 стрелков из лука из состава пехотных полков. Нарсес, поставив в середине фаланги лангобардов, герулов и других варваров, велел им спешиться, чтобы они сражались в пешем строю, и таким образом отрезал им возможность к быстрому отступлению, если бы они во время боя ослабели или перестали повиноваться».

Должны ли мы, действительно, поверить тому, что именно недоверие заставило Нарсеса приказать варварам сражаться в пешем строю? Ведь именно эти войска впоследствии дали отпор всем атакам готов. Неужели же Нарсес действительно так плохо знал свои войска? Или же эти германцы вообще были такими людьми, которыми можно было командовать лишь в том случае, когда они бывали всадниками, и все же, несмотря на это, они без видимой причины должны были сражаться в пешем строю? Эта история настолько невероятна, что можно, пожалуй, допустить два предположения: либо это были профессиональные пехотинцы, которых Прокопий по какому-то недоразумению превратил в спешенных всадников, либо же данное расположение войска основывалось на какой-нибудь объективной причине, разъясняющей все дело, причем тот рассказчик, который поведал эту историю Прокопию, или не понял этой причины, или же замолчал ее вследствие какой-нибудь пикантной лагерной сплетни.

«Нарсес выдвинул вперед лишь крайний левый фланг своего расположения, построив его тупым углом и поместив там 1 500 воинов. Из этих людей 500 человек получили приказ немедленно спешить к тому пункту, где римляне потерпят поражение, а остальные 1 000 человек были предназначены для того, чтобы обойти пехоту неприятеля, как только она вступит в бой, и напасть на нее одновременно с двух сторон».

Резерв, предназначенный для того, чтобы приходить на помощь в любой пункт, где чувствуется необходимость в такой помощи, собственно говоря, не должен помещаться на крайней, а тем более на выступающей части фланга. Такой резерв может находиться лишь позади центра. Но все же можно понять, в чем здесь дело. Холмы, замыкавшие долину с обеих сторон, очевидно, были такими крутыми и высокими, что обойти римское войско было невозможно. Единственным местом, где можно было подняться, была та дорога, которая, находясь между одиночным холмом и рядом холмов сбоку, — следовательно, справа от холма, если смотреть со стороны готов, — вела на высоты. Позади этого ущельеобразного подъема Нарсес и расположил своих 1 000 всадников, которые при атаке неприятельской пехоты должны были напасть на нее с фланга, а позади этих 1 000 всадников он держал в резерве еще 500 всадников, которых он оставил в своем личном распоряжении. Выступ фланга был очень незначительным, следовательно, эти 500 всадников были фактически расположены таким образом, что они в случае нужды могли бы притти на помощь даже и центру.

«Тотила соответственным образом построил свое войско. Он проехал вдоль всего фронта, призывая солдат к мужеству и внушая им словами и выражением

лица быть храбрыми. На другой стороне то же самое делал Нарсес. Он приказал нести перед собой на шестах золотые браслеты, цепочки и уздечки и показывал солдатам эти вещи, а также и другие, которые должны были возбуждать в них мужество для борьбы и перед лицом опасности. В течение некоторого времени оба войска стояли в бездействии одно против другого, причем каждое ожидало наступления со стороны противника.

«После этого храбрый воин, по имени Кокас, выехал галопом из готского войска, близко подъехал к римской боевой линии и крикнул, не хочет ли кто-нибудь выйти на единоборство с ним. Этот Кокас был одним из тех римских солдат, которые раньше перебежали на сторону готов, к Тотиле. Тотчас же выступил против него один из дорифоров Нарсеса, армянин по имени Анцала, также верхом на коне. Кокас первый ринулся на своего противника, держа свое копье наперевес и целясь им в живот, но Анцала быстро повернул своего коня, так что избежал удара. Очутившись, таким образом, сбоку от своего противника, он вонзил ему копье в левый бок. Тогда тот упал с коня замертво на землю, что вызвало со стороны римлян громкий крик. Несмотря на это, оба войска сохраняли спокойствие. Тотила же выехал один на пространство, находившееся между двумя армиями, не для того, чтобы вызвать кого-нибудь на единоборство, но чтобы выиграть время. Так как он получил сообщение, что 2 000 готов, которые с ним еще не соединились, уже находились поблизости от него, то он не хотел начинать сражение до их прибытия и проделал следующее. Сначала он хотел показать неприятелю, что он за человек. На нем было богато украшенное и блистающее золотом вооружение, а над его шлемом и копьем развевались пурпуровые султаны необычайной красоты, как это и подобает королю. Сидя на великолепном коне, он на этом пустом пространстве с большой ловкостью проделал джигитовку. Сперва он заставил своего коня проделать изящнейшие повороты и вольты. Затем он на полном галопе бросал свое копье высоко в воздух и снова ловил его за середину, когда оно, колеблясь, падало вниз. Он ловил его то левой, то правой рукой, искусно меняя руку, причем показывал свою ловкость, спрыгивая с коня спереди и сзади, а также с обеих сторон, и снова прыгая на своего коня, как человек, который с молодости был обучен искусству манежной верховой езды. В таких упражнениях он провел целое утро. Чтобы затем еще более оттянуть начало сражения, он отправил герольда к римской армии с предложением начать переговоры. Но Нарсес отклонил это предложение. Пока было много времени для переговоров, Тотила обнаруживал свое стремление к войне, теперь же на поле сражения, он стремился начать переговоры — это уже не могло ввести в заблуждение».

Но почему же Нарсес, который не дал себя обмануть хитростями гота, хотевшего лишь выиграть время, не начал сам наступления? Единоборство Кокаса и Анцалы и рыцарские упражнения готского короля перед лицом обеих армий читаются с интересом. Вполне вероятно, что Тотила стремился выиграть время, так как он поджидал еще 2 000 всадников, но что для одного было выигрышем времени, для другого означало лишь потерю времени. Если мы весь этот рассказ не будем считать сказкой, то должны будем допустить, что Нарсес должен был исходить из тактических соображений, сохраняя оборонительную позицию и предоставляя своему противнику инициативу наступления, но Прокопий упустил сообщить нам эту причину.

«Между тем эти 2 000 готов прибыли. Когда Тотила узнал, что они уже находятся в лагере, то отправился в свою палатку, так как уже наступило время обеда. Готы также оставили свои позиции и отошли назад. При своем прибытии Тотила увидел этих 2 000 всадников и приказал, чтобы все солдаты начали обед».

Здесь мы должны вновь повторить вопрос, почему Нарсес не воспользовался необычайно благоприятным моментом, когда готы покинули свое боевое расположение и возвратились в лагерь, чтобы напасть на них, двинув вперед свое войско? Ведь все эти события разъигрались непосредственно перед боевой римской линией, на глазах у римлян.

Вопросы, которые нами до этого ставились, объясняются одним и тем же представлением и потому указывают на него, как на то утерянное связующее звено всей цепи событий, которое одновременно заполняет все пропуски. Именно — мы должны принять, что Нарсес обладал превосходной оборонительной позицией и определенно рассчитывал на то, что Тотила нападет на него и принужден будет на него напасть. Поэтому он и расположил в центре пехоту, состоявшую из спешенных всадников или усиленную последними. Поэтому он и ожидал наступления. Этим объясняется также то, что он оставался бездеятельным зрителем кавалерийских упражнений готского короля. А этот в свою очередь провел все утро в мелких стычках и ложных атаках для того, чтобы дать подойти своим подкреплениям, держа в то же время свои главные силы на таком далеком расстоянии, чтобы в случае наступления неприятеля можно было бы еще организовать правильное отступление. И это было выполнимо, так как он располагал более сильной кавалерией.

«Он сам надел другое вооружение и приказал всем приготовиться к бою. Затем он тотчас же повел свое войско против неприятеля в надежде опрокинуть его и затем разбить. Но про римлян ни в каком случае нельзя сказать, что они были совершенно не подготовлены, так как Нарсес, правильно предвидя то, что впоследствии действительно произошло, приказал подготовиться к нападению, чтобы никто не смел готовить обеда, отдыхать, снимать с себя хотя бы часть своего вооружения и разнуздывать своего коня. Но в то же время солдаты не остались без еды и без питья. Сохраняя свой боевой порядок, они позавтракали, ни на одно мгновенье не переставая наблюдать за наступлением противника. Помимо этого, было изменено боевое расположение: Нарсес приказал загнуть полумесяцем оба фланга, на каждом из которых стояло по 4 000 пеших стрелков из лука».

Хотя и возможно, что Тотила надеялся на то, что римские войска оставят свои позиции, когда главные силы готов, вместо того чтобы двинуться против них, вернутся назад в свой лагерь, однако, он вряд ли мог ожидать, что Нарсес окажется невнимательным и даст напасть на себя внезапно, находясь лицом к лицу со своими противниками. Хотя подобное иногда и происходило, как, например, при Муртене в 1476 г., но это основывалось не на расчете; здесь сыграли роль особые обстоятельства.

То, что римские лучники были выдвинуты вперед в форме полумесяца, следует понимать в том смысле, что они слегка выдвинулись вперед на тех холмах, которые окаймляли равнину. Они не могли быть выдвинуты очень далеко, так как такие слишком изолированные и слишком выдвинутые вперед рога были бы открыты для нападения противника.

«Вся готская пехота стояла позади всадников на тот случай, если бы всадники были разбиты; тогда пехота задержала бы бегущих и вместе с ними могла бы вновь перейти в наступление».

Если действительно вся готская пехота не имела другого назначения, как быть резервом, то отсюда следует, что она была очень слаба и что, следовательно, все готское войско в своей значительно преобладавшей части состояло из всадников.

«Все готы получили строгий приказ во время этого сражения не пользоваться ни луками, ни каким-либо другим оружием, кроме копий. Таким образом, Тотила был побежден в результате своего собственного неблагоразумия, так как он в начале этого сражения бросил свое войско навстречу неприятелю, не дав ему возможности сравняться с противником в отношении вооружения. Я не знаю, каким образом он мог дойти до этого. Римляне же пользовались, смотря по обстоятельствам боя, либо луком, либо копьем, либо же мечом и могли, таким образом, использовать все шансы. Они сражались частью верхом, частью пешком, окружая противника в одном месте, а в другом — поджидая его наступления и успешно отражая натиск своими щитами. Готские же всадники, напротив, оставив далеко позади себя свою пехоту, поскакали вперед, как бешеные, слепо доверяя силе своих копий, и, настигнув врага, пожали плоды своего собственного неблагоразумного поведения. Направив свою атаку против центра неприятельского расположения, они совершенно неожиданно для себя оказались между 8 000 стрелков из лука, так как эти стрелки, как было указано выше, постепенно выдвинулись вперед. Обстреливаемые с двух сторон, они были тотчас же приведены в смятение и потеряли многих людей и еще большее количество лошадей раньше, чем они достигли противника. Сильно ослабленные, они, наконец, вступили с ним в рукопашный бой».

То, что мы слышим здесь о тактических приемах и о вооружении римского войска, показывает, что мы находимся уже в совсем ином мире, чем тот, в котором находились древнеримские легионы. Нам еще придется говорить об этом дальше. Здесь же следует заметить, что урон, нанесенный готским всадникам неприятельскими стрелками из лука, все же не мог быть таким большим. Римляне стреляли вниз с тех холмов, которые окружали поле сражения. На самой же равнине не могло находиться никаких лучников, так как в таком случае они тотчас же были бы опрокинуты диким натиском готов. Хотя стрелять сверху вниз и было очень удобно, однако, серьезно пострадать от этих выстрелов могли, главным образом, лишь всадники и кони, находившиеся на обоих флангах наступавшей колонны. Ведь равнина должна была быть довольно большой, а дальнобойность стрелы была не очень значительной (ср. т. I, стр. 83). Не только готские всадники, но и их кони были защищены панцырем (Прокопий, I, 116), причем они проскакали мимо расположения римских стрелков самым быстрым аллюром, насколько это позволяло им их тяжелое вооружение, считаем мы необходимым к этому прибавить.

В другом месте (I, 27) Прокопий утверждает, что готские всадники не знали употребления стрел и пользовались лишь мечами и копьями.

«Я не могу сказать, должны ли мы в этом сражении больше удивляться римлянам или их союзникам варварам, так как и те и другие проявили при отражении неприятельского натиска совершенно одинаковое мужество и одинаковую храбрость. Уже наступил вечер, когда оба войска вдруг пришли в движение, причем готы обратились в бегство, а римляне стали их преследовать. Наступление готов потерпело полную неудачу. Готы подались назад под натиском римлян и затем повернули фронт ввиду превосходства сил и прекрасного порядка римлян».

Готская конница произвела сплоченный удар на неприятельскую пехоту, расположение которой, судя по всем признакам, имело в от-

ношении местности какие-то преимущества, о которых Прокопий не упоминает, но о которых мы можем заключить из двух приведенных выше данных, а именно — из того, что Нарсес, во-первых, велел спешиться той коннице, которая принимала участие в этом сражении, а во-вторых — из того, что он строго держался оборонительной тактики. Очень сильным преувеличением является указание, что этот бой длился от обеда до вечера. Готы не ввели в сражение тех резервов, которыми они располагали. Все сражение было ими проведено исключительно с тем расчетом, что мощный натиск всей массы их всадников прорвет центр расположения римлян. Когда же это им не удалось, то тем самым сражение было решено в пользу римлян. Такое наступление, не поддержанное свежими силами, становится при второй атаке не сильнее, а слабее, и, таким образом, его участь фактически решается при первом столкновении. При подобных условиях нельзя себе представить, чтобы сражение могло длиться в течение нескольких часов. Если при первом столкновении всадники проникли в среду пехоты, то, значит, преимущества оказались на их стороне и пехота скоро будет разогнана конницей. Если же всадникам не удастся проникнуть, то при чисто фронтальной атаке им едва ли удастся сделать еще что-нибудь, тем более, если они подвергнутся угрозе и обстрелу с обоих флангов. Прокопий описывает это сражение как борьбу, которая длилась в течение нескольких часов. Но в таком случае мы не находим, собственно говоря, той причины, которая, наконец, вызвала перелом в пользу римлян. Однако, картина этого сражения станет для нас наглядной и ясной, если мы учтем это преувеличение и примем, что «многочисленность и прекрасный порядок» оказались тем решающим моментом, благодаря которому был отбит натиск готов.

Остается неясным, дошло ли дело до той фланговой атаки, которую Нарсес предполагал произвести на своем левом фланге при помощи 1 000 стоявших в ущельи всадников. Ведь эта атака предназначалась для готской пехоты, которой не пришлось побывать в бою. Так как эта пехота держалась в стороне от сражения, то весьма вероятно, что Нарсес повел, наконец, своих всадников в атаку на готских всадников, ударив на них с фланга, и именно этим решил участь сражения.

«Они уже не думали больше о сопротивлении, но бежали, как будто боялись привидений или как будто с ними сражалась некая высшая сила. Когда они вскоре после этого возвратились к своей пехоте, то несчастие, постепенно возрастая, стало принимать все более и более широкие размеры. Это объясняется тем, что отступление велось не в строгом порядке, без намерения собраться и возобновить сражение, или предпринять новое наступление, или сделать что-нибудь подобное, но таким бурным стремительным движением назад, что даже люди из их собственной пехоты были раздавлены.

Поэтому их пехота не раздвинула перед ними своих рядов, чтобы их пропустить, и не удержалась на месте, чтобы внести в них этим успокоение, но вместе с ними бросилась в беспорядочное бегство, причем они, точно в ночном сражении, несли друг другу смерть и гибель. Римские воины использовали этот панический ужас противника и уничтожали беспощадно всех тех, которые еще стояли на ногах, но не осмеливались ни сопротивляться, ни даже поднимать голову. Эти люди в некоторой степени сами подставляли свою шею под нож. Их страх не прекращался, но всюду, где только было возможно, принимал все более широкие размеры.

Во время этой бойни из них погибло 6 000 человек. Многие сдались неприятелю, который их сначала пощадил, а затем все же перебил. Помимо готов, погибло и большинство старых римских солдат, которые до этого отделились от римского войска и, как мы уже указывали выше, перебежали к Тотиле и к готам. Те из готского войска, которые не погибли и не попали в руки неприятелю, пытались ускользнуть тайком, пешком или верхом, в зависимости от счастья, обстоятельств или условий местности».

Ход событий, вытекающий из этого рассказа, можно было бы выразить тактически следующим образом: когда натиск готов ослабел, Нарсес приказал всему своему войску перейти в наступление, погнал неприятельских всадников обратно на их пехоту и, наконец, обратил все неприятельское войско в беспорядочное бегство.

Ход сражения также показывает, что пехота готов должна была быть весьма незначительной ценности. Она оказалась совершенно бесполезной. Она не двинулась вперед, чтобы поддержать всадников, и не прикрывала их после их поражения. Готская пехота не пыталась даже выполнить ту особую задачу, которая представлялась ей благодаря расположению неприятельского войска, а именно — поднявшись на край холма, направить удар против одного из выступавших флангов неприятельских стрелков из лука и, одержав здесь успех, оказать этим влияние на общий ход сражения. Весьма вероятно, что эта пехота вообще не была вполне боеспособной, но что она состояла лишь из стариков, полуинвалидов и слуг, так что в этом сражении все готское войско, собственно говоря, состояло исключительно из всадников. Однако, не является совершенно невозможным и такое объяснение, что готы обладали довольно значительной пехотой, но что она не вступила в сражение, так как участь конной атаки была слишком быстро решена. Готские всадники, отхлынувшие назад и энергично преследуемые, опрокинули свою пехоту и увлекли ее за собой, прежде чем она смогла достигнуть действительной боевой линии.

Если это так и было на самом деле, то главная ошибка Прокопия заключается в его утверждении относительно продолжительности сражения, которая им во всяком случае преувеличена. Нам кажется совершенно невероятным, чтобы пехота готов не подоспела даже в том случае, если бы в действительности сражение длилось хотя бы только полчаса. Ведь в таком случае Тотила должен был бы быть совершенно неспособным полководцем.

Прокопий сам говорит, что он точно не осведомлен относительно того, какой конец постиг лично Тотилу. Согласно одному свидетельству, он был убит во время бегства; согласно другому — он был поражен стрелой и смертельно ранен во время самого сражения, причем его падение вызвало такой ужас среди готов, что они, будучи и без того слабее римлян, обратились в бегство. Вопрос о том, получил ли Тотила свою смертельную рану во время сражения или во время бегства, должен остаться нерешенным. Но даже и в первом случае этот факт не мог оказать прямого влияния на исход сражения, так как, если рукопашный бой уже начался, масса не могла заметить падения своего предводителя.

Мы должны оставить нерешенным также и вопрос о том, правильно ли указание, что во время этого сражения погибло 6 000 готов.

По большей части такого рода утверждения бывают сильно преувеличены.

Совершенно ясно, что римляне обладали очень большим численным превосходством. Мы можем предположить, что общая численность их войск достигала приблизительно 15 000 человек.

Глава III

Сражение при Везувии (453 г.)

Несмотря на свое поражение при Тагинэ, готы продолжали войну под начальством новоизбранного короля по имени Тейя. В течение двух месяцев оба войска стояли друг против друга, отделенные друг от друга лишь глубоко протекавшей речкой Дракон (Сарн), неподалеку от Везувия. Так как Нарсес уже до этого стянул для сражения все свои войска, то мы отсюда можем сделать вывод, что сражения избегали готы, которые теперь намеревались вести войну, придерживаясь выжидательной политики. Они могли надеяться на какие-либо происшествия, которые могли случиться в ненадежном наемном войске римлян, а также на вмешательство франков. Нарсес не сделал никаких попыток выманить их из позиций какими-либо маневрами, но завладел посредством предательства тем флотом, который им подвозил продовольствие. Если посмотреть на карту, то можно предположить, что римский полководец вместе с тем запер готов и отрезал им путь к отступлению. Однако, Прокопий этого прямо не говорит, но заставляет готов, после того как они сперва отступили на Молочную Гору (Mons Lactarius), предпочесть смерть в бою голодной смерти. Как ни прославлено и как часто ни повторялось описание этого сражения, все же я считаю, что его с военной точки зрения использовать нельзя. Это описание гласит (IV, 35):

«В Кампанье возвышается Везувий. У его подножья находятся источники питьевой воды, из которых берет свое начало река по названию Дракон, протекающая мимо Нукерии. Оба войска разбили свои лагери в то время на берегах этой реки. Хотя Дракон и маленькая речка, однако, она непроходима ни для пехоты, ни для всадников, так как протекает по узкому и глубокому руслу, а ее берега чрезвычайно круты. Я не могу сказать, произошло ли это вследствие природы почвы или силы течения воды. Готы заняли мост, ведущий через реку, и расположили свой лагерь в непосредственной близости от моста. Он был укреплен при помощи деревянных башен и машин всякого рода, между которыми находились также и так называемые баллисты, чтобы с их высоты наносить выстрелами вред неприятелю. Нельзя было и думать о ближнем бое, так как река, как это уже было указано, разделяла противников. Они лишь подошли как можно ближе к берегу и обстреливали друг друга. Иногда происходили и единоборства, когда какой-либо гот переходил через мост и вызывал врага на бой. В таком положении оба войска стояли одно против другого в течение двух месяцев. И готы могли держаться до тех пор, пока они господствовали на море и пока они могли доставлять себе на кораблях продовольствие, так как лагерь их находился неподалеку от моря. Но вскоре римляне завладели неприятельскими кораблями, благодаря преда-

тельству одного гота, в руках которого находилось главное командование над всем флотом, а, кроме того, к римлянам еще подошло несчетное количество кораблей из Сицилии и из других частей империи. Кроме того, Нарсес приказал построить на берегу реки деревянные башни, которые должны были отнять у готов последнее мужество. Чрезвычайно удрученные этим и уже испытывавшие недостаток в продовольствии, готы отступили на гору, которая находилась в непосредственной близости оттуда и которую римляне по-латински называли Mons Lactarius (Молочная гора). Вследствие неблагоприятной местности римляне не могли последовать за ними на эту гору. Но варварам пришлось вскоре раскаяться в том, что они сюда отступили, так как здесь им пришлось терпеть еще большие лишения и у них не было никакой возможности хотя бы чем-нибудь прокормить себя и своих коней. Поэтому им показалось лучше найти смерть в открытом бою, чем умереть от голода».

Мы спрашиваем: но разве готам было невозможно отступить?

«Неожиданно выступили они вперед и произвели внезапную атаку на противника. Римляне оборонялись в соответствии с создавшейся обстановкой, т. е. не построившись в ряды, по эскадронам или полкам, находясь под начальством своих командиров, но пестро перемешавшись и даже не имея возможности слышать отдаваемые приказания. Однако, несмотря на это, они защищались со всей энергией настолько хорошо, насколько это было им возможно. Готы отпустили своих лошадей, и все спешились, направив свой фронт против неприятеля и построившись в глубокую фалангу. Когда римляне это увидели, то также спешились и построились таким же образом».

Почему готы отпустили своих лошадей? Прокопий это ничем не объясняет. Но почему же и римляне сошли с коней? То обстоятельство, что готы наступали пешком, могло послужить для римлян двойным основанием для того, чтобы напасть на них с фланга своей кавалерией, хотя бы частично.

Все объяснится, если мы примем, что римляне заперли готов цепью полевых укреплений. Готы попытались прервать линию этих укреплений и, следовательно, наступали в пешем строю, а римляне обороняли эти укрепления тоже в пешем строю.

«Теперь я подошел к описанию чрезвычайно памятного сражения и геройского мужества человека, который не находится ни в каком отношении к какому-либо из так называемых героев. Я имею в виду Тейя. Готов принуждало быть храбрыми их отчаянное положение. Римляне же хотя и заметили отчаяние противников, оказывали им всеми своими силами сопротивление, так как стыдились уступить более слабому неприятелю. Обе стороны с неукротимой энергией бросились одна на другую; одни — потому, что искали смерть, другие — потому, что сражались за пальму победы. Рано утром началось сражение. Видимый издали, Тейя стоял с немногими спутниками перед фалангой, защищенный своим щитом и размахивая своим копьем. Лишь только римляне его увидели, они решили, что с его падением тотчас же кончится сражение. Поэтому против него двинулись, сомкнувшись в очень большом числе, самые храбрые воины, бросая в него своими копьями. Но он встречал все копья своим щитом, который его прикрывал, и убил многих молниеносными ударами. Каждый раз, когда его щит заполнялся пойманными копьями, он его отдавал своему оруженосцу и брал другой. Так неутомимо сражался он в течение трети дня».

Готы, говорится в этом описании, построили глубокую фалангу, и Тейя, сражаясь перед этой фалангой совсем один, с немногими спут-

никами, продержался здесь в течение многих часов. Это — поэма, но не сражение. Что же делала в течение всего этого времени вся глубокая фаланга готов? Разве она не доверяла своим силам? И неужели римляне не смогли одолеть немногочисленного противника? Это было возможно в тех боях, которые давались под стенами Трои, но уже стало невозможным в те времена, когда научились строить фаланги. Даже самый сильный и самый храбрый король готов со своими спутниками был бы опрокинут одной древнеримской манипулой даже в том случае, если бы последняя состояла из одних только рекрут. Поэтому мы должны отвергнуть либо тот факт, что друг против друга стояли две фаланги в техническом смысле этого слова, либо же единоборство короля Тейи. Объяснение этих противоречий, очевидно, лежит в том, что на самом деле при попытке готов прорваться через римскую линию отличился своей личной храбростью наряду с другими воинами также и король, который при этом погиб и смерть которого была украшена легендами.

«Но вот оказалось, что в его щите торчит двенадцать копий, так что он уже не мог им двигать по своему усмотрению и отталкивать при помощи его нападавших на него воинов. Тогда он громко позвал одного из своих оруженосцев, не покидая своего места и не отступая даже на ширину одного пальца. Ни на одно мгновение не дал он врагам возможности продвинуться вперед. Он не поворачивался таким образом, чтобы щит ему прикрывал спину, и не отклонялся в сторону, но стоял, как бы приросши к земле за своим щитом, сея правой рукой смерть и гибель, а левой — отталкивая врагов, и громким голосом звал по имени своего оруженосца. Когда оруженосец подошел к нему со щитом, он тотчас же взял щит вместо своего старого щита, отягощенного копьями. И в этот момент его грудь обнажилась лишь на одно краткое мгновение. Именно тогда в него попало копье, и он тотчас же упал на землю. Вскоре римляне воткнули его голову на шест и показали ее обеим армиям: римлянам — для того, чтобы еще больше разжечь их пыл, готам же — для того, чтобы они в отчаянии прекратили бой. Но готы этого не сделали, они сражались до наступления ночи, хотя и знали, что их король погиб. Когда стемнело, противники отошли друг от друга и провели ночь с оружием в руках. На другой день они рано поднялись, заняли те же самые позиции и сражались опять до самой ночи. Ни одна сторона не отступила перед другой даже на ширину одного пальца, хотя многие воины с обеих сторон нашли здесь свою смерть, но все с ожесточением продолжали свою кровавую работу: готы — в полном сознании того, что им приходится сражаться в последний раз, римляне же — потому что не хотели, чтобы их одолели готы. Наконец, готы послали некоторых своих знатных людей к Нарсесу и поручили им сказать ему, что они теперь почувствовали, что бог против них и что им противостоит непреодолимая сила. А так как события им ясно показали, каково истинное положение вещей, то они хотят изменить свое мнение и прекратить бой, — не для того, чтобы стать подданными императора, но чтобы вести свободную жизнь среди каких-нибудь иных варваров. Они просили римлян, чтобы те разрешили им мирно удалиться и, отдав дань справедливости, оставили бы им на путевые расходы те деньги, которые каждый из них себе ранее скопил в крепостях Италии. Нарсес созвал совет для решения этого вопроса. Иоанн, племянник Виталиана, убедил его в том, что необходимо исполнить эту просьбу и не следует сражаться с людьми, которым уже больше не страшна смерть, так как не следует испытывать мужество отчаяния, которое может оказаться роковым не только для них, но и для их врагов. «Муж, обладающий мудрой умеренностью, — говорил он — довольствуется победой, так как чрезмерное напряжение может легко повести к гибели». Нарсес согласился с этим мнением, и было решено, что варвары, оставшиеся

в живых, должны тотчас же со всем своим имуществом удалиться из Италии и никогда, ни при каких обстоятельствах не сражаться более против римлян. Между тем 1 000 готов вышли из лагеря и направились к городу Тикину и в область, лежащую по ту сторону По. Ими предводительствовал наряду с другими также и Индульф, о котором я уже ранее упоминал. Все же другие поклялись выполнить договор.

«Таким же образом римляне взяли Кумы и все другие местности, и так окончился восемнадцатый год этой войны с готами, описанной Прокопием».

Так пишет Прокопий. Его описание выразительно, впечатляюще, но исторически мало удовлетворительно. Почему и каким образом 1 000 готов отделились от прочего войска? Каким образом они от Везувия достигли Павии? Мы должны будем допустить, что более или менее крупной части готов удалось в одном месте прорвать кольцо римской осады и что окончательно капитулировало не все войско готов, но лишь большая его часть.

Непосредственно примыкая своим историческим трудом к работе Прокопия, Агаций рассказывает:

«Когда Тейя, получивший вслед за Тотилой власть над готами, со всеми своими силами возобновил войну против римлян и выступил против Нарсеса, то был разбит наголову и сам пал во время сражения. Готы, оставшиеся в живых, непрестанно преследуемые римлянами, жестоко теснимые ими во время их непрерывных атак и, наконец, запертые со всех сторон в безводной местности, заключили с Нарсесом договор, по которому им разрешалось жить в их поместьях, причем они соглашались на будущее время быть подданными римского императора».

Ни один историк еще не мог сказать, каким образом согласовать эти два свидетельства.

Глава IV

Сражение при Казилине (в 554 г.)

Едва ли еще не меньшее военное значение, чем оставленное Прокопием описание сражения при Везувии, имеет рассказ Агация о поражении франков при Казилине. Здесь запутана даже стратегическая цепь событий.

Франки уже неоднократно вмешивались в готско-римскую войну с затаенной мыслью завладеть чем-нибудь в свою пользу. И когда теперь готское войско потерпело поражение, появилось франкское войско под начальством двух алеманнских герцогов, братьев Букелина и Лейтара. Нарсес в то время был еще занят осадой и занятием городов и укрепленных пунктов, находившихся в руках готов. Совершенно ясно, что, получив известие о вторжении франков, он не мог сделать ничего лучшего, как тотчас же выступить против них, разбить их и прогнать обратно за Альпы. Баснословное указание относительно численности франков (75 000 человек) не должно нас вво-

дить в заблуждение. Мы с самого начала не можем сомневаться в том, что такое вспомогательное войско, посланное через высокие горы и собранное даже не во всем государстве франков, а лишь в одной его части, было значительно слабее, чем находившееся в их собственной стране все войско остготов, которое было только что побеждено Нарсесом. Находясь в приподнятом настроении благодаря своим триумфам и гибели обоих храбрых готских королей, римские войска должны были быть в состоянии одолеть также и франков, вторгшихся в Италию, если бы они направились против них сосредоточенными силами.

Если бы Нарсес это сделал и победил франков, то ни один пункт в Италии не смог бы ему более сопротивляться. Но вместо этого он отправил навстречу своему новому противнику лишь часть своего войска под начальством герула Фулкариса, приказав ему задержать неприятеля и напасть на него лишь в том случае, если он сможет рассчитывать на успех. Эта ошибка имела тяжелые последствия. Фулкарис был разбит и сам искал смерти в бою, так как он не решался явиться побежденным к Нарсесу. Агаций обвиняет герула, считая, что причиной поражения была его неосторожность и безумная смелость. Но если правильно то, что он говорит дальше, будто бы Нарсес с самого начала знал о превосходстве сил противника, то, очевидно, вина за поражение должна, собственно говоря, пасть на полководца. Это, пожалуй, можно объяснить таким образом, что Нарсес — как раз наоборот — недооценил силы франков и что версия о том, будто бы он советовал Фулкарису быть осторожным, была придумана лишь впоследствии для того, чтобы оправдать верховного главнокомандующего и снять с него вину в отправке против франков недостаточных сил.

Несмотря на поражение Фулкариса, Нарсес продолжал начатую им осаду Лукки, но когда он, наконец, взял город, то не сумел сделать ничего лучшего, как расположить свои войска в разных местах на зимние квартиры. Если мы себе представим, что в таком положении находился Цезарь, то мы не сможем сомневаться, что он, собрав отовсюду свои войска, чтобы оказаться возможно сильнее франков, двинулся бы против них. Нарсес же, согласно Агацию, — считая, что так как стоит зима и так как франки особенно воинственны в это холодное время года, к которому они привыкли у себя на родине, — разделил свои войска, расположив их в разных городах на зимние квартиры, и допустил, чтобы франки в то время, когда римские войска укрывались за стенами городов, прошли через всю Италию вплоть до Мессинского пролива и самым ужасным образом разграбили всю страну. А франки даже не считали для себя необходимым держаться вместе, но разделились на два войска. Готы же, ободрившись, примкнули к ним в большом количестве.

Едва ли мы можем допустить, что Нарсес без побудительных причин предоставил вверенную ему страну этим бедствиям. Если франки были особенно приспособлены для ведения войны зимою, то ведь и римские войска также состояли из германцев.

Может быть, некоторым указанием на истинную причину является то обстоятельство, что некоторые войсковые части, получив предписание двинуться вперед, заявили, что они еще не получили своего жалованья. Но это лишь предположение, к которому нас приводит это указание. И лишь весною, когда франки возвращались из южной

части полуострова, войско, собранное, между тем, Нарсесом, преградило им путь около р. Казилина (Волтурно), неподалеку от Капуи. Согласно Агацию, у Нарсеса было 18 000 человек, франки же, хотя здесь находилась лишь половина их войска, насчитывали якобы 30 000 человек; конечно, этой цифре ни в каком случае нельзя доверять.

Непосредственно перед самым развертыванием для боя произошел конфликт дисциплинарного характера между полководцем и контингентом герулов, находившимся под начальством Синдуала, вследствие чего герулы отказались встать под оружие. Но когда Нарсес громко перед войском воскликнул, что каждый, кто хочет иметь свою часть в победе, должен следовать за ним и итти вперед, то герулы сочли для себя позорным остаться позади, так как это могло бы показаться с их стороны трусостью, и потому сообщили, что они также пойдут. Нарсес велел им ответить, что он не может их ждать, но что при построении боевого порядка он оставит для них свободное место.

О самом сражении Агаций рассказывает в следующих словах:

«Лишь только Нарсес прибыл к тому месту, где он задумал дать сражение, он тотчас же построил свое войско фалангой. На двух флангах находились всадники, вооруженные дротиками и круглыми щитами, а также луками и стрелами, а некоторые из них, кроме того, и длинными копьями. Сам полководец стоял на правом фланге, и при нем находился Цандала, его домоправитель, с той частью челяди, которая была способна носить оружие. На двух флангах стояли Валериан и Артабан, получившие приказ скрываться на опушке лесной чащи, чтобы неожиданно напасть на противника, когда он перейдет в наступление, и окружить его с двух сторон. А все пространство в середине расположения занимала пехота. Вдоль фронта стояли передовые бойцы, с головы до ног закованные в железо и образовавшие стену из щитов, а сзади к ним тесно примыкали другие ряды вплоть до хвоста колонны. Легковооруженные и метатели дротиков стояли позади и ожидали возможности использовать свое дальнобойное оружие. В средней части фаланги было оставлено место для герулов, которое еще оставалось пустым, так как они еще не подошли. Два герула, незадолго до этого перебежавшие на сторону неприятеля, не зная еще о последовавшем затем решении Синдуала, побуждали варваров как можно скорее напасть на римлян. «Ведь вы застигнете их в полном беспорядке и в смятении,—говорили они,—так как полк герулов в своем упорстве отказывается принять участие в бою, а другие повержены в полное отчаяние вследствие их отпадения». Желая, чтобы эти слова соответствовали правде, Бутилин дал себя легко уговорить и повел вперед свое войско. Все шли прямо на римлян, охваченные стремлением сражаться, не спокойным шагом и соблюдая полный порядок, но быстро и бурно, как будто они не могли удержать своего стремления итти вперед как можно быстрее и как будто они хотели опрокинуть римское войско при первом своем натиске. Их боевое расположение имело форму клина, следовательно, было похоже на греческую букву «Д» (Δ). Там, где клин кончался своим острым концом, щиты воинов были тесно сдвинуты друг к другу наподобие крыши, что напоминало как бы голову кабана. Стороны были построены уступами, состоявшими из отделений и взводов, и стояли очень косо, так что постепенно расходились на большое расстояние друг от друга, образуя в середине пустое пространство, причем можно было видеть рядами открытые спины солдат. Таким образом был построен фронт, направленный в разные стороны, чтобы иметь возможность стоять лицом к противнику и сражаться против него, прикрывшись своими щитами,

причем именно благодаря такому построению само собой получалось обеспечение тыла.

Все происходило так, как того хотелось Нарсесу, которому благоприятствовало счастье и который наряду с этим прекрасно умел принимать соответствующие меры. Когда варвары с ужасным боевым криком при своем первом натиске столкнулись с римлянами, они прорвали в центре линию передовых бойцов и достигли того пустого пространства, которого еще не заняли герулы. Острие их клина прорезало ряды римлян, не причинив им больших потерь, вплоть до самого хвоста колонны, а некоторые даже пошли дальше, как будто они хотели штурмовать римский лагерь. Тогда Нарсес постепенно загнул и вытянул оба фланга, так что они стали спереди окружать противника, и приказал конным лучникам обстреливать его с тыла. И они это стали тотчас же делать без всякого труда; так как неприятель сражался в пешем строю, то всадникам было легко издалека обстреливать их вытянутую линию, которая не могла защищаться с тыла. И мне кажется, что всадникам, находившимся на флангах, было очень просто через головы тех, которые стояли совсем близко от них, стрелять в спину солдатам тех рядов, которые находились на противоположной стороне. Таким образом, спины франков были обстреляны со всех сторон, так как римляне обстреливали с правого фланга одну внутреннюю сторону клина, а с левого фланга другую внутреннюю сторону. В результате, стрелы летели вдоль и поперек и попадали во все, что находилось в этом пространстве, причем варвары даже не замечали, откуда шли выстрелы, и не могли от них защититься. Они совершенно не знали, откуда их настигала гибель, так как стояли, повернувшись фронтом к римлянам, и смотрели лишь в эту сторону; затем, сражаясь с тяжеловооруженными, они едва могли видеть конных лучников, находившихся сзади, и, наконец, выстрелы попадали им не в грудь, а в спину. Впрочем, большинство даже не имело времени раздумывать об этом, так как почти каждый выстрел был смертельным. Вследствие того, что каждый раз падали крайние воины, становились видными открытые спины следующих, а так как это случалось очень часто, то число варваров быстро таяло. Между тем, подошел Синдуал с герулами, выступившими против тех, которые, прорвав центр, проникли дальше. Герулы тотчас же перешли в наступление; это повергло варваров в немалое отчаяние, так как они решили, что попали в засаду. Поэтому они обратились в бегство, обвинив в предательстве обоих перебежчиков. Но Синдуал и его люди не отставали от них и теснили их до тех пор, пока одна часть не была перебита, а другая сброшена в водоворот реки. Когда, таким образом, герулы заняли свое место, заполнив пустое пространство, и когда фаланга была замкнута, франки, как бы опутанные сетью, были перебиты. Боевой порядок франков был окончательно расстроен, и франки собирались в отдельные кучки, которые уже не знали, что им делать. Римляне поражали их не только своими стрелами, теперь на них напали также тяжеловооруженная пехота и легковооруженные со своими копьями, шестами и мечами. Всадники окончательно и целиком охватили их с флангов, напали на них с тыла и отрезали им всякий путь к отступлению. Спасавшиеся от меча и подвергавшиеся преследованию были принуждены прыгать в реку, где они и тонули. Со всех сторон раздавался жалобный вой варваров, которые избивались самым ужасным образом. Предводитель варваров Бутилин и все его войско были стерты с лица земли, причем погибли также и перебежчики из императорского войска; ни один из германцев не увидел больше своего родного очага, за исключением пяти человек, которые каким-то образом избежали общей гибели. Как же по этому поводу не сказать, что варвары потерпели наказание за свои злодеяния и что их настигла высшая сила? Все громадное количество франков и алеманнов, а равно и все те, которые вместе с ними пошли на войну, были уничтожены, а со стороны римлян пало лишь 80 человек, которые должны были первыми выдержать натиск неприятеля. В этом бою отлично сражались почти все римские полки, а из союзных варваров больше всего отличились гот Алигерн, так как и он сражался вместе

с римлянами, и начальник герулов Синдуал, который никому ни в чем не уступал. Но все удивлялись Нарсесу и восхваляли его. Благодаря своему искусству полководца Нарсес заслужил себе великую славу».

Так пишет Агаций. Я не могу подавить в себе подозрения в том, что весь этот рассказ является свободным полетом фантазии, порожденным одним лишь словом «голова кабана».

Очевидно, Нарсес располагал значительным численным превосходством сил, особенно в отношении конницы. Его боевая линия превосходила на обоих флангах протяжение боевой линии франков. При этом представляет мало значения то обстоятельство, были или же не были крайние оконечности флангов первоначально прикрытыми лесными участками. Франки намечали сражение таким образом, чтобы расположением своего войска в форме кабаньей головы, своей сильной и глубокой пехотной колонной опрокинуть центр боевой линии неприятеля, прорвать его и тем решить участь сражения.

Если бы эта колонна была заостренной, то ее острие было бы тотчас же охвачено противником, а если бы она была пустой изнутри, то не могла бы испытывать с тыла силы давления (ср. то, что сказано о германском клине выше, в гл. II части 1-й). Хотя эта колонна и не обладала, конечно, указанными двумя свойствами, хотя в ее построении и не было тех двух ошибок — заостренности и пустоты, которые придумал Агаций,—она все же не проникла внутрь неприятельского расположения. Весьма возможно, что подошедший в последний момент отряд герулов усилил уже дрогнувший центр римлян и остановил натиск франков.

В этот именно момент кавалерия римлян, вооруженная дротиками и луками, напала на оба фланга штурмовой колонны и подвергла их обстрелу с флангов, а вскоре затем и с тыла. При этом невольно вспоминается сражение при Каннах.

Представление о том, что всадники все время направляли свою перекидную стрельбу через ближе всего к ним находившуюся сторону неприятельского расположения в спину тех солдат, которые стояли на другой стороне, следует свести к тому, что является вполне естественным, а именно — что при наступлении со всех сторон многие франки были поражены в спину. При наличии пустого клина, как его строит Агаций, римские стрелки тем более находились бы на расстоянии нескольких сотен шагов от противоположной стороны клина, что не могли же они совсем близко подойти к своим непосредственным противникам, а потому и не имели возможности пользоваться стрелами и дротиками.

Если же кого-нибудь возмутит мое скептическое отношение к свидетельству источника, то я попрошу того указать мне, почему он с бóльшим доверием отнесется к описанию Агация, чем к рассказу Аппиана о Каннах и Заме (Нараггара).

Глава V

Стратегия

Когда Юстиниан вступил на престол и стал править государством (в 527 г.), то все западные провинции были отделены от империи, причем одна часть их была отчуждена более чем за сто лет перед тем, а другая — за полстолетия. Юстиниан вернул обратно под свою власть Африку и Италию и был близок к тому, чтобы снова покорить Испанию. С тех пор большие области в Италии в течение долгого времени оставались во власти Византии. Внезапный рост сил на Востоке покажется нам еще более удивительным и еще более значительным, если мы вспомним, какие культурные достижения, — как, например, corpus juris (свод законов) или храм св. Софии, — украшают именно это царствование.

Войны, которые велись Юстинианом на трех различных театрах военных действий — в Месопотамии, в Африке и в Италии — различны по своему внешнему характеру и виду. Война против персов состояла из ряда передвижений, не приведших к какому-либо крупному и решающему окончательному результату. Вандалы были разбиты с одного удара простым авангардом. Война же с остготами велась в течение 18 лет с чрезвычайно резким переменным успехом, причем византийцам все же удалось, наконец, в большом сражении одержать окончательную победу.

Раньше победы Велизария и Нарсеса были совершенно непонятны, так как было известно, что они располагали небольшими войсками и так как еще верили в мощные массы вандалов и готов. Вслед за византийским историком писали, что Витигес осадил Велизария в Риме с армией в 150 000 человек. Но что же стало с этими готами и где они оставались, когда Витигес, два года спустя, сдался Велизарию, у которого, конечно, не было даже 25 000 человек в тот момент, когда он окружил Витигеса в Равенне.

После того как мы внесли ясность в вопрос о численности войск вандалов и готов, нас уже меньше удивляет то, что вандалы не решались вступить в бой с войском, состоявшим из 15 000 человек, чем то, что готы могли так долго защищаться против 25 000.

Здесь, как и всегда, политика определяла характер ведения войны и указывала пути стратегии.

Когда Велизарий, отправившись морским путем на завоевание Италии, высадился сперва в Сицилии, то он имел в своем распоряжении лишь очень незначительные военные силы (в конце 535 г.). Затем он занял Неаполь, Рим и Сполето, причем дело все еще не доходило до сражения. Лишь после этого готы, появившись с большим войском, заперли его в Риме и осаждали его там в течение целого года. Эти факты не могут быть объяснены с чисто военной точки зрения. Ведь если готы были настолько сильны, что могли осадить неприятельское войско, то, с другой стороны, должна была существовать определенная причина, которая мешала им выступить раньше против неприятеля и предотвратить потерю больших городов.

Хотя в это же самое время готам в Далмации угрожали другие войска Юстиниана, а, с другой стороны, казалось, что им еще при-

дется выдержать натиск франков, однако, все это не является удовлетворительным объяснением полной бездеятельности готов в течение целого года.

Юстиниан решился послать Велизария в Италию со столь незначительными военными силами потому, что остготское государство пережило тяжелые внутренние потрясения. Теодахат, бывший сперва лишь соправителем, овладел самодержавной властью, приказав убить Амаласунту, дочь Теодориха. Византийцы явились в качестве мстителей за законную наследницу престола, а Теодахат не был достаточно воинственным по своему характеру для того, чтобы мужественно и энергично вступить с ними в борьбу. Чтобы не погибнуть вместе с ним, готы избавились от него и возвели на престол Витигеса, которого по древнему обычаю провозгласили и избрали королем войска и который укрепил свое положение, обручившись с дочерью Амаласунты. Лишь после этого готы появились на поле сражения, и тотчас же византийцы были наказаны за то, что они недостаточно подготовились к войне; Велизарий со своим войском был осажден в Риме.

Но и готы, как мы знаем, не были многочисленны и не были в состоянии подвергнуть правильной осаде такой город, как Рим. Велизарий удержался на своих позициях, а когда в Константинополе поняли, что готы обладают большей силой национального сопротивления, чем вандалы, то туда были отправлены подкрепления. Они появились в тылу у осаждавших Рим готов и, благодаря добровольному согласию жителей, заняли там ряд укрепленных городов. Это не только заставило Витигеса снять осаду с Рима, но и побудило его, наконец, отступить к Равенне, так как он чувствовал себя недостаточно сильным для того, чтобы противостоять в открытом бою объединенным боевым силам римлян.

Соотношение между противниками сразу изменилось: Витигес был окружен и осажден Велизарием в Равенне, причем дело опять-таки не дошло до сражения.

Витигес сдался, наконец, в Равенне после удивительной интермедии, во время которой корона была предложена самому Велизарию. Велизарий привел его в Константинополь, подобно тому как несколько лет тому назад он привел короля вандалов Гелимера; при этом казалось, что готы после четырехлетней войны окончательно покорились византийцам, хотя между ними не было ни одного настоящего сражения.

Но вскоре произошла внезапная перемена: готы вновь поднялись, вновь избрали себе короля и под предводительством Тотилы в скором времени захватили всю Италию и Сицилию и даже выставили морской флот. Тотила правил в течение нескольких лет в полном блеске своих успехов. Лишь на восемнадцатом году войны, когда греческий флот разбил готский, а Юстиниан тогда же отправил туда Нарсеса со значительным войском, дело дошло до решительного сражения, имевшего место при Тагинэ (в 552 г.), а в следующем году произошли еще два сражения — при Везувии, где был разбит преемник Тотилы Тейя, и при Казилине, где та же участь постигла франков под начальством Бутилина.

Рим за это время пять раз переходил из рук в руки. В 536 г. его занимал Велизарий, в 546 г. — Тотила, в 547 г. — опять Велизарий, в 549 г. его взял Тотила, а в 552 г. — Нарсес.

Таким образом, мы видим, что в течение всей войны повторяется явление, бывшее характерным для ее первой стадии, а именно — большие успехи и внезапные перемены, причем дело, однако, не доходит до тактически решительных моментов боя. Лишь в самом конце происходит то, что вполне естественно можно было ожидать в начале войны, а именно — попытка при максимально возможном сосредоточении собственных сил напасть на неприятеля, с целью его разбить и уничтожить, т. е. сражение.

Причина этого заключается в том, что внутренней слабости готского государства соответствовала слабость византийского. Действительно, Юстиниан, заключив с персами мир, смог бросить сперва в Африку, а затем в Италию значительные боевые силы, но только на самое короткое время. Боевые силы, мобилизованные обеими сторонами, оставались все же незначительными по сравнению с величиной стран и городов, из-за которых шла борьба.

Поразительное восстановление готского могущества при Тотиле произошло вследствие того, что большая часть римских наемников, недовольных управлением византийцев, в особенности же выплатой жалованья, перешла к готам. Совершенно так же и итальянские города, сперва пошедшие навстречу византийцам, вскоре пресытились новым управлением с его налоговыми требованиями и нашли, что под властью готского короля живется не хуже, а, может быть, даже и лучше.

Таким образом, стратегия во время готской войны обусловливалась тем, что обе стороны располагали лишь очень незначительными силами по сравнению с теми обширными областями, из-за которых шла борьба. Готы не смогли занять многочисленные укрепленные города Италии или же занимали их гарнизонами весьма недостаточной численности. Между тем, местные жители держали себя не очень нейтрально и под влиянием менявшихся стимулов легко переходили с одной стороны на другую или по крайней мере не противились передачам.

Когда Витигес стал наступать на Велизария, то этот последний почувствовал себя настолько более слабым, что не решился довести дело до открытого боя, а предпочел подвергнуться осаде в Риме. Приблизительно 10 000 человек было достаточно для того, чтобы изменить соотношение сил. Таким образом, война велась и решалась посредством одних лишь осад и передач городов.

Как только Тотила захватил власть, он тотчас же приказал сломать стены занятых им городов. Другие правители действовали наоборот и старались укрепить свою власть в своей стране, строя крепости.

Один современный ученый [1] высказал мнение, что «о стены Рима разбилось все крупное превосходство сил готского народного войска, чем и объясняется их ненависть против городских укреплений, которые они всюду разрушают». Но ведь Тотила ни в каком случае не действовал под влиянием одной лишь ненависти, но был стратегом, который отдавал себе отчет в том, что он делает. Уже вандал Гейзерих, захватив Африку, разрушил стены городов. Эти германские короли не имели такого количества войск, которое позволило бы им в достаточной мере занять гарнизонами все города своих обширных областей, а между тем, жителям нельзя было доверять: открывая свои

[1] Dahn, «Procop von Caesarea», S. 412.

ворота перед неприятельскими отрядами, города становились опорными пунктами неприятеля.

В недавние времена также обнаружилась однажды приблизительно подобная же обстановка. Когда союзники осенью 1813 г. достигли Рейна, то Гнейзенау посоветовал немедленно продолжать наступление и не пугаться знаменитого тройного пояса крепостей Франции. Именно эти многочисленные крепости должны были привести Наполеона к гибели, так как он не имел достаточного количества войск. Если бы он занял их, то у него не осталось бы войск для действий в открытом поле; если же он вывел бы из крепостей гарнизоны, то крепости попросту перешли бы в руки союзников. Если бы Наполеон смог быстро разрушить большую часть своих крепостей и соответственно усилить свою действующую армию их гарнизонами, то это было бы для него в тот момент стратегическим преимуществом. Так как мы видим, что Тотила сделал нечто подобное, то должны признать в нем полководца, одаренного стратегической мыслью.

Так протекала готская война до тех пор, пока в ней преобладали политические моменты. Термин «политические моменты» я употребляю здесь в широком смысле этого слова. Это не только переход жителей Италии на ту или другую сторону, но также неспособность византийского правительства держать в повиновении своих собственных наемников. Решительный момент наступил лишь тогда, когда Юстиниан вторично послал туда действительно значительные боевые силы и когда также на готской стороне, благодаря разрушению крепостей, положение было настолько подготовлено, что, как это им казалось, у них освободились и объединились силы, достаточные для сражения. Решающий исход сражения оказался не в пользу готов, и это окончательно утвердило их гибель.

Крупные военные успехи Юстиниана основывались не столько на необычайном развертывании новых сил, сколько на счастливой и удачной комбинации сил, имевшихся у него налицо. По сравнению с большими размерами империи и с ее материальными ресурсами эти силы были довольно незначительны и достигли больших результатов лишь благодаря тому, что противная сторона была еще слабее. Как раз в то самое время, когда одерживались эти крупные победы, орда гуннов, а в другой раз также орда славян, переправились через Дунай и прошли через Балканский полуостров вплоть до Греции, грабя и убивая на своем пути. И для того чтобы одолеть их, войск не оказалось.

Успехи на Западе были в особенности обусловлены тем, что в это время в восточной части государства все было спокойно. Мир с персами был заключен еще до того, как Велизарий отправился в Африку. Германцы тоже ясно сознавали все значение этого факта, и потому король Витигес, находясь в тяжелом положении, пытался побудить персидского царя Хозроя к новому наступлению. Принеся крупнейшие жертвы, которые заключались в денежных выдачах, Юстиниан должен был сперва этим удовлетворить персов и лишь затем смог отправить Нарсеса с достаточным количеством войск для нанесения готам последнего решительного удара. Но все то войско, которое удалось собрать лишь благодаря тому, что пришлось так сильно сжаться в другом районе, насчитывало, повторяю, не более 25 000 человек.

Юстиниан рассчитывал победить вандалов и готов, представлявших собой в своей стране лишь узкий тонкий слой иноземных воинов.

Само собой разумеется, что в войне против персов нельзя было ставить перед собой такую цель. Персы, совершенно так же, как и римляне, имели наемные войска, а именно гуннов; к тому же и римские наемники часто переходили на их сторону. Но все же в своей основе это был народ, живший на собственной территории, и в этом была его сила. Следовательно, здесь надо было применить совершенно иную стратегию.

В военной истории мы уже неоднократно встречали такие положения, которые приводили к стремлению, не опрокидывая противника силой, взять его измором, даже избегая большого решительного сражения. Сперва такую стратегию проводил в крупном масштабе Перикл во время Пелопоннесской войны, а затем Фабий Кунктатор. Этот вид стратегии, широко развернутой и доведенной до такой однобокости, которая уже противоречит самому существу войны, находим мы в одной из речей, которую Прокопий влагает в уста Велизария (bell. Pers., I, 18).

Римский полководец говорит своим солдатам, когда они требуют от него, чтобы он напал на уже отступающего противника и вступил с ним в бой:

«Куда вы стремитесь, римляне, и какие страсти вас настолько возбудили, что вы сами хотите подвергнуться ненужной опасности? Люди считают настоящей лишь такую — и единственно такую — победу, при которой от врага не терпишь никакого ущерба. Этим преимуществом вы теперь обладаете, благодаря счастью и тому страху, который поверг в отчаяние неприятельское войско. Не лучше ли воспользоваться этими преимуществами, которые здесь перед вами налицо, чем стремиться к достижению более далеких? Персы, охваченные большими надеждами и стремившиеся к победе, предприняли поход против римлян. Теперь же, обманутые в своих ожиданиях, они стремглав обратились в бегство.

Если теперь против желания мы принудим их оставить мысль об отступлении и заставим их вступить с нами в бой, то, если бы даже мы одержали победу, она не дала бы нам абсолютно никаких дальнейших преимуществ. Чего стоит победа над бегущим? Но если мы потерпим поражение, то из наших рук будут вырваны плоды реальной победы. И потеряны они будут не столько по вине противника, сколько по вине нас самих, по нашему легкомыслию; в результате мы должны будем отдать неприятелю на полное разграбление императорскую область, лишенную защиты. Заслуживает вашего внимания также и то, что небо обычно помогает людям в несчастьях, но не в тех опасностях, на которые человек идет добровольно. Кроме того, очень большую храбрость часто выказывают бессознательно люди, не имеющие никакого выхода. Мы же со своей стороны сознаем, что окружены многими обстоятельствами, неблагоприятными для сражения. Ведь большинство из нас пришло сюда пешком, и мы все еще ничего не ели. И едва ли к этому я должен прибавлять, что многие еще к нам не подошли».

В полном соответствии с этой речью находится указание Прокопия (bell. Pers., I, 14) на то, что Велизарий после своей победы при Даре задержал преследование разбитых персов, так как ему было достаточно этой победы и так как персы, доведенные до крайности, могли бы вернуться и разбить беззаботных преследователей. Совершенно так

же анонимный теоретик этой эпохи [1] запрещает со всех сторон целиком окружать противника, даже будучи вдвое сильнее его, чтобы он, не видя ни одного пути к спасению, не превзошел бы себя в храбрости. Приблизительно через 50 лет император Маврикий, который вступил на престол уже будучи крупным и победоносным полководцем, в своем «Военном искусстве» советовал по мере возможности даже при хороших шансах избегать открытого боя, а лучше наносить ущерб неприятелю при помощи партизанской войны [2]. Ту же самую точку зрения, как говорит Прокопий (I, 17), разделяли также и персы, противники Велизария. Аламундар, сарацинский князь, говорит персидскому царю, что во время войны не следует полагаться на счастье и даже в случае значительного превосходства в силах лучше подстерегать врага хитрыми и ловкими маневрами. Тот, кто прямо идет навстречу опасности, никогда не может быть уверен в своем успехе.

С этими взглядами мы еще встретимся. С XVI по XVIII и даже до XIX вв. они играли большую и подчас роковую роль, а потому нам придется неоднократно к ним возвращаться. Бесспорно то, что ни Александр, ни Ганнибал, ни Цезарь, ведя войну, не следовали этим принципам. Ни один из этих полководцев не считал, что победа, достигнутая над противником, который без боя обратился в бегство, не есть победа; ни один из них не думал, что он должен прежде всего заботиться о том, как бы самому не понести урона. Александр сдерживал свои войска, когда они преследовали персов, но все время гнал их непрерывно вперед до тех пор, пока не падали лошади. Ганнибал организовал свои сражения на принципе полного окружения римлян. Цезарь одержал свои победы, отрезав путь к отступлению Верцингеториксу при Алесии, а Афранию и Петрею при Илерде; когда же он победил при Фарсале, то не остановил своих войск до тех пор, пока не принудил к сдаче все неприятельское войско. Их важнейшим и основным принципом являлось опрокидывание и уничтожение противника, хотя у Ганнибала это положение ограничивалось тактическим решением боя и не расширялось до пределов стратегической операции с конечной целью решения войны.

Но все же остается вопросом, всегда ли Велизарий действовал в полном противоречии с деятельностью этих великих победителей? На этот вопрос не так легко ответить. Основы стратегии, стремящейся опрокинуть и разбить противника, настолько просты, что их можно ясно и легко сформулировать. Но основные положения стратегии измора содержат в себе такое диаметральное противоречие, которое не может быть разрешено одной простой формулой. Фридрих Великий, положивший на это много труда, также не смог дать абсолютно прозрачного и исчерпывающего изложения этой теории. Поэтому мы не должны безусловно и определенно применять к Велизарию все то, что заставляет его говорить Прокопий или что устанавливают другие теоретики его эпохи. Ведь мы не имеем достаточно надежных сведений относительно мотивов и внутренней связи его действий, чтобы сделать из них совершенно достоверные выводы. Слава Велизария основывается на тех успехах, которые он одержал в борьбе с вандалами и остготами. Он победил и покорил эти два знаменитые своей воинственностью народа и доставил их королей,

---

[1] Köchly und Rüstow, «Gr. Kriegsschriftsteller», II, 2, 167; гл. XXXIV, 4.
[2] Jähns, «Geschichte der Kriegswissenschaft», I, 155, Ср. т. IV.

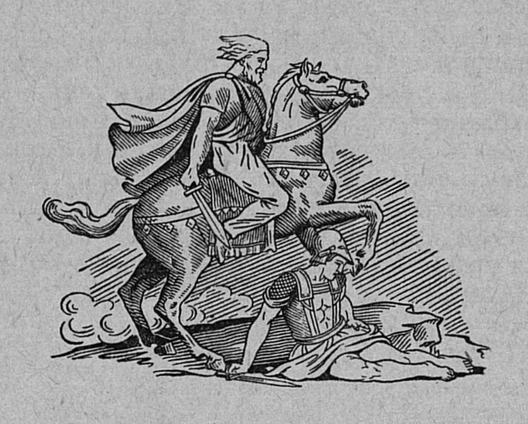
Витигеса и Гелимера, пленными в Константинополь. Обе эти войны не привели ни к одному большому сражению, но отсюда еще не следует делать какой-либо вывод относительно стратегии Велизария. Ведь вандалы и готы не давали возможности довести дело до такого исхода. Лишь Нарсес дал, наконец, остготам сражение, которое привело их к уничтожению, после того как они согласились под начальством Тотилы принять этот бой.

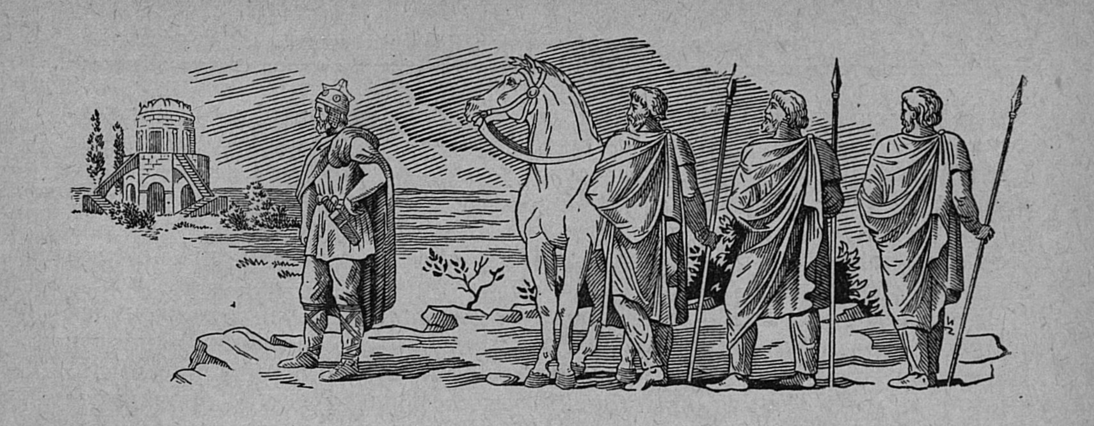
Согласно Прокопию, Велизарий дал персам два настоящих сражения. В первый раз, в 530 г., персы хотели помешать постройке крепости Дара севернее Нисиба, в Месопотамии, там, где гористая местность переходит в равнину. Велизарий встретил их на хорошо подготовленной оборонительной позиции и отбил их, причинив им большие потери, но не преследовал их (bell. Pers., I, 14). Если его победа была действительно такой крупной, как это описывает Прокопий, то это упущение следует, безусловно, считать большой ошибкой. Преследование врага по месопотамской равнине должно было бы дать весьма большие результаты. Но, может быть, следует подвергнуть сомнению вопрос о том, было ли это сражение действительно столь значительным. Может быть, здесь все дело ограничивалось простыми стычками, растянувшимися на широком протяжении? Ведь, согласно Прокопию, персы были вдвое сильнее римлян, имея 50 000 воинов против 25 000. Как на это дальше указывает Прокопий (I, 16, 1), персы не раз оставляли свои позиции в окрестностях Дары и беспрепятственно совершали нападение на римские области на севере (в Армении) и на юге (в Сирии).

Вторжение в Сирию привело ко второму сражению — при Каллиниконе (Никофорионе) на Евфрате. Велизарий следовал за отступавшим неприятельским войском, не имея намерения на него напасть. Но его войско, возбужденное преследованием, принудило его дать сражение, и он был разбит.

Из этих фактов мы должны сделать тот вывод, что персы на этом театре военных действий располагали очень крупным количественным или качественным перевесом сил, так что римляне ни в каком случае, само собой разумеется, не могли здесь иметь действительно продолжительных и больших успехов.

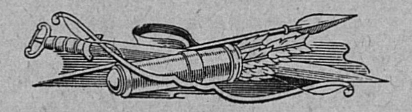
Такие военно-политические соотношения равновесия являются почвой, на которой вырастают идеи стратегии измора.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРЕХОД К СРЕДНИМ ВЕКАМ

Глава I

Организация военного дела в романо-германских государствах

Германские племена, расположившиеся в римских провинциях, были расквартированными войсками, но не крестьянами, искавшими землю. Держа власть в своих руках, они создали новые государственные порядки и новые государственные организмы, причем сами составляли их вооруженную силу. Их воинственность основывалась на природной воинской силе, на родовой спайке и на дикой личной храбрости отдельного воина.

Правильно поняв и оценив значение этих боевых качеств, местами делали попытки на время сохранить это драгоценное сокровище воинственности. С этой целью искусственно отделяли германскую культуру от римской, вместо того чтобы быстро слить их воедино, изолировали германскую культуру и пытались предохранить ее от яда римской цивилизации. Когда римляне впервые осознали опасность, грозившую им со стороны варваров; когда готы и франки прошли через империю по суше и по воде, причем легионы уже не имели достаточно сил для того, чтобы их отогнать и защитить внутренние области страны; когда увидели, что единственную помощь против варваров можно найти лишь среди самих варваров,— тогда во второй половине III столетия стали делать попытки привлечь к себе как можно ближе этих варваров, стремясь взять их к себе на службу. Император Галлиен сам женился на германке по имени Пипара. Импе-

ратор Аврелиан побуждал своих командиров вступать в брак с германками. Константин Великий начал облекать германцев высокими республиканскими званиями, даже титулом консула, в чем его впоследствии упрекал его племянник и преемник Юлиан. Но при преемнике Юлиана Валентиниане мы обнаруживаем противоположную тенденцию — браки между римлянами и германцами прямо-таки запрещаются (в 365 г.) [1].

Когда вестгот Атаульф основал государство, то он сам женился на дочери римского императора Плацидии, но его преемник запретил своему народу вступать в брак с римлянами, и это запрещение имело силу в течение почти полутораста лет [2]. Практическое проведение этой меры, которая заключалась в отделении внутри одного и того же государства германцев от римлян, всюду облегчалось тем, что римляне и германцы,—даже после того как они были крещены,—образовывали различные церковные общины. Все германские племена, за исключением франков, стали арианами. Особенно остгот Теодорих,— повидимому, вполне сознательно,—стремился к тому, чтобы сохранить свой народ в качестве военного сословия в среде римской культуры. Готы продолжали жить на чужой почве, подчиняясь собственным законам. Ни один гот не имел права занимать гражданской должности, как ни один римлянин не мог быть солдатом [3]. Когда дочь Теодориха Амаласунта захотела кое-чему обучить своего сына Атанариха, то готы вследствие этого сделали ей такого рода замечание: она неправильно воспитывает юного короля, так как читать и писать вовсе не есть храбрость, а нечто совсем иное; кто научился бояться палки учителя, тот никогда не станет воином. Теодорих никогда не позволял готским мальчикам ходить в школу и сам завоевал большое государство, совершенно не умея ни читать, ни писать [4].

С максимальной строгостью сохранялось положение, гласившее, что германец является солдатом и профессиональным воином. В государстве Теодориха лишь гот был военнообязанный, и к тому же безусловно военнообязанным. В одном сохранившемся документе мы читаем, как заслуженный ветеран, который уже не был в состоянии носить оружие, должен был подать особое прошение об освобождении от воинской повинности, и лишь после долгого и подробного исследования этого вопроса королевским приказом было выражено согласие на его просьбу. Неспособные носить оружие лишались того

---

[1] Хотя закон Валентиниана I сохранился в Кодексе Феодосия (IV, 14), однако Рихтер сделал попытку подвергнуть чрезмерно строгой критике его содержание (H. Richter, «Das weströmische Reich», S. 681, Anm. 150). Однако, с юридической точки зрения не выдерживает критики его попытка истолковать термины «жена варварка» (barbara conjux) и «иностранцы», как относящиеся к тем варварам, которые живут за пределами Римской империи. Если сам Валентиниан выдал римлянку замуж за Меробауда и если Феодосий дал свою собственную племянницу в жены готу Фравитте и вандалу Стилихону, то это были исключения, которые себе иногда позволяли делать высшие классы.

[2] Согласно Цеймеру, Леовигильд (569—586) разрешил законом браки (connubium) между готами и римлянами. На практике же и раньше это запрещение часто нарушалось,—на него уже не обращали внимания (Zeumer, «Geschichte der westgothischen Gesetzgebung», «N. Archiv. f. ä. d. Geschichtsk.» Bd. 24, S. 574).

[3] «В государстве Теодориха, как одни лишь готы могли быть солдатами, так и одни лишь готы могли быть офицерами. Исключению готов из рядов гражданской магистратуры соответствовало исключение римлян из среды военных должностных лиц». Mommsen, «Ostgotische Studien», 497.

[4] Прокопий, «Bell. Goth». I, 2.

ежегодного подарка, который король регулярно делал своим воинам из сумм налоговых поступлений [1].

Вестготы [2], как мы уже видели выше, усовершенствовали свою военную организацию по римскому образцу; очевидно, это произошло в ту эпоху, когда они после своей победы при Адрианополе расположились и расквартировались во Фракии (следовательно, в период между 378 и 395 гг.). Несколько сотен соединялись в тысячу, которая находилась под начальством тысячника (милленария) или тиуфада (народного вождя), а сотни делились на десятки, во главе которых стояли деканы. Когда же они расселились к югу и к северу от Пиренеев, то все или некоторые тысячи были разделены и были образованы пятисотенные части. Но это арифметическое и военное расчленение было нарушено и постепенно вытеснено политико-географическим делением на провинции, во главе которых стояли дуки (duces — вожди, герцоги), и графства, во главе которых стояли комиты (comites — спутники, графы).

Теперь уже не так легко было организовывать для несения военной службы народ, который не жил больше сконцентрированно в одном месте, но был широко рассеян по всей стране. Опаздывавшим на призыв грозили строгие наказания. Для продовольствия призывников организовывались зерновые склады. Кто не получал того, что ему причиталось, мог подать жалобу, и тогда виновные чиновники должны были в четыре раза возместить ему недоимку.

В это же время наряду со всеобщей воинской повинностью появилась и другая организация военного дела, о которой мы узнаем из законодательства короля Эвриха (466—484 гг.), сына того короля Теодориха, который погиб в сражении на Каталаунских полях.

Мы уже видели, как наемничество в Римской империи привело к системе кондотьерства, которая заключалась в том, что старшие командиры (генералы) являлись предводителями отрядов, находившихся на службе лично у них. Эти воины, которых также называли частными солдатами, носили название «буккелариев». Слово «буккеларий», очевидно, происходит от слова «buccella» (сухарь, кусок) и, очевидно, первоначально было насмешливым прозвищем, которое, как часто бывает, потеряв этот привкус, получило характер общепринятого выражения. Это слово и это понятие мы и встречаем в законе Эвриха. Буккелариев сопоставляли с германскими дружинниками и считали, что в них отразился процесс проникновения германской культуры в римскую. Греческие писатели иногда употребляют выражение «παῖδες» (дети, ребята), в чем острый взор наблюдателя увидел перевод германского слова «Degen». Дело в том, что это слово не имеет никакого отношения к слову, обозначающему оружие (Degen — меч), но либо связано с корнем слова «gedeihen» (процветать, расти, развиваться), либо, согласно более новому толкованию, с корнем греческого слова «τέκνον» (дитя) и, следовательно, во всяком случае означает «подросшие ребята». Это явление, несомненно, находится в некотором родстве с древним установлением дружины. Однако, это родство является лишь вторичным моментом. Германский дружинник в древнем, собственном

---

[1] Dahn, «Könige», III; V, 36.

[2] Этот абзац теперь переработан на основании работы Eugen Oldenburg, «Die Kriegsverfassung der Westgoten», Berlin. Dissert. 1909.

смысле этого слова стоит лично к своему господину гораздо ближе: он ест с ним за одним столом и растет вместе с ним, а когда его господин возвышается до королевской власти, то дружинник становится знатным человеком. Военная дружина расширяется и распространяется книзу, и дружинник становится простым солдатом, поступающим на службу в качестве наемника, причем совершенно исчезает понятие собственно дружины в смысле личного, дружеского отношения к господину.

Все же мы, конечно, можем сказать, что там, где мы находим буккелариев на службе у знатных германских людей, там на них еще держится и сохраняется отблеск столь высоко стоявшей идеи личного долга, верности дружинника по отношению к своему господину. Закон Эвриха устанавливает, что буккеларий в качестве свободного человека имеет право выбрать себе другого господина, но в таком случае должен отдать все то, что он получил от своего прежнего господина. Тэйдес, долго правивший в качестве штатгальтера (наместника) государством вестготов, а позднее — в 531 г. — сам себя сделавший королем, имел в своей свите, как сообщает Прокопий [1], не менее 2 000 человек. Эти 2 000 человек были, разумеется, в большинстве своем готы. А общее число германцев в вестготском государстве, как мы это можем предположить, было, конечно, не более 20 000 воинов. Следовательно, если один из них имел у себя на службе 2 000 воинов, то становится понятным, какое значение приобрела эта форма военной службы.

В более позднем сборнике законов готов уже больше не употребляется слово «буккеларий», причем это понятие заменяется оборотом «поставленный под покровительство» [2]. Отсутствие особого технического термина для такого точно описанного явления указывает на то, что вместе с тем подтверждается и фактами, а именно — на то, что этот процесс не получил среди вестготов существенного развития в указанном направлении.

Строгое отделение германцев от римлян привело у всех арианских племен к простой и уверенно действовавшей военной организации. У остготов и вестготов, у вандалов и бургундов, мы думаем, дело происходило приблизительно таким же образом. Но среди франков мы с самого начала находим иные отношения. Здесь никогда не производилось раздела земель и никогда не делалось попыток сохранить военную силу при помощи длительного отделения друг от друга этих двух народных элементов. Франки не стали арианами, но тотчас же вступили в католическую церковь. Вопрос, следовательно, заключается в том, не поставили ли франкские короли на более широкую основу организацию военного дела и воинской повинности, объединив с самого начала в единую группу своих германских и римских подданных.

В наших источниках мы находим такие места, которые указывают, что король франков имел право требовать несения военной службы от всех своих подданных. Это было истолковано таким образом, что в государстве франков, в отличие от других государств,

---

[1] Прокопий, «Bell. Goth.», I, 12.

[2] В. Cod. Euric., cap. 310 четыре раза встречается термин «буккеларий» (buccelarius). В «Antiqua», V, 3, 1 вместо этого термина встречаются выражения «поставленный под покровительство» и «тот, кто находится под его покровительством».

фактически существовала всеобщая военная служба всех свободных и полусвободных людей, — доказательство того, как чисто книжная ученость может ввести в заблуждение даже действительно крупных ученых. Отдельные горожане и крестьяне, которые должны были уходить далеко и на долгие месяцы на войну, снаряжаясь на собственный счет; армии, состоящие из многих сотен тысяч даже в том случае, когда призывался только один человек с 1 км², и то лишь в некоторых частях государства; эти массы, отвыкшие, наконец, в течение столетий от войны и ставшие во всех отношениях непригодными к ней, — все это нам напоминает о миллионном войске Дария Кодомана или Ксеркса, которое до сих пор еще не могут вырвать из своего сердца столь многие филологи. Можно в некоторой степени смягчить это представление о массовом призыве к несению всеобщей воинской повинности, предположив, что военнообязанными были одни лишь землевладельцы. Если к тому же исключить колонов, то в романских областях останутся лишь немногие, а если их включить, — иначе это и быть не могло вследствие разделения повинностей между романскими и германскими областями,— то можно будет произвести следующий расчет. Предположим, что для перехода через Пиренеи призвано население областей, лежащих к югу от Сены, по одному воину с трех дворов. Все эти области охватывают приблизительно 7 000 кв. миль. Мы считаем, что на каждой квадратной миле, при наличии больших лесов и гор, было лишь от трех до шести деревень с общим количеством в 90 дворов. Каждая квадратная миля выставляла 30 воинов, следовательно, призывной контингент насчитывал 210 000 человек. Если же мы с каждого квадратного километра будем считать по одному человеку, то это уже даст 400 000. Столько народа при частичном призыве! Но так как «в совершенно особых случаях» для участия в одном походе призывалось полностью все население страны [1] и вместе с ними на войну должны были итти и литы, а также другие зависимые люди в качестве легковооруженных [2], то мы при наших расчетах уже не могли бы давать цифру ниже миллиона.

Отсюда видно, что мы должны искать совершенно иную основу. Военная служба в качестве всеобщей повинности всех подданных в государстве франков имеет такое же значение, какое она имела у римлян; ведь и здесь она еще полностью не исчезла. Еще император Валентиниан III однажды призвал своих подданных к борьбе с вандалами, издав эдикты, составленные в энергичных выражениях, а римские граждане помогали Велизарию при защите Рима. Как в этих случаях римляне, так иногда и германские короли призывали обычно не имеющих отношения к военному делу жителей какой-либо местности; так, например, мы узнаем, что бургундский король Гундобад во время одной войны с вестготами, примерно, в 507 г. приказал разрушить одну крепость в Лимузене римлянам, т. е., другими словами, призванному для этой цели ополчению из близлежащей бургундской пограничной области [3].

И то же самое проделал однажды Тотила, призвав для выполнения одного задания вместо готов, которыми он в данном случае

---

[1] Waitz, II, 531; 3 Aufl. II, 1, 215.
[2] Waitz, II, 528; 3 Aufl. II, 1, 213.
[3] Binding, «Geschichte d. burg. röm. Koenigr», I, 196, Anm. 671.

не считал нужным пользоваться, местных крестьян, присоединив к ним лишь небольшое число готов[1]. Тем не менее, настоящее войско вербовалось из состава военного сословия, состоявшего из профессиональных воинов. Конечно, и у франков дело не могло быть иначе.

Франкское государство было составлено из частей германских и романских областей. Обратим наше внимание сперва на романские области. Здесь тотчас же напрашиваются выводы, которые мы можем сделать из того факта, что франки не произвели раздела земель с римлянами, как это сделали племена, жившие южнее.

Расселение бургундов, готов и вандалов и объяснено было в том смысле, что хотя свободным членам общины, объединенным в небольшие группы, были предоставлены крестьянские дворы, однако, в данном случае собственно решающим моментом было включение германских вождей и знатных людей в состав сословия крупных римских землевладельцев. Именно это новое свойство германской аристократии и дало возможность германским дворянам и графам оказать своим товарищам по племени и по войску необходимую для них хозяйственную помощь, причем это происходило либо в рамках древнего и все еще сохранявшегося родового союза, либо таким образом, что они просто брали своих товарищей к себе на службу. У франков этот процесс мог протекать совершенно таким же образом, несмотря на то, что здесь не происходило разделения земель. Хлодвигу не нужно было приступать к разделу земли, так как основная масса его народа не передвигалась, а оставалась сидеть на месте. Он должен был лишь дать каждому графу некоторое количество воинов, которых тот мог без всякого труда разместить в прежних императорских или иных общественных или конфискованных поместьях, замках или дворах, так как дело шло лишь об очень небольшом числе их.

Следовательно, существенные отличия франкского расселения от иных типов расселения заключаются в том, что здесь прежде всего не было создано такого крепкого сословия крупных германских землевладельцев, что расселение шло значительно более тонким слоем и что древний родовой союз еще скорее терял свое значение. Воинство, которое в каждом графстве образовывало нечто вроде товарищества, жившего под начальством графа, состояло по большей части из франков, которые, будучи профессиональными воинами, постоянно культивировали в себе отличительные военные свойства как физического, так и морального характера. Но в то же время не исключалась возможность того, что в эти воинские товарищества вступали также и романцы[2]. И воинственность в этих кельтских племенах еще полностью не угасла, так что все вновь и вновь проявлялись отдельные прирожденные натуры воинов и героев[3]. Вообще ни одна из романи-

---

[1] Прокопий, III, 22.

[2] Бруннер (D. R. I, 302) приходит к тому выводу, что уже в древнейшей существующей редакции Салического закона римляне называются подданными, но еще не составляют какой-либо части народной армии. Этот текст относится к эпохе Хлодвига. А при сыновьях Хлодвига в более поздних текстах и в добавлении к ним уже принимается во внимание то обстоятельство, что также и римляне могли находиться в войске.

[3] Рот (Roth, «Ben. Wesen». S. 172) собрал ряд примеров, указывающих на боеспособность галльских романцев. Но если он отсюда делает тот вывод, что галло-римское население, в отличие от изнежившихся итальянцев, следует считать чрезвычайно воинственным, то все же он в этом отношении заходит слишком далеко.

зованных областей не была более в состоянии противостоять натиску германского племени, состоявшего из немногих тысяч человек, но при этом, конечно, вообще не было недостатка в храбрых людях. Германские короли ставили в качестве графов над областями своего государства не только своих соплеменников, но также и знатных романцев, которые к ним поступили на службу [1].

Германские воины свободно и охотно поступали под их начальство: ведь они уже давно привыкли сражаться в римских войсках. И равным образом не была исключена возможность и того, что граф, — будь то германец или романец, — принимал в число своих воинов романцев, если его товарищи убеждались в том, что они не уступают им в храбрости и в ловком умении объезжать коня и владеть оружием [2]. И из этих расселенных германцев постепенно образовывалось германо-романское военное сословие, не замкнутое в лагерях или казармах и не находившееся под постоянным гнетом военной дисциплины, но стоявшее в самом центре гражданской жизни. В это сословие вступали во все возраставшем числе также и несвободные [3]. Несвободный человек, в личной храбрости и пригодности которого граф смог убедиться, был для него ценнее свободного человека, так как этот несвободный целиком зависел от его воли и никогда не мог от него уйти. Принятый в состав воинов, этот человек уже целиком приобщался к духу этого сословия, конечно, в том случае, если он был для этого подходящим человеком [4].

В отношении франков мы не имеем прямого и совершенно бесспорного указания на то, что более или менее крупное число воинов находилось в состоянии личной зависимости, подобно буккелариям у вестготов. Однако, как мы это увидим ниже, можно доказать, что так было на самом деле. Но все же королевская власть была прежде всего еще настолько сильной, что эти частные отношения не могли приобрести значения ни в политическом, ни в государственно-правовом смысле.

Военная организация меровингского государства основывалась на том, что король призывал на военную службу, при помощи своих чиновников, мужчин, входивших в состав военного сословия, под страхом объявления вне закона.

Если наши источники употребляют слово «Leudes» (современное немецкое «Leute» — люди), то они имеют в виду это военное со-

---

Рот особенно хвалит аквитанцев. Но почему же особенно храбрыми были именно аквитанцы? Подчеркивание одной области указывает на ошибочность всей концепции. Случайно сохранившиеся единичные факты создали неправильную картину. В Италии могло быть то же самое, хотя это могло случайно и не отразиться в сохранившихся источниках. Утончение цивилизации и неразрывно связанная с этим изнеженность в течение $4^1/_2$ столетий не менее сильно проникли в население Галлии, чем в население Италии.

[1] Доказано на многих примерах Ротом (S. 173).

[2] Roth, «Ben. Wesen.», S. 180.

[3] Григорий, IV, 47, а также в других местах. Waitz, II, 533.

[4] Также и бургунды уже имели несвободных в качестве воинов. В законе Гундобада (tit. X) написано: «Если кто-либо убьет раба, по национальности варвара, принадлежащего министериалу или находящегося в походе, то пусть уплатит 60 солидов. Если же какого-либо другого римского раба или варвара, землепашца или свинопаса, то пусть уплатит 30 солидов».

Следовательно, здесь перед нами варвар, который был рабом и воином. Простой раб мог быть римлянином, но раб-воин не мог быть римлянином; эта возможность исключена.

словие [1]. Наряду с ним появляется слово «fideles» (верные), имеющее совершенно такое же значение.

В понятия, выражающиеся этими словами, включается и двор короля, а также его чиновники, иногда же в широком смысле и весь народ. В особенности в чисто германских областях франкского государства сословное отличие воинов от прочей народной массы проявляется, естественно, лишь в самой начальной стадии.

Мы установили, что во франкском государстве Меровингов, совершенно так же, как и в готском государстве Теодориха, существовало сословие профессиональных воинов, которое было обязано следовать призыву короля. Но все же здесь имеется и крупное различие. В Италии этими профессиональными воинами являлись готы, которые жили совершенно особняком, не вступая в браки с римлянами. Здесь не могло быть сомнений в том, кто является воином, а кто им не является. Во франкском государстве это не подходит ни к германской, ни к романской его части. В одной части имелись римляне, входившие в состав военного сословия, а в другой части призыв мог касаться лишь небольшой доли всего мужского населения. Поэтому военное сословие, которое в остготском государстве создавалось самой природой, в государстве франков мыслимо было лишь в связи с должностной властью графа, поставленного королем во главе данной местности. В романской части он принимал в среду воинов также и романцев, если они ему казались годными для этой цели. В германской же части он ограничивал призывной контингент лишь такой численностью, которая допускала снабжение продовольствием или которую он считал необходимой.

Современным исследователям было очень трудно установить характер меровингской военной организации, в которой видели то дружинников, то действительно проведенную всеобщую воинскую повинность, то считали военнообязанными всех мелких землевладельцев, то лишь одних владельцев коронных имений. Это объясняется тем, что франкское военное сословие было недостаточно точно ограничено в общественном, государственно-правовом и административном отношениях. Один из наших превосходнейших исследователей П. Рот однажды указал на то, что в нашем главном источнике, у Григория Турского, пространного рассказчика Меровингской эпохи, термин «Leudes» (люди) встречается всего лишь три раза. Если бы это слово было техническим термином, обозначающим военное сословие, то, заключает Рот, у такого рассказчика мы должны были бы найти совершенно иную картину. Это замечание в психологическом отношении столь же тонко, как и правильно. Но, как мы видим, слово «Leudes» не было техническим термином в строгом смысле этого слова. Суще-

---

[1] Фредегар (гл. 56) говорит: «Всем leudes, которыми правил в Австрии, приказал отправиться в поход». И дальше: «По приказу Сигиберта все leudes в Австразии были призваны для того, чтобы отправиться войском в поход». Статистический расчет, сделанный нами выше, достаточно ясно показывает, что это слово «leudes» не могло вообще обозначать в общем смысле этого слова людей. Определение, «все», принуждает нас ограничить его значение. Оно показывает нам, что здесь не могла иметься в виду вся масса всего населения, так как это привело бы к чудовищным результатам, а что здесь этими словами был обозначен лишь один какой-либо ограниченный круг людей. Ср. т. III, гл. I. Приказ Карла Смелого от 3 мая 1471 г. и приведенные у Мейнерта призывы императора Максимилиана, где также всегда призываются все, причем имеется в виду лишь узко ограниченный круг людей.

ствовало военное сословие, но в то же время не было точно ограниченного термина для его обозначения. Это не является противоречием, так как само это сословие не было точно ограничено. С одной стороны, это сословие переходит в чиновничество и в двор, а с другой — в вооруженную челядь и, наконец, в чисто германских областях — в совокупность всех свободных членов общины.

Историческое исследование, как это нам подчас кажется, вертится в заколдованном кругу. Было время, когда не верили в переселение целых народов, а те отряды, которые завладевали римскими провинциями, считали лишь большими дружинами отдельных князей, военных предводителей. Источники дали возможность доказать ошибочность этого взгляда. Действительно, это были целые народы, которые, сдвинувшись с места, покинули свою старую родину и стали себе искать новую. Но когда затем выяснилось, что эти народы были очень немногочисленными и что представление о переселяющихся миллионах носит легендарный характер, то эта картина,—правда, не в политическом и не в государственно-правовом отношениях, но все же фактически стала снова ближе к прежнему представлению.

Также и выражение «Leudes» (люди)—военное сословие франкского государства — было истолковано в смысле дружинной челяди. И снова было доказано, что эта правовая форма не соответствует действительности. Призыв на войну был призывом короля, обращенным к подданным, а не к дружинникам, владельцам коронных имений или мелким землевладельцам. Но подданные, к которым этот призыв фактически обращался, были по своей численности лишь узко ограниченным военным сословием, которое было очень похоже на крупную дружину.

Следовательно, изучение этого вопроса вращалось не по кругу, а по спирали. Снова приблизившись к прежней точке, оно все же поднялось над нею на некоторую высоту, благодаря проделанной за это время работе.

БУККЕЛАРИИ

Перевод слова «παῖδες» (дети) у Агация (III, 16) и у Малалы словом «Degen» заимствовано у Зеека «Германская дружина на римской почве» (Seeck, «D. d. Gefolgschaftswesen a. römischem Boden» in «d. Zeitschrift der Savigny-Stiftung», 1896, S. 109); см. также Пауля (Pauly, «Real-Encykl. s. v. buccellarius»). Но Зеек идет слишком далеко в своем сопоставлении дружины с наемничеством, хотя он вполне справедливо указывает на то, что уже в древней дружине были различные разряды (ср. Бруннер, «История германского права» — Brunner, «D. Rechtsgeschichte», II, 262).

Первое упоминание мы находим в эпоху Гонория у Олимпиодора, стр. 7.

Император Лев издал запрещение. В Кодексе Юстиниана (Cod. Just., IX, 12, 10) мы читаем[1]: «Мы хотим, чтобы все в городах и селах были лишены права иметь буккелариев или вооруженных исаврийских рабов».

Титул (название статьи) в Кодексе Эвриха (Cod. Eurici), согласно Цеймеру, гласит[1]:

«Если кто-нибудь дал оружие буккеларию или ему что-нибудь пожаловал, и если тот останется в дружине господина, то пожалованное ему пусть останется у него. Если кто-либо избирает себе другого господина, то он имеет право стать

[1] Перевод с латинского. — Ред.

под покровительство того, кого пожелает, так как этого не может ему запретить свободнорожденный (ingenuus) человек, хотя он и находится в его власти. Но он должен отдать все тому господину, которого он покидает. Такой же порядок касается и сыновей господина или буккелария, — так что если они или кто-либо из них хочет остаться в дружине, пусть владеют пожалованным. Если же они решат покинуть сыновей или внуков господина, то пусть отдадут все, что было дано господином их родителям. И если буккеларий что-либо приобрел, находясь под властью своего господина, то пусть половина всего этого останется во владении господина или его сыновей. Другую половину пусть получит тот буккеларий, который это приобрел. А если он оставил дочь, то мы приказываем, чтобы она осталась во власти господина, однако, при том условии, чтобы сам господин постарался бы найти ей равного, который смог бы ее взять в замужество. Если же она, может быть, изберет себе другого против воли господина, то пусть она вернет господину или наследникам его все, что было дано ее отцу господином или его родителями» («Древнейшие законы Визиготов», стр. 13 — «Leges Visigothorum antiquiores», p. 13).

У бургундов я не нашел прямого упоминания о буккелариях или чего-либо подобного, но все же здесь позволительно было бы привести следующее место. В «Страдании св. Сигизмунда» говорится о короле: «что он... своим оптиматам объявит... законом назначит себя наследником». Ян, «История Бург.» (Jahn, «Geschichte d. Burg.», I, стр. 101) видит выполнение этого предписания в словах: «Казалось, что он заботится о своей родине и о своем войске». Войско (exercitus), по его мнению, является дружинной челядью оптиматов. Если это объяснение Яна правильно, то я думаю, что здесь мы имеем установление, соответствующее институту буккелариев.

О том же самом говорит и то обстоятельство, что в городах, как мы это обнаруживаем в источниках, были арианские епископы и что там были найдены арианские могильные памятники. Эти факты я заимствую у Кауфмана, который в своих «Исследованиях по немецкой истории» (Kaufmann, «Forschungen zur deutschen Geschichte», Bd. 10, S. 383) объясняет их тем, что германцы жили в городах в качестве горожан-земледельцев. Конечно, они этого не делали. Ведь они не чувствовали никакой склонности к тому, чтобы стать крестьянами, а тем менее — горожанами. Они в большинстве случаев жили в городах в качестве дружинников и солдат графа.

ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ. LEUDES (ЛЮДИ)

Концепция Вайца (Waitz), сводящаяся к тому, что воинская повинность в государстве франков имела вещный, материальный характер и была связана с землевладением, опровергнута Ротом в его двух трудах: «История бенефициальных порядков» и «Феодальная система и союз подданных» (Roth, «Geschichte des Benefizialwesens», 1850. «Feudalität und Untertanenverband») Ср. Бруннер, «История германского права» (Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte», II, 203) и Рих. Шредер, «Учебник истории германского права» (Rich. Schröder, «Lehrbuch d. D. Rechtsgeschichte», S. 151). Но принятый также позднейшими исследователями взгляд Рота на то, что всеобщая повинность была не только принципиальным правом, но применялась и на практике, не выдерживает критики по вышеприведенным — как военным, так и статистическим — основаниям. Рот («Bef. W.)», S. 200, 202, действительно, доходит до утверждения, что короли, воюя между собой, по крайней мере во время своих внутренних междоусобных войн, «не только юридически, но и фактически требовали всеобщего призыва». Если мы определим удел короля, о котором в данном случае идет речь, в 3 000 кв. миль и предположим, что на 1 кв.

миле жило лишь 100 боеспособных людей, то это уже образует войско в 300 000 человек, а при 150 боеспособных воинах, — что, пожалуй, будет ближе к истине, — это даст 450 000 человек. Но если мы даже очень сильно сократим количество фактического призывного контингента, что нам даст реально возможные цифры то все же с военной точки зрения следует считать совершенно исключенным факт призыва землевладельцев или иных состоятельных людей, не имеющих никакой военной подготовки. При отсутствии дисциплинированных частей постоянной армии с военной точки зрения просто необходимо допустить, главным образом в романских областях, существование сословия воинов, в котором могли бы развиваться и культивироваться военные качества. И это допущение не только согласуется со свидетельствами источников, но непосредственно из них вытекает, если мы только их правильно истолкуем.

Григорий Турский рассказывает (V, 27 и VII, 42), как прихожане его церкви были наказаны за то, что они не последовали приказу двинуться в поход[1]:

«Хильперик приказал относительно бедных и младших прихожан церкви или базилики затребовать у них денежный штраф за то, что они не вступили в войско. Но ведь не было такого обычая, чтобы они несли какую-либо общественную повинность» (V, 27).

«Для судей был издан эдикт, по которому осуждались те, которые опоздают явиться для участия в походе. Битуригский комитет также послал своих слуг, чтобы забрать всякого рода людей в обители св. Мартина, которая находилась в этой местности. Но настоятель обители начал этому сильно противиться, говоря: «Это — люди св. Мартина. Не причиняйте им никакого вреда. Ведь у них нет такого обычая, чтобы уходить по такому делу». Они же сказали: «Нам нет никакого дела до твоего Мартина, которого ты всегда напрасно упоминаешь в делах: и ты, и они должны заплатить деньги за то, что вы с пренебрежением относитесь к власти короля». И, говоря это, они вошли в атриум обители» (VII, 42).

Из этих двух текстов Рот (стр. 186) сделал вывод о существовании всеобщей воинской повинности. Такой призыв не мог вытекать из особой служебной повинности церквей, так как этому противоречит буквальный смысл и так как подобного рода служебная повинность церквей не согласуется с источниками. Равным образом это не могло быть исключительным случаем всеобщего призыва для защиты от неприятельского вторжения, так как этот призыв производился для наступательной войны против Британии. «Следовательно, заключает Рот, здесь мы имеем дело с всеобщей воинской повинностью всех свободных, без различия национальности, так как кто же захочет видеть в «бедных прихожанах церкви» лишь франков или только Leudes (людей)?». До тех пор, пока под словом «Leudes» (люди) понимали либо дружинников, либо землевладельцев, это было, конечно, совершенно невозможно, но при нашем понимании слова «Leudes» такому толкованию уже больше ничто не мешает. И прежде всего мы можем предположить, что Турская церковь взяла к себе на службу для собственной защиты некоторое число франков, вооруженных боевыми топорами. Но эта служба, по мнению короля и его графа, не освобождала их от обязанности явиться на призыв, поэтому они и подлежали принудительной явке. В понятие «Leudes» (люди) ни в коем случае не входит факт наделения этих людей собственностью; очевидно, и церковь в Туре также не обещала и не давала своим частным воинам никаких поместий, но лишь хорошее жалование и снабжение. Поэтому автор хроники св. Мартина мог вполне свободно назвать их «бедными» и, возможно, был также вполне прав, говоря, что больше уже не было такого «обычая» призывать их для участия во внешних войнах.

---

[1] Перевод с латинского. — Ред.

Вайц (Waitz. D. V., II, 527) приводит другие места из Григория, из которых видно, что автор под словом «pauperes» (бедные) понимает лишь людей низкого сословия, но ни в коем случае не нищих. В одном рассказе (Григорий, X, 9) даже говорится о том, что они имеют лошадей.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ЛИТОВ

Согласно Роту (Roth, «Gesch. d. Benef,» S. 406), Вайцу («D. Verf.-Gesch.», IV, 454) и Бруннеру («D. Rechtsgeschichte», I, 239; II изд., 356), в Саксонии подлежали воинской повиности также и литы. Но приведенные для этой цели свидетельства источников этого не доказывают. Бруннер вполне справедливо считает легендарным указание, которое мы находим в «Жизни Лебуина», на то, что также и литы были представлены на областном собрании. Корвейская привилегия, запрещающая графам призывать для участия в военном походе как свободных, так и литов монастыря, не доказывает того, что литы призывались в качестве воинов. Их могли призывать в качестве повозочных при выполнении гужевой повинности.

БЛАЖЕННЫЙ АВИТ

Одно из существенных отличий франкского государства от других германо-романских государств заключается в том, что во франкском государстве с самого начала оба национальных элемента не были так резко разделены, как в других государствах. Хотя во франкском государстве, как и в других, существовало военное сословие, но оно не было так исключительно ограничено рамками правящего германского племени, а включало в свою среду также и романцев. Остготы и вандалы, — это для нас ясно и несомненно, — признавали в своих областях боеспособными и военнообязанными лишь самих себя, но не римлян. У вестготов следует различать разные эпохи. В эпоху основания государства и при первых поколениях у них, конечно, едва ли могло быть иначе, чем у родственных им племен. В VII же столетии уже исчезло резкое разделение на расы. Для решения вопроса, когда и каким образом произошел этот процесс изменения, следует принять во внимание свидетельство, которое мы находим в жизни одного святого по имени Авит, которое напечатано в «Деяниях святых» (AA. SS. Bolland. 17 июня, т. 4, стр. 292. «Beatus Avitus. Eremita in Sarlatensi apud Petrocovios diocesi»). Оно гласит [1]:

«Блаженный Авит, происходящий из знатного рода, который должен был достигнуть высокого положения, дал в соответствующее время зрелые плоды надолго и сильно душистой сладости. Он, ввиду высокого положения своей знатной семьи, рожденный от благородных родителей и происходящий от княжеской крови, начал свою жизнь после счастливого рождения в одном селении Петрагорийской провинции по названию Линоказий. И лишь только он вышел из грудного возраста, родители его, неотступно заботясь о нем, отдали его в учение, для того чтобы он изучил науки. Когда же он достиг предела отрочества и покрылся пушком цветущей юности, он достиг раздвоения пифагорейской науки и, находясь на распутьи той и другой жизни, предпочел правый путь ученому собранию. Он лучше желал быть принужденным к изгнанию из этой жизни, чем, живя роскошно и предаваясь полноте наслаждений, быть осужденным на последнем суде.

В это время Аларих, открытый враг христианского имени, встал во главе государства готов. Обладая тираническим бешенством свирепой души и смертоносной жестокостью зверства, он вознесся в гордости, захватив могущественное государство и привыкши всюду побеждать своих соседей. Одушевленный большой

[1] Перевод с латинского. — Ред.

надеждой и уверенностью в своем успехе, он решил двинуться на Францию,— очевидно, для того, чтобы ее завоевать. Чтобы крепче обосновать свое упорное желание, он старался, согласно обычаям своего государства, собрать в одно место большое количество полновесного серебра при помощи чиновников-исполнителей. Экстренным приказом через глашатаев он созвал всех боеспособных мужей военного сословия, получивших волей-неволей королевский дар.

Итак, блаженный Авит, могучий божий борец, уже благородно одержавший триумф на философском поприще, вследствие своего значительного состояния и всаднического звания родителей, хотя и против своей воли, все же был приписан к языческому войску, как бы другой Мартин получил военный дар, и был зачислен наряду с прочими для того, чтобы сражаться против вражеского войска франков. И внятно слышавший слова Евангелия, в которых повелевалось:

«Итак, отдайте кесарю то, что принадлежит кесарю, и богу то, что принадлежит богу», снаружи опоясанный портупеей и снабженный языческим оружием, внутри же себя, ведя борьбу Христову с земным царем, он был принужден стать воином».

Авит был взят в плен в сражении при Вугле в 507 г. Если безусловно верить нашему источнику, то, очевидно, у вестготов уже в то время было военное сословие, к которому принадлежали также и знатные романцы. Но текст этого жития относится к значительно более позднему времени, так что, хотя в его основе и лежат более древние рукописи, все же мы не можем доверять отдельным указаниям, которые мы там находим. Тем не менее, мы должны считать установленным тот факт, что молодой Авит, будучи образованным и знатным римлянином, отправился на войну и был взят в плен. Но все же является вопросом, можем ли мы из этого делать какие-либо выводы? Впрочем, не исключена возможность того, что уже в то время у вестготов, так же как и у франков, знатные римляне, поступая на службу к германскому королю, вместе с тем переходили в военное сословие, которое подлежало воинскому призыву. Но также весьма возможно и то, что набожный рассказчик сам придумал то принудительное приказание, которое заставило Авита опоясаться мечом, и что молодой человек был добровольно завербован и принят королем или каким-либо графом в свою дружину. В пользу этого особенно говорит то жалованье, которое он получал. Ведь нельзя же допустить, чтобы король Аларих II действительно платил жалованье своему войску. Либо рассказчик добавил это от себя, либо же здесь подразумевается тот дар, который господин делает своим дружинникам.

Следовательно, из этого рассказа мы с уверенностью можем сделать лишь тот вывод, что в начале VI столетия в вестготском государстве находились на службе по крайней мере отдельные римляне.

ИЗ ЗАКОНА ВЕСТГОТОВ (LEX VISIGOTHORUM)

Постановления Закона вестготов относительно организации военного дела, которые, согласно Ольденбургу, основывавшемуся на исследованиях Цеймера, восходят к королю Эвриху (466—484 гг.), гласят[1]:

I

Если войсковые начальники, подкупленные взятками, разрешат кому-либо во время похода вернуться домой или не заставят людей выйти из своих домов.

Если тысячник (тиуфад) будет подкуплен взяткой, которую ему даст кто-либо из его тысячи (тиуфы) для того, чтобы он ему разрешил вернуться в свой дом,

[1] «M. Germ. LL», 1 tom 1 (quart °) IX Tit. 2. 1—4.

то пусть он полученное вернет в девятикратном размере комиту той области, на территории которой находится. А если он никакой платы от него не получил и лишь его здорового домой отпустил или не принудил его отправиться из своего дома в войско, то пусть он уплатит 20 солидов, пятисотенник пусть уплатит 15, а сотник (центенарий) 10. Если же это будет десятник (декан), то он должен уплатить 5 солидов. Эти солиды пусть будут разделены в той сотне, где это произошло.

II

Если сборщики, собирая войско против врага, осмелятся взять и унести что-либо из домов тех людей, которых они собирают.

Если рабы господина, т. е. сборщики войска, собирая готов против врага, что-либо у них возьмут или что-нибудь из их вещей осмелятся унести в их присутствии или в их отсутствии без их разрешения, и если это может быть доказано перед судьей, то пусть они без промедления вернут это в одиннадцатикратном размере тому, у кого взяли.

III

Если войсковые начальники, прекратив военные действия, вернутся домой или же разрешат другим вернуться.

Если какой-либо сотник (центенарий), распустив свою сотню перед неприятелем, убежит к себе домой, то он подлежит высшей мере наказания (смертной казни). Если же он найдет прибежище у святого алтаря или, может быть, у епископа, то пусть уплатит 300 солидов комиту той области, на территории которой он находится. А за жизнь свою пусть не боится. Сам комит области пусть об этом доведет до сведения короля, и тогда пусть, таким образом, по нашему приказу эти солиды будут разделены в той сотне, к которой он был приписан. Сам же сотник (центенарий) после этого пусть ни в коем случае не назначается начальником, но пусть будет одним из десятников (деканов). И если сотник (центенарий) без ведома и без соглас я начальника войска (prepositi hostis) или тысячника (тиуфада) своего позволит кому-нибудь из своей сотни, склоненный к тому просьбой и какой-либо взяткой, вернуться к себе домой или освободит его от того, чтобы итти против врага, то пусть его принудят к тому, чтобы он то, что получил, отдал в девятикратном размере комиту той области, в которой находится. И, как нами уже было сказано выше, пусть комит области не замедлит донести нам об этом, чтобы это по нашему предписанию было разделено в той сотне, к которой он был приписан. Если же сотник (центенарий) не получил от него никакой платы и так разрешил ему вернуться в свой дом, то этот сотник, как нами было указано выше, должен дать комиту области 10 солидов.

IV

Если войсковые начальники во время похода, бросив военные действия, вернутся домой или же других будут слишком слабо заставлять итти.

Если десятник (декан), бросив свой десяток, убежит домой от врага или же, будучи здоровым, не захочет выйти из своего дома и отправиться в поход, то пусть даст комиту области 10 солидов. Если же он, может быть, дал кому-нибудь взятку, то пусть он вернет 5 солидов комиту той области, в которой он находится. А комит области пусть нас об этом известит, чтобы по нашему приказу они были разделены между воинами той сотни, к которой он был приписан. Если же кто-нибудь, кто был причислен к своей тысяче (тиуфе), без разрешения своего тиуфада (тысячника), или пятисотенника, или сотника, или десятника от врага домой

убежит или же не захочет из своего дома отправиться против врага, то пусть он на рынке публично получит 100 ударов и уплатит 10 солидов.

Следующая пятая, а может быть также и шестая статья, несомненно, восходят к Леовигильду (568—586 гг.).

V

Если сборщики войска, получив взятку, разрешат кому-либо, кто не болен, остаться дома.

Если слуги господина, которые собирают войско итти против врага, разрешат кому-нибудь от них откупиться, то пусть их принудят уплатить полученное в девятикратном размере комиту области. А если их кто-либо просил, будучи здоровым, чтобы его не брали на войну, даже если они никакой взятки от него не брали, пусть их заставят в том случае, если они его освободили, уплатить за него комиту области 5 солидов. Пусть тысячник (тиуфад) проведет следствие через своих сотников (центенариев), а сотники — через десятников (деканов), и если они смогут узнать, каким образом они убежали домой, дав плату или же выкуп, и каким образом им удалось остаться дома, не захотев отправиться против врага, то пусть тиуфад известит начальника комита и напишет комиту области, на территории которого он находится, чтобы комит области не замедлил наложить целиком все то наказание, которое установлено законом, на тех, кто за себя просит или выкупается, на тиуфадов (тысячников), сотников (центенариев), деканов (десятников) или рабов господских. А если что взыщет и скроет и в ведомость не внесет, то взысканное пусть вернет в девятикратном размере. А если подкупленный кем-либо или по чьей-либо просьбе отложит взыскание, то пусть из собственных средств в двойном размере удовлетворит тех, которые должны разделить между собой эту сумму, согласно этому решению. Если же после окончания этого дела он не известит короля, чтобы тот сам приказал разделить эту сумму в той тиуфе (тысяче), которой она причитается, или же если комит области ее скроет и не отдаст, то пусть он не замедлит удовлетворить их в одиннадцатикратном размере.

VI

О тех, которые, будучи обязанными раздавать паек, возьмут его или не сполна отдадут.

Мы признали справедливым, чтобы те, кто поставлен раздавать паек, комит области или раздатчик пайка в отдельных областях или крепостях, приказывали бы полностью выдавать по области или в крепости тот паек, который должен быть там выдан, и немедленно восстанавливали бы полное количество. Если случится, что сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) по своей небрежности, — не имея, а может быть и не желая, — не выдаст им часть пайка, то пусть подадут жалобу комиту их войска, что раздатчики не захотели им выдать их паек. И тогда тот начальник войска (prepositus hostis) пусть не замедлит послать к вам своего человека, причем было бы сосчитано количество дней, когда паек не был выдан полностью, как того требует обычай. И тогда пусть сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) из своих собственных средств, независимо от его желания, в четверном размере возместит им за то время, что он им сокращал обычный паек. И мы приказываем выполнить то же самое по отношению к тем, которые были обсчитаны в тысячах (тиуфах).

Глава II

Эволюция тактики

Изучая военную историю, мы до сих пор всюду видели, что организация военного дела и тактика находятся между собой в теснейшем взаимоотношении.

Фаланга гоплитов развивается при македонских царях в ином направлении, чем в условиях римской аристократически-чиновничьей республики, и достигает тактической формы когорты лишь в связи с конституционными изменениями. Точно так же германские сотни по самой своей природе сражаются иначе, чем римские когорты.

Могли ли германцы сохранить свой способ ведения военных действий, выросший в глубине девственных лесов, в ту эпоху, когда коренным образом изменились все условия их хозяйственной, общественной и культурной жизни? И если нет, то какие новые формы здесь возникли?

Древние германцы славились тем, что искусно владели оружием как в пешем, так и в конном строю. У одного народа больше славился один вид войск, у другого — другой. Ариовист был силен своими «двойными бойцами», т. е. всадниками, перемешанными с пехотой. Цезарь усилил свои войска при помощи германских наемных войск в критический седьмой год своих войн в Галлии и при их содействии победил Верцингеторикса. Те же самые всадники приняли существенное участие в его победе при Фарсале, а пожалуй также и в других решительных боях эпохи гражданской войны. В 213 г., при императоре Каракалле, впервые встречается название алеманнов, и об этом народе говорится с похвалой, что он умеет чудесно сражаться в конном строю [1]; в сражении при Страсбурге они одержали победу также при помощи своих всадников. Равным образом в сражении при Адрианополе они решили исход боя в пользу германцев, а испанец Исидор, живший под властью вестготов, говорит о них, что хотя они и хорошие пехотинцы, но все же особенно отличались своим уменьем пользоваться дротиками в конном бою. Вегеций [2] хвалит бургундских и тюрингенских [3] лошадей за их выносливость, а относительно вандалов Прокопий категорически утверждает, что они не обучены пешему строю, но все исключительно всадники («Они не были ни хорошими дротикометателями, ни лучниками, ни считали себя способными итти в бой в качестве пехотинцев, но все были всадниками, пользовались же, насколько это было возможно, больше всего копьями и мечами»). Юстиниан сформировал из пленных воинов этого племени пять конных полков и направил их в восточные гарнизоны [4]. Даже за двести лет перед тем другой греческий писатель, Дексипп (около 270 г.), называет их народом, состоящим, главным образом, из всадников [5]. Относительно остготов мы уже знаем, что они отли-

---

1 Аврелий Виктор, гл. 21.
2 «Ars veterinaria», VI (IV), 6. Лошадей тюрингов хвалит также и Иордан, I, 3, 21.
3 «De b. Vand.», 1, 8.
4 Прокопий, «De b. Vand.». I, 8.
5 Schmidt, «Geschichte der Vandalen», S. 39.

чались в бою, будучи прекрасными всадниками, но сражались не при помощи лука и стрел, а мечом и копьем. Не только они сами, но и их кони были защищены броней [1].

Также и франки были превосходными всадниками. Уже Плутарх («Жизнь Ота», гл. 12) и Дион Кассий (55, 24) говорят, что батавы, бывшие значительной частью того национального образования, которое впоследствии получило название франков, были особенно хорошими всадниками («Лучшие всадники из германцев», «Они сильнее всех в кавалерийском деле»). «Расписание должностей» указывает на батавов и на франков как на всадников.

Мы встречаем в надписях «эскадрон каninefatов», что, очевидно, также было составной частью позднейших франков [2]. А в рассказах Григория Турского они часто появляются верхом на коне [3]. Когда же они во время готской войны (539 и 552 гг.) вторглись в Италию, то шли большей частью в пешем строю; лишь личная охрана короля, его телохранители, состояла из всадников [4].

Мы уже установили, что характерным отличием византийского войска было отсутствие деления на виды оружия. Пехота и конница, холодное оружие и луки — все эти виды войска и оружия переходят один в другой и смешиваются друг с другом. Защищенный доспехами всадник пользуется также луком, а вместе с тем сражается и в пешем строю. Другими словами, это указывает на то, что настоящим воином является всадник и что подлинной пехоты уже больше не существует.

Пешие лучники — это такой вид войска, который не может существовать ни изолированно, ни в открытом поле при наличии одних лишь всадников. Но, прикрытые собственной конницей при условии использования укреплений или естественных препятствий, пешие стрелки из лука могут оказаться весьма полезными даже против конницы. В эту эпоху в сочинении некоего Урбикия [5] появляется мысль или проект защиты лучников против кавалерийской атаки при помощи «испанских всадников», т. е. особого рода переносного препятствия, что мы встречаем на практике даже в более позднее время. Но все же стрелки из лука всегда остаются лишь вспомогательным видом войска, и конница всегда ценится выше.

В пехоте, вооруженной холодным оружием, имеют значение не только храбрость и доблесть отдельного бойца, но и та тактическая единица, в составе которой бойцы находятся. Конечно, при использовании всадников и стрелков тактическая единица также играет присущую ей роль, но все же воин имеет значение и сам по себе, помимо своей части. Отдельный же пехотинец, вооруженный холодным оружием, если только он не находится в составе более крупной тактической единицы, может расцениваться лишь очень низко. Это знал уже Аристотель, писавший в своей «Политике» (IV, 13): «Тяжелово-

---

[1] Прокопий, «B. Goth», I, 26, I, 28, I, 29. B. Pers., II, 18.
[2] Brunner, «Zeitschrift d. Savigny-Stiftung, 1887, S. 6.
[3] Например, III, 28; IV, 30; VIII, 45, 10, 31.
[4] Прокопий, II, 25; Агаций, II, 5. Нам кажется несколько сомнительным, чтобы это утверждение Прокопия было совершенно достоверным, так как он категорически утверждает, что у франков не было ни копий, ни луков, наличие которых доказано целым рядом других указаний (Waitz, «D. Verf.», II, 528, 2 Aufl., II, 213). Если вообще сообщение Прокопия является правильным, то, очевидно, мы здесь имеем дело со случаем, как в 552 г., когда нападавшие были, главным образом, алеманнами, которые вообще славились в качестве всадников.
[5] Jaehns, «Geschichte der Kriegswissenschaft», I, 142.

оруженной пехотой нельзя пользоваться при отсутствии тактического порядка. И так как в древности не имели об этом представления и не знали этого искусства, то сила войска основывалась на одной лишь коннице». Об этом же в очень сходных выражениях говорит и Фридрих Великий в своих «Размышлениях о тактике» 1758 г.: «Пехота сильна лишь постольку, поскольку она сосредоточена и расположена в порядке. Если же она разделена на части и почти рассыпана, то в этот момент достаточно нападения даже слабой конной части, чтобы ее уничтожить [1]. Сомкнутой пехотой такого типа были римские легионы, — и я не знаю таких случаев, когда они бывали опрокинуты конницей.

В войсках Юстиниана мы больше уже не находим такого рода сомкнутых тактических порядков пехотных частей, вооруженных холодным оружием. Пехота, которую мы здесь находим, состоит из лучников, либо из спешенных всадников, либо же из людей, которые садятся на коня в том случае, если они его имеют. Центр римского расположения, который был атакован готской конницей в сражении при Тагинэ, очевидно, опирался на какое-либо естественное препятствие, которое было, может быть, еще усилено искусственным образом.

Велизарий однажды сказал [2] своим людям, что персидская пехота состоит из жалких крестьян, которых берут с собой для того, чтобы подрывать стены, грабить павших и прислуживать солдатам. Конечно, дело обстояло вовсе не так скверно, и римская пехота, может быть, стояла на несколько более высоком уровне, но, вообще говоря, войска Юстиниана и Хозроя были очень похожи друг на друга, так что мнение о персидской пехоте дает возможность сделать некоторый обратный вывод относительно оценки этого рода войска также и у римлян.

Военная сила германцев, как мы в этом уже ранее убедились, основывалась не только на дикой храбрости отдельного воина, но также и на родовой спайке воинов, находящихся под начальством своего предводителя — хунно. Германская пехота шла в атаку, построившись в массивный клин или в боевой порядок, напоминающий по своей форме кабанью голову. Хотя у древних германцев понятие собственно военной дисциплины существовало лишь в очень слабой степени, естественная родовая связь давала им то, что у культурных народов достигается при помощи дисциплины, т. е. тактическую единицу, единство воли при множестве воинов. Этот организм распался и погиб в эпоху расселения германцев среди романцев.

Прежде всего расселившиеся германцы разделились в своих новых королевствах на две группы. Одна часть покинула свой древний родовой союз и вступила непосредственно на службу к королю или к графу. Они были помещены непосредственно при дворе или на дворе, и их там кормили, — как в том случае, когда они там находились без своих семей, так и в том, когда им вместе с их семьями

---

[1] «Oeuvres», т. 28, стр. 163.
Почти так же высказывается Наполеон в своей инструкции по обучению драгун. Цит. у Kerchnawe, «Kavallerie-Verwendung», S. 3, Anm.

[2] Велизарий в таких словах описывает персидскую пехоту: «Вся пехота — не что иное, как толпище жалких крестьян, которые берутся на войну лишь для того, чтобы подкапывать стены, снимать доспехи с убитых и прислуживать воинам». (Прокопий, B. Pers., I, 14).

давалось собственное небольшое хозяйство. Другая часть продолжала жить в родовых союзах, которые, очевидно, уменьшились. Первые жили по большей части в городах, а вторые в деревнях — либо с предводителем, который, благодаря разделению земель, стал крупным землевладельцем, либо же без него. Роды, которые раньше редко насчитывали менее 100 человек, а часто насчитывали несколько сотен человек, были разделены теперь на отдельные более мелкие группы [1], которые больше не были объединены общей совместной жизнью и не могли выработать единого общего типа. Люди, находившиеся при дворе и в непосредственном распоряжении графа, нашли себе здесь новый центр применения своей деятельности совсем иного типа. Совершенно другим стало также отношение к своему предводителю среди тех групп, которые продолжали жить на земле в условиях родового быта. Древний хунно жил вместе со своими товарищами, среди них, и в этой совместной жизни развился и вырос его естественный авторитет. Новый землевладелец стал аристократом, который все более и более отдалялся по своему образу жизни от своего простого товарища по племени. И если теперь, по древнему обычаю, приходилось строить боевой клин, то последний уже не обладал прежней прочностью и прежней ценностью.

Не могло быть больше и речи о том, чтобы как-нибудь сохранить или восстановить тактическую часть, в особенности при помощи военных упражнений. Не было никаких предпосылок для того, чтобы это осуществить. Дело в том, что ни германские короли, ни их графы, ни древние хунни не обладали таким авторитетом и такого рода властью над своими соплеменниками, которая необходима для достижения этой цели.

Отсутствовала также и внешняя предпосылка, а именно — тесная совместная жизнь более или менее значительной группы людей. Немногие сотни представителей военного сословия — готы, бургунды или франки, жившие на территории романского графства, могли укреплять свою боевую силу при помощи постоянных военных упражнений, но не путем создания строевой тренировочной дисциплины. Нам придется вновь коснуться этого вопроса, когда мы, продолжая наше исследование, достигнем той эпохи, в которой снова были сформированы тактические части. Теперь же мы вступаем в такой период, когда постепенно почти совсем исчезает тот полюс военной организации, на котором в существенном отношении основывалась боевая ценность римских легионов, и когда все внимание целиком посвящается одному лишь противоположному полюсу военного развития — личной храбрости и боеспособности одиночного бойца.

Но все же вместо древнего боевого клина, состоявшего из воинов, вооруженных длинным копьем, фрамой, секирой, анго [2] или какимнибудь иным холодным оружием, которое предпочитал тот или иной воин, могла появиться относительно боеспособная пехота, вооруженная луком. Мы это обнаружили у византийцев. Но, хотя византийское войско в очень значительной части состояло из германцев,

---

[1] Здесь следует вспомнить о том месте из Прокопия («De b. Vand.», I, 18), где рассказывается, как подходили вандалы в беспорядке и не построившись для сражения, но «по симмориям, и по таким маленьким, ибо по тридцать и по двадцать были». Это могли быть именно такие уменьшенные роды.

[2] Анго похоже на римское pilum, следовательно, может быть истолковано как дротик.

мы все же должны отнести за счет командования тот факт, что лук получил особенно широкое применение в этом войске. В источниках мы находим ясные указания на то, что хотя самостоятельные германские племена — вандалы и остготы — умели пользоваться дальнобойным оружием, но все же предпочитали меч и копье. То же самое относится и к франкам, у которых лишь очень редко упоминается лук.

Но то, что теряла пехота, приобретала конница. Ведь не исчезли ни храбрость, ни боеспособность, ни военный дух. Дело было лишь в том, что условия времени оказались неблагоприятными для одного определенного вида войска — для пехоты. Уже Вегеций, несмотря на то, что был очень далек от жизни, все же заметил, что конница его эпохи не оставляла желать лучшего (III, 26).

Для германцев, которые осели среди римлян, конница необходимым образом являлась тем родом оружия, который они культивировали с особенным вниманием и с особенной заботливостью не только в специфически кавалерийском смысле, но просто как люди, которые идут в бой в конном строю, умеют объезжать коня и сражаться верхом на коне, но которые вместе с тем готовы, когда этого потребуют обстоятельства, сойти с коня и сражаться в пешем строю. Воин не столько всадник, сколько человек верхом на коне, или, иными словами, он потому всадник, что благодаря этому он может быть кем угодно. Эта эпоха уже неспособна создавать тактические части. Вся боевая сила основывается на одиночном бойце, на личности. Человек, который может сражаться лишь в пешем строю при помощи холодного оружия, представляет собой очень незначительную величину в том случае, если он не является звеном тактической части. Человек, который сражается пешком при помощи лука и стрел, всегда будет лишь вспомогательным родом войска. Человек, сражающийся верхом, превосходит в качестве одиночного бойца и того и другого.

Этот начавший развиваться факт силой своей естественной инерции начинает оказывать влияние на дальнейшее развитие, идущее в этом направлении. Лучшие стремились на кавалерийскую службу. Короли не оказывали больше никакого внимания пехоте в прежнем смысле этого слова.

В том же направлении сказывалось также непосредственное влияние хозяйственных условий. Италия и Галлия были, конечно, населены не менее плотно, но, может быть, даже значительно плотнее. Сельское хозяйство здесь стояло на большей высоте, чем в эпоху основания римской мировой монархии, несмотря на тот огромный упадок, который начался с III столетия, и несмотря на все те германские походы, сопровождавшиеся убийствами и грабежами, во время которых германцы непрерывно опустошали римские провинции. Цезарь и триумвиры достигли того, что могли организовывать походы, проводя через страну армии, достигавшие численности в 60 000—70 000 человек. Но это можно было сделать лишь при помощи больших наличных средств и организованной системы снабжения. Теперь же мир снова погрузился в натуральное хозяйство, и германские короли уже не имели в своем распоряжении римской административной организации. Воинов больше не держали сосредоточенными в легионы. Для того чтобы их прокормить, их приходилось распределять по всей стране: ведь теперь трудно стало достигнуть каких-либо результатов при помощи больших воинских масс, с другой же стороны, самого

лучшего воина не труднее прокормить, чем среднего. В своем военном ремесле всадник в значительно более высокой степени является художником, мастером, нежели пехотинец. Никогда не представляло особенного труда собрать в каком-либо округе пехотный отряд из несколько сотен более или менее годных солдат, но гораздо труднее было собрать несколько сот, сотню или даже только 50 действительно боеспособных всадников и соответствующее количество пригодных лошадей. Поэтому самую большую благодарность заслуживал от короля тот граф, который приводил к нему не наибольшее количество воинов, но лучших воинов по качеству. Всадник во всех отношениях представлял собой бо́льшую величину, нежели пехотинец. Земля давала возможность прокормить некоторое, не очень большое количество лошадей. А когда это было нужно, всадник сходил с коня и сражался пешком.

Уже Цезарь достигал больших результатов при помощи своей конницы, но все же ядром его армии оставался легионер, тяжеловооруженный пехотинец, пользовавшийся холодным оружием. Количество всадников в его войске колебалось приблизительно от 5 до 20%[1]. В германо-романских государствах конница получила полное преобладание, однако, нельзя сказать, что эта конница была совершенно такой же, какой была конница Цезаря. Мы здесь можем повторить то, что уже говорили о войске Юстиниана — специфические особенности различных родов оружия стерлись. Франкские или готские всадники являются не столько кавалерией, сколько воинами, сидящими верхом на конях. Они могут в то же самое время сражаться и в пешем строю, не чувствуя себя при этом вырванными из своей стихии. Для воина существует лишь одно отличительное свойство: каждый отдельный воин должен быть сильным, храбрым человеком, умеющим ловко владеть своим оружием.

В первой главе этой части мы отметили различие между способом расселения франков и остальных племен, которое заключалось в том, что франки не производили раздела земель. Теперь мы снова видим, что практическое значение этого различия было на самом деле не очень крупным. Призыв воинов в каждом отдельном округе определялся не столько числом наличных мужчин, сколько реальными возможностями их вооружения и снабжения, а также участия их в военных действиях. К тому же число расселенных готов, бургундов и вандалов было очень незначительным. У вестготов и бургундов должно было, главным образом, приниматься в расчет частное землевладение, так как первоначально эти племена ограничились очень небольшой областью. У вандалов мы наблюдаем тот же факт, так как они добровольно, из военно-политических соображений, расселились лишь в одной провинции своего обширного государства. Одоакр и остготы могли испытать на себе влияние таких же причин, — по крайней мере в Нижней Италии, как мы это видим, было очень мало готов. Когда франки при Хлодвиге основали свое большое государство, то главная масса их народа осталась в тех же областях, которыми они вла-

[1] Рюстов считает, что кавалерия в среднем равнялась одной четверти легионной пехоты, составляя, следовательно, 20% всего войска (Rüstow, «Heerwesen Caesars», S. 25). К этому присоединился и Марквардт (Marquardt, «Röm. Staatsv.», II, 441). Фрелих при таком соотношении вполне справедливо уклоняется от установления средней цифры (Fröhlich, «Kriegswesen Caesars», S. 40). 20% сохранившихся цифр является не средним числом, но максимальным.

дели с давних времен или из которых уже прежние поколения либо окончательно изгнали римлян, либо же целиком их подавили. В романских округах, во главе которых Хлодвиг с этого времени поставил своих графов, было достаточно императорских доменов, коммунальных поместий или конфискованных владений отдельных римских аристократов, чтобы разместить те немногочисленные отряды, которые король давал каждому графу.

Франкские войска были столь же немногочисленны, как и войска готов, вандалов и бургундов. Не составило бы никакого труда собрать в чисто германских областях более крупные отряды, но в таком случае не было бы возможности их прокормить, не нарушая при этом всех установленных порядков и не уничтожая местной культуры. Стратегические операции на далекие расстояния можно было производить лишь при помощи очень умеренных по своей величине войсковых частей; поэтому дело шло не о количестве наличных войск, но о качестве отрядов, способных выполнять боевые операции. Именно по этой причине Теодорих Великий всегда был сильнее франкских королей, Хлодвига и его сыновей. Хлодвиг, конечно, располагал большим количеством воинов, остготы же, несмотря на то, что они широко расселились по завоеванной Италии, в сущности оставались в своей совокупности подвижной армией, которая по воле короля и полководца и при помощи средств, представляемых богатой страной, могла всегда быть отправлена туда и размещена там, где ее надо было использовать.

Проследим еще раз в обратном порядке ту нить, которая нас привела от одного вопроса к другому. Преобладающее значение конницы, появление одиночного воина и исчезновение тактической части — все это ведет к факту малочисленности войска. Но лишь только мы убедимся, что исход боя в эту эпоху решали небольшие отряды храбрых людей, то нам тотчас же станет ясно, почему Хлодвиг в больших завоеванных им романских областях расселил лишь очень немногих франков и что именно поэтому ему не нужно было производить раздела земель.

Распад родового строя и расселение воинов, широко рассыпанных по обширным пространствам страны, ослабили внутреннюю спайку древнего клинообразного боевого строя, что привело к уменьшению и, наконец, к уничтожению его ценности, причем отдельные воины не стали от этого менее храбрыми и менее опытными в военном деле. А поскольку остается лишь личная храбрость отдельного воина, постольку вырабатывается форма борьбы, при которой отдельный воин может достигнуть наибольших результатов. Иными словами, этот воин садится на коня, сохраняя в то же время уменье, если того требуют обстоятельства, сражаться в пешем строю.

Численность, военная организация и тактика взаимно обусловливают и контролируют друг друга. Установив, как малы были войска эпохи переселения народов и как малы были войска остготов, мы косвенным образом приобрели также некоторый масштаб для измерения численности войск готов и можем теперь сказать, что и их войска были весьма незначительными. Это означает, что воины, из которых они состояли, обладали высокими военными качествами. Так подготавливаются военная организация и тактика рыцарства.

Глава III

Упадок первоначальной германо-романской военной организации

Государства вандалов и остготов просуществовали в течение недолгого времени. То обстоятельство, что государство Гейзериха пало под первым натиском византийцев, в то время как наследники Теодориха боролись по крайней мере в течение 18 лет, объясняется тем, что вандалы жили на полстолетия дольше в новых условиях, подставив лучам цивилизации свою северную военную силу. Вестготы, также подвергавшиеся очень большой угрозе, все же в конце концов выдержали, преодолели кризис и сохранили свое государство и свою независимость, скорее благодаря географическому положению, чем более крупной внутренней силе. Когда же 150 лет спустя к ним приблизился новый мощный враг в лице ислама, то они пали с одного удара, причем тотчас же их власть окончательно рухнула.

Источники дают нам возможность проследить упадок их военной организации. Однако, не следует в этом видеть нечто специфически вестготское; таков был естественный и неизбежный ход развития, который должен был бы стать общим для всех германо-романских государств, если бы одни из них уже не погибли раньше и если бы продолжавшее существовать государство франков не выработало иной, совершенно новой государственно-правовой формы.

Явления разложения обнаруживаются уже вскоре после расселения; о них мы уже говорили выше, в первой главе, когда касались там этого вопроса. Рассеянных по всей стране готов нельзя было собрать вместе для несения военной службы. Король, герцоги, графы, крупные землевладельцы и, наконец, также высшее духовенство держат при себе собственных воинов — буккелариев. В течение некоторого времени оба эти явления существуют бок-о-бок; в одно и то же время мы видим всеобщий народный призыв готов и частных наемников знатных людей. Но исконная военная организация уже настолько отошла на задний план, что древний предводитель тысячи — тиуфад — теперь уже принадлежит к лицам низшего сословия, и закон грозит тиуфаду палочными ударами в том случае, если он неправильно будет выполнять требования своей службы. Многие готы перестают быть воинами, и в то же время в военное сословие вступают римляне, среди которых, вполне естественно, постоянно попадаются люди, обладающие военными способностями.

О ходе этого развития мы узнаем из попыток реформ, которые были предприняты незадолго до катастрофы и привели к изданию законов при королях Вамбе (672—680 гг.) и Эрвиге (680—687 гг.). Законы эти сохранились до нашего времени.

Закон Вамбе 673 г. начинается с трогательных жалоб на то, что во время вторжения неприятеля очень многие уклоняются от обязанности защищать свою родину и никто не помогает друг другу. Впредь каждый человек, — будь то духовное лицо или мирянин, — как только будет призван, должен оказывать помощь вместе со своим отрядом (virtus) на расстоянии до 100 миль (150 км). Тому, кто этого

не сделает, грозит самое жестокое наказание — ссылка, бесчестие, возмещение убытков, конфискация имущества.

Текст закона Эрвига 681 г. также начинается с жалоб на тех людей, которые предпочитают быть скорее богатыми, нежели сильными, которые больше заботятся о своем имуществе, чем о том, чтобы упражняться в пользовании оружием, и которые думают, что они смогут вкусить от плодов своей работы, перестав одерживать победы. Поэтому закон должен оказывать воздействие на тех, которые в подобных случаях руководствуются собственными интересами; каждый должен следовать призыву и итти на войну, кто бы он ни был и где бы он ни находился. Кто этому не следует, тот подлежит суду короля. У него может быть отнято все его имущество, и он может быть осужден на изгнание. А простому человеку, от тиуфада и ниже, грозит телесное наказание в 200 ударов, причем в знак бесчестия его бреют наголо; сверх того он должен уплатить в виде штрафа один фунт золота, а если его не имеет, то обращается в рабство. Призывной должен не только являться собственной персоной, но и приводить с собой десятую[1] часть своих хорошо вооруженных рабов. Если же обнаружится, что он привел с собой меньше предписанной десятой части, то все недостающие переходят к королю, который их может подарить тому, кому захочет. Что же касается королевских чиновников, то в законе особенно подчеркивается, что и они также подлежат наказанию согласно этому закону, причем устанавливаются наказания за подкуп.

Оба закона предусматривают в качестве уважительной причины неявки болезнь, которая должна быть установлена законными свидетелями, причем, если господин действительно не может отправиться в поход, все же должен быть выслан его отряд. В более позднем кодексе мы здесь находим, вероятно, более позднее, очень характерное добавление, что болезнь должна быть засвидетельствована инспектором епископа данного диоцеза, в противном случае болезнь не будет считаться удостоверенной.

Важнейшее различие между этими двумя законами заключается в том, что первый закон касается лишь случаев обороны страны либо против внешнего врага, либо во время восстания. Второй закон сформулирован несколько мягче первого в том отношении, что он снова отменяет наказание бесчестием и лишением права давать свидетельские показания, которым грозит первый закон, но в то же время этот закон не только касается призыва к обороне страны, но и стремится урегулировать вопросы, связанные вообще со всякого рода призывами.

Дан[2] считает эти законы настоящей военной реформой; существеннейшим содержанием их, наряду с усилением наказания и контроля, является распространение воинской повинности на всех несвободных. Это правильно согласно буквальному смыслу законов, но по существу неорганизованное распространение воинской повинности на необозримые массы населения означает банкротство законодательства.

Согласно буквальному смыслу законов, порой кажется, что законы обращаются ко всему населению, и это должно было бы при-

[1] Некоторые кодексы требуют вместо десятой части половину всех рабов.
[2] «Könige der Germanen», VI, 222, 2 Aufl.

вести к явке огромного числа мужчин. Но затем текст предписания относительно отряда и рабов, которых следует брать с собой, показывает нам, что законодатель вовсе не думал о больших массах народа, но имел в виду, главным образом, лишь крупных владельцев. Каждый выступающий в поход, говорится в законе, — будь то герцог, граф, гардинг (т. е. дружинник короля), гот или романец, свободный или вольноотпущенник или королевский слуга,— должен привести вместе с собой десятую часть своих рабов. Почему же потребовалось это множество вооруженных рабов, если действительно рассчитывали лишь на ту часть граждан, которая пользовалась уважением? Такое же значение имеет и распространение воинской повинности на духовенство. Правда, они не обязаны сражаться, но должны выставлять свои отряды.

Очевидно, дело заключалось в том, что исконное военное сословие готов в течение 250 лет, постепенно акклиматизировавшись, превратилось в городское сословие, причем его военные наклонности стерлись и исчезли. В атмосфере цивилизации одновременно с варварством растаяла и его военная сила.

Все еще продолжает существовать представление о том, что имеется налицо военное сословие, но это представление нельзя реализовать. Его место (трудно точно установить, каким образом) постепенно занимает группа крупных землевладельцев, которые содержат вооруженных рабов. Судя по буквальному смыслу закона, законодатель как бы обращается к народным массам, которые не только не чувствуют склонности, но и неспособны участвовать в сражениях; в действительности же он апеллирует к доброй воле аристократии. Здесь нет даже и речи о какой-нибудь организации снабжения войска во время похода. Так как становится все более и более ясным и так как напрашивается мысль о том, что древний готский воин умер и что отдельные горожане и крестьяне уже не в состоянии быстро сниматься с места и отправляться в далекие походы, отдается приказ знатным господам—как духовенству, так и мирянам — выставлять отряды и брать с собой своих рабов. Эти владельцы были по крайней мере в состоянии снаряжать и снабжать своих людей, но все же первые встречные подданные и рабы еще не являются подходящими воинами. Если бы даже можно было себе представить, что строгость закона и чрезвычайно энергичное его выполнение действительно дали бы возможность собрать необходимое число людей, проконтролировать пригодность оружия и количество привезенного с собой продовольствия, то все же необходимо признать, что главного не будет, так как будет отсутствовать гарантия военной боеспособности.

Верным признаком слабости служит стремление возместить недостаток мало-мальски годной организации военного дела и военного налога при помощи многословных патриотических и поучительных фраз, а также угроз множеством наказаний. Но именно чудовищность этих наказаний и была залогом того, что они не будут приводиться в исполнение; поэтому угрозы оставались бессильными.

Конечно, воинская сила не угасла во внуках Фритхигерна и Алариха, так же как она полностью никогда не исчезла и среди романцев. Ведь постоянно велись войны, как внешние, так и внутренние. Все еще продолжали существовать буккеларии, военные дружинники, которые находились на службе у отдельных знатных людей, но уже больше не

было действительной, мощно функционирующей организации обороны страны.

Поэтому неудивительно, что через 30 лет после издания приведенного выше закона вестготское государство пало под одним единственным ударом, как некогда государство вандалов.

ТЕКСТ ЗАКОНОВ

Оба закона Вамбы и Эрвига находятся в более древних изданиях Законов вестготов, составляя 8-ю и 9-ю главы 2-го тит. 9-й книги, непосредственно примыкая к тем более древним, помещенным выше определениям (стр. 421), которые я вместе с Цеймером считаю возможным отнести на 200 лет раньше. Поэтому эти оба более поздних закона не помещены в издании Цеймера (in—8), в котором основной закон реконструируется в качестве кодекса короля Реккесвинда (649—672 гг.). Эти законы напечатаны в новом издании Законов вестготов, изданных Цеймером в «Mon. G. LL.» Sec. I, т. I (in quarto). Цеймер впервые также установил тот факт, что второй закон принадлежит не Вамбе, как то указано в мадридском и в лиссабонском изданиях, и не Эгике, как то признавал Дан, а Эрвигу.

Во имя господа[1]
Славный Флавий Вамба король
Что следует выполнять при возникновении в пределах Испании военных действий

Полезное намерение побуждает нашу милость сделать так, чтобы, подобно тому как для мирного времени провозглашаются законы, и во время военных действий, благодаря взаимной поддержке и защите, сохранялось братское отношение и любовь. Несомненно, что мир в нашей стране будет полезным лишь в том случае, если законный призыв военной трубы соединит сердца всех для благой цели. Итак, пусть те, кто раньше в беспорядке разбегались, отныне с божьей помощью в большем порядке выступают в поход. Ведь наша милость не может дольше терпеть подобных недостатков, так как вследствие нерадения некоторых родина терпит большой ущерб. Всякий раз при вторжении неприятеля в провинции нашего королевства, когда наши люди, собирающиеся на границах против неприятеля, должны вести военные действия, некоторые уклоняются от этого и, пользуясь первым удобным случаем, — ссылаясь то на перемену места, то на собственное нежелание, то на ложные предлоги, — не оказывают в бою братской помощи друг другу, так что в этих случаях те, которые должны были бы стоять на защите общественного блага, будучи лишены братской помощи, отступают; те же, которые для блага народа и родины готовы смело выступить, уничтожаются врагом вследствие неотвратимой для них опасности.

А посему настоящим постановлением приказываем, чтобы со дня или со времени, установленного этим законом, если неприятель начнет какие-либо военные действия против нашей родины, каждый, — будь то епископ или всякое иное лицо духовного звания, герцог или граф, тысячник (тиуфад), наместник (викарий), королевский дружинник (гардинг) или кто-либо иной, происходящий из того же самого диоцеза (commissu), где начались эти военные действия, или из другого, который граничит с ним, или всякий иной, случайно находящийся в этих областях или на этой территории в пределах ста миль, — тотчас после того, как возникнет в том необходимость и как только он получит уведомление от своего герцога, графа, тиуфада,

[1] Дальше следует перевод латинского текста. — Ред.

наместника (викария) или от кого-либо иного или же узнает об этом каким-либо иным путем и не выступит быстро на защиту народа и родины нашей со всей своей дружиной, какой располагает, а захочет, ссылаясь на всякие ложные предлоги и выдумки, уйти в другое место или уклониться и не выступит быстро и энергично на защиту братьев своих, чтобы отомстить за родину, — так что неприятель, начав военные действия против нас, возьмет пленных и нанесет ущерб народам и областям государства нашего; если кто-либо с некоторым опозданием, из трусости, по злому умыслу, из страха или малодушия, не двинется в поход и замедлит выступить на защиту народа и родины против врагов нашего народа со всей энергией; если это сделает кто-либо из духовенства или из клириков и если он не имеет средств, из которых он мог бы возместить убытки, причиненные нашей стране неприятелем, — то пусть он будет подвергнут строгой ссылке, согласно приказу правителя. Эта часть постановления распространяется только на епископов, пресвитеров и диаконов. А по отношению к клирикам, не имеющим почетного звания и приравненным к мирянам низшего звания, следует применять все постановление целиком. А если это сделает кто-либо из мирян, будь то знатный или лицо более низкого звания, то мы настоящим законом постановляем, чтобы он был отрешен от должности и освобожден от присяги и тотчас же обращен в самое низкое рабство, так чтобы правителю была бы предоставлена неограниченная власть над его личностью. Ибо справедливо, чтобы тот, кто не смог храбро защитить свой знатный род и свою родину, созданные трудом прежних поколений, был наказан согласно этому закону, а чтобы явно виновный в бо́льших преступлениях был наказан бесчестием. Относительно же имущества нарушителей этого закона как мирян, так даже и клириков, которые не имеют почетного звания, постановляем выполнять следующее: чтобы те, кто, может быть, впоследствии совершит это преступление, возместили бы все убытки, причиненные нашей земле, либо же возместили тем, которые понесли ущерб, — так что пусть справедливо пострадает, лишившись благородного звания и права владения недвижимостью, тот, кто из злобы или трусости не отразит нападающего врага и не покажет себя мужем в бою с неприятелем. А если в пределах Испании, Галлии, Галлеции (Galleziae) или всех провинций, которые находятся под нашей властью в какой-либо части государства, кто-либо подымет или захочет поднять восстание против народа, родины или королевства нашего или даже преемников наших, и если кто-либо из священнослужителей, клириков, герцогов, гра́фов, тиуфадов (тысячников), наместников (vicarii) или всякое иное лицо до этого находилось поблизости от этого места, в пределах того количества миль, которое было указано и объявлено выше, или даже в частности кто-нибудь из них был призван согласно вышеприведенному постановлению или же сам каким-нибудь образом об этом узнал и тотчас же быстро и преданно не явился, чтобы отомстить за короля, народ, родину или верных данному королю, против кото́рого было возбуждено и поднято это восстание, и, быстро подготовившись, не явился к ним на помощь для того, чтобы подавить это восстание; если это был епископ или кто-либо из клира или, может быть, из дворцовой службы, к какому бы сословию он ни принадлежал и каким бы саном ни был облечен, или, может быть, более низкое лицо, виновное в этой преступной неверности, — то такой человек не только отправляется в ссылку, но и все его имущество предоставляется в полное и неограниченное распоряжение королевской власти.

Закон признает невиновными в нарушении вышеприведенных постановлений лишь тех, которые были настолько ослаблены болезнью, что никак не могли ни выступить, ни отправиться в поход с дружиной верных, согласно вышеозначенному приказу. И те, которым помешает выступить в поход какая-либо болезнь, все же должны отправить свою дружину для того, чтобы оказать помощь епископам или клирикам, а также братьям своим, сражающимся верой и правдой за королевскую власть, народ и отечество. А если они этого не сделают, то должны быть наказаны

так же, как и нарушители этого закона, согласно вышеприведенному постановлению. Человек лишь в том случае считается невиновным в совершении вышеуказанного преступления, если он докажет надежными свидетельскими показаниями, что в то время, когда следовало выступить и отправиться в поход, он был настолько ослаблен болезнью, что не имел никакой физической возможности выступить. Итак, пусть строгое применение этого закона уничтожит зло, которое укоренилось с прежних времен и существует вплоть до наших дней, и пусть единодушное согласие укрепит мир среди народов и способствует защите родины.

IX. Славный Флавий Эрвигий король

О тех, которые в назначенный день или в назначенное время не выступают в поход и не являются в указанное место или убегают, а также о том, с какой частью своих рабов должен отправляться в этот поход каждый человек.

Если, без всякого сомнения, восхваляются те люди, которые настолько любят свою родину, что добровольно подвергаются опасностям в борьбе за ее освобождение, то почему же не называются дезертирами те, которые перестают быть ее защитниками? Ибо как мы сможем поверить в то, что эти люди добровольно пойдут на защиту страны, если они не выступают даже в том случае, когда их призывают на защиту родины? Теперь же они уклоняются от выступления в поход или, что еще хуже, вопреки напоминанию, задерживают свое выступление, или же, вопреки приказу, оставшись позади, отправляются в поход. Они гораздо охотнее думают о том, чтобы в большем количестве пользоваться плодами, чем о том, чтобы спасти свое тело, скрываясь и убегая, — и больше заботясь о своих домашних делах, чем о том, чтобы приобрести опыт в военном деле. Как будто они смогут воспользоваться своими трудами, если перестанут быть победителями! Ввиду этого следует в дисциплинарном порядке заботиться о тех, которые не чувствуют стремления руководствоваться соображениями пользы. Поэтому мы приказываем всем народам нашего королевства, подчиняются ли они общим или каким-либо иным законам, чтобы каждый человек в установленный, заранее назначенный день или в тот срок, когда правитель прикажет выступить в военный поход или же предпишет кому-нибудь из герцогов или графов отправиться для выполнения общественного дела, каждый человек, — получит ли он от кого-либо напоминание или, даже об этом не уведомленный, сам об этом каким-либо образом узнает или прослышит, куда следует прибыть для выступления в военный поход, — не смел бы оставаться дома, ссылаясь на какие-либо задержки и отговорки, мешающие выступить в поход, но чтобы в установленных местах и в установленное время, согласно приказу правителя или напоминанию герцога, графа, тиуфада, наместника (vicarii) или кого-либо иного, кто об этом должен заботиться, каждый быстро выступил в указанное место и в указанное время, как это было сказано. Если же кто-либо, получив напоминание или даже не будучи уведомлен, но каким-нибудь образом сам об этом узнавши, не захочет тотчас же выступить и не примет мер к тому, чтобы быть готовым к выступлению в указанном месте и в указанное время, если это особа высокого звания, то-есть герцог, граф или даже королевский дружинник (гардинг), то он должен быть лишен всего своего личного имущества и отправлен в изгнание королевским приказом, причем его имущество передается в неограниченную власть королевского величества, которое может распоряжаться им по своему полному усмотрению. А лица низшего звания, т. е. тиуфады и всякие сборщики войска, а равно и те, которые собираются, если они замедлят явиться в войско или же в указанное место и в указанное время совсем не явятся, или же пренебрегут своей обязанностью отправиться в походы, или же, сославшись на какой-нибудь ложный и хитрый предлог, убегут из войска, отправившегося в поход для общего блага, и вернутся домой, то им не только следует дать двести ударов плетьми, но следует их также обезобразить, позорно обрив им голову, и сверх того их сле-

дует принудить к уплате одного фунта золота, каковая сумма останется в распоряжении того, кому она будет щедро дана по приказу королевской власти. Если же человек не имеет средств для уплаты этой суммы, то королевская власть имеет право обратить нарушителя этого закона в вечное рабство, причем все его имущество передается в полную власть и в неограниченное распоряжение короля.

Мы объявляем невиновными в нарушении этого закона только тех, которым помешали выполнить его либо малолетство, либо дряхлая старость, либо же какая-нибудь тяжкая болезнь. Если же человек сможет доказать при помощи законного свидетеля, что он, будучи отягчен болезнью, не был в состоянии выступить в поход вследствие болезненной слабости, то все же такой человек, хотя и отягченный болезнью, должен, согласно постановлению этого закона, без промедления отправить всю свою дружину с герцогом или графом для выполнения общеполезного дела. Теперь же, — так как мы уже сказали об общем выступлении в поход, — нам остается лишь установить порядок выступления дружины или войск. И этим специальным декретом мы постановляем, чтобы каждый человек, будь то герцог, граф или королевский дружинник (гардинг), гот или римлянин, свободнорожденный или даже отпущенник, или кто-либо из государственных слуг, которые должны отправиться в войско, отправившись в поход, привел бы вместе с собой десятую часть своих рабов. И эта десятая часть рабов должна явиться не безоружной, но снабженной различными видами оружия, так чтобы оружие имел каждый из тех, которые будут приведены в войско, причем некоторая часть должна быть снабжена панцырями (zabis), или кольчугами, а большинство щитами, обоюдоострыми мечами, широкими мечами (scramins), копьями, стрелами, пращами и иным оружием, которое каждый недавно получил от своего сеньера или господина. И следует заботиться о том, чтобы их в таком виде представить правителю, герцогу или графу. Если же кто-нибудь явится для выступления в военный поход без этой десятой части своих рабов, то вся эта десятая часть рабов его должна быть тщательно проверена и рассчитана, причем если обнаружится, что он привел с собой для выступления в какой-либо военный поход несколько меньше этой установленной и рассчитанной десятой части рабов, то это должно быть передано во власть правителя, причем это останется во власти того, кому правитель прикажет это щедро отдать. А если кто-либо, находящийся на дворцовой службе, отправится в войско для выступления в поход таким образом, что появится на королевской службе не с полным количеством людей или не будет выполнять работу в сторожевом отряде (wardia) с остальными братьями, то пусть он знает, что будет наказан согласно постановлению этого закона, за исключением того случая, если он докажет, что болен, явно обнаружив свою болезнь. А если какой-либо воин, отправившийся в тот же самый военный поход, совсем не будет следовать за своим герцогом, графом или даже своим господином, но, благодаря покровительству разных людей, устроится так, что не будет находиться в сторожевом отряде (wardia) со своим сеньером и не сделает ничего полезного для общего блага, то такое выступление в поход не должно ему вменяться в заслугу, и он должен знать, что к нему самому будет применено вышеуказанное постановление, которое установлено этим законом по отношению к лицам низшего звания.

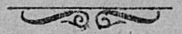
Итак, после того как мы это установили и написали, нам теперь остается наложить узду на взяточничество тех, на которых мы возлагаем выполнение дел, имеющих целью нашу пользу. И посему пусть никакой герцог, граф, тиуфад (тысячник) или кто-либо иной, правящий над вверенными ему (commissos) народами, получив дар или по какому-либо иному случаю повинуясь худшему желанию своему, не освобождает никого из своих подданных от участия в военном походе и не прекращает делать те напоминания, которые необходимо делать относительно выступления в поход и не перестает убеждать людей браться за оружие, якобы под тем предлогом, что он кого-либо из них уже раньше использовал в военном деле. А если кто-

либо сделает для кого-либо нечто такое по вышеуказанным причинам или какой-нибудь подарок получит, или же сам от кого-нибудь что-либо потребует и если это будет человек из первых лиц дворца, то пусть он в четверном размере вернет ту сумму, которую он взял у этого человека, и пусть он знает, что королю он должен уплатить фунт золота лишь за то, что он нечто взял в свою пользу. А лица низшего звания, лишенные почести и достоинства свободного рождения, должны быть отданы во власть короля, который может сделать с ними и с их имуществом все, что он пожелает.

Вместо 12—23 строк страницы 439-й в позднейших кодексах мы находим следующий текст:

«А если он не имеет средств для уплаты этой суммы, то королевская власть может обратить нарушителя этого постановления в вечное рабство, а также уступить этого обращенного в рабство человека или подарить его и отчужденное от него имущество тому, кому пожелает, с тем, однако, условием, чтобы этот нарушитель по какому-либо снисхождению не был возвращен даже в самое низкое состояние свободы и не вернул себе своего имущества каким-нибудь образом, не восстановив своих прав. Так что если хозяин этого имущества, то-есть тот самый человек, который получил данное ему имущество нарушителя этого закона, будет обвинен в каком-либо преступлении и будет обращен в прежнее состояние, то само имущество снова вернется во власть правителя, и пусть, в качестве неотменяемого постановления, существует правило, чтобы в том случае, когда человек, который раньше получил это имущество, больше не заслуживает того, чтобы им владеть, оно было передано другим верным людям. Только пусть оно не переходит во власть того, кто отправился в поход с запозданием и был посему лишен достоинства и имущества. И пусть признаются виновными в нарушении только этого постановления все те герцоги и старшие лица дворца, которые явились нарушителями вышеприведенного постановления. Такого же осуждения заслуживают и те, которые бежали от войны или относительно которых было обнаружено, что они во время военного похода поспешно ушли в иное место без разрешения своего сеньера. Однако, во время этого похода следует выполнять относительно как более значительных, так и менее значительных лиц следующее: если кто-либо, находясь в тяжелом болезненном состоянии, совершенно не имеет никаких сил для того, чтобы отправиться в поход, то пусть он тотчас же потребует, чтобы к нему пришел епископ этого места или этой местности для того, чтобы исследовать степень серьезности его болезни. И пусть он из числа епископов призовет к себе для исследования своей болезни того, на территории или в провинции которого ему случилось заболеть или задержаться или же попасть из другой территории. Ибо ему следует верить не иначе, как на основании свидетельства епископа, на территории которого была обнаружена его болезнь, причем это должно быть подтверждено его присягой или клятвой тех, которых этот епископ пошлет вместо себя в качестве инспекторов. И пусть эти епископы заботятся о том, чтобы внимательно исследовать либо лично, либо через своих заместителей эти болезни, чтобы определить, действительно ли данный человек никаким образом не может выступить в поход или же определенно может через несколько дней отправиться на войну, т. е. раньше, чем войско из указанного места выступило в поход. И на основании их определения степени болезни, их компетенции подлежит установить, должны ли больные остаться дома для поправления своего здоровья или же им следует выступить после того, как они восстановят свои силы. Таким образом, основываясь на свидетельстве данного епископа, мы, сочувствуя болезни захворавшего, предоставляем епископам право его простить, либо же, в случае симуляции болезни, его наказать, для пресечения преступления. Однако, если кто-либо будет признан настолько ослабленным болезнью, что никак на сможет отправиться в бой, то все же он должен без промедления согласно постановлению этого закона, отправить свою дружину для выполнения общеполезного дела вместе с герцогом или графом своим. Если же он почувствует,

что постепенно выздоравливает, так что вскоре после этого восстановятся его силы, то пусть он тотчас же, — согласно тому, что предписывает этот закон, — со всей своей дружиной отправится туда, куда, как он об этом был уведомлен, должен был явиться, или куда, если он об этом узнал, после этого выступило войско.

Глава IV

Происхождение ленной системы

Франкское государство отличалось от всех остальных германских государств прежде всего бесконечно большей мощью королевской власти. Хлодвиг, его сыновья и внуки были самыми необузданными деспотами. И хотя германская любовь к свободе и мужская гордость восстали против этого деспотизма, все же это движение было направлено не против королевской власти как таковой и стремилось не к низвержению династии, а лишь к тому, чтобы конституционно ограничить монархическую власть. Та большая борьба, которая связана с именами королев Брунгильды и Фредегунды, является в действительности борьбой между королевской властью и знатью, причем разрешается лишь благодаря расколу внутри династии. В Испании аристократы и церковь поставили королевскую власть в такую от себя зависимость, что они сами возводили королей на престол, в результате чего принцип наследственности исчезает. Меровингская династия, создавшая государство и представлявшая собой некое единство в своем государстве, вообще состоявшем из совершенно различных элементов — из германских и романских областей и племен, держалась, несмотря на то, что ее иногда брали под опеку. Сила противостояла силе, и это внутреннее напряжение способствовало дальнейшему развитию военной организации.

Во франкском государстве первоначально не существовало признанного дворянства. Когда Хлодвиг поставил своих графов над покоренными областями (вероятно, в большинстве случаев из среды своих дружинников, которые ему служили, будучи обязаны долгом личной верности, — из своих антрустионов[1]), то это были его чиновники, командовавшие по приказу короля теми Leudes (люди), которые были им даны в их распоряжение. Но через сто лет после Хлодвига уже существуют такие франкские аристократы, которым Лотарь II в Парижском эдикте 614 г. — первом документе, который можно назвать «великой хартией» (magna charta), дает на-

[1] Так назывались (antrustions) франки, находившиеся под личным покровительством короля. — Ред.

ряду с другими то обещание, что графы будут назначаться лишь из крупных землевладельцев округа[1]. Этот эдикт был наградой за участие в династической семейной войне, за решение спора и вынесение приговора, предписывавшего сыну Фредегунды казнить престарелую королеву Брунгильду, привязав ее к диким лошадям, которые должны были волочить по земле ее тело до тех пор, пока она не умрет. У вестготов королей убивали или смещали и выбирали на их место других, у франков же ограничивали их правительственную власть.

Итак, во франкском государстве образовалось сословие крупных землевладельцев, которое своим участием решало исход гражданских войн и хотело вместе с королем разделить его общественную власть. Источники не дают нам прямых указаний на то, каким образом возникло это сословие, но мы можем предположить, что его происхождение объясняется приблизительно следующим образом. В романских областях это сословие является продолжением римского сословия сенаторов, которое германизировалось, — отчасти благодаря родственным связям с германцами, которые затем становились наследниками, так как знатные римляне часто вступали в ряды духовенства, отчасти же благодаря конфискации и передаче права владения германцам. Наряду с этим король давал своим верным слугам, т. е. своим графам, большие земельные пожалования из общественного земельного фонда, а графы пользовались своей властью для того, чтобы увеличивать свои владения. В прежнем бургундском королевстве и в прежней вестготской области крупное германское землевладение появилось уже после раздела земель между римлянами и германцами. В германских областях в эту более позднюю эпоху, когда свободные франки еще не опустились до уровня зависимых людей, крупное земельное владение объясняется, очевидно, главным образом, наличием римских колонов, которые остались сидеть на земле между германцами и их литами. Затем к этому прибавились еще королевские пожалования, которые, однако, здесь, — при отсутствии таких людей, которых можно было дарить вместе с землей, — не могли иметь большого значения.

Но если это крупноземлевладельческое сословие было настолько мощным, что могло решать участь гражданских войн, разгоравшихся между соперничавшими королями, и смогло насильственно вырвать у короля Парижский эдикт, то это сословие должно было иметь в своем распоряжении военных людей. Не подлежит сомнению, что эти крупные землевладельцы уже фактически владели ими в тот момент,

---

[1] Постановление эдикта гласит: «Чтобы ни один чиновник не назначался из одних провинций или областей в другие места; если он допустит какую-либо неправильность по какому-либо делу, то он должен из собственных средств, согласно постановлению этого закона, возместить то, что он неправильно взыскал». («Mon. Germ. Leg.» I, p. 14. Waitz, «D. Verf.-Gesch.», II, 377). Слово «Judex» здесь означает чиновника вообще, а также и графа. Неопределенное выражение «из одних провинций или областей» либо является просто напыщенной канцелярской фразой, либо же поставлено намеренно, имея в виду тех владельцев, которые имели оседлость в нескольких округах. Здесь нет прямых указаний на то, что на эти должности могут назначаться лишь землевладельцы, но это ясно из запрещения назначать их «из других провинций и областей», связанного с тем, что от данного лица требуется цена собственности. Владельцы крупного движимого имущества, не имевшие земельной собственности при занятии графских должностей, почти не принимались во внимание.

когда на законном основании захватили в свои руки графские должности; ведь их владения выросли, главным образом, из-за графской власти.

Другими словами, это означает, что те графы, которых Хлодвиг поставил в качестве своих чиновников и которым он предоставил в распоряжение своих воинов, для того чтобы они ими командовали, превратились в крупных землевладельцев, имевших своих собственных воинов. Первоначально королевские воины — или большая часть этих первоначально королевских воинов — превратились в воинов частных лиц.

Благодаря тому, что в одном парижском палимпсесте [1] сохранилась часть свода закона короля Эвриха, мы имеем прямое указание на то, что у вестготов уже в V столетии существовали буккеларии, т. е. частные солдаты. Выше мы уже видели, что в более позднее время организация военного дела в этом государстве на практике превратилась в неорганизованную поставку крупными землевладельцами вооруженных рабов. Относительно франков сохранились прямые и совершенно несомненные свидетельства источников лишь из эпохи, последовавшей за временем издания Парижского эдикта, т. е. приблизительно из середины VII в. Но уже сам Парижский эдикт является достаточным указанием на то, что эти порядки существовали и раньше во франкском государстве и притом даже в очень широком масштабе. Судя по достижениям и по успехам, мы должны предположить, что они существовали здесь в значительно более широком объеме и проводились в жизнь более энергично, чем у вестготов.

П. Рот, имеющий крупные заслуги благодаря своим трудам, пролившим свет на эти темные эпохи и отношения, предположил [2], что те спутники, которые под именем «мальчиков» (pueri) очень часто появляются в окружении меровингского аристократа, были несвободными. Действительно, в некоторых случаях они выполняют такие дела, которые заставляют считать их простыми слугами, а потому, вероятно, несвободными Но это, конечно, еще не указывает на то, что это слово означает исключительно несвободных. Рот впал здесь в заблуждение вследствие слишком узкой постановки вопроса, а именно он спрашивает: несвободный или дружинник? Но ведь дружинник является для него знатным человеком; между дружинником и несвободным, как мы уже обнаружили, стоит простой солдат, буккеларий вестготов, который хотя и находится в зависимости, но все же свободен.

Я думаю, что не будет слишком смелым предположить, что pueri, которых мы находим в книгах Григория Турского и вообще в эпоху Меровингов, являются здесь тем же самым, чем были «παῖδες» (дети) у Агация, а именно немецкие «Degen» (дети, ребята). Они стояли в социальном отношении столь низко, что даже настоящие несвободные могли обозначаться тем же словом, но в государственно-правовом отношении они принадлежали к числу свободных и лишь добровольно

[1] Свиток пергамента, с которого когда-то был смыт первоначальный текст и который затем из экономии был вторично исписан. Впоследствии удавалось химическим или фотографическим путем восстановить прежний текст и, таким образом, раскрыть много ценных исторических документов. — Ред.

[2] «Gesch. d. Benef. Wesens.», S. 153.

принимали на себя обязательства к своему господину и ему подчинились. Точно так же на тысячу лет позднее слово «Knecht» обозначало и крепостного холопа, и солдата, который в качестве свободного наемника мог поступать на службу туда, куда он хотел.

Если наши источники и не дают нам совершенно положительных и неоспоримых указаний на то, имели ли франкские аристократы VI столетия вокруг себя «свободный детей» (freie Degen), то ведь не доказано и обратное. А ведь природа вещей требует того, чтобы такие люди, как франкские графы, которые окружали себя боеспособной свитой и вполне естественно находили себе для этой цели кандидатов среди своих соплеменников, не пользовались для этого одними лишь рабами. То обстоятельство, что мы в области государственно-правовых отношений не находим никаких ссылок на указанный факт, объясняется просто тем, что это были чисто частные отношения, которые не причиняли никакого ущерба самодержавному праву короля и обязанностям подданного.

Помимо «мальчиков» (pueri), в окружении франкского аристократа мы находим еще «друзей», «равных», «спутников» (amici, pares, gasindi, satellites). Все эти неясные и очень спорные термины не дают нам возможности установить, что именно под ними скрывается. Хотя несомненно, что отчасти мы здесь имеем дело со свободными, но все же возможно, что, как это думает Рот (стр. 157), под этими терминами следует понимать отношения защиты по типу клиентелы [1]. Теперь, после того как мы уже установили, что военные люди должны были находиться в свите франкского аристократа, нельзя не притти к тому выводу, что эти названия (хотя и не исключительно, так как это техническое выражение, но лишь отчасти) обозначают военную дружину — людей, стоящих на более высоком общественном уровне, чем «дети» (pueri) [2].

Когда германские короли, будь то Хлодвиг или Теодорих, ставили графов над областями своего государства, то вполне естественно, что эти графы брали с собой не только простых, несвободных слуг или грубых парней из народа, но также некоторых надежных и испытанных товарищей, обеспечивая себе их верность личной клятвой, как это было в обычае у народа.

Не может подлежать никакому сомнению, что, согласно германскому правовому воззрению, свободный человек мог брать на себя обязательство верности по отношению к другому человеку, становясь тем самым его дружинником. Конечно, древним германцам были чужды такие государственно-правовые представления, которые заключались в том, что лишь князь имеет право держать дружину. Действительно, на практике только очень высоко стоящий и очень состоятельный человек мог иметь дружинников, которые являлись его сотрапезниками и которых он должен был кормить. А теперь такое положение

---

[1] В древнеримском быту клиентами назывались неполноправные в юридическом смысле лица, пользовавшиеся покровительством какого-либо «патрона» — патриция. — Ред.

[2] Я в основном занимаю в этом вопросе такую же позицию, как и Бруннер в своей «Истории германского права», который, впрочем, слишком резко подчеркивает несвободное положение pueri.

занимали очень многие крупные владельцы и графы. Поэтому этих «amici», «pares», «gasindi», которые упоминаются в источниках, мы можем с полным правом назвать дружинниками графов или иных знатных людей. Хотя это первоначально и не было отношением, закрепленным публичным правом, но все же оно было проникнуто тем самым духом, что и древняя дружинная система. Но те отряды, о которых теперь идет речь, слишком велики, чтобы вместиться в понятие древней дружины. Мы не знаем, применялись ли также и в этом отношении сохранившиеся обязательства верности дружинников, а если это было так, то с таким расширением были связаны и некоторые изменения, так что вопрос о том, идет ли здесь речь о дружине, сам собою снимается. Достаточно того, что были воины, которые брали на себя обязательства верности по отношению к человеку, не бывшему королем, и что это более или менее происходило в формах древней дружины.

Существование подобных воинов засвидетельствовано в источниках, начиная с середины VII столетия. Но сама природа вещей и Парижский эдикт властно указывают на то, что, как мы уже видели, они существовали в таком виде гораздо раньше.

Слово «вассал» получило у нас права гражданства в качестве технического термина, обозначающего воина, который вступает в ряды войска не в силу призыва, исходящего от государственной власти, а вследствие особого обязательства. Это слово кельтского происхождения и означает «человек», «муж» а, следовательно, передает то понятие, которое в латинских источниках выражается словом «homo» (человек), а в германских — словом «Leudes» (люди). И лишь случайно это слово, имеющее кельтский корень, получило такое специфическое значение.

В наших древнейших источниках слово «vassus» (вассал) еще не имеет того значения, которое мы вкладываем в это слово теперь, но обозначает несвободного слугу. Свой позднейший смысл, который сохранился вплоть до настоящего времени, слово «вассал» получило благодаря некоторому странствию, как это, впрочем, можно заметить и в некоторых других случаях. У баварцев это слово было иностранным и не имело того особого оттенка, который указывал бы на то, что оно обозначает, собственно говоря, несвободного человека. Оно укрепилось также и по отношению к знатным лицам, а затем в этом новом значении оно опять перешло через Рейн при Карле Великом [1].

В интересах более краткой и не дающей повода к недоразумениям терминологии мы будем в дальнейшем называть то военное сословие, которое непосредственно призывалось меровингскими королями, словом «Leudes», а то, которое призывалось крупными землевладельцами и которое древнейшие вестготы называли буккелариями, словом «вассалы». Такое резкое разграничение этих двух выражений не засвидетельствовано источниками. Лишь со второй половины VIII столетия, при Карле Великом и Людовике Благочестивом, постепенно укрепляется обозначение «вассал» в привычном для нас смысле свободного человека, подчиненного другому человеку. А выражение «Leudes» (люди) употребляется [2] в источниках обозначения воинов не только короля, но и знатных людей и отмирает лишь в VIII сто-

[1] Dippe, «Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merowinger», S. 44.
[2] Примеры приведены у Dippe, S. 18.

летии. Между ними стоит еще целый ряд таких терминов, как «amici», «gasindi», «ingenui in obsequio», «pueri» «satellites» etc. (друзья, челядь, свободнорожденные дружинники, мальчики, спутники и т. д.). Таким образом, это противопоставление следует понимать как некоторое упрощение, причем термин «вассалитет» я отношу к более раннему времени, а понятие «Leudes» (люди) ограничиваю.

Господин вассала носит название «senior» (старый), откуда и произошло французское слово «seigneur». Источники не дают нам прямых указаний на то, когда именно призывы вассалов начали принимать более широкое распространение. Конечно, сперва они были очень незначительными, но уже Парижский эдикт не оставляет никаких сомнений в том, что во время гражданских войн, окончившихся казнью королевы Брунгильды (613 г.), решающим моментом явились не призывные контингенты древних Leudes (людей), но именно вассалы. Каким образом это произошло?

Тактика этого времени нам показала, что эта эпоха требовала и вызвала к жизни высококачественных воинов. Это был единственный тип воина, который был способен к дальнейшему существованию и к дальнейшей жизни в условиях германо-романского государства.

Чрезвычайно важно уяснить себе это обстоятельство. Как ни сильна была меровингская королевская власть, она все же была неспособна вернуться к военной системе римских императоров первых двух столетий. Новые неграмотные владыки государства не были в состоянии организовать бюрократическое управление с соответствующей денежной отчетностью. Сами франки не подчинились бы дисциплине, да и вообще на почве натурального хозяйства не могло существовать дисциплинированного войска, которому выплачивалось бы жалованье из налоговых поступлений. Народное ополчение, созванное при помощи призыва, в военном отношении не представляет собой ценности. На этой почве военная организация может существовать лишь в форме особого военного сословия, и эта организация в развитом государстве не может быть бюрократической, но должна стать феодальной.

Господин, ведущий на войну в собственных интересах своих людей, вооруженных его оружием, сидящих на его лошадях и снаряженных на его средства, будет иметь совершенно иных воинов, чем граф, который, будучи послан от королевского двора в округ, чтобы управлять им в течение более или менее продолжительного времени, снаряжает людей на общественные средства. Второй не сможет сделать того, что сделает первый, даже в том случае, если он будет одушевлен самыми лучшими стремлениями. Если же он не проявит такого рода стремлений и полного самопожертвования, но будет при этом так или иначе соблюдать свои собственные интересы, если он не будет с максимальной внимательностью выбирать и формировать своих воинов и держать в порядке коней и оружие; если он не будет заботиться о войске, не жалея никаких расходов, но будет тщательно экономить, то его ополчение заслужит вскоре одни лишь насмешки. Никакой контроль не может заставить его лучше выполнять свои обязанности, ибо как натуральное хозяйство, так и военные качества можно контролировать сверху лишь самым поверхностным образом, если только они вообще поддаются контролю. При помощи инспекций можно признать удовлетворительным состояние обученного строю

войска или налоговой кассы, но лишь только войско выступает в поход, как все дальнейшее уже переходит в руки войскового управления и руководства. Только во время похода можно было видеть, на что было способно при потомках Хлодвига франкское войско, в котором все зависело от личной храбрости отдельного воина и принесенного им с собой оружия. Византийская империя по технике управления и организации стояла, конечно, гораздо выше меровингского королевства, и все же Византия, как мы видели, прибегла к вспомогательному средству, которое заключалось в поставке войск при помощи кондотьеров. Крупный франкский землевладелец, идущий в поход вместе со своими вассалами, является чем-то вроде такого кондотьера, — так сказать, постоянным кондотьером. Он содержит воинов и организует военное дело не только во время войны, но и в мирное время.

До сих пор все это развивалось совершенно так же, как мы это видели в вестготском государстве. Но в этом государстве мы не обнаружили того факта, что из буккелариев развился, наконец, новый вид пригодной военной организации. Это произошло лишь в государстве франков благодаря присоединению нового элемента, который закрепил за вассалами их военный характер и принудил их сохранить свои профессиональные свойства.

Этим новым средством явилась ленная система.

Мы видели, что уже при расселении бургундов то крупное владение, которое жаловалось королем, хотя и давалось в наследственную собственность, но все же с некоторыми оговорками и ограничениями. Какие бы правовые установления ни послужили в данном случае прообразами и исходными точками, достаточно того, что у франков развился порядок передачи поместий воинам за военную службу не в качестве наследственной собственности, но с той оговоркой, что поместье возвращается как в случае смерти пожаловавшего, так и в случае смерти пожалованного. Наследник в случае смерти пожаловавшего мог снова пожаловать это же имение его прежнему владельцу, если последний брал на себя обязательство верности и военной службы. Господин в случае смерти пожалованного мог передать поместье семье умершего, если в ее составе имелся налицо человек, который хотел бы и был бы в состоянии дать клятву верности и в случае необходимости итти на войну. Если же этих предпосылок не было налицо, то владелец поместья брал назад свою собственность. Следовательно, передача лена была средством, при помощи которого господин снабжал своих вассалов, не выпуская в то же время из своих рук своей собственности, что давало ему, однако, возможность иметь в своем распоряжении воинов не только в течение одного поколения, но длительно оседлых и все же от него зависящих.

Вассалитет и ленная система являются двумя государственно-правовыми установлениями, которые могут сами по себе и не совпадать. Человек может поступить в качестве вассала на службу к сеньеру, не получив от него лена, и в то же время можно было получить лен, не будучи вассалом. Всемирно-историческое значение имеет лишь соединение этих двух понятий, которые вместе образуют феодальную систему.

Можно предположить, что в ту эпоху, когда в течение длительного времени существовали напряженные отношения как между отдельными меровингскими королями, так и между королями и магнатами,

во франкском государстве непрерывно ощущалась очень сильная потребность в военной силе. И когда первоначальный состав воинов времени основания государства превратился в крестьян, то это дало толчок к тому, чтобы сохранить или заново создать военное сословие в лице вассалов и подвести под вассалитет широкую длительную основу посредством земельных пожалований до смерти сеньера или ленника.

Вассалитет в соединении с ленной системой не только был формой, дававшей возможность землевладельцу держать военных слуг, но именно такой формой, которая была чрезвычайно удобна, чтобы создавать различным образом более крупные организации. Очень большие семьи, как, например, семья Пипинидов или Арнульфингов, или же объединение этих семей, совершившееся благодаря браку Анзегизеля с Беггой, были не в состоянии сами непосредственно управлять своими владениями, выходившими за пределы многих округов, а мы уже видели, как важен был глаз господина при системе вассалитетной военной организации. Для того чтобы выйти из этого затруднения, стали пользоваться представившеюся возможностью передавать в качестве лена крупные части больших владений с тем, чтобы путем дробления такого крупного лена на вторичные, зависящие от него лены поставлялось большее число воинов.

Но крупные землевладельцы, кроме того, чувствовали также потребность тесно сплотиться вместе, чтобы успешно окончить борьбу с королевской властью за форму государственного строя. Самой прочной и самой надежной формой такого объединения крупной аристократии была та клятва верности, которую вассалы давали своему предводителю. В этом отношении даже шли дальше: владельцы дарили свое поместье господину, чтобы получить его обратно в качестве лена. Правда, при этом исчезала одна существенная отличительная черта лена, так как в таком случае владельцы удерживали за собой право наследственной передачи лена, однако, все же оставалась возможность отнятия лена при нарушении верности. Таким образом, этот правовой акт заключал в себе передачу залога для сохранения вассальной верности. В таких случаях сеньер часто добавлял к этому лен из своего собственного владения.

Крупнейшим землевладельцем в Средние века была церковь, а так как теперь военная сила стала находиться в зависимости от землевладения, то церковь — в интересах своего могущества, своей безопасности и, наконец, в общих интересах — не могла удержаться от выделения ленов, для того чтобы держать на них своих вассалов. Уже в VI в. появляются два епископа, два брата — Салоний и Сагиттарий, которые отправляются в поход и лично участвуют в сражениях. Это очень огорчает благочестивого Григория Турского (IV, 42; V, 21). В VII в. епископы уже имеют собственные военные отряды, которые они отправляют на войну. В начале VIII в. мы находим епископов в качестве личных предводителей, что вскоре затем закрепляется публичным правом.

Наглядную картину военного похода сеньера со своими вассалами рисует нам письменное извещение о военном призыве Карла Великого, случайно сохранившееся до наших дней. Хотя это послание и относится к значительно более позднему времени, чем то, которое мы здесь изучаем, — именно к 804—811 гг., — но такие послания и предписания, без сомнения, писались и имели силу в течение всего предшествовав-

шего времени. Поэтому, изучая в данном случае сущность ленного призыва, мы можем привести здесь это послание. Оно адресовано некоему аббату Фульраду, — вероятно, из Сен-Кантэн в Северной Франции [1].

Аббату сообщается, что государственное собрание будет в этом году иметь место в Штасфурте на Боде, в Восточной Саксонии. Туда 16 июня должен прибыть аббат со всеми своими хорошо вооруженными и снаряженными людьми (hominibus) и быть готовым отправиться в поход туда, куда будет решено. Каждый всадник должен иметь при себе щит, копье, меч, кинжал, лук и колчан со стрелами. На повозках должны находиться топоры, секиры, буравы, кирки, мотыги, лопаты, — одним словом, все те инструменты, которые необходимы во время войны. Взятого с собой продовольствия должно от Штасфурта хватить еще на три месяца, а оружия и одежды—на полгода. Отряды должны мирно проходить через страну и ничего не брать, кроме зеленого фуража, дров и воды. Господа должны находиться при повозках и всадниках, для того чтобы не произошло какой-нибудь несправедливости.

Мы должны несколько остановиться на предписании, гласящем, что аббат должен иметь с собой продовольствие на три месяца. Так как он должен был прибыть в Штасфурт с запасом продуктов на три месяца и так как ему до Штасфурта надо было сделать сто миль пути, то он должен был выступить в поход с запасом продовольствия, рассчитанным более чем на четыре месяца. В одном капитулярии 811 г. устанавливается, что те, которые приходят с той стороны Луары, могут считать свой трехмесячный запас, начиная от Рейна, а те, которые приходят с этой стороны Рейна, — начиная от Эльбы. Если отправляются в поход в Испанию, то зарейнские жители могут считать от Луары, а живущие по ту сторону Луары — от Пиренеев. Таким образом, при выступлении в поход нужно в большинстве случаев брать запас продуктов на четыре месяца. Из источников не видно, каким образом рассчитывались продукты на обратный путь. Если во время самой войны не было взято большой добычи, то поход не должен был длиться более двух месяцев, для того чтобы трехмесячного запаса хватило на обратный путь для тех отрядов, которые пришли из более отдаленных мест.

Современная продовольственная дача мужчины составляет в сутки (за исключением картофеля и риса):

1$^1/_2$ фунта хлеба	750 г
копченого мяса	250 „
стручковых овощей или муки	250 „
соли	25 „
кофе	25 „
Итого	1 300 г

Если мы выкинем кофе и примем во внимание, что зерно весит на $\frac{1}{4}$ менее соответствующего количества хлеба, то такая дневная порция весит приблизительно 1 100 г. Свежего мяса дается наполовину больше, чем копченого, т. е. 375 г. Римский солдат получал на 16 дней

[1] По тексту, напечатанному у Boretius, «Beiträge zur Kapitularenkritik», S. 154.

приблизительно 15 кг пшеницы. Франки могли еще брать с собой сушеные фрукты, лук, репу и т. п.[1], но их снабжение отличалось от римского, главным образом, тем, что они привыкли к гораздо более значительному мясному питанию и брали вместе с собой в поход порционный скот. Если мы предположим, что вес римской суточной дачи продовольствия равнялся $2\frac{1}{2}$ фунтам, так как к 2 фунтам зерна и соли должно было добавляться и еще кое-что, то германская норма, кроме свежего мяса, должна была весить не более $1\frac{1}{2}$ фунтов, что дает на четыре месяца приблизительно на круг 180 фунтов. Если мы к этому добавим тот багаж и те инструменты, которые, помимо того, каждый человек имеет на телеге, и если положим на каждое упряжное животное, коня и быка, по 4 ц чистого веса[2], то в таком случае (так как следует считать также и прокорм возницы) одной такой повозки едва хватит на трех человек. Если аббат Фульрад вел с собой 100 воинов, то ему нужно было иметь для них около 15 четверочных или более 30 парных повозок. Эти вассалы, конечно, ничего не несли на своей спине. Скорее мы можем предположить, что они часто везли вместе с собой в поход женщину или мальчика, не только для своего удовольствия, но также и для того, чтобы иметь уход в случае болезни или ранения. Сам аббат был знатным человеком, который имел большие претензии, и в его свите многие также имели при себе как собственных конюхов, так и личных слуг, так что весь отряд насчитывал при 100 воинах, конечно, двойное количество людей. Но так как германская жажда требовала еще соответствующего количества бочек, то весь отряд не мог обойтись меньше чем 40—50 тяжело нагруженными повозками, запряженными парами или четверками. Хотя повозки постепенно пустели, однако, очень немногие из них с пути отправлялись домой, так как во время долгого пути и военного похода, когда большие массы людей сталкивались одна с другой и ежедневно спорили из-за фуража и воды, происходила такая большая убыль в животных и в повозках, не говоря уже о собственно военных потерях, что необходимо было иметь постоянный фонд для замены. Так как мясной скот во время похода не мог быть особенно откормленным, то на 200 человек мы должны считать в неделю 3 головы, следовательно, на четыре месяца гурт в 50 голов.

Теперь следует ответить на вопрос, можно ли понизить это количество продовольствия за счет возможного пополнения продовольственных запасов во время пути? Благодаря рейнскому водному пути и его притокам, было бы, например, нетрудно во всех тех главных местах, где совершались переправы,— как то: в Страсбурге, Майнце, Кельне и Дуисбурге,— соорудить склады для всех прибывавших с запада отрядов. Но об этом мы никогда не слышали, так как это было бы делом центрального правительства, а ведь каждый отдель-

---

[1] Согласно Хейму, слово «räuchern» (коптить)—общегерманское слово (M. Heym, «Das deutsche Nahrungswesen, S. 295). Следовательно, этот способ предохранения мяса от порчи является исконно древним. Хотя Помпоний Мела и пишет, что в Германии мясо ели сырым, однако, Хейм полагает, что эти слова могут относиться к копченому мясу. Искусственный способ заготавливания впрок капусты и овощей, согласно Хейму (S. 327), не является местным обычаем. Слово «Sauerkraut» (кислая, квашеная капуста) появилось довольно поздно. Однако, не исключена возможность того, что аббат Фульрад уже знал, что такое кислая капуста, и даже брал ее с собой в поход.

[2] Ср. ниже экскурс «Снабжение и обоз».

ный отряд должен был сам заботиться о своем снабжении. Если бы аббат Фульрад захотел пополнить свои запасы на каком-нибудь складочном пункте, то он должен был бы за это платить наличными и, следовательно, должен был бы взимать со своих крестьян очень большие денежные подати. Но крестьяне не могли бы их уплачивать, а потому не оставалось ничего другого, как брать вместе с собой даже на большие расстояния собственные запасы на собственных телегах [1].

Следует отметить, что при наших расчетах мы совершенно не принимали во внимание фуража для лошадей. Фуражная дача для лошадей по современным нормам составляет от 5 до 5,65 кг овса, 1,50 кг сена и 1,75 кг соломы [2]; следовательно, одна лошадь, считая лишь овес, поедает в 6 недель больше того, сколько она может свезти [3]. Таким образом, при более или менее далеком походе совершенно нельзя было брать с собой фураж для верховых лошадей и особенно для упряжного скота. А так как в пути едва ли что-нибудь можно было купить и ничего нельзя было взять с собой, то весь скот оставался исключительно на зеленом корму и, в соответствии с этим, обладал лишь очень незначительной грузоподъемностью и скоростью движения.

Если на отряд сеньера, состоявший из 100 воинов, приходилось около 50 телег и повозок, то количество необходимых для этого отряда животных, считая здесь также и всех верховых лошадей, должно было быть гораздо больше количества людей и значительно более чем в два раза превышать число воинов. Этот расчет останется правильным даже в том случае, если мы примем, что мясным скотом были отчасти те быки, которые сперва тащили телеги, а затем, когда телеги пустели и ломались, уже становились излишними.

Военный поход на далекое расстояние был в эпоху натурального хозяйства большим делом и большой тяготой. Даже если Сен-кантэнский монастырь был очень богатым, то аббат Фульрад для похода в Саксонию выставил, наверное, гораздо меньше, чем 100 воинов.

Теперь я попрошу читателя бросить последний благосклонный прощальный взгляд на ту ученую теорию, которая заставляет франкского графа выступать в поход то на этой, то на другой границе во главе всех крестьян своего округа или даже всех боеспособных мужчин, от тюрингов и вплоть до гасконцев, снаряженных на собственный счет и с собственным вооружением.

Франкское государство состояло из германских и романских областей. Когда Хлодвиг сковал эти различные страны в одно государство, то нельзя было себе представить двух более различных социальных структур. Здесь были роды, состоявшие из равных и свободных воинов со слабым крестьянским оттенком, там же было небольшое количество крупных землевладельцев, большое количество крепостных крестьян и горожане. И разве не удивительно, что в течение нескольких поколений и тут и там общественные надстройки стали совершенно одинаковыми? Наука должна была бы, собственно говоря, уже

---

[1] Примечание к 2-му изданию. Таким образом, я не только не признавал возможности существования складочных пунктов на Рейне и не только не имел фактических доказательств этого, как это полагает Эрбен («Hist. Z.», 101, 329), но я резко и ясно оспаривал возможность существования такого рода складов.

[2] Bronsart, «Dienst des Gen. Stabes». S. 414, 2 Auflage. Теперь она еще больше.

[3] Следует оговориться—при тогдашних условиях. Современная обозная лошадь по современной дороге поднимает больше чем в два раза.

давно поставить вопрос о том, почему между романскими и германскими франками не заметно более или менее крупных различий? Но уже ставя здесь этот вопрос, мы тем самым даем на него ответ. В гражданских войнах Австразия оказывается самой сильной. Это можно было бы объяснить ее преобладающе германским характером, но если бы это обстоятельство исчерпывало ответ, то перевес Австразии должен был бы быть еще гораздо более значительным. В таком случае следовало бы, собственно говоря, спросить, каким образом Нейстрия, Аквитания или Бургундия могли вообще бороться с Австразией? Но они так много и так долго боролись друг с другом, что, очевидно, между ними должна была быть лишь очень небольшая разница в силе. Причиной этого является то, что даже те франки, которые остались жить на своих прежних местах, как только были включены в состав большого государства, очень скоро начали терять свой военный характер и становиться крестьянами. Новая организация военного дела, безусловно, не вязалась со всеобщим выступлением воинов, но требовала выбора и разделения. Если над уже давно невоинственными кельтско-романскими крестьянами и горожанами возвысилось военное сословие, которое существенным образом пополнялось переселившимися франками, то точно таким же образом диференцировались древнефранкские области. Короли и графы больше не допускали древних массовых грабительских походов. Они призывали на войну из каждой сотни лишь стольких людей, сколько можно было регулярно снабжать, а это количество было очень небольшим. Германцы довольно долго противились этому, но в конце концов они были подавлены и попали в зависимость от своих прежних товарищей, которые оставались воинами, причем эта зависимость была, может быть, еще более тяжелой, чем зависимость романских колонов.

Франкское государство было основано в форме бюрократического чиновничьего государства со всеобщей воинской повинностью, которая на практике ограничивалась одним сословием воинов. Это военное сословие могло развиваться дальше лишь в качестве сословия вассалов класса крупных землевладельцев. Этот класс, прикрепивший к себе воинов благодаря ленной системе, завладевает военной силой и захватывает таким путем административные должности и графскую власть, а вскоре затем и центральное управление, должность палатных мэров (майордомов), которую, говоря современным языком, можно было бы назвать министерской. Меровингское королевство продолжает существовать, но уже под опекой вождей новой аристократии. Эти руководящие семьи, появляющиеся и поднимающиеся в отдельных государствах — в Австразии, в Нейстрии, в Бургундии, в течение некоторого времени борются между собой, пока одна из них не подавляет одну часть и не соединяется при помощи брачных уз с другой частью, снова создав, таким образом, для центрального массива государства единую власть, хотя пограничные страны — Бавария и Аквитания — все еще удерживают свою самостоятельность.

Феодализация военного дела в государстве франков произошла путем очень медленного и постепенного развития, так что ее очень трудно подразделить на периоды. Уже очень рано, вскоре после основания государства, мы видим одновременное существование принципа всеобщей воинской повинности и практики призыва буккелариев или вассалов. Но, несмотря на то, что эта практика сохраняет свое преобладающее положение, прочно и надолго укрепляется при помощи

ленной системы и, наконец, фиксируется в государственно-правовом отношении, все же это ни в какой мере не отменяет принципа, т. е. королевского права всеобщего призыва. В течение долгого времени оба эти факта будут существовать один наряду с другим, и еще в следующем томе нам придется говорить об этом противоречии.

Новое сословие вассалов является измененной формой древнего военного сословия Leudes (людей), с тем, однако, различием, что Leudes были военным сословием, которое призывалось непосредственно королем, а вассалы были подчиненными и верными людьми своих сеньеров — землевладельцев. И как Leudes (люди) были франкским народом, превратившимся в военное сословие, в которое, однако, не был закрыт доступ романским элементам, так и в дальнейшем вассалы были таким сословием, в котором главным образом, но не исключительно, текла германская кровь.

Франки, расселившиеся среди романцев, без сомнения очень скоро научились латинскому языку, — не литературной латыни, но народной, из которой затем возник французский язык, — однако, при этом они очень долго сохраняли свой германский язык. Еще в 698 г. на похоронах святого Ансберта в Руане, как это отмечают источники, оплакивавшие выражали свое горе на различных, прерывавших друг друга языках [1]. Первым надежным свидетельством того, что западные франки уже не понимали германского языка, является та клятва, которую Людвиг Германский дал в 842 г. своему брату Карлу в Страсбурге и которую он произнес на романском языке, дабы воины его брата могли понять его. Первым вестфранкским королем, который не понимал германского языка, был Гуго Капет [2].

В Италии, где господствовали сходные условия, на юге лангобардский язык был вытеснен итальянским лишь во второй половине X в., а на севере еще не исчез даже около 1000 г. [3]. Таким образом, германские культурные элементы продержались среди романских от 300 до 400 лет. Это оказалось возможным благодаря тому, что воины образовали сословие, которое держалось сплоченно, и потому брали себе жен, главным образом, из собственной среды. Романцы, вступавшие в это сословие, германизовались. Мы видим, как во Франции знатные романцы не только часто принимали германские имена, но перенимали также и германские обычаи, одежду, обычай постоянно носить при себе оружие, военные распри, кровавую месть, питье пива [4]. Двор и аристократия сохраняли свой германский характер и лишь очень слабо приобщались к литературно-римской образованности. Умевшие читать находились на службе у церкви, но не у государства.

---

[1] Roth, «Ben.-Wes.», S. 99. Anm. 224.

[2] Petit de Juleville, «Histoire de la littér. franaçaise», vol. 1, p. 67. В середине IX столетия аббат Луп из Феррьер в Гатинэ послал своего племянника в Прюм, для того чтобы он там научился немецкому языку. Следовательно, у себя на родине этого уже нельзя было сделать; однако, все же считалось целесообразным знать этот язык.

[3] W. Bruckner, «Die Sprache der Langobarden». Strassburg, 1895.

[4] Roth, «Ben.-Wes.», S. 98, S. 100, S. 101. В одном списке имен монахов Сен-Дени, составленном в 838 г., из 130 имен лишь 18 имен не немецкого происхождения, причем в большинстве случаев эти последние имена являются библейскими. Даже в самой южной части Галлии в IX в. в подавляющем большинстве случаев встречаются немецкие имена. То же самое обнаруживается в именных списках поминальника одной Парижской церкви конца IX в., напечатанных Léopold Delisle. Mém. de l'Institut de France», vol. 32, p. 372, 1886.

Насколько иным был теперь мир и как он отличался от того, который был 300—400 лет тому назад, когда все гражданство одного и единого культурного мира жило мирно и спокойно, платило налоги, что давало возможность содержать навербованную армию, которая, будучи организована в крепко дисциплинированные легионы и расположена на границах, защищала и охраняла со всех сторон государство от варваров! Римская культура не могла сама по себе создать военного сословия Leudes и вассалов. Такого военного духа уже не было более в городском обществе и в цивилизованном мире. Только применение дисциплины давало возможность организовать и выставить римское войско. Германские природные воины, наслоившиеся на умиравшую римскую культуру, создали свое собственное и самодовлеющее военное сословие, которое продолжало существовать благодаря своему собственному военному духу.

Прокопий пишет (IV, 30), что перед сражением при Тагинэ римский полководец обратился с такого рода речью к своим войскам:

«Вы идете в бой как защитники хорошо упорядоченного государства, а ваши враги являются разрушителями, которые даже не имеют никакой надежды на то, что им удастся увидеть, как их дело будет жить в их потомках. Наоборот, они влачат свою жизнь и строят свои планы лишь со дня на день».

Эти слова в высшей степени знаменательны! Хотя самая речь, конечно, вымышлена, но все же подобная мысль уже не была совершенно непонятна даже для лангобардов, герулов и гепидов, находившихся в войске Нарсеса. Они испытывали удовольствие, попирая своими ногами культуру и в то же время ею обогащаясь, но вместе с тем в них еще слишком сильно было чувство их собственного варварства, для того чтобы они могли создать новую культурную форму. А какая судьба постигла создания Гейзериха и Теодориха?

Но и Римская империя со своими варварскими солдатами не смогла удержаться. В конце концов, попадая из одного кризиса в другой, из смешения римских и германских элементов создался новый своеобразный государственный строй. Древний мир продолжал жить в церкви, а государство сохраняло свою способность к дальнейшей жизни и к развитию в форме феодального строя, который, главным образом, вырос из германских корней.

В это время арабы, опрокинув вестготское государство, перешли через Пиренеи, стремясь покорить себе также и франков.

В то же время ислам теснил Константинополь, который он только что подверг тяжелой осаде, Италия находилась под сильной угрозой, и всадники пророка уже появились на Луаре, а по ту сторону Рейна вновь восстанавливалось язычество. Христианство и римско-германский мир удерживались, можно сказать, лишь на одном узком краю. Во всей всемирной истории не было такого сражения, которое было бы важнее сражения при Туре, когда Карл Мартелл остановил и отбросил назад арабов. Мы ничего не знаем о ходе этого сражения, но можем с уверенностью высказать, что будущность германо-романского и христианского мира спасли каролингские вассалы—то военное сословие, которое сформировалось в государстве франков и которое было заброшено в государство вестготов.

ЕПИСКОП ПРЕТЕКСТАТ

Григорий (V, 19) рассказывает, что король Хильперих обвинил руанского епископа Претекстата в том, что он сделал подарки людям и побудил их этим к тому, чтобы они поклялись в верности Меровею, который восстал против своего отца. Епископ оправдывался тем, что он лишь отдаривался подарками на подарки и не намеревался лишить короля его короны. Отсюда Рот («Benef. Wesen», S. 152) сделал вывод, что в то время еще считалось несовместимым с общественным строем обещать верность кому-либо иному, кроме короля. Из этого небольшого рассказа я скорее сделал бы обратный вывод. Если бы, по тогдашним воззрениям, считалось преступлением обещать верность кому-либо иному, помимо короля, то епископ должен был бы прежде всего ответить на это обвинение. Но этого вопроса он даже не касается: это для него является обстоятельством, которое само по себе не имеет никакого значения. Его ответ гласил скорее: «Но причиной этого не было стремление изгнать короля из королевства».

МАЙСКОЕ ПОЛЕ

Приблизительно в 755 г. регулярное собрание франкских государственных и военных чинов, которое первоначально происходило в марте, было перенесено на май. Это обстоятельство считали указанием на то, что лишь в это время сплочение франков превратилось из пехотного войска в конное, полагая, что эта отсрочка была произведена по соображениям, связанным со снабжением конницы фуражом. После всего того, что мы уже сказали относительно похода аббата Фульрада, такого рода связь должна показаться невероятной. Даже войско, состоявшее из одной лишь пехоты, должно было иметь такое количество упряжных животных, что фуражный вопрос должен был всегда иметь очень большое значение. Впрочем, франки были отчасти всадниками, и, следовательно, некоторое увеличение числа лошадей не могло внести существенной перемены.

Но, пожалуй, можно сделать еще один шаг дальше и указать на то, что это собрание не могло носить характера военного смотра. На самом же деле это было чем-то вроде рейхстага, на который собирались магнаты—хотя и со своей военной дружиной, но далеко не со всеми своими военными силами. Ведь сбор всего войска или даже хотя бы значительной его части в одном месте, которое не расположено так, что из него непосредственно можно было бы начать военные действия, явилось бы чрезвычайно несообразным как с хозяйственной, так и с военной точек зрения. Материал по этому вопросу см. у Бруннера («D. Rechtsgeschichte», II. 127 ff).

ВАССАЛИТЕТ У ВЕСТГОТОВ

В своем изложении я резко подчеркнул различия между вестготским государством, в котором сохранилась древняя форма военной организации эпохи расселения и франкским государством, где развилась новая форма ленного вассалитета. Но в то же время я с некоторой осторожностью выбирал выражения, так как, хотя эти различия и были решительными, но все же не были абсолютными. В вестготском государстве мы также находим следы, указывающие, что и здесь происходил процесс развития, похожий на тот, который имел место в государстве франков, но эти ростки в государстве вестготов не получили полного развития. Уже Дан («Könige», VI, 141, Anm. 3) нашел поразительным то обстоятельство, что даже в древних законах говорится «о передаче себя под покровительство и вступлении в дружину». Но если мы себе уясним, что по существу буккеларий и вассал — одно и то же, то следует скорее удивляться тому, что мы не находим большего числа такого рода выражений.

В Законах вестготов (Lex. Vis., V, 3, 4) говорится: если кто-нибудь покинет своего патрона и перейдет к другому, то «тот, под чье покровительство он себя передаст, пусть даст ему землю; ибо тот патрон, которого он покинул, получит обратно и землю и то, что ему дал». Отсюда следует, что вестготские магнаты не только держали воинов, но и снабжали их землей.

Слово «Leudes» (люди) в вестготской литературе встречается лишь один раз— в Законе вестготов (L. Vis., IV, 5, 5, Antiqua), очевидно, просто в значении «воины».

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ[1]

Я считаю возможным совершенно исключить момент секуляризации из вопроса о происхождении правового установления бенефициев. Без сомнения, она была политическим событием первостепенной важности, так как очень усилила могущество Каролингов. Но то обстоятельство, что вассалам передавались в большинстве случаев церковные земли, является чистой случайностью и не могло быть основанием для того, чтобы исключить право наследования. Это основание связано с целью самого установления, т. е. с заботой о том, чтобы эти поместья всегда выполняли свое назначение кормить военных людей и чтобы они при следующем поколении не ускользнули из рук господина.

В то время, когда я проверял этот лист, я получил исследование Улр. Штутца «Каролингская десятина» (Ulr. Stutz, «Das Karolingische Zehntgebot», «Zeitschrift der Savigny-Stiftung German.», Abt. XXIX, 1908, S. 170 ff., которое проливает новый и очень интересный свет на связь между секуляризацией и проведением ленной системы. Штутц, на мой взгляд, убедительно доказывает, что десятина, которая до этого была лишь церковным и потому трудно и плохо проводимым в жизнь установлением, стала в правление Пипина государственным постановлением и что это было компенсацией, которую церковь получила за свои отчужденные поместья. Это открытие имеет громадное значение для характеристики средневековой государственной и хозяйственной жизни. Ведь надо себе уяснить, что слабым местом франкского государства и всех средневековых государств вообще был недостаток удовлетворительной налоговой организации. Так как правитель не имел достаточного количества денег для выплаты жалованья, то для военных нужд он должен был иметь военное сословие, которое кормилось бы на пожалованных ему землях. Для того чтобы получить необходимое для этого количество земельных владений, пришлось захватить также и всю совокупность церковных поместий. Но на какие же средства стала теперь жить церковь? Она за это получила десятину, на которую она, правда, всегда претендовала, но которую она на самом деле не имела возможности получать всюду и достаточно регулярно, а теперь государственная исполнительная власть стала фактически ее доставлять. Говоря другими словами, государство не могло для своих целей ни провести в жизнь, ни использовать такого налога, как десятина, так как натуральные поставки можно лишь в очень незначительной степени централизовать, собрать в склады, подсчитать и проконтролировать; к тому же германец по своему правовому сознанию не был обязан выполнять такую повинность по отношению к государству и королю. Церковь же может использовать десятину для пропитания и содержания своих священников, своих епископов и их учреждений, но в то же время в сознании верующих существует представление, что церковь претендует на такого рода десятину. Теперь же церковь и государство соединяются в тот всемирно-исторический союз, который сначала привел к поддержке Бонифация палатными мэрами (майордомами), затем—к созданию с согласия папы каролингского королевства и, наконец, к императорскому коронованию Карла Великого. Теперь же мы

[1] См. пояснение этого слова в справочном алфавитном указателе в конце книги.

можем вскрыть ту гениальную практическую реальную политику, которая лежала в самой основе этого союза и которая заключалась в перемещении, произошедшем между налогом десятины и церковным землевладением. Государство доставляет и обеспечивает церкви, с которой оно состоит в близкой дружбе и в союзе, поступление десятины и получает за это от нее ее земельные владения, собранные ею в течение нескольких столетий, которые государство со своей стороны может использовать и фактически использует.

Повторяю еще раз, что форма передачи лена до смерти сеньера или ленника не имеет никакого отношения к тому факту, что первоначально очень многие из этих ленов были церковными поместьями. Эта форма единственно и исключительно объясняется своей целью, а именно — военной целью. Использование церковных поместий не для создания, но для соответственного увеличения военного сословия ленников является событием крупнейшего значения. Вскрытие связи этого факта с введением десятины, столь важной для всего последующего времени, дает нам возможность ясно осознать величину и значение этого события.

СНАБЖЕНИЕ И ОБОЗ

Так как доставка продовольствия во время войны имеет очень большое значение, то я хотел бы прибавить несколько специальных указаний и изысканий по этому вопросу, который мною был поднят выше в связи с посланием Карла Великого к аббату Фульраду.

В 1-м издании (т. I, стр. 427 и т. II, стр. 105) я принял на основании расчетов Наполеона III грузоподъемность лошади в 10—$10^1/_2$ ц. Однако, я убедился в том, что эта цифра слишком велика. Согласно Балку (Balck, «Taktik», Bd. 2, T. 1, S. 288), лошадь может поднять в продовольственной парной повозке 425 кг, из которых 250 кг, или 5 ц. чистого веса, а в четверочной повозке продовольственной—432 кг, из которых 250 кг чистого веса. В парной же повозке обозного парка—650 кг, из которых чистого веса 450 кг, что равняется 9 ц. У Балка имеется опечатка, которую я здесь исправил. Приблизительно то же самое дает нам и гессенский устав 1542 г., который цитируется у Петеля (Paetel, «Organisation des Hessischen Heeres, S. 218 ff.), а затем приведенный в IV томе на стр. 343 транспорт муки Максимилиана Баварского в 1620 г. и трактат «О снабжении армий» 1779 г., цитированный у Иенса (Jaehns, 3, 2186).

Хотя эти цифры уже несколько меньше, чем те, которые были приняты Наполеоном, но источники показывают, что в древности их понижали больше чем вдвое. Ксенофонт в «Киропедии» считает на пару быков 25 талантов, что составляет около $13^1/_2$ ц, т. е. по $6^3/_4$ ц на каждого быка, но не полезного груза, а общего. Далее сюда следует привлечь постановления относительно римской почты и перекладных, которые сохранились в большом количестве, особенно в Кодексе Феодосия (Codex Theodosianus, L. VIII, tit. 5). В одном из постановлений императора Константина от 357 г. (Cod. Theod., VIII, 5, 8) предписывается, чтобы повозка (rheda), запряженная 8 мулами, брала груз не более 1 000 фунтов, но это и аналогичное ему постановление не имеют для нас никакого значения, так как здесь дело шло не о количестве груза, но о скорости доставки. Но мы находим также и другое предписание (VIII, 5, 11) относительно того, чтобы на ангарию (барщинную повозку), запряженную 4 быками, не смели грузить более 1 500 фунтов. На этих барщинных повозках ездили в большинстве случаев по прекрасным римским шоссейным дорогам, причем повозки, запряженные быками, всегда являлись простыми грузовыми телегами, но не колесницами, рассчитанными на быстрое движение. И если, несмотря на это, мы находим, что на каждое упряжное животное считали даже меньше 4 ц чистого веса (или даже только 3 ц, принимая во внимание, что легкий римский фунт равнялся приблизительно 330 г),

то это вместе с указанием Ксенофонта может служить доказательством того, что неуклюжесть повозок, в особенности же колес (часто дисковых, вместо колес со спицами) и упряжи, а может быть, и незначительная в среднем грузоподъемность крестьянских подвод не позволяли предъявлять более высоких требований. Эти цифры еще меньше в эпоху Карла Великого в Германии, где не было римских дорог.

Быки иногда бывают упрямы и везут медленно, но поднимают больше груза, чем лошадь.

Брать с собой вместо повозок или телег с упряжными животными вьючных животных выгоднее в том отношении, что отдельные животные могут лучше следовать за движениями войск, особенно в горах, причем в случае надобности могут легче освобождать место. Поэтому ими очень много пользовались как в римских, так и в средневековых войсках и даже вплоть до XIX в. Не только римские командиры, но и отряды солдат имели вьючных животных, по большей части мулов. Их грузоподъемность равняется 2 ц. Если мы примем, что каждое римское лагерное товарищество из 10 человек имело в своем распоряжении, согласно уставу, одно животное, то оно могло нести на себе, помимо кожаной палатки с принадлежностями (весом около 40 фунтов), ручную мельницу, котел, несколько инструментов, веревки и одеяло, а кроме того, и некоторое количество продовольственных припасов.

Рюстов (Rüstow, «Heerwesen und Kriegführung Caesars», S. 17) полагает, что каждое животное могло, кроме того, нести недельный запас продовольствия на каждого человека. Это, очевидно, невозможно. Недельный запас для одного человека не может весить менее 17—18 фунтов, следовательно, на 10 человек 170—180 фунтов. Это уже дает вместе с палаткой груз, превышающий нормальный. И без палатки остальные предметы и инструменты едва ли весили менее 100 фунтов, а, может быть, даже и больше.

Но наряду с преимуществами применение вьючных животных имеет также и свои большие неудобства. На одно животное нельзя нагрузить больше 2 ц[1].

Тащить повозку легче, чем нести вьюки, и мы знаем, что теперь на одно животное можно считать 5—9 ц, а в древности, согласно вышеприведенным источникам, считали 3 ц. Если животное тащит груз, то оно отдыхает во время стоянок, если же оно несет груз на себе, то оно остается в напряженном состоянии даже во время остановок. Далее, вьючное животное может гораздо легче получить повреждение или поранение от своего груза, чем упряжное животное.

Поэтому, без сомнения, неправильно утверждение Рюстова (цит. соч., стр. 17 и 18), что римские войска перевозили все свое снабжение на вьючных животных. Фрелих в своей работе о военном деле при Цезаре (I, 89) уже опроверг эту точку зрения, не только исходя из самого существа вопроса, но основываясь также и на двух прямых свидетельствах (Плутарх, «Помпей», VI и Bell. Afr. IX, 1), в которых упоминаются обозные и продовольственные повозки. Рассказ, приведенный Саллюстием («Югурта», 75, 3), в котором описывается, как Метелл хотел совершить экспедицию на 75 км через пустынную местность и поэтому приказал «снять груз со всех вьючных животных, за исключением хлеба на 10 дней,— что же касается прочего, то нести лишь меха и другие удобные сосуды для воды», еще ничего не доказывает, так как в пустыне нельзя было применить повозок. Скорее из этого рассказа можно сделать вывод о том, как трудно было достать даже для похода

[1] При обычной работе допускается нагрузка до трех центнеров, но такая нагрузка вряд ли может быть допущена для военных целей, так как во время войны часто приходится совершать необычайно длинные переходы, снабжение поступает нерегулярно, и притом следует по возможности избегать потерь в животных.

на 10 миль необходимых вьючных животных (которые, впрочем, должны были нести на себе также и весь запас воды). Для этой цели Метелл потребовал от туземцев крупных поставок.

Сам человек вместе со своим оружием может нести на себе очень небольшое количество продовольствия. На основании распоряжения военного министерства, проф. Цунтц и военный врач д-р Шомбург проделали опыты для определения физиологического действия нагрузки на человека во время перехода и опубликовали результаты этих опытов в февральском выпуске «Военно-медицинского журнала» («Militärärztliche Zeitschrift») за 1897 г. Пять курсантов предоставили себя в распоряжение экспериментаторов. Для переходов брались, главным образом, три вида нагрузки — в 22 кг, 27 кг и 31 кг.

Согласно Балку («Тактика» II, 1, 208), оба экспериментатора дают следующую сводку результатов своих опытов:

«1. Умеренная нагрузка (до 22 кг) при не очень высокой внешней температуре после перехода, не превышавшего 25—28 км, не вызвала никаких вредных последствий; наоборот, обнаружилось, что явившиеся вследствие иных причин состояние ослабленности и незначительные функциональные повреждения отдельных органов были устранены благодаря этому переходу. При очень горячем и душном воздухе обнаружился ряд более или менее легких явлений неблагоприятного характера (ослабление жизнедеятельности, повышенная потеря влаги в организме, сильное учащение пульса и дыхания, застой крови). Однако, все эти явления исчезали вскоре после перехода и во всяком случае совершенно устранялись на другой день; если переход продолжался в течение нескольких дней, то не замечалось, чтобы эти вредные влияния усиливались.

2. Увеличенная нагрузка (27 кг) при благоприятной погоде и прежней величине перехода не оказала заметного вредного влияния на здоровье. Напротив, жаркая погода при такой же нагрузке вызвала изменения, которые не исчезли даже на другой день. Таким образом, второй переход начался уже при более неблагоприятных условиях, чем первый. Во всяком случае средний солдат с нагрузкой в 27 кг при довольно жаркой погоде может более или менее хорошо перенести переход не более 25—28 км.

3. Нагрузка в 31 кг даже при прохладной погоде и при той же величине перехода, безусловно, нарушила правильное функционирование организма.

4. Наблюдения над тренировкой с целью привыкнуть к багажу показали, что при легкой нагрузке (до 22 кг) постепенное увеличение груза уже после немногих переходов не оказывало более вредного влияния; при тяжелом грузе (31 кг) после более длительной тренировки наступало лишь очень незначительное уменьшение вредных влияний».

Отсюда вытекает, что увеличение даже на несколько килограммов нормальной солдатской нагрузки (в наше время у пехотинца в Германии 25,3 (раньше 29) кг, во Франции 27$^3/_4$ кг, в Англии 27$^1/_4$ кг, в Италии 28 кг, в Швейцарии 31 кг)[1], наносит очень сильный ущерб боеспособности.

---

[1] Balck, «Taktik», I, 62. В одной рукописи Алекс. ф.-д. Гольца, относящейся к эпохе Фридриха (Jähns, III, 2539), говорится, что пехотинец в те времена должен был нести на себе, включая 8 фунтов хлеба и 60 боевых патронов, лишь 47 фунтов 18 лотов груза. Этот подсчет нам кажется даже несколько преувеличенным, так как пустая патронная сумка по этим расчетам весит 4 фунта, а чехол ружейного замка 1 фунт. В 1839 г. прусский пехотинец, помимо одежды, нес на себе 26,4 кг. В 1913 г. в «Militär-Wochenbl.» разгорелась дискуссия по вопросу об облегчении укладки, которая установила, что благодаря распоряжению от 1 февраля 1908 г. общая нагрузка немецкого пехотинца была снижена до 24—24$^3/_4$ кг, в то время как французский пехотинец, благодаря некоторым вещам, нагружен лишь до 20 кг. Ср. мою работу «Perser. und Burgunderkriege», S. 56.

Поэтому совершенно невозможно допустить, чтобы римские солдаты, так же как и наши, несли сами на себе груз, значительно превышающий «железную порцию»[1]. К тому же это опровергается одним из наших источников — Полибием, который в одном месте (XVII, 8)[2] хвалит римлян за то, что они носят помимо оружия также и палисадины. Если бы римляне носили на себе, кроме того, и продовольствие, то Полибий в связи с этим, конечно, не преминул бы об этом упомянуть.

Так как мы уже пришли к такому выводу, то нас не должны вводить в заблуждение некоторые высказывания древних писателей, которые на самом деле утверждают обратное. Некоторые из этих мест могут быть объяснены иначе, относительно других можно допустить наличие недоразумения или преувеличения.

Ливий («Периоха», 57) пишет: «Сципион Африканский осадил Нуманцию и восстановил в войске, испорченном своеволием и необузданностью, жесточайшую военную дисциплину... принудил каждого воина нести тридцатидневный рацион зерна и семь палисадин». Это распоряжение относилось не к военному переходу, но либо к учебному маршу, либо к такому, который производился в порядке дисциплинарного взыскания, как, например, практикующаяся теперь переноска мешков с песком[3]. Сверх того, у Фронтина («Strategem.», IV, 1, 1) мы находим по тому же поводу лишь следующую фразу: «Он приказал нести продовольствие на несколько дней». Очевидно, этот текст и является первоначальным и правильным, а у Ливия вследствие какой-либо перестановки из «нескольких дней» получилось «30 дней». Отсюда видно, как мало можно полагаться на такие отдельные высказывания.

Фронтин («Strategem.», IV, 1, 1) сообщает, что «когда Филипп впервые организовал войско, то запретил всем пользование телегами, разрешил каждому всаднику иметь не больше одного слуги, а на десять пехотинцев — лишь одного слугу, который нес бы ручную мельницу и канаты. Он приказал, чтобы уходящие в поход несли на спине запас муки на 30 дней». Что бы ни означали слова «уходящие в поход», во всяком случае здесь не говорится о том, что солдаты во время военных походов несли на своей спине мешки с 60 фунтами муки.

У Ливия (XLIV, 2) говорится: «Приказав воинам взять с собою месячный запас продовольствия, консул собрался в путь... двинулся вперед». Эту фразу не следует понимать в том смысле, что солдаты должны были нести на себе весь месячный запас провизии; она означает лишь то, что консул приказал взять с собой для этой экспедиции 30-дневный запас продовольствия. То же самое у Ливия, XLIII, 1, 8.

Вегеций (I, 19) говорит: «Воины были также принуждены нести груз весом до 60 фунтов, а во время тяжелых походов перед ними вставала необходимость нести одинаковое по весу количество хлеба и оружия». Если здесь имеется в виду «всего 60 фунтов» (20 кг), то это меньше той нагрузки, которая теперь считается нормальной. Если же Вегеций хотел сказать, что солдат, помимо своего оружия, должен был нести еще 60 фунтов, то мы это можем просто отвергнуть как недоразумение, так же как и свидетельство Цицерона («Тускул. рассуждения», II, 16, 37), который восклицает: «Какой труд, какой большой труд у войска! Нести больше полумесячного запаса продовольствия, — нести то, что приказывается иметь для употребления, нести палисад. Ибо щит, меч и шлем наши воины считают не более тяжелыми, чем плечи, мышцы и руки».

---

[1] Носимый бойцами на себе ранцевый запас. — Ред.
[2] На это обратил внимание Liers, «Das Kriegswesen der Alten», S. 226.
[3] Дельбрюк, очевидно, имеет в виду германскую армию. — Ред.

Целый ряд указаний не оставляет никаких сомнений в том, что интендантство или управление складами у римлян обычно всегда выдавало войскам полумесячный запас зерна и что сами войска должны были заботиться о транспорте этого продовольствия. При этом, для того, чтобы солдат ни при каких обстоятельствах не терпел недостатка в продовольствии, полмесяца считались в 17 дней.

Совершенно ясно, что если на каждые десять человек приходилось лишь одно вьючное животное, то войско не могло брать с собой даже 17-дневного запаса, так как при таких условиях можно было везти с собой не больше половины этого количества, причем часть несли сами люди, а часть нагружалась на вьючное животное. А то место из описания Югуртинской войны, где прославляется, как нечто необычайное, доставка 10-дневного запаса продовольствия на вьючных животных, еще более суживает эти границы. Поэтому, если Аммиан говорит (XVII, 9), что Юлиан оставил на складе часть того 17-дневного запаса продовольствия, которое обычно несут на себе солдаты, то это, конечно, невозможно принять в буквальном смысле, а очевидно, является риторическим пустословием.

Но ведь существуют исследователи, которые на все такие объективные доказательства и расчеты отвечают стереотипной фразой «это написано», считая, что свидетельства источников являются безусловно решающим моментом. Хотя уже полк. Стоффель с самым ядовитым сарказмом говорил о тех ученых, которые нагружают римских солдат, помимо их оружия, еще мешком муки весом в 60 фунтов, все же мы опять находим у Ниссена (Nissen, «Novaesium», «Bonner Jahrbücher», III, S. 16, 1904), что «римский солдат, помимо своего вооружения, которое весило больше 15 кг, нес на себе во время похода запас зерна в размере своей потребности на 17—30 дней, т. е. груз весом в 14—25 кг» и сверх того 3—4 палисадины, которые увеличивали груз еще на 10 кг. А какая нам польза от той тщательности, с которой автор высчитывает с точностью до одной тысячной, что, согласно Вегецию, римский рекрут во время учебных походов нес на себе груз весом в 19,647 кг, если он единым духом тут же проделывает этот ужасающий расчет относительно мешка с мукой и обнаруживает, что различие в нагрузке определяло собой разницу между «тяжелой» и «легкой» пехотой? (Ср. т. I, стр. 345.)

Не только отдельные солдаты, но даже целые продовольственные транспорты, не могут тащить с собой очень большого количества продовольствия.

Подполк. Дам в своей работе «Римская крепость Ализо у Хальтерна на Липпе» (Dahm, «Römerfestung Aliso bei Haltern a. d. Lippe», Leipzig, Phil. Reklam) пишет:

«Армия, которая пополняла свои запасы продовольствия в Ализо (Хальтерн), могла в течение нескольких недель маневрировать в области сигамбров, марсов, бруктеров, ампсивариев и тубантов, не дополняя своих запасов, так как римский солдат вез с собой запас зерна на 17—30 дней». Дам впоследствии разъяснил эту свою фразу: он не хотел ею сказать, что каждый солдат сам на себе нес мешок с 60 фунтами муки, но имел в виду транспорты мулов. Впрочем, проверим на цифрах и этот пример.

Войско, состоявшее из 30 000 бойцов (а римляне оперировали в Германии и Галлии еще более крупными войсками), требует для прокормления одних лишь воинов в течение 30 дней 22 500 ц продовольственных припасов, а потому должно иметь для этой цели 11 250 мулов; но так как нестроевые также нуждаются в прокорме, то число потребных мулов достигает 18 000. При этом, конечно, совершенно невозможно прокормить всех этих мулов одним лишь травяным фуражом, который имеется вдоль пути. Для доставки того же самого груза на повозках необходимо было бы иметь вдвое меньше повозок, чем мулов, но и это, принимая во внимание количество прочего обоза и кавалерийских лошадей, было бы столь чудовищно,

что возможность подобной комбинации в большинстве случаев можно считать совершенно исключенной (ср. выше, ч. 1-я, гл. VI и т. I, стр. 368).

Каким образом можно было бы регулярно питать и содержать в порядке такое неслыханное количество животных и упряжек, которые лишь в весьма редких случаях могли принести реальную пользу? Каким образом можно было бы их разместить в тех укрепленных лагерях, которые обычно устраивались в эти эпохи? Следовательно, не может быть и речи о том, чтобы войска регулярно везли с собой продовольствие на 30 дней,—по крайней мере на вьючных животных. Считая, что римские войска были снабжены не продовольственными повозками, а одними лишь вьючными животными, Рюстов не подумал о регулярной доставке продовольствия на 17 или даже на 30 дней при помощи этого транспортного средства.

То обстоятельство, что у подполк. Дама могли создаться такого рода представления об организации продовольственного дела у римлян, так же как и представление того же автора об укрепленной «площади развертывания» глубиной в 6 миль (см. выше, ч. I, гл. VI), является для меня новым доказательством того, что опыт и знания в области современной практической военной службы еще совершенно не являются залогом того, что данный автор будет иметь ясные и правильные взгляды на военное дело в более ранние эпохи.

Это является оправданием для тех цифр и гулливеровых построений, которые мы находим у наших историков, филологов и юристов.

Письмо к аббату Фульраду, содержащее извещение о призыве, гласит[1]:

«Во имя отца и сына и святого духа. Карл, светлейший август, богом коронованный великий миротворец, император, милостью божьей король франков и лангобардов, Фульраду аббату.

Пусть будет ведомо тебе, что наше общее собрание, назначенное на этот год, состоится в Саксонии, в ее восточной части, на реке Бода, в месте, которое носит название Старасфурт. Поэтому приказываем тебе, чтобы ты со всеми своими людьми, хорошо вооруженными и снаряженными, пришел бы в указанное место в 15-е юлиевы календы, т. е. за семь дней до мессы святого Иоанна Крестителя. Ты должен притти в указанное место со своими людьми вполне подготовленный к тому, чтобы оттуда выступить в поход в боевом порядке в том направлении, в каком будет указано нашим приказом, т. е. с оружием, утварью и прочими военными инструментами, со съестными припасами и одеждами, так, чтобы каждый всадник имел щит, копье, меч и кинжал, лук и колчан со стрелами и чтобы на ваших повозках были различные инструменты, т. е. топоры, секиры, буравы, кирки, мотыги, лопаты и прочие инструменты, которые необходимы для борьбы с врагом. Запас необходимого продовольствия должен быть рассчитан на три месяца от места этого собрания, а оружия и одежды—на полгода. Мы строго приказываем, чтобы вы не преминули выполнить это и чтобы вы продвигались к назначенному месту, соблюдая добрый мир, через какую бы часть государства нашего ни заставило бы вас итти прямое направление вашего пути, т. е. чтобы вы не смели и думать о том, чтобы прикоснуться к каким-либо предметам, за исключением травы, дров и воды, и чтобы все ваши люди шли вместе со своими повозками и всадниками и всегда были при них вплоть до указанного места для того, чтобы отсутствие владельца места не дало бы возможности причинить зло его людям. А свои дары, которые ты нам должен представить на наше собрание, перешли нам в середине месяца мая в то место, где мы в это время будем находиться. Если случайно твой прямой путь будет лежать таким образом, что ты сам на своем пути сможешь нам эти дары представить, то это нам более желательно. Позаботься о том, чтобы не допустить в этом никакой небрежности, если хочешь получить благодарность нашу».

---

[1] Перевод с латинского.—Ред.

ЛИТЕРАТУРА

Уже в самом начале моих работ по военной истории у меня сложилось убеждение в том, что средневековое военное дело начало основываться на вассалитете и ленной системе гораздо раньше, чем это обычно до этого времени думали в Германии. А в одной своей работе, изданной в 1881 г., я мимоходом высказал мысль, что Карл Мартелл выиграл сражение при Туре при помощи тех ленников, которые составляли франкское войско [ср. мои «Исторические и политические статьи», стр. 126 (190)]. В следующем томе я подвергну более подробному истолкованию те каролингские капитулярии, которые, как это может показаться, противоречат такому взгляду.

Работа Боретиуса «К вопросу о критике капитуляриев» (Boretius, «Beiträge zur Kapitularienkritik») является в данной области основоположной работой, пролившей свет на этот вопрос. Но еще осталось очень много от старых ошибок. Бруннер в своей ценной работе «Военная служба всадников и начало ленной системы» (Brunner, «Der Reiterdienst und die Anfänge des Lehnwesens», «Zeitschrift der Savigni-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt., Bd. 8. S. 1897) в важнейшем пункте также впал в ошибку, полагая, что военная служба всадников была вызвана специальными потребностями борьбы с сарацинами, а потребность в военной службе всадников в свою очередь вызвала появление ленной системы. Важнейшим и характерным моментом военного дела этой эпохи является не конница, но одиночный боец, высококачественный воин, типичный для времени, когда исчезает тактическая часть. Это положение правильно развито в одной работе Ролофа, напечатанной в «Новых ежегодниках классической древности» («Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum», 1902, S. 389).

Мысли, высказанные Виттихом и имевшие некоторый успех, бьют мимо цели.

Чрезвычайно ценной является работа Оскара Диппе «Дружина и принесение присяги на верность в государстве Меровингов» (Oskar Dippe, «Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merowinger. Kieler Dissertation», Wandsbeck, 1889). Но Диппе также недостаточно далеко отодвигает назад момент появления вассалитета. Он считает возможным отнести падение меровингского королевства — и тем самым появление новой аристократии — лишь к моменту смерти короля Дагобера в 639 г. Правильно, что этот король, так же как и его отец Лотарь II, еще пользовался лично сильной королевской властью. Но это произошло лишь благодаря временному оттеснению соперничавших аристократов. И вполне естественно, что обе власти — как королевская, так и власть аристократии — еще в течение некоторого времени находились в состоянии равновесия. Нельзя говорить, как это делает Диппе, что, когда пала королевская власть, появилась аристократия. Оба процесса дополняют друг друга, и если мы видим, что королевская власть ослабевает, то должны допустить существование аристократии. Слабость королевской власти и сила аристократии являются лишь различными выражениями одного и того же явления. Парижский эдикт 614 г. говорит об этом совершенно ясным языком.

На стр. 1 Диппе пишет: «Что касается ленного пожалования, то в предыдущих работах уже разрешен вопрос о его происхождении и историческом значении. Бесспорным результатом этих работ следует признать, что ленная система является необходимым следствием хозяйственного переворота, который уже в эпоху Меровингов начал уничтожать древнегерманскую самостоятельность мелких крестьян».

Этот переворот носит не только хозяйственный характер, но в значительно большей степени политический, возникнув под влиянием организации военного дела. Дело не в том, что «была уничтожена древнегерманская самостоятельность мелких крестьян», но в том, что древние германцы, становясь крестьянами, теряли в то же время свой военный характер и свою самостоятельность.

Книга Гильермо «Опыт о происхождении французского дворянства в Средние века» (Guilhermoz, «Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Age», Paris,

Picard et fils, 1902, p. 502) является работой, заслуживающей чрезвычайно большого внимания. Она основывается на очень широком изучении источников и на превосходном знании литературы. Исследовательский анализ автора энергичен, методичен и прозрачен, а форма изложения отличается французской элегантностью.

Идя различными путями, мы в основных пунктах пришли к одинаковым выводам.

Гильермо также не считает вассалитет новым установлением, возникшим во франкском государстве, будь то в VII или в VIII в., но видит в нем дальнейшее развитие буккелариата. Он также полагает, что pueri VI в. являются немецкими Degen (дети).

Он указывает (стр. 21) на то, что вооруженные свободные люди появляются впервые на службе у частных лиц уже в III в. в Риме. Государственные люди Руфин и Стилихон, управлявшие Римской империей при сыновьях Феодосия, были первыми людьми, которые постоянно окружали себя большим количеством собственных войск, зависевших только от них.

Гильермо не согласен с тем, что слово «буккеларии» означает «хлебные люди», но сам не дает никакого иного объяснения для этого слова. В результате же оказывается, что это слово первоначально применялось не к частным солдатам, но к королевскому войску, и лишь затем было перенесено на частных солдат. Но все же остается несомненным, что это слово было первоначально насмешливым прозвищем, происхождение которого все еще продолжает оставаться для нас неразгаданным.

Однако, как бы ни обстояло дело с этим названием, самое главное то, что Гильермо считает это установление чисто римским, а если буккеларии происходят из чисто римских корней, то таково же и происхождение их потомков — вассалов. Наш французский автор полагает, что даже антрустионы меровингских королей, которых до этого времени обычно считали их дружинниками в древнем тацитовском смысле, были лишь простыми наемными солдатами.

Гильермо является в этом отношении прямым антиподом Зеека, который, как мы уже видели выше (стр. 301), наоборот, усматривает в буккелариате подлинное проникновение германских идей и германской культуры в Римскую империю, видя в буккелариях дружинников.

Я же со своей стороны предпочел бы остаться на той примирительной точке зрения, которую я изложил выше, в 4-й части. Наемная военная служба и представление о том, что наемник должен сохранять преданность своему господину, которому он поклялся в верности, представляют собою не специфически германские, а общечеловеческие явления. Поэтому Бруннер (Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte», II, 262, Anm. 27) заходит излишне далеко, говоря, что «положение вестготского буккелария, несмотря на римское название, в своих существенных чертах тождественно положению германского дружинника». Так, например, среди буккелариев Стилихона были также и гунны. Таким образом, в этом отношении Гильермо формально прав. Но если Бруннер и Зеек вложили в простых буккелариев слишком много от идеи дружинничества, то с другой стороны, и Гильермо впал в ошибку, отрицая дружинный характер антрустионов, так что Хлодвиг и его сыновья якобы совсем свели на-нет это исконно германское явление. Ближайшее окружение меровингских королей, т. е. антрустионы, было, несомненно, дружиной; поэтому мне представляется не подлежащим никакому сомнению и то, что наемничество, построенное по римским правовым понятиям, было фактически сильно пропитано духом германской дружины. Ведь и это понятие не является чисто германским, но находится также у других народов. Однако совершенно бесспорно, что оно было особенно резко выражено у германцев и что оно в течение всех Средних веков играло чрезвычайно большую, даже ведущую роль. Поэтому отсюда мы должны сделать вывод, что также и в V в. оно было очень жизненным среди германцев. Если галл Руфин и германец Стилихон были первыми римскими государ-

ственными деятелями, которые держали у себя на службе буккелариев, то это, конечно, не является случайностью. Вся масса этих воинов, в сущности говоря, не могла быть ничем иным, как наемниками. Но ведь их предводители должны были быть проникнуты по отношению к своим господам германским чувством дружинничества, а потому должны были перенести частицу этого чувства также и на всю массу воинов. Даже если Гильермо считает возможным установить, что колыбелью буккелариата были те корпорации, которые основал Константин I, то это ведь опять напоминает нам о том, что именно Константин окончательно германизовал римскую армию. Но, собственно говоря, эти взаимоотношения не могут быть доказаны. Из правовых форм (торжественное обещание и т. п.) можно сделать лишь очень мало выводов, а источники и свидетельства нам ничего не говорят. Все же основной ход процесса ясен, и Бруннер нашел правильное выражение, сказав, что галло-римские частные солдаты были «приравнены» к германской дружине.

Ошибкой Бруннера является лишь то, — и в этом отношении я пришел к тем же выводам, что и Гильермо, — что Бруннер делает слишком тонкой ту нить, которую он проводит от буккелариев к вассалам, так что иногда кажется, что он эту нить совершенно обрывает. Несвободные, находившиеся в дружине меровингских магнатов, играют у него слишком сильную роль.

Относительно происхождения земельных пожалований Гильермо не считает возможным совершенно отрицать связи этого явления с секуляризацией, однако, приходит к выводам, похожим на мои лишь в том отношении, что он, так же как и я, ставит ударение на цель пожалования. А от этого установления он проводит связующие нити, соединяющие его с римским правом. Он указывает, что уже по вестготскому праву господин «при покровительстве» (in patrocinio) давал своему человеку собственность, однако, с оговорками и ограничениями. Я предоставляю историкам право разобраться в этом вопросе, так как для наших целей не представляют особого значения правовые формы и их происхождение. Решающим моментом является то, что не такое — наполовину случайное — обстоятельство, как секуляриация, но внутренняя объективная потребность вызвала к жизни институт земельных пожалований, повлекший за собой бесконечно крупные последствия. Хотя Гильермо в этом отношении и подошел довольно близко к моим взглядам, но все же не смог целиком освободиться от господствующей теории. Это объясняется тем, что ход его исследовательской работы не привел его к тому моменту, который должен в конце концов явиться решающим обстоятельством, — к постулату способа ведения войны, можно прямо сказать — к тактическому постулату, к той связи, которая всегда и во все времена соединяет тактику с организацией военного дела. Эпоха требовала одиночных бойцов, которые были бы высококачественными воинами, а не обученных тактических частей. Единственным средством, которым располагал господин для того, чтобы эти воины не превратились в крестьян или в граждан, было поставить их владение в зависимость от продолжительности их службы, т. е. давать им землю не в собственность, но лишь в ленное владение.

Уже в 1898 г. появилась «История военного искусства в Средние века, от IV до XIV в.» Чарльза Омана («A History of the art of war, the middle ages from the fourth to the fourteenth century, by Charles Oman M. A. F. S. A. fellow of all Souls College», Oxford, London Methuen &. Co. 667 pp.). Эта книга, которая мне стала известна лишь в 1901 г., задумана в качестве II тома всеобщей истории военного искусства, рассчитанной на четыре тома. Автор, который уже раньше получил известность благодаря своим работам в области изучения средневекового военного дела, почувствовал, таким образом, совершенно такую же потребность в восполнении исторической науки, как и я, и потому наши труды параллельны друг другу. Книга Омана отличается научным характером и основывается на здравых принципах. Те причины,

вследствие которых мы пришли к различным результатам в тех частях наших работ, которые трактуют об одинаковых эпохах и народах, настолько ясны, что я не считаю нужным входить в их подробный разбор.

Первый экономист, который заметил, что «История военного искусства» дает кое-что и для истории хозяйства, был, насколько я знаю, Макс Вебер. Но, как это часто бывает, первое понимание вскоре превратилось в недоразумение.

Вебер правильно понял [1], что в греко-италийском мире в доклассическую эпоху существовало всадническое сословие и что это всадническое сословие было также носителем развивавшейся торговли и капитализма (ср. выше, том I, стр. 215), в то время как еще Эд. Мейер признавал, что мореплавателями сперва становились люди из низших сословий, не имевшие земельных владений. Благодаря военнохозяйственному преобладанию развилась сословная диференциация и система господства, которую Вебер называет «городским феодализмом» (Stadt-feudalismus), так как господа жили не как средневековые рыцари — в селениях, но исключительно в городах и оттуда господствовали над крестьянством.

Неожиданная мысль распространить понятие «феодализма» также и на это древнее всадническое сословие недурна, но все же должна применяться с осторожностью. Ведь с феодализмом в том смысле, в каком мы привыкли употреблять это слово, все же связана ступенчатая последовательность зависимостей — «рыцарские разряды», что не было известно в древности, в то время как капиталистический момент, который присущ античному всадничеству, был, наоборот, не только чужд, но даже противоположен тому, что мы обычно понимаем под словом «феодализм». Вебер хочет даже спартанский общественный строй свести к феодализму.

Но к каким бы выражениям в данном случае ни прибегать, все же главным моментом здесь является происхождение этого сословного образования и объяснение различий между античным и средневековым рыцарством.

Вебер выводит образование особого военного сословия из экономических и технических причин. Масса населения, вследствие необходимости интенсивной обработки почвы, не может быть использована в военном отношении и оказывается беспомощной против техники профессиональных воинов. И то и другое неправильно. Массы населения неотрывно необходимы для хозяйственных целей лишь в больших государствах, в которых войны длятся в течение целых месяцев и даже годов. В кантональных же государствах, в которых массовые походы длятся лишь в течение немногих дней, работа не является препятствием, — все же, несмотря на это, античное всадничество образовалось в кантональных государствах. Хотя техника не есть нечто совершенно безразличное, но все же при всадничестве она является лишь чем-то вторичным. Ездить верхом может также и крестьянин, а о настоящем военном искусстве в эпоху Средних веков мы слышим очень мало. При более тяжелом предохранительном вооружении оно уже не является таким решающим. По крайней мере столь же важен хозяйственный момент приготовления лучшего типа оружия, как оборонительного, так и наступательного. Но все же самая суть не в этом, а в психических моментах, в понятии воинской чести, в твердой уверенности, в храбрости, которая, — лишь только проходит эпоха варварства, — всегда становится в массах весьма незначительной, но которая в военном сословии развивается до степени крупной силы. Это воинственное настроение нельзя подвести под понятие техники, и меньше всего такой, которая, как полагает Вебер (стр. 53), была импортирована извне.

Существеннейшим техническим моментом в этом типе развития является выработка конного боя. Этот момент, конечно, как уже было выше показано (ср. том I, стр. 214), без сомнения, весьма способствовал образованию италийского всадничества,

---

[1] «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», I, Artikel «Agrargeschichte», S. 53.

[2] «Geschichte des Altertums», II, параграф 242.

но именно только лишь способствовал. Греческое сословие эвпатридов, которое Вебер совершенно правильно считает тождественным с римским сословием патрициев, еще не сражалось верхом на конях. Правда, гомеровская боевая колесница уже оказала некоторую помощь, но утверждение Вебера (стр. 177), что «появление и применение коня создало средиземноморское всадническое общество», является недопустимым преувеличением.

Отметим попутно, что еще менее правильно утверждение Вебера, которое находится там же и сводится к тому, что железное оружие (вместо бронзового) явилось решающим моментом в образовании фаланги гоплитов, а эта последняя создала древний гражданский город-государство (Bürgerpolis). То, что правильно в этой комбинации, становится неправильным благодаря преувеличению.

Неправильное выведение элемента всадничества из хозяйственно-технических моментов приводит к неправильному объяснению различия между древним и средневековым рыцарем. Вебер сводит это к тому, что античная культура была береговой культурой, а средневековая — материковой. Морская торговля создала городской феодализм. В центральной Европе с ее сухопутной торговлей феодализм был будто бы в более значительной степени и гораздо прочнее построен на сельской почве, а потому и вызвал к жизни земельные владения. И предпосылки, и выводы здесь одинаково неправильны. Выше, в другой связи (ср. ч. 1-я, гл. X), мы уже доказали неправильность противопоставления Вебером береговой культуры материковой. Античная торговля не была такой исключительно морской торговлей, как то думает Вебер. Даже Афины в ту эпоху, когда расслаивались роды эвпатридов, не были собственно морским городом. Центральная Европа, в особенности же Галлия, имела в своих реках такие торговые пути и такие торговые возможности, которые мало уступали морским, причем эти страны обладали, кроме того, и морским побережьем. Наконец, неправильно также и то, что средневековый феодализм развился лишь в тех или именно в тех странах, которые лишены морской торговли. Испания и Италия, имевшие такое же морское побережье в Средние века, как и в древности, имели в общем такую же форму феодализма, как Франция и Германия. Наоборот, англо-саксы на своем острове, лежавшем среди моря, не развили этого феодализма, главными носителями которого были мореходы норманны. Я не хочу сказать, что феодализм как в древности, так и в Средние века, не имел никакого отношения ни к морю, ни к суше, ни к морской, ни к сухопутной торговле, так как в конце концов все влияет на все, тем не менее он имел к ним очень мало отношения. Эти крупные всемирно-исторические явления вообще нельзя так просто объяснять, и меньше всего их можно объяснять простыми, естественными условиями, хозяйственными и техническими отношениями.

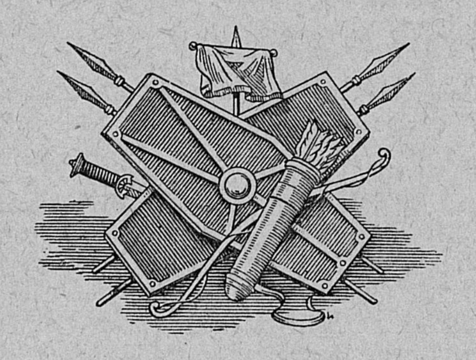
Не входя в специальный разбор статьи В. Эрбена «К истории каролингской организации военного дела» (W. Erben, «Zur Geschichte des Karolingischen Kriegwesens», «Historische Zeitschrift», Bd. 101, S. 321), я считаю возможным ограничиться указанием на то, что автор несколько уклонился от моей концепции и сам впал во внутреннее противоречие с самим собой. Полагая, что каролингское войско состояло, главным образом, из немецких крестьян (стр. 330), он в то же время (стр. 333) считает, что действительная эффективность всеобщего призыва могла сильно отставать от буквального смысла законов и что нельзя точно определить ни числа крестьян, которые принимали участие в походах Карла Великого, ни той роли, которую они играли наряду с выступавшими вместе с ними вассалами, под начальством которых они находились. Автор даже не поднимает вопроса о том, откуда появились «немецкие» крестьяне в романских областях, которые до включения Саксонии и Баварии в каролингское государство составляли, может быть, $^{5}/_{6}$ всего этого государства. Или, может быть, здесь имеется в виду призыв романо-кельтских крестьян, которые уже в течение многих столетий отвыкли от войны? Автор признает, что новым у меня

является лишь то, что я отношу к более раннему времени и иначе мотивирую и без того общеизвестный факт превращения повинности личной службы в налоговую повинность. Далее, он признает, что эта другая мотивировка является более правильной. Наконец, он считает, что военному специалисту трудно и даже, «может быть, невозможно» (стр. 330) составить себе представление о сущности и результатах каролингского «народного призыва» и о «крестьянских войсках». И несмотря на все это, должно остаться в силе буквальное истолкование капитуляриев, так как (стр. 334) «столь компетентное в делах войны и управления мнение правителя (Карла) и двора, лежавшее в основе капитуляриев, сильно перевешивает все сомнения современной объективной критики». Это опять то, что я уже раньше однажды назвал «теологической филологией» (т. I, стр. 330) «Я верю, хотя это и невероятно» (Credo, qui absurdum).

Наконец, мне кажется очевидным, что автор использовал не целиком, но лишь частично мою «Историю военного искусства». Им не использована глава о норманнской организации военного дела в Англии и о капитуляриях этих королей, которые имеют столь большое значение для правильного истолкования каролингских капитуляриев (см. т. III моего труда).

В конце концов автор объявляет, что он в целом согласен со следующими частями моей книги (стр. 334). Но я не вижу, каким образом он может быть со мною согласен, не впадая в противоречие с самим собой, так как я считаю невозможным, чтобы тот, кто действительно усвоил мою концепцию рыцарства, его военного характера и ценности, мог бы еще видеть крестьян в призывных контингентах Карла Великого.

Фер в своей работе «Военные законы о крестьянах в Средние века» (Fehr, «D. Waffenrecht der Bauern im Mittelalter», «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Band 35, Germ. Abt., S. 118) присоединяется к Эрбену и думает, что он усиливает его аргументацию указанием на капитулярий 811 г. (Боретиус, I, 165, cap. 5), в котором содержится жалоба на то, что более бедные (pauperiores) призываются, а зажиточные оставляются дома. Эти более бедные (pauperiores), по мнению автора, являются мелкими крестьянами. Почему крестьянами? В военном сословии также имеются и богатые и бедные. К тому же мне кажется, что я доказал смысл слова «populus» (народ), которое здесь означает не всю массу народа, но военный люд.

СПРАВОЧНЫЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НЕКОТОРЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

встречающихся в тексте II тома труда Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории»

А

Марк Аврелий Антонин (121—180 н. э.) — римский император, происходил из знатной испанской семьи и был усыновлен императором Антонином Пием. Вел длительную войну с парфянами, окончившуюся завоеванием Месопотамии, Селевкии и Ктезифона, и войну с маркоманами с целью укрепления дунайской границы. Ему принадлежит интересное философско-литературное произведение «К самому себе», сильно проникнутое идеями стоической философии.

Аврелиан Люций Домиций (213—275 н. э.) — римский император. Из простого солдата возвысился благодаря своим военным дарованиям до высших военных должностей, и войско провозгласило его императором. Блестящий полководец, он в течение всего царствования вел удачные войны: прогнал за Дунай готов, отразил нападение алеманнов и, укрепив дунайскую и рейнскую границы, двинулся на Восток, где разбил Зеновию Пальмирскую. Был убит во время своего похода в Парфию.

Аврелий Виктор — римский историк IV в. н. э. При императоре Юлиане занимал должность наместника Паннонии, а при Феодосии был префектом. Из приписываемых ему сочинений несомненно подлинно только одно — «О цезарях», написанное около 300 г. и содержащее краткую историю императоров до Константина.

Август Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — внучатный племянник Цезаря, им усыновленный, первый римский император, организовавший Римскую империю на основе компромисса старых республиканских начал и новой идеи единодержавия. Ограничил власть сената, разделив провинции на сенатские и императорские. Провел ряд мероприятий по организации войска и военного дела.

Агаций (или Агафий) (536—582 н. э.) — древнегреческий поэт и историк, живший в Константинополе. Из произведений Агация сохранились часть стихотворного сборника и полная история нескольких лет царствования Юстиниана Великого (553—558).

Агнаты — в римском праве чле[ны] семьи, связанные общей властью домовладыки. Они остаются агнатами и после смерти домовладыки и теряют это качество, если выходят из семьи при жизни домовладыки. К агнатам могут принадлежать как родственники, происходящие по мужской линии от общего родоначальника, так и искусственно введенные в семью, путем усыновления. В современном праве агнатами вообще называются родственники по мужской линии.

Агрикола Гней Юлий (39—93 н. э.) — римский полководец. При Веспасиане командовал легионом в Британии и был назначен наместником Аквитании, а затем Британии. Он умиротворил Британию и содействовал ее романизации,

Антиох III Великий (242—187 до н. э.) — сирийский царь из рода Селевкидов. Вел войну с Римом и был окончательно разбит Сципионом в 190 г.

Антонин Пий (86—161 н. э.) — римский император. Был усыновлен Адрианом и в 136 г. вступил на престол.

Антоний Марк (83—31 до н. э.) — римский полководец, участвовавший в походах Цезаря и выдвинутый им на высшие государственные должности. После смерти Цезаря занял первое место в Римской республике, но вскоре был вынужден разделить свою власть с Октавианом и Лепидом, образовав верховную тройку — триумвират. Получил в свое управление Восток. В 31 г. был разбит Октавианом в сражении при Акциуме и покончил самоубийством.

Арбогаст — римский полководец франк по происхождению, живший в IV в. н. э. Занимал преобладающее положение при Валентиниане II и после его смерти возвел на престол императорского канцлера Евгения, но фактически продолжал сам править государством. После победы восточноримского императора Феодосия над Евгением Арбогаст покончил самоубийством.

Арей — бог войны по верованиям древних греков; у римлян ему соответствовал Марс.

Ариане — последователи священника Ария, жившего в IV в. в Александрии. Учение Ария было признано еретическим на Никейском соборе в 325 г.

Ариовист — князь свевов, который в 71 г. перешел со своим войском через Рейн и организовал крупное галло-германское государство. В 70—60-х гг. до н. э. Рим вел с ним длительные переговоры, в результате которых римский сенат дал ему титул «короля и друга римского народа».

Аристотель (384—322 до н. э.) — греческий философ и естествоиспытатель, основатель школы перипатетиков. Его научная деятельность была построена на тщательном исследовании явлений природы, на собирании и систематизации эмпирических фактов. В его философских трудах заложены основы дедуктивной формальной логики. Из его сочинений дошли до нас: «Категории», «Метафизика», «Этика», «Политика», «Поэтика».

Арминий (Герман) (17 до н. э. — 19 н. э.) — предводитель германского племени херусков; служил в римских легионах, но затем вернулся на родину и встал во главе коалиции германских племен, поднявшихся для борьбы с Римом. В 9 г. н. э. германцы под предводительством Арминия одержали большую победу над римским полководцем Варом в сражении в Тевтобургском лесу. В 16 г. н. э. Германик одержал ряд побед над Арминием. Арминий пал жертвой заговора.

Арриан Флавий (ок. 95 г. —180 н. э.) — греческий писатель, ученик и друг стоического философа Эпиктета, занимавший крупные государственные должности при императоре Адриане. Ему принадлежат философские труды, излагающие этику стоиков, историческое произведение «Анабазис», излагающее историю походов Александра Великого, географическое описание Индии, трактаты об охоте и тактике и другие сочинения.

Асклепиодот — древнегреческий военный писатель, написавший около 50 г. н. э. военный трактат по тактике.

Атаульф — король вестготов, шурин Алариха, которому он наследовал в 410 г. В 412 г. завоевал Галлию. Был женат на сестре императора Гонория Плацидии. В 415 г. был убит в Барселоне.

Аттила (Этцель германских сказаний) — король гуннов, прозванный «бичом божьим», объединивший под своей властью гуннов, сарматские и германские племена. Столица его государства, занимавшего все пространство между Волгой и Германией, находилась в верхней Венгрии, близ Токая. В 447 г. император Феодосий II стал платить Аттиле дань. В 450 г., когда Валентиниан II отказал ему в руке своей сестры, Аттила двинулся на запад и проник уже в Галлию, но у Труа, на Каталаунских полях, в 451 г. был разбит войсками Аэция и Теодориха. В 452 г. Аттила

напал на Италию, разрушил Аквилею, но внезапно отступил, после того как папа Лев I уплатил ему большую дань. Умер в 453 г. в Паннонии.

Аякс Теламон — один из героев греческой мифологии, участвовавший в Троянской войне. Трагическое самоубийство Аякса изображено в одной из трагедий Софокла.

Аэций (395—454) — римский полководец, последний храбрый защитник Западной римской империи. Вел удачные войны с вестготами, франками и ютунгами и почти в течение 20 лет управлял Западной римской империей.

Б

Баррит или **бардит** — военный клич или песня древних германцев. Тацит указывает на значение бардита, причем, как показал Норден, это указание восходит через Цицерона к Посидонию.

Батавы — «лучшие люди», древнегерманское племя, родственное хаттам, населявшее в начале н. э. часть нынешних Нидерландов. Друз добился дружбы батавов и сделал их союзниками Рима. Во время борьбы Вителлия за римский престол (69—70 н. э.) батавы восстали против римлян, но затем снова возобновили союз и до середины IV в. оказывали Риму много услуг, причем многие батавы служили в римском войске. Батавы были освобождены от всяких поборов и налогов и обязаны были выставлять только вспомогательные отряды. Особенно славились батавы своей конницей. В течение IV в. большей частью страны батавов овладели салические франки. «Остров батавов», т. е. страна между Рейном, Ваалом и Маасом упоминается уже у Цезаря.

Бауманн О. (1864—1899) — немецкий путешественник; сопровождал О. Ленца до водопадов Стэнли, на обратном пути произвел картографическую съемку р. Конго и исследовал о. Фернандо По. В 1858 г. вместе с Г. Мейером, а в 1890 и 1892 гг. самостоятельно объездил германские владения в Восточной Африке. В 1896 г. назначен австрийским консулом в Занзибаре. Написал ряд сочинений, посвященных Африке.

Бедриак (сражения 69 г.) — деревня по дороге из Кремоны в Мантую около теперешнего Кальватоне, где в 69 г. произошли два сражения между претендентами на римский императорский престол. Весной Вителлий здесь разбил Оттона, который на месте своего поражения покончил жизнь самоубийством, а осенью на этом же месте Веспасиан разбил войска Вителлия.

Блюхер, князь Вальштадтский (1742—1819) — знаменитый прусский полководец. В 1760 г. поступил на прусскую службу и в 1793 г. отличился в войне против французов. Сражался с успехом при Люцене, Бауцене и Гайнау. В 1813 г. перешел через Эльбу при Вартенбурге, победил Мармона при Менкерке и вступил в Лейпциг. В 1814 г. разбил Наполеона при Ла-Ротьере и при Лаоне и открыл союзникам путь на Париж. В 1815 г. Блюхер был разбит Наполеоном при Линьи, но 18 апреля, подоспев во-время на помощь к Веллингтону, решил победу союзников при Ватерлоо и 7 июля вторично вступил в Париж.

Бонифаций (680—755) — апостол Германии, происходивший из знатной англо-саксонской семьи. По поручению папы Григория VII отправился в 718 г. проповедывать евангелие в Германию, где основал много церквей и монастырей. Григорий VII возвел его в сан архиепископа и примаса Германии.

Бруктеры («блестящие», от слова «берхт» — блестящий) — древнегерманское племя, делившееся на малых бруктеров, живших между Липпой и Эмсом, и больших бруктеров, живших к востоку от Верхнего Эмса. На востоке бруктеры граничили с херусками, а на юге — с марсами и хаттами. В древности бруктеры пользовались среди германцев известностью, как могучее племя; их пророчица Веледа пользовалась большой популярностью.

Бургунды — германское племя, жившее в начале н. э. в северо-восточной Германии между Одером и Вислой. Преследуемые гепидами, они покинули свое прежнее место жительства и в конце III в. утвердились в верховьях

Майна. В 413 г. они с разрешения римлян поселились на левом берегу Рейна и основали государство с главным городом Вормсом. В 436 г. они восстали, но были разбиты Аэцием и поселены в Савойе и здесь образовали новое государство. Король Гундобад издал два сборника законов: «Римский закон бургундов» и «Закон Гундобада».

В

Валент Флавий — римский император. В 364 г. был назначен императором Валентинианом соправителем и поставлен во главе Восточной римской империи. В 376 г. разрешил вестготам поселиться в Римской империи. В 377 г. вестготы подняли восстание против римлян, разграбили Фракию и Македонию и победили в 378 г. римское войско под Адрианополем. В этом сражении погиб сам Валент, командовавший лично римским войском.

Валентиниан I Флавий (321—375) — римский император. В 364 г. войско провозгласило его императором, но он удержал за собой лишь западную половину империи, уступив восточную своему брату Валенту. При нем было восстановлено римское господство в Британии и усмирено восстание мавров в Африке. Валентиниан I отогнал алеманнов от Галлии, отбросил их за Рейн и закрепил за Римом рейнскую границу. Так же успешно воевал он и с квадами на Дунае.

Валентиниан II (371—392) — римский император, получил от своего брата императора Грациана Италию и Иллирию, которыми правила за него его мать Юстина. В 383 г., по смерти Грациана, сделался императором, но удержал за собой Италию лишь благодаря поддержке императора Феодосия Великого.

Валерий Максим — римский историк I в. н. э., написавший исторический труд, посвященный императору Тиберию, под заглавием «Девять книг достопамятных событий и слов», с прибавлением 10-й книги о римских именах. Это сочинение является богатым сборником исторических анекдотов, но написано напыщенным языком и страдает отсутствием критики источников.

Валленштейн, или Вальденштейн (1583—1634), — полководец, авантюрист, выдвинувшийся благодаря умелому соединению наемничества с кредитными операциями. Находился на службе у императора Рудольфа и имп. Фердинанда II; воевал против Густава-Адольфа.

Вангионы — «жители лугов»; восточногерманское племя, жившее к северу от неметов, в южной части нынешней Рейнской провинции, в районе Вормса. Присоединившись к свевам, они переселились вместе с ними на юг и сражались под начальством Ариовиста.

Вандалы — германское племя, первоначально жившее по среднему течению Одера и делившееся на две части: асдингов и силингов. Позднее они принадлежали к готскому союзу и принимали участие в набегах готов на Римскую империю. Вандалы, вторгшиеся в 277 г. в Галлию, были побеждены императором Пробом и переселены в Британию, а другая их часть перешла в Силезию, Моравию и Паннонию. В 407 г. главная часть вандалов переправилась через Рейн и через Галлию, перешла в Испанию, где она заняла среднюю и южную часть полуострова. В 428 г. вандалы под предводительством Гейзериха, пробились к югу, а в 429 г. переправились в Африку, покорили Римскую Африку и образовали там сильную морскую державу. В 455 г. вандалы взяли и разграбили Рим, а в 468 г. уничтожили большой римский флот. После смерти Гейзериха в 477 г. государство вандалов постепенно слабеет, и, наконец, в 534 г. римский полководец Велизарий взял в плен последнего короля вандалов Гелимера и вернул Северную Африку Римской империи, уничтожив государство вандалов.

Варрон Марк Теренций (116—27 до н. э.) — знаменитый римский писатель, поражающий энциклопедичностью своих знаний и разносторонностью своего таланта. Варрон написал огромное количество сочинений (до 70 названий и 600 книг). До нас дошли лишь немно-

гие: «О сельском хозяйстве», «О латинском языке» и отрывки из «Менипповой сатиры». По своим взглядам, языку и стилю он является типичным представителем реакционного и архаизирующего течения в литературе.

Вегеций Флавий — древнеримский писатель, писавший о военном деле. Жил в конце IV в., при Валентиниане II. Самое значительное из его сочинений носит название «О военном деле пять книг» и составлено на основании трудов Катона Цензора, Корнелия Цельса, Фронтина и Патерна и постановлений императоров Августа, Траяна и Адриана.

Веледа — пророчица; Тацит пишет, что при Веспасиане (69—79 н. э.) в Германии жила пророчица Веледа, которая весьма почиталась среди германцев и считалась ими богиней. Веледа принадлежала к племени бруктеров и играла некоторую политическую роль во время восстания Юлия Цивилия (69—71 н. э.).

Велизарий (505—565 н. э.) — византийский полководец при императоре Юстиниане I. За свои победы над персами (528—532) был назначен главнокомандующим римскими войсками на Востоке. Спас Юстиниану жизнь и корону во время мятежа Ники в Константинополе. Разбил вандалов в Африке (534), успешно воевал против вестготов в Италии (536—540) и вторично против персов (541). В 548 г. был отозван в Константинополь, а в 549 г. разбил болгар.

Веллей Патеркул — римский историк, родился около 19 г. до н. э. Сопровождал императора Тиберия в его походах в качестве начальника конницы. В 30 г. составил по хорошим источникам очерк римской истории под заглавием «Historiae Romanae ad M. Vinicium libri II», дошедший до нас в отрывках.

Верцингеторикс — галльский вождь, ставший в 52 г. до н. э. во главе восстания против римлян. Сначала ему удалось поколебать римскую власть в Галлии, но потом, осажденный Юлием Цезарем в Алезии, он был вынужден сдаться и был казнен в 46 г. до н. э.

Вестготы, или тервинги, — одна из двух ветвей великого германского племени готов, которое, вероятно, около III в. разделилось на две части. Вестготы сперва заняли Дакию, но затем под натиском гуннов вступили в Римскую империю (376). В 378 г. в сражении при Адрианополе разбили римское войско во главе с Валентом. В 410 г. под предводительством Алариха вторглись в Италию и разграбили Рим. В 419 г. император Гонорий уступил вестготам Аквитанию, где они образовали свое королевство. В V в. вестготы завоевали почти весь Пиренейский полуостров и раздвинули границы государства до Луары и Роны. Вестготское королевство пало при короле Родрихе, который был разбит арабами при Херес-де-ла-Франтере в 711 г.

Веспасиан Тит Флавий (9—79 н. э.) — римский император, происходивший из простой семьи и последовательно занимавший должность военного трибуна, квестора, эдила, претора, консула и наместника в Африке. В 67—69 гг. он подчинил римской власти всю Иудею. В 69 г. египетскими легионами был провозглашен императором. Закончил британскую войну и посвятил все свои силы восстановлению порядка в стране и укреплению финансов.

Ветераны — так назывались у римлян солдаты, выслужившие срок действительной службы в легионах, но еще не получившие окончательной отставки. В случае необходимости они могли опять быть призваны в войска. При выходе в запас они получали гражданские права, если прежде таковых не имели, освобождались от общественных повинностей и награждались денежными пособиями, а в позднейшее время почетными правами декурионов и участками земли. Сулла первый стал дарить ветеранам захваченные им враждебные ему города, чем и положил начало образованию военных колоний.

Викарий, или подпрефект, — административное лицо, стоявшее во главе диоцеза.

Виктор из Виты (Victor Vitensis) — латинский церковный писатель V в., родом из Виты в Африке; вероятно, был служителем религиозного культа

в Карфагене. Ему принадлежит история преследований африканской церкви вандалами-арианами при Гейзерихе и Гунарихе, написанная около 488 г.

Вира, или **вергельд,** — уголовный штраф при убийстве или увечьи в пользу князя или короля как представителя общественной власти.

Виргилий Публий Марон (70—19 до н. э.) — знаменитый римский поэт века Августа. Его главное поэтическое произведение «Энеида» является попыткой создания национального римского эпоса. Кроме того, Виргилию принадлежат «Буколики», в которых изображается пастушеская жизнь, и «Георгики» — большая дидактическая поэма, которая содержит описание всей техники сельского хозяйства.

Витигес — один из последних остготских королей, правивший в 536—539 гг. Во время войны с Византией безуспешно осаждал Велизария в Риме, а осажденный в свою очередь в Равенне, сдался, был взят в плен и осыпан почестями со стороны Юстиниана.

Витрувий — римский архитектор и инженер, живший при Цезаре и Августе. Сопровождал Цезаря в походах в качестве инженера, строителя военных машин и начальника строительной части. Из написанного им труда «Об архитектуре» до нас дошло семь первых книг и часть девятой. Витрувий в своей работе использовал как свой личный опыт, так и труды греческих авторов. Витрувия в свою очередь использовал Плиний Старший.

Вульфила (около 311—383 н. э.) — первый епископ готов, бывший до этого лектором в одной из христианских церквей в области вестготов. Организовал общину готов-христиан в Мезии. Перевел библию на готский язык. Играл видную роль в церковной и даже политической жизни готского народа.

Г

Галера — гребное военное судно, употреблявшееся в древней Греции и в Риме.

Галлиен Публий Лициний — сын императора Валериана, римский император (253—268). При нем империя постоянно подвергалась опустошительным набегам германских племен, причем многие полководцы объявили себя императорами.

Ганнибал (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец, сын Гамилькара Барки. Свою военную карьеру начал в Испании, сражаясь против римлян под начальством своего отца и зятя Гасдрубала. В течение 16 лет вел упорную войну с Римом и совершил блестящий поход через Альпы в Италию, нанеся римлянам ряд тяжелых поражений. Однако, эта война окончилась для него неудачей, и он принужден был вернуться в Африку, где и потерпел поражение в сражении при Заме, будучи разбит Сципионом. Чтобы не попасть в руки римлян, бежал в Сирию, затем в Вифинию, где и отравился.

Гаруды — древнегерманское племя, жившее на западном побережьи Ютландского полуострова. Часть из них вошла в состав войска Ариовиста.

Гейзерих — король вандалов (427—477 н. э.), при котором они из Испании вторглись в Африку.

Гелиогабал (204—222 н. э.) — римский император, правивший с 218 по 222 г. Находился в близком родстве с императором Каракаллой и до своего восшествия на императорский престол жил в Эмезе в Сирии, где был главным жрецом солнечного божества Эл-Габала. Возведенный на престол солдатами под именем Марка Аврелия Антонина, он сделал попытку ввести в Риме официальный культ сирийского солнечного божества. В 222 г. был убит преторианскими солдатами.

Гельвеции — кельтское племя, которое в 400 г. до н. э. покинуло Галлию и вторглось в Южную Германию. Согласно Тациту, область их расселения ограничивалась в древности Рейном, Майном и Геркинским лесом. В течение II и III вв. до н. э., теснимые германцами, они принуждены были ограничиться для своих поселений лишь районом западной Швейцарии, где они, согласно Цезарю, жили между Рейном, Юрой, Женевским озером и Роной.

Впоследствии они опять продвинулись на север и распространились от Боденского озера до Дуная. В 58 г. до н. э. они двинулись в Галлию, но были отброшены Цезарем. С тех пор их страна начинает постепенно подпадать под римское культурное влияние и постепенно оккупироваться римлянами. Как племя гельвеции совершенно исчезают с конца I в. н. э.

Гений императора — по верованиям древних римлян, бог-покровитель императора, в честь которого ставились многочисленные статуи. При Августе во всех 14 частях Рима стояли статуи его гения. Культ гения императора, явившись под восточным влиянием, отражает попытку правящей аристократии укрепить свое господство посредством обоготворения носителя высшей власти.

Геркулес — латинская форма имени наиболее популярного героя древнегреческой мифологии. Вся жизнь Геркулеса рисуется как цепь сплетающихся воедино сверхчеловеческих подвигов и страданий. Культ Геркулеса — полубога и героя с оттенком солнечнего божества — был широко распространен во всем древнем мире.

Германик (15 до н. э.—19 н. э.) римский полководец, племянник императора Тиберия, усыновленный им по требованию Августа. После разгрома Вара в Тевтобургском лесу в 11 г. н. э. совершил несколько походов за Рейн. В 14—16 гг. опять перешел через Рейн, проник вглубь Германии, разбил предводителя херусков Арминия, захватил его жену Туснельду и похоронил останки войск Вара. После ряда успехов, одержанных над германцами, был отозван Тиберием, который боялся его популярности и ему завидовал, и отправлен им на Восток. Его сын Калигула впоследствии занял императорский престол.

Герон Александрийский — жил, вероятно, в первой половине I в. до н. э. Его физико-геодезический труд, дошедший в отрывках, долго служил в качестве учебника. Он изобрел эолипил, гелиостат, геронов шар и геронов фонтан. Особенный интерес представляют автоматы Герона, в которых он применял бесконечные винты, рычаги, блоки, зубчатые колеса и действие пара. Среди автоматов следует отметить храмовую кропильницу, движущуюся и свистящую птицу, дорожный таксометр и прототурбину (эолипил).

Геродиан (170—241 н. э.) — древнегреческий историк родом из Александрии, но живший в Риме. Им написана на греческом языке история Римской империи от смерти Антонина до Гордиана III.

Геродот (ок. 484—425 до н. э.) —древнегреческий историк, родившийся в Галикарнасе, но изгнанный из своего родного города за участие в борьбе против тирании. Много путешествовал по Передней Азии, Египту, о-вам Эгейского моря, берегам Черного моря и по европейской Греции. Долго жил в Афинах и вращался в кружке Перикла. Получил прозвание «отца истории», ибо его «История» является одним из древнейших сохранившихся трудов в греческой историографии. В нем дается картина взаимоотношений и борьбы греческого и варварского миров, — в частности Греко-персидских войн. Исторические факты перемешиваются у Геродота с географическими и этнографическими описаниями и с чисто беллетристическими историческими анекдотами, которым автор подчас сам не придает никакой веры.

Герулы — древнегерманский народ, первоначально живший в южной Ютландии. Вместе с готами совершали набеги на Восточную римскую империю и были союзниками гуннов. Принимали участие в событиях, сопровождавших свержение Ромула Августула. В V в. основали независимое государство в бассейне Эльбы. Разбитые в начале VI в. лангобардами, переселились частью в Швейцарию, частью к югу от Дуная. Со второй половины VI в. название этого народа более не встречается.

Гигин — латинский писатель I в. н. э. Автор «Басен», ценных тем, что автор пользовался несохранившимися греческими источниками. Кроме того, Гигину приписывается трактат «Об астрономии».

Однако, принадлежность этих произведений Гигину оспаривается.

Гипасписты — в древнегреческом войске так назывались оруженосцы из рабов, которые во время похода несли щиты своих господ, иногда шлемы, часть багажа и продукты на три дня. В македонском войске времен Александра Великого гипасписты составляли легкий отряд пехоты, сопровождавший царя и его свиту. Они были вооружены щитом и коротким копьем и одеты в короткие хитоны и меховые шапочки.

Гонорий Флавий (384—423 н. э.) — первый император Западной римской империи, сын Феодосия I. Получил при разделе империи Италию, Галлию, Британию, Испанию, Африку, Далмацию, Норик, Паннонию и Рецию. Опекуном Гонория был Стилихон, который успешно отразил нашествия вестготов, свевов, аланов и бургундов (401—406). После смерти Стилихона вестготам удалось взять Рим и опустошить большую часть Италии, что нанесло тяжелый удар слабой Западной римской империи и слабому императору.

Гоплиты — древнегреческие тяжеловооруженные пехотинцы. Их предохранительное вооружение состояло из щита, шлема, панцыря, набедренников, а наступательное — из копья в 7—9 футов длины и короткого меча.

Готы — древнегерманское племя, жившее в I в. н. э. у южных берегов Балтийского моря. Во II в. н. э. их полчища, под влиянием недостатка средств к существованию, двинулись на юг, к Карпатам и к Дунаю. Здесь они основали свое государство, которому подчинилось большинство соседних германских и сарматских племен. Отсюда с начала III в. готы предпринимали набеги на римские области, а в 251 г. захватили Фракию и Мезию и нанесли жестокое поражение императору Декию. В 270 г. император Клавдий нанес им поражение, а император Аврелиан уступил им Дакию, после чего их набеги на Римскую империю стали более редкими. В 336 г. император Константин заключил с ними мир. Это время есть эпоха развития могущества готского царства Германариха. Но в 370 г. это государство было сокрушено гуннами. После этого готский народ распадается на два крупных племени — остготов и вестготов. Остготы остаются под властью гунна Аттилы, а вестготы с разрешения императора переходят Дунай.

Грациан (359—383 н. э.) — римский император, старший сын Валентиниана I; наследовав западную часть империи, оставив младшему брату Валентиниану II Италию, он взял себе заальпийские области и вел удачную войну с алеманнами.

Григорий Турский (540—594 н. э.) — епископ г. Тура и франкский историк. Происходил из знатной галло-римской сенаторской семьи, имевшей большое влияние в церковных католических сферах Галлии. Его главное произведение — «Десять книг церковной истории франков» — является важнейшим историческим источником Меровингской эпохи, написанным простой варварской латынью под церковно-католическим углом зрения. Помимо этого, он написал ряд агиографических и литургических произведений, проникнутых духом церковно-католической религиозной пропаганды, которая была предназначена для воздействия на широкие массы населения.

Гундобад — бургундский король, правивший с 473 по 516 г. н. э.

Гунтер — один из мифических героев древнегерманской эпической поэмы о Нибелунгах, бургундский король, брат Кримгильды и муж Брунгильды, побежденный Дитрихом Веронским и убитый по приказанию своей сестры Кримгильды, которая ему этим отомстила за смерть своего мужа Зигфрида.

Гуситы — последователи крупного чешского национального деятеля и религиозного реформатора Гуса (1369—1415), ведшего ожесточенную борьбу с немецким влиянием и с католической церковью в Чехии. Широкое национально-религиозное движение гуситства началось после сожжения Гуса на костре в 1415 г.

Густав-Адольф (1594—1632) — шведский король, сын Карла X, **герой**

Тридцатилетней войны, один из величайших европейских полководцев. В 1611 г. вступил на престол, в 1613 г. окончил войну с Данией и в 1617 г. заключил выгодный мир с Москвой. В 1621—1629 гг. вел удачную войну с Польшей, которая кончилась присоединением Ливонии и некоторых прусских городов. В 1630 г. принял участие в Тридцатилетней войне и одержал две блестящие победы над Тилли и Валленштейном.

Д

Дагобер—франкский король, последний выдающийся представитель дома Меровингов. В 626 г. стал королем Австразии, потом постепенно распространил свою власть на Нейстрию, Бургундию и Аквитанию. В 632 г. сосредоточил в своих руках все земли королевства франков, лежавшие к югу от Луары.

Декурион — в древнем Риме глава декурии, т. е. группы из 10 лиц. Декурион всадников — звание начальника 10 всадников, а затем вообще отряда всадников. Декурионами, или куриалами, назывались также члены сенатов (курий) в муниципиях и колониях Римской империи.

Денарий—серебряная римская монета, перешедшая впоследствии в Средние века. Согласно Плинию, денарии впервые были выпущены в 269 г. до н. э. Древнейшие римские денарии чеканились по весу и по типу древнегреческих драхм. Денарий, состоявший из 10 (позднее 16) ассов, весил сперва 4,55 *г*, позднее—3,9 *г*, а со времени Нерона—3,4 *г*.

Деций (201—251 н. э.) — римский император. Был сенатором при императоре Филиппе. Посланный в Мизию для восстановления порядка в войсках, был принужден по требованию войск принять в 249 г. титул императора. В 250—251 гг. вел в Мизии и Фракии войну с готами и был убит в сражении при Филиппополе.

Диодор Сицилийский — греческий историк, современник Юлия Цезаря и Августа. Ему принадлежит крупнейший исторический труд («Библиотека»), написанный не ранее 21 г. до н. э. и включающий историю всех известных тогда стран и народов. 40 книг этого труда обнимали 1100 лет, от мифической эпохи до завоевания Галлии Юлием Цезарем. До нас дошли первые пять книг, где изложена история египтян, эфиопов, ассирийцев и древнейшая греческая история, а также 11-я — 20-я книги с описанием Греко-персидских войн 480—323 гг. до н. э. У Фокия сохранились выдержки из 31-й книги, в которой говорилось об эпохе гражданских войн в Риме до возвращения Помпея из Азии.

Диоклетиан (284—305 н. э.)—выдающийся римский император, происходивший из среды вольноотпущенников и прошедший длинную военную карьеру от солдата до императора. Вел ряд удачных войн с сарматами, сарацинами и в Египте, в результате чего восстановил мир в империи. Начиная с царствования Диоклетиана, власть императора становится абсолютной и неограниченной монархической властью, окончательно победившей авторитет сената. Крупнейшим делом Диоклетиана было проведение сложной реформы провинциального управления.

Дион Кассий (160—235 н. э.) — греческий историк. В 180 г. переселился в Рим, где был назначен сенатором, а при Александре Севере проконсулом Африки, императорским легатом в Далмации и Верхней Паннонии; в 229 г. — вторично консулом. Ему принадлежит «Римская история» в 80 книгах, которая обнимала историю Рима до царствования Александра Севера. До нас дошли с большими пропусками книги 36-я—60-я (686—800 гг. от основания Рима). Рассказ Диона о древнейших эпохах недостоверен; он более правдив лишь относительно более позднего времени.

Доместики (от латинского domestici—домашние) — со времени Константина Великого охранная стража римских императоров. Вместе с protectores и scholares доместики заменили преторианцев. Доместики обычно избирались из числа выслужившихся центурионов. Ими

командовал primicenius, или комит доместиков. Юстиниан довел число доместиков до 5000.

Домициан (51—96 н. э.) — последний римский император из дома Флавиев и второй сын Веспасиана. В своей деятельности он вел систематическую борьбу с сенатом и аристократией, пожизненно приняв на себя цензуру сената и давая всадникам и вольноотпущенникам многие из высших должностей. Постепенно подготовлял замену принципата абсолютной монархией и для этой цели старался привлечь на свою сторону войско.

Домиций Агенобарб — в 16 г. до н. э. был консулом, в 10 г. — наместником Африки, а затем совершил удачный поход в Германию, проникнув вглубь страны дальше, чем все его предшественники. Умер в 25 г. н. э.

Друз Нерон Клавдий — сын Тиберия Клавдия Нерона и Ливии Друзиллы, брат императора Тиберия, род. в 38 г. до н. э. В 12 г. вместе с Тиберием вел победоносные войны с германцами, перешел Рейн и подчинил фризов. Затем в 11 г. разбил усипетов, сугамбров и херусков. В четвертую кампанию 9 г. проник до Эльбы, которая и осталась пределом распространения римской власти в Германии.

Е

Евнапий — историк и биограф V в. н. э. Ему принадлежат дошедшие до нас «Жизнео исания софистов» и продолжение хроники Дексиппа, обнимавшее историю императоров от Клавдия Готского до Гонория и Феодосия II (270—404). В его работах проскальзывает явная симпатия к Юлиану.

З

Зенон (474—491 н. э.) — византийский император, разрешивший Теодориху занять Италию и лишить престола Одоакра, что имело последствием основание остготского государства в Италии.

Зигфрид—один из важнейших героев древнегерманского эпоса, герой легенды о Нибелунгах. Мотив о подвигах Зигфрида был оформлен в области франков, на Рейне, откуда он около VI в. перешел к другим германским народам, а также и в Скандинавию. Некоторые ученые видели в саге о Зигфриде отражение религиозного мифа о борьбе света с тьмой и отождествляли Зигфрида с богом света или грома. Другие же находили в этой легенде зерно исторической правды, считая, что Зигфрид — эпический образ Арминия.

Зосима—византийский историк, живший в Константинополе, вероятно, в середине V в. н. э. и занимавший высокие должности в финансовом ведомстве. Ему принадлежит «История Римской империи от Августа до 410 г. в 6 книгах», замечательная как по осведомленности автора, так и по основной идее, которая заключается в том, что христианство является причиной падения Римской империи.

И

Иовиан Флавий (332—364) — римский император; родился в Мезии, сопровождал императора Юлиана во время персидского похода в качестве начальника его телохранителей. После смерти Юлиана в 363 г. был провозглашен императором. Иовиан утвердил христианство в качестве государственной религии и отменил все декреты Юлиана, направленные против христианства.

Иордан (около 500—552 н. э.) — историк готов, по происхождению алан. Его исторические труды («Romana» и «De rebus goticis»), в которых излагается история готов до падения остготского королевства, хотя и являются несамостоятельными компиляциями, все же представляют собой важнейшие источники для истории готов.

Калигула Кай Цезарь (12—41 н. э.)— римский император, единственный из уцелевших детей Германика и Агриппины.

К

Канинефаты (может быть означает «предводители кораблей»; ср. древнегерманское слово «kanan» — лодка) — древнегерманское племя, родственное батавам и жившее по соседству с ними. Это название сохранилось в названии

области Кеннемерланд, находящейся к западу от Зюдерзее.

Капитулярий — распоряжения каролингских королей, касавшиеся различных отраслей государственного управления, прототипом которых являются декреты Меровингской эпохи. Особенно много капитуляриев было издано Карлом Великим, который при их помощи проводил свои реформы. Те капитулярии, которые имели особенно важное значение, издавались королем на народном собрании, в состав которого входили представители светской и церковной знати. Но большая часть капитуляриев выходила из личной канцелярии короля. Капитулярии служили для дополнения и развития обычного народного права и, кроме того, являлись инструкциями королевским послам, графам и управителям королевских имений. В 825 г. аббат Ансегиз составил систематический сборник капитуляриев.

Каракалла Марк Аврелий Север Антонин (186—217 н. э.) — римский император, сын Септимия Севера. Участвовал в британском походе 208 г. После смерти отца в 211 г. вступил на престол. В 212 г. издал закон о присвоении права римского гражданства всем жителям империи. В 213 г. совершил поход в Германию, а в 214 г. начал поход на Восток, стараясь подражать Александру Великому.

Карл Смелый (1433—1477) — герцог бургундский, сын Филиппа Доброго, один из самых ярких типов рыцарства конца Средних веков. Вел длительную борьбу с французским королем Людовиком XI, которая кончилась окончательным поражением Карла Смелого.

Карфаген — один из крупнейших городов древности, лежавший в Тунисском заливе на небольшом полуострове. По преданиям основан был финикийцами в IX в. до н. э. В VI в. отделился от своей метрополии—Тира—и образовал самостоятельное государство. С III в. начинаются войны между Римом и Карфагеном за преобладание в Средиземном море. Первая война Карфагена с Римом (264—241) окончилась поражением карфагенян при Эгатских о-вах, что заставило их пойти на уступки Риму и отказаться от Сицилии. Вторая пуническая война также окончилась победой римлян, которые на этот раз принудили Карфаген отказаться от Испании. Третья пуническая война окончилась полной победой римлян и разрушением Карфагена Сципионом Африканским Младшим в 146 г. При Августе на месте Карфагена была построена римская колония. В 439 г. н. э. вновь отстроенный Карфаген был взят вандалами, в 533 г. Карфаген был взят полководцем Юстиниана Велизарием, а в 698 г. был взят и окончательно разрушен арабами.

Катапульта — военное орудие древних греков и римлян. В отличие от баллисты, катапульта имела меньшие размеры и была приспособлена для метания небольших камней и стрел в горизонтальном направлении.

Катон Старший Марк Порций (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель. Участвовал вместе со Сципионом Старшим в походе против Карфагена. В международной политике проводил идеи захватнического империализма и настаивал в сенате на полном разрушении Карфагена. Сохранилось сочинение Катона по сельскому хозяйству («De agricultura»).

Кимвры—древний германский народ, который вместе с тевтонами раньше других германских племен столкнулся с римлянами. Кимвры вышли из Ютландии, двинулись к Черному морю и на обратном пути прошли через Чехию на юг. В 113 г. до н. э. они в Норике разбили римлян, затем соединились у Рейна с тевтонами и затем в 109—105 гг. одержали ряд побед над римлянами. В 101 г. римский полководец Марий окончательно разбил войско кимвров.

«Киропедия» (или «Воспитание Кира»)—дидактическое произведение Ксенофонта, род тенденциозного исторического романа; в нем описывается персидский царь Кир Старший, который изображается в виде образца хорошего правителя. Многие факты с исторической стороны изложены в этом сочинении неверно.

патрицианских собраний. Затем это название перешло на здания, в которых собирались высшие государственные учреждения, в том числе и сенат. Поэтому курией назывались как сенат, так и муниципальные собрания цензовых элементов провинциальных городов.

Ксенофонт (ок. 434–359 до н. э.) — греческий историк и философ, происходивший из богатой всаднической семьи в Афинах. В 401 г. поступил на службу к персидскому царю Киру Младшему. Руководил отступлением греческого войска из Персии. В Афинах был осужден за государственную измену и удалился в Спарту, где получил от спартанцев в виде награды имение. Его главные труды:

1. «Поход Кира», где описывается неудачный поход Кира и возвращение 10 000 греков.
2. «О воспитании Кира».
3. «Греческая история», продолжающая историю Фукидида, доведенная до 362 г.
4. «Сократовские достопамятности», рисующие образ Сократа.
5. «Защита Сократа».
6. «Советы для начальника конницы».
7. «Советы для всадников».

Биография Ксенофонта написана Диогеном Лаэртским.

Л

Лаврион — горный хребет в Греции, в южной части Аттики, в котором находились древние весьма богатые серебряные рудники; в них в V в. до н. э. добывалось так много серебра, что афиняне даже хотели добытое там серебро разделить между всеми гражданами по 10 драхм на человека; однако, по совету Фемистокла, построили на эти деньги морские корабли (Геродот, VII, 144). Во времена Страбона эти рудники считались истощенными. Теперь в них снова добывается гальмей, серебряно-свинцовая руда и кадмий.

Лактанций — церковный писатель IV в., родившийся, вероятно, в Африке в языческой семье и получивший риторское образование. Приняв христианство, написал несколько сочинений в защиту христианства.

Легаты — древнеримские посланники, избиравшиеся, главным образом, из среды сенаторов и посылавшиеся в чужие страны. Легатами также назывались должностные лица, непосредственно состоявшие при полководцах и правителях провинций в качестве их помощников и заместителей. В императорскую эпоху к ним прибавились еще легаты, назначавшиеся императором в качестве наместников императорских провинций, а также «легаты легионов», т. е. начальники легионов.

Легион — древнеримская воинская часть, составлявшаяся по набору. В республиканскую эпоху ежегодно набираемые 4 легиона (2 для полевой и 2 для гарнизонной службы) содержали по 300 всадников и 4 200 пехотинцев. Основу легиона составляли 3 000 тяжеловооруженных пехотинцев, распадавшихся на 3 группы. Каждая группа состояла из 10 манипул, в свою очередь делившихся каждая на 2 центурии, которые находились под начальством центурионов, подчиненных военным трибунам (6 на один легион). При Марии (107 до н. э.) каждые три манипулы были соединены в одну когорту.

Леса и болота Германии. — Согласно мнению исследователя доисторической флоры Центральной Европы И. Гоопса, Центральная Европа в доисторическую и древнегерманскую эпоху не была сплошь покрыта лесами и болотами, а на ее территории находилось довольно много лугов и степей, что вполне соответствует словам Тацита «почва... плодородна для хлебных злаков» («Германия», гл. 5) («J. Hoops, Waldbäume und Kulturpflanzen im Germanischen Altertum», 1905, S. 97). См. А. Неусыхин, «Общественный строй древних германцев», Москва 1929 г., стр. 21).

Либаний (314—393 н. э.) — греческий историк и оратор, представитель младшей софистики, родом из Антиохии, ученик Зеновия. Пользовался уважением и занимал влиятельное положение при императорах Юлиане, Валенте и Феодо-

сии. Написал очень много школьных произведений, речей и писем.

Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.) — крупнейший римский историк, автор громадной «Истории Рима» в 142 книгах, от прибытия троянцев в Италию и до смерти Друза, брата Тиберия. До нас дошли лишь 35 книг и краткое их изложение (Periochae), составленные Флором при императоре Адриане.

Ликторы — официальные служители высших древнеримских чиновников, перед которыми они несли фасции (пучок прутьев и топор). Консулы имели 12 ликторов, диктаторы—24, городские преторы — 2, а провинциальные наместники — 6. Ликторы шли друг за другом перед чиновником, расчищали ему путь в толпе и следили за тем, чтобы ему оказывались надлежащие почести. Ликторы должны были приводить в исполнение наказания, согласно постановлениям высших чиновников.

Лукреций Тит (ок. 99—51 до н. э.) — древнеримский поэт, автор дидактической поэмы в стихах «О природе вещей», проникнутой идеями эпикуреизма.

Людвиг Немецкий (804—876 н. э.) — немецкий король, третий сын короля Людовика Благочестивого.

М

Маврикий—византийский император, родившийся в 539 г. в Каппадокии. Успешно защищал империю от персов и аваров. В 602 г. разразилось восстание в армии, посланной против аваров. Императором был провозглашен Фока, а Маврикий принужден был бежать, но был настигнут, возвращен в Константинополь и казнен.

Майордом, или **палатный мэр** — старейший сановник двора при франкской династии Меровингов. В VII в., когда пало значение Меровингов, майордомы постепенно превратились в главных правителей государства. Сначала майордомы назначались королем, а потом их стали выбирать вельможи из среды наиболее могущественной аристократии. После смерти короля Лотаря II (628) майордом Пипин Ланденский распространил свое влияние на все государство и закрепил должность майордома в своем роду.

Макрин—преторианский префект при Каракалле, в 217 г. убивший Каракаллу и провозглашенный императором. Был побежден войсками Гелиогабала и убит солдатами в 218 г.

Максимин Тракс — сын фракийского пастуха, принятый императором Септимием Севером в преторианскую гвардию. Достиг командования легионом и после убийства Александра Севера в 235 г. был провозглашен императором. Во время своего трехлетнего правления вел успешные войны с германцами и сарматами. Был убит своими солдатами во время войны со своими соперниками.

Максенций — римский император, сын Максимиана, в 306 г. н. э. был провозглашен преторианцами императором. Взял себе в соправители своего отца, который в 305 г. отрекся от престола, но затем поссорился с ним и заставил его бежать в Галлию. Начав войну со своим соправителем Константином Великим, Максенций был им разбит в сражении у Мальвийского моста, пытался спастись бегством, но утонул в Тибре в 312 г.

Максим — римский император, соратник Феодосия, избранный возмутившимися легионами в императоры Британии. Вторгся в Галлию и приказал убить императора Грациана. В 387 г. перешел через Альпы и изгнал Валентиниана II из Италии, но в 388 г. был побежден Феодосием и убит.

Марбод — вождь маркоманов, который в молодости прожил два года в Риме. Ознакомившись с римским военным делом и государственным управлением, он вернулся на родину, встал во главе своего народа и увел его с берегов Рейна и Майна в Богемию, где образовал центр сильного союза германских племен, границы которого доходили до Дуная. Он организовал войско по римскому образцу, чем вызвал опасения со стороны Рима. Вскоре маркоманский союз столкнулся с другим союзом германских племен во главе с херусками и их вождем Арминием. Это **столкновение**

ослабило маркоманов, так что Марбод должен был обратиться с просьбой о помощи к римлянам, которые в 23 г. захватили его в свои руки. Умер в 41 г. н. э. в Равенне.

Мардоний — персидский полководец, зять царя Дария; участвовал в подавлении восстания малоазиатских греков в 502 г. В 492 г. предпринял неудачный поход против Греции. При Ксерксе снова командовал персидскими войсками: во время похода персов в Грецию взял Афины, но был разбит и погиб сам в сражении при Платее.

Марий (156 — 86 до н. э.) — первый в ряду римских полководцев, которые постепенно привели Римскую республику к монархии, опираясь на преданное войско. Начал службу при Сципионе Младшем в Испании. В 119 г. был народным трибуном, а в 116 г., будучи претором, провел военную реформу в наборе рекрут, начав вербовать войска из среды бедняков, не записанных ни в один из имущественных разрядов и лишенных права носить оружие. В 112—107 гг. вел войну с нумидийцами и одержал победу над Югуртой. В 102 — 101 гг. победоносно отразил нашествие кимвров и тевтонов, грозивших Риму.

Маркоманы — «люди марки» (т. е. границы), германское племя, жившее сперва по Рейну, Неккару и Майну и входившее в союз свевских племен. Около начала н. э. их вождь Марбод перевел их в Богемию и организовал там большой союз германских племен.

После Марбода маркоманы вели длительные войны с Римом, в 88 г. н. э. разбили императора Домициана, но затем были побеждены императором Траяном и Адрианом. Со II в. они вместе с другими германскими и сарматскими племенами начинают нападать на римскую границу. Марк Аврелий принужден был вести с ними длительную войну, которая кончилась лишь при его сыне Коммоде. В III в. они еще воевали с римлянами, а в IV в. сведения о них прекращаются.

Марс—наряду с Юпитером — главное божество древнеиталийских народов. У римлян считался родоначальником римского народа, богом весны и войны. В Риме ему была посвящена площадь на левом берегу Тибра—Марсово поле. Император Август построил ему в Риме пышный храм.

Марсы («отражающие») — древнегерманское племя, жившее между р. Верхний Рур и р. Верхняя Липпе и разгромленное войсками Германика.

Минерва — италийская богиня ремесл, наук и искусств, в частности — военного искусства. Культ ее более позднего происхождения, чем культ Юпитера и Марса.

Митридат Великий Евпатор (Дионис) (132 — 63 до н. э.) — понтийский царь, подчинивший себе Колхиду, Херсонес Таврический и скифские племена и основавший Босфорское царство. Вел ряд войн с Римом. Потерпев ряд поражений от римских войск, находившихся под начальством Суллы, Лукулла и Помпея, он покончил самоубийством в 63 г.

Н

Нарсес — византийский полководец, живший при императоре Юстиниане, арианин и евнух. Участвовал в персидской войне, а затем в 538 г. был послан в Италию с войском, чтобы оказать помощь Велизарию в его войне с остготами. В 539 г. был отозван из Италии, а в 552 г. снова послан туда с большим войском. Разбил остготского короля Тотилу близ Губбио, взял Рим, в 553 г. снова разбил готов и готского короля Тейю, в 554 г. разбил франков и алеманнов при Казилина, подчинил Византии всю Италию и был сделан экзархом Италии. Лишенный в 567 г. этой должности Юстином II, он вскоре умер.

Неметы (от древнегерманского слова «немида» — священный луг или лес) — древнегерманское племя из союза свевов, жившее на левом берегу Рейна, в районе Шпейера.

Нервии — древнегерманское племя, жившее в нынешней Бельгии и Северной Франции, между Шельдой и Масом, а также на реке Самбре; подверглось кельтизации, восприняв кельтский язык и кельтскую культуру. Во время

войны белгов с Цезарем отчаянно сопротивлялось римлянам, но было почти уничтожено ими в 57 г. до н. э.

Нерон (37 — 68 н. э.)—римский император, сын Домиция Агенобарба и Агриппины Младшей, усыновленный императором Клавдием.

Нибелунги — название сказочного народа («дети тьмы»), жившего на берегах Рейна и давшего название легенде о Нибелунгах, вероятно, франкского происхождения. Эта легенда сплетена из сказочных элементов и искаженных исторических фактов. Главный герой ее, Зигфрид, убив дракона, который стерег проклятое богами «золото Рейна», становится владельцем этого рокового сокровища, женится на спавшей в огненном замке Брунгильде, покидает ее и подвергается с ее стороны мести. «Песнь о Нибелунгах», записанная в XII в., была сложена на несколько столетий раньше и носит на себе отпечаток христианства и феодального строя.

Никифор Каллист Ксаперопул (1350—1362) — патриарх Константинопольский, автор «Каталога константинопольских императоров и патриархов» и «Церковной истории от рождества христова до 610 г.», особенно важной для эпохи Юстина и Юстиниана.

Notitia dignitatum tam civilium quam militarium in partibus orientis et occidentis — «Список должностных лиц, как гражданских, так и военных, в областях восточных и западных» Римской империи — нечто вроде имперского альманаха, составленного в первые годы V века н. э.,важнейший исторический источник для характеристики административного управления Римской империи V в.

О

Одоакр — германский вождь из племени ругиев или спирсв, живших в долине Дуная. В 476 г. был германскими наемниками провозглашен королем. Победил при Павии Ореста и заставил отказаться от власти императора Ромула Августула. Византийский император Зенон возвел Одоакра в сан патриция и признал его своим наместником в Италии. В 482 г. Одоакр покорил Далмацию, а в 487—488 гг. победил ругиев. В 489—490 гг. был разбит дважды Теодорихом и убит им в 493 г.

Олимпиодор — писатель эпохи Гонория, историк, родом из египетских Фив; приближенный императора Гонория, написавший исторический труд по истории Западной империи с 407 по 425 г.

Орозий Павел — римский историк V в. н. э., родился около 390 г. в Испании и был священником. Главное его произведение — «Семь книг истории против язычников», в котором дается история человечества от сотворения мира до 410 г. н. э. и которое, по мысли автора, должно было доказать, что упадок Римской империи не является результатом отпадения от язычества.

П

Павел Диакон (ок. 720 — 800 н. э.) — лангобард, средневековый историк, получил хорошее образование, так как знал греческий язык. Приглашенный Карлом Великим, жил при его дворе и был одним из деятелей «каролингского возрождения». Составил «Историю лангобардского народа», где наряду с историческими фактами собрал также и древнейшие сказания и предания лангобардов. Кроме того, написал ряд исторических, богословских и стихотворных произведений.

Павзаний — древнегреческий путешественник и писатель II в. н. э., родился в Малой Азии. Ему принадлежит «Описание Эллады» в 10 книгах, в которых содержится множество исторических, историко-религиозных и фольклористических сведений, а также множество описаний памятников искусства и старины.

Пельтасты — древнегреческие воины, вооруженные небольшими щитами, которые обладали преимуществом как тяжеловооруженных, так и легковооруженных воинов и потому могли участвовать и в боевых действиях на расстоянии, и в рукопашном бою. Вооружением пельтастов (кольчуга, щит, копье и меч) обычно пользовались наемные отряды.

Переписка Траяна с Плинием Младшим, который по поручению Траяна управлял Вифинией в 111—113 гг., свидетельствует о вдумчивости, справедливости и той большой заботливости, которую проявлял Траян в деле управления провинциями.

Пертинакс — первый римский император из среды вольноотпущенников, возведенный на престол в 193 г. н. э. после убийства Коммода. В течение своего 81-дневного правления отделил личную собственность императора от императорского фиска, роздал покинутые земли лицам, желавшим пользоваться ими на условиях их обработки и освобождения от налогов в течение 10 лет, и усилил дисциплину в преторианской гвардии.

Песценний Нигер — римский император, провозглашенный сирийскими легионами после смерти императора Пертинакса. Признанный императором на Востоке и в Греции, он был побежден Септимием Севером и погиб в 194 г. н. э.

Плебс («толпа») — так называлась в древнем Риме вся масса населения, не пользовавшаяся первоначально полными гражданскими правами и противопоставлявшаяся полноправным гражданам (патрициям). В 336 г. до н. э. плебеи были уравнены в правах с патрициями.

Плиний Младший (62 — 114 н. э.) — римский писатель, оратор и государственный деятель I — II вв. н. э., племянник и приемный сын Плиния Старшего, занимавший крупные государственные должности и пользовавшийся доверием императора Траяна. До нас дошли его «Девять книг писем» и его переписка с Траяном, ценная для характеристики административного управления того времени.

Плиний Старший (23—79 н. э.) — римский писатель I в. н. э., служивший в Германии и в Испании и погибший при извержении Везувия. Им написан ряд военных, исторических, риторических, грамматических и естественнонаучных произведений, из которых до нас дошли 37 книг его «Естественной истории» — своего рода энциклопедии естественных наук.

Плутарх (около 46—120 н. э.) — известный греческий писатель, родившийся в Херонее и получивший высшее образование в Афинах. Из сохранившихся его произведений особенно замечательны биографии великих людей (46 параллельных биографий греков и римлян и 4 отдельных) и философско-публицистические сочинения).

Полибий (около 212 — 123 до н. э.) — известный греческий историк, родившийся в Мегалополе. Принимал близкое участие в политической жизни Греции, участвуя в делах Ахейского союза. С 167 г. жил в Риме и был близок к правящим кругам Римской республики. Написал ряд сочинений по истории, географии и военному делу, из которых до нас дошли только 5 книг (из 40) его всеобщей или мировой истории.

Помпей, Кней, Великий (106—48 до н. э.) — один из крупнейших римских полководцев конца республики. В 71 г. после войны с Серторием одержал над ним победу в Испании и разбил остатки армии рабов Спартака. В 66—63 гг. командовал римской армией на Востоке, победил Митридата Парфянского и Тиграна Армянского, присоединил Сирию и взял Иерусалим. Заключил с Цезарем и Крассом частный договор о захвате и разделе высшей государственной власти (1-й триумвират). В 48 г. был разбит римским полководцем Цезарем при Фарсале.

Помпоний Мела—древнеримский географ, родом из Испании, живший в I в. н. э.; составил географический труд в трех книгах, являющийся латинской компиляцией из греческих источников.

Поссессоры — официальный термин для обозначения крупных собственников в Римской империи в IV—V вв. н. э. В эдикте императора Гонория 418 г. есть указание на то, что поссессоры должны входить в состав провинциальных собраний.

Постумий — римский император, провозглашенный императором в Британии

в 193 г. н. э. и побежденный Септимием Севером в 197 г.

Претор — один из высших чиновников в республиканском и императорском Риме. С 337 г. преторы были облечены судебной властью. В 247 г. судебная власть была разделена между двумя преторами. С течением времени преторы стали посылаться в провинции в качестве наместников, которые должны были командовать оккупационной армией, творить суд и заведывать администрацией. Начиная с эпохи принципата, судебные функции переходят в руки префектов — преторианского и городского, а управление императорскими провинциями — в руки пропреторов.

Преторианцы — лейб-гвардия римских кесарей, образовавшаяся из отборного отряда союзников, который в республиканскую эпоху охранял главнокомандующего и место его палатки (преторий), откуда и название «преторианская когорта». Сципион Африканский под тем же названием организовал отряд из римских всадников. Август для поддержания порядка в Италии создал девять преторианских когорт по 1 000 человек. Пешие и конные преторианцы стали ядром императорской армии. Привилегиями преторианцев были: почетное положение, усиленное жалованье и 16-летний срок службы. Во главе преторианцев стоял особый префект. В эпоху империи преторианцы играли большую политическую роль, ибо они были той реальной силой, которая свергала одних императоров и возводила на престол других. Константин Великий уничтожил преторианскую гвардию, заменив ее другой, и разрушил в Риме преторианский лагерь.

Принципат — образ государственного правления, установившийся в древнем Риме при Августе. Его основной чертой является двоевластие аристократического сената и его наиболее мощного представителя — принцепса, власть которого была ограничена конституционными рамками. В этом сказывается преобладание в ту эпоху в Риме аристократического класса, державшего в своих руках командующие экономические высоты. Главными основами власти принцепса («первого» среди сенаторов и граждан) являлась высшая военная власть и власть народного трибуна, которая делала принцепса неприкосновенным и давала ему право вмешиваться в решения народа, сената и всех чиновников. Наряду с этим принцепс имел право творить суд, издавать законы и управлять провинциями. Постепенно императоры сосредоточили в своих руках всю полноту высшей власти, превратившись из «принцепсов» сената в неограниченных самодержцев.

Проб Марк Аврелий (232—282 н. э.)— главнокомандующий римскими войсками на Востоке, провозглашенный императором в 276 г. В 277 г. оттеснил германцев, вторгшихся в Галлию, и восстановил пограничный вал, а также вел удачные военные действия в 278 г. на Востоке. Заключил выгодный мир с персами и одержал ряд побед над своими соперниками. Принимал ряд мер к улучшению сельского хозяйства и к заселению Мезии и Фракии варварами.

Прокопий Кесарийский — византийский историк VI в. н. э., родившийся в Кесарии Палестинской. Получив юридическое образование, он в качестве юриста и секретаря сопровождал Велизария во время его походов, которые он описал в своей «Истории в 8 книгах» и в «Анекдотах» («Тайны истории»). В трудах Прокопия своеобразно объединились античная и христианская культура.

Клавдий Птолемей — знаменитый астроном и географ древности, родившийся в Египте и живший во II в. н. э. Ему принадлежит «Альмагест», «География», «Оптика» и ряд других научных трудов.

Птолемей — династия греко-македонских царей Египта, основателем которой был Птолемей I, сын Лага, почему Птолемеев называют Лагидами. Птолемей XIII и сестра его Клеопатра были последними представителями династии Птолемеев.

Пути и дороги через болота и леса Германии. — Об их существовании мы находим указаняи у Цезаря и у

ходился в дружбе с римлянами. В 9 г., накануне Тевтобургского сражения, он предостерегал Вара о той опасности, которая грозила его войску, а после поражения легионов Вара Сегест продолжал борьбу с Арминием. Осажденный Арминием, Сегест призвал на помощь Германика, который его выручил в 15 г., и дал ему имение в Галлии.

Седузии, или **эйдозии,** от слова «iodar» (потомок) — древнегерманское племя, жившее в Ютландии и переселившееся вместе с англами и саксами в Британию. Впоследствии они появляются под названием «этингов, эйтов».

Секуляризация — переход лица или имущества из духовного состояния или церковного владения в светское. По каноническому праву это может совершаться лишь с согласия церковных властей, но на самом деле крупнейшие секуляризации производились по инициативе светской власти против желания церкви или при ее вынужденном согласии. В VIII в. н. э. в Западной Европе много церковных земель было секуляризовано и передано светским людям в виде вознаграждения за службу.

Сенека Люций Анней (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — древнеримский философ и писатель, воспитатель Нерона, имевший на него в первый период его правления большое влияние. Его перу принадлежит большое количество речей, трагедий, писем и диалогов.

Септимий Север (193—211 н. э.) — древнеримский император, родился в Африке, был сенатором при императоре М. Аврелии, а после убийства императора Пертинакса в 193 г. был провозглашен императором придунайскими легионами, которыми он командовал, будучи наместником Паннонии. Распустил преторианцев и организовал вместо них гвардию из отборных солдат всех легионов. Вел успешную войну против парфян и присоединил к Риму всю Месопотамию. В конце своей жизни воевал с каледонцами в Британии и восстановил Адрианов вал.

Сестерций — древнеримская серебряная монета. В эпоху Пунических войн сестерций состоял из 4 ассов. В конце 1 в. до н. э. чеканился из меди и бронзы и, согласно постановлению сената от 15 г., весил 1 унцию (27,288 г.).

Сигизмунд Бургундский — бургундский король, живший в VI в. н. э., сын арианина Гундобада. Для того чтобы сблизиться с бургундским народом и духовенством, он принял католичество, покровительствовал духовенству и вытеснил арианство. Вдова и сыновья Хлодвига начали с ним войну и одержали над ним окончательную победу.

Сидоний Аполлинарий (ок. 430—480 н. э.)—галло-римский писатель и политический деятель V в., происходивший из знатного галльского рода. Ему принадлежит ряд длинных хвалебных стихотворений, брачных гимнов, писем к друзьям и родственникам. Все творчество Сидония Аполлинария отражает эпоху сплетения античной культуры с феодальной.

Синезий (379—412 н. э.)—неоплатоник, философ, оратор и поэт, изучавший философию в Александрии и принявший христианство в 410 г. Его философские идеи выражены им в его речах, письмах, гимнах и других сочинениях.

Стаций (40—95 н. э.) — древнеримский поэт, написавший большое количество стихотворений, главным образом, по заказу знатных иностранцев на разные случаи из их жизни. Его стихотворения собраны в сборнике «Леса»; ему же принадлежат две большие эпические поэмы «Фиваида» и «Ахиллеида».

Стэнли — знаменитый английский путешественник, совершивший ряд путешествий по Африке и обследовавший Центральную Африку. Его путешествия им описаны в ряде книг.

Сулла Люций Корнелий (138—78 до н. э.) — древнеримский диктатор, участвовал в Югуртинской войне и в походе против кимвров и тевтонов; вел удачную войну с Митридатом. Назначенный диктатором в 82 г., Сулла провел ряд реформ, которые закрепили господствующее положение сената и аристократии, и в 79 г. сложил с себя диктатуру.

стали употреблять как верхнюю одежду, свободно набрасываемую вокруг тела, которая постепенно превратилась в выходную официальную одежду. В III в. до н. э. тога была знаком отличия римских граждан и чиновников.

Тотила (VI в. н. э.)—остготский король, ведший в Италии длительную войну с византийскими войсками, находившимся под начальством Велизария и Нарсеса, одержавший над ними ряд побед, но побежденный Нарсесом при Тагинэ в 552 г.

Траян (53—117 н. э.)—римский император, усыновленный Нервой. В молодости участвовал в иудейской и в парфянской войнах, а впоследствии в двух дакийских войнах, которые окончились покорением Дакии. В 113 г. предпринял поход на Восток, покорил Армению и Месопотамию и, перейдя через Тигр, проник в Парфию до Ктесифона. Его правление ознаменовано крупной строительной деятельностью и широкой колонизацией (в частности Балканского полуострова).

Требеллий Поллион—один из шести авторов истории Августов, писавший во времена Диоклетиана. Составленные им биографии императоров не имеют большой исторической ценности, так как отличаются преувеличенной риторичностью и наполнены лестью императорам, особенно Клавдию II.

Трейчке Г. Ф. (1834—1896)—известный немецкий историк и публицист. Принимал участие в политической борьбе; в 1871 г. был избран в рейхстаг и примкнул к партии национал-либералов. В своих речах и статьях проводил идеи необходимости единой Германии и конституционного строя. Его крупнейшим историческим трудом является «История Германии в XIX в.», которую он успел довести лишь до 1848 г. В этой работе он проводит идеи прусско-немецкого патриотизма, доходящего до шовинизма.

Трибоки («живущие в трех округах»)--древнегерманское племя, жившее в бельгийской Галлии, между Вогезами и Рейном, в области теперешнего Страсбурга. Принадлежали к этнической группе свевов. Принимали участие в походе Ариовиста в Галлию.

Тубанты («живущие в двух округах», от герм. «бант» — округ)—древнегерманское племя, бывшее в союзе с херусками. Сначала тубанты жили между Рейном и Исселем, во время Германика—на южном берегу р. Липпе, в прежней области сугамбров. Позднее они двинулись дальше на юго-восток и поселились между Фульдой и Веррой.

У

Убии — древнегерманское племя, принадлежавшее к этнической группе истевонов и жившее на правом берегу Рейна. Часто упоминаются в «Истории галльских войн» Цезаря, как верный союзник римлян, к которым они примкнули, живя к югу от сугамбров и будучи теснимы свевами. В 38 г. до н. э. Агриппа переселил их на левый берег Рейна, в область, находившуюся между Бонном и Крефельдом. Здесь они вошли в состав нижнегерманской провинции, а главный город их Oppidum Ubiorum в 51 г. н. э. получил значение колонии и в честь Агриппины Младшей был назван Colonia Agrippina (теперь Кельн). Убии должны были охранять Рейн от германцев, а Кельн, привлекший многочисленное римско-германское население и ставший центром гражданского управления страны и ставкой нижнерейнской армии, получил такое же культурное значение, как в Галли и Лион. Из других городов убиев следует отметить Юлих, Нейс и Бонн. Живя на Рейне, который был крупнейшим торговым путем, убии достигли более высокой степени развития, чем остальные германские племена. Соседство Галлии и близость кельтских племен оказали влияние на убиев, которые восприняли некоторые галльские обычаи и находились под кельтским влиянием, на что мы находим указания у Цезаря, подтверждаемые раскопками.

Усипеты -- западный древнегерманский народ, который на своем пути в бельгийскую Галлию был застигнут и разбит Юлием Цезарем на левом берегу Нижнего Рейна в 55 г. до н. э. Вернувшись снова на правый берег Рейна,

они вместе со своими союзниками и соседями тонктерами нашли приют у сугамбров, среди которых и поселились на р. Нижняя Липпе, ведя постоянную борьбу с римлянами. Изгнанные с берегов р. Липпе при Веспасиане, они поселились по р. Фульде и в III в. н. э. слились с алеманнами.

Уэллингтон (Веллингтон) (1769 — 1832) — английский полководец; участвовал в походе в Голландию, командовал португальскими, испанскими и английскими силами в Испании во время войны с Наполеоном. Вместе с Блюхером одержал победу над Наполеоном при Ватерлоо 18 июня 1815 г.

Ф

Фаланга — тесно сомкнутая боевая линия, характерное построение древнегреческого войска, которое встречается во всех древнегреческих войсках и государствах. Существенными ее признаками являлись плотное построение рядов и длинные копья. Строго выдержанный тип фаланги встречался у дорян, у спартанцев, у которых вся сила войска заключалась в тяжеловооруженной пехоте (гоплиты). Построение фаланги было усовершенствовано Филиппом II Македонским, который выстраивал войско по 8—16 человек в глубину. У римлян построением по фаланге пользовались до введения манипулярного строя при Камилле, а также при императорах в войнах с варварами.

Иосиф Флавий — еврейский историк I в. н. э., участвовавший в борьбе иудеев против римлян, но перешедший на сторону римлян, придерживавшийся римской ориентации и написавший ряд трудов по истории иудеев.

Фемида — древнегреческая богиня правопорядка, охранительница нравственных устоев и всего строя жизни.

Фемистокл (около 525—460 до н. э.)— афинский полководец и государственный деятель эпохи греко-персидских войн.

Флор—древнеримский писатель, живший в конце I в. и начале II в. н. э. Ему принадлежит исторический трактат, озаглавленный «Две книги войн римлян». Сочинение это является извлечением преимущественно из Ливия, а также из других историков, как, например, Саллюстия и Сенеки Старшего, и даже из поэтов (Лукан).

Фризы — древнегерманское племя из группы ингевонов, которое жило по соседству с саксами и занимало «Буртангово болото», т. е. местность между Зюдерзее и Эмсом, где и теперь еще живут фризы. До фризов здесь жили кельты. Фризы сюда пришли с востока, из северофрисландских и дитмаршенских болот Шлезвиг-Голштинии. Друз подчинил их римскому владычеству, но впоследствии, после ряда войн с римлянами, фризы добились самостоятельности. В эпоху переселения народов фризы оттеснили салических франков от устьев Рейна и Шельды и расширили свою территорию при помощи широкой колонизации.

Фронтин Секст Юлий (40—103 н. э.)— римский землемер, гидротехник и военный писатель. Римский патриций по происхождению, он занимал самые разнообразные должности на государственной службе. Оставил сочинение по военному делу под заглавием «Stratagematum».

Х

Хавки («высокие»)—один из важнейших древних северогерманских народов ингевонской группы. Жили между нижним течением Эмса и Эльбы по берегу Немецкого моря и по берегам р. Везера. Хавки образовывали целую группу племен. Они делились на «больших» и «малых», границей между которыми был Везер. Тацит указывает на их многочисленность и силу, но также и на их миролюбие, хотя сам пишет об их военных набегах в Нижнюю Германию («Анналы», 11,13). К тому же они, очевидно, вместе с хаттами отняли часть территории у херусков. Хавки со времен Августа в течение долгого времени воевали с римлянами, временами подчиняясь их власти. Впоследствии они перешли Эмс, вытеснили бруктеров и заняли их места, лежавшие к югу от их родины. Они, вероятно, теснили франков, что и заставляло последних уси-

ленно стремиться на запад. В конце концов хавки вошли в состав саксонской группы племен, а северная их часть смешалась с фризами. Согласно Плинию (4, 101) они жили также на о-вах между устьем Мааса и Зюдерзее, а согласно Птолемею (2, 28)—на восточном берегу Ирландии.

Хатты — древнегерманское племя из группы герминонов, жившее на Эдере и Фульде, по соседству с херусками, гермундурами, усипетами и тенктерами. Их главным поселением было Маттиум, очевидно, находившееся близ деревни Меце, севернее Эдера. Хатты расширили свою территорию благодаря победе над херусками, но затем принуждены были отдать часть своих земель римлянам, гермундурам и саксам.

Херуски — крупное древнегерманское племя, относимое Плинием к германской группе. Тацит помещает их восточнее хавков и хаттов. Они обитали по берегам Среднего Везера, по его притокам и около Гарца: границы их поселений достигали Эльбы. Друз и Тиберий покорили херусков силой римского оружия. Но под предводительством Арминия они восстали против Рима и разбили Вара в Тевтобургском лесу. Германик нанес херускам тяжелое поражение, но был отозван в Рим и не окончил войну с германцами. Внутренние смуты ослабили силу херусков и дали возможность римлянам снова вмешаться в их внутренние дела. Впоследствии херуски вступили в союз с франками и алеманнами и, наконец, вошли в группу саксонских племен.

Хлодвиг I — сын Хильдериха I; франкский король, организовавший государство франков и расширивший его пределы, создавший королевскую власть и принявший христианство.

Ц

Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель, проводивший в своей деятельности идею централизации власти и разрушения престижа и авторитета аристократического сената. Как полководец прославился своей галльской войной, которая окончилась покорением Галлии. Как писатель получил известность своими двумя литературными произведениями: «Комментарии о гражданской войне» и «Комментарии о галльской войне».

Центурион — низший чин римской военной иерархии, начальник центурии как военной части. В эпоху республики состав центурионов пополнялся из среды наиболее опытных и выслужившихся солдат. Но впоследствии, особенно во время империи, всадники обычно начинали свою военную карьеру с должности центуриона. Так как в древности не все должности центурионов имели одинаковый ранг, то центурионы должны были последовательно проходить через все эти должности. Введение когорт несколько упростило эту сложную систему. Сверхкомплектные центурионы не имели своих центурий, а несли вспомогательную службу, исполняя разные поручения.

Центурия (сотня) — в военном отношении призывная единица, первоначально выставлявшая одну центурию, т. е. сотню пехотинцев или всадников. Очень рано, однако, центурия стала функционировать исключительно как призывное деление, не связанное определенным числом выставляемых солдат. В то же самое время под словом «центурия» понималась воинская часть, насчитывавшая 100 пехотинцев или всадников.

Цецина Авл, Север — в 6 г. н. э., будучи наместником в Мезии, воевал с паннонцами. В 14—15 гг., когда Германик воевал с хаттами, Цецина совершил набег на херусков и затем вернулся со своими четырьмя легионами на Рейн.

Цицерон (106—43 до н. э.) — древнеримский оратор, философ и государственный деятель, проникнутый идеями староримской республиканской традиции. Ему принадлежит ряд дошедших до нас сочинений по теории слова, речей, философских трактатов и писем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН И ГОТЫ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРЕХОД К СРЕДНИМ ВЕКАМ

Сдано в набор 16.4.36. Подписано к печати 13.5.37.

Формат бумаги 72 × 110/16
34,85 авт. л. 25,5 печ. л.
55 120 зн. в 1 печ. л.

Цена книги 7 р. Переплет 1 р. 50 к.
Г—100154

Издательский № 105. Заказ 1483

Адрес издательства: Москва, Орликов пер., 3

2-я тип. Гос. военного издательства НКО СССР
им. К. Ворошилова (Ленинград, ул. Герцена, 1)

21-25

